РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ КИТАЙСКОЕ

МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

XII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

МАТЕРИАЛЫ

Москва, 22–23 июня 2004 г.

Москва 2004

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
Проект № 04-04-14011г

Редакционная коллегия
И. Н. Комарова (отв. редактор)
К. В. Антонян

Редактор
Е. А. Дмитренко

Художник
Н. Г. Иванова

В книге представлены исследования по современному китайскому языку, диалектам китайского языка, языкам национальных меньшинств Китая, а также ряду других изолирующих языков. Значительное место в книге занимают проблемы лексикологии, грамматики, рассматриваются вопросы фонетики, истории языка и методики преподавания китайского языка.

The book presents studies in modern Chinese and its dialects as well as studies in the languages of ethnic minorities of China and studies in some isolating languages of Southeast Asia and Africa. The book contains materials on theoretical description of grammar, lexics and phonetics of the Chinese language. Some papers deal with the history of language and methods of teaching Chinese.

© Институт языкознания РАН, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки» проводятся в Москве с 1982 г. (до 1995 года – под названием «Актуальные проблемы китайского языкознания»).

За двадцать лет эти конференции приобрели широкую известность среди китаистов России, ближнего и дальнего зарубежья. В них участвуют лингвисты, работающие в ведущих научных центрах и учебных заведениях нашей страны, в частности, в Институте востоковедения РАН, Институте Дальнего Востока РАН, Институте языкознания РАН, ИСАА при МГУ им. М.В.Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, МГИМО, Военном университете, Российском государственном лингвистическом университете, Российском государственном гуманитарном университете, Институте практического востоковедения, Дальневосточном государственном университете.[1]

В конференциях принимают участие и специалисты из зарубежных стран, в том числе и китайские ученые, что для нас особенно важно.

Публикуемые материалы дают возможность китаистам ознакомиться с научными исследованиями коллег, а лингвистам иных специальностей – узнать, над чем работают китаисты.

Тематика работ данного сборника охватывает практически все области китайского языкознания: фонетику, фонологию, историческую фонетику и фонологию, диалектологию, морфологию, синтаксис, лексикологию, исследование генетических связей языков Восточной и Юго-Восточной Азии; представлены работы по прикладной лингвистике; есть работы, посвященные китайской письменности, а также работы, выполненные на стыке лингвистики и других областей знания, в частности, искусствоведения.

В материалах конференции публикуются также работы, посвященные методике преподавания китайского языка, и работы, посвя-

---

[1] Отчеты о X и XI Международных конференциях «Китайское языкознание. Изолирующие языки» (2000 г. и 2002 г.) опубликованы в «Вестнике РГНФ» и в журнале «Вопросы филологии» (№ 1 за 2000 г., с. 142-146 и № 1 за 2003 г., с. 110–113).

щенные жизни и творчеству видных отечественных китаеведов-лингвистов.

Некоторые работы посвящены другим языкам Восточной и Юго-Восточной Азии: дунганскому, тайскому, тибетскому, вьетнамскому, кхмерскому, корейскому, языкам малых народов Вьетнама, а также некоторым языкам Африки.

Мы очень рады тому, что в наших конференциях участвует все больше молодых ученых и преподавателей, студентов и аспирантов. Наша особая благодарность – профессору СПбГУ, чл.-корр. РАН В.Б.Касевичу, профессору РГГУ, чл.-корр. РАН С.А. Старостину, д.ф.н. О.И. Завьяловой, профессору Военного университета В.А. Курдюмову, д.ф.н. А.Л. Семенас, профессору ДВГУ А.А. Хаматовой, преподавателям Томского политехнического университета Н.Н.Воропаеву и Ма Тяньюй, которые и сами активно участвуют в наших конференциях, и привлекают к этому своих учеников.

Приятным сюрпризом оказалось для нас число участников нынешней конференции: в сборнике представлена 81 работа! (Отметим, что в 1984 г. было опубликовано 42 работы, в 1986 г. – 35, в 1988 г. – 53, в 1990 г. – 43, в 1992 г. – 49, в 1994 г. – 37, в 1996 г. – 54, в 1998 г. – 54, в 2000 г. – 60, в 2002 г. – 57 работ). Среди участников нынешней конференции – ученые из России, Кыргызстана, Австралии (г. Мельбурн), Китайской Народной республики (г. Пекин, Нанкин, Ухань, Чунцин) и Японии (г. Токио).

Значительно расширилась наша российская «география»: в материалах конференции представлены работы авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Владивостока, Благовещенска, Иркутска, Комсомольска-на-Амуре, Красноярска, Новосибирска, Рыбинска, Томска, Челябинска, Читы. Мы считаем своим долгом выразить глубокую признательность издательству «Муравей» и лично директору издательства Владимиру Яковлевичу Кофману за содействие в распространении информации о нашей конференции.

Мы выражаем благодарность Российскому гуманитарному научному фонду, при финансовом содействии которого проводится данная конференция (проект № 04-04-14011г).

Мы надеемся, что конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки» будут проводиться и в дальнейшем. Приглашаем ученых – в том числе начинающих – к сотрудничеству!

Редколлегия

В.Е. Андреев, г. Владивосток

К ВОПРОСУ О НОВЫХ АФФИКСАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Появление большого количества неологизмов в современном китайском языке (СКЯ) привлекает внимание как китайских, так и отечественных лингвистов. Ряд работ посвящен проблемам образования неологизмов китайского языка. В данной работе мы постараемся осветить некоторые вопросы образования неологизмов китайского языка при помощи аффиксального (в частности полуаффиксального) способа словообразования, выявить пути появления аффиксальных элементов, а также выделить наиболее продуктивные аффиксальные элементы, участвующие в создании неологизмов.

Известно, что в период проведения политики реформ и открытости бурные изменения в общественной и экономической жизни Китая породили появление новых реалий в жизни китайского общества, что в свою очередь вызвало появление большого количества новых слов СКЯ. Ученые единодушно отмечают следующие характерные черты образования новых слов китайского языка:

– большинство новых слов китайского языка образовано традиционным способом словообразования китайского языка – словосложением;

– появилось множество новых аффиксов и полуаффиксов, посредством которых образован ряд новых слов китайского языка;

– происходит активное проникновение в китайский язык иноязычной лексики, а также лексики из Тайваня и Гонконга;

– исконное китайское слово приобретает новое значение, либо начинает употребляться устаревшее слово в современной лексике;

– а также множество других особенностей [2; 3; 4; 6].

Как указано выше, аффиксация в китайском языке все активнее участвует в словообразовании китайского языка, причем лингвистами отмечается появление большого количества новых аффиксальных элементов китайского языка. Об этом свидетельствуют работы

Яо Нумина, Шэнь Мэньина, Тао Ляня, Чэнь Гуанлэя и многих других [2; 3; 4; 5; 6;].

Яо Нумин провел анализ новых слов китайского языка и выявил, что, хотя традиционный способ словообразования китайского языка – словосложение – до сих пор является основным способом, но аффиксальное словообразование также играет довольно активную роль в создании новых слов китайского языка. Из 1220 новых слов китайского языка 169 было образовано при помощи аффиксальных элементов, что составляет 13,9 % [7: 296].

Тао Лянь, анализируя способы словообразования неологизмов, появившихся в китайском языке в период с 1978 по 2000 гг., приводит 18 префиксов и полупрефиксов и 54 суффикса и полусуффикса. Из 2805 неологизмов, рассматриваемых в его работе, 93 новых слова было образовано при помощи префиксации и полупрефиксации (3,32 %), а при помощи суффиксации и полусуффиксации было образовано 354 слова (12,62 %) [6: 107–111]. В его работе приведены морфемы, аффиксальный характер которых не вызывает сомнений (такие как 阿- a-, 反- fan-, 非- fei-, 老- lao-, -化 -hua, -机 -ji, -家 -jia, -手 -shou, -性-xing, -员 -yuan, -者 -zhe, -子 -zi), а также и так называемые «новые аффиксальные морфемы». Это такие морфемы, как 超- chao-, 大- da-, 多- duo-, 软- ruan-, -度 -du, -风 -feng, -户 -hu, -盲 -mang, -迷 -mi, -热 -re, -坛 -tan, -星 -xing, -族 –zu [6: 107–111].

Как справедливо отмечает Цзян Эньцин, образование новых слов китайского языка при помощи аффиксации становится способом словообразования, привлекающим внимание специалистов в силу того, что множество новых слов СКЯ образовано с помощью аффиксальных элементов, как традиционных, так и новых. Развитие аффиксов СКЯ способствовало развитию аффиксации как способа словообразования. Анализ развития этого слоя лексики помогает, с одной стороны, проследить закономерности развития словообразования современного китайского языка, с другой стороны, – выявить пути взаимодействия китайского языка с другими языками [4: 169].

Так, например, в 50-х гг. XX в. в СКЯ появились слова 软席 ruanxi «мягкое сиденье», 软卧 ruanwo «(мягкое) место в спальном вагоне» и другие слова, содержащие морфему 软 ruan. В то время в КНР было сильно влияние Советского Союза, и эти два слова

являются заимствованными из русского языка и переведенными на китайский язык. Впоследствии 软 ruan превращается в именной полуаффикс с сильной словообразовательной способностью. В последнее время этот словообразовательный элемент породил большое количество новых слов, таких как 软包装 ruanbaozhuang «мягкая упаковка», 软件 ruanjian «компьютерная программа», 软科学 ruankexue «гуманитарные науки», 软环境 ruanhuanjing «духовная обстановка», 软饮料 ruanyinliao «легкие напитки», 软着路 ruanzhuolu «мягкая посадка» (употребляется в двух значениях – прямом и переносном) и т.д.

В «Словаре современного китайского языка» (ССКЯ) указаны 5 новых слов, образованных посредством этого полупрефикса [8: 1715]. Все эти слова – существительные. Это такие слова, как 软广告 ruanguanggao «скрытая реклама», 软环境 ruanhuanjing «духовная обстановка», 软科学 ruankexue «гуманитарные науки», 软着陆 ruanzhuolu «мягкая посадка», 软资源 ruanziyuan «виртуальные материалы». Производящей основой у этих слов, за исключением слова 软着陆 ruanzhuolu, являются слова-существительные. Этимологически этот полупрефикс восходит к знаменательному слову «мягкий; гибкий; слабый; неважный». Однако в таких словах эта морфема, как нам кажется, не является знаменательной, а является полупрефиксом, так как:

1. не имеет значения «мягкий; слабый»;
2. обладает высокой продуктивностью;
3. имеет коррелят «мягкий; гибкий; слабый»;
4. оформляя именные основы, создает существительные.

Исследователями, помимо вышеупомянутого элемента 软 ruan, отмечается активизация таких элементов, как 常- chang-, 超- chao-, 多- duo-, -感 -gan, -类 -lei, -族 -zu, -户 -hu, -坛 -tan, -化 -hua, -风 -feng, -盲 -mang, -度 -du, -热 -re, -业 -ye, -迷 -mi и множества других [2; 3; 5; 6; 7].

Все эти аффиксальные элементы характеризуются высокой продуктивностью, например, очень продуктивен полусуффикс -族 -zu, образующий слова, обозначающие людей, которых объединяет либо профессия, либо интересы, либо способ существования. Например:

追星族 zhuixingzu «фанаты эстрадных звезд»;

上班族 shangbanzu «работающие в государственных учреждениях»;

打工族 dagongzu «люди, зарабатывающие на жизнь временными подработками (гастарбайтеры)»;

工薪族 gongxinzu «люди, у которых основной источник существования – зарплата»;

持卡族 chikazu «пользующиеся кредитными карточками» и т.д.

В плане структурного устройства, слова, оформленные этим полусуффиксом мы разделили на следующие:

Существительное + -族 -zu = существительное:

工薪族 gongxinzu «пользующиеся кредитными карточками».

Глагол + -族 -zu = существительное:

上班族 shangbanzu «работающие в государственных учреждениях»;

打工族 dagongzu «зарабатывающие на жизнь временными подработками (гастарбайтеры)».

Глагольно-объектное словосочетание + -族 -zu = существительное:

持卡族 chikazu «пользующиеся кредитными карточками»;

追星族 zhuixingzu «фанаты эстрадных звезд».

Атрибутивное словосочетание + -族 -zu = существительное:

私车族 sichezu «имеющие личный транспорт»;

金领族 jinlingzu «занятые в сфере высоких технологий, высокооплачиваемые специалисты».

Следует отметить, что большинство слов, образованных при помощи этой морфемы, – трехсложные образования. В качестве производящей основы выступают двухсложные образования.

По каким же путям происходит появление новых аффиксальных элементов и каковы критерии разграничения новых аффиксальных элементов в СКЯ? В отечественном языкознании проблемами разграничения аффиксов как от корневых морфем, так и от полуаффиксов занимался В. А. Цыкин.

Кратко весь процесс превращения самостоятельного слова в словообразовательный аффикс В. А. Цыкин характеризует следующим образом:

1. Самостоятельные слова, вступая в определенные синтаксические отношения, образуют словосочетания; в результате словослияния, или лексикализации словосочетания, компоненты которых часто употребляются в речи рядом, образуются сложные слова, которые ха-

рактеризуются определенным типом отношений между компонентами – аналогом синтаксических отношений между словами в словосочетании; закрепление типа отношений между компонентами в сложном слове означает образование типа словосложения – наиболее общей схемы соединения компонентов в сложном слове; образование новых слов происходит уже по готовой модели, а не в результате стихийного процесса словослияния [1: 72].

Это видно на примере полусуффикса -热 -re, коррелят которого 热 re имеет значение «теплота; горячий; греть; жар». Слова, образованные с помощью этого полуаффикса, обозначают появление или начало какого-нибудь явления, действия, которое становится популярным, модным, происходит своеобразный «бум». Например:

出国热 chuguore «бум путешествий за границу»;

汉语热 hanyure «бум китайского языка»;

海南热 Hainanre «бум отдыха на Хайнане»;

托福热 Tuofure «бум TOEFL».

Сам полусуффикс -热 -re является образованным от слова 热潮 rechao «подъём».

出国热潮 chuguo rechao ~ 出国热 chuguore «бум путешествий за границу»;

自学热潮 zixue rechao ~ 自学热 zixuere «бум самообразования».

Затем в результате морфемной контракции слово деформируется, в результате от слова остается наиболее близкая к лексическому ядру морфема, которая становится полуаффиксом.

Этот элемент, на наш взгляд, является очень продуктивным, с его помощью можно образовать бесчисленное количество слов, как-то:

手机热 shoujire «бум мобильной телефонии»;

中国热 Zhongguore «бум Китая» (например в Южной Корее);

足球热 zuqiure «футбольный бум»;

电脑热 diannaore «бум компьютеризации»;

英语热 yingyure «бум английского языка» (что происходит сейчас в Китае) и т.д.

2. Частое использование компонента сложного слова в одной функции приводит к образованию в языке лексического ряда и к качественному изменению сложного слова; лексические, грамматиче-

ские и фонетические изменения компонента сложного слова приводят к изменению его грамматического статуса, он перестает осознаваться полнозначным корнем, ограничивается его употребление, он приобретает обобщающее словообразовательное значение, хотя и осознается родственным исходному корню. Словообразовательная морфема становится полуаффиксом. Вместо сложного слова, образованного по модели словосложения, появляется слово производное, вместо типа словосложения – тип словопроизводства.

3. Дальнейший процесс лексического обесцвечивания приводит к разрыву родственных отношений исходного корня и полуаффикса. Вместо двух вариантов знаменательной морфемы появляются две морфемы, полуаффикс становится аффиксом [1: 72].

Следует также отметить, что, по мнению китайских лингвистов, большинство новых аффиксальных элементов порождает именные слова, что, впрочем, объясняется тем, что аффиксация в китайском языке традиционно представлена именными аффиксами.

Как нам кажется, аффиксальное словопроизводство и далее будет развиваться в современном китайском языке. Потенциал продуктивных аффиксальных элементов еще не исчерпан до конца, поэтому детальное и более тщательное изучение особенностей этого явления еще впереди.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цыкин В. А.* Именное словопроизводство в современном китайском языке. Дисс... канд. филол. наук.
2. 陈光磊 汉语词法论. 上海: 学林出版社, 2001, 304 页. *Чэнь Гуанлэй.* Лексика китайского языка.
3. 陈光磊 改革开放中汉语词汇的变动 // 汉学论丛. 上海:汉语大词典出版社. 第一辑, 49–59 页. *Чэнь Гуанлэй.* Изменения в китайском языке в период политики «реформ и открытости».
4. 姜恩庆 语言接触与现代汉语词缀化新词 // 语言教学与研究. 北京: 航空工业出版社, 1999, 346 页, 169–171 页. *Цзян Эньцин.* Языковое взаимодействие и неологизмы китайского языка, образованные путем аффиксации.
5. 沈孟瓔 再谈汉语新的词缀化倾向 // 词汇新研究. 北京: 语文出版社, 1996, 195–205; 页. 陶炼 改革开放以来汉语新词语构词分析 // 汉学论丛. 太原: 山西古籍出版社, 2002, 105–130 页. *Шэнь Мэньин.* Еще раз о новых тенденциях в аффиксации китайского языка.

6. 陶炼 改革开放以来汉语新词语构词分析 // 汉学论丛. 太愿: 山西古籍出版社, 2002, 105–130 页. Анализ новых слов китайского языка, образованных в период политики «реформ и открытости»
7. 姚奴铭 中国大陆新时期新词语的产生途径 // Китайское языкознание. Изолирующие языки: Материалы X международной конференции. – М., 2000. – С. 293–300. *Яо Нумин*. Пути образования неологизмов в материковом Китае в новое время.
8. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2002, 1768 页. Словарь современного китайского языка.

SUMMARY

The paper is devoted to affixal morphemes of Chinese language, which take an active part in word-formation of new words. Affixal derivation becomes more popular in Chinese word-formation. The author analyzes works of Chinese scientists and describes the most productive affixal morphemes. In several examples the author tries to explain the ways of new affixal word-formation and to show how these morphemes occure.

В.А. Андреева, г. Москва

СИСТЕМА ОТСЫЛОЧНЫХ ПОМЕТ БОЛЬШОГО ВЬЕТНАМСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ (БВРС)

При создании системы грамматических, стилистических, отраслевых, частотных, отсылочных и иных помет авторам любого, в частности двуязычного, словаря приходится решать ряд лексикологических проблем в рамках избранной лексикографической концепции. Вопрос выбора той или иной системы помет неотделим от способа решения таких важнейших проблем лексикологической теории, как определение типов лексических единиц, представленных в словаре, разграничение слова и словосочетания (что особенно актуально для языков изолирующего типа), осуществление стилистической дифференциации словарного состава языка, выяснение семантических противопоставлений, существующих между различными лексическими единицами, характер исторического изменения лексики и т.д. Система помет БВРС в сравнении с другими вьетнамско-иноязычными словарями отличается наибольшей полнотой и глубиной характери-

стики лексических единиц, что обусловлено как объемом, так и академическим и полифункциональным характером словаря. В данном докладе в основном анализируется система отсылочных помет, принятая в БВРС.

Как известно, в целях экономии места и компактности изложения в каждый двуязычный и иной словарь включается известное и часто довольно значительное количество чисто отсылочных статей, отсылающих пользователя от одной словарной статьи к другой, в то же время внутри словарных статей также существуют отсылочные зоны, в которых сообщается дополнительная информация, полезная пользователю для более полного понимания значения и употребления данной словарной единицы.

Среди отсылочных словарных статей в БВРС выделяются следующие типы единиц, от которых даются отсылки: а) орфографические и фонетические варианты – отсылаются к нормативному; б) устаревшие, редкие единицы – к современным; в) диалектные единицы – к общеупотребительным; г) повторы – к исходному варианту; д) полные или очень близкие синонимы – от более употребительных к менее употребительным, от стилистически окрашенных – к нейтральным.

Орфографические отсылки отражают диалектные, исторические либо менее употребительные варианты произношения. При наличии нескольких орфографических вариантов написания для определения нормативной словарной единицы авторы БВРС руководствовались Толковым словарем вьетнамского языка Института языкознания под ред. Хоанг Фе и Орфографическим словарем вьетнамского языка 1995 г. Среди отсылок данного типа можно выделить следующие основные группы: 1) ***Инициали.*** Наличие орфографических вариантов здесь связано со следующими моментами: а) неразличение в северном, в частности в ханойском, диалекте среднеязычного смычного глухого согласного /c/, обозначаемого ch, и ретрофлексного переднеязычного смычного глухого согласного /ṭ/ – tr, переднеязычного щелевого глухого согласного /s/ – x и переднеязычного ретрофлексного щелевого глухого согласного /ṣ/ – s; переднеязычного щелевого звонкого согласного /z/ – d, gi и переднеязычного ретрофлексного щелевого звонкого согласного /ẓ/ – r. (Следует отме-

тить, что ряд авторов придерживаются мнения о существовании в данном случае двух вариантов фонетической нормы). Например: chập chùng – см. trập trùng (đồi núi trập trùng); chưng bày – см. trưng bày; chòng chành – см. tròng trành (thuyền tròng trành trên sóng dữ); trùng trình – см. chùng chình (việc gấp mà cứ chùng chình mãi); trơ vơ – см. chơ vơ (cây đa đứng chơ vơ giữa đồng); sề sệ – см. xề xệ, sam (*диал.*) – см. sạm (da sạm đen), xổng xểnh – см. sổng sểnh, xuyt$_2$ (*устар.*) – см. suýt (suýt ngã), xải – см. sải (sải dầu), săm sắn – см. xăm xắn; dã dượi (*диал.*) – см. rã rượi (rã rượi cả chân tay); dâm bụt – см. râm bụt; dọi$_4$ – см. rọi; б) существование случаев т.н. орфографической синонимии, т.е. обозначения одной и той же фонемы двумя или более чем двумя способами, в частности, звук /z/ может записываться двояко: z и gi. Примеры таких отсылок: dàn$_1$ – см. giàn, dang$_1$ – см. giang$_1$, dày$_1$ – см. giày$_2$ (voi giày), dẫm – см. giẫm (chân giẫm phải-gai), dâu da (cây) – см. giâu gia, giãn – см. dãn, giông tố – см. dông tố; в) наличие диалектных фонетических вариантов произношения некоторых начальных фонем, в частности произношение в ряде провинций Северного Вьетнама сонорных носовых согласных: переднеязычного /n/ и среднеязычного /ŋ/ вместо сонорного ртового согласного /l/, например: nhẽ – см. lẽ; nhem – см. lem; nhem nhuốc – см. lem luốc; nhời – см. lời; nhố nhăng – см. lố lăng; nhóng nhánh – см. lóng lánh (mắt đen lóng lánh). Во всех рассмотренных случаях в БВРС дается отсылка к нормативному варианту без указания частей речи и без разработки единицы. Если речь идет о диалектной фонетической норме, устаревшем варианте написания либо произношения, даются соответствующие пометы: *диал. С. (Ю., Ц.)* либо *устар.* Иногда при некоторых диалектных вариантах наряду с отсылочной пометой может быть дан пример употребления данной единицы в типичном контексте для облегчения понимания русскоязычным пользователем. 2) ***Слогообразующие и конечнослоговые гласные***. К появлению различных вариантов здесь приводит: а) неразличение в северном варианте вьетнамского языка звуков а, кратких ă и â в некоторых словах, например: (con) tằm произносится tầm, cặp sách – cập sách, màu (sắc) – mầu и т. п., что ведет к наличию соответствующих орфографических вариантов. В подобных случаях дается отсылка к принятому в качестве нормы фонетическому варианту южного произношения, например: mầu sắc *диал. – см.* màu sắc;

nẩy nở *диал. – см.* nảy nở; cầy$_2$ *диал. – см.* cày; thày *диал. – см.* thầy; gẩy – см. gãy; gầu – см. gàu. При определении нормативного варианта авторы БВРС руководствовались Толковым словарем вьетнамского языка под ред. Хоанг Фе. Отсылки данного типа также даются без разработки и без частеречных помет; б) отсутствие строгой единой орфографической нормы написания конечнослоговых гласных в открытых слогах в словах обычно ханьвьетского происхождения после согласных h, k, l, m, t. Написание i (i ngắn) или y (i dài) в этих слогах, не нарушающее законов орфографии вьетнамского языка, попрежнему остается одной из нерешенных проблем. Несмотря на предпринятую некоторое время назад попытку унификации, состоящую в решении писать в данных слогах i (i ngắn), данное решение пока не находит последовательного применения, и оба способа написания существуют в виде вариантной нормы. Авторы БВРС также включили в состав словника словаря оба орфографических варианта, не ставя своей целью унификацию написания, в частности, в иллюстративных материалах к словарным статьям. Однако все же встает вопрос о приоритетности какого-либо одного из двух вариантов, поскольку это диктуется необходимостью алфавитного расположения словарных статей. По этому вопросу среди авторов словаря пока не наблюдается единства и последовательности. Думается, что здесь все же следовало бы исходить из преобладающей практики, существующей на данный момент в средствах массовой информации, а также из привычного употребления подавляющим большинством носителей вьетнамского языка, которое зачастую не поддаётся четкому обоснованию. Так, например, носители вьетнамского языка в большинстве своем пишут i (i ngắn) в словах: lông mi, mị dân, но y – в словах Mỹ (nước Mỹ, mỹ lệ и т.п. – подобных примеров можно привести немало). Также и в подавляющем большинстве центральных средств массовой информации повсеместно встречается написание через y (i dài) таких слов, как: đăng ký, kỷ niệm, ký kết, quản lý, pháp lý, xử lý, tỷ, hy sinh, công ty и т. п. Представляется разумным и в БВРС также принять за основной вариант написание данных слов через y, в то же время давая к нему отсылку от формы с i. Например, pháp lí – см. pháp lý. В тех же случаях, когда алфавитный порядок не нарушается, целесообразно давать второй существующий вариант в скобках рядом с основным, в

данном случае отсылочная статья не требуется, например: hành lý (lí). (Такие случаи, впрочем, весьма редки). 3) ***Иноязычные заимствования***. Дискуссия об орфографических нормах написания иноязычных заимствований и передачи имен собственных орфографическими средствами вьетнамского языка ведется во вьетнамском обществе в течение ряда последних лет, высказываются различные точки зрения и приводится различная аргументация в их защиту. Рядом ученых разделяется и тот подход, к которому пришли авторы БВРС: принять написание иностранных заимствований, терминологии и имен собственных через дефис, давать также и слитный вариант написания с отсылкой к дефисному варианту. В то же время слитный (как и дефисный) вариант написания дается не в орфографии оригинала, как принято в Толковом словаре под редакцией Хоанг Фе, а во вьетнамской транскрипции. Полностью или в большей степени ассимилированные иноязычные заимствования даются без дефиса, иногда с тональными характеристиками. Например: ắc quy – аккумулятор; ăcquy – см. ắc quy, mô đem – модем; môđem – см. mô đem; mo rát – корректура; morat – см. mo rát. В случае если отсылка дается на другой том словаря либо отстоит на значительном расстоянии в пределах одного тома, при ней может быть дан одновременно основной, обычно однословный, русский эквивалент для удобства пользователя.

Диалектизмы. Среди диалектизмов мы можем выделить лексико-фонетические, лексико-семантические и собственно лексические диалектизмы. Следует отличать так называемые этнографизмы (этнографические диалектизмы) – слова, называющие понятия, характерные только для быта, хозяйства определенной местности и не имеющие параллелей (синонимов) в литературном языке. Естественно, от этнографизмов не даются отсылки к другим единицам. Лексико-фонетических диалектизмов мы уже частично коснулись выше, приведем ряд других примеров: nác *диал. Ц.* (Thanh Hóa, Nghệ Tĩnh) – см. nước; giăng *диал. С.* – см. trăng; giời *диал. С.* – см. trời, nhứt *диал. С.* – см. nhất, trọt *диал. Ю.* – см. trượt и т.д. Обычно частеречные пометы в подобных отсылках не даются. Лексико-семантические диалектизмы имеют значение или одно из значений иное, чем в литературном языке. Например, слово chén (чашка) в южном диалекте имеет дополнительное значение «пиала». Слово hòm (ящик, сундук) в провинции

Нгетинь имеет дополнительное значение «гроб». Слово đau («испытывать боль, болеть») в южном диалекте значит «болеть, страдать какой-либо болезнью». В таких случаях предлагается не давать отсылок к общеупотребительным единицам, а давать разработку данного значения с пометой о диалектной принадлежности, с тем чтобы пользователь мог подобрать подходящий ему эквивалент словарной единицы, не будучи вынужденным отыскивать одно из его значений где-то в другом месте или даже в другом томе словаря. Что касается собственно лексических диалектизмов, то тут также хотелось бы предложить дифференцированный подход к применению отсылок. Представляется, что отсылка была бы уместна, если включённая в словарь диалектная единица отличается относительной малоупотребительностью и малоизвестна среднему носителю языка. Также хотелось бы предложить исключительно для удобства пользователя давать после отсылки краткий, если возможно, однословный русский эквивалент. Если это предложение вызывает возражение, можно было бы прибегнуть к другому приёму: дать после эквивалента либо перед ним помету *см. тж.* с указанием общелитературного эквивалента. Например, местоимение choa (употребляется в Центральном Вьетнаме) может быть дано следующим образом: choa *диал. Ц. см.* tao; или: choa *đ мест. диал. Ц. см.* tao я; или: choa *đ мест. диал. Ц. см. тж.* tao я. Более предпочтительным автору представляется третий вариант, для чего предлагается ввести в словарь новую отсылку *см. тж.*, которой раньше не было. Другие примеры подобного типа: heo *d. сущ. диал. Ю. см. тж.* lợn свинья. В этой же статье приводится и поговорка nói toạc móng heo (где нельзя заменить heo на lợn).

Повторы. Как известно, повторы широко распространены во вьетнамском языке. В БВРС не даются полные повторы, однако широко представлены так называемые дивергентные повторы. Они выносятся в отдельные словарные статьи и отсылаются к главному слову, где даются после двух параллельных черт с указанием на характер варьирования лексического значения: многократность, интенсивность, уменьшительность, усиление либо ослабление значения и т.п.

Синонимы. В силу специфики синонимических источников во вьетнамском языке существует весьма значительное количество синонимичных лексических единиц, в том числе, довольно близких или

даже полных синонимов. В таких случаях дается отсылка от менее употребительного, стилистически окрашенного синонима к более употребительному, нейтральному, что позволяет избежать повторения в двух статьях одинакового ряда переводящих эквивалентов. Как правило, в отсылочной статье в подобных случаях даются стилистические либо оценочные пометы. Однако авторы стремились все же не злоупотреблять отсылками в подобных случаях, поскольку при полной семантической адекватности сфера употребления, оценочная характеристика и, следовательно, сочетаемость единиц как правило различаются.

Фразеологические синонимы в БВРС, вынесенные в отдельную словарную статью, не отсылаются на другие статьи. Что же касается многочисленных лексических и композиционных вариантов фразеологизмов, то они выносятся в отдельные словарные статьи, где снабжаются буквальными переводами компонентов и отсылаются к более употребительному варианту. Например: châu chấu đá voi *кузнечик пинает слона – см.* châu chấu đá xe *кузнечик пинает телегу* (моська лает на слона); bốn biển năm châu *четыре моря, пять континентов – см.* năm châu bốn biển *пять континентов, четыре моря* (повсюду, во всем мире).

Вьетнамскому языку, как и ряду других восточных языков, присуще интересное структурно-семантическое явление, особо широко распространившееся в последнее время: наличие большого числа слов, тождественных по значению, но структурно имеющих разный порядок следования одних и тех же компонентов (так называемые трансформированные синонимы). Например, tranh đấu – đấu tranh, tha thiết – thiết tha, thông cảm – cảm thông, đau đớn – đớn đau, khắt khe – khe khắt, da diết – diết da и т.д. Большинство исследователей считают подобные единицы структурными вариантами слов и относят это явление к словообразовательной, а не лексической синонимии. В БВРС также дается разработка более употребительной единицы, а менее употребительный вариант отсылается к исходному. Однако представляется, что более правильным был бы другой подход, при котором, возможно, следовало бы приводить эквиваленты перевода при обоих словах подобного рода, а при менее употребительном варианте давать помету *см. тж.* В пользу такого подхода, как представляется, свиде-

тельствует тот факт, что в процессе функционирования в языке эти слова-дуплеты все более и более расходятся семантически и для носителя языка они обладают различной экспрессивно-эмоциональной выразительностью.

В некоторых выявленных нами случаях взаимозамена вариантов оказывается недопустимой, например, в Толковом словаре вьетнамского языка дается следующая отсылка: ăn làm – см. làm ăn, однако в выражении đối tác làm ăn недопустима замена làm ăn на ăn làm и, следовательно, недопустима отсылка от одной словарной статьи к другой. В процессе составления словаря таких случаев выявляется немало. Выяснение закономерностей стилистических и семантических сдвигов, типа связей внутри слов, допускающих подобную перестановку компонентов, их частеречной и семантической характеристик представляет собой интереснейшую задачу для исследователя и составителя словаря.

К.В. Антонян, г. Москва

ЕДИНИЦЫ ТЕКСТА И ЕДИНИЦЫ СЛОВАРЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Текст может быть разбит на единицы, обладающие грамматическими свойствами слова. Пример разбиения на такие единицы текстов, написанных на современном китайском языке и других языках Азии и Африки, приведен, например, в работе «Квантитативная типология языков Азии и Африки» (1982) (в дальнейшем КТ). Авторы исходят из того, что "слово характеризуется, во-первых, относительной цельностью и, во-вторых, относительной свободой, способностью к самостоятельному употреблению" [КТ 1982: 18]. Как основной авторы используют критерий, предложенный П.С.Кузнецовым: слово определяется как звуковая последовательность, в которую не может быть включена другая последовательность того же уровня. Используется также критерий цельнооформленности, введенный А.И.Смирницким (морфологический показатель оформляет слово в целом, а не его часть или словосочетание).

Однако выделенные из текста в соответствии с грамматическими критериями единицы (их можно назвать «грамматическими словами»; в текстах, написанных на современном китайском языке, – это, как правило, двуслоги) далеко не всегда являются «инвентарными словами», то есть не являются устойчивыми и воспроизводимыми. Это подтверждается следующими фактами.

1. Единица, вычлененная из текста и обладающая грамматическими свойствами слова, далеко не всегда может быть обнаружена в толковых и переводных словарях.

Эта особенность китайского языка отмечается во многих работах. Например, Ю.В.Рождественский приводит данные, что 60% слов рассказа Ба Цзиня «Лунная ночь» не зафиксированы в «Китайско-русском словаре» под редакцией И.М.Ошанина, содержащем около 80 тыс. слов и выражений [Рождественский 1963: 181].

2. «Грамматическое слово» в ряде случаев может оказываться непонятным (даже носителю языка) вне контекста, для которого оно было создано.

Рассмотрим оба вышеупомянутых круга явлений на примере результативных конструкций (РК).

Заметим, что результативные конструкции удовлетворяют критериям «грамматического слова», поскольку они синтаксически самостоятельны, цельнооформленны (отрицание и грамматические показатели относятся к РК в целом) и не допускают никаких вставок, кроме инфиксов de/bu [Задоенко 1958: 84].

1. Представление РК в словарях.

Мы рассмотрели то, как представлены результативные конструкции в следующих словарях современного китайского языка: (1) Daoxu xiandai hanyu cidian («Обратный словарь современного китайского языка»; материал этого словаря (словник и толкования) совпадает с материалом словаря «Xiandai hanyu cidian»); (2) Nixu xiandai hanyu cidian («Обратный словарь современного китайского языка»); (3) Dongci nixu cidian («Обратный словарь глаголов»); (4) Xinbian hanyu cidian («Новый словарь китайского языка»); (5) Dongci yongfa cidian («Словарь сочетаемости глаголов»); (6) Xinbian hanyu duogongneng cidian («Новый полифункциональный словарь китайского языка»).

Было рассмотрено представление в этих словарях результативных конструкций со следующими вторыми компонентами: cheng 'удаться', 'превратить в'; dao 'достигнуть'; diao 'упасть'; jian 'увидеть'; shang 'подняться'; zhao 'коснуться'; zhu 'остановить' (всюду указаны исходные вещественные значения данных морфем).

Материал был обработан следующим образом: из словарей (1) – (4) (это обратные словари) были выбраны все РК с указанными вторыми компонентами; затем было проверено их наличие в словарях 5 и 6. Таким образом, словники словарей 5 и 6 были сопоставлены не во всем их объеме, а на подмножестве единиц, представленных в словарях 1–4.

Полученный материал позволяет увидеть, что наборы представленных в данных словарях РК существенно различаются.

Приведем таблицу 1, в колонках которой для каждой из морфем-ДЭ приведены числа (число конструкций и доля в % по отношению к общему количеству представленных РК), показывающие, сколько конструкций с таким вторым компонентом входит соответственно во все 6 рассмотренных словарей, сколько конструкций входит по крайней мере в 5 словарей и т.д.

Таблица 1

Морфема-второй компонент	Число РК с данным вторым компонентом, входящих по крайней мере в:					
	6 словарей	5 словарей	4 словаря	3 словаря	2 словаря	1 словарь
cheng	2 13,3%	5 33,3%	9 60%	10 66,7%	11 73,3%	15 100%
dao	2 14,3%	3 21,4%	5 35,7%	7 50%	10 71,4%	14 100%
diao	0	1 10%	1 10%	2 20%	7 70%	10 100%
jian	0	2 11,1%	7 38,9%	12 66,7%	15 83,3%	18 100%
shang	0	0	0	4 66,7%	6 100%	6 100%
zhao	0	0	0	3 75%	4 100%	4 100%
zhu	0	0	1 4,3%	5 21,7%	14 60,9%	23 100%

Материал таблицы 1 позволяет увидеть, что для морфем diao, jian, shang, zhao и zhu вообще нельзя говорить о каком-либо минимальном наборе конструкций, входящих во все словари. Для морфем cheng и dao доля конструкций, входящих во все 6 словарей, составляет очень небольшую часть набора представленных конструкций (соответственно 13,3% и 14,3%).

Если рассмотреть числовые данные о попарных пересечениях словников рассмотренных словарей по РК с данными вторыми компонентами (число конструкций и доля в % по отношению к общему количеству представленных РК), то окажется, что наборы РК, представленные в различных словарях, очень мало пересекаются. Наибольшее значение имеет средний показатель попарных пересечений для cheng: 40, 1%. Для прочих морфем этот показатель еще меньше, ср. dao – 29%, diao – 12%, jian – 25%, shang – 15,6%, zhao – 16,7%; наименьшее значение имеет этот показатель у zhu – 8,2%.

Необходимо отметить также, что в ряде случаев в словарь включаются свободно выводимые РК, например ban-dao 'сделать', xiang-dao 'подумать о', ting-jian 'услышать', gan-shang 'догнать', kao-shang 'поступить в институт', dang-zhu 'преградить'. Не совсем понятно, почему из всей массы потенциально существующих РК с такими вторыми компонентами (для shang и dao они исчисляются сотнями, для zhu число возможных комбинаций равно 99) были отобраны именно эти РК.

Как представляется, полученные данные позволяют говорить, во-первых, о том, что словники словарей китайского языка можно считать отражениями гипотетического «инвентаря готовых единиц» лишь с очень большими оговорками, а во-вторых, о том, что границы «инвентаря готовых единиц» очень размыты.

Следует отметить также, что механизм образования РК является продуктивным, и в текстах можно встретить конструкции, которые представляют собой окказионализмы и вряд ли могут быть учтены словарем.

Например, морфема bao 'сытый' приведена в словаре DCYF в разделах dongjieshi 'результативная форма глагола' словарных статей только двух глаголов: chi (1) 'есть' и he 'пить' (то есть возможны РК chi-bao 'наесться' и he-bao 'напиться'). Это не значит, что bao вообще

не может сочетаться ни с какими другими глаголами. Например, в романе Цянь Чжуншу «Weicheng» («Осажденная крепость») (с. 19) нам встретился следующий пример:

Xiao Fang, ni dao mei sheng bing? O, wo mingbai le! Bao xiaojie xiuse ke can, ni **kan-bao** le bu yong chi fan le.

Сяо Фан, ты не заболел? О, я понял! Барышня Бао уж такая аппетитная, вот ты и насмотрелся так, что теперь можно и не обедать.

В предложении

ni	**kan-**	**bao**	le
ты	смотреть	сытый	ПСВ/МЧ

bu	yong	chi	fan	le
не	нужно	есть	пища	МЧ

морфема bao присоединяется к глаголу kan 'смотреть'; образуемая РК обозначает буквально 'насытиться с помощью смотрения'. Ясно, однако, что выражаемый в данном примере смысл является очень нестандартным, а сочетание kan-bao – очень нетипичным. Исчислить и предусмотреть в словаре все возможные сочетания такого типа, по-видимому, невозможно.

Существуют также РК, в принципе неполные и непонятные вне контекста, в рамках которого они были построены. Перейдем к рассмотрению этого круга явлений.

2. Результативные конструкции, являющиеся синтаксически и семантически неполными вне контекста.

В качестве иллюстрации можно привести особый тип РК, который в отечественной литературе не подвергался специальному обсуждению. В словаре DCYF предложения с подобными РК описываются как предложения, в которых глагол присоединяет дополнение не напрямую, а только через дополнительный элемент результата (dongci hou dai jieguo buyu zai dai binyu) (DCYF: 6). Глагол, не оформленный дополнительным элементом результата, не мог бы присоединить такое дополнение.

Рассмотрим некоторые такие предложения.

Haizi	**ku-**	**pao**	le	keren.
ребенок	плакать	убегать	ПСВ	гости

Ребенок плакал так, что гости убежали.

Та	**ao-**	**bai**	le	toufa.
он	страдать	белый	ПСВ	волосы

Он поседел от страданий.

В первом предложении сказуемым является РК ku-pao 'плакать'-'убегать', во втором – РК ao-bai 'страдать'-'белый'. Обе эти конструкции: (1) произносятся беспаузно, (2) неспособны к разъединению (за исключением возможности инфиксировать de/bu), (3) обладают свойством цельнооформленности (показатель совершенного вида le оформляет конструкцию в целом). Эти конструкции функционируют в предложении так же, как простой глагол: оба предложения допускают ba-трансформацию, ср.

Haizi	ba	keren	dou	ku-	pao	le.
ребенок	ПВД	гости	Ч	плакать	убегать	ПСВ/МЧ

Ребенок плакал так, что гости убежали (букв. 'Ребенок своим плачем вынудил гостей убежать').

Та	ba	toufa	dou	**ao-**	**bai**	le.
он	ПВД	волосы	Ч	страдать	белый	ПСВ/МЧ

Он поседел от страданий (букв. 'Своими страданиями он воздействовал на волосы так, что они побелели').

Глаголы ku 'плакать' и ao 'страдать' сами по себе не могут присоединять дополнения keren 'гости' и toufa 'волосы' (*ku keren, *ao toufa). Дополнения в этих предложениях семантически связаны не с глаголом, а с дополнительным элементом (вторым компонентом РК).

Как отмечает А.Картье, по смыслу подобные предложения очень похожи на предложения с дополнительным элементом степени и легко могут быть трансформированы в предложения с дополнительным элементом степени, ср.

(1)	kan	de	yanjing	dou	hua	le
	читать	Ч-ДЭС	глаза	Ч	рябить	МЧ

(2)	ba	yanjing	dou	**kan-**	**hua**	le
	ПВД	глаза	Ч	читать	рябить	ПСВ/МЧ

'в глазах рябит от чтения';

(1)	shuo	de	shetou	diao	le
	говорить	Ч-ДЭС	язык	упасть	МЧ

(2) ba shetou **shuo-** **diao** le
ПВД язык говорить упасть ПСВ/МЧ
'язык отваливается от болтовни' (Cartier 1972: 36-37).

Итак, конструкции ku-pao и ao-bai обладают признаками грамматических слов. Но тем не менее они не являются и не могут являться единицами инвентаря, так как вне контекста они непонятны (эксперименты с информантами показали, что на слух при изолированном произнесении данные конструкции не опознаются; если же они предъявлялись в иероглифической записи, информанту далеко не сразу удавалось придумать ситуацию, в которой данная конструкция могла бы быть употреблена).

Подобные конструкции существуют и функционируют как слова только в составе предложения, будучи синтаксически и семантически связанными с конкретными актантами.

Класс подобных конструкций является, судя по всему, открытым. Ср. следующие примеры из DCYF:

han- **ya** le sangzi
кричать сиплый ПСВ горло
осип от крика (букв. 'криком сделал горло осипшим')

chi- **huai** le duzi
есть- плохой ПСВ живот
получил расстройство желудка (букв. 'едой испортил желудок')

Ba cao **ba-** **teng** le shou.
вытягивать траву вытягивать болеть ПСВ руки
Руки заболели от прополки.

Конструкции han-ya, chi-huai, ba-teng по своим грамматическим свойствам являются словами. Тем не менее они не являются «инвентарными словами»; вне контекста они просто непонятны.

В этой же связи можно рассмотреть РК, второй компонент которых представляет собой глагол, управляющий именной группой со значением места (по С.Е.Яхонтову и Н.Н.Короткову – глагольно-предложные сочетания, [Яхонтов 1957: 96], [Коротков 1968: 65-66]. Рассмотрим, например, предложения, содержащие конструкцию '*глагол + dao (или shang) + именная группа со значением места*', ср.

Wo	ba	ta	**song-**	**dao**
я	ПВД	он	провожать	достигнуть

le	menkou.
ПСВ	дверь

Я проводил его до двери.

Ba	luo	shui	de	haizi
ПВД	упасть	вода	АЧ	ребенок

jiu-	**shang**	an
спасти	на (ДЭ)	берег

Вытащить упавшего в воду ребенка (букв. «спасти упавшего в воду ребенка на берег»).

Функционирующие в роли сказуемого морфемные комплексы song-dao 'проводить' – 'достигнуть' и jiu-shang 'спасти' – 'подняться на' грамматически характеризуются теми же свойствами, что и прочие РК, а именно: (1) произносятся беспаузно, (2) неспособны к разъединению (за исключением возможности инфиксировать de/bu), (3) обладают свойством цельнооформленности (показатель совершенного вида le оформляет конструкцию в целом). Подобные конструкции представляют собой грамматические слова. Тем не менее они не являются единицами инвентаря. Они семантически и синтаксически неполны вне определенных элементов контекста и функционируют как слова только в определенном контексте.

Рассмотренные выше особенности соотношения единиц словаря и единиц текста в китайском языке показывают, что не все единицы текста, обладающие грамматическими свойствами слова, являются в то же время единицами инвентаря. Более того, в целом ряде случаев грамматические слова оказываются синтаксически и семантически неполными вне определенных элементов контекста и поэтому вообще не имеют шансов превратиться в единицы инвентаря. Как представляется, приведенные наблюдения еще раз подтверждают тезис о несовпадении морфологического (грамматического) и лексикологического аспектов слова в современном китайском языке и в типологически сходных с ним языках [Касевич 1988: 173–176].

ЛИТЕРАТУРА

Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. – М., 2003.

Задоенко Т.П. Результативные глагольные образования в современном китайском языке // Советское китаеведение. – М., 1958. – №2.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М., 1988.

Квантитативная типология языков Азии и Африки. – Л.,1982.

Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. – М., 1968.

Рождественский Ю.В. О границах сложного слова в китайском языке // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9–16 августа 1960 г. – М., 1963. – Т.5.

Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. – Л., 1957.

Cartier A. Les verbes résultatifs en chinois moderne. – Paris, 1972.

Daoxu xiandai hanyu cidian. – Beijing, 1987. (Обратный словарь современного китайского языка. – Пекин, 1987).

Dongci nixu cidian. – Fuzhou, 1986. (Обратный словарь глаголов. – Фучжоу, 1986).

DCYF – Dongci yongfa cidian. – Shanghai, 1987. (Словарь сочетаемости глаголов. – Шанхай, 1987).

Nixu xiandai hanyu cidian. – Shenyang, 1985. (Обратный словарь современного китайского языка. – Шэньян, 1985).

Qiań Zhongshu. Wei cheng. – Beijing, 1991. (Цянь Чжуншу. Осажденная крепость. – Пекин, 1991).

Xiandai hanyu cidian. – Beijing, 1984. (Словарь современного китайского языка. – Пекин, 1984).

Xinbian hanyu cidian. – Changsha, 1990. (Новый словарь китайского языка. – Чанша, 1990).

Xinbian hanyu duogongneng cidian. – Beijing, 1989. (Новый полифункциональный словарь китайского языка. – Пекин, 1989).

SUMMARY

A word as a lingusitic unit has two sides: grammatical and lexicologocal. A word as a grammatical unit is characterized by syntactic freedom, inseparability of its components; grammatical markers are related to the word as a whole. Lexicologically, a word is a unit of a certain inventory (lexicon); it is reproduced rather than produced in speech; it is characterized by certain semantic integrity; it can be recognized and understood even when it is used separately. In Chinese and typologically similar languages grammatical and lexicological words do not necessarily coincide (Kassevich 1988).

In this paper this phenomenon is examined on the material of resultative verb compounds (RVCs). RVCs possess the characteristics of a grammatical word: they are syntactically free, their components are inseparable (it is only infixes *de/bu* that can be inserted between the verb and the complement of result); grammatical markers are related to an RVC as a whole. But, viewed lexicologically, many RVCs are not units of lexicon. The paper shows the following.

1. Some RVCs are occasional and are used in a very limited number of very specific contexts.

2. There is a certain type of RVCs that are semantically and syntactically bound to the object, e.g. ***kan-hua*** *le yanjing* 'got flickering in the eyes (because of too much reading)', ***han-ya*** *le sangzi* 'shouted himself hoarse'. Being extracted from the context, these RVCs appear to be syntactically and semantically incomplete and are not easily recognized and interpreted even by Chinese native speakers.

This also refers to the RVCs in the construction *Verb + Resultative Complement + NP-place*, e.g. ***jiu-shang*** *an* 'save (someone, having taken him) to the bank of the river'.

The paper also analyzes the strategies of the representation of RVCs in the dictionaries.

Г.А. Баженов, г. Москва

СИМВОЛИКА ТИГРА В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ТАЙВАНЯ

В традиционной культуре Китая, в частности в языке и фольклоре, существует огромное количество высказываний, связанных с тигром. Основной ареал обитания тигра простирается от Средней Азии до Китая и Индокитая. Поскольку тигр водится только в Азии, то в европейской, американской и русской литературе практически не существует сказок, пословиц и поговорок, связанных с этим животным. В «Пословицах русского языка» В.И. Даля нет текстов, связанных с тигром. В российском Приморье обитает амурский тигр, являющийся самым крупным хищником Дальнего Востока. В дальневосточном фольклоре (амурская сказка «Семь страхов») смелый герой Индига проходит через тигриное стойбище и находит своего брата с девушкой из тигриного рода.

Постепенно тигр становится символом Азии. Некоторые страны и территории (Южная Корея, Сингапур, Гонконг, Тайвань) из-за впечатляющих успехов в своем стремительном экономическом развитии в Азиатско-тихоокеанском регионе получают название «азиатских малых драконов», во всех остальных частях света они больше известны как «азиатские тигры». Символом XXIV Олимпийских игр, проходивших в столице Южной Кореи, Сеуле, в 1988 году, был тигр – олицетворение удачи. Китайцы приписывали тигру способность приносить счастье, изгонять болезни и горе, поэтому картинки с его изображением помещались на главной входной двери. Это животное почиталось также как один из стражей четырех сторон света.

Тигр издавна считался в Китае самым крупным, свирепым и красивым из хищников, водившихся там в изобилии, считался хозяином леса и царем зверей. В древности люди боялись и ненавидели тигров, поэтому часто их убивали. Однако, так и не сумев подчинить себе тигров, люди стали им поклоняться, а некоторые племена даже стали их любить и почитать. Они верили, что ведут от тигра свое происхождение. 5000 лет тому назад в китайской культуре наряду с образом дракона уже существовал образ тигра. До наших дней дошли изделия из бронзы 3000-летней давности в форме плоского кольца, украшенные изображениями тигра.

Образ тигра менее популярен в китайской культуре, чем образ дракона, пользовавшийся особой любовью китайских императоров. Однако оба образа в китайском языке нередко выступают в паре. Например, описание погодных явлений присутствует в выражении «тучи насылает дракон, а ветер – тигр». Когда две ведущие спортивные команды играют между собой, китайцы называют такую игру «схваткой дракона с тигром». Идиома «полет дракона и прыжок тигра» означает стремительное движение вперед; «живой дракон и бодрый тигр» – бодрость и энергию; «дракон скрывается, тигр затаивается» передает скрытый героизм, готовый проявиться в любой момент; «дракон сворачивается, тигр сжимается» служит для описания красивых гор.

Тигр – герой многих китайских сказок, романов и повестей. Первым известным тигроловом был Фэн Фу, о котором упоминается в трактате «Мэн-цзы», созданном более 2300 лет тому назад. Одним

из примеров сыновней почтительности в известной книге «Двадцать четыре образца сыновней почтительности» был Хуан Сян, который «придушив тигра, спас отца». Самый известный рассказ о сражении человека с тигром – это эпизод «У Сун убивает тигра» из классического романа XVI в. Ши Найаня «Речные заводи», в котором описываются события, имевшие место в конце эпохи Северная Сун (960–1127).

Тигр – один из двенадцати китайских знаков зодиака. В представлениях китайцев тигр символизирует жизнь, здоровье, могущество и процветание. Люди верят, что нося амулеты или символические знаки с изображением тигра, можно избежать зла и обрести счастье. Некоторые родители надевают на ребенка шапочку и обувь с изображением головы тигра и называют сына «тигренком», чтобы он вырос таким же сильным. Мешочки-обереги в виде тигра надевают на детей в день праздника Лодок-драконов. Китайцы порой носят подвески в виде тигра или ожерелье с тигровым клыком или когтем, игроки же носят с собой тигровые усы – считается, что чем больше у тебя усов, тем больше денег ты выиграешь. Приготовленное на пару кушанье из теста в форме тигра является подарком с благопожеланием. В древности императоры использовали эмблемы с изображением тигра при передвижении войск. Белый же тигр символизирует несчастье, и в деревнях матери, желая успокоить плачущего ребенка, пугали его «старухой-тигрицей», которая якобы поедает капризных детей.

В отличие от материкового Китая, на острове Тайвань никогда не водилось тигров. Предки нынешних тайваньцев принесли на остров немало элементов культуры, связанной с образом тигра. Во многих храмах поклоняются тигру как божеству, почтительно называя его «господин Тигр» (Ху Э), поскольку люди верят, что на нем ездит верхом Бог земли и что тигр также является слугой Владыки-хранителя жизни (Баошэн Дади). Повсюду на стенах храмов можно встретить красочные рельефы с изображением тигра. Даосы считают, что Владычица-матушка (Ванму Няннян) является воплощением тигрицы.

В деревнях раньше люди писали иероглиф 虎 hǔ «тигр» на щеке ребенка, заболевшего свинкой, которая в китайском просторечии называется «кожа свиной головы», для того чтобы «тигр съел свинью».

В старинных домах на дверях или стенах иногда можно видеть украшение в виде тигриной головы, которое предназначалось для защиты обитателей дома от злых сил. На горе, находящейся на северо-востоке Тайваня, есть большая стела с иероглифом «тигр», установленная в 1867 году для «подавления ветра», потому что ветры в этих краях бывают очень сильные, а ветер, согласно древнему поверью, насылает «тигр». Государственный флаг Тайваньской Демократической республики, провозглашенной в 1895 году тайваньскими патриотами, выступившими против передачи острова Японии, представлял собой желтое полотнище с изображением тигра.

Слово «тигр» часто используется в китайском языке иносказательно для передачи следующих значений: 1. опасность / риск – «тигриная пасть», «логово тигра», «вырваться из пасти тигра» (спастись от неминуемой гибели), «ловить тигра голыми руками и переходить реку вброд» (рисковать, идти напролом); 2. хищник / злодей – «тигрица» (мегера, фурия), «тигр, перехватывающий путника на дороге» (разбойник с большой дороги), «деспотическое правление – более хищное, чем сам тигр»; 3. страх – «при упоминании о тигре перемениться в лице»; 4. жадность – «тигриный взгляд» (пожирать глазами), «заглатывать как волк, пожирать словно тигр» (жадно есть); 5. выдающиеся качества – «генерал-тигр», «сын тигра»; 6. мужественность / сила – «спина тигра, поясница медведя» (о крепком, здоровом мужчине), «голова тигра, а хвост змеи» (гора родила мышь); 7. царь / князь – «на одной горе обитает только один тигр».

Нами отобраны некоторые из пословиц о тигре для лучшего понимания особенностей данного образа и того, какие традиционные представления имеются у китайцев об этом животном. Так, если нужно выразить полную пессимизма мысль о невозможности вернуть что-либо отданное, житель Тайваня употребит пословицу 入虎孔无出虎口 rù hǔ kǒng wú chū hǔ kǒu «Попав в логово тигра, не вырвешься из его пасти» (ср. с рус. «У волка из зубов не отнимешь»). Для ироничной характеристики человека, чье двуличие опасней хищника, используется пословица 不惊虎生三支喙，只惊人有两样心 bù jīng hǔ shēng sān zhī huì, zhǐ jīng rén yǒu liǎng yàng xīn «Не бойся, если у тигра даже три пасти, но бойся, если человек двоедушен». Иносказательное высказывание о тех, кто тайно

поддерживает или подстрекает преступника, проводит аналогию между тигром, который служит Богу земли, и верховым конем: 土地公无昼号，虎不敢咬人 tǔ dì gōng wú zhòu háo, hǔ bù gán yǎo rén «Без повеления Бога земли тигр не посмеет укусить человека».

Тайваньцы считают азартные игры глупым занятием и больше уважают торговлю, поскольку она бывает рискованной, как ловля тигра, и требует ума. Это нашло отражение в пословице 赌猪生理虎 jiǎo zhū shēng lǐ hǔ «Азартная игра, что свинья, а торговля – тигр». Оценка стремления к излишествам и призыв к умеренности звучит в пословице 有做虎陷，无做虎撑颔 yǒu zuò hǔ xiàn, wú zuò hǔ chēng hàn «Когда в достатке живешь – как тигр жрешь, а в нищете живешь – рукой подбородок подопрешь» (ср. с рус. «Отложи блины до иного дни»). О невежественном человеке говорят 青盲牛不怕虎 qīng máng niú bù pà hǔ «Слепой бык не боится тигра» (ср. с рус. «От ижицы аза не отличит»), а также 牛仔不怕虎 niú zǎi bù pà hǔ «Теленок тигра не боится» (ср. с рус. «Собака и на владыку лает»). Проявления крайней самонадеянности критикуются в пословице 不敢教猴爬树，哪敢教虎归山？bù gán jiào hóu pá shù , nǎ gán jiào hǔ guī shān ? «Коль не смеешь учить обезьяну влезать на дерево, то как же смеешь учить тигра возвращаться в горы?». Совет не принижать силы противника содержится в следующей пословице: 死虎做活虎拍 sǐ hǔ zuò huó hǔ pāi «Бей мертвого тигра, как живого». Отношения взаимопомощи между родственниками описаны в пословице 打虎掠贼也助亲兄弟 dǎ hǔ lüè zéi yě zhù qīn xiōng dì «Чтобы поймать тигра и захватить разбойника, необходима помощь родных братьев» (ср. с рус. «Братская любовь лучше каменных стен»).

Аналогом русских пословиц «И на старуху бывает проруха», «И на доброго коня бывает спотычка» является тайваньская пословица 虎行路也会盹眼 hǔ xíng lù yě huì dǔn yǎn «Тигр идет, да иногда и вздремнет». Пословицам «Из грязи да в князи», «Лезет в волки, а хвост собачий» соответствует по смыслу тайваньская 虎是虎，狗是狗 hǔ shì hǔ, gǒu shì gǒu «Тигр – (всегда) тигр, собака – (всегда) собака». Русским «Яблоко от яблоньки недалеко падает», «Орел орла плодит, а сова сову родит» аналогична 龙生龙子，虎生虎子 lóng shēng lóng zǐ, hǔ shēng hǔ zǐ «Дракон родит дра-

кона, а тигр – тигра». Негативный результат поиска выхода из сложившейся тяжелой ситуации описан пословицей 走贼撞着虎 zǒu zéi zhuàng zháo hǔ «Бежал от разбойников, да наткнулся на тигра» (ср. с рус. «От волка бежал, да на медведя напал»). Отрицательный опыт общения с женщиной подытожен в пословице惹熊惹虎，不通惹箸赤查某 rě xióng rě hǔ, bù tōng rě zhù chì chá mǒu «Дразни медведя или тигра, но не дразни злую бабу» (ср. с рус. «Лучше раздразнить собаку, нежели бабу»). Идея о преимуществе численного перевеса над противником на поле брани заключена в пословице猛虎未抵得猴群 měng hǔ wèi dǐ de hóu qún «Хищный тигр, а не одолеет стаю обезьян» (ср. с русск. «Два одному рать»). Мысль об отношении к собственным детям ярко выражена в пословице枵虎不食子 xiāo hǔ bù shí zǐ «И голодный тигр не ест своего детеныша» (ср. с рус. «И змея своих черев не ест»). Ненависть народа к полосатому хищнику отражена в пословице怨虎连虎屎也怨 yuàn hǔ lián hǔ shǐ yě yuàn «Ненавидя тигра, ненавидишь даже его дерьмо» (ср. с рус. «Любишь меня, так люби и собачку мою» с противоположным смыслом).

Паремиологический фонд языка относится к одному из источников культурно значимой интерпретации фразеологизмов. Большинство пословиц представляют собой установки-стереотипы народного сознания, словесные формулы и клише, являющиеся мощным источником интерпретации вследствие их межпоколенной передачи в качестве установок обыденной культуры, формировавшейся на протяжении многих веков, в которых в виде лаконичных изречений отражаются все категории жизненной философии народа-носителя языка. Фразеологизмы, и в частности анимализмы, играют особую роль в трансляции национально-культурного самосознания народа и его самоидентификации, так как в образном содержании этих единиц воплощено национально-культурное мировидение.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1997.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1998.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: В 2 тт. – М., 1994.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М., 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М., 1996.

Ткаченко Г.А. Культура Китая: Словарь-справочник. – М., 1999.

Ву Колин. Образ тигра в культуре Тайваня // Свободный Китай. - Тайбэй, 1998. – № 1.

SUMMARY

The article describes the role of Tiger symbols in the life and speech of modern Chinese, especially of those inhabiting Taiwan. This animal has also been the symbol of a power and strength in China folklore. There are too little tigers in Russia, and there are no proverbs about tiger in Russian, so proverbs connected with this animal are specifically Eastern. They reflect the most common streaks of character and the relations in the society. Some Taiwanese proverbs illustrate this as common and peculiar in reflecting the language picture of the man in Chinese.

Г.А. Баженов, Москва

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНЫХ ПОЛЯХ В КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (КИТАЙСКИЙ «УМ»: ВРОЖДЁННЫЙ ИЛИ ПРИОБРЕТЁННЫЙ?)

Слова любого языка можно объединить по выражаемому ими смыслу, сгруппировать на основе каких-либо понятий. Подобное деление слов по понятийным группам и лексико-семантическим полям известно давно.

Существование семантических, или понятийных полей, в лексике – факт общепризнанный, но интерпретации и определения такого поля оказываются весьма различными.

Подобные поля существуют и во фразеологии. Все имеющиеся в том или ином языке фразеологические единицы можно подразделить по темам: «Деятельность человека», «Физическое состояние», «Характеристика человека», «Ум – Глупость» «Чувство – состояние»,

«Чувство – отношение», «Труд – Безделье», «Бедность – Богатство», «Пространство», «Время», «Мера» и т.д.

Фразеологизмы могут быть объединены в смысловые поля, в которых мозаично отражается тот или иной фрагмент картины мира, тем самым показывая, как в образном зеркале фразеологических единиц отражаются такие фрагменты мира, как внутренние и внешние свойства человека, физические состояния и действия, чувства-состояния и чувства-отношения, деятельность человека, его поведение, в том числе и речевое, бедность, богатство, характеристика ситуаций, пространство и время. Подобное идеографическое, или понятийное, членение показывает, что само ви́дение мира как бы организовано вокруг человека, так как действительность воспринимается и обозначается человеком в его национально-культурном кругозоре, а это означает, что создается представление, хоть и фрагментарное, о культурно-национальной картине мира, запечатленной во фразеологизмах, а также об антропологическом начале в этой языковой модели мира.

Под понятийными полями понимаются группы фразеологических единиц, объединенных на основе связи их лексических значений с каким-либо общим понятием, которое отражает связи объектов и явлений реальной действительности. Каждое такое поле охватывает, отражает определенный «кусочек» нашего мира.

Хотя «картины мира», сложенные словно из кубиков лексикой языков, в основном совпадают, так как в их основе лежит окружающая нас сходная действительность, всё же у каждого языка есть свои особенности в членении мира.

Концепт – это устойчивое понятие, стоящее над устойчивыми или окказиональными употреблениями, с более сложным объяснением его данности в культуре. Для того, чтобы «проникнуть» в тайну смысла центрального понятия понятийного поля (например, понятийного поля «Ум»), необходим особый подход – исследование данных понятий как устойчивых концептов – с привлечением широкого языкового или культурного контекста. Концептуальный анализ – важный методологический приём, позволяющий постичь тайну смысла центрального понятия тематического поля. Система устойчи-

вых аналогов понимается как система составляющих концепт «Ума» в целом и включает в себя шесть разновидностей «Ума».

Ум – абстрактная сущность – уподобляется тому, что мы наблюдаем в мире: человеку, живому органическому материалу, вещи, инструменту, голове как вместилищу, жизненному пространству.

В современном китайском языке (СКЯ) существует несколько слов, которые обозначают концепт «Ума». Это центральное понятие поля 智慧 *zhihui* (*умный-ум*) – **мудрость, ум**; 才智 *caizhi* (*талант-умный*) – **ум, умственные способности**; 头脑 *tou nao* (*голова-мозги, ум*) – **голова, ум**. Кроме этих ключевых обозначений центра данного поля, существует слово 聪明 *congming* (*умный-светлый, ясный*) со значением **умный, умнеть**, которое может быть отнесено также к одному из центральных понятий китайской концептосистемы ума наряду с другой лексической единицей 机智 *jizhi* (*случай-умный*) со значением **сообразительный**.

В СКЯ существует достаточное количество фразеологизмов понятийного поля «Ум». Отобраны только те фразеологические единицы, которые активно функционируют в СКЯ.

К числу таких фразеологических единиц, активно функционирующих в языке и предающих китайский взгляд на данное понятие, относятся ***чэнъюй***:

决顶聪明 jue ding cong ming (*самый-высочайший-умный-ясный*) – **исключительный, непревзойденный талант, семи пядей во лбу, ума палата**;

聪明才智 cong ming cai zhi (*умный-ясный-талант-умный*) – **умнейший, ума палата**;

耳聪目明 er cong mu ming (*ухо-умный-глаз-ясный*) – **сообразительный, способный**, дословно «острое ухо и зоркий глаз»;

聪明伶俐 cong ming ling li (*умный-ясный-лицедей-смышленый*) – **умный и сообразительный, сообразительный и способный**;

聪明睿智 cong ming rui zhi (*умный-ясный-прозорливый-умный*) – **умный и прозорливый**;

闻一知十 *wen yi zhi shi* (*слышать-один-знать-десять*) – ***умный, сообразительный***, дословно «услышав об одном, догадаться о десяти»;

过目成诵 *guo mu cheng song* (*проходить-глаз-становиться-наизусть*) – ***феноменальная память***, дословно «достаточно раз прочесть и уже помнить наизусть»;

过目不忘 guo mu bu wang (*проходить-глаз-не-забыть*) – **обладать изумительной, феноменальной памятью**;

心灵手巧 xin ling shou qiao (*сердце, душа-сообразительность, интеллект-рука-искусный*) – **светлая голова и золотые руки**;

手急眼快 shou ji yan kuai (*рука-скорый-глаз-быстрый*) – **быстрый, проворный**;

眼观六路，耳听八方 yan guan liu lu, er ting ba fang (*глаз-смотреть-шесть-дорога-ухо*) – **умный, сообразительный**, дословно «глаз смотрит в направлении шести дорог: на север, на юг, на запад, на восток, вверх и вниз, ухо слышит с восьми сторон: с севера, с юга, с запада, с востока, с северо-востока, с юго-востока, с северо-запада и с юго-запада»;

急中生智 ji zhong sheng zhi (*скорый, среди-в-рождать-ум*) – **критический момент рождает ум, в опасный момент появляется быстрая сообразительность, нужда – отец догадки, проявить находчивость в сложных обстоятельствах**.

Как мы видим, в мировидении китайца умен не только человек, наделенный от природы разумом, но и обладающий как разнообразными врожденными талантами и способностями, так и приобретенными умениями и навыками (в русской культуре не являющимися показателями собственно ума).

Приведем в качестве примера для данного утверждения вторую группу фразеологизмов, отражающих, «деятельностную» сторону ума:

多才多艺 duo cai duo yi (*много-талант-много-искусство*) – **многогранный талант, многосторонние способности; и швец, и жнец, и на дуде игрец, мастер на все руки**;

一技之长 yi ji zhi chang (*один-мастерство, сноровка*-определительная первичная лексема-долгий) – **квалифицированный, сведущий, способный**;

薄技在身 bu ji zai shen (*скромное искусство, умение-в, внутри-тело*) – **умелый, способный**;

艺高胆大 yi gao dan da (*искусство-высокое-печень-большая* [*храбрый*]) – **талантливый, с большими способностями**;

游刃有余 you ren you yu (*плавать-острие-иметь-остаток*) – **свободно справляться, владеть в совершенстве**;

德才兼备 de cai jian bei (*обладать-талант-обладать всем*) – **добродетель сочетается с талантом**;

品学兼优 pin xue jian you (*вещь-учиться-в равной мере-преимущество*) – **сочетание моральных и деловых качеств**;

真才实学 zhen cai shi xue (*истинный-талант-правдивый-учиться*) – **талантливый и умный**;

才貌双全 cai mao shuang quan (*талант-внешность-оба-полностью*) – **талантливый и красивый**;

文武双全 wen wu shuang quan (*литература-боевое искусство-оба-полностью*) – **способный и талантливый**;

能文能武 neng wen neng wu (*мочь-литература-мочь-боевое искусство*) – **способный и талантливый**;

精明强干 jing ming qiang gan (*предприимчивый-сильный-делать*) – **предприимчивый и талантливый**;

三头六臂 san tou liu bi (*три-голова-шесть-рука*) – **на все руки мастер, способный ко всему**.

Тематический принцип организации будущих словарей фразеологизмов китайского языка вполне может согласовываться с их активным характером: легче овладеть китайскими фразеологизмами, когда читатель узнаёт, как говорят о свойствах человека, о его внутреннем мире, формах деятельности, пространстве и времени в китайской культуре. Своеобразие китайского ума – в том, что в китайском мировидении умён человек не только разумный, но и обладающий врожденными и приобретенными способностями и навыками.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.

Кобзев А.И., Юркевич А.Г. Чжи // Китайская философия. Энциклопедический словарь. – М., 1994.

Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): Дисс.... канд. филол. наук. – М., 1996.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.

Ван Лицзя, Хоу Сюэчао. Фэньлэй чэнъюй цыдянь (Словарь устойчивых выражений по темам). – Гуанчжоу, 1985.
Ду Вэньфэй. Синьбянь Чжунго чэнъюй гуши (Новый сборник китайских устойчивых выражений чэнъюй).: В 2 тт. – Ханчжоу, 1997.
Лю Ецю, Юань Юйсинь, Сюй Чжэньшэн. Чэнъюй шуюй цыдянь (Словарь фразеологизмов чэнъюй). – Бэйцзин, 1995.

SUMMARY

The article deals with the concept of semantic field in modern phraseology. Widely used Chinese idioms representing the universal concept "Mind" are given to illustrate the idea that concept analysis is one of the methods to create new-type dictionary of Chinese idioms.

А.А. Белецкая, г. Москва

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАРОДОВ ВЬЕТНАМА

Вьетнам – многонациональное государство. Число народов, проживающих в нем, еще требует определения. Большинство источников, по которым ведут свои подсчеты демографы, основываются на данных переписи 1989 г. Причем список народов составляется на основе языковой принадлежности. Фактически выделяются не столько народы, сколько языки и диалекты. Именно этим объясняется прежде всего большая дробность классификации.

Принято выделять две сходные по формам хозяйства группы народов страны: равнинных и горных. Основным и безусловно преобладающим в стране остается тип плужных земледельцев жаркого пояса. Вторым важнейшим типом является тип мотыжных земледельцев. Для некоторых этнографических общностей характерен полукочевой образ жизни, а в хозяйстве основную роль играют рыболовство, лов устриц-жемчужин, шелкоткачество и другие виды ремесел.

Все население Вьетнама по лингвистической принадлежности делится на три большие группы, т.е. каждая группа говорит на языках одной из трех языковых семей. По вопросу этнолингвистической классификации существуют различные точки зрения. Здесь мы при-

держиваемся классификации, данной вьетнамскими учеными-лингвистами в монографии «Языки национальных меньшинств и языковая политика», 1984 г. Авторы Хоанг Туе, Нгуен Ван Тай, Хоанг Ван Ма, а также Лук Ван Пао, Буй Кхань Тхе исходят из наличия трех языковых семей: аустроазиатской (họ Nam Á), аустронезийской, или малайско-полинезийской (họ Nam đảo), и китайско-тибетской (họ Hán - Tạng).

К самой многочисленной аустроазиатской семье относят следующие языковые группы:

вьет-мыонгская, в которую входят вьеты, мыонги, тхо, тьыт;

мон-кхмерская, которая в свою очередь делится на более мелкие группы:

– кхмерская (кхмеры, рмам)

– кхому (кхому, синьмун, кханг, манг, оду)

– коту (коту, бру, таой)

– бана (бана, седанг, хре, зечиенг, ко, брау)

– мнонг (мнонг, кохо, ма, стиенг, тёро);

мео – зао, в которую входят хмонг (мео), зао, патхен;

тай – тхай, в которую входят тхай, тай, нунг, коалан, зэй, бои, лы, лао;

кадай, в которую входят лаха, пупео, колао, лати.

К аустронезийской или малайско-полинезийской семье на территории Вьетнама относят тямпскую языковую группу, в которую входят тямы, раглай, тюру, эде, зярай.

К китайско-тибетской семье на территории Вьетнама относят:

бирмано-тибетскую группу (лоло, фула, хани, лаху, конг, шила);

китайскую группу (хоа, шанти, шанзиу).

Авторы отмечают имеющееся лексическое сходство языков, относящихся к разным языковым семьям. Такое сходство наблюдается во вьетнамском языке, китайском языке, языках тхай, тай, зао, пупео в результате их длительного сосуществования на территории Вьетнама.

Общегосударственным официальным языком Вьетнама является вьетский язык. Он же наряду с некоторыми другими языками служит языком взаимопонимания, хотя в быту и в семье общение ведется на родном языке.

Если классифицировать языки этнических общностей по количеству населения, использующих эти языки, то на каждом из следующих языков: тай, тхай, кхмерском, мыонг, нунг, хмонг, зао – говорят соответственно от 850 000 до 350 000 человек. На языках зярай, эде, бана, седанг, шанти, кохо, шанзиу, хре, мнонг, раглай, стиенг говорят от 180 000 до 40 000 человек. На языках бру, зэй, коту, зечиенг, кхому, ма, ко, таой говорят от 40 000 до 10 000 человек. На языках тёро, кханг, синьмун, хани, тюру, лао, лати, лаха, фула, лаху, лы, лоло, тхо, тьыт, манг, патхен, колао говорят от 90 000 до 10 000 человек. На языках конг, бои, шила, пупео, брау, оду, рмам говорят менее 1 000 чел.

В национальном развитии народов любой страны огромную роль играют язык, письменность и литература. Государственной письменностью всего Вьетнама является созданная в XVI – XVII вв. католическими миссионерами на основе латинского алфавита письменность, получившая название «куок нгы» (национальный язык). Ранее в стране существовала национальная иероглифическая письменность «тьы ном».

Древняя письменность существовала у тямов со II в., у кхмеров с V–VI в. и тхай с XII в. В настоящее время тямы провинции Анзянг, исповедующие ислам, пользуются арабской письменностью, тямы провинции Тхуанхай, исповедующие индуизм, имеют старинную тямпскую письменность. Кхмеры имеют ту же письменность, что и кхмеры в Камбодже. Тхайская письменность на основе палийской графики имеет длительную историю, на ней написаны многие произведения тхайского народа. Её используют не только тхаи, но и их соседи, например, са. К тому же тхаи мало знакомы с языком вьетов и в большей степени подвержены лаосскому влиянию.

Китаеязычные народы Вьетнама – хан, хоакьеу, а также народы, живущие вдоль вьетнамско-китайской границы, используют иероглифическую письменность.

В начале XX в., руководствуясь собственными интересами, французы начали усиленно вводить латинскую письменность в районе плато Тэйнгуен. Таким образом у народов бана, зярай, эде, кохо появилась латинская письменность. Большая работа по латинизации языков этнических групп была проведена американскими специали-

стами. За последние десятилетия вьетнамские ученые-лингвисты разработали проекты по введению письменности на основе латинского алфавита для многих этнических групп.

В настоящее время латинская письменность существует у народов тай, нунг, хмонг, зярай, эде, бана, седанг, кохо, хре, мнонг, стиенг, бру, коту, зечиенг, ко, таой, тёро, тюру, реформирована палийская графика письменности тхай.

Многие этнические группы, такие как шанзиу, раглай, тхо, зэй, кхому, кханг, синьмун (пуок), хани, лати, лаха, фула, лаху, лы, лоло, тьыт, манг, колао, конг, бои, шила, пупео, брау, оду, рмам не имеют своей письменности.

Как мы могли убедиться, наряду с широко распространенными и развитыми языками с давно сложившейся письменностью и литературой встречаются в большом количестве бесписьменные языки, которыми пользуются нередко всего несколько тысяч или даже сотен человек. Многие народы наряду с собственными языками пользуются языками соседних, более крупных народов.

Следует также отметить, что вследствие различных причин исторического и культурно-бытового характера в этнографии Вьетнама один и тот же народ имеет по два этнонима и больше. Вполне очевидно, что подобное обстоятельство создает значительные трудности в изучении населения Вьетнама и вызывает необходимость упорядочения этнонимической классификации.

Этнонимы по своему смысловому значению различны. Иногда они непереводимы, иногда означают просто «люди», «человек», а нередко тот или иной народ называется по месту расселения, роду занятий или особенностям материальной культуры, чаще всего исходя из специфики покроя, орнаментировки и расцветки женской праздничной одежды, их головных уборов и причесок. В этнолингвистическую классификацию многие народы входили под названиями, данными или принятыми вьетами (или иноземцами), а не под собственными этнонимами, которые не всегда учитывались этнографами.

В настоящее время вырабатывается определенный научный критерий, который даст возможность избежать ошибок в этнонимике с учетом того, что один и тот же народ, живущий в разных местностях,

подчас называет себя по-разному и что у соседей этот народ может быть известен под различными именами.

Для понимания этнолингвистических процессов во Вьетнаме наибольший интерес представляет не систематизация языков сама по себе, но определение уровня их развития, географического распространения и роли во внутри- и межгрупповом общении.

В настоящее время во Вьетнаме ведется исследовательская работа в области языкознания и лексикографии, о чем свидетельствует выход в свет большого количества разнообразных словарей. В процессе составления словарей ставятся и по возможности решаются такие задачи, как определение микроструктуры, толкование терминов, выработка системы грамматических и стилистических помет, различие устойчивых и свободных сочетаний.... На протяжении нескольких десятков лет осуществляется плодотворное сотрудничество российских и вьетнамских лингвистов как в исследовании вьетнамского языка, так и языков национальных меньшинств.

ЛИТЕРАТУРА

Ngôn ngữ các dân tộc thiểu số ở Việt Nam và chính sách ngôn ngữ. – Hà Nội, 1984.
Một số vấn đề từ điển học. – Hà Nội, 1997.
Hoàng Phê (chủ biên) Từ điển tiếng Việt. – Hà Nội, 2000.

И.Е. Бобрышева, г. Москва

ЭТНОСПЕЦИФИКА УЧЕБНО–ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: ДАЛЬНИЙ ВОСТОК И ЕВРОПА

Стили учебно-познавательной деятельности учащихся стран Дальнего Востока (Китай, Япония, Корея) и Европы (Германия, Франция, Англия) определялись посредством теста Р. Оксфорд, позволившего выявить характерные для означенных групп способы оперирования учебным материалом. Дисперсионный анализ полученных результатов, оценка различий между подгруппами средних данных осуществлялись по методу Г. Шеффе. Результаты дисперсионно-

го анализа и множественных сравнений показали следующие особенности двух метаэтнических групп:

Потенциал дальневосточных студентов:

зрительная модальность на основе моторики (опора на текст, письменная фиксация и т.д.), образное ассоциирование, аппроксимация (опора на ситуацию) и ситуативная догадка, перевод, имитация, аналогия, большой объем тренировки, заучивание, синтез, сравнение (установление тождества), конкретизация, сопоставление своего действия с образцом/образом (контроль), дедуктивное рассуждение, повторение и обзор.

Потенциал европейских студентов:

вербальное ассоциирование, контекстуальная догадка, анализирование (членение, выявление взаимосвязей между частями, осознание принципов организации в целое; словообразовательный, контрастивный языковой, семантический, этимологический, текстовый анализ), сравнение (установление нетождества), дедуктивные рассуждения, перенос (генерализация), формально-логическое абстрагирование (категоризация, классификация), контекстуализация / вербальная функциональность (составление предложений с новыми словами, подстановка и значимость функциональных связей).

Выяснилось также, что этнотипы предпочитают разные способы тренировки в усвоении учебного материала: европейцы ориентированы на ее творческий характер (применение), дальневосточники – на механический (повторение), т.е. для первых важно разнообразие контекста (принцип нетождества), для вторых – его постоянство (принцип тождества).

Необходимо разграничивать понятие контекста и ситуации: если первый является репрезентаментом вербально-знаковой системы, то вторая – бытовой сферы. На фоне такого разграничения становится понятно своеобразие предпочтений европейской метагруппы, ориентированной на контекст (принцип контекста), и дальневосточной, предпочитающей ситуацию (принцип аппроксимации).

Догадка по контексту и контекстуализация говорит также о том, что европейцы акцентуированы на функциональных связях вербального знака (искусственного образования); эта особенность указывает

на то, что данные субъекты больше предпочитают абстрагирование (ориентация на иллюзию).

Прагматика, конкретизм обосновывают введение языковых фактов на основе ситуаций. И не только при изучении тем, введении лексики, но и грамматики (принцип ситуативного погружения, аппроксимации). Данный принцип очень перспективен при обучении дальневосточной метагруппы.

Сформированные в дальневосточных культурах симптомокомплексы говорят о необходимости комплексного введения языковых единиц на основе письма и чтения (принцип комплексного введения языковых единиц). Европейцы, наоборот, предпочитают линейную последовательность и углубленную детализацию, т.е. либо только прослушивание (аудирование), либо только запись (письмо) небольшой группы слов (принцип линейной последовательности).

Предпочтение дальневосточниками перевода и парафразы диктует необходимость использования данных приемов в практике преподавания русского/иностранного языка указанной метагруппе учащихся (принцип семантизации посредством перевода и толкования).

Наиболее предпочитаемым приемом в овладении русским/иностранным языком у дальневосточных учащихся является чтение, использующееся как при ознакомлении лексики, грамматики, так и при обучении говорению. Это дает основание полагать, что чтение может выступать в роли ведущего вида речевой деятельности на начальном этапе обучения указанной метаэтнической группы РКИ.

Опора на моторику (рукописность) дальневосточников свидетельствует о необходимости начинать курс с обучения письму, а не аудированию (имеется в виду общепризнанный вводно-фонетический курс).

Тенденции глобализации (дальневосточники) ориентируют на объемное восприятие учебного материала по принципу: структура (одна форма) – функции (несколько значений) (принцип комплексной функциональности). Тенденции аналитизма (европейцы) – на использование различных форм анализа и линейной последовательности.

Ориентация на объем тренировочных работ и акцентуация на коррекции делают данные приемы «перспективными» в работе с

дальневосточной метагруппой (принцип тщательной тренировки и коррекции).

Специфика «объема» делает также целесообразным обучение означенной метагруппы по принципу опережающей презентации грамматического материала (принцип грамматического опережения). Имеется в виду, прежде всего, получение информации о языке как системе, а затем ее практическое применение, т.е. коммуникативной компетенции должна предшествовать тщательная языковая тренировка.

Доминирование зрительной модальности диктует необходимость учитывать данную особенность в обучении иностранцев за счет увеличения процентного соотношения письма, чтения, при введении объема лексики, а также использования большого числа зрительных опор (пиктограмм, схем, таблиц и т.д.) (принцип зрительного приоритета).

Конкретный знак ориентирует на конкретику, не требующую объективации формально-логического уровня.

Образное ассоциирование в соответствии с данными психологии и семиотики ориентируют на семантику, а вербальное ассоциирование указывает на значимость вербального знака (слова) в культуре.

Выбор в пользу аналогии, в свою очередь, обосновывает дедуктивный способ подачи материала и обучение по моделям и образцам (принцип аналогии).

Ориентация на дедуктивность свидетельствует о том, что на сегодня это универсальное свойство существующих национальных методик, обуславливающееся, очевидно, характером самой образовательной сферы в целом.

Операционализация формально-логического уровня требует использования в обучении европейцев элементов анализа при формировании классификаций, презентации грамматических категорий и т.д. (принцип аналитизма).

Переориентацию на новые учебные стратегии логично осуществлять наращиванием на традиционную основу новых приемов обучения (принцип последовательного замещения приемов).

Поскольку дальневосточные этногруппы учащихся избегают формально-логического конструирования, то оправдана разработка специальной системы тренировочных (возможно, переориентацион-

ных) упражнений. Так при обучении учащихся дальневосточной метагруппы важно увеличивать количество таких групп тренировочных упражнений, которые сопряжены с аналитизмом, классификацией и т.д. Увеличение числа тренировочных упражнений в целом способно развивать также языковую догадку, языковое чутье в рамках расширенной парадигмы синтаксических связей и формировать навыки творческого речепроизводства.

Развитая саморегуляция дальневосточников предполагает некоторую самостоятельность, которую можно использовать в случае предварительного знакомства учащихся с языковым минимумом, организации тренировки по заданной схеме или в работе над ошибками (принцип самостоятельности). Европейских студентов, ориентированных на контекст и слабо владеющих ситуацией, излишняя «самостоятельность» на начальном этапе обучения может «шокировать». Их нужно «вести» по четкой, пошагово спланированной схеме, с предварительным объяснением логики выполняемых заданий.

Артикуляционные навыки, полученные в родных культурах, могут значимо отличаться, поэтому целесообразно учитывать их в практике преподавания русского языка иностранцам (принцип аппроксимации), а также специфику невербального поведения (минимум жестов, сдержанность в общении и т.д.).

Рекомендуется использование в учебном процессе только тех ситуаций, которые не нарушают традиционные нормы учебного взаимодействия. Так при обучении дальневосточных учащихся необходимо соблюдать традиционные для них принципы «дистанции» и «сохранения лица» (исключены прямые контакты и публичное порицание). Европейцы более либеральны, но и их поведение регламентировано.

Данные показали, что стилевая формализация возможна и обоснована следующими причинами: обнаруживается постоянство признаков внутри этногрупповых и метаэтнических экспериментальных выборок; есть возможность компенсаторного преодоления слабо выраженных признаков; обнаруживается связь внутренних (психических) и внешних (социокультурных) признаков деятельности; компоненты деятельности изначально определенным образом структурированы и образуют согласованные подструктуры; присутствует

стилевой разброс между метаэтническими группами: разные по способам варианты выполнения деятельности и т.д.

Иначе говоря, дальневосточную метагруппу характеризуют следующие свойства: визуальная, рукописная, глобализующая, когнитивно проста, регуляционная, интровертная; европейскую – невизуальная, артикулирующая (аналитическая), когнитивно сложна, экстравертная.

SUMMARY

This article presents the metaethnic styles of study activities of foreigners in the Russian languages' art of mastering.

В.В. Боровский, г. Москва

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ РАЗВЕРНУТОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРИ ОБУЧЕНИИ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В данном докладе основное внимание будет сосредоточено на создании синтаксической модели китайского языка. На наш взгляд, такая модель, при условии, что она отражает черты топикового строя, способна заметно облегчить как процесс обучения китайскому языку, так и понимание обучающимися характера построения высказывания на китайском языке.

В психолингвистической трактовке модели языка объединяются два её аспекта: общая модель механизма порождения речи и частная модель, представляющая собой внешний результат порождающего процесса, сфокусированный в пределах структуры высказывания. Разумеется, правомерно рассматривать любое получающееся на выходе (во внешней реализации) высказывание, отвечающее нормам языка, как типовое отражение и как результат действия общей модели порождения речи (с тем условием, что синтаксический уровень следует понимать как вообще уровень предикации, на котором объективно существуют все знаковые единицы языка).

Однако мы тотчас же должны констатировать, что для получения такой модели – высказывания на выходе – индивидуум должен обладать уже готовым механизмом порождения иноязычного выска-

зывания. По нашему мнению, такой механизм не может быть предъявлен сразу в развёрнутом виде; процесс обучения как раз должен состоять в том, чтобы создать этот механизм путём поэтапного введения фрагментов речи. То есть, подразумевается обучение по учебным синтаксическим моделям, созданным на основе психолингвистической.

Как же соотносятся свойства учебной модели языка со свойствами лингвистических моделей? В трактовке Ю.Д. Апресяна лингвистическая модель, во-первых, является «функциональной аппроксимацией объекта», отражающей его структурный механизм, во-вторых, представляет собой «идеализацию объекта», т.е. его схематизацию, отражающую лишь самое существенное в объекте. Таким образом, предполагается, что, чем выше степень абстракции, тем идеальнее схема и тем адекватнее отражает она сущность объекта.

По словам Ю.Д. Апресяна, «подобная модель оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, т.е. понятиями об идеальных объектах». Учебная же модель должна оперировать единицами языка – материальными знаками. Ей в большей степени свойственны речевые операции с естественным материалом языка, в то время как лингвистическая модель формальна, крайне отвлечена от речевых операций.

Универсальная лингвистическая модель рассматривается нами как организация (структурные отношения) составляющих знаковых единиц в предложении на глубинном уровне. По нашим взглядам, для формирования структуры предложения как предикативной единицы важными являются категории предицируемого и предицирующего компонентов предложения. Иначе говоря, предикативные отношения в предложении между структурными составляющими заключаются в «утверждаемой говорящим характеризации одного из компонентов оппозиции (предицируемого) другим (предицирующим)...»[1]. Предицируемым компонентом можно считать топик, который вводит то, о чем говорится в предложении -- предмет, лицо, действие, признаки и т.п., а предицирующим – комментарий, который характеризует топик (уточняет, описывает, дополняет, поясняет и т.п.). Термины «топик»

---

[1] *В.А. Курдюмов.* Идея и форма. – М., 1999.

и «комментарий» были введены лингвистами Пражской лингвистической школы, а в данном осмыслении впервые представлены Хоккетом: «предикативные конструкции в самом общем виде характеризуются при помощи понятий «топик и комментарий»... говорящий сначала вводит топик, а потом сообщает что-либо о нём».

Большой вклад в развитие топиковой концепции на основе китайского языка внесли Чжао Юаньжень и Ч. Ли и С. Томпсон. Они охарактеризовали китайский язык как «язык с выдвижением топика» и предположили, что наиболее естественным для носителя китайского языка является построение фразы по схеме «топик – комментарий». Тем не менее, они рассматривали эти понятия на синтаксическом уровне и объясняли топик как полноправный член предложения, подобный подлежащему. Мы же рассматриваем топик и комментарий как психолингвистические концепты и не противопоставляем топик подлежащему, а считаем, что подлежащее лишь один из возможных вариантов выражения (проявления) топика на синтаксическом уровне. Иначе говоря, универсальная лингвистическая модель соответствует глубинной психолингвистической «топик – комментарий». А учебная синтаксическая модель языка есть не что иное, как организация структурных компонентов лингвистической модели на синтаксическом уровне. То есть, применительно к китайскому языку, это способы выражения топика и комментария в предложении. Таким образом, понятия топика и комментария становятся ключом к пониманию универсальности построения высказывания.

С нашей точки зрения, существующие модели и системы, построенные на основе выделения в китайском предложении подлежащего, сказуемого и других элементов, свойственных русскому языку, не способны охватить все особенности строя китайского (топикового, изолирующего) языка, и отчасти препятствуют процессу осмысления природы его строя, как это видно на следующих примерах:

一年不见，弟弟高多了。

Год не виделись, младший брат намного стал выше.

我的病不用吃药，休息一、两天自然会好。

Для того, чтобы вылечить мою болезнь, лекарства не нужны, отдохну денёк, другой, сама пройдет.

买这种药，必须有大夫的证明。

Для того, чтобы купить такое лекарство, нужен рецепт врача.

Ряд исследований, проводимых в рамках предикационной концепции языка, показывают и доказывают, что при построении альтернативных моделей, которые могли бы претендовать на универсальность, гораздо удобнее «пользоваться» категориями, выводимыми на основе анализа языков топикового строя. В таких языках: а) отсутствуют «лишние» элементы, которые можно охарактеризовать как «внешние», «поверхностные», «вторичные», способные «затенить», исказить сущность языка; б) гораздо более явно выражены элементы и отношения, которые можно охарактеризовать как базовые, в частности, отношение «топик – комментарий».

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в основе построения полноценной синтаксической модели должна лежать лингвистическая модель; синтаксическая модель китайского языка должна основываться на таких понятиях как «топик» и «комментарий», а понятия «подлежащее», «сказуемое» и др. должны рассматриваться как разновидности топика и комментария в высказывании. Для применения в процессе обучения китайскому языку лингвистическая модель дополняется, тем самым обосновывается необходимость создания развернутой синтаксической модели.

SUMMARY

In this article we focus our attention on the syntactic model for Chinese. In our opinion the model fully reflects the topical language structure and can be used in process of teaching. We consider the universal psycholinguistic model as the organization of composing units at the interior level. According to our studying, "topic" and "comment" are essential psycholinguistic concepts of forming this model. The syntactic teaching model is the organization of composing elements of the linguistic model at the syntactic level.

П.П. Ветров, г. Москва

КЛАССИФИКАЦИЯ ИДИОМ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА («ПУТУНХУА») НА ОСНОВАНИИ ВЫДЕЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ

Под идиомами здесь подразумеваются фразеологические единства и фразеологические сращения, являющиеся по функции в предложении эквивалентами слов [Виноградов 1986:28]. Это сочетания слов, вовлеченных в метафору (либо другой троп) в рамках такого смыслового подобия, которое лежит в основе номинативного замысла и того, что обозначается сочетанием слов в его «буквальном» значении.

Предлагаемая классификация строится на основе принципа, предложенного В.Н.Телией, которая исходит из того, что весь комплекс идиом любого языка делится на идиомы идентифицирующие, или индикативные, и образные, или квалифицирующие. В соответствии с этим подходом идиомы могут по отношению к своему денотату выполнять две различные номинативные функции: квалифицировать либо идентифицировать.

К **квалифицирующим** идиомам относятся те, в которых метафора или (реже) какой-либо другой троп способны создавать новые концепты в области обозначения «непредметной» действительности. Восприятие объектов[1] таких идиом всегда связано с осознанием их отвлеченности от свойств предметов или вещей, которые обеспечивают появление образа в идиоме. Квалифицирующие идиомы не описывают напрямую свой объект, а дают его интерпретацию, квалифицируют признаки или качества объекта, именно по этой причине квалифицирующие идиомы наделены функцией выразительности.

К **идентифицирующим (индикативным)** по своим значениям идиомам относятся те, в которых порождается конкретный, или портретирующий, тип значений. Этот тип идиом обозначает действительность, непосредственно воспринимаемую органами чувств, и попол-

---

[1] Термин «объект» в данном контексте вбирает в себя все то, на что указывает своим значением определенная идиома: это может быть некая ситуация, событие, действие, качественная характеристика свойств лица, его ментальные состояния и чувства.

няет тот запас лексикона, который обеспечивает наименование артефактов, лиц по роду их профессиональных занятий, по принадлежности к определенному социальному слою, либо по особенностям их отношения к другим лицам. Таким образом, назначение такого рода идиом – отобразить свойства уже существующей реалии, поэтому здесь не наблюдаются процессы семантического синтеза, приводящие к появлению нового объекта. Тропы, задействованные в идентифицирующих идиомах, в большинстве случаев экспрессивно нейтральны. Как пишет В.Н.Телия, «образное основание в таких значениях выходит из игры, так как оно отвлекает от собственно идентификации, а часто – просто и мешает идентификации» [Телия 1996:161].

Надо заметить, что массив значений таких идиом крайне беден, так как в целом большинство идиом представляют собой полипризнаковые ситуативные знаки, которые интерпретируют объекты из реального мира через образное основание, в связи с чем не могут обладать способностью «прямой» референции.

При анализе идиом китайского языка за основу их классификации была взята полевая организация, которая впервые наиболее полно для русского языка была разработана В.Н.Телией в соавторстве с Д.О.Добровольским, М.Л.Ковшовой и рядом других ученых. Ключевым понятием классификации здесь является понятие семантического поля, поскольку именно семантические поля есть те конструктивные элементы, которые составляют языковую модель мира. При этом процесс систематизации идиом-фразеологизмов осуществлялся в этом смысле в направлении «снизу вверх» – от значения идиом к их полевой принадлежности.

С учетом сказанного мы проводили анализ идиом китайского языка через полевые структуры, причем только тех идиом, которые создают портретирующий тип значений. Объектом анализа служили фразеологизмы-идиомы двух классов: «чэнъюй» («классические идиомы») и «гуаньюнъюй[1]» («привычные речения»), то есть те единицы, которые относятся к «ядру» фразеологического состава китайского языка. Большинство единиц, традиционно включаемых в состав

[1] Далее сокращенно – г.ю.ю.

этих двух классов, являются именно идиомами[1]. Идиомы класса «чэнъюй» пришли в современный китайский язык (в первую очередь – литературный) из древне-, среднекитайского языков, в отличие от этих идиом подавляющее большинство идиом класса «привычных речений» появились в китайском языке только во второй половине XX в.

В китайском языке можно выделить следующие семантические поля, составляющие область значений идентифицирующих идиом класса привычных речений и класса «чэнъюй»:

1. Идиомы сферы обозначения конкретных «вещей» – объектов, сделанных человеком.

1.1. 雕梁画栋 ⟨чэнъюй⟩ diāo liáng huà dòng 'роскошно декорированное здание /строение/' (дословно: резные [фигурные] балки и расписные стропила) [книжн.]

1.2. 孔方兄 ⟨г.ю.ю.⟩ kǒng fāng xiōng (ирон.) 'деньги /медные монеты/' (дословно: братишки с квадратными отверстиями) [книжн./разг.]

1.3. 柴米油盐(酱醋茶) ⟨г.ю.ю.⟩ chái mǐ yóu yán (jiàng cù chá) 'предметы первой необходимости' (дословно: топливо – рис – масло – соль – (соевый соус – уксус – чай) [разг.]

Пример употребления:

人的衣食住行是离不开柴米油盐的。 "В повседневном быту человеку никак не обойтись без предметов первой необходимости".

2. Идиомы сферы обозначения природных явлений, состояний.

2.1. 绿水青山 ⟨чэнъюй⟩ lǜ shuǐ qīng shān 'красивый пейзаж' (дословно: зеленые [глубокие] воды и синие горы) [книжн./разг.]

2.2. 月落星沉 ⟨чэнъюй⟩ yuè luò xīng chén 'короткий отрезок времени перед рассветом' (дословно: луна зашла [и] звезды утонули) [книжн./разг.]

---

[1] Следует отметить, что не все речения класса «чэнъюй» (равно как и класса «привычных речений») представляют собой идиомы. Тем не менее, следует признать, что количественно идиомы преобладают и среди единиц класса «чэнъюй» и среди единиц класса «привычных речений». Мы не «ставим знака равенства» между всем классом «чэнъюй» (или всем классом «привычных речений») и понятием идиома, а исследуем выборочно только те речения означенных классов, которые полностью отвечают понятию идиомы, данному нами в начале статьи.

3. Идиомы, которые ориентированы на типовое представление о предназначении человека к определенной сфере деятельности, о его социальном статусе или этнической/расовой принадлежности.

3.1. 拿笔杆儿的 ⟨г.ю.ю.⟩ ná bǐgǎnrde 'работник интеллектуального труда; писатель' (дословно: держащий перо/[пишущую] ручку) [разг., нейтр.]

3.2. 拿枪杆子的 ⟨г.ю.ю.⟩ ná qiānggǎnzi 'военнослужащие' (дословно: держащие винтовки) [разг., нейтр.]

Интересно отметить, что эту идиому, как правило, используют селяне, рабочие.

3.3. 碎嘴子 ⟨г.ю.ю.⟩ suì zuǐzi 'ворчун' (дословно: болтливый/ворчливый рот) [разг.]

3.4. 三只手 ⟨г.ю.ю.⟩ sān zhī shǒu 'карманный вор' (дословно: третья рука) [книжн./разг., негатив.]

Логика идиомы здесь такова: если пропала вещь – значит помимо двух рук самого владельца вещи, к ней имел доступ некто другой – вор, которого называют «третья рука».

3.5. 胡同串子 ⟨г.ю.ю.⟩ hútong chuànzi 1. 'мелкий уличный торговец, разносчик'; 2. 'человек, выросший в районе пекинских переулков «хутунов», и знающий их как свои пять пальцев' (дословно: переулочный гуляка) [пекинск., разг.]

3.6. 大鼻子 ⟨г.ю.ю.⟩ dà bízi 'иностранец-европеоид' [для китайцев] (дословно: большеносый) [разг., нейтр.]

3.7. 黑毛子 ⟨г.ю.ю.⟩ hēi máozi 'представитель одной из кавказских национальностей' (дословно: черноволосый) [разг., нейтр.]

Данное выражение представляет собой заимствование из русского языка.

4. Идиомы с реляционным основанием, где обозначение человека происходит через указание на его отношение к другим лицам.

4.1. 非亲非故 ⟨чэнъюй⟩ fēi qīn fēi gù 'ни сват, ни брат' (дословно: ни родной ни близкий) [книжн./разг.]

4.2. 骨肉至亲 ⟨чэнъюй⟩ gǔ ròu zhì qīn 'свой человек; закадычный друг' (дословно: родной [даже] по плоти) [книжн./разг.]

4.3. 一不沾亲，二不带故 ⟨г.ю.ю.⟩ yī bù zhān qīn, èr bù dài gù 'шапочное знакомство' (дословно 'с одной стороны и к родственникам нельзя отнести, [а] с другой [и] в друзья не годится') [книжн./разг.]

Данное выражение происходит от соответствующей идиомы-«чэнъюй»: 沾亲带故 zhān qīn dài gù [иметь] родственные и дружеские отношения

4.4. 七大姑，八大姨 〈г.ю.ю.〉 qī dà gū, bā dà yí 'большое количество различных родственниц' (дословно: семь золовок, восемь теток) [разг.]

4.5. 露水夫妻 〈г.ю.ю.〉 lùshui fūqī – о юноше и девушке, живущих в гражданском браке (дословно: супруги, [подобные] утренней росе[1]) [книжн./разг.]

4.6. 一个娘肚子里跑出来 〈г.ю.ю.〉 yī gè niáng dùzi li pǎochūlái 'родные братья и сестры' (дословно: выбежавшие из чрева одной матери) [разг.]

4.7. 一条船上的人 〈г.ю.ю.〉 yī tiáo chuán shang de rén – о людях, имеющих общие интересы, о единомышленниках (дословно: люди с одного корабля) [книжн./разг.]

4.8. 一棵蔓上两个瓜 〈г.ю.ю.〉 yī kē wàn shàng liǎng gè guā – о двух близких людях, связанных одной судьбой (дословно: две тыквы на одном стебле) [разг.]

4.9. 半斤八两 〈г.ю.ю.〉 bàn jīn bā liǎng 'два сапога – пара; хрен редьки не слаще' (дословно: пол-цзиня, восемь лянов[2]). Коннотация данного выражения определяется в контексте общего высказывания, поэтому выражение может нести как позитивную, так и негативную окраску. [разг.]

5. Идиомы, обозначающие временные отношения. Эти идиомы определяют характер или интенсивность протекания действия во времени.

5.1. 迅雷不及掩耳 〈г.ю.ю.〉 xùn léi bù jí yǎn ěr 'внезапно, молниеносно' (дословно: гром прогремел [так] внезапно, [что даже] не успел заткнуть уши) [книжн./разг.]

5.2. 一眨眼 〈г.ю.ю.〉 yī zhǎ yǎn 'в один миг' (дословно: моргнуть глазами) [разг.]

---

[1] Намек на недолговечность такого рода отношений фиктивного супружества выражен через образ утренней росы, которая вот-вот испарится.

[2] «Лян» и «цзинь» – китайские национальные меры веса; здесь имеется ввиду «лян» как старая весовая единица, равная 1/16 части цзиня (китайского фунта – 斤), соответственно, 8 лянов равны пол-цзиня.

5.3. 一日三秋 ⟨чэнъюй⟩ yī rì sān qiū 'день кажется годом' (дословно: день [тянется] как три года) [книжн.]

5.4. 黄花菜都凉了 ⟨г.ю.ю.⟩ huánghuācài dōu liáng le 'возможность упущена; поезд ушел' (дословно: блюдо из цветов лимонно-желтого лилейника уже остыло) [разг.]

Интересно заметить, что в данном «привычном речении» мысль о том, что время быстротечно, выражается посредством предметного кода «пища».

5.5. 板凳还没坐热 ⟨г.ю.ю.⟩ bǎndèng hái méi zuò rè 'остаться/остановиться не надолго' (дословно: скамья еще не нагрелась) [разг.]

Например: 他刚进屋，板凳还没坐热就有人给他打电话。 'Только он зашел в комнату, стул даже не успел нагреться от сидения, как ему сразу же позвонили'.

6. Идиомы, обозначающие место или месторасположение. Следует отметить, что такого рода идиомы всегда обозначают место нахождения участника ситуации, описываемой в речи.

6.1. 海角天涯 ⟨чэнъюй⟩ hǎi jiǎo tiān yá 'за тридевять земель' (дословно: край света) [книжн./разг.]

6.2. 一箭之地 ⟨чэнъюй⟩ yī jiàn zhī dì 'очень близко; рукой подать до' (дословно: на расстоянии полета стрелы [ста с лишним шагов][1]) [книжн./разг.]

6.3. 近在眉睫 ⟨чэнъюй⟩ jìn zài méi jié 'под самым носом' (дословно: около бровей и ресниц) [книжн./разг.]

6.4. 眼皮底下 ⟨г.ю.ю.⟩ yǎnpídǐxia 'под самым носом' (дословно: под [самым] веком) [разг.]

7. Идиомы меры, степени.

7.1. 一丝一毫 ⟨чэнъюй⟩ yī sī yī háo 'капельку, чуточку, самую малость' (дословно: один «сы» и один «хао»[2]) [книжн./разг.]

7.2. 四脖子流汗 ⟨г.ю.ю.⟩ sì bózi liú hàn 'доработаться до изнеможения' (дословно: с четырех шей льется пот) [разг.]

---

[1] Здесь и далее, в некоторых последующих примерах, для объяснения значения той или иной идиомы привлекаются толкования, данные в соответствующих словарях китайского издания; список словарей в конце статьи.

[2] «Сы» – китайская мера длины, равная 0.0033 мм, «хао» – мера длины, равная 0.033 мм.

7.3. 伸手不见五指 ⟨г.ю.ю.⟩ shēn shǒu bù jiàn wǔzhǐ 'ни зги не видно; [темно,] хоть глаз выколи' (дословно: протяни вперед руку – и пальцев не разглядишь) [разг.]

8. Идиомы, описывающие либо внешность человека, либо внешнее проявление его эмоций. Это достаточно многочисленная тематическая группа идентифицирующих идиом, которые характеризуют человека по его внешности, и, как правило, с наложением добавочных значений. Например, в нижеприведенном выражении 8.7. '*молодой человек женственного вида*' понятие женственности передается с помощью слова «сливочное масло», которое традиционно используется для обозначения кремового цвета; для тех, кто применяет это выражение, считается очевидным, что цвет кожи лица мужчины не должен быть таким светлым, ибо это не соответствует традиционному китайскому эталону мужской красоты.

8.1. 脸红脖子粗 ⟨г.ю.ю.⟩ liǎn hóng bózi cū – о человеке в гневе (дословно: лицо красное, шея толстая) [разг.]

8.2. 有胳膊有腿 ⟨г.ю.ю.⟩ yǒu gēbo yǒu tuǐ – об абсолютно здоровом человеке (дословно: и руки есть, и ноги есть) [разг.]

8.3. 鼻子是鼻子眼是眼 ⟨г.ю.ю.⟩ bízi shì bízi yǎn shì yǎn – о человеке с тонкими правильными чертами лица (дословно: нос как нос, глаза как глаза) [книжн./разг.]

8.4. 鼻子不是鼻子，脸不是脸 ⟨г.ю.ю.⟩ bízi bù shì bízi, yǎn bù shì yǎn – о рассерженном человеке, у которого от негодования исказилось лицо (дословно: и нос не нос, и лицо не лицо) [разг.]

8.5. 皮包骨 ⟨г.ю.ю.⟩ pí bāo gǔ 'крайне тощий человек' (дословно: кожа обтягивает кости) [разг.]

8.6. 水蛇腰 ⟨г.ю.ю.⟩ shuǐshé yāo 'узкая талия' (дословно: талия [как] у водяной змеи {водяная змея, талия}) [разг., нейтр.]

8.7. 奶油小生 ⟨г.ю.ю.⟩ nǎi yóu xiǎo shēng 'молодой человек женственного вида' (дословно: юноша [с кожей лица] кремового цвета)

Данное выражение, как правило, содержит негативную окраску. [разг.]

8.8. 小姐身子丫鬟命 ⟨г.ю.ю.⟩ xiǎojiě shēnzi yāhuan mìng 1. Об изнеженной слабой девушке, которой приходится выполнять тяжелую работу; 2. О девушке из богатой семьи, которая любит трудить-

ся/работать (дословно: тело как у барышни, а участь дворовой девки/служанки) [разг., нейтр.]

9. Идиомы акционального характера, описывающие действия, а также либо сами процессы, либо способ их протекания.

9.1. 里三层外三层 ⟨г.ю.ю.⟩ lǐ sān céng wài sān céng – о большом скоплении людей, тесно обступивших кого(что)-либо кольцом (дословно: три слоя внутри, три слоя снаружи) [разг.]

9.2. 指手画脚 ⟨чэнъюй⟩ zhǐ shǒu huà jiǎo – 'оживленно жестикулировать [во время разговора]' (дословно: указывать рукой, чертить ногой) [разг.]

9.3. 十一号[1] ⟨г.ю.ю.⟩ shí yī hào 'ноги как средство передвижения' (дословно: 11-й номер/маршрут) [разг., юмор.] Пример употребления:

"你每天怎么去上班?" "坐十一号" «Как ты обычно добираешься на работу?» «На 'одиннадцатом маршруте'».

9.4. 大门不出，二门不入 ⟨г.ю.ю.⟩ dà mén bù chū, èr mén bù rù 'сидеть дома сиднем' (дословно: через главный (парадный) вход не выходит, [и] во внутренние ворота не заходит[2]) [книжн./разг.]

9.5. 吃喝拉撒睡 ⟨г.ю.ю.⟩ chī hē lā sā shuì 'жить [вообще]' (дословно: есть, пить, справлять большую и малую нужду, спать) [разг.]

9.6. 围着锅台转 ⟨г.ю.ю.⟩ wéizhe guōtái zhuàn 'хлопотать по хозяйству' (дословно: крутиться возле кухонной плиты) [разг.]

9.7. 说半个不字 ⟨г.ю.ю.⟩ dào bàn gè bù zì 'высказаться против в достаточно деликатной и мягкой манере' (дословно: сказать половину слова «нет») [разг.]

9.8. 咬耳朵 ⟨г.ю.ю.⟩ yǎo' ěrduo 'шептать на ухо, шушукаться' (дословно 'кусать уши') [разг.]

9.9. 吃香的，喝辣的 ⟨г.ю.ю.⟩ chī xiāngde, hē làde 'жить в полном достатке' (дословно 'есть ароматное, пить острое') [разг.]

9.10. 伸大拇指 ⟨г.ю.ю.⟩ shēn dà mǔzhǐ 'хвалить *кого-(что)*, преклоняться перед *кем-(чем)*' (дословно: показать/поднять/ большой палец [в качестве жеста одобрения]) [разг.]

---

[1] Здесь обыгрывается визуальный образ арабской цифры «11», которая напоминает две ноги.

[2] В старых (традиционных) китайских строениях имелись парадные ворота (大门) и внутри двора – вторые ворота (二门).

Пример включения в контекст: 对中国的瓷器大家都伸起大拇指。«Фарфор китайского производства у всех пользуется популярностью».

Заметим, что большую роль в идиомах акционального характера вообще играют «сценарные» (ситуативные) знания, которые в когнитивной лингвистике относятся к с ситуативным фреймам. Например:

9.11. 卷铺盖 ⟨г.ю.ю.⟩ juǎn pūgai 'быть уволенным [с работы] либо исключенным откуда-либо' (дословно: свернуть постель [в рулон]) [разг.]

Образный сюжет (сценарий) данного выражения заключается в том, что когда работник низшего или среднего звена оказывается уволенным, ему ничего не остается, как собрать все свои пожитки (включая и постельные принадлежности) и переехать на новое место жительства, туда, где он будет вновь трудоустроен. Это связано с тем, что большое количество людей в Китае работает вдали от места своего постоянного проживания.

9.12. 掏腰包 ⟨г.ю.ю.⟩ tāo yāobāo 'выложить/заплатить из собственного кармана, раскошелиться' (дословно: вытаскивать кошелек) [разг.]

10. Идиомы, описывающие особенности поведения человека, свойства его характера.

10.1. 向钱看 ⟨г.ю.ю.⟩ xiàng qián kàn 'гнаться за богатством' (дословно: смотреть в сторону денег) [разг., негатив.]

10.2. 老来俏 ⟨г.ю.ю.⟩ lǎo lái qiào – о женщине, которая несмотря на свой преклонный возраст, по-прежнему любит принарядиться и прихорошиться либо только с годами стала уделять внимание своему внешнему виду (дословно: старость пришла – [начала] шиковать). Может употребляться как существительное. [разг., юмор.]

10.3. 坐视不救 'остаться сторонним наблюдателем, проявлять безразличие *к кому-либо*' (дословно: смотреть сидя и не помогать) [книжн.]

Проведенный анализ значений идентифицирующих идиом с учетом их отнесенности к определенным семантическим полям показывает, что значения этих идиом соотнесены с довольно ограниченным числом семантических полей (мы выделяем всего десять полей). Самыми продуктивными являются следующие: а) поле со значением

реляционного основания; б) поле, включающее описание объектов через их действия, состояния; в) поле, включающее описание собственно внешности человека.

Следует отметить, что поле со значением реляционного основания и поле, описывающее объект через его действия, оказались намного более объемными и представительными в количественном отношении, чем соответствующие поля в русском языке. Данный вывод получен на основании сопоставления полученных нами результатов с соответствующими результатами в области фразеологии русского языка, полученными В.Н. Телией, М.Л. Ковшовой, Д.О. Добровольским и другими учеными.

В процессе анализа идиом китайского языка также были выявлены два семантических поля, носящих ***идентифицирующий характер***, не указанных для русского языка, а именно, поле, обозначающее природные явления (состояния), и поле, описывающее свойства характера человека через его типичные поступки, действия.

Анализ также показал, что единицы класса «привычных речений», относящиеся к идентифицирующим идиомам, практически не входят в поля, обозначающие природные явления или место и месторасположение. Однако во всех остальных случаях подавляющее большинство полей представлено индикативными идиоматическими единицами, входящими в класс «гуаньюнъюй».

Кроме того, в ходе исследования нами была обнаружена еще одна интересная особенность идентифицирующих идиом в китайском языке: часть идиом, хотя и немногочисленная, при включении их в речь все же связана экспрессивностью. Так, например, идиомы 3.4., 8.7., 10.1. содержат негативную окраску.

Далее, по данным проведенного анализа вовлеченности идентифицирующих идиом китайского языка в определенные семантические поля, можно констатировать, что и в китайском и в русском языках существуют как сходные (универсальные) семантические поля, так и специфичные поля, характерные только для одного из сопоставляемых языков. Данный вывод естественен, если признавать утверждение о том, что «основными элементами, составляющими «языковую» модель мира, являются семантические поля» [Караулов 1976:259, цитирую по работе Телия 1996:159]. «Языковая» модель мира, как из-

вестно, различна в каждой из культур, следовательно, различны и те множества полей, которые по типовым представлениям объединяют в чем-то подобные «оязыковляемые»[1] фрагменты мира.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1986.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Словарь общеупотребительных гуаньюнъюй / Под ред. Вэнь Дуаньчжэна и Шэнь Хуэйюнь. – Пекин, 2002. – («通用惯用语词典», 温端政，沈慧云 主编. – 北京: 语文出版 社，2002 年).

Малый словарь общеупотребительных гуаньюнъюй / Под ред. Вэнь Дуаньчжэна. – Шанхай, 1999. – («惯用语小词典» 温端政 主编. – 上海: 上海辞书出版社，1999 年).

Словарь нормативных гуаньюнъюй современного китайского языка / Под ред. Ли Синцзяня. – Чанчунь, 2001. – («现代汉语惯用语规范词典» 李行健 主编. – 长春: 长春 出版社，2001 年).

Большой тематический словарь чэнъюй китайского языка / Под ред. Ван Циня, Ма Го Фаня и др. – Цзинань, 1988. – («分类汉语成语大词典» 王勤, 马国凡, 许正元, 孙玉溱 编著. – 济南: 山东教育出版社, 1988 年).

Н.Н. Воропаев, г. Томск

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕДАЧИ КИТАЙСКИХ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ В РУССКОМ ТЕКСТЕ

В настоящее время межгосударственные связи между Россией и Китаем продолжают бурно развиваться. Однако, несмотря на, казалось бы, накапливающийся опыт, ещё не все участники этих связей, к сожалению, обращают должное внимание на правильную передачу китайских имён собственных средствами традиционной русской транскрипции (ТРТ), что часто приводит не только к досадным недо-

[1] По терминологии Телии В.Н.

разумениям, путанице, моральному ущербу, но даже и к огромным финансовым потерям.

Причин этому много. Основная из них – это нехватка специалистов-китаистов в большинстве регионов Российской Федерации, и как следствие, отсутствие в обществе знаний о существовании китайского фонетического алфавита пиньинь цзыму на основе латинской графики и ТРТ. Поэтому даже большинство сотрудников областных паспортно-визовых служб, миграционной службы и других ведомств, которые по долгу службы должны контролировать пребывание иностранцев на территории РФ и идентифицировать их личность, порой не в состоянии определить правильность перевода, например, китайской фамилии Qiu на русский язык: Кью или Киу, они, конечно же, и представить себе не могут, что средствами ТРТ эта фамилия передаётся в виде Цю. Что же говорить о разных НИИ, вузах, предприятиях? Всё это не только отрицательно влияет на благоприятное развитие отношений между двумя государствами, но и может создать условия для угрозы безопасности государства.

Частичное решение этой проблемы нам видится очень простым: необходимо снабдить соответствующие ведомства таблицами соответствий слогов китайского языка в пиньинь цзыму и ТРТ. Так, сотрудники этих учреждений будут хотя бы уверенно оперировать именами, фамилиями, данными о месте рождения и месте выдачи паспортов, то есть установочными данными паспорта, записанными пиньинь цзыму. При этом будет достигнуто необходимое здесь единообразие. Почин в решении этой проблемы, по всей видимости, придётся сделать специалистам-китаистам на местах.

Сложнее дело обстоит с остальной документацией на китайском языке, которая часто фигурирует в многообразном процессе межгосударственных связей, а именно: водительскими правами, сертификатами качества, дипломами, контрактами, уставами предприятий, доверенностями, официальными письмами, справками и т.п. В этих документах все имена собственные, как правило, всегда записываются китайскими иероглифами. Переводить эти документы необходимо поручать только квалифицированному переводчику. Однако часто предприятия-участники межгосударственных связей в силу разных причин не имеют в своём штате квалифицированных китаистов, и

часто перевод здесь осуществляется кем придётся. В результате такого подхода возникают трудноразрешимые ситуации, при которых спорящие стороны вынуждены обращаться даже в арбитражные суды. Пример из жизни: В ООО «N» с подачи китайских партнёров в контракте было принято писать название станции назначения 二连浩特 Erlianhaote как Эрлянь-Хэтэ. Причём в притяжательной форме вторая часть названия города вообще опускалась, то есть получалось, например, Эрляньская компания «X». Но вот у ООО «N» возникла спорная ситуация с налоговой инспекцией. В китайской компании-партнёре произошла реорганизация, и сменилось наименование. Потребовались справки из Китая, иначе налоговая инспекция не признавала факт осуществления экспортных операций и отказывала в возмещении налога на добавленную стоимость (НДС). Одна справка была переведена в России, где переводчик передал название этого города в виде Эрлянь-Хаотэ, то есть по современным правилам и в соответствии с ТРТ. Вторая справка была переведена в Центральном бюро переводов города Пекина и легализована МИД КНР и Посольством РФ в КНР. В этой справке название города фигурировало уже как Эрэн-Хэтэ. В документации перевозчика грузов, то есть Министерства путей сообщения РФ этот пункт фигурировал в виде Эрлянь. Естественно, что такой разнобой даже в названии города давал налоговой инспекции все основания не признавать эти справки и отказать ООО «N» в возмещении НДС в размере нескольких сотен тысяч рублей. ООО «N» обратилось в арбитражный суд, который признал правоту налоговой инспекции. Но так как реально в действиях ООО «N» никаких нарушений закона не было, то в арбитражный суд была подана кассационная жалоба. Автор был приглашён на заседание арбитражного суда по кассационой жалобе в качестве свидетеля и эксперта по языку. И нам удалось доказать, что все четыре варианта передачи названия этого китайского города обозначают один географический пункт. Конечно, были и другие неточности в переводах, которые нам тоже удалось достаточно обоснованно объяснить. В результате арбитражные судьи признали наши доводы разумными, а налоговой инспекции пришлось подтвердить право ООО «N» на получение возмещения из федерального бюджета НДС. К сожалению, в нашем распоряжении не было и нет «Инструкции по русской переда-

че географических названий Китая» (сост. Я.А. Миропольский; ред. Г.Е. Тихонова. М., 1982), о которой упоминает в своём пособии по транскрипции «Китайские имена собственные и термины в русском тексте» Л.Р. Концевич, иначе наша задача, возможно была бы многократно облегчена.

Как же рассуждали мы? За основу доказательства мы взяли исторический фактор. Ведь в процесс межгосударственных связей между Россией и Китаем регионы и территории обеих стран включались и включаются неравномерно по времени и статусу. Каждая в какой-то определённый период времени и на определённом уровне значимости. Естественно, что эти территории-субъекты международных связей получали и получают номинации и графический вид в другом языке в соответствии с существующими на момент их активизации правилами. Скорость закрепления наименования какой-либо иностранной территории в едином графическом виде в другом языке зависит от уровня значимости, статуса этой территории в иерархии межгосударственных связей. Например, название столицы Китая – Пекин, употребляется по традиции и по сей день, и никому не приходит в голову изменить его в соответствии с действующей сейчас ТРТ на Бэйцзин. В настоящее же время процесс международного сотрудничества активизировался как никогда. И вот уже самые отдалённые и малоизвестные территории выходят на международную арену. Часто такие территории по статусу межгосударственных связей актуальны и значимы лишь для узкого круга непосредственных участников этих связей, которым не до лингвистических тонкостей. И длительное использование ненормативного написания какого-либо иностранного имени собственного может быть обусловлено своей корпоративной традицией. Например, как в случае с ООО «N»: в течение нескольких лет это предприятие использовало по традиции неправильное, своё «фирменное» графическое изображение станции назначения «Эрлянь-Хэтэ» ради сохранения единообразия в финансовых документах и во избежание вопросов со стороны налоговой инспекции. Ещё например: как мы обнаружили, в документации МПС РФ этот географический пункт принято фиксировать в виде «Эрлянь» (статья Х.Ш. Зябирова «Транссиб – технологический мост между странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона», рисунок №2 «Погра-

ничные переходы между железными дорогами России и Китая», журнал «Железные дороги мира», №12, декабрь 2003 г., с. 9–17; Указание руководителям предприятий №МО-47/5140 от 30.06.99 Западно-Сибирской железной дороги), тоже видимо с подачи китайской стороны, где «Эрлянь» – сокращённое разговорное обозначение этого города. И всё же, казалось бы, нет проблем, переводи эти новые топонимы с помощью современной таблицы соответствий ТРТ и пиньинь цзыму и дело с концом. Однако не всё так однозначно. Проанализируем ещё раз упоминавшийся выше топоним 二连浩特 Erlianhaote. С первой частью всё, казалось бы, правильно: по ТРТ – Эрлянь (перевод Пекинского бюро переводов «Эрэн-Хэтэ» можно считать досадной опечаткой или попыткой выразить звучание топонима в языке-оригинале, то есть в монгольском). Трудная часть здесь – морфема 浩特 haote. Вообще 二连浩特 Erlianhaote это город в Автономном районе Внутренняя Монголия КНР (АРВМ), название столицы которого 呼和浩特 Huhehaote в русском языке имеет исторически устоявшийся графический вид Хух-Хото (Китайско-русский словарь-минимум. Издание 2-е, переработанное и дополненное. А.В. Котов. М., «Русский язык», 1990, список географических названий, с. 808). Ещё в АРВМ есть город 乌兰浩特 Wulanhaote, наименование которого в русском языке имеет вид Улан-Хото (карта России, составлена и подготовлена к печати ООО «Атлас Принт», географическая основа Роскартография, 2003 г.; на карте видна часть КНР). По всей видимости, при передаче названия столицы АРВМ и города Улан-Хото в русском языке в своё время были учтены звуковые формы этих топонимов в языке-оригинале, то есть в монгольском. Теперь только специалисты могут сказать, как и когда были приняты именно такие формы написания этих топонимов, какие принципы при этом применялись и какие исторические обстоятельства на это повлияли. Однако совершенно очевидно то, что морфемы 浩特 haote в составе 二连浩特 Erlianhaote, 呼和浩特 Huhehaote и 乌兰浩特 Wulanhaote идентичны. Поэтому в силу того, что в русском тексте принято по традиции и исторически морфему 浩特 haote передавать как Хото и она устойчива в своей позиции, семантике и часто употребляема, несмотря на возможно более позднее включение территории 二连浩特 Erlianhaote в межгосударственные связи с Россией, наименование этого города не-

обходимо передавать в виде Эрлянь-Хото. Хотя, опять же, так как морфема 二连 Erlian монгольского происхождения, то по логике и по аналогии с морфемами «Хото» и «Улан» она наверняка должна передаваться в русском языке не в соответствии с ТРТ. Но как? Нет справочных материалов, на всех картах, которые нам удалось изучить, этот пункт вообще не обозначен, хотя сейчас это важный пограничный переход между КНР и Монголией, крупная станция назначения для экспорта из России в Китай. Здесь со всей серьёзностью встаёт вопрос об издании полных специальных словарей-справочников и широком распространении инструкций. И только после длительных поисков в течение года нам наконец-то удалось узнать правильный вариант передачи топонима 二连浩特 Erlianhaote в русском тексте: Эрэн-Хото (политическая карта мира, карта составлена и подготовлена к изданию производственным картосоставительным объединением «Картография» Роскартографии в 1993 году, исправлена в 1999 году).

Относительно только что описанного случая можно провести аналогию с такой парой топонимов как 北京 Beijing Пекин и 南京 Nanjing Нанкин, где морфемы 京 jing также идентичны. Хотя если, допустим, в настоящее время в обиход войдёт какой-нибудь новый китайский топоним «某京», то морфему 京 jing, мы полагаем, следует передавать средствами ТРТ как цзин, так как во временном плане существует большой разрыв между периодами вхождения этих топонимов в русский язык, тогда как промежуток времени между периодами вхождения в обиход русской речи топонимов Пекин и Нанкин представляется не столь длительным, а возможно, даже, они вошли одновременно. Хотя такие вопросы должны решать специальные комиссии. Здесь многое зависит не только от лингвистических факторов, но необходимо учитывать и факторы исторические.

Хотелось бы вернуться к упомянутому выше топониму 乌兰浩特 Wulanhaote. Это также название города в АРВМ. Здесь может сбить с толку морфема 乌兰 Wulan. То, что эту морфему нельзя передавать в соответствии с ТРТ как «Улань», можно осознать не только потому, что на это есть установленные когда-то правила (карта как доказательство). Здесь можно рассуждать и так. В русском языке традиционно название столицы Республики Бурятия имеет графический вид Улан-Удэ (по-китайски 乌兰乌德), а столицы Монголии – Улан-Батор

(по-китайски 乌兰巴托). Морфемы Улан в российском и монгольском топонимах и морфема 乌兰 Wulan в китайском топониме идентичны, поэтому для жителей России более удобным для произнесения и более привычным является вариант передачи китайского топонима 乌兰浩特 Wulanhaote в виде Улан-Хото.

Как показывают все эти примеры, проблемы передачи китайских имён собственных средствами русской графики многосторонни и могут быть обусловлены многими, порой неожиданными, факторами. Ещё очень много китайских топонимов, графический вид которых в русском тексте сформировался давно, употребляется в русском языке по традиции и не передаётся средствами ТРТ. Например: 齐齐哈尔 Qiqihaer Цицикар, 乌鲁木齐 Wulumuqi Урумчи, 阿荣旗 Arongqi Ажунчи, 哈尔滨 Haerbin Харбин и т.д. Передача каждого их этих топонимов средствами русской графики имеет свою историю, они передавались в соответствии с правилами того времени, когда включились в сферу межгосударственных связей. Возможно, часть этих правил записана в той инструкции, о которой мы упоминали выше. К сожалению, эта инструкция нам не доступна.

Кроме топонимов большое число имён выдающихся личностей Китая имеет в русском тексте традиционный графический вид и не соответствует ТРТ, например: 蒋介石 Чан Кайши, 孙逸仙（孙中山）Сунь Ятсен, 鲁迅 Лу Синь, 李白 Ли Бо. Кстати, история их возникновения именно в таком графическом виде в русском тексте могла бы стать темой отдельного исследования.

Подводя итог, можно определённо сказать о существовании по крайней мере трёх проблем в сфере передачи китайских имён собственных средствами русской графики. Если говорить о не специалистах, но о людях, по роду своей деятельности связанных с работой с документами, паспортами граждан КНР, с информацией о Китае, то здесь проблема заключается в отсутствии у них необходимых справочных материалов и недостаточном осознании ими важности этого вопроса. Кроме упомянутых выше сотрудников соответствующих ведомств, это во многом касается и работников средств массовой информации. Сейчас большое количество китайских топонимов с огромной скоростью врываются в русский язык по каналам средств массовой информации. Большинство этих слов часто неустойчивы

в своей графической форме в русском тексте. И когда читая, например, красивый глянцевый журнал, видишь в нём "Шеньян" вместо "Шэньян" (журнал для авиапассажиров авиакомпании «Сибирь», июнь 2003 г., маршрутная карта, с. 143) или "Уханский университет" вместо "Уханьский университет", "Ху Менхао" вместо "Ху Мэнхао" (журнал «Русский язык за рубежом» Института русского языка имени А.С. Пушкина №2, 1988 г., с. 120, 122), то понимаешь, что проблема существовала и существует. О частичном решении этой проблемы мы сказали выше. Если говорить о специалистах и переводчиках, то здесь проблема в поверхностных знаниях фонетического алфавита пиньинь цзыму и ТРТ и порой несерьёзное, халатное отношение к правилам и специфике работы по передаче китайских имён собственных в русском тексте. Здесь необходимо усилить учебную и воспитательную работу в вузах. Третья, и самая большая проблема – недостаточное количество справочной литературы по данной тематике, отсутствие в продаже инструкций и словарей.

ЛИТЕРАТУРА

Концевич Л.Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте. Пособие по транскрипции. – М., 2002. – С. 82.

Котов А.В. Китайско-русский словарь-минимум. – М., 1990. – С. 808.

Зябиров Х.Ш. Транссиб – технологический мост между странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона // Железные дороги мира. – М., 2003. – №12. – С. 9–17.

Западно-Сибирская железная дорога. Указание № МО-47/5140 от 30.06.99 «О выполнении обязательств Российской стороны, принятых на совещании в г. Алма-ата по перевозке грузов в 1999 году».

«Русский язык за рубежом» (журнал Института русского языка имени А.С. Пушкина и Министерства высшего и среднего специального образования СССР). – М., 1988. – №2. – С. 120, 122.

Авиакомпания Сибирь. Журнал для пассажиров. Июнь 2003 года. – С. 143.

Карта России. Составлена и подготовлена к печати ООО «Атлас Принт». Географическая основа Роскартография, 2003.

Политическая карта мира. Карта составлена и подготовлена к изданию производственным картосоставительным объединением «Картография» Роскартографии в 1993 г. Исправлена в 1999 г. Роскартография, 1999 / Ред. Н.И. Свиридова, ред. Н.Р. Вальшакова. Федеральная служба геодезии и картографии России. – М., 1999.

SUMMARY

The paper studies some problems of translation of Chinese proper nouns in Russian text.

О.В. Геращенко, г. Владивосток

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В данной статье будут рассмотрены те существующие в китайском языке способы создания комического эффекта, которые представляют значительную трудность при переводе на русский язык. В качестве материала для анализа были использованы тексты юмористических эстрадных диалогов («сяншэн»), а также сборники популярных шуток и анекдотов.

Хотя сяншэн является синтетическим жанром китайской эстрады, требующим от исполняющих его актеров владения голосом, мимикой, движениями, иногда даже умения петь, основная ткань произведения создается все-таки языковыми средствами. Известный китайский исследователь этого жанра Ван Минсан пишет: «Речь – главное в сяншэне, материал для создания комического эффекта берется из языка; движение, пение являются лишь дополнением к языку и не могут претендовать на главенствующее положение» [2, 1]. Таким образом, исследование текста сяншэна изолировано от исполнения возможно и правомерно.

Рассмотрим языковые средства создания комического эффекта последовательно, по уровням языка. Начнем с фонетического уровня.

Достаточно часто используется прием имитирования чужой речи. Богатый материал для этого дают фонетические различия между территориальными диалектами КНР. Произношение, не соответствующее нормам литературного языка, способно вызвать смех и само по себе, но комический эффект усиливается, если одно и то же сочетание звуков имеет в двух диалектах различный смысл, как в приведенном Н.С. Спешневым отрывке из сяншэна «Музыкальная драма и диалекты»:

Б: Как по-шанхайски « бриться»?

А (подражая шанхайскому диалекту): « Сю мянь»

Б: « Сю мянь». А мыть голову?

А: Услышишь – испугаешься. Будет «да тоу» («да» по-пекински означает «бить» – Н.С. – *примеч.Н.А.Спешнева.*)

Б (не поняв, что это диалект): Бить голову?

А: Ага! Везде, где надо сказать мыть или стирать, они говорят «да». Мы по-пекински говорим «си-и-си», а они «да-и-да»...

Б: А как будет «постирать носки»?

А: Э... «дада мацзы» (по-пекински следовало бы сказать «вацзы» вместо «мацзы», ибо «мацзы» означает «конопатый» – Н.С. – *примеч.Н.А. Спешнева.*)

Б : Что?

А: «Дада мацзы» – бей конопатого! От таких слов конопатые северяне пустились бы наутёк!» [5, 288]

Комический эффект может также строиться на основе нарочитой перестановки слогов, имитации фонетической ошибки, часто встречающейся в естественной речи, как в сяншэне «Тайный язык мышей»

申：咱们的孩子比以前变多了！ А: Наши дети в последнее время так изменились!

他们都不想吃中国菜！ Никто из них не хочет есть китайские блюда!

乙：想吃什么？ Б: А что хотят есть?

申：那些叫什么。。。三明基，肯德知！ А: Эти, как их... **сэндвики**, «**Кентуччи**»!

乙：什么？ 那叫三明知，肯德基！ Б: Что-что? Это называется «сэндвичи» и «Кентукки» (*имеются ввиду закусочные «Кентукки»*)

Подобные примеры не вызывают больших трудностей при переводе, т.к. взаимозамена слогов не приводит к изменению смысла, комический эффект создается лишь самой путаницей, и эта игра может быть легко воспроизведена средствами русского языка.

Особым средством создания комического эффекта является рифма. Д.С. Лихачев пишет:

«Рифма провоцирует сопоставление различных слов, «оглупляет» и «обнажает» слово. Рифма создает комический эффект... Это все

равно, как если бы человек ходил, постоянно пританцовывая. Даже в самых серьезных ситуациях его походка вызывала бы смех.» [3,363].

Приведем для примера отрывок из сяншэна «Приглашение на службу».

–你是官儿，我是兵， Ты – полковник, я – солдат!
你是太阳，我是星， Ты – луна, а я – звезда !
你是萝卜，我是。。。大葱！ Ты – морковь, а я ... укроп!

В данном случае при переводе главное – сохранить тот балагурно-бессмысленный эффект, который придает речи пьяного героя рифма, собственное лексическое значение слов из рифмовки в данном случае не является принципиально важным, кроме противопоставления «начальник – подчиненный», поэтому названия овощей в последней строке можно в интересах сохранения ритма заменить. В других случаях, где важным является значение каждого слова, от переводчика может требоваться большее искусство.

Перейдем к следующему уровню. Словообразовательная система китайского языка имеет значительные отличия от русской, основным способом словообразования в ней является сложение целых слов. Это приводит к однотипности отношений между компонентами сложных слов и компонентами словосочетаний. Внутренняя форма подобных сложных слов зачастую не осознается носителями языка, но в определенных ситуациях ее образное значение вскрывается и способствует созданию комического эффекта, как в небольшом анекдоте « Покупка книги».

– 有没有 旅 游方面的书？ – Есть ли какие-нибудь книги для путешественников?

– 有一本旅游指南 – Есть путеводитель (досл. «указатель на юг») для туристов.

– 阿，对不起，我准备到北方去。 – А! Извините, я собираюсь на север!

Слово « 指 南 » – «путеводитель» образовано по глагольно-объектной модели и совпадает с глагольно-объектным словосочетанием «指南» – «указывать на юг», в качестве которого и воспринимается покупателем. Для перевода подобной игры слов требуется большое мастерство переводчика, но в большинстве случаев все-таки

приходится прибегать с спасительным сноскам, объясняющим внутреннюю форму китайского слова.

На лексическом уровне основное средство создания комического эффекта – это, безусловно, явление омонимии. Приведём для примера анекдот «难道是肉?» – «Неужели мясо?»

一人请客，满桌都是菜，没有一点肉。他对客人们说: «对不起没有什么 菜，大家见谅见谅»。一位客人应声说道 : «主人太客气了，怎么能说没有菜呢，这满桌 上 的 难道都是肉吗»?

«Один человек пригласил гостей и подал на стол только овощи, ни кусочка мяса там не было. Он сказал, обращаясь к гостям: «Прошу извинить меня за скромность угощения» (дословно – «прошу извинить, что нет никаких блюд»). Один из гостей тотчас отозвался: « Хозяин, вы слишком строги к себе. Как можно говорить, что нет никаких овощей, неужели всё, что есть на столе, – мясо?»

Здесь комический эффект строится на использовании омонимов «菜» cai – «блюда»: «没有什么菜» «Нет никаких блюд» (в значении – «*нет никаких стоящих, заслуживающих внимания блюд*» «菜» cai – «овощи».

«怎么能说没有什么菜呢，这满桌上的难道都是肉吗？ » – «Как вы можете говорить, что нет никаких овощей, неужели все, что есть на столе, – мясо?»

Данный анекдот может быть переведён на русский язык со специальным указанием на наличие омонимии. Но возможен и другой вариант перевода. В.С. Виноградов пишет: «Смелая субституция и отказ от сохранения буквального смысла словесной игры подлинника – вот что приносит успех переводчику, столкнувшемуся, казалось бы, с самыми «непереводимыми» пассажами». [1, 269]. Исходя из этого положения, можно предложить такой перевод. В китайском варианте смех вызывает противопоставление «овощи (как простая, дешевая пища) – мясо (более дорогая, жирная, питательная)». В русском языке у слова «овощи» нет омонима, который позволил бы буквально перевести эту языковую игру. Но зато есть созвучие между словами «скромный» (одно из значений – «простой, дешевый») и «скоромный» («жирный», «питательный», «животный»). На созвучии этих слов и можно построить языковую игру:

«Один человек пригласил гостей и подал на стол самые простые блюда, ни кусочка мяса там не было. Он сказал, обращаясь к гостям: « Прошу простить меня за то, что блюда сегодня такие скромные». Один из гостей тут же отозвался: «Скоромные? Хозяин, вы слишком строги в самоограничении! Если стоящую на столе пищу вы называете скоромной, то что же вы едите, когда поститесь?»

С точки зрения сохранения буквального смысла данный перевод далек от оригинала, но главный смеховой момент – каламбурно завуалированное обвинение хозяина в жадности – сохранен.

Особо следует сказать о случаях, когда комический эффект строится на наличии омонима у какого-либо слова, входящего в имя человека, как в сяншэне «Болельщики женской футбольной команды»:

申：我研究了，我们女足所有队员的名字都跟足球有关系。

乙：这刘爱玲跟足球有什么关系啊？

申：零（玲）是什么？零就是圆圈，这圆圈就是球啊，所以刘爱玲就是刘爱球！

Поскольку система русских имен значительно отличается от китайской, переводить подобные каламбуры можно, по-видимому, лишь с комментариями:

А: По результатам моего исследования, имена всех членов нашей женской футбольной команды имеют отношение к футболу.

Б: Какое же отношение к футболу имеет имя Лю Айлин ? (досл. «Лю Любящая Звон»)

А: Лин – это что? Лин (ноль) круглый, этот круг и есть мяч, поэтому «Любящая ноль» – значит «Любящая мяч!»

Комический эффект строится здесь на существовании в китайском языке омофонов 玲 ling – «звон» и 零 ling – «ноль», имеющих одинаковое произношение, но разное написание.

Средством создания комического эффекта может служить и «нанизывание» синонимов, создание синонимической цепочки, как в сяншэне «Окно».

我不好！我检讨！我不对！我有罪！ – «Я поступил плохо! Я раскаиваюсь! Я не прав! Я виноват!»

В данном случае задача переводчика осложняется тем, что используются одновременно два способа создания комического эффекта – « нанизывание» синонимов и рифма.

Но наибольшие трудности возникают у переводчика, когда в основе комического эффекта лежит обыгрывание переносных значений слов, как, например, в сяншэне «谈 “吃”» – «Беседа о глаголе “есть” (“кушать”)»:

申：中国人不仅会吃，而且能吃。外国人能吃的。咱们都能吃，外国人不能吃的，咱们也能吃

乙：吹牛！

申：外国人吃书本吗？

乙：不吃。

申：中国人能吃。

乙：吹牛！

申：啃书本，咬文嚼字。

乙：这是比喻。还有什么能吃的？

申：吃苦，吃力，吃凉，吃亏，吃紧，吃官司。

А: Китайцы не только в совершенстве владеют искусством приготовления пищи, они ещё и всеядны… То, что могут есть иностранцы, мы тоже можем есть, и то, чего они не едят, тоже можем.

Б: А не врешь?

А: Иностранцы едят корешки книг?

Б: Не едят.

А: А китайцы могут есть.

Б: А не врешь?

А: «Грызть корешки книг» (*усердно заниматься*), «заниматься буквоедством».

Б: Это образное выражение. Что ещё можно есть?

А: « Есть горечь» (*терпеть страдания и лишения*), «есть силы», «есть холод» (испугаться), «есть ущерб» (*терпеть убытки*), «есть поспешность» (*срочный*), «есть суд» (*попасть под суд, в тюрьму*).

Комический эффект строится здесь на переносных значениях глагола «吃» – («есть, кушать»). «吃苦» – досл. «есть горечь» – «терпеть лишения», «吃亏» досл. «есть ущерб» – «терпеть убытки» и т.д.

На синтаксическом уровне основным средством создания комического эффекта является обыгрывание порядка слов в предложении, как в сяншэне «反正话» – «Перевёртыши», где артисты, играя, переделывают предложения в предложения обратной синтаксической структуры. Приведём примеры из этого произведения.

我是学生。– «Я – студент».

学生是我。 – «Студент – это я».

我看书。 – «Я читаю книгу».

书看我。– «Книга читает меня».

В русском языке в предложениях подобного типа объект и субъект разграничиваются с помощью флексий, которых нет в китайском языке: «Книгу читаю я». В китайском же языке, где общий смысл предложения определяется порядком слов, «书看我» воспринимается как «Книга читает меня», что и создаёт комический эффект.

我最喜欢吃苹果。 – «Я больше всего люблю есть яблоки».

苹果最喜欢吃我。– «Яблоки больше всего любят есть меня».

Как и в предыдущем примере, в русском языке двусмысленность легко устраняется с помощью флексии, и предложение « Яблоки больше всего люблю есть я» вполне верно, в китайском же комический эффект строится именно на основе того, что в предложениях данного типа нет никаких формальных показателей смысла, кроме порядка слов.

Итак, рассмотрев кратко средства создания комического эффекта на всех уровнях языковой системы китайского языка, мы выделили следующие:

На фонетическом уровне:

1) имитация чужой речи

2) нарочитая перестановка слогов или звуков

3) рифма

На словообразовательном:

обыгрывание однотипности отношений между компонентами сложных слов и компонентами словосочетаний

На лексическом:

1) обыгрывание омонимии

2) «нанизывание синонимов»

3) обыгрывание переносных значений слов

На синтаксическом:

обыгрывание порядка слов в предложении

Итак, собственно языковые способы создания комического эффекта в китайском языке представляют значительную трудность при переводе. В.С. Виноградов так определяет основную задачу переводчика, столкнувшегося с необходимостью передать комический эффект: «отказавшись от передачи словарных соответствий между компонентами оригинального и переводческого каламбура, сохранить главное – саму игру слов как таковую, как стилистический прием автора, и ее общий смысл» [1, 317].

Таким образом, несмотря на значительную разницу в строе наших языков, китайские юмористические произведения могут и должны переводиться на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В.С.* Введение в теорию переводоведения. – М., 2001.
2. *Кочергин И.В.* Хрестоматия для чтения на китайском языке. – М., 2001.
3. *Лихачев Д.С.* Смех в Древней Руси – Л., 1989.
4. *Семенас А.Л.* Лексика китайского языка. – М., 2000.
5. *Спешнев Н.А.* Китайская простонародная литература. – М., 1986.
6. 笑话故事。 哈尔滨 2001 年 – Юмористические истории. – Харбин, 2001.
7. 王铭三。相声的特性与发展。中国相声[电资料]/北京鲲人网景科技发展有 限公司 http://www.kpworld.com/xiangsheng/zuopin/wenben.htm
8. 相声图书馆。中国相声[电资料]/北京鲲人网景科技发展有限公司 http://www.kpworld.com/xiangsheng/zuopin/wenben.htm

SUMMARY

This article is devoted to the ways of creation of comic effect in Chinese language. The ways of creation of comic effect are investigated on all of the language circle. Chinese texts afterwards we adduced the versions of translation.

Го Синь-и, Тайвань

«РУКА» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И КИТАЙСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В данном докладе мы предпримем попытку комплексного сравнительно-типологического анализа наиболее общих представлений, связанных с таким важным понятием, как *рука* в русском и китайском языках.

1. Лексема «рука» в русской и китайской лексикологии

Руки – это орган, играющий первостепенную роль в создании человеческой цивилизации. А.М. Эмирова отмечает: "познания человеком окружающей действительности начинается с ощущений, осуществляемых органами чувств. Вместе с тем разнообразные действия и процессы, начиная с простейших, осуществляются человеком при помощи органов, прежде всего – руки, как первичного и в то же время универсального органа труда" [Эмирова 1972:41-42]. В связи с этим, в русском языке существует не менее сотни слов – исконно русских или заимствованных, – восходящих к корню (рук-/руч-) со значением *рука*. Можно сказать, что слова и выражения, образованные от слова *рука*, либо относятся к этой части тела в целом, либо указывают на определенные действия, связанные с рукой в нашем представлении, в том числе труд, давание, удар, власть и т.п. [Гак 1997:702]. Кроме того, *рука* прежде всего участвует в жестикуляции, отражающей определенные психические состояния или являющейся орудием контакта, например, ***пожать руку*** при приветствии; ***махнуть рукой*** – оставить попытки воздействовать на что-л.; ***развести руками*** – дать понять невозможность того, что от нас ожидают [Григорьева и др. 2001:69, 129].

В китайском языке лексема *шоу* (букв. рука) зафиксирована нами как в неидиоматических словосочетаниях, так и в ФЕ. От "*шоу*" образовано огромное количество двусложных сочетаний, в основе семантики которых – действия рук. Например: *шоуюй* – язык жеста для глухонемых; *шоусян* – хиромантия; *шоутао* – перчатки; *шоубяо* – наручные часы. Кроме того, в китайском языке морфема *шоу* с предметными основами имеет служебное значение – суффикс деятеля, связанное с ее значением "мастер", "умелец". От лексемы *шоу* образованы названия представителей профессий: *шуйшоу* – матрос; *гушоу* –

барабанщик; *шашоу* – киллер; с глагольными основами: *баншоу* – помощник; с качественными основами: *шэншоу* – новичок; *лаошоу* – опытный человек; *гаошоу* – мастер своего дела [Семенас 2000:97–98].

2. ФЕ с лексемой *рука*

В русском языке лексема *рука* как единица плана содержания стоит на первом месте по частотности вхождения ее в состав фразеологизмов (более двухсот фразеологизмов). В китайской фразеологии *шоу* также является одной из самых продуктивных лексем.

Нами представлены эквивалентные семантические группы переноса значений лексемы *рука* как в русской, так и в китайской фразеологии, которые указывают на существование неких универсальных закономерностей в организации фразеологизмов. При этом нами найдены и несовпадения закономерностей, которые объясняются различием культуры, разных языковых картин мира, что образует так называемую национально-культурную специфику фразеологизмов [Гак 1999:260–265].

I. Метафорическая трактовка слова *рука* прежде всего – 'трудовая деятельность', представленная несколькими подгруппами.

1. *Рука* как орудие труда:

"***приложить руки***"– основательно, серьезно заняться кем-л. или чем-л [Молотков 1978, 355]; "***связать руки***" – лишать возможности действовать, поступать свободно, независимо[1].	Словосочетание "*фаншоу*" (букв.: "развязать руку") является производной от ФЕ "***фаншоу и бо***" – действовать с развязанными руками; действовать без оглядки. Антонимом данной ФЕ является словосочетание "*шушоу*", производное от "***шушоу дайби***" (букв. "со связанными руками ждать казни") – сложа руки ждать своего конца.

[1] В дальнейшем в нашей работе мы представим наши материалы параллельно в случае сходства языковых систем. В случае же их различия нами будут даны необходимые комментарии.

2. В метонимическом осмыслении слова *рука* – это 'умение, искусство':

"***набивать руку***" – приобретать умение, сноровку; "***золотые руки***" – 1. мастер, искусный в своем деле; 2. мастерство, умение безукоризненно делать что-либо [Федоров 2001:547].	В значении умения *шоу* сочетается с числительными: "***лу ляншоу***" (букв. "показать две руки") – блеснуть своим умением (искусством) в полном объеме.

3. В китайском языке цвет *руки* как метафоры трудовой деятельности во фразеологии обладает символическими значениями:

"***чи шоу кун цюань***" (букв.: "красные руки, пустой кулак") – невооруженный; "***байшоу цицзя***" (букв. "поднять благополучие своей семьи белыми руками") –создать своё благополучие собственным трудом на пустом месте; "***хэйшоудан***" (букв. "партия черных рук") – мафия.

II. Метафорическая трактовка слова *рука* как власть или владение.

1. Метафора власти характерна для китайского и русского языков:

"***прибрать к рукам***" – подчинять себе, заставлять повиноваться (в поступках, действиях и т.п.); "***отбиваться от рук***" – переставать подчиняться кому-л., вести себя независимо, непокорно; "***железная рука***" – очень властный человек, который может держать в подчинении многих людей.	"***и шоу бао бань***" – держать в кулаке, единолично распоряжаться, быть полным хозяином; сосредоточить всю власть в своих руках [Большой китайско-русский словарь 1983:12].

2. Метафорическая трактовка слова *рука* как 'владение собой' характерна для русской фразеологии:

"***брать себя в руки***" – стать собранным, дееспособным;
"***держать себя в руках***" – сдерживать порывы своих чувств, подчиняя их своей воле; сохранять самообладание.

III. Метонимическая трактовка лексемы *рука* – внешние проявления внутренних состояний.

1. Реальные проявления. Внутренние состояния реально проявляются в некоторых внешних действиях, состояниях или свойствах *руки*:

В русской фразеологии внутренние состояния проявляются в движениях *руки*: "***рука не дрогнет*** у кого, чья" – хватит решимости, смелости, мужества (сделать что-л.);	В китайской фразеологии внутренние состояния проявляются в свойствах *руки* – она может быть мягкой или твердой: "***шоужуань***" (букв.: "рука мягка") обозначает нерешительного, несмелого, инертного человека. В противоположном случае употребляется "***шоуин***" (букв.: "рука тверда"), т.е. 'решительный человек'.

2. Условные приписанные проявления:

"***руки чешутся*** *у кого*" – '1. кто-л. испытывает неодолимое желание подраться с кем-л., побить кого-л. и т.п.;' 2. *перен.* 'кто-л. испытывает неодолимое желание сделать что-л., заняться чем-л.'.	"***шоуян***" (букв.: "руки чешутся") – данная китайская ФЕ является полным эквивалентом русской ФЕ по форме и содержанию.

IV. *Рука* в пространственной метафоре.

1. Правая и левая рука.

Как известно, человек антропоморфически описывает пространство, что отражено в ФЕ. В "наивной" картине мира пара "правый-левый" задает важное противопоставление в описании пространств [Апресян 1995:111].

В русском языке противопоставление правый-левый имеет оценочный смысл: правый – положительная оценка, левый – отрицательная. "***правая рука***" – надёжный помощник; человек, на которого можно положиться.	Китайское пространство делится на левую и правую сторону, без оценки каждой из них, т.е. обе стороны находятся на равном положении. ФЕ "***цзоюшоу***" (букв. "левая и правая рука") обозначает "помощник", что соответствует ФЕ "правая рука" в русском языке.

2. Личная зона. Граница личной зоны проходит по той линии, которую могут провести руки [Красных 2001:7-8].

"***под рукой***" – 'в пределах досягаемости, в непосредственной близости'; человек может воспользоваться предметом, не меняя своего местоположения в пространстве (*это всегда должно быть под рукой*); "***рукой подать***" – 'недалеко, близко, совсем рядом; человек может быстро добраться от начального пункта следования до конечного'.	В китайском языке *рука* очерчивает личную зону в трех направлениях: вверх, вперед и вниз. Иными словами, китайское личное пространство трехмерно: "***цзюйшоу чжи лао***" (букв. "всего работы – руку поднять"); "***цзэнь шоу кэ цзи***" (букв. "тронешь, протянув руку вперед"); "***чуй шоу кэ дэ***" (букв. "достанешь, опустив руку вниз"). Все три ФЕ обозначают очень легкое дело, которое не требует усилий, не составляет никакого труда, совсем недалеко.

3. Неличная зона:

"***рукой не достанешь***" – недосягаем, недоступен для кого-л., чего-л.

Данное значение лексемы *рука* не зафиксированы в китайских ФЕ.

3. *Рука* в соматической паре "рука и нога".

Смысл этой пары связан с человеком в целом, поскольку руки и ноги символизируют верх и низ человеческого тела. Поэтому ФЕ "***с руками и ногами***" имеет значение 'целиком, полностью'. Во фразеологизмы часто входят оба компонента и, как правило, они противоставлены: ФЕ "***Ноги носят, руки кормят***" показывает их разные функции и разделение труда, или сопоставлены: ФЕ "***отбиваться руками и ногами***" – противиться чему-л. всеми силами, решительно, наотрез отказываться от чего-л. Здесь руки и ноги представлены как средства сопротивления не обязательно физическому воздействию.

Бездействие *рук* и *ног* означает беспомощность, физическую, плотскую смерть человека: "***отсохни руки и ноги***", "***связать по рукам и ногам***".

Референту *нога* в китайском языке соответствуют два синонима *цзяо* (соврем. кит. яз.) и *цзу* (древ. кит. яз.). Поэтому пара *рука-нога*

представлена в ФЕ как *шоуцзяо* и *шоуцзу* с разными стилистическими значениями:

"***дун шоуцзяо***" (букв.: совершать действия руками и ногами) – тайно действовать, втихомолку совершать, напр. злоупотребления;

"***шоуцзу чжи цин***" (букв.: отношения рук и ног) – братские отношения, чувства; братство.

В китайском языке двуслог *шоуцзяо* является средством образования четырехсложных ФЕ:

"***бан шоу бан цзяо***" (букв.: "связывать кого-то по рукам и ногам") – быть беспомощным; действовать чересчур осторожно (осмотрительно, скованно).

В китайском языке двуслог *шоуцзу* также является средством образования ФЕ:

"***шоу цзудао***" (букв. "руки пляшут, ноги притоптывают") – быть вне себя от радости.

Таким образом, в русской и китайской фразеологии существуют некие универсальные закономерности в организации ФЕ. Но наряду с ними представлены и различия, которые обусловлены несовпадением культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1995. – Т.1.

Большой китайско-русский словарь. В 4-х тт. – М.: 1983. – Т. 2.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1993.

Гак В.Г. Национально-культурная специфика метонимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 260–268.

Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. – Москва–Вена, 2001.

Красных В.В. Коды и эталоны культуры // Язык. Сознание. Коммуникация. – М., 2001. – Вып.19. – С. 5–19.

Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. – М., 1979.

Семенас А.Л. Лексика китайского языка. – М., 2000.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М., 2001.

Эмирова А.М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. – Самарканд, 1972.

SUMMARY

The report is devoted to the comparison of Russian and Chinese phraseological units with the word "hand" which is one of the most productive one somatic codes. We describe various groups of metaphorical meanings of the lexeme "hand" and its semantic peculiarities to show the similarities and differences, which represent the linguistic view of the world.

Л.И. Головачева, г. Севастополь

ИЕРОГЛИФ И СЛОВО

1. Со времен Шампольона, который пришел к выводу, что египетские иероглифы являются заместителями слов, а не предметов, как это представлял себе ученый мир ранее, прошло почти двести лет. Но попытки теоретизирования относительно того, что представляет собой иероглифическое письмо, по каким-то причинам не приносят существенных результатов, хотя изучением его занимается в настоящее время большой отряд китайских грамматологов и немногочисленные отдельные ученые за рубежами Китая. Что-то мешает осмыслению этого феномена, существующего уже несколько тысячелетий и явно имеющего прямое отношение к началу истории человека. В качестве компенсации неудач в теоретическом осмыслении иероглифики возникают концепции, мистифицирующие китайское письмо, приписывая ему удивительные свойства и представляя его в качестве альтернативного пути развития письма и даже претендента на роль общепонятного «мирового письма».

Ученые по-разному трактуют вопрос об означаемом иероглифического знака. Китайские лингвисты в настоящее время признают, что иероглифическое письмо передает значение через звучание, то есть рассматривают иероглифику как *письменную форму* языка, означаемым в которой является слово. Несомненным считал это исследователь фонетики древнекитайского языка Б. Карлгрен. Российские историки письма, в противоположность этому, считают означаемым иероглифа понятие, существующее помимо слова, а иероглифическую письменность – письменным *языком*. При этом возникает определенная путаница из-за нестрогости лингвистических терминов,

«понятие» обычно называют либо «словом», либо «значением», а вместо «слова» фигурирует «чтение» или «произношение». Но приводимые авторами пояснения и примеры не оставляют сомнений, что речь идет о понятии как означаемом иероглифа.

Основанием утверждения о понятии как означаемом иероглифического знака называют обязательность связи между начертанием и значением иероглифа и необязательность связи между его чтением и значением: один иероглиф может иметь разные чтения, чтение его может даже не быть известным, тем не менее, значение можно установить.[1] Чтения могут меняться исторически без изменения значения иероглифа.[2] Китайский иероглифический текст может быть прочитан вслух на любом из китайских диалектов, а также на любом языке, пользующемся китайской письменностью. Одно и то же слово /понятие – Л.Г./ на всем протяжении истории китайского языка пишется одинаково, как бы ни менялось его произношение.[3] Необязательность связи «значения» и «чтения» привела, по мнению ученых, к возникновению в Китае на рубеже н.э. единого *письменного языка,* существовавшего как средство междиалектного общения в условиях отсутствия общего устного языка. Указывают, что в качестве такого средства письменный язык существовал и раньше, еще в эпоху Чжоу, но он стал единым при Хань, о чем свидетельствует словарь диалектизмов «Фанъянь» Ян Сюна, в котором не указано чтение иероглифов, так что каждый мог читать их на своем диалекте.[4] Утверждается, что китайцы в то время вообще не интересовались фонетикой, лишь позднее Чжэн Сюань (127–200 гг.) начал указывать «правильное чтение», используя для этого «прямое уподобление» (чжи инь), то есть приводя знак с таким же чтением. Из прямого уподобления нельзя было узнать диалектное чтение знака, но в III в. была изобретена система «фаньце», передававшая чтение знака двумя иероглифами, один из которых обозначал произношение инициали, а другой – финали определяемого знака. Употреблявшиеся в фаньце знаки могли быть прочитаны на любом диалекте и передавали любое диалектное чте-

---

[1] *Софронов М.В.* Китайский язык и китайское общество. – М., 1979. С.161.

[2] *Яхонтов С.Е.* Древнекитайский язык. – М., 1965. С.21.

[3] Там же.

[4] *Софронов М.В.* Указ. соч., с.44–45.

ние.[1] В качестве подтверждения положения о расхождении письменного и устных языков на рубеже н.э. выдвигается тот факт, что в указанный период появляются комментарии к древним текстам. Они будто бы потребовались, потому что письменный язык стал непонятен.[2]

2. Представление о том, что иероглиф имеет всегда одно и то же значение и, наоборот, одно и то же понятие всегда обозначается одним и тем же иероглифом и потому для этой прямой связи безразлично «чтение» знака, безусловно не соответствует действительности. Хотя существуют определенные категории логограмм (пиктограммы, указательные знаки, числа), понятные без знания языка, на котором написан текст, однако указанные знаки с древнейших времен составляют в китайской письменности меньшинство. С другой стороны, о тесной связи начертания иероглифа и обозначаемого им слова (фонемы) говорит существование в китайской иероглифике категории «заимствованных знаков», которые имеют в качестве означаемых омофоны с совершенно разными значениями, даже совершенно не связанными со значениями слов, для означения которых знаки были созданы изначально. «Заимствованные знаки» использовались в китайском письме с древнейших времен, о чем свидетельствуют иньские надписи на костях и надписи на чжоуской ритуальной бронзе. Среди современных историков письма распространено мнение, что заимствование знаков не носило сколько-нибудь масштабного и системного характера. Они отмечают, что в текстах классических канонов, синхронных надписям на ритуальной бронзе (V–III вв. до н.э.), заимствованных знаков практически нет. Кроме того, заимствования вовсе не всегда происходили по принципу тождества звучания знаков, последние могли читаться иначе, чем слова, которые они заменяли, чтение могло быть как близким по звучанию, так иногда и совсем различным. Однако, в противоположность этому, традиционные китайские ученые, начиная с периода Хань, отдавали себе отчет в том, что в текстах классических канонов заимствованные знаки (цзя цзе) широко использовались. И с самого начала эти тексты, записанные по

---

[1] Там же, с.45–46.

[2] Там же, с.68.

изустному изложению, многократно редактировались с целью нахождения наиболее подходящих знаков для выражения нужного значения омонимов. Этимологический словарь «Шо вэнь цзе цзы» (100 г.) создавался в помощь ученым, читающим каноны, чтобы облегчить им идентификацию заимствованных знаков. Сюй Шэнь писал в «Предисловии» к «Шо вэнь»: «Заимствование – это когда первоначально (у слова) не было такого знака, он распространился в опоре на звучание и в отрыве от значения». Интерес к фонетике, якобы внезапно проявившийся во II в., также проистекал из стремления понять канонические тексты, так что недаром появление фонетических штудий связано с именем Чжэн Сюаня, крупнейшего комментатора канонов. С той же целью был создан в VI в. и словарь «Це юнь». Чрезвычайное внимание к фонетике классических текстов проявляли цинские ученые. Был составлен фонетический толковый словарь «Гуан я» (Расширение «Приближения к классике»). Ван Няньсунь (1744–1832), считавший, что ключом к пониманию древних текстов является фонетика, исправлял и комментировал тексты древнекитайских философских памятников, пользуясь этим словарем, к которому он составил толкование и комментарии. Известным цинским ученым Чжу Цзянем (1769–1850) был составлен комментарий «Шо вэнь цзя цзе и чжэн» (Правильное толкование заимствованных знаков в «Шо вэнь»). В нем была предложена первая классификация цзя цзе. Автор разделил их на три категории – заимствовование по общности (моу вэй моу чжи *тун цзе*), транзитивное заимствование (моу вэй моу чжи *чжуан цзе*), заимствование с сокращением (моу вэй моу чжи *шэн цзе*). В первую категорию вошли знаки, имеющие нечто общее по графике, звучанию или значению. Во второй рассматривались знаки вторичного заимствования, когда А употребляется вместо Б, Б вместо В и В вместо А по принципу транзитивности. Третья категория включала в себя знаки, которые образовались путем сокращения сложных иероглифов на какой-то элемент (внешне это походило на отъем ключей от идеофонограмм, оставался как будто бы один фонетик).[1] При всем внимании к важной роли звучания слова в образовании категории заимствованных знаков классификация Чжу Цзяня отражает, тем не менее, ошиб-

[1] *Чжу Цзянь.* Шо вэнь цзя цзе и чжэн. (*Чжу Цзянь.* Правильное толкование заимствованных знаков в «Шо вэнь»). Хэфэй, 1997. – С.1–8.

ки в толковании происхождения последних, которые (ошибки) сохраняются в сознании традиционных китайских грамматологов и их зарубежных коллег и поныне. Это, во-первых, интерпретация употребления данных знаков как ошибок записи, произошедших вследствие незнания нужного знака или отсутствия такового. А во-вторых, непонимание того факта, что во время первичной записи канонов в период Чуньцю-Чжаньго в китайском письме еще не было категории идеофонограмм, что они появились в результате циньской реформы письма 213 г. до н.э. и текст канонов был записан с их применением вторично при династии Западная Хань. Так как старое письмо было полностью уничтожено при Цинь и новые поколения грамотеев, освоивших новое идеофонографическое письмо, уже не понимали его радикального отличия от письма дореформенного, состоявшего из пиктограмм, идеограмм и этих же категорий знаков, но употребляемых в качестве заимствованных, ханьские и более поздние ученые досадовали на ошибки писцов, мешавшие правильному пониманию текста и старались их исправить. Когда классические тексты были канонизированы и затем выгравированы на камне, дабы установить единый образец, воспроизводить их в ином виде уже не разрешалось, но обсуждение ошибок в канонических текстах не возбранялось – при условии приведения исходных текстов. Отсюда распространилась форма комментирования, столь характерная для традиционного китайского каноноведения. Китайские ученые предложили тысячи замен для тех знаков классических канонов, которые они считали заимствованными, оправдывая замены прояснением темных мест текста. Явление получило название «объяснения с помощью цзя цзе». В XX веке за систематическую проверку правомерности этих предложений китайских ученых взялся шведский синолог Карлгрен,[1] занимавшийся реконструкцией исторической фонетики древнекитайского языка. Знаменательно то, что Карлгрен подвергал проверке не все предложенные замены. Те из них, которые были сделаны по признаку тождества звучания знаков и слов, которые предлагалось ими заменять, он считал несомненно правомерными. При этом тождество звучания определялось по фаньце. Сомнение у него вызывали замены,

[1] *Karlgren Bernard.* Loan Characters in Pre-Han Texts. In: The Museum of Far Eastern Antiquities. Stockholm. Bul. №35, 1963, p.1–128.

производимые при близком, но не идентичном звучании слов, обозначаемых знаками, безотносительно к тому, имели подразумеваемые «правильные» слова собственные знаки или нет. Карлгрен считал, что при различии звучания предложенных для замены знаков такая замена правомерна, если оба знака относятся к одной фонетической серии, то есть в случае, когда заменяемый иероглиф совпадает с фонетиком заменяющего знака, ибо все идеофонограммы он определял как заимствованные знаки, к которым присоединены ключи. Это важное прозрение Карлгрена относительно природы идеофонограмм снова страдало недостатком, общим для всей синологической науки: он считал, что идеофонограммы уже существовали в период создания канонов и широко применялись в них, в противоположность надписям на бронзе, где фигурируют исключительно заимствованные знаки. Карлгрен искал причины того, почему некоторые знаки заимствовались для обозначения слов, отличных от них по звучанию, но не допускал мысли, что встречающиеся различия в звучании между заимствованным знаком и идеофонограммами образованной с его помощью фонетической серии могли появиться *после* заимствования. Тем не менее, все различия в «чтении» знаков появились позже и были результатом того, что изменившиеся с прибавлением ключей знаки получили и новые, фонетически отличные от прежних означаемые, привлеченные из иных диалектов со специальной целью уменьшения степени омонимизации языка.

У Карлгрена была еще одна важная догадка: он понял, что не все знаки, которые числились идеофонограммами в «Шо вэнь», были таковыми на самом деле. Многие из них были идеограммами. Такие знаки часто становились заимствованными, а потом в них сокращался элемент, похожий на ключ и они заимствовались вторично в усеченном виде (см. категорию В у Чжу Цзяня). Позже к усеченному таким образом знаку добавлялись ключи, и он образовывал фонетическую серию. Первый (сложный) и усеченный заимствованные знаки имели референтами омофоны, а знаки образованной от них фонетической серии имели иные «чтения». Поэтому Карлгрен предлагал не клясться именем Сюй Шэня, имевшего смутное представление о древнекитайской фонетике, а исследовать каждый отдельный случай методом фонетической реконструкции. Карлгрен отверг многие предложения

китайских ученых как неправомерные, но многие предложения и подтвердил. Случаи заимствования по тождеству значения при различном звучании он не рассматривал.

Смелое предложение Карлгрена не клясться именами древних ученых я бы предложила расширить и не клясться и именами современных ученых, которые, к тому же, изучают цзя цзе и историческую фонетику в отрыве от углубления в изучение канонов. Излишнее доверие к штудиям китайских ученых и самому Карлгрену помешало понять, что заимствование знаков в доциньское время происходило по единому принципу – *по тождеству звучания* означаемого знака и слова, которое нужно было этим знаком заменить.

3. Но если письменный иероглифический знак не живет без слова, которое является его означаемым, а слово языка, согласно первому постулату Соссюра, немотивировано, то как разрешить противоречие между мотивированностью иероглифов изобразительных категорий и немотивированностью означаемых ими слов? Ведь именно это противоречие создает впечатление, что иероглифы связаны со «значениями» непосредственно, то есть значение имеют сами знаки помимо слов.

Именем Соссюра не хочет клясться известный поэт и ученый Олжас Сулейменов, оспаривающий его первый постулат в своей книге «Язык письма» (Алматы – Рим, 1998). Несколько десятилетий Олжас Сулейменов, знаток многих языков, занимается историей языка и письма и ставит перед собой задачу создания словаря праязыка человечества, по которому можно было бы определять этимологию базовых слов всех языков. Праязык «малого человечества», обитавшего в районе экваториальной Африки, утверждает Олжас Сулейменов, зарождался как язык общения с первым родовым и племенным божеством луны и начинался с одного слова. Им озвучивался знак – пиктограмма луны в акте трансцендирования, состоявшем в назывании имени божества. Немая луна не могла озвучить себя самостоятельно, и знак луны был нем, а малое человечество также немо, у него еще не было слов. Знак божества озвучил своим «самоназванием» бык, чьи рога походили на лунный знак (в экваториальной Африке месяц расположен на небосводе рогами вверх), почему бык и воспринимался как заместитель бога на земле. Малое человечество освоило

произношение этого слова-мычания, тысячи лет совершенствуя и приспосабливая к его произнесению свою непослушную гортань, и усвоило принцип озвучивания немого предмета гласом другого, способного производить звук. При миграции малого человечества на север изменилось положение лунного диска на небосводе, изменилось и положение знака божества, что вызвало изменение имени путем изменения порядка звуков в нем. Это было уже другое слово. Дальнейшее продвижение на север привело к смене холодного божества луны теплым божеством солнца. Знаком солнца стала сначала окружность с точкой от пальца-циркуля в середине, а точка затем превратилась в линию и дала знак перечеркнутых рогов – «убитый бык». Черта – орудие убийства быка – озвучилась звуком выдоха человека при ударе. Так получился второй слог усложнившегося слова или второе слово. По-разному интерпретируя знак «быкоубийства» или «убитого быка», жрецы-словотворцы изобрели ряд приемов преобразования освоенных звуков – слоговой палиндром, умлаут и т.д. Слова изменялись, но изменялись не произвольно, а мотивированно – вслед за изменением знаков. Новая интерпретация знаков отражалась в изменении положения и величины элементов в знаке, в добавлении новых элементов. Все это по определенным умопостигаемым и общим правилам отражалось в озвучивании – слове. Письмо и язык как инструмент человечения человека эволюционировали параллельно в процессе трансцендирования. Слова праязыка не были произвольны, они мотивировались соответствующими письменными знаками. По Сулейменову, диалекты, на которые разошлись два первичных диалекта праязыка, дали начало языкам разных групп и семей. Но глубинная связь между ними продолжает существовать, хотя она не лежит на поверхности. Выражается же она в том, что слова всех языков образованы по определенным законам и через ряд преобразований, зачастую очень длинный, их общий корень может быть обнаружен, что Олжас Сулейменов и демонстрирует на примере тождества реконструированных им первознаков солнца со знаками «барана» и «коровы» («не-быка», «убитого быка») в древнекитайской иероглифике и фонетического родства обозначаемых ими слов с соответствующими словами в славянских, тюркских и индоевропейских языках. (Кстати сказать, это наводит на мысль, что одноморфемность слов

древнекитайского языка, которая как будто не согласуется со словообразовательной схемой Олжаса Сулейменова, может быть следствием слияния двух прежде раздельных морфем типа 之 於 = 者. О такой возможности говорит принцип фаньце, который образовался неслучайно).

При всей ее внешней экстравагантности, концепция Олжаса Сулейменова чрезвычайно глубока, и игнорирование ее (а таковое пока наблюдается) было бы ошибкой. По-видимому, она является теоретическим прорывом, который может, наконец, привести к созданию теории письма.

О.М. Готлиб, г. Иркутск

КИТАЙСКИЕ МОРФОГРАММЫ

Большинство письменных знаков китайского языка представляют собой логограммы – графические знаки, наделенные значением и могущие в синтагматическом ряду сочетаться между собой. Принимая это, естественным является выделение в них более простых единиц. Представляется, что в данном случае допустима экстраполяция языкового деления на фонемы и морфемы и выделение соответственно графем (черт) как смыслоразличительных и смыслоконструкционных единиц, и морфограмм как значимых частей логограмм, не могущих функционировать самостоятельно.

Морфограммы необходимо отличать от того, что в отечественной синологии принято называть ключами, а в китайской – «部首». Последние со времен Сюй Шэня выполняют скорее таксономо-лексикографическую функцию, но не рассматриваются в качестве последовательных единиц письменной системы.

Базой для выделения морфограмм послужили словари «Шо вэнь цзе цзы» и CD «Ханьюй да цыдянь 1.0» (Сянган, 1998), включающий более 28 тысяч иероглифов и более 343 тысяч сложных слов. Последний послужил основанием для выделения морфограмм с точки зрения их неспособности к образованию сложных слов. Из него же дается китайское толкование знаков, их толкование на русском языке дается

главным образом по «Шо вэнь цзе цзы», либо в устойчивой интерпретации, принятой в отечественной синологии.

1. 一 yī 1.初；开始。2.另一。3.哲学用语。我国古代思想家用以称宇宙万物的原始状态。Первоначало; разделитель неба и земли.
2. 丨 gǔn 《说文·丨部》："丨，上下通也。"今用作汉字部首之一。亦用作汉字笔画之一，称"竖"。Соединение верха и низа; древко, флагшток; рука.
3. 亅 jué 钩子，下端向上弯曲的器物。《说文·亅部》："亅，鉤逆者謂之亅。"今用作汉字笔画之一，称"竖钩"。Крюк, рыболовный крючок.
4. 丄 shàng 同"上"。Верх.
5. 丅 xià "下"的古字。Низ.
6. 乚 yǐ 字部首。同部首"乙"。Орудие для обработки земли / кишки рыбы.
7. 凵 kǎn/qiǎn 《说文·凵部》："凵，張口也。象形。Открытый рот.
8. 凵 qu – сосуд для еды.
9. 辶(辵) chuò 1.忽走忽停，步履踌躇。2.超越，不按阶次急走而下。3.奔走，疾走。Двигаться, передвигаться; малый шаг.
10. 廴 yǐn 1.长行。2.同"引"。开弓。yìn 延长。Двигаться, широкий шаг.
11. 廾 jiū 1.缠绕纠结。后作"糾"。2.瓜瓠之类藤蔓上的钩状物。Переплетать, связывать; клубок.
12. 𠂇 zuǒ – левая рука.
13. 刂 dāo 同"刀"。汉字偏旁。Нож.
14. 𠂆 hàn/dàn – бутон, созревший колос.
15. 丷(八) bā – восемь; разрывать на части.
16. 冂 jiōng 1.远远的郊野。2."扃"的古字。自外关闭门户用的门闩之类。Пограничные земли; земли вне городских стен, посад.
17. 冖 mì "幂1"的古字。覆盖。Крышка.
18. 冫 tóu 部首用字。Верхушка, головка
19. 匕 huà – человек (трансформ от 人).

20. 匕 bǐ 1.古代取食的用具，曲柄浅斗，有饭匕、牲匕、疏匕、挑匕之分。状类后代的羹匙。2.箭头。Ложка; наконечник копья; холодное оружие.
21. 亻儿(人) rén 1.能制造和使用工具进行劳动，并能用语言进行思维的高等动物。Человек.
22. 勹 bāo “包”的古字。裹。《说文·勹部》：“勹，裹也。象人曲形有所包裹。” Плацента, детское место; сверток, сворачивать.
23. 卩/巳 jié 亦作“㔾”。“節1”的古字。古代出使等用作凭证之物。Коленце бамбука; трансформ «человек».
24. 厂/厂 hǎn/ān 山崖边较浅的岩穴。Обрыв.
25. 讠/言 (言) yán 话；言语。Язык, речь.
26. 巛 kuài “澮1”的古字。田间排水的沟渠。Арык, ручей.
27. 冫/仌 (冰) bīng 亦作“仌1”。亦作“冰1”。Лед.
28. 匚 xì 《说文·匚部》：“匚，衺徑有所夾臧也。” Прятать, укрывать.
29. 匚 fāng “匡”的古字。Ящик.
30. 阝 fù/ yì 同“阜”,“邑”。土山。/京城，国都。Холм / городская стена.
31. 亏 kǎo 1.气欲舒貌。Затрудненное дыхание; древко топора.
32. 亏 kuī/yū “亏”
33. 夂 zhì 从后送到。Движение ногой влево.
34. 囗 wéi “圍”的古字。Ограда.
35. 忄 鱞（心）xīn 汉字部首。通称“竖心旁”。Сердце.
36. 小（小） xiǎo – маленький
37. 夨 zè 1.倾头，引申为倾侧。Человек с повернутой головой.
38. 彳 chì 小步。【彳亍】1.小步走，走走停停貌。Малый шаг; двигаться, идти.
39. 亍 chù 1.小步而行。Малый шаг.
40. 尢wāng 亦作“尫1”。Хромой；человек, припадающий на одну ногу от тяжести
41. 丌 jí – плетеный совок; подставка.
42. 屮chè 草木初生。Травинка.
43. 艹cǎo 汉字部首。通称“草字头”。（艸cǎo 同“草”。）Трава.

44. 氵氵 （水）shuǐ 汉字部首。通称“三点水”。 Вода.
45. 彡shān 毛发貌。Пух.
46. 广 yǎn 依山崖建造的房屋。Пещера в склоне; навес.
47. 饣 shí 字部首“ 食 ”的简化字。Еда, пища.
48. 亼 jí “ 集1 ”的古字。Крышка для сосуда; крыша.
49. 宀 mián 1.房屋。2.指状如屋顶的篷盖设施。Крыша, жилище.
50. 扌 鳍 shǒu 汉字部首。通称“提手旁”或“别手旁”。Рука.
51. 彐 jì 同“ 彐 ”。Голова свиньи.
52. 犭 quǎn 汉字部首。通称“反犬旁”。Собака
53. 乇 zhé/ tuō 草木生叶。Лист, травинка.
54. 讯 xùn 迅速，急疾。后作“迅”。Быстрый; изображение машущих крыльев.
55. 廾 gǒng 两手捧物。Руки, держащие предмет.
56. 爿 （爿） qiáng/ pán 剖木为二，左半为爿。1.劈成片的竹木。2.泛指成片、成块的东西。Обрубок.
57. 纟糸(糸) mì/si 1. 细丝。2. 表示长度的小数。相当于五根蚕丝并排的长度。Шелковинка; йота; мельчайший.
58. 兮 xī 古代韵文中的助词。用于句中或句末，表示停顿或感叹。与现代的“啊”相似。Вздыхать.
59. 丏 miǎn/ gài 遮蔽，看不见。Скрывать, закрывать.
60. 毋 guàn/ wān/ huàn “ 貫 ”的古字。贯穿。Связка монет; щит.
61. 冃 mào 古代儿童或少数民族的缠头布。后作“帽”。Головная накидка.
62. 先 zān 同“ 簪 ”。Заколка для волос, головное украшение.
63. 牜 （牛）niú 汉字部首。Корова.
64. 丰 jiè 草芥。后作“芥”。Орудие для рытья, копки, обработки почвы.
65. 肉 róu “ 蹂 ”的古字。1.兽足踏地。2.引申为践踏。След зверя, птицы.
66. 厃 wěi/yán 1.瞻仰。2.同“ 危 ”。3.屋檐处横木。同“ 檐 ”。Человек , стоящий у обрыва.
67. 殳 shū 古代兵器。Холодное оружие с длинным древком.
68. 亢 gāng 咽喉，喉咙。Шея, горло.
69. 爪 zhǎo 汉字部首，同部首“爪”。Когти.

70. 歹 è “ 歹 ” 的古字。剔去肉后的残骨。Раздробленная, обглоданная кость.
71. 攴 pū 亦作 “ 攵 ” 。轻击。Ударять; палка в правой руке.
72. 饣 jì 饮食引起的气逆哽塞。Человек, отрыгивающий после еды.
73. 勹 bào 1.同 “ 抱 ” 。2.同 “ 苞 ” 。Держать, поддерживать.
74. 亢 dà 同 “ 大 ” 。 Трансформ от 大 – большой, человек с раздвинутыми ногами и раскинутыми руками.
75. 灬 huǒ/biāo 同 “ 火 ” 。炽烈的火。Огонь.
76. 木 tin/pìn 剥取枲茎之皮。Ободранная кора, кожица.
77. 礻 shì 字部首。通称 “示字旁” 。Одежда.
78. 仑 侖 lún 1.伦次；条理。2.通 “ 淪 ” 。沦陷。3.通 “ 倫 ” 。Связка табличек с надписями.
79. 忄 kuǎ – большой шаг; шагать.
80. 扌 jì 执，持。Держать в руках.
81. 耂（老） lǎo Старец; старый.
82. 聿 niè 汉字部首。通称 “ 聿字头 ” 。Рука со орудием письма.
83. 彐 rǎn/ nán 同 “ 冉 ” 。Волосы, растущие вниз.
84. 疋 shū 足。Нога.
85. 昌 «yī/sì – зрелый плод, зрелое семя.
86. 疒 nè/chuáng 疾病。 Болезнь; человек, лежащий на кровати.
87. 罒(网) sì 汉字部首。通称 “罒字头” 。Сеть.
88. 止 zī – останавливаться; выросшая трава.
89. 钅 jīn 汉字部首。通称 “金字旁” 。汉字部首 “ 金 ” 的简化字。Металл, золото.
90. 卮 zhī 同 “ 巵 ” 。古代一种酒器。Сосуд для вина.
91. 癶 bō 1.汉字部首之一。2.两脚相背。3.表示两足在行走。Развернутые ступни.
92. 夂 bò – плестись, трусить.
93. 戉 yuè 1.古兵器名。即大斧。同 “ 鉞 ” 。2.古星名。在井宿之西，黄道之南不到一度之处。古国名。Боевое оружие.
94. 匄 gài 同 “ 匄 1 ” 。1.乞求。2.给予。Согнутая фигура человека; просить.
95. (羊) yáng - баран.
96. (竹) zhú - бамбук.

97. 𠦪 ruò 古代神话中日初升时所登神木。Священное дерево, которое первое освещает поднявшееся солнце.
98. 𠂢 pài/fēi – протока, рукав реки.
99. 𠂤 duī – вал, насыпь; бивуак, военная стоянка.
100. 𠫓 qiān – орудие для пытки.
101. 𠂤 yín 众立貌。Люди, работающие под солнцем.
102. 虍 hū 1.虎皮之文。Тигр.
103. 𠕁 xuān 惊呼。𠕁 lín 同“ 𠕁 ”。同“ 粼 ”。Испуганно вскрикнуть.
104. 朿 cì 木芒，植物上的针状物。后作“刺”。Хвоинка, шип.
105. 冎 guǎ “ 剮 ”的古字。割肉离骨。古代的一种酷刑。Обглоданная, очищенная кость.
106. 荒 huāng 1.广大。Водная гладь, большая река.
107. 垒 lěi 磊落。Земляная стена, ограда.
108. 未 shū 1.“ 菽 ”的古字。2.同“ 叔 ”。Бобы.
109. 由 fú 1.鬼头。2.借指鬼。Голова черта.
110. 衤 yī 汉字部首。通称“衣字旁”。Одежда.
111. 襾 襾（西） xī – запад (гнездо птицы).
112. 釆 biàn “ 辨1 ”的古字。象兽爪分别之形，本义指兽爪，引申为辨别。След лапы зверя.
113. 皀 bī 一粒，粒。Очищенный рис для приношений.
114. 囱 囱 chuāng/cōng “ 窗1 ”的古字。.灶突。烟囱。Окно, дымоход.
115. (足) zú 1.脚；腿。Нога.
116. 囧 jiǒng 同“ 冏 ”。亦作“ 䁕 ”。窗透明。引申为明亮。Оконный переплет.
117. 羋 mǐ 作“ 羋 ”。1.羊鸣。Блеять.
118. 隶 dài 及；捕獲。Хватать (рука, держащая хвост).
119. 畐 fú 容器名。无足鬲。Сосуд полный вина.
120. 卣 yǒu “ 酉 ”的古字。Сосуд с вином.
121. 酋 sù 用酒灌注茅束以祭神，象征神饮酒。Профильтрованное вино для приношений.
122. 佥 qiān “ 僉 ”的简化字。Все, всё.
123. 镸 cháng/zhǎng/zhàng “ 長 ”的古字。Взрослый мужчина с прической.

124. 𢇁 bì – рваная одежда.
125. 𢦏 cán – орудие для раскалывания, продевания.
126. 𠙵 yí – подбородок, челюсть.
127. 卣 yǒu 1.古代一种中型酒樽，青铜制，一般为椭圆形，大腹，敛口，圈足，有盖与提梁，多用作礼器，盛行于商和西周 。Посуда для вина, продуктов.
128. 𠬝 xián/qiān 同“ 賢 ”。Вынуждать, заставлять
129. 𢍏 zhuó 1.联缀。2.短，不足。Связывать, стягивать; сметывать, сшивать.
130. 𢍏«zhuò – ковылять, ходить с трудом.
131. 𠧪 lǐn – закрома, амбар; хранилище для жертвоприношений.
132. 臾 yú/ yǔ/ yǒng/ kuì – тащить за волосы связанного пленника.
133. 音 tòu 亦作“ 咺 ”。Говорить всем разом, не слушая друг друга.
134. 甾 zī/ zāi 亦作“ 菑 2 ”。1.祸患；灾害。2.有机化合物的一类。如胆固醇、性激素都属于甾类化合物。在医药上应用广泛。Сосуд для вина.
135. 亯 xiǎng “ 享 ”的古字。Кумирня на горе
136. 𦍒 zhuó 丛聚而生的草。Густая трава.
137. 畺 jiāng 相邻的田地。Смежные поля.
138. 冓 gòu “ 構1 ”的古字。材木交积。Плетение из дерева; скаты крыши, сплетенные из растений.
139. 啚 bǐ “ 鄙 ”的古字。Городская стена, граница.
140. 𠦪 pú 烦複众多。Раб, держащий в руках корзину с рисом.
141. 豐 lǐ 礼器。Ритуальный сосуд.
142. 畺 jiāng 同“ 疆 ”。1.境，边境。2.极限。Размежеванные поля; граница.
143. 辡 biàn 1.辩解，争辩。2.口才好。3.皆，普遍。Спор, дискуссия.
144. 雷 líng 1.降雨。2.引申为水珠飞溅貌。Сильный дождь, крупные капли дождя.

SUMMARY

Chinese characters – logograms can be regarded as complex nominative structures that can be combined with each other in syntagmatic line. The most primitive figure of this structure is a stroke named grapheme. Graphemes play sense distinguishing and sense forming functions, but have no meaning of their own. The element we call morphogram is a component of logogram which is a minimal unit of meaning. We offer a list of morphograms selected from «说文解字» and CD «汉语大辞典».

К.И. Долотин, г. Москва

К ПРОБЛЕМЕ ПОИСКА КОДА ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕЧЬЮ

(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, КИТАЙСКОГО, ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Известно, что посредством акустической формы речевого сигнала в процессе речевой коммуникации передается информация, связанная как с планом содержания речи, так и с планом ее выражения. Помимо лингвистической информации, через акустическую форму речевого сигнала в процессе общения происходит непрерывный обмен экстралингвистической информацией (имеется в виду физическое и психическое состояние участников речевого общения).

Многие факторы процесса речевой коммуникации модифицируют просодику речи (частота основного тона, темпоральные и амплитудные характеристики) и тем самым оказывают непосредственное влияние на речевое поведение собеседников. Например, известно, что вегетативные процессы в системе центрального управления речью обусловливают ее эмоциональный компонент, а сознательные процессы управления речью обусловливают ее интенциональный компонент. Эти два важных компонента речевого общения непосредственно отражены в акустической форме речевого сигнала, в его просодике и интонации.

Поскольку просодика речи в определенной мере отражает сознательные процессы ее порождения, то возникает вопрос: как отражены в речевом сигнале автоматизированные процессы порождения речи? (подсознательные). Этот компонент речевого сигнала не отражается в значимых изменениях его акустических характеристик, но тем не ме-

нее должен присутствовать и определенным образом быть закодированным в нем как рудимент центральных процессов, происходящих при порождении текстов с различным коммуникативным заданием. На наш взгляд, наиболее перспективным подходом для обнаружения кодов центрального порождения речи является анализ ее квазиритмических структур, которые наблюдаются при количественном анализе степени корреляции между формантными параметрами сегментного состава речи. Такой подход в первом приближении позволяет перевести инструментальный анализ речи с акустического уровня на уровень анализа центральных процессов ее порождения.

Посредством алгоритмической обработки измеряемых данных акустического анализа речевого сигнала мы выделили в нем порядка 260-и квазиритмических структур (КРС), которые наблюдались нами в процессе анализа величины степени корреляции между значениями формантных параметров на промежутке времени озвучивания текстов. Анализ данных обнаружил, что зависимость «приведенной» степени корреляции формантных параметров от времени обладает хорошей ключевой характеристикой, поскольку порог переключения амплитуды КРС с ее минимума на максимум имеет большую крутизну и равен от 4-х до 5-и порядков. В эксперименте эти структуры выделялись на основе оценки величины коэффициента корреляции между значениями формант. Поскольку квазиритмические структуры обладают хорошими свойствами переключения, их можно обозначить как «0» – состояние «выключено» (амплитуда КРС порядка 10^{-1}) и как «1» – состояние «включено» (амплитуда КРС порядка 10^{5}). Такой метод анализа речевого сигнала позволяет обнаружить 256-разрядный двоичный код и более. Затем этот двоичный код нормировался по времени. Данный код не связан со значимыми изменениями акустических характеристик речи, но рудиментарно отражен в речевом сигнале в форме небольших вариаций величин его акустических параметров.

Таким образом, появляется возможность в первом приближении осуществлять количественный контроль за процессом квазипереключений в центральной системе управления речью на промежутке времени ее производства.

Ниже приводится пример такого анализа. Один и тот же текст с определенным коммуникативным заданием озвучивался русским, двумя китайскими и тремя японскими дикторами:

Прошу вас! Живите активно! Не стоит проводить выходные в постели. Слишком длительный сон – признак кислородного голодания. Он не приносит пользы. Поэтому не спите больше десяти часов и не валяйтесь все выходные перед телевизором. Достаточно десятиминутной информационной программы, чтобы загнать вас в стресс. Лучше гуляйте на свежем воздухе.

Текст на китайском языке:

请求你们！请积极的生活！不要一到休息日就躺在床上。太多的睡眠说明氧气不足。它对身体没有好处，所以睡眠不要超过十小时，并且不要一到休息日就只躺在床上看电视。只要十分钟的信息节目，就已经可以让人有精神压力。所以最好散散步，呼吸一下新鲜空气！

Текст на японском языке:

活動的に生きたまえ。休日を寝て過ごしてはならぬ。長く寝すぎるというのは酸素欠乏の兆候である。それはよい結果をもたらしはせぬ。だから十時間以上は眠らず、休日を一日中テレビの前で寝て過ごすことがないようにしたまえ。報道番組を十分も見ればストレスになるのだ。新鮮な空気の中を散歩するほうがよいのである。

Ниже приводится примерная таблица кодов, определяемых на основе переключающих характеристик КРС (см. таблицу 1, где распределение кодов по строкам отражает временной процесс порождения речи, а заголовок в таблице обозначает те параметры речевого сигнала, между которыми оценивалась степень их корреляции: F(i) – частота форманты, b(i) – ширина форманты и др.).

Таблица 1

F1-F2; F1-F3; F2-F3 и др.	F1-b1; F1-b2; F1-b3 и др.	F2-b1;F2-b2; F3-b3 и др.	F3-b1; F3-b2; F3-b3 и др.
1111111111110111110	1111111111100001111	1111111101111111	1111111011111111
1111111111110111110	1111111111100001111	1111111101111111	1111111011111111
1111111101111111011	1100011111011111100	0010111111010000011	1111111111111011
1111111101111110011	1000011111011111000	0000111111010000011	1111111111110011
1111111101111110111	1100111111011111000	0100111111010000111	1111111111110111
1111111001111110111	1100111111011111010	0100111111010000111	1111111111110111
1111111001111110011	1110011110011111011	0010111111111110011	1111111111110011
1111111001111110011	1110011110011111011	0010111111111110011	1111111111110011
1111111001111110011	1110011110011110011	0010111111111110011	1111111111110011
1111111001111110011	1110011111111111011	0010111111111010011	1111111111010011
1111111101111111011	1111011111111111111	1011111111111011011	1111111111011011
1111111101111111011	1111011111111111111	1011111111111011001	1111111111011001
1111101101111111011	1001011111111111111	1011111111111011001	1111111111011001
1111101101111111011	1001011111111111111	1011111111110001011	1111111111011011
1101111101011111001	1111011111111111111	1011101111111101001	0111011111111001
1101111101011111001	1111010101111111111	1011101111111111000	0111011111111000
1101111101011111011	1111011101011111111	1011101111111111000	1111111111111000
1111111101111111011	1111011111011111111	1011111111111111000	1101111111111000
1111111111111111111	0111111111111111111	1111111111111111101	1101111111111101
1111111111111111111	1011111111111111111	1111111111111111101	1111111111111101
1111101111111011111	1011111111111111111	1111111111011111101	1111111111111101
1111101111111011111	1011111111111111111	1111111111001111101	1111111111111101
1111101111101011111	1011111111111111111	1101111111001111100	1111111111111100

Поскольку в нашем эксперименте нормировка двоичного кода выполнена относительно времени озвучивания всего текста, то в первом приближении нормированный код можно считать образом речевого высказывания, который опосредованно в количественной форме отражает характер процесса переключений в центральном механизме порождения речи.

Ниже приводятся результаты по обнаружению такого кода. Для представления результатов нашего анализа в компактном виде двоичный код преобразован в шестнадцатеричный. Затем коды по каж-

дому диктору, озвучивавшему один и тот же текст с различным коммуникативным заданием (повеление, приказ, требование, просьба и мольба), были распределены по шкале нарастания.

Дистрибутивный анализ признаков распределения нормированных кодов по шкале нарастания (тип языка, пол диктора, тип коммуникативного задания: повеление, приказ, требование, просьба, мольба) позволяет в первом приближении сделать вывод о том, что в речевом сигнале помимо лингвистической и экстралингвистической информации также передается код коммуникативного намерения диктора. Обнаружено, что величина этого кода может как нарастать с уменьшением степени эмоционального напряжения акта коммуникации (см. колонки 1 и 2 в таблице 2), так и уменьшаться (см. колонку 3 в таблице 2). Необходимо отметить, что нарастание кода по величине связано с уменьшением числа квазипереключений в механизме порождения речи.

Таблица 2

16-ричных кодов центральных переключений для текстов, озвученных с различной коммуникативной установкой

1		2		3	
16-ный код	Тип коммуникативного задания	16-ный код	Тип коммуникативного задания	16-ный код	Тип коммуникативного задания
006F77563	приказРус-муж1	006572D7C	Требование Кит-жен1	00663714F	Просьба Кит-муж1
0071B6342	повелРус-муж1	00697436C	повел Кит-жен1	0068B816E	Мольба Кит-муж1
0072B6D74	Требование Рус-муж1	006AF1B8F	приказ Кит-жен1	006DF7F5D	Требование Кит-муж1
0074F8B44	мольбаРус-муж1	006E75390	Просьба Кит-жен1	007177563	Приказ Кит-муж1
007738366	просьбаРус-муж1	006FB5B7E	Мольба Кит-жен1	007437D63	повел Кит-муж1
006AB1538	Приказ Япон-муж1	006EF6B6F	повелениеЯпон-жен1	0068B4775	Мольба Япон-жен2
006BF3757	Повеление Япон-муж1	007073F58	просьбаЯпон-жен1	006DF8384	Просьба Япон-жен2
006D74B41	Мольба Япон-муж1	007177557	Приказ Япон-ж1	006EF3F63	требование Япон-жен2
006DF3F5F	Просьба Япон-муж1	00717795B	Требование Япон-жен1	006F76965	Повеление Япон-жен2
007034F55	Требование Япон-муж1	0074B5F4B	Мольба Япон-жен1	0070F7352	Приказ Япон-жен2

Интерпретировать результаты, приведенные в таблице 2, можно следующим образом: у иностранных дикторов (магистранты филологического факультета МГУ) по мере обучения русскому языку формируется специфический центральный код коммуникативного намерения речи, который в условиях нашего эксперимента одними из них включался в речь на родном языке (см. колонки 1 и 2 в таблице 2), а другими – нет (см. колонку 3 в таблице 2). Таким образом, можно предположить, что специфика русского кода коммуникативного задания речи по отношению к коду в китайской и японской речи заключается в том, что величина кода в речевом сигнале дикторов с русским менталитетом увеличивается по мере уменьшения эмоциональной напряженности акта речевой коммуникации, а величина кода в речевом сигнале дикторов с китайским или японским менталитетами – уменьшается.

Е.С. Жолобова, г. Томск

НЕОЛОГИЗМЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ НОВОГО ПЕРИОДА И СЛОЖНОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Язык – это гибкая система, которая чутко реагирует на малейшие изменения в обществе. В первую очередь, происходят изменения в словарном составе языка. Наиболее важным и показательным является появление новых слов и выражений, новых значений слов – неологизмов.

В 1979 году Китай вступил в Новый исторический период, который ознаменовался началом проведения экономических реформ внутри страны и политической открытости внешнему миру. За 25 лет Китай значительно изменился, на смену старым идеям и реалиям пришли новые, в результате чего произошло и все еще продолжается пополнение основного словарного фонда языка, а также постепенный выход из употребления устаревающих слов.

В начале Нового периода преобладали неологизмы, отражающие процесс экономического реформирования, развитие образования и здравоохранения; на данный момент большую часть неологизмов составляют слова, связанные с наукой и техникой, развитием интер-

нет-технологий, ухудшением экологической обстановки в стране, а также экономические термины.

Значительную часть неологизмов составляют обычные слова: 被动吸烟 – пассивное курение, 步行街 – пешеходная улица, 瘦身（健身） – фитнес, 单亲家庭 – семья с одним родителем, 高新技术 – высокие технологии, 短信息 – sms-сообщение, 光盘 – компакт-диск, 可视电话 – видеотелефон, 黑色收入 – черный (нелегальный) доход, 天价 – заоблачные цены, 话语权 – право голоса, 绿色食品 – экологически чистые продукты и другие. Все они образованы за счет средств китайского языка, и поэтому легко поддаются переводу.

Примерно такое же количество – более 20% [2: 28] – занимают сложносокращенные слова: 帮扶(帮助和扶持) – помощь и поддержка, 多赢(多方受益) – много побед (разносторонняя выгода), 贩黄(贩卖黄色读物) – продавать желтое (распространение порнографической литературы), 房改(住房分配改革) – жилищная реформа (реформа распределения жилья), 公关(公共关系) – связи с общественностью, 街景(街道风景) – уличный пейзаж, 空警(空中警察) – воздушная полиция, 扩招(扩大招生) – увеличить набор студентов, 亮美(漂亮美丽) – красивый, 民企(私营企业) – народное предприятие (частное предприятие), 名模(著名模特) – знаменитая модель, 内需(国内需要) – внутренний спрос (спрос внутри страны), 拍品(拍卖的物品) – лот (товар, выставленный на аукцион), 入世(加入世界贸易组织) – войти в мир (вступить во Всемирную торговую организацию), 商战(商业竞争) – торговая конкуренция, 售彩(出售彩票) – продавать лотерейные билеты, 外教(外国教师) – иностранный преподаватель, 央视(中央电视台) – центральная телевизионная станция, 义工(义务工作) – общественная (добровольная) работа, 造势(制造声势) – создать влияние (создать атмосферу могущества и влияния), 治污(治理污染) – загрязнение управления или бюрократизм, 助残(帮助残疾人) – помогать инвалидам, 追访(追踪采访) – постоянно следить за развитием какого-либо события (о журналистах) и другие. Стремление к краткости и информативности речи – одна из сильнейших тенденций развития китайского языка, поэтому мы видим такое обилие сложносокращенных слов среди неологизмов. Все они представляют собой двусложные образования, большинство из которых образовано из четырехсложных словосочетаний путем соединения одного из слогов первого

компонента словосочетания с одним из слогов второго компонента (чаще первых слогов). Реже встречаются сокращения более длинных словосочетаний: 贩黄(贩卖黄色读物) – распространение порнографической литературы, 房改(住房分配改革) – жилищная реформа (реформа распределения жилья), 入世(加入世界贸易组织) – войти в мир (вступить во Всемирную торговую организацию) и др. Иногда мы сталкиваемся с заменой одного из компонентов словосочетания на иероглиф, не входящий в него, например, 多赢(多方受益) – много побед (разносторонняя выгода), 民企(私营企业) – народное предприятие (частное предприятие), что в определенной степени затрудняет понимание и перевод сокращенного слова, но в целом внутренняя форма слов остается сравнительно прозрачной.

Следующую группу неологизмов представляют аббревиатуры. Это наиболее сложные для перевода лексические единицы языка, которые нужно только заучивать и при встречи с ними обращаться к словарям, так как, в отличие от предыдущей группы неологизмов (сложносокращенных слов), из формы слов данной группы практически невозможно вывести их значение. В китайском языке существует два типа аббревиатур: буквенные и смешанные. Первые записываются с помощью букв латинского алфавита, вторые – с использованием букв латинского алфавита и китайских иероглифов. Латинские буквы являются либо буквами иностранных алфавитов (чаще английского), либо буквами китайского фонетического алфавита. И если хотя бы часть аббревиатур, заимствованных из других языков, может быть уже известна переводчику (всемирно известные сокращения, торговые марки, организации и т.п.), то с исконно китайскими и смешанными аббревиатурами дело обстоит намного сложнее. Например, CNY (China yuan, китайская национальная валюта – юань), JPY (японская иена), BCTV (Beijing cable television, Пекинское кабельное телевидение), JSTV (Jiangsu television, телевидение провинции Цзянсу), ZJTV (телевидение провинции Чжэцзян), YNTV (телевидение провинции Юньнань), BB (baibai, до свидания), DD (didi, младший брат), GG (gege, старший брат), GB (guojia biaozhun, государственный стандарт); @一代 (молодежь, выросшая на интернете), B 超 (УЗИ), e 时代(электронный век), IP 卡 (телефонная карта), T 恤 (футболка), Z 型 (зигзагообразный) и другие.

Неологизмы представляют собой одну из переводческих трудностей, потому что возникновение новых слов и выражений прекращается только со смертью языка. С развитием общества непрестанно происходят изменения и неологизмов: новые слова вытесняются более новыми, например, раньше сотовый телефон называли 大哥大, а сейчас – 手机, пешеходная улица раньше – 人行道, сейчас – 步道, раньше мини – (миниатюрный) было 迷你, сейчас – 微型, компакт-диск: 光盘 – CD, информационные технологии: 信息技术 – IT, телефонная карта: 电话卡 – IP 卡, коэффициент интеллекта: 智商 – IQ и т.д. Характерно то, что термины, связанные с развитием науки и техники, вытесняются иноязычными заимствованиями, более длинные выражения заменяются более короткими, фонетические кальки – чисто китайскими словами.

Уследить за всеми новыми словами, которые появляются в языке сложно, но в этом помогает общение с носителями языка, просмотр или прослушивание последних аудио – и видеозаписей на китайском языке и постоянная языковая практика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенас А.Л.* Лексика китайского языка. – М., 2000.
2. 陈章太. «略论我国新时期的语言变异»,语言教学与研究 2002 年第 6 – с. 27–36.

SUMMARY

Language is a flexible system that reflects any change in society. Firstly, these changes concern vocabulary. In the new period of China that started in 1979 a lot of new things and ideas that must be given names appeared. Therefore, many new words emerged in Chinese language. These are mainly scientific, internet, ecological and economical terms. Most of the neologisms are common words, about the same number are compound and abbreviated words, which meanings are rather easy to guess because their inner form is very clear. Most complicated for translation are a number of abbreviations composed of Latin letters and characters. It's necessary to point out that many neologisms continue to appear now and new words are often replaced by newer ones.

Я.А. Журавлева, г.Благовещенск

ЧЭНЪЮЙ И ЧАСТИ РЕЧИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Фразеологический фонд любого языка всегда представляет особую трудность для изучающих иностранные языки. Причинами этому могут быть различная структурная организация фразеологических единиц (далее ФЕ) в различных языках, стилевая соотнесенность ФЕ и различные способы метафоризации, основанные на различных логико-ассоциативных комплексах разных наций и культур. Однако немногие авторы, помимо этнокультурного своеобразия фразеологических единиц определенного языка, выделяют их грамматическое своеобразие в зависимости от языка. Например, категориальная соотнесенность или классы ФЕ китайского языка. Как и у лексических единиц (далее ЛЕ; как китайского, так и русского языков), категориальная принадлежность ФЕ есть свойство грамматического значения любой языковой единицы [13: 578, 149]. Однако, выделение категориальной принадлежности для ФЕ будет несколько иным, чем для ЛЕ. Специфика грамматического значения ФЕ проявляется уже на уровне их синтагматических отношений. Синтагматические отношения ФЕ осложнены контекстуальной неподвижностью ФЕ, ограниченностью предметно-логических отношений, референтной соотнесенности (например, 力透纸背 – «lì tòu zhǐ bèi» – «1) писать с нажимом; 2) писать глубокие и сильные произведения и стихотворения». Оба значения данной ФЕ соотносятся лишь с предикативом «писать»), структурной протяженностью ФЕ и ее раздельнооформленностью, ограниченностью синтаксических функций (в предложении чаще функционирует как сказуемое) [9: 18].

Поэтому, зачастую, свойство ФЕ вступать в синтагматические отношения используется с целью стилистического окрашивания текста, достижения более глубокого эффекта выразительности, например, последовательное употребление чэнъюй (连用) [16: 273], в речи рассматривается как один из стилистичеких приемов употребления чэнъюй в речи:

我们。。。。。。每一分钟都是极为宝贵的，决不允许在困难的面前畏首畏尾，顾虑重重，犹豫不决，踌躇不前，而丧失了时机。[16: 273]

«Wǒmen.....měi yīfēnzhōng dōu shì jíwéi bǎogùide, júebù yǔnxǔ zài kùnnande miànqián wèi shǒu wèi wěi, gùlǜ chóngchóng , yōuyù bù júe , chóuchú bù qián, ér sàngshīle shíjī» –

«Нам крайне дорога каждая минута, поэтому абсолютно недопустимо пасовать перед трудностями, излишне опасаться, топтаться на месте в нерешительности и колебаться, чтобы не упустить момент». В данном примере ФЕ 畏首畏尾，顾虑重重，犹豫不决 вступают в линейные отношения в речевой цепи.

Учитывая особенности синтагматических отношений ФЕ и общность ФЕ и ЛЕ, рассмотрим верность критериев выделения частеречной принадлежности для ФЕ (имеются в виду ФЕ, не являющиеся по структуре предикативными словосочетаниями или предложениями) [5: 1].

Во-первых, семантический признак или критерий, то есть, способность иметь обобщенное логическое значение, например, предметности, действия, характера и качества действия, признака другого признака [1: 49].

Во-вторых, синтаксические признаки, включающие характер сочетаемости и роли в составе предложения.

В-третьих, морфологический признак, учитывающий формы слова [6: 46; 1: 48; 5: 1].

Использование морфологического критерия выделения частей речи среди ФЕ весьма сомнительно, так как по структуре своей ФЕ более протяженные единицы, чем слово и минимально значимой частью ФЕ является словный компонент, а слова – морфема. Более того, данный критерий не будет являться эффективным для выделения частей речи в китайском языке, в виду типологических особенностей данного языка [13: 225; 6: 46].

Некоторые авторы отечественной фразеологии при выделении частей речи среди ФЕ или выделении категориальной принадлежности ФЕ руководствуются характером категориальной принадлежности основного стержневого компонента ФЕ [5: 2; 10: 46–47]. Так В.П.Жуков, Н.М.Шанский выделяют следующие части речи ФЕ: глагольные, субстантивные/именные, наречные [3: 197–198; 10: 47], адъективные, междометные, модальные, союзные [10: 47; 4: 1]. Однако, не во всех случаях возможно определение основного стержневого

компонента в структуре ФЕ как русского языка, так и китайского, например, в русском языке – «во всю Ивановскую», в китайском языке –兢兢业业 – «jīng jīng yè yè» – 1) с усердием и осторожным видом; осмотрительно; с усердием; 2) добросовестно и упорно; с завидным упорством/усердием.

Поэтому данный критерий мы будем так же считать неэффективным для определения категориальной принадлежности ФЕ.

Однако, ввиду того, что в нашей работе будет идти речь о ФЕ китайского языка, в частности чэнъюй, и того, что ФЕ отличается от ЛЕ не только структурно, но и рядом синтаксических и семантических свойств, данные критерии требуют некоторой корректировки.

Во-первых, в китайском языке широко распространено явление конверсии – перехода слова из одной части речи в другую [8: 221; 2, 13; 12: 154; 11: 343–345]. Так как конверсии могут быть подвержены не только слова, но и целые предложения [2: 14], и структура ФЕ может состоять из конверсивных словных компонентов, то явление конверсии возможно и среди ФЕ, например:

чэнъюй 小惩大诫 – «xiǎo chéngdà jiè» – «1) ограничиться только взысканием, щадящее наказание; 2) материальное взыскание, штраф (большой и малый)».

В первом значении данный чэнъюй имеет общее значение предикатива, действия, а во втором – субстантива.

Во-вторых, в китайском языкознании, как и в отечественном, «части речи» и «члены предложения» – не одно и тоже [12: 154], «части речи» являются вторичными по отношению к членам предложения. По отношению к синтаксическому функционированию первичным является значение [6: 49–50]. Употребление ФЕ в определенной синтаксической функции, также как и у слова, зависит от ее частеречной соотнесенности [10: 47]. Насколько важен данный признак в определении категориальной принадлежности ФЕ можно понять из высказывания Ма Гофаня, о том, что для чэнъюй их синтаксическая функция и категориальная принадлежность почти совпадают [15: 30]. Так, слова различных частей речи обладают различным набором основных и неосновных функций в предложении [8: 223–224].

Однако, как считает Ма Гофань, роль чэнъюй в предложении больше роли слова любой части речи, чэнъюй может в полной мере функционировать и как главный член предложения, и как второстепенный [15: 30; 15: 35]. Главными и второстепенными членами предложения могут быть основные части речи (существительное, глагол, прилагательное), следовательно, ФЕ китайского языка могут быть разделены на имя, предикатив и наречие. Некоторые китайские авторы выделяют классы ФЕ-существительных, ФЕ-глаголов, ФЕ-прилагательных [14: 77]. По большей мере ФЕ, в частности чэнъюй, выступают в роли сказуемого, менее в роли определения и обстоятельства, гораздо реже в роли подлежащего.

В-третьих, для китайской грамматики характерно разделение знаменательных слов на две группы: это имена (числительные, существительные, относительные прилагательные – некоторые авторы отрицают наличие данной категории в китайском языке [8: 226]) и предикативы (глаголы, качественные прилагательные) [6: 55]. Данные группы слов противопоставлены по способу синтаксического функционирования: имена не могут быть в роли сказуемого без именной связки 是, а предикативы могут выражать сказуемое без именной связки 是 [2: 12; 12: 157]. Более того, А.А.Драгунов отмечает, что группа имен и предикативов соотносительны с наречиями.[2: 12]. Поэтому, будут противопоставлены основные классы ФЕ: класс имен (ФЕ-существительные), класс предикативов (ФЕ-глаголы, ФЕ-прилагательные) и класс ФЕ-наречий.

В-четвертых, для основной формы чэнъюй китайского языка – четырехслога, характерна симметричная организация структуры, при которой обе структурные половины имеют идентичный тип синтаксической связи между ее компонентами, поэтому для определения категориальной принадлежности таких чэнъюй достаточно будет знать частеречную принадлежность одной из симметричных половин, например:

本乡本土 – «běn xiāng běn tǔ» – «1) местный, место поселения, 2) родная сторона, родные пенаты». Обе структурные половины данной ФЕ 本乡 – «родная деревня» и 本土 – «родная сторона» имеют идентичный тип синтаксической связи между компонентами 本 (определение) – 乡 (определяемое) и 本 (определение) – 土 (определяе-

мое), т.е. связаны атрибутивным типом связи, более того, каждая из этих частей имеет обобщенно-абстрактное значение «предметности». Поэтому о категориальной принадлежности данной ФЕ можно сказать по тому, какую принадлежность имеет одна из симметричных частей.

В-пятых, синтаксическая структура ФЕ играет немаловажную роль в определении ее категориальной принадлежности [16: 278–279]. ФЕ в основном является по структуре словосочетанием, а тип словосочетаний в языке зависит от типов синтаксических связей в нем, подтипы словосочетаний зависят от частеречной принадлежности слов данного словосочетания [8: 315]. Кроме того, для китайского языка характерно явление изоморфизма (наличие идеализированных синтаксических моделей при образовании сложного слова, словосочетания и ФЕ), поэтому для выделения категориальной принадлежности ФЕ могут быть верными модели образования для существительных, глаголов и прилагательных [7: 144–149]. Так, например, ФЕ с копулятивным типом связи между словными компонентами могут относиться как к именному, глагольному, так и качественному типу, в зависимости от категориальной принадлежности словных компонентов [8: 315] и т.д.

Судя по части речи словных компонентов чэнъюй и их синтаксической структуре, большинство чэнъюй носит глагольный характер [16: 279].

Возникает вопрос, не влияет ли метафорическое переосмысление на категориальную принадлежность ФЕ? Рассмотрим пример образования переносного значения у свободного словосочетания копулятивного именного типа – 雪月风花 – «xǔe yùe fēng hūa» – «снег и луна, и ветер, и цветы», слова данного словосочетания относятся к категориальной принадлежности существительного, при метафорическом переосмыслении данного словосочетания происходит образование отдельных значений многозначной ФЕ – «1) все сезоны года (снег / зима – луна / осень – ветры / весна – цветы / лето); 2) бурная страсть (перипетии любовной связи)». Обобщенно-абстрактное значение у свободного словосочетания и отдельных значений ФЕ совпадает, это субстантивация, значение предметности. Следовательно, метафори-

ческое переосмысление свободного словосочетания не изменяет ее соотнесенности с определенной категориальной принадлежностью.

Однако, в результате семантической деривации многозначных чэнъюй возможно изменение категориальной принадлежности единицы, что еще раз подтверждает «аксиому» о конверсии единиц в китайском языке, например:

火上浇油 – «hǔo shàng jiāo yóu» – 1) подливать масла в огонь; 2) вспыльчивый; наэлектризованный; как пороховая бочка. Исходное свободное словосочетание имеет обобщенное значение действия, в результате метафорического переосмысления образована ФЕ со значением «подливать масла в огонь, накалять обстановку», категориальная принадлежность не изменена. В результате семантической деривации ФЗн образовано новое отдельное значение у данной ФЕ – «вспыльчивый», имеющее общее значение качества. Категориальное значение действия и качества очень близки в китайской грамматике, так как могут функционировать в предложении в качестве сказуемого без оформления именной связкой 是.

Рассмотрим синтаксический признак выделения категориальной принадлежности ФЕ. Для выделения категориальной принадлежности ФЕ необходимо определить ее (ФЕ) сочетаемость/валентность, например:

另起炉灶-«lìng qǐ lú zào» – 1) начинать по новой; опять 25; 2) подходить с другой стороны (о явлении). Данный чэнъюй имеет общее значение действия. Более того, в предложении 原作底稿丢失，现在只好另起炉灶，从头再来。– «Yúan zùo dǐgǎo shīqù, xiànzài zhǐhǎo lìng qǐ lú zào» – «Ранее написанный черновик был утерян, поэтому сейчас приходится опять все начинать по новой, с самого начала».

Чэнъюй 另起炉灶 употребляется сразу после наречия 只好 – «остается». Постпозиция после наречия возможна в основном для глагола, следовательно, ФЕ имеет глагольный характер.

Итак, для выделения классов ФЕ необходим комплексный подход к семантико-синтаксическим признакам, включающим характер обобщено-абстрактного значения, референтной соотнесенности, валентности, синтаксической функции, синтаксического типа связи компонентов. Такой комплексный учет данных признаков может способствовать наиболее адекватному определению категориальной

принадлежности ФЕ. В китайском языке можно выделить следующие классы ФЕ:

ФЕ-предикативы: ФЕ-глаголы и ФЕ-прилагательные/адъективы ;
ФЕ-имена: ФЕ-существительные/субстантивы;
ФЕ-наречия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дикальчук М.А.* Наречие в системе частей речи (частеречевой статус и границы адвербального класса слов) // Материалы 53-й научно-практической конференции преподавателей и студентов: В 3-х ч. – Ч. 2. – Благовещенск, 2003. – С.47–52.
2. *Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. Ч. 1. – М.–Л., 1952.
3. *Жуков В.П.* Русская фразеология: Уч. пособие для вузов. – М., 1986.
4. *Жуков В.П.* Формоизменение фразеологизмов русского языка. http://www.philology.ru/linguistics2/zhukov-91.htm (13 января 2004)
5. *Коган Г.А.* Классы фразеологизмов как эквиваленты частей речи. http://student.iaas.msu.ru/00/phil00.htm (13 января 2004)
6. *Курдюмов В.А.* Проблемы освещения генезиса морфологических категорий или что же все-таки такое части речи в китайском языке (в помощь преподавателю теоретических аспектов) // Обучение китайскому языку. – 1997. – №1. – С.44–55.
7. *Семенас А.Л.* Лексикология современного китайского языка. – М., 1992.
8. *Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков .– М., 1995.
9. *Фомина Н.Д., Бакина М.А.* Фразеология современного русского языка. Уч. пособие. – М., 1985.
10. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка: Уч. пособие для вузов. – М., 1985.
11. *Шутова Е.И.* К понятию «части речи» // Материалы V международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки (8–10 сентября 1999 года). – СПб., 1999. – С.153–157.
12. *Шутова Е.И.* Проблема частей речи в китаеведении // Материалы XXI международной конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки». – М., 2002. – С.339–346.
13. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М., 1998.
14. 刘振前，邢梅萍 汉语四字个成语语义结构的对称性与认知//世界汉语教学 Лю Чжэньцянь, Син Мэйпин. Симметричность и когнитивность

семантической структуры китайских четырехсложных чэнъюй // Преподавание китайского языка в мире. – 2000. – №1. – С.77-81.
15. 马国凡 成语简论//人民出版社 Ма Гофань. Коротко о чэнъюй. – Ляонин, 1959.
16. 武占坤，王勤 现代汉语词汇概要//内蒙古人民出版社 У Чжанькунь, Ван Цин. Общий очерк по лексикологии современного китайского языка. – Вн. Монголия, 1983.

SUMMARY

This article deals with the problem of isolation of parts of speech among chinese idioms, i.e. chengyu. First of all, the author proves the presence of the parts of the speech in idioms. Then, there is reported the criteria of the isolation of the parts of the speech in idioms and its specific. To sum it up, the author divides chengyu to the basic classes, such as idiom – names, idiom – predicatives (adjectives and verbs) and idiom – adverbs. Most of all Chinese idioms are of verbal and adverbal character.

О.И. Завьялова, г. Москва

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Одна из основных проблем, обусловливающих содержание лингвистических актов в китаеязычном ареале Азии, – это традиционная задача унификации иероглифической письменности, которая стояла перед китайским государством на протяжении тысячелетней истории его существования. Сейчас эта задача по сути дела решается в новых условиях, которые начали формироваться в середине XX в. с появлением нового стандартного списка иероглифов в КНР, включившего более двух тысяч так называемых упрощенных знаков (при сохранении прочих находящихся в употреблении иероглифов в их старой форме). В результате, в китаеязычном ареале Азии официально существуют а) несколько списков иероглифических знаков (континентальный, тайваньский, гонконгский, сингапурский), которые отличаются друг от друга не только наличием/отсутствием упрощений, но также некоторых узаконенных разнописей; б) несколько алфавитных систем, которые были созданы для национального китайского языка

на латинской либо традиционной графической основе; эти системы используются в процессе обучения, для записи китайских слов в иностранных текстах и в системах поиска иероглифов (в традиционных и электронных словарях, а также любых других компьютерных программах); в) несколько стандартных систем кодирования иероглифов в Интернете.

Ситуация дополнительно осложняется также наличием письменных форм у некоторых южных диалектов – кантонского, доминирующего в Гонконге и Макао, Миньнань, преобладающего на Тайване и получившего название «тайваньского языка» *тайюй* диалекта Миньнань, и *хакка*, занимающего определенные позиции на Тайване и в Гонконге. Распространению и закреплению диалектных письменных форм – наряду с сосуществующими письменными разновидностями собственно национального языка – способствует, как это ни странно, Интернет, достаточно насыщенный в настоящее время диалектными текстами и справочниками, к примеру, словарями. Летом 1997 г. в КНР к Интернету было подключено всего 40 тыс. пользователей. Во второй половине 1998 г. это число, по разным данным, составило от 1 млн. до 5 млн. человек. К середине 2003 г. число китайских пользователей Интернета достигло 68 млн. человек, что, впрочем, составляло всего 5,3% населения страны.

В КНР непростая ситуация с китайскими иероглифами нашла свое отражение в важнейшем лингвистическом документе, появившемся на рубеже двух столетий, – первом в истории страны законе о языке и письменности, вступившем в действие 1 января 2001 г. и закрепившем нормативный характер «континентальной» иероглифической системы 50-х–60-х годов. В соответствии с законом, использование нестандартных знаков на вывесках, в рекламе, в названиях учреждений и фирм, в различных документах, ценных бумагах, на этикетках товаров влечет за собой «убеждение, предупреждение и затем штраф». Издания, которые содержат более чем 1 нестандартный иероглиф на 10 тыс., не будут допускаться к награждению тремя самыми престижными литературными премиями страны. Употребление отмененных полных вариантов знаков, которые начали входить в моду в КНР с конца 70-х годов, строго ограничено такими областями,

как каллиграфия, письменные памятники, фамильные знаки и специальные научные работы.

Вторая традиционная проблема, отраженная в этом же законе, – это наличие как далеко отстоящих друг от друга китайских диалектов, так и взаимодействующих с национальным языком его региональных вариантов. Лингвистические реформы, связанные с распространением устной формы национального китайского языка в КНР, с самого начала проводились централизованно. По своей сути они мало чем отличались от предшествовавшего им движения за «государственный язык» в Китайской Республике, хотя уже в 50-е годы вместо названия *гоюй* в КНР было введено название *путунхуа*. Тогда же было выработано официальное определение *путунхуа* в качестве единого языка китайской нации, фонетическим стандартом которого является пекинское произношение, основой (очевидно, лексической) – северные диалекты, а грамматической нормой – образцовые произведения на письменном языке *байхуа*. В законе 2001 г. *путунхуа* определен как «общегосударственный язык» (*гоцзя тунъюн*). Тем самым при сохранении названия «общеупотребительный», заимствованного из лексикона революционно-демократической интеллигенции 1930-х годов, в настоящее время отчасти восстановлена та официальная терминология, которая существовала в стране до 1949 г.

Задача распространения *путунхуа* считается настолько важной, что в 1982 г. упоминание о ней было включено в новую Конституцию КНР. В 1986 г. принята очередная программа распространения *путунхуа*, которая предусматривала его превращение в общекитайский язык устного общения и образования к началу наступившего тысячелетия. Закон о языке 2001 г. юридически закрепил положения программы – *путунхуа* провозглашен базовым устным языком государственных и образовательных учреждений, публичных выступлений, электронных СМИ и сферы обслуживания. Радио и телевещание на диалектах допускается в континентальном Китае только с разрешения властей соответствующего уровня – центрального или провинциального. При этом, по данным на конец 1998 г., только пятая часть китайцев была готова считать *путунхуа* своим родным языком, в то время как 80% владеют им лишь на самом простом разговорном уровне. Не случайно поэтому, что закон – если речь идет не о радио

или телевидении – «при необходимости» или в «случае крайней необходимости» (в театре и кино) допускает употребление диалектов. С 1998 г. в сентябре власти регулярно проводят по всей стране неделю пропаганды *путунхуа*. Одной пропаганды при этом оказалось недостаточно, в то время как наказания (и об этом пишут в Китае) в случае с устной речью просто бесполезны.

Единственная мера, которая может реально побудить значительную часть наиболее образованных китайцев если не перейти на *путунхуа* в качестве устного средства публичного и официального общения, то хотя бы изучать его, – это экзамен (тест) на уровень знания национального языка (*Путунхуа шуйпин цэши*). В континентальном Китае подобный государственный тест учрежден по сути дела впервые после отмены в 1905 г. также преимущественно филологических, но очень архаичных по своему содержанию экзаменов *кэ цзюй*, которые позволяли занимать чиновничьи должности разного ранга. Новый тест включает чтение отдельных иероглифов, двусложных слов и связного текста, подобранных так, чтобы они обязательно отражали пекинские фонетические явления, отсутствующие или по-иному распределенные по морфемам во многих диалектах (к примеру, различение шипящих и свистящих, нейтральный тон и эризацию). Вторая составляющая теста – лексика и грамматика: из нескольких приведенных слов или конструкций соискатели должны отобрать правильные варианты, употребляющиеся в *путунхуа*. И, наконец, третья часть – беседа на определенную тему. По результатам теста выдается удостоверение, где уровень знания *путунхуа* оценивается по шкале, включающей три уровня, подразделенных на два подуровня. К моменту принятия закона тест на знание *путунхуа* уже был сдан пятью миллионами китайцев – учителей, журналистов радио и телевидения, актеров (соответствующее решение правительства КНР относится к 1994 г.). В последующие годы согласно новому закону и под угрозой увольнения тест должны были сдать миллионы государственных служащих по всей стране.

На недавно присоединенный к Китаю специальный административный район Сянган (Гонконг) действие нового закона в соответствии с политикой «одна страна, две системы» не распространяется. В массе гонконгские китайцы не только не говорят на *путунхуа*, но и

далеко не всегда понимают его на слух, по существу он остается там иностранным языком. Тем не менее, в преддверии и после возвращения Китаю Гонконга в регионе возник естественный интерес к изучению *путунхуа*: в эпоху глобализации и особенно после вступления КНР в ВТО жители Гонконга хотят как и прежде уметь читать на двух языках, но говорить на трех – на английском и кантонском, как это было раньше, и на *путунхуа*, считая многоязычие своим преимуществом в конкурентной борьбе. В 1996 г. в Гонконге был организован специальный учебный центр, где принимают два вида экзаменов. Первый – аналог английского TOEFL (*Ханьюй шуйпин каоши*), рассчитанный в первую очередь на иностранцев, второй – тест на уровень знания *путунхуа* (*Путунхуа шуйпин цэши*), несколько отличающийся здесь от континентального). В соответствии с предписанием Государственного комитета по работе в области языка и письменности в Гонконге, а также в бывшей португальской колонии Макао, где лингвистическая ситуация аналогична (хотя и не идентична) гонконгской, тест на определение уровня знания *путунхуа* сдают тысячи учителей. В 2002 г. впервые в истории на *путунхуа* прозвучали речи ораторов, выступавших на заседании по лингвистическим проблемам Законодательного совета Гонконга. В то же время устные и письменные позиции кантонского диалекта остаются в Гонконге очень сильными.

С большим успехом, чем на континенте, распространение «государственного языка» осуществлялось после 1949 г. на Тайване. До 1949 г. живущие на острове китайцы говорили на двух диалектах – Минь (точнее, Миньнань – южнофуцзяньском), и *хакка*, некогда привнесенном с территории провинции Гуандун. Новые тайваньские власти хотели выполнить на острове ту задачу, о которой с начала века мечтали официальные реформаторы в Китае. Повсеместным устным средством общения на острове должен был стать «государственный язык» *гоюй* в его нормативном варианте, характерном для пекинской элиты до 1949 г. Настойчивая кампания по распространению *гоюя* проводилась на протяжении нескольких десятилетий. В результате, в настоящее время устным «государственным языком» владеют 90% населения Тайваня, в административном центре острова городе Тайбэе – почти все его жители. Тем не менее и на Тайване по-

зиции диалектов всегда оставались сильными, более того они значительно укрепились после отмены военного положения в 1987 г. С начала 80-х годов преподавание на диалектах было неофициально введено в школах. Существует диалектное телевещание, издается литература. И, наконец, в настоящее время тайваньским Министерством образования подготовлен проект закона о равенстве языков, который прямо противоположен по своему содержанию континентальному и должен положить конец господству *гоюя* над всеми остальными лингвистическими разновидностями Тайваня.

Проблема единства китайского языка – как письменного, с древности служившего объектом унификации, так и устного, на который в значительной степени были направлены лингвистические реформы прошлого века, – продолжает, таким образом, оставаться актуальной в наступившем тысячелетии. К концу XX в. в китаеязычном ареале Азии сложились отличающиеся друг от друга письменные традиции с лишь отчасти совпадающим набором используемых иероглифов, неодинаковыми системами записи китайских слов латинскими буквами и некоторыми расхождениями в нормативной лексике и даже грамматике письменного языка. Эти традиции в настоящее время активно взаимодействуют друг с другом. В дополнение к этому как в континентальном Китае, так и за его пределами не уступают своих позиций диалекты. Не случайно поэтому, что начало нового тысячелетия власти КНР отметили принятием первого в истории закона, специально посвященного проблемам языкового строительства.

Т.Г. Завьялова, г. Новосибирск

О СЕМАНТИКЕ СЛОВА «СТРАТАГЕМА» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Стратагемы – это способы достижения успеха несиловыми методами в условиях противоборства, позволяющие минимизировать ресурсные затраты и эффективно достичь поставленной цели. В китайской культуре стратагемы отражаются в многообразных формах (философские или политологические трактаты, исторические анекдоты, описание прецедентов в хрониках, литературные произведения малых форм, пьесы или отдельные арии) [19]. На данный момент из

обширнейшего пласта китайской литературы, посвященной стратагемам, существует только три перевода трактата «36 стратагем» на русский язык [1; 2; 3], два из них [1; 2] содержат, в том числе, и филологические изыскания, посвященные как семантике самого слова «стратагема» в китайском языке, так и особенностям формулировок самих стратагем. Односложные и двусложные слова китайского языка, передающие значение «стратагема, хитрость, уловка», достаточно многочисленны, в разных контекстах не всегда взаимозаменяемы, однако в современной исследовательской русскоязычной литературе данный факт не получил достаточного внимания.

Как утверждают китайские исследователи, «само слово **«моулюэ»/стратагема (谋略)** появилось достаточно поздно, в начале правления династии Хань, но представление/понятие о стратагемах, а также его реализация в действительности существовали гораздо раньше» [4: 1]. В надписях на керамике уже был иероглиф «моу» (谋), в стиле дачжуань был иероглиф «мо» (谟), а в стиле сяочжуань уже имелись иероглифы «цзи» (计), «и» (议), «чоу» (筹), «хуа» (画), «цэ» (策), «люэ» (略), «ту» (图), «цзы» (咨), «сюнь» (询), «суань» (算), «тао» (韬), «цзоу» (诹).

Знак «моу» (谋) первоначально имел смысл «консультировать», «советовать». В таком значении он употребляется в «Цзо чжуань», главе «Четвертый год Сян-гуна»: «выясняя дела – советоваться, обсуждая трудности – **замышлять [планы]**» (事为诹，咨难为谋) [4: 1; 5: 269]. Необходимо отметить, что в данном пассаже обсуждаются разные ситуации, требующие совета от разных по социальным функциям лиц, соответственно и слова, обозначающие эти действия – разные. Просить совета у благородных людей / друзей – шань жэнь (善人) называется обсуждать / совещаться – цзы (咨), советоваться с родственниками – спрашивать / выведывать – сюнь (询), советоваться о церемониях/ритуале – рассчитывать /определять (度), советоваться о делах – обсуждать / выяснять (诹), советоваться о трудностях – договариваться / уславливаться (谋). Общим в семантике иероглифов «цзы», «сюнь», «ду», «цзоу», «моу» является в данном случае значение «консультировать», акцента на значении «замышлять, составлять планы» этот контекст не предполагает. В главе «Десятый год Чжуан-

гуна» есть фраза «Те, кто [ест] мясную пищу[1] – не способны [составить] **дальние/долгосрочные планы**» (肉食者鄙，未能远谋). Оценка умения перспективно мыслить, в том числе, строить долгосрочные планы отмечалась не только в текстах, принадлежащих к философской традиции. Устойчивые речения, включающие в себя такие иероглифы как «моу», «люй», «цзи» и т.д. служат для называния имеющего способность предвидения умного человека и имеют позитивную коннотацию. Как примеры можно привести следующие чэнъюи, зафиксированные в современных словарях [6; 7]:

– «в ставке разрабатывать стратегический план сражения», «составление победного плана решающего сражения» – «юнь чоу вэй во» (运筹帷幄); – «высоко смотреть, далеко видеть» (в образном значении: быть прозорливым) – «гао чжань юань чжу» (高瞻远瞩);

– иметь прозорливость, мысленно видеть дальнюю перспективу (计深虑远);

– думать с учетом перспективы, планировать с учетом всех обстоятельств – «шэнь моу юань люй» (深谋远虑) с вариантом «шэнь люй юань ту» (深虑远图).

В «Шаншу», главе «Планы великого Юя» (大禹谟) также можно встретить знак «моу»: «если есть подозрения о **составлении планов** – дела не удаются» (疑谋勿成) [8: 20], **«планы, которые не обсуждались – бесполезны» (弗询之谋勿庸)** [8: 24]. Иероглиф «моу» используется и в классических философских текстах, в том числе наиболее репрезентативных для характеристики ведущих течений философской мысли периода Чуньцю-цжаньго. В «Лао-цзы»[2] этот знак встречается два раза. В 64-й главе сказано: «Внешне не появляется, но полон **замыслов**» (其安易持，其未兆易谋). В 72-й главе говорится: «Путь неба – побеждать без борьбы, получать отклик на невысказанные пожелания, принимать приходящих без приглашения и **осуществлять планы**, никем не задуманные» (天之道,不战而善胜， 不言而善应， 不召而自来， 禅[3] 然而善谋) [9: 139].

В «Лунь юй» знак «моу», по подсчетам Ян Боцзюня, встречается 8 раз [10: 397]. В главе 15 «Вэйский Лин-гун» Конфуций говорит, что

---

[1] Имеются в виду чиновники [5: 269].

[2] В данной статье цитируются варианты перевода Г.А. Ткаченко.

[3] слева с «нитью» в ключе

«благородный муж **думает** о Дао-Пути и не думает о еде» (君子谋道不谋食). Некоторые китайские комментаторы не случайно отмечают, что это фраза принадлежит Конфуцию, это высказывание стало крылатым выражением [11: 739]. В «Сборнике древних китайских крылатых фраз о смысле жизни»[12: 314] приводится похожая фраза, принадлежащая автору, жившему при династии Тан – Лю Цзунюаню (柳宗元): «Благородный муж стремится к Дао, но не стремится к богатству» (君子谋道不谋富). В этой же главе «Речей и бесед» иероглиф «моу» используется в значении «обсуждать, советоваться», аналогичном вышеописанной семантике этого знака в более древних памятниках: «Когда Дао-Пути расходятся, не **составляют общих планов**» (道不同，不相为谋) [10: 170].

В «Словаре годов правления Канси»[1] [13] даются следующие толкования для знака «моу» (со ссылками на «Шо вэнь», «Эр я», «Яшмовые таблицы»):

- размышлять/анализировать/обдумывать трудности (谋曰虑难);
- синоним знака «сердце» (син), в примечании сказано: «размышляют/замышляют [планы] сердцем» (谋虑以心);
- синоним знака «цзи» (计也);
- «советоваться о трудностях, размышлять о бедах» (咨难虑患曰谋).

Там же приводятся цитаты из «И-цзина» (гексаграмма «Сун») – «благородный муж перед тем, как действовать, думает о начале» (君子以作事谋始), «Ши-цзина» (раздел «Малые оды») – «династия Чжоу часто/любила советоваться» (周爱咨谋). Также приводятся примеры из самой разнообразной по жанрам и времени создания литературы – «Цзо чжуань», «Полного травника с приложением к медицине» (Бэньцао ганму), «Чжоу ли», «Истории Цзин», «Обзора местных нравов» (Фэнсу тун) и т.д., на основании чего можно высказать предположение о вхождении этого знака в самый активный слой лексики китайского классического языка. Круг значений иероглифа «моу» связан с **деятельностью «дискурсивного сознания»**, которая требует не только рефлексии, но и выражения результатов рефлексии в вербальной форме (планах, и не обязательно коварных или тайных).

[1] В данном издании отсутствует современная нумерация страниц, иероглиф «моу» находится в разделе ю (酉), подразделе ключа «речь».

Очень важным в семантике этого иероглифа является и временной фактор – **мышление, обозначаемое знаком «моу» предполагает какую-то долгосрочную перспективу**. Кроме того, мыслительная деятельность, обозначаемая словом «моу», обязательно предполагает наличие социального контекста, интимные виды мыслительной деятельности, например, такие, как медитация, иероглифом «моу» не обозначаются.

Связь трактата «Сунь-цзы» с обоснованием принципов использования стратагем в исследовательской литературе подчеркивалась неоднократно [1: 27; 2: 8–9]. В трактате «Сунь-цзы» используются не только знаки «цзи» (计) и «моу» (谋) (они входят в название первой и третьей главы соответственно), но также и «цэ» (策), «хуа» (画) в значении, аналогичном знаку «хуа» (划) – «планировать», «предполагать», «предусматривать», «суань» (算) – «считать, рассчитывать».

«Толковый словарь по военной теории Сунь-цзы» (с. 553) дает три толкования значений иероглифа «моу», встречающихся в тексте трактата. Чаще этот иероглиф в значении «замысел, план, военная хитрость» (计谋) встречается в главах, посвященных более конкретным методам ведения войны. Например, в главе седьмой «Борьба на войне» – «кто не знает **замыслов** князей, тот не может наперед заключить с ними союз» (不知诸候之谋，不能豫交) [15: 34; 16: 42][1]. В главе «Девять местностей» говорится: «Передвигая войска, действуй согласно своим **расчетам** и **планам** и делай так, чтобы никто не мог проникнуть в них» (运兵计谋， 为不可测) [15: 40; 16: 65]. В значении «размышлять, обсуждать» иероглиф «моу» встречается в главе «Девять изменений» и главе «Девять местностей»: «в местности окружения **соображай**» (围地则谋) [15: 40; 16: 63].

Для обозначения коварства и обмана «Сунь-цзы» использует иероглифы «гуй» (诡) и «чжа» (诈). Например, в главе седьмой: «в войне устанавливаются на обмане» (兵以诈立) [15: 34; 16: 42]. Более поздние военные теоретики часто, используя иероглифы «цзи» или «моу» и показывая, что речь идет именно о «коварных планах», использовали выражения «гуй цзи» или «инь моу». Например, Цао Цао, комментируя «Сунь-цзы» писал: «Война не имеет постоянной формы,

---

[1] В данной статье цитируются варианты перевода Н.И. Конрада.

ее Путь – коварные планы» (兵无常形，以诡计为道). Известный в истории своим коварством, Цао Цао, как правило, биномами «цзянь моу» (奸谋) – коварные планы, или «цзэй цзи» (贼计) – разбойничьи планы – называет чужие хитрости и уловки. В отношении собственных планов или планов, предложенных его союзниками и помощниками, он использует знаки «цзи» и «моу» вне атрибутивных конструкций. Например, главной опасностью во время ведения боевых действий он считает «наличие на своей стороне замышляющих коварные планы, не поддающиеся контролю» [17: 15] (内有奸谋不测之变). Когда Сюй Хуан (徐晃) разбил Лю Бэя в битве за Ханьчжун, Цао Цао скажет: «Военачальник за один раз разбил разбойничьи планы. Великолепно, великолепно!» (将军一举克夺贼计，善之善者也！) [17: 72].

Такое же словоупотребление сохранилось в чэнъюях, где для передачи смысла «коварные планы» используются те же биномы, например «гуйцзи додуань» (诡计多端) с вариантом (鬼计多端) – «множество коварных замыслов и планов», или «иньмоу гуйцзи» (阴谋诡计) – в том же значении. По словарю «Цы хай», бином «иньмоу» в значении «тайные/коварные планы» встречается только в «Исторических записках» Сыма Цяня [18: 45].

Китайские исследователи классического китайского языка утверждают, что полных синонимов в вэньяне практически нет. Подсчеты, сделанные во времена правления династии Цин, показывают, что количество полных синонимов в «Шо вэнь» не превышает 300 (из 9353 по данным «Цы хая» [18: 190] – *Т.3.*). В классическом китайском языке знаки «цзи», «люй», «ту», «моу» являются синонимами, но далеко не полностью тождественными. Изначальное значение знака «цзи» – считать, подсчитывать, прикидывать, обдумывать (计算，结算，盘算), значение же знака «люй» – задумываться над чем-то, обдумывать что-то, думать о ком-то или о чем-то. Тем не менее, слова, обозначаемые знаками «цзи» и «люй», взаимозаменяемы. Разница состоит в том, что смысловой акцент при употреблении слова «цзи» приходится на значение «обдумывать» (盘算), сравнивать достоинства и недостатки, вырабатывать план/стратегию/стратагему, а употребление слова «люй» подразумевает наличие многократно повторяющихся размышлений, соотнесения/учета полученного и

утерянного. Первое значение знака «ту» (图) – строить план, замыслить что-то (谋划), первое значение иероглифа «моу» – спрашивать совета у других при возникновении трудностей. На основе этого значения у знака «моу» появился дополнительный смысл – «обсуждать, обдумывать», а уже после этого – второе переносное значение «тайно замышлять» (暗中算计). Переносное значение знака «моу» и значение знака «ту» совпадают – «обдумывать, планировать», но акцент в семантике знака «ту» делается на обязательном принятии решения для достижения планируемой цели, а в значении знака «моу» – на самом процессе поиска способа или составления плана, поэтому в большинстве контекстов они не могут взаимно заменять друг друга.

Список слов, имеющих в китайском языке значение «стратагема, хитрость», далеко не исчерпан. Тем не менее, уже на этом этапе исследования можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что к ханьскому времени в китайском языке был богатый арсенал средств для описания как мыслительной деятельности по составлению стратагем, так и обозначения результатов этой деятельности. Необходимо отметить также тот факт, что значение «стратагема, хитрость, уловка» является не основным для этой группы слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Харро ф. З.* 36 стратагем. О китайском искусстве жить и выживать. – М., 1996.
2. *Малявин В.В.* 36 стратагем. – М., 1997.
3. *Клири Т.* Японское искусство войны / Пер. с англ. Котенко Р.В. – СПб., 2002.
4. 中国谋略大典. – 北京, 1995. (Большой словарь китайских стратагем. – Пекин, 1995).
5. 左传.庄公十年 // 四库精华. – 长沙, 1996. (Цзо чжуань, десятый год Чжоу-гуна // Основное из «Полного собрания книг четырех хранилищ». – Чанша, 1996).
6. 中华成语大辞典. – 长春, 1996. (Большой толковый словарь китайских чэнъюев. – Чанчунь, 1996).
7. 汉语成语大词典. – 北京, 2002. (Большой словарь китайских чэнъюев. – Пекин, 2002)
8. 尚书. – 长沙, 2002. (Шан шу. – Чанша, 2002).
9. 陆元炽，老子浅释 – 北京, 1990 (*Лу Юаньчи.* Популярное изложение «Лао-цзы». – Пекин, 1990).

10. 杨伯峻, 论语辞注. – 北京, 1980. (*Ян Боцзюнь*. «Речи и беседы» Конфуция с комментариями. – Пекин, 1980).
11. 南怀懂. 论语别裁. – 上海, 1990. (*Нань Хуайдун*. Оригинальный стиль «Лунь юй». – Шанхай, 1990).
12. 中国古代名句辞典. – 上海, 1986. (Словарь древних крылатых выражений Китая. – Шанхай, 1986).
13. 康熙字典. – 北经, 1980. (Иероглифический словарь годов правления Канси. – Пекин, 1980)
14. 赵国华, 刘项, 刘国建.孙子兵法辞典. – 武汉, 1998. (*Чжао Гохуа, Лю Сян, Лю Гоцзянь*. Толковый словарь по военному трактату «Сунь-цзы». – Ухань, 1998).
15. *Конрад Н.И.* Избранные труды. Синология. – М., 1977.
16. 孙子兵法 // 大智慧. 中国十大兵书谋略指要. – 北京, 1997. (Военный трактат Сунь-цзы. // Великая мудрость. Основные стратегические идеи десяти великих китайских военных трактатов. – Пекин, 1997).
17. 曹操兵法. – 南昌, 1996. (Военные методы Цао Цао. – Наньчан, 1996).
18. 辞海. – 上海, 1979. (Энциклопедический словарь «Море слов». – Шанхай, 1979).
19. *Завьялова Т.Г.* Историко-философский контекст развития учения о стратагемах. // Experientiae: сборник научных работ аспирантов-философов НГУ. – Новосибирск, 2001.

SUMMARY

Stratagems are ways of achievement of success by not power methods in conditions of antagonisms allowing minimizing of a resource expense and effective to achieve an object in view. In the Chinese language there is an extensive enough layer of lexicon both for a designation of the concept "Stratagem", and for the description of mind process of creation stratagems. In work the results of the analysis of transformation of meanings of words, use of similar lexicon in monuments of the classical Chinese literature are stated, the properties of the synonymic relations are shown, which these lexical units enter.

Т.Е. Загибалов, г. Красноярск

СИСТЕМА АВТОМАТИЧЕСКОГО РЕФЕРИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ CLAAS

Потребность в автоматической обработке информации на естественном языке постоянно растёт, находясь в прямой взаимосвязи с

всё возрастающим количеством текстов на различную тематику. К сожалению, системы автоматического реферирования и аннотирования создаются в основном для европейских языков, в первую очередь для английского (такие как TextAnalyst, Nvivo, Ваал и пр.), в то время как количество доступной информации на китайском языке растёт с каждым днём (см. статистику роста китайского сегмента сети Интернет).

Отсутствие доступных средств автоматического анализа текстов на китайском языке во многом объясняется природой данного языка, в первую очередь особенностями морфологии лексических единиц. Многие исследователи сосредоточили свои усилия на автоматизации словоделения в китайском языке как основе обработки информации при помощи компьютера [5]. Оказалось, что сделать это крайне трудно ввиду практической невозможности чётко определить формальные признаки слова в китайском языке. Более того, ряд исследований [3; 4] показал, что сама попытка выделить в тексте слова (в европейском смысле этого термина) противоречит реалиям языка.

Тем не менее, потребность в существовании инструмента для автоматического анализа информации на китайском языке побудила нас создать компьютерную программу CLAAS (Chinese Language Automatic Annotation System).

1. Функции программы CLAAS.

Программа CLAAS предназначена для анализа текстов на китайском языке различной тематики в текстовом формате (plain text).

В качестве результата анализа система создаёт реферат текста (в нашем случае это сжатое изложение анализируемого текста при помощи цитирования самого текста) и список «ключевых слов» (то есть слов, наиболее тесно связанных с тематикой данного текста). Причём уровень сжатия текста может быть задан произвольно и обычно находится в пределах от 5% до 50% от объёма исходного текста.

В качестве примера можно привести результаты анализа публицистического текста (http://www.chinanews.com.cn/n/2004-02-06/26/398900.html).

Текст посвящён описанию террористического акта в московском метро 6 февраля 2004 года.

Реферат (27% от общего объёма) оказался следующим:

1 0 综述俄大选前莫斯科地铁遭恐怖袭击酿伤亡惨剧 – 75.36639709

3 0 爆炸发生时，列车距站台 500 米。 – 60.60556832

3 2 俄通社塔斯社报道称，发生爆炸的第二节车箱中共有名乘客。 – 38.71185776

4 0 目击者：这是“一场血淋淋的屠杀” – 33.49132613

10 0 这名目击者称，爆炸发生时他在另一节车箱。 – 43.66255962

10 1 他说：“我看到手臂和断腿散落在车箱中这是一场血淋淋的屠杀”来自内务部官员的消息称，此次爆炸可能是一次恐怖袭击。 – 40.99947173

14 0 爆炸系恐怖袭击并非列车故障引发 – 115.4619268

15 0 内务部官员认定，此次爆炸可能是一次恐怖袭击。 – 75.40658825

15 1 现场的调查官员称，爆炸的威力相当于 2 公斤 TNT，可能是一名女“人弹”将炸药带上地铁列车然后引爆，也可能是恐怖分子将定时爆炸装置放在包里并扔到车箱的某个角落。 – 40.37311651

16 2 因此，只能认为这是一次恐怖袭击。 – 59.02609529

16 3 莫斯科和俄罗斯各地发生的自杀式恐怖袭击多为车臣恐怖分子所为。 – 60.91415611

19 0 袭击意在破坏俄大选普京谴责 – 48.21268753

20 0 爆炸发生时，普京总统正在准备接见阿塞拜疆总统阿里耶夫，接到通报后，他立即发表声明对此次地铁爆炸事件进行谴责，并将事件定性为恐怖袭击。 – 42.03151466

При большем сжатии текста (около 7%) был получен следующий результат:

1 0 综述俄大选前莫斯科地铁遭恐怖袭击酿伤亡惨剧 – 75.36639709

3 0 爆炸发生时，列车距站台 500 米。 – 60.60556832

14 0 爆炸系恐怖袭击并非列车故障引发 – 115.4619268

15 0 内务部官员认定，此次爆炸可能是一次恐怖袭击。 – 75.40658825

16 3 莫斯科和俄罗斯各地发生的自杀式恐怖袭击多为车臣恐怖分子所为。 – 60.91415611

Как видно из примера, несмотря на некоторые потери в содержании (исчезли описания очевидцев и версия о связи теракта с предстоящими выборами, а также ряд деталей), в целом, по полученному результату можно сделать вполне адекватное заключение о содержании статьи.

В качестве ключевых слов программа выбрала следующие:

恐怖	629.8656	18
地铁	69.4261	17
列车	45.44475	10
普京	44.99208	10
袭击	227.5654	8
莫斯科	66.8039	8
乘客	51.75269	7
内务部	41.05684	5
大选	20.83744	4
疏散	118.1408	3
总统	35.71338	3

2. Принцип работы.

За элементарную единицу автоматического анализа текста мы взяли иероглиф (логограмму). Это объясняется, с одной стороны, тем, что, как отмечалось выше, слово в китайском языке не обладает достаточным для автоматического анализа количеством формальных признаков, а с другой стороны, тем, что иероглиф не только легко выделяется в тексте, являясь наименьшей самостоятельной единицей системы письменности китайского языка, но и, как правило, имеет собственное значение, семантически связанное с более крупными единицами текста, в которые он входит.

В начале обработки текста, программа разбивает его на единицы различного уровня: абзацы, предложения, синтагмы, иероглифы. Каждая единица индексируется.

Следующим этапом обработки является подсчёт доли каждого иероглифа в данном тексте (для удобства доля преобразуется в проценты) и сравнивается с долей данного иероглифа для китайского

языка в целом (по материалам анализа выборки художественных и публицистических текстов общим объёмом около 1 млн. знаков) по формуле

$$\mathbf{W(h)} = \frac{\mathbf{H(text)}}{\mathbf{H}},$$

где H(text) – доля данного иероглифа в данном тексте, а H – доля того же иероглифа в генеральной совокупности текстов китайского языка.

Таким образом, полученная величина является характеристикой «семантического веса» данного иероглифа для данного текста.

Предложения, средний «вес» иероглифов в которых превышает некоторую заданную величину, считаются наиболее информативными и включаются в реферат данного текста.

Вес предложения рассчитывается следующим образом:

$$\mathbf{W(sent)} = \frac{\sum_{n}^{1} \mathbf{W(h)}}{\mathbf{n}},$$

где n – количество иероглифов в предложении.

При минимальном сжатии текста обычно используется величина, равная среднему «весу» предложений в тексте, при максимальном – эта величина не меньше, чем в два раза превышает среднюю величину, т.е.:

$$\mathbf{W(sent)} \geq 2\overline{\mathbf{W}}.$$

В приведённом выше примере слева от предложений стоит их индекс, где первая цифра является номером абзаца, а вторая – номером предложения в абзаце. Справа указан средний «вес» иероглифов в предложении. Причём для первого варианта сжатия («слабого»)W≥W(среднее) (при W(среднее)=30), а во втором варианте («сильном») W≥2W(среднее).

Определение ключевых слов производится следующим образом:

1. определяются иероглифы, чей вес превышает некоторое заданное значение (по тому же принципу, что и для предложений);

2. происходит последовательный полнотекстовый поиск слов, включающих в себя данные иероглифы.

Причём словом в данном случае считается такая комбинация иероглифов, которая 1) находится в пределах одной синтагмы; 2) состоит из более, чем одного иероглифа; 3) обладает некоторой повторяемостью в пределах данного текста.

Первое условие оставим без объяснений ввиду его очевидности.

Второе условие объясняется тем, что, во-первых, большинство односложных слов является служебными или относится к обиходно-бытовой лексике, не несущей, как правило, главной смысловой нагрузки в тексте, во-вторых, выделение односложных слов технически сложно, так как требует привлечения методов семантического анализа.

Критерий повторяемости необходим, с одной стороны, для выделения слов, частотность которых является отражением их семантической значимости в рамках данного текста, с другой стороны, повторяемость есть один из признаков слова.

В приведённом выше примере в среднем столбце указан «семантический вес» слова (сумма «весов» входящих в состав слова иероглифов), в правой колонке указана абсолютная частота слова в тексте. Именно по последнему параметру определяется ранг слова в списке ключевых слов текста.

Программа CLAAS апробировалась на текстах различной тематики и показала себя надёжным средством сжатия текстовой информации на китайском языке, при условии наличия чётко выраженной тематической направленности текста, его тематической и смысловой однородности. Так, например, попытка анализа дискурса одного из участников Интернет-чата не была вполне успешной, так как его общение не было сосредоточено вокруг одной темы. Тем не менее, удалось найти некоторые интересные особенности дискурса данного лица.

Смеем надеяться, что программа CLAAS может быть полезна не только для обработки большого количества текстового материала, классификации и индексирования текстовых файлов, но поможет в исследовании особенностей семантической структуры текста, роли иероглифов в формировании семантики текста, их связи с более крупными единицами языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. – М., 1995.
2. *Готлиб О.М.* Китайская логограмма в грамматолого-семиотическом аспете // Материалы VI международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. – СПб., 2001.
3. *Hoosain R.* Psychological reality of the word in Chinese // Language processing in Chinese / H.C. Chen & O.J.L. Tzeng (Eds.). – 1992. – P. 111–130.
4. *Tsai C.H., McConkie G.W., Zheng X.J.* (1998, November). Lexical parsing by Chinese readers. Poster session presented at the Advanced Study Institute on Advances in Theoretical Issues and Cognitive Neuroscience Research of the Chinese Language, University of Hong Kong.
5. *Nianwen Xue.* Chinese Word Segmentation as Character Tagging, Computational Linguistics and Chinese Language Processing; Vol. 8, No. 1, February 2003, P.29–48 © The Association for Computational Linguistics and Chinese Language Processing

SUMMARY

The software program CLAAS is a parsing program, which summarizes and finds key words in Chinese texts. It also sets indexes to the semantic units of all levels of a text (paragraphs, sentences, syntagmes and hieroglyphs).

It is built on the analysis of "semantic weight" of hieroglyphs in the text, which makes it possible to avoid the problem of word segmentation in the Chinese language not solved until now.

The program is helpful not only in text parsing, information retrieval, text annotation and indexing, but also in the studies of a text semantic structure and semantic layers interconnections in a text.

И.Т. Зограф, г. Санкт-Петербург

МЕЖУРОВНЕВЫЕ СВЯЗИ И ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Поскольку теория уровней, как и основные положения и категории науки о языке, до последнего времени разрабатывались в первую очередь на материале флективных языков, привлечение данных язы-

ков других типов, и в частности китайского, несомненно может представить определенный интерес.

Для китайского языка, как изолирующего, характерно отсутствие морфологии в традиционном понимании этого слова (имеется ограниченное словоизменение, причем формами слова выражаются только несинтаксические категории, например, число существительного, время и вид глагола). Основным средством выражения синтаксических отношений здесь, помимо порядка слов, являются служебные (грамматические) слова. Порядок слов, важный во всех языках, для языков этого типа приобретает особое значение, поскольку он не подкреплен морфологией; грамматическим функциям словоформ здесь соответствуют грамматические функции словесных позиций и словесных конструкций. Таким образом, для китайского языка, где основная единица языка – слово – само по себе, вне конструкции, не имеет выраженного грамматического значения (не только, естественно, синтаксического, но и морфологического) и не является объектом изучения морфологии, целесообразно рассматривать лексический и грамматический (синтаксический) уровни в плане противопоставления значимых и служебных элементов языка. Следует при этом учитывать, что служебные слова, обычно происходящие от знаменательных, в большинстве случаев сосуществуют в языке с исходными знаменательными словами, сохраняя и смысловую связь с ними и один и тот же фонетический облик (хотя, конечно, степень связи с исходным словом не у всех одинакова). В служебном и в знаменательном значениях такие слова характеризуются различными функциями, которые они выполняют в предложении, тем не менее граница между знаменательным словом и материально совпадающим с ним служебным словом не всегда бывает выражена достаточно четко, и не всегда оказывается просто разграничить служебные и знаменательные слова.

О путях и способах взаимодействия этих уровней в ходе исторического развития языка, или, иначе говоря, о формировании единиц грамматического уровня современного китайского свидетельствуют, например, следующие три различные группы служебных слов глагольного происхождения: 1) *бэй* – среднекитайский глагол со значением «подвергаться чему-либо», функционирующий в современном

языке как показатель залоговых отношений; 2) *ба* – служивший в среднекитайском глаголом со значением «держать» и предлогом, сопровождающим прямое дополнение в позиции перед глаголом-сказуемым, но в современном языке сохранившийся только как предлог; 3) бифункциональные слова – глаголы движения (в знаменательном значении) и предлоги с пространственным и временным значением, использующиеся одинаково и в среднекитайском и в современном китайском. Обращает на себя внимание стабильность исходной семантики служебных слов в случаях, когда одно из них исторически сменяет другое (так, предлог *ба*, упоминавшийся выше и сохранившийся в современном языке, вытеснил предлог *цзян* от исходного знаменательного глагола *цзян* «держать», характерный для среднекитайского и несвойственный современному китайскому).

В этой связи следует отметить, что в языках типа китайского обычны также служебные слова, имеющие именное происхождение. Это, в частности, послелоги и так называемые классификаторы, характеризующие конкретный класс предметов и помещаемые между числительным и существительным, именующим исчисляемые предметы.

Специфика китайского языка в плане межуровневых отношений интересным образом проявилась в документах, написанных особым, так называемым «канцелярским стилем», возникшим в эпоху монгольского владычества в Китае (1280–1368 гг.) под прямым влиянием монгольского языка. И на этом мы сейчас хотели бы остановиться подробнее.

Монгольско-китайская языковая интерференция, отразившаяся в этих документах, тем более заслуживает внимания, что названные языки различаются как морфологическим типом (китайский – язык изолирующий, монгольский – агглютинирующий), так и синтаксическим строем (нормальный порядок слов в китайском – SVO, в монгольском – SOV). Рассматриваемая «канцелярская» разновидность китайского, калькирующая монгольские оригиналы соответствующих документов, что приводит к значительным отступлениям от китайской синтаксической нормы, требует для правильного понимания смысла текста использования некоторых компенсирующих средств –

«морфологических» и лексических. Здесь же мы рассмотрим некоторые «уточняющие» средства, не связанные с синтаксисом.

Наиболее ярким примером "морфологической" компенсации изменения порядка слов служит оформление косвенного дополнения при глаголах давания и отнимания. Косвенное дополнение (адресат) в стандартном китайском занимает позицию после следующего за глаголом прямого дополнения (объекта); предлог *юй* предшествует косвенному дополнению. В «канцелярских» текстах, как и в монгольском, оба дополнения стоят перед глаголом, причем косвенное предшествует прямому. В монгольском первое оформляется суффиксом датива-локатива, а в китайских переводных документах этому оформлению соответствует служебное слово *гэньди* (*гэньды*), выступающее как послелог.

В китайском языке личное местоимение, употребляемое как определение, предшествует определяемому. Ту же позицию занимает притяжательное местоимение в монгольском, но там кроме того существуют лично-притяжательные частицы, различающиеся по лицам и числам и представляющие собой усеченные формы соответствующих личных местоимений. В отличие от полных местоимений они занимают позицию после определяемого слова. В переводных китайских документах эти частицы передаются обычными личными местоимениями, которые занимают несвойственную китайскому языку позицию после определяемого. Так, выражение "в их жилищах" по нормам китайского языка должно выглядеть как *тамэйды фан-шэ-ли*, где *тамэйды* "их" предшествует определяемому; однако наблюдаются и такие случаи, когда оно следует за определяемым словом, копируя позицию монгольской частицы *апи*, т.е. получается *фан-шэ-ли тамэйды*.

Определение, выраженное местоимением 3-го лица, может относиться и к выражению "что бы это ни было" (*бу цзянь шэмма*); как правило, оно находится в постпозиции к этому выражению: *бу цзянь шэмма тады* "что бы это ни было их". Ненормативность такой конструкции компенсируется в некоторых случаях лексически – включением между определяемым и местоимением-определением различных поясняющих слов.

Прямая речь в китайском вводится предшествующим ей глаголом говорения. В переводных с монгольского документах, где имеются прецедентные ссылки на предшествовавших правителей, носящие характер цитат, такие цитаты вводятся, как и в монгольском, постфиксирующим выражением "так сказано" (*мадао*), являющимся калькой с монгольского. Недостаточная ясность этой конструкции, вызванная и изменением порядка слов и употреблением кальки, влечет за собой избыточное употребление вслед за *мадао* обычных глаголов речи – *шо* или *дао*, в результате получаются смешанные варианты: *мадао шо* или *мадао дао*.

Выше мы привели примеры того, как синтаксическая неправильность фраз корректируется различными средствами – «морфологическими» и лексическими. Возможны, однако, и такие случаи, когда использование тех или иных служебных или знаменательных элементов провоцируется желанием достичь полной аналогии монгольскому оригиналу, но с точки зрения синтаксиса китайского языка оказывается избыточным. Как это выглядит, показывают следующие примеры.

В документах употребляется своеобразная конструкция, определяющая лицо или предмет по месту его нахождения. Китайскому она не свойственна и своим появлением обязана копированию монгольского оригинала. В монгольском языке сложное словосочетание образуется при помощи глагола и оформляется как причастный или деепричастный оборот; в монгольских оригиналах документов подобные сочетания передаются с помощью причастий настоящего и будущего времени от глаголов бытия *a-* и *bu-* (*aqu*, *aqun* и *buk'u*, *buk'un*) и практически представляют собой причастные обороты со значением "находящийся в", "принадлежащий к" и т.д. Этим обусловлено появление в китайских текстах документов совершенно не свойственных китайскому языку конструкций с глаголами *ю* "иметься", *шу* "принадлежать" и др. Так, "надзирателям в Лунсингуани, Хунъюаньгуне... области Ичжоу округа Баодинлу" в китайском тексте документа передается как: *Баодинлу Ичжоу ю-ды Лунсингуань, Хунъюаньгун... ю-ды тидянь*, т.е. букв. "надзирателям, находящимся в Лунсингуани, Хунъюаньгуне... находящихся в области Ичжоу округа Баодинлу"; первый глагол *ю* передает здесь *buk'un*, а второй – *aqun* монгольского текста.

Дополнение со значением бенефицианта, как и в китайском, вводится в китайских текстах документов вышеупомянутым предлогом *юй* и стоит перед глаголом. Такое дополнение может оформляться и послелогом *гэньди* (*гэньды*) (который, как отмечалось выше, оформляет и косвенное дополнение – адресат действия), хотя в данном случае нет никаких синтаксических нарушений. Возможен и "компромиссный" вариант – с предлогом *юй* и послелогом *гэньди* (*гэньды*) одновременно.

Подобные вторжения иноязычного строя в структуру китайского языка в силу их неорганичности оказались недолговечными. Решающим обстоятельством, обусловившим появление «канцелярской» разновидности китайского языка и представляющих ее письменных документов, послужило то, что главным официальным языком в стране стал язык чужеземный – монгольский, обучение которому китайцев не поощрялось, а потому общение властителей с покоренным народом должно было идти в основном через переводчиков, для подавляющего большинства которых китайский язык не являлся родным. С падением династии Юань рассматриваемая разновидность китайского прекратила существование.

SUMMARY

For Chinese, a language whose main linguistic unit – the word – has no explicit grammatical (be it connected with syntax or morphology) meaning in itself, outside any syntactic structure, and, therefore, traditionally is not included into the framework of morphology, it seems reasonable to study both lexical and grammatical levels by opposing autosemantic words to auxiliary and/or function elements of the language. The peculiarities of the Chinese language as concerns interlevel relations represent themselves specifically in the so-called chancellery style caused directly by the Mongol language and being in use in China under the Mongol domination (1280–1368). These features are given a particularly detailed review in report.

М.Х. Имазов, Ли Инь, г. Бишкек

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СДВИГЕ ИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ
(НА ПРИМЕРЕ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА)

Типологический сдвиг дунганского языка впервые в 30-х гг. XX в. заметили Е.Д.Поливанов и А.А.Другунов. Хотя они это так и не называли, но то, на что ученые специально обращали внимание, не характерно для изолирующих языков.

Так, Е.Д.Поливанов констатировал наличие в дунганском языке не свойственных изолирующим языкам мягких согласных. По его мнению, основой их образования служили бифонемные сочетания типа д+й. Например, сочетание п+й дало пь, согласный, «специфическое качество которого состоит, следовательно, в совмещении артикуляции (и акустических моментов) обеих исходных фонем» [3: 118]. Вероятно, произошло это при выпадении проходных гласных между начальными слоговыми согласными и слоговыми гласными, например: бйо=бьо (б'о) 'часы', дйо=дьо (д'о) 'хватать' и др. Последнее привело к появлению нового фонологического качества – корреляции по твердости – мягкости, например: бо 'сытый' – б'о 'часы', до 'клевать' – д'о 'хватать' и т.д.

Этому, думается, способствовала также редукция безударного гласного /и/ в конце двусложного слова, например: дали – дал' (даль) 'бил', дани – дан' (дань) 'будет бить'; фали – фал' (фаль) 'играл', фани – фан' (фань) 'будет играть' и т.д.

Кроме того, этот процесс, развиваясь, может привести и к другим не менее заметным последствиям. К примеру, если данный факт речи со временем станет фактом языка (чего нельзя исключать), то отдельная фонема определенно может быть средством выражения некоторого значения, т.е. точно так же, как и во флективных языках. В приведенных примерах фонема (л') в конце глагола может быть формой (показателем) прошедшего времени, а фонема (н') в конце глагола – формой (показателем) будущего времени.

Другой процесс на фонетико-фонологическом уровне, на наш взгляд, со временем также может привести к серьезному типологическому сдвигу. Имеется в виду редукция безударного гласного /ы/ в

конце, а иногда и в начале двусложного слова. Так, двусложные слова типа т у н з ы 'труба', к у н з ы 'сноп', с ы ш ы н 'час' в результате сильной редукции (почти полного исчезновения) безударного гласного /ы/ произносятся соответственно как т у н с, к у н с и с ш ы н. (Правда, всё это происходит на уровне речи, однако факт речи, как известно, затем становится фактом языка). Типологический сдвиг в данном случае затрагивает в первую очередь правила сочетаемости фонем: произошло в них стечение согласных (н с, н с, с ш), что не характерно для дунганского языка с его законом открытого слога. Кроме того, для согласных появилась слабая позиция – позиция конца слова и позиция перед глухим согласным, т.е. точно так же, как и во флективных языках (например, в русском), в которых при рассмотрении вопроса о фонематичности звуков приходится учитывать, помимо функции различения, еще и функцию отождествления. (Ср., в русском языке: код(т) – кот = коды-коты и др.). Нечто аналогичное может произойти и в дунганском языке: кунз(с)-кун 'связывать' + зы 'сын', 'семя'). Последнее непременно приведет к развитию такого фонологического качества, как корреляция согласных по звонкости-глухости. Впрочем, вопрос о том, считать ли это качество вновь приобретенным или издавна существовавшим в языке, является достаточно спорным. Еще в самом начале XX в. профессор П.П.Шмидт писал: «Вообще разница. между звонкими и глухими звуками в китайском языке столь же велика, как и в европейских языках, но только европейцы, не привыкшие к фонетике китайской речи, слышат в устах китайцев только глухие звуки, и, наоборот, китайцы слышат в европейских языках только звонкие звуки» [4: 27]. Следовательно, термин «полузвонкие» согласные, встречающийся в некоторых работах, посвященных исследованию китайского языка, не совсем корректен, и его применение оправдано, может быть, лишь в процессе обучения и в учебно-методической литературе.

Существенный типологический сдвиг дунганского языка на морфологическом уровне в конце 30-х гг. XX в. заметил А.А.Драгунов. Анализируя глагол в дунганском языке, подчеркивая его особенности, он писал, что «во всех тех случаях, где дунганский глагол является единственным и последним сказуемым во фразе, он должен быть обязательно оформлен» [1: 12]. Оформление это может быть суффик-

сальным, префиксальным и префиксально-суффиксальным. Суффиксальное оформление глагола осуществляется присоединением – ли, – дини, – ни, – гуэ, – ди к корневой морфеме, а также нулевым суффиксом императива; префиксальное – посредством отрицаний бу, мэ, бэ и наречий типа зу, же, кын, гуон, а смешанное – путем комбинации суффиксального и префиксального оформления [1: 12–13].

Таким образом, по мнению А.А.Драгунова, дунганский глагол отличается не свойственной для глагола изолирующих языков ярко выраженной оформленностью. Развивая эту мысль, остановимся на так называемых результативных глаголах. В существующей литературе таковыми называют глаголы, один из составных компонентов которых указывает на некий результат или направление, на начало или конец действия, например: далан 'разбить' (да 'бить'), начи 'унести (туда)', налэ 'принести (сюда)', зукэ 'начать идти (уходить)'. Хотя эта часть глагола и выполняет роль грамматической формы, но все же еще сохраняет в той или иной мере семантическое значение, которое в китайском языке, нам кажется, поддерживается, помимо всего, существованием иероглифов с их способностью выражать понятие. В дунганском языке лексическое значение второго компонента таких глаголов совершенно не осознается. Этот компонент в дунганских глаголах выполняет исключительно грамматическую функцию – функцию показателя совершенного вида, ср.: хун 'обманывать' – хунха 'обмануть', зан 'останавливаться' – занха 'остановиться', чы 'кушать' – чыдё 'скушать' и т.д.

К типологическому сдвигу на морфологическом уровне следует, вероятно, отнести и то, что нами было отмечено много лет назад при исследовании грамматического строя дунганского языка. Имеются в виду суффиксы существительных – ди, – ни, – шон, которые рассматривались как синтетические падежные формы существительных, например: дезы – дезыди – дезыни – дезышон 'тарелка – тарелки – в тарелке – на тарелке' [2: 43]. Хотя возможно, что аффикс – ни восходит к слову ли 'внутри', а аффикс – шон – к слову 'верх', и их семантическое значение в китайском языке поддерживается соответствующими иероглифами, в дунганском языке они потеряли лексическое значение и осознаются только как грамматические формы. Причем эти аффиксы появляются зачастую в словах, где значение 'внутри' или

‘верх’ не может быть в принципе, например: танни (имеется в виду ‘в пространстве вокруг поля’, а не ‘внутри поля’) или санни ‘в горах’ (имеется в виду ‘в пространстве вокруг гор’, а не ‘внутри гор’ и т.д.). Наличие данных синтетических падежных форм поддерживается существованием аналитических падежных форм, например: ги мыймый ‘сестренке’ (ги сый? ‘кому?’), ги фу ‘дереву’ (ги са? ‘чему?’) или лян абый ‘с дядей’ (лян сый? ‘с кем?’), лян футу ‘топором’ (лян са? ‘чем?’) и т.д.

Впрочем, наличие синтетических падежных форм в китайском языке еще в начале прошлого века констатировал проф. П.П.Шмидт, который писал, что «родительный падеж от слова жэнь ‘человек’ в литературном языке образуется с помощью частицы джи, жэнь-джи, а в разговорной речи жэньди’, что эти ‘частицы не имеют никакого самостоятельного значения и по существу не разнятся от окончаний склонения» [4: 5].

Наблюдается в дунганском языке также весьма редкое для изолирующих языков явление агглютинации, например: ва ‘ребёнок’ + аффикс – му ‘дети’ + аффикс шон ‘на детях’ + аффикс ди ‘находящийся на детях’.

Все вышеизложенное может привести к мысли о координальном типологическом изменении дунганского языка. Однако, этого, кажется, не будет. По крайней мере в ближайшее время. Несмотря на наличие элементов флексии и отдельных явлений агглютинации, дунганский язык по своим основным типологическим признакам (отсутствие во многих случаях морфологических показателей слов, существование сравнительно большого количества моносиллабов и т.д.) все же остается языком изолирующего типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Драгунов А.А.* Исследование в области дунганской грамматики. Категория вида и времена в дунганском языке (диалект Ганьсу). – М. – Л., 1940.
2. *Имазов М.Х.* Грамматика дунганского языка. – Бишкек, 1993.
3. *Поливанов Е.Д.* Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции. – В кн.: Е.Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.

4. *Шмидт П.П.* Опыт мандаринской грамматики с текстами для упражнений. Пособие к изучению разговорного китайского языка Пекинского наречия. – Владивосток, 1915.

М.И. Каплун, г. Москва

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ «ТОН-ИНТОНАЦИЯ» ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ВОПРОСА В ЯЗЫКЕ ЙОРУБА

История вопроса исследования просодических средств языка йоруба имеет уже достаточно давнюю традицию, которая начинается с конца XIX в., с первых миссионерских грамматик. Однако практически во всех учебниках языка йоруба и многочисленных научных работах речь шла только о тонах, и это было вполне естественно и закономерно, так как трехтональная система йоруба представляла для исследователя несомненный интерес, являя собой классическую тональную систему. Недаром, начиная с 60-х годов прошлого столетия активно муссировалась тема сходства тональных систем йоруба и китайского, в отличии от ареально близких йоруба языков хауса, ибо и др.

Во многом поэтому в зарубежной йорубистике сложился достаточно устойчивый стереотип, что просодическая система йоруба зиждется на тональных противопоставлениях, и другие субъекты просодии (в частности, интонация) практически полностью замещаются и/или поглощаются этими тональными противопоставлениями. Нельзя не признать, что в отечественной африканистике все же было несколько попыток развязать сложнейший узел проблем, связанных с взаимодействием тона и интонации в йоруба. В этом плане необходимо вспомнить пионеров исследования этой проблемы В.И. Петрянкину [Петрянкина 1981] и С.С. Хромова [Хромов 2000]. В то же время анализ этих работ недвусмысленно показывает: чтобы судить о роли просодических единиц – тона и интонации – необходимо смоделировать механизм их взаимодействия и разграничить акустический вклад каждого из них при порождении/восприятии того или иного коммуникативного типа предложения.

Сейчас, когда достаточно изучена тональная система йоруба: тоны в однослогах, комбинаторика, ритмика в биномах и трехслогах, – создана практически реальная база для исследования такой сложнейшей проблемы, как взаимодействие двух просодических единиц – тона и интонации [Каплун 2000].

Для реализации этой задачи был задуман и осуществлен целый комплекс инструментальных и психолингвистических экспериментов.

Диктор – носитель диалекта ойо языка йоруба– начитал краткие вопросительные предложения одного и того же сегментного состава. Эти предложения были подобраны таким образом, чтобы последнее слово предложения – глагол (глагол в йорубе всегда однослог) – было маркировано разными тонами – высоким и низким. Например:

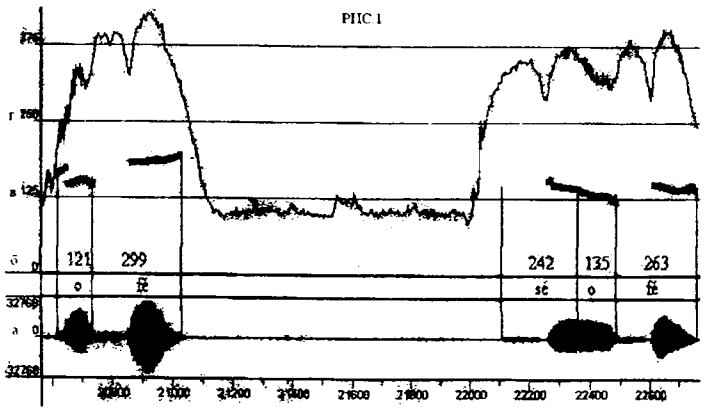
1.“Ó fẹ́” – ты хочешь?

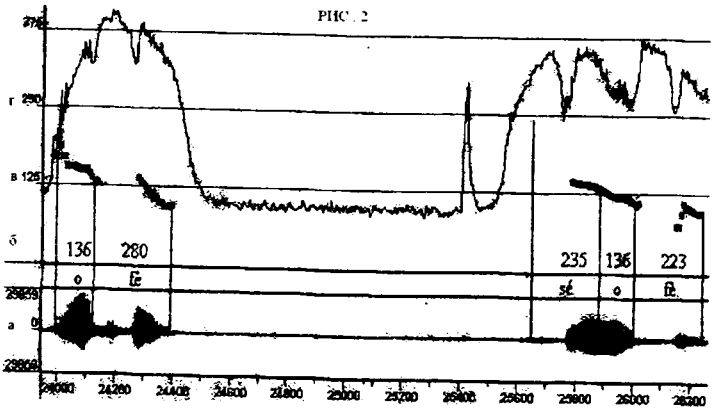
“Ó fẹ̀” – тебе хорошо?

При анализе этого экспериментального материала возникает целый ряд закономерно интересных проблем.

В этой паре предложений коммуникативная заданность основана только на интонационном противопоставлении. Априори можно было предположить, что фонологический центр в этих предложениях приходится на последнее слово “fẹ́” (рис.1) и “fẹ̀” (рис.2). Эти глаголы, имея один и тот же сегментный состав, маркированы различными тонами – высоким и низким.

См. рисунки 1 и 2.





В нижней части рисунка под условным обозначением (а) расположена осциллограмма, выше – длительность каждого слога реализации в мс (б); далее – линия частоты основного тона в Гц (в); затем – линия интенсивности в Db (г).

В первом предложении "Ó fé?" повышение частоты основного тона на последнем слоге, характерное для вопросительной интонации, совпадает с реализацией высокого тона, что находит свое выражение в виде восходящего движения ЧОТ, интервал которого равен м.сексте. Во втором предложении "Ó fè" наблюдается совершенно иная картина, облик которой определяет низкий тон на последнем слоге "fè". Он не только изменяет восходящий контур вопросительной интонации, деформируя его до нисходящего, но и тянет за собой вниз тональный контур предыдущего слога "ó", который также маркирован высоким тоном. Такая же ситуация наблюдалась во всех остальных реализациях подобного типа. Можно предположить, что в вопросительных предложениях этого типа тоны (высокий и низкий) занимают сильную позицию, что позволяет им формировать тот тональный контур конца предложения, который соответствует конкретному тону, подчиняя и деформируя привычное восходящее направление вопросительной интонации. Как же опознаются эти предложения и опознаются ли вообще? Аудитор не смог их отличить от повествовательных предложений – одинакового сегментного состава и тонов. Когда же

эти вопросительные предложения вставлялись в минимальные контексты – опознавались безошибочно.

Это дает основание полагать, что на данном историческом этапе процесс дефонологизации тонов, характерный для многих западноафриканских языков, не затронул саму тональную систему йоруба, которую, как и в китайском языке, можно отнести к системам тотально тоновым.

Эти данные еще раз подтверждают тезис, высказанный ранее, по другому случаю и в несколько других экспериментальных обстоятельствах, о цельности акустической структуры тонов йоруба, где каждый из акустических признаков (ЧОТ, интенсивность, время звучания) работают, как правило, в унисон, создавая конкретный тональный образ, недвусмысленно противопоставленный другому [Каплун 2000].

Анализ вопросительных предложений с разными тонами на последнем слоге дает возможность также поставить вопрос о ритмике предложений этого типа. Не возникает сомнения, что ритмический центр вопросительных предложений приходится на последний слог независимо оттого, каким тоном маркирован последний слог – высоким или низким, потому что именно акустические дифференторы в количественном плане имеют на этом слоге максимальные значения. Можно предположить, что ритмическая выделенность последнего слога предложений является специфической реализацией именно вопроса без вопросительного слова, в то время как в других вариантах вопросительного предложения, например, в предложениях с вопросительным словом, ритмически выделенным может быть другой участок реализации, но это уже предмет другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Петрянкина В.И. Коммуникативная функция интонации в языках Африки. – М., 1981.

Хромов С.С. Интонация в системе языка и проблемы методического прогнозирования. – М., 2000.

Каплун М.И. Тоны и тоноритмика слова языка йоруба. – М., 2000.

В.Б. Касевич, И.И. Ким,
г. Санкт-Петербург

ФОНЕТИКА И ГРАММАТИКА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И БИРМАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Китайский и бирманский языки принадлежат к слоговым (силлабемным) и тональным. Уже сами по себе указанные типологические характеристики «затрагивают» одновременно фонетику (фонологию) и грамматику: один из главных критериев выделения слоговых языков – это недопустимость асиллабических морфем, тональность же означает обязательность просодемы тона для каждой слогоморфемы. Есть основания полагать, что сформулированные взаимозависимости между фонологическими и грамматическими признаками далеко не исчерпывают область схождений между китайским и бирманским языками, с одной стороны, и их отличий друг от друга, равно как и от иноструктурных языков – с другой.

В нашем исследовании изучались фонетические параметры текстов и грамматических единиц в их составе; особое внимание при этом уделялось тем изменениям, которые имеют место при возрастании темпа речи. Как будет видно из дальнейшего, именно изменение темпа речи позволяет в ряде случаев выявить важные закономерности в функционировании грамматических единиц, их фонетических признаков, которые остаются в тени при анализе текста в пределах одного темпа, обычно «среднего», «нормального».

Материалом исследования послужили два прозаических художественных текста; их характеристики с точки зрения слогового состава, состава в терминах слогов, слов, синтагм и предложений представлены в табл. 1. Поскольку известно, что равно в китайском и бирманском тексте особую роль играют биномы – 2-сложные слова и словоподобные единицы (которые в наших текстах составили 46,4% от общего числа слов в китайском тексте и 39,8% в бирманском), эта категория единиц учитывалась отдельно.

Тексты были записаны в исполнении дикторов, владеющих нормативным произношением соответствующих языков, в двух темпах – нормальном (3 – 3,6 слога/сек.) и убыстренном (4 – 4,6 слога/сек.).

Основные экспериментальные данные сведены в табл. 1–3. Эти данные дают основания для выдвижения целого ряда важных гипотез относительно типологической специфики как обоих языков, так и каждого из них («гипотез» – поскольку сформулированные ниже положения нуждаются в подкреплении на материале более статистически представительных текстов).

Обратимся прежде к данным по синтагмам, как они представлены в табл. 1 и 3. Как и следовало ожидать, при возрастании темпа речи имеет место укрупнение синтагм, что приводит к уменьшению их числа в составе текста. Но длительность синтагм при этом возрастает лишь незначительно. Из этого, возможно, следует, что в определенных рамках, задаваемых синтаксисом/семантикой и темпом, существуют особые программы порождения синтагм как целостностей, с более или менее фиксированной длительностью и переменным – в терминах слов – наполнением.

Таблица 1

Состав экспериментальных текстов в терминах единиц разных уровней

	Бирманский язык		Китайский язык	
	нормальный темп	быстрый темп	нормальный темп	быстрый темп
предложение	31	31	30	30
синтагма	177	140	166	146
слово	464	464	422	422
слог	972	972	738	738

Таблица 2

Длительность текстов и их структурных единиц (мс)

	Бирманский язык		Китайский язык	
	нормальный темп	быстрый темп	нормальный темп	быстрый темп
текст	309000	250000	334000	298000
предложение	9960	8060	1110	9930
синтагма	1740	1780	2010	2040
слово-бином	369	343	535	421

Таблица 3

Длительность пауз разного типа (мс)

между предложениями	700	660	1480	1040
между синтагмами	390	250	620	480
между словами внутри синтагмы	120	60	130	70

Такие представления хорошо соответствовали бы положению о большей (сравнительно с неслоговыми, нетональными языками) функциональной значимости синтагмы в тексте на языке типа китайского или бирманского (ср. Kassevitch, Nikitina 2003).

Возникает вопрос: если укрупненные синтагмы сохраняют длительность исходных, то за счет чего это обеспечивается? Как можно видеть (табл. 2), длительность слов-биномов при переходе от нормального темпа к убыстренному также практически сохраняется (по-видимому, сокращению длительности слогов в составе слов препятствует необходимость сохранять временной интервал, необходимый для реализации *тона*).

Ответ на поставленный вопрос дают данные табл. 3: более длинная синтагма «укладывается» во временной интервал более краткой за счет *двукратного уменьшения длительности пауз внутри синтагмы*.

Этот результат кажется парадоксальным. Ведь синтагма выделяется именно *отсутствием* внутренних пауз – наряду с семантико-синтаксической и интонационной цельностью. И в этом случае мы также склонны усматривать связь с грамматико-типологической спецификой изучаемых языков, проявление корреляции фонетических и грамматических закономерностей. Дело в том, что в слогоморфемных языках, к которым принадлежат китайский и бирманский, нет четкой грани между словом и словосочетанием-синтагмой. Базовой единицей словаря и грамматики здесь выступает слогоморфема; существуют сочетания слогоморфем разной степени грамматической связанности, слитности, и слово – лишь частный случай такого сочетания (с максимальной связанностью слогоморфем, см. об этом: Касевич 1986). Синтагмы разных категорий занимают свое место в таком ран-

жированном ряду. Соответствующие закономерности остаются плохо изученными. Для целей нашего исследования достаточно признать, что фонетическая неслитность, выражающаяся в возможности наличия внутрисинтагменных пауз, по длительности обычно колеблющихся в районе 200 мс, *коррелирует с грамматической неслитностью* синтагм.

Иначе говоря, синтагма слогоморфемного языка одновременно и более «выделимая» единица (в сравнении с синтагмами неслогоморфемных языков), и менее определимая – ввиду известной «рыхлости» ее внутренней структуры.

Дополнительно проиллюстрируем сформулированный тезис на не отраженном в таблицах материале, связанном с паузировкой внутри сочетаний имени со служебными словами в бирманском языке. Бирманское имя может иметь при себе два вида служебных слов (не считая послелогов и эмфатических частиц): аналитические показатели числа (в первой позиции) и синтаксические показатели (во второй позиции), например *ту*^{2} *доу*^{1} *гоу*^{2} 'их', где второй от начала показатель указывает на мн.ч., а третий – на синтаксическую функцию дополнения. Ясно, что морфологический показатель, пусть и аналитический, более тесно связан со «своим» именем, нежели синтаксический. Это полностью коррелирует с закономерностями паузировки: в наших материалах пауза между *ту*^{2} и *доу*^{1} отсутствует как в нормальном, так и в быстром темпе, а пауза между *доу*^{1} и *гоу*^{2} – 67 мс (в быстром темпе – 50 мс).

Основной источник сокращения общего времени звучания текста при переходе от нормального темпа к быстрому – уменьшение длительности пауз между предложениями.

Материал (табл. 3) показывает, что существует значительная разница между данными по длительности межсентенциальных пауз в бирманском и китайском языках: в бирманском паузы при возрастании темпа сокращаются всего на 6%, в то время как в китайском – на 30%. И здесь уместно говорить о корреляции фонетики и грамматики. Из данных табл. 3 можно видеть, что паузы между предложениями бирманского текста значительно меньше по длительности, чем аналогичные паузы в китайском тексте – даже паузы *медленного* темпа в бирманском короче пауз *быстрого* темпа в китайском. Соответствен-

но бирманским межсентенциальным паузам почти «некуда» более сокращаться при возрастании темпа. А это – краткость бирманских пауз – в свою очередь, может быть обусловлено существенной *определенностью*, маркированностью границ между предложениями в бирманском языке: бирманский принадлежит к синтаксическому типу SOV с «сильно маркированным» концом предложения, где в исходе – всегда глагол-сказуемое с его специфическим оформлением. Такая грамматическая определенность конца предложения нехарактерна для китайского языка – отсюда бóльшая «потребность» в маркировании конца предложения фонетическими средствами. Иначе говоря, для китайского языка при определении границ между предложениями более существенна роль фонетических факторов, а для бирманского – грамматических.

Мы располагаем также экспериментальными данными, демонстрирующими разную степень временной компрессии слов в быстром темпе произнесения в зависимости от позиции в синтагме и предложении, но от их обсуждения мы вынуждены воздержаться. Направление исследования, предварительно и во многом эскизно намеченное в настоящем сообщении, представляется весьма перспективным.

SUMMARY

Building on the experimental data, where Chinese and Burmese texts spoken at moderate and fast rate were analyzed, the authors show that a number of important features can be explained, *if* one addresses a specific correlation between phonetics and grammar in the languages under scrutiny. Thus, longer syntagma-like word sequences originated as a result of the faster speech-rate normally preserve the duration of their moderate-rate counterparts, which is made possible due to shorter pauses within the fast-rate syntagma. As is well known, the very notion of syntagma denies any pauses within such a syntactic unit; yet, in Chinese and Burmese, intra-syntagma pauses are found possible and even quite regular, presumably because *syntactically* the syntagma of these languages is not as tightly-knit as it is in such languages as Russian or English. It is also hypothesized that in order to locate a sentence boundary in Chinese, one has to rely more heavily on *phonetic* features, first of all pauses, while in the Burmese text, pauses are less relevant due to high salience of sentence-final *morphosyntactic* features.

К. Кожа, г. Москва

ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В последнее время всё бóльшие темпы набирает тенденция к использованию в текстах на китайском языке букв иностранных алфавитов (прежде всего английского) и аббревиатур иностранных слов, записанных латинскими буквами, которые обозначают новые понятия. Такие слова называются или инициальными аббревиатурами, или 字母词 zimuci «буквенные слова».

Необходимость в инициальных аббревиатурах возникает в китайском языке в связи с тем, что в китайской письменной системе не существует иероглифических соответствий отдельным звукам иностранных слов, которые активно заимствуются на современном этапе. Иероглифическое письмо является слоговым. Известно, что количество слогов в китайском языке ограничено – в современном нормативном языке путунхуа (современный общенациональный китайский язык) насчитывается немногим более 400 слогов, различающихся по звуковому составу. С учётом тоновых различий общее число слогов достигает приблизительно 1400. С их помощью невозможно отобразить многообразие всех звучаний звуковых сочетаний многих иностранных языков. Например, средствами русского языка можно передать практически любое звучание иностранного слова, используя и те звуковые сочетания, которые традиционно не свойственны звучанию русских слов. В частности, армянская фамилия Мкртчян содержит звуковой ряд из пяти согласных, что отнюдь не делает её непроизносимой для русскоговорящего. Звуковая палитра русского языка позволяет заимствовать иностранную лексику в почти неизменённом виде. В китайском же языке это практически невозможно.

На современном историческом этапе, вслед за общим стремлением к изучению иностранных языков и повышением уровня владения ими, на страницах печатных изданий КНР появляется всё больше слов, в состав которых входят буквы иностранных алфавитов. Сегодня на экранах телевизоров в Китае можно видеть английскую аббревиатуру – CCTV, сокращённое название центрального канала китайского телевидения (China Central Television). Местные телеканалы в

каждой из китайских провинций также используют сокращения подобного образца в своих названиях. Например, центральный канал провинции Шаньдун (Shandong) обозначен на экране как SDTV, провинции Гуандун (Guangdong) – GDTV и т.д. В газетах и журналах, издаваемых сегодня в Китае, изобилуют «слова-метисы» («混血儿» hunxuer «метисы, мулаты» – таким термином обозначают это явление китайские учёные (8)). Такие, например, как: 卡拉 OK kalaokei «караоке», BP机 bipiji «пейджер», PR学 pierxue «пиар», «наука о связях с общественностью», OK街 okeijie «улица, по которой гуляют иностранцы, туристический центр города», 三G手机 sanzhishouji «сотовые телефоны третьего поколения», SIM卡 simka «SIM-карта», QC小组 kiuxixiaozu «спец. группа по контролю над качеством производства – Quality Control» и многие другие.

Заимствования подобного рода (слова-метисы) в большинстве случаев представляют собой сочетание китайского слова и английской аббревиатуры (существительного, состоящего из инициалей слов, входящих в исходное иноязычное, как правило, словосочетание). Следует также особо отметить наличие в печати аббревиатур, заимствованных из английского языка в чистом виде (IQ, MBA, GDP, WAP, TOEFL) и аббревиатур, образованных в Китае из собственно китайских слов (DB = dibiao 地标 «региональный стандарт», RMB = renminbi 人民币 «национальная денежная единица Китая», HSK = hanyu shuiping kaoshi 汉语水平考试 «экзамен на уровень владения китайским языком», ZRG = zhongguo renmin gongheguo 中国人民共和国 «КНР»); а также аббревиатур, образованных в Китае на основе английских слов (CNY = ChiNese Yuan «китайский юань», CNNIC = China National Network Information Center «Китайский национальный сетевой информационный центр», CCTV = China Central Television «Китайское центральное телевидение»).

Образование аббревиатур как особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами синонимичных им номинаций, получило широкое распространение в основных европейских языках в XX в. Аббревиатуры получили распространение и в китайском языке, но изначально это не были аббревиатуры, состоящие из инициалей слов, входящих в словосочетание. Поскольку в китайском языке действовал механизм

совпадения морфологического членения слова со слоговым делением, постольку в нём получили распространение иные способы образования аббревиатур, названные И.Д.Кленином морфемными контракциями (2). Морфемные контракции – особый лексический пласт сложносокращенных слов, представляющих собой сокращённый вариант полных наименований[1]. Существуют разнообразные модели преобразования полных наименований в их сокращённые формы, но во всех случаях действует общая тенденция – сохраняются наиболее важные и информативные компоненты словосочетаний, представленных, как правило, первыми морфемами слов. Например:

环保 huanbao «защита окружающей среды» = 环境保护 huanjingbaohu, где

环境 huanjing – «окружающая среда», а 保护 baohu – «защищать».

北大 beida «Пекинский университет» = 北京大学 beijingdaxue, где 北京 Beijing – Пекин, а 大学 daxue – университет.

Существуют также и иные модели образования сложносокращённых слов. Приведём пример: 中共中央 zhonggongzhongyang = 中国共产党中央委员会 zhongguo gongchandang zhongyang weiyuanhui «ЦК КПК», где 中国 zhongguo – «Китай», 共产党 gongchandang – «коммунистическая партия», 中央 zhongyang – «центральный», 委员会 weiyuanhui – «комитет». Структура данного сложносокращённого слова отличается от структуры предыдущих примеров тем, что слово 中央 zhongyang «центральный» вошло в сокращённый вариант полностью, а имеющееся в полном варианте слово 委员会 weiyuanhui «комитет» в сложносокращённом слове вообще не представлено, хотя никакой потери смысла при употреблении сложносокращённого слова не происходит.

Следующим примером является сложносокращённое слово 外长 waizhang = 外交部长 waijiaobuzhang, «министр иностранных дел» (外交 waijiao «дипломатия» + 部长 buzhang «министр»), в состав которого вошла первая морфема первого слова и вторая морфема последнего слова соответствующего словосочетания [3: 116].

Если обратиться к примерам, где в состав китайских неологизмов входят английские аббревиатуры в виде отдельных букв англий-

---

[1] Морфемная контракция – это активный способ словообразования в китайском языке.

ского алфавита, можно увидеть, что в китайском языке складываются новые словообразовательные модели, когда заимствованные аббревиатуры, несущие конкретное семантическое значение, легко соединяются с исконно китайской морфемой или словом, образуя либо сложное слово, либо словосочетание. При этом английская аббревиатура может составлять как начальную часть нового словообразования, так и стоять между китайскими морфемами. Приведём примеры:

VIP 卡 «карточка почётного гостя», где VIP – англ. very important person «особо важная персона», а 卡 ka – китайская морфема со значением «карта».

PC 技术 «компьютерная техника», где PC – англ. personal computer «персональный компьютер» и 技术 jishu – китайское слово «техника».

三 K 党 san K dang «Ку-клукс-клан», где 三 san – китайское числительное «три», K – начальная буква в названии американской организации Ku-Klux-Klan) и 党 dang – китайское слово «партия».

三 G 手机 sanzhishouji «сотовые телефоны третьего поколения», где 三 san – китайское числительное «три», G – инициаль английского слова generation «поколение», 手机 shouji – китайское слово «мобильный/сотовый телефон».

За каждой буквой английской аббревиатуры стоит конкретное семантическое значение, равно как и за каждым иероглифом в традиционном сложносокращённом китайском слове. Но между морфемными контракциями и словами-метисами, т.е. новым типом аббревиатур, существуют серьёзные отличия. Сложносокращённое слово можно легко развернуть в полноценное словосочетание, а слово-метис, как правило, никогда не употребляется в речи в развёрнутом виде и даётся в словарях именно в «готовом», сокращённом, варианте с дальнейшей расшифровкой и пояснениями в составе дефиниций.

В случае с заимствованием букв английского алфавита в словах-метисах обнаруживается два разных процесса. Следует отметить, что инициали в словах-метисах произносятся как названия букв иностранного алфавита и, следовательно, как слоги. В одних случаях буквы в словах-метисах сводят на нет важнейшее свойство китайского слога являться выразителем определённого значения. Это происходит в словах-метисах типа 卡拉 OK kalaokei «караоке», где названия ла-

тинских букв выполняют исключительно фонетическую функцию и не несут при этом никакой смысловой нагрузки. В других случаях, например, в словах-метисах типа PR 学 pierxue «пиар», «связи с общественностью», за латинскими буквами P и R стоят конкретные семантические значения «public + relations», понятные носителям китайского языка, которые пользуются в речи этим заимствованием. Или, например, письменный знак английского алфавита «K», переданный слогом kei, в случае с 卡拉 OK kalaokei «караоке» выполняет исключительно фонетическую функцию, в другом случае «K», также переданный слогом kei, несёт семантическую нагрузку в китайском названии американского Ku-Klux-Klan «Ку-клукс-клан» – 三 K 党 sankeidang (дословно: «партия трёх K»).

В отдельных случаях чужеродные для китайского языка инициали английского алфавита, наделяемые слоговым звучанием и выполняющие только фонетические функции, существуют в современном китайском языке наравне с другими слогами, обозначаемыми иероглифами. Это наблюдается тогда, когда при записи фонетических заимствований исконные графические знаки китайского языка – иероглифы – выполняют исключительно фонетическую функцию и не несут при этом никакой смысловой нагрузки (как, например, в случае с 巴士 bashi «автобус» или 迪斯科 disike «диско»). Объясняется это тем, что при записи фонетических заимствований подбираются специальные иероглифы, записывающие либо старые слова, либо частицы, которые в совокупности не образуют смыслового единства. В то же время в других лексических сочетаниях эти иероглифы-слова могут выражать закреплённое за ними семантическое значение, т.е. обладать фонетическим и смысловым единством. Та же морфема 士 shi имеет значение «воин» в словах 武士 wushi «богатырь, рыцарь» или 士气 shiqi «боевой дух войск», а морфема 科 ke – значение «наука» в таких словах, как 科学家 kexuejia «учёный» или 理科 like «естественные науки».

Здесь необходимо отметить, что в китайском языке давно существует традиция использования иероглифов в отвлечении от передаваемых ими значений, т.е. в функции экспонентов морфем (слов). Необходимо также отметить и то, что морфологическая значимость слогоделения вовсе не всегда была характерна для китайского языка.

Реконструкция звучания иероглифов древнекитайского языка показала, что отдельные согласные звуки в составе звуковых оболочек древних слов были префиксами, т.е. носителями морфемного значения [4: 25]. Однако, согласно типологическим свойствам китайского языка, в современном китайском языке отдельные звуки, кроме тонированных гласных, как правило, не могут быть носителями смысла. Носителями смысла выступают слоги. Здесь мы подходим к ещё одной важнейшей типологической черте китайского языка – особой фонологической роли слога. Эта черта тесно связана с морфологической значимостью слогоделения.

По мнению целого ряда китаеведов и востоковедов, отдельный звук в китайском языке не может быть средством самостоятельного выражения смысла. При выражении смысла всегда используется *тонированный* слог, который может состоять и из одного, но обязательно тонированного гласного элемента. Например, звук [е] (恶), произнесённый четвёртым тоном, «злой», или звук [yi] (一), произнесённый первым тоном, «один», фактически означает уже не отдельный звук, а звук, соединённый с тоном и выражающий определённое значение. Отдельные звуки в китайском языке, как считается, могут выполнять лишь смыслоразличительную функцию, также как это происходит в русском и других языках. Но в отличие от русского языка, отдельный звук в китайском языке, как считают учёные, не обладает функцией смысловыражения. Этой функцией обладает слог, причём тонированный. По мнению Е.Н. и А.А. Драгуновых, в китайском языке «минимальной фонетической величиной, могущей иметь то или иное значение, то есть функционировать в качестве слова или части слова (морфемы), является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог, силлабема» [1]. Отмеченные выше черты являются важными типологическими свойствами изолирующих языков и китайского как представителя этих языков. Этими чертами во многом определяются и другие, существенные с точки зрения типологии, свойства китайского языка.

Обратившись к случаю с использованием букв английского алфавита в заимствованных словах китайского языка, мы видим нарушения и отходы от отмеченных свойств китайского языка. Что собой представляет латинский письменный знак в системе китайского языка?

Латинская графема всегда произносится как слог. Звучание некоторых знаков английского алфавита в некотором смысле аналогично звучанию собственно китайских иероглифов. Например, B [bi] = 笔 bi «кисть, перо», C [xi] = 戏 xi «игра, забава», D [di] = 地 di «земля», I [ai] = 爱 ai «любить», R [er] = 耳 er «ухо». Может быть, именно поэтому не представляется чужеродным звучание в китайской речи таких заимствований, как CD xidi «compact disk», IP 卡 aipika «карточка для выхода в Интернет через телефон» или даже PR 学 pierxue «пиар». Мы говорим, что звучание аналогично лишь в некотором смысле, исходя из двух фактов: первый факт заключается в том, что между заимствованными буквами латинского алфавита в слоговом произношении и китайским слогом существует различие. Китайские слоги, наделённые особой фонологической ролью, всегда тонируются. Пока остаётся открытым вопрос о том, тонируются ли знаки иностранных алфавитов в слоговом произношении, попадая в китайский язык, и если да, то насколько прочно закреплён тот или иной тон за иностранными инициалями при всём многообразии возможных аббревиатурных сочетаний. Вполне вероятно, что в систему китайского языка проникают и свободно функционируют, зачастую являясь носителями определённых значений, отдельные звуки или же целые слоги, не наделённые тоном. Второй факт заключается в том, что фонологические характеристики английских звуков, входящих в слоги-названия букв английского языка, не совпадают с фонологическими характеристиками этих звуков в китайском языке. Таким образом, возникают вопросы: возможен ли пересмотр исходного утверждения Е.Н. и А.А Драгуновых; возможно ли считать минимальной фонетической величиной китайского языка, обладающей функцией смысловыражения и способной функционировать в качестве слова или части слова (морфемы), не только тонированный слог, силлабему, а слог не тонированный?

На материале данного сообщения мы старались показать, что в процессе заимствования китайским языком иностранной лексики (главным образом английской) происходит не только пополнение словарного фонда китайского языка, но и, в ряде случаев, – непосредственное нарушение основных типологических характеристик китайского языка.

Участие букв иностранных алфавитов в словообразовательном процессе является показателем тенденции к формированию новых явлений в китайской письменности, в китайской фонологической системе. При употреблении в сочетаниях с исконными знаками китайского письма – иероглифами – латинские буквы, по-видимому, становятся «равноправными» знаками системы письменности, а обозначаемые ими слоги – «равноправными» знаками фонологической системы, несмотря на отличия этих слогов от основных фонетических характеристик слогов китайского языка. Китайские лингвисты постепенно приходят к осознанию необходимости разработки языковых норм, согласно которым заимствованные письменные знаки действительно могли бы считаться равноправными с иероглифами знаками китайской письменности.

Следует отметить, что рассматриваемая в данной работе проблематика уже не один год привлекает особое внимание как китайских, так и зарубежных исследователей, так как отражает в целом современные языковые процессы в китайском языке, и, следовательно, является существенным фактором коммуникативного процесса – общения на китайском языке как таковом. В этой связи, общая задача учёных-лингвистов – по возможности выявить и охарактеризовать складывающиеся тенденции в развитии китайской лексики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Драгунов А.А., Драгунова Е.Н.* Структура слога в китайском национальном языке // Советское востоковедение. – 1955.
2. *Кленин И.Д.* Китайско-русский военный и технический словарь. – М., 1968.
3. *Семенас А.Л.* Лексика китайского языка. – М., 2000.
4. *Солнцев В.М., Солнцева Н.В.* и Теоретическая грамматика современного китайского языка. Проблемы морфологии. – М., 1978.
5. *Солнцева Н.В.* Некоторые вопросы неологизмов // Материалы XI Международной конференции «Китайское языкознание. Изолирующие языки». – М., 2002.
6. 王德春 。词汇学研究。山东教育出版社， 济南, 1983 年。
7. 王铁昆 。汉语新外来词的文化心理透视。裁“汉语学习”， 1993 年。
8. 朱永锴 。怎样处理这些“混血儿”词语？ 。裁香港 “词库建设通讯”， 1994 年。

9. 汉俄词典 (Китайско-русский словарь)。 南屋印书馆，北京，2000年。
10. 汉英翻译辞典 (Китайско-английский переводческий словарь)。 山东友谊出版社，济南，2000年。
11. 现代汉语新词语词典 (Словарь новых слов современного китайского языка)。 花城出版社，广州，2000年。
12. 现代汉语词典 (Словарь современного китайского языка)。 北京语言学院出版社，北京，1993年。
13. 子母词词典 (The dictionary of lettered-words), 上海辞书出版社，2001。

И.Н. Комарова, г. Москва

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Формы побудительного наклонения выражают волеизъявление говорящего, побуждение собеседника к совершению какого-либо действия.

На характер выражения моделей побудительных речевых актов влияют следующие факторы: 1) лингвистические; 2) ситуативные (ситуация, пресуппозиция); 3) параметры социального характера (социальные роли и статус коммуникантов, социальные отношения, степень знакомства, сфера общения); 4) психофизические переменные (психическое и физическое состояние говорящих, эмоциональное состояние коммуникантов, отношения между участниками речи); 5) социоэтнические переменные (национально-культурный фактор).

Побуждение рассматривается как тип речевого акта, выражающий волю говорящего, обращенную к собеседнику совершить или не совершать каузируемое действие.

Семантические варианты побуждения определяются их интенсивностью, выражаемой говорящим. Нейтральное, категорическое или смягченное побуждения образуют общее функционально-семантическое поле побуждения, в формировании которого участвуют единицы фонетического, лексического, морфологического и синтаксического уровней языка.

Волеизъявление может выражаться различными видами нейтрального побуждения: советом, предложением, предостережением

или простым побуждением. Для реализации побуждения чаще всего используются: форма повелительного наклонения тибетского глагола, конструкции с перформативными глаголами – *советую*, *рекомендую*, *предлагаю*, *приглашаю*, *предупреждаю*, а также конструкции с императивными частицами и частицами вежливости.

Волеизъявление может выражаться вариантами категорического побуждения: приказом, командой, требованием, запретом, разрешением. Средствами выражения подобного рода волеизъявления чаще всего являются: форма повелительного наклонения тибетского глагола, конструкции с перформативными глаголами – *приказываю*, *требую*, *запрещаю*, *разрешаю* и т. п.

Для выражения смягченного побуждения используются вежливые формы повелительного наклонения глагола с перформативными глаголами – *прошу*, *умоляю*. Наблюдается употребление актуализаторов вежливости: почтительные слова, положительные оценочные слова, частицы вежливости.

Базовыми элементами категории адресации в побудительных речевых актах являются местоимения. Тибетский язык демонстрирует широкую парадигму личных местоимений с выделением форм адресации *ты* / *Вы*, для которых релевантна категория вежливости. Посредством этих местоимений реализуется социальный фактор коммуникации. В категорию адресации также входят имена-обращения, объединяющие имена собственные, термины родства, титулы и другие формы обращений.

Побудительные значения, содержащиеся в приказе, категорическом требовании, пожелании или просьбе в тибетском языке выражаются различными лексико-грамматическими средствами, например: *lang*^{2} 'встаю' – *long*^{3} 'вставай!', *tem*^{2} 'выбираю' – *tom*^{3} 'выбирай!'; *sa*^{2} 'ем' – *so*^{2} ***xi***^{24} 'ешь!; *ta* 'смотрю' – ***tö***^{24} ***tang***^{2} 'смотрите!

Типичной сферой функционирования форм побудительного наклонения является монологическая или диалогическая речь, которая представляет собой естественную форму человеческого общения. В репликах диалогической речи реализуется эмотивная функция языка.

Побудительное наклонение характеризуется обязательным наличием побудительной интонации, придающей волеизъявлению различные модально-экспрессивные оттенки.

Ядро структурно-семантических форм составляет **особая основа** повелительного наклонения. При этом выявляются субъективная оценка, намерение говорящего, выражающего различные эмоциональные чувства – радости, удивления, возмущения, гнева и т. п. Эмоционально-экспрессивная окраска монологической или диалогической речи может выражаться нейтральной или вежливой формами повелительного наклонения. Отметим прежде всего формы категории вежливости, представляющие особые формы повелительного наклонения. Упомянем также сложность семантических оттенков, передаваемых категорией вежливости.

Ср.: [*tø*^{24} 'смотри' – *si*^{23} 'смотрите', *вежл.*], [*so*^{2} 'ешь' – *qø*^{24} 'ешьте', *вежл.*], [*xo*^{24} 'приходи' – *phe*^{4} 'приходите', *вежл.*]. Например:

Нейтральная форма	**Вежливая форма**
kyhe^{1} *rang*^{1} ***tø***^{24}! 'ты смотри!'	*kyhe*^{1} *rang*^{1} ***si***^{23}! 'Вы смотрите!'
kyhe^{1} *rang*^{1} ***so***^{2}! 'ты ешь!'	*kyhe*^{1} *rang*^{1} ***qø***^{24}! 'Вы ешьте!'
kyhe^{1} *rang*^{1} ***xo***^{24}! 'ты приходи!'	*kyhe*^{1} *rang*^{1} ***phe***^{4}! 'Вы приходите!'

Далее обратимся к ядру форм побудительного наклонения. Они могут составить оппозицию формам изъявительного наклонения. Рассмотрим следующие примеры:

Повелительное наклонение

kom^{4}! 'суши!'
qom^{4}! 'соглашайся!'
ky^{24}! 'выбирай!'

Изъявительное наклонение

Наст. вр.		**Прош. вр.**		**Буд. вр.**	
kem^{1}	'сушу'	*kam*^{4}	'сушил'	*kam*^{1}	'буду сушить'
qam^{4}	'соглашаюсь'	*qam*^{4}	'соглашался'	*qam*^{1}	'соглашусь'
ko^{1}	'выбираю'	*kø*^{24}	'выбирал'	*ko*^{1}	'выберу'

При образовании форм изъявительного и побудительного наклонений мы наблюдаем морфонологические преобразования глагольных морфем – «внутреннюю флексию». Этот синтетический тип формообразования наряду с аналитическими формами представляет важный морфологический способ образования форм побудительного наклонения, пронизывая морфонологическими преобразованиями сегментной и суперсегментный уровни глагольных морфем.

Морфонологические чередования, широко распространенные в глагольных морфемах, отмечены прежде всего апофонией гласных фонем, а также чередованиями согласных фонем и тонем.

I. Апофония гласных может быть представлена умлаутом и аблаутом:

а) умлаут, представляющий чередование гласных заднего ряда с гласными переднего ряда:

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**	
/u–y/	*xu*^{2}	*xy*^{23}	'бить'
	xu^{1}	*xy*^{24}	'списывать'
	lu^{1}	*ly*^{24}	'выкупать (вещь)'
/o–ø/	*ko*^{1}	*kø*^{24}	'выбирать'
	nyo^{2}	*nyø*^{23}	'покупать'
	jo^{1}	*jø*^{24}	'ругать'

б) аблаут, обозначающий чередование гласных различных рядов и подъемов:

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**	
/a–ø/	*nga*^{1}	*ngø*^{24}	'косить'
/a–o/	*qa*^{24}	*qo*^{24}	'гулять'
/ə–o/	*təp*^{4}	*top*^{4}	'торопиться'
/e–o/	*phen*^{1}	*phong*^{1}	'бросать'

II. Согласные могут чередоваться по признаку придыхательность–непридыхательность, непридыхательность–придыхательность, звонкость–глухость.

Чередование согласных фонем:

а) придыхательный согласный – непридыхательный согласный

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**	
/th–t/	*thup*^{4}	*tup*^{4}	'резать'

б) непридыхательный согласный – придыхательный согласный

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**	
/p–ph/	*pi*^{23}	*phi*^{24}	'сверлить'
/t–th/	*ting*^{2}	*thing*^{4}	'раскладывать'
	tong^{1}	*thong*^{4}	'давать', 'дарить'

в) звонкий согласный – глухой согласный

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**
/zh–ch/	*zhup*^{3}	*chup*^{3} 'переполнять'
/z–c/	*zu*^{23}	*cu*^{24} 'вставлять', 'класть в сосуд'

III. Чередование тонем отличается разнообразием. Тонемы могут самостоятельно выступать морфонологическим средством образования форм побудительного наклонения. Мы можем наблюдать в приведенных примерах чередование низких тонов с высокими (2 тон – 4 тон), ровных и восходящих тонов с нисходящими тонами (1 тон – 4 тон). Кроме того, чередующиеся тонемы также сопровождают чередующиеся гласные и согласные фонемы.

Чередование тонем:

а) одновременное чередование гласных фонем и тонем

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**	
/u–y/, (2 тон – 3 тон)	*su*^{2}	*xy*^{23}	'бить'
/u–y/, (1 тон –4 тон)	*xu*^{1}	*xy*^{24}	'списывать'

б) одновременное чередование согласных фонем и тонем

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**
/t–th/, (2 тон – 4 тон)	*ting*^{2}	*thing*^{4} 'раскладывать'
/s–c/, (1 тон – 4 тон)	*sum*^{1}	*cum*^{4} 'связывать'

в) при сохранении неизменного сегментного фонемного состава наблюдается замещение тонем:

	Изъявит. накл. (наст. вр.)	**Побуд. накл.**
(2 тон–3 тон)	*tum*^{2}	*tum*^{3} 'согласовывать'
(1 тон–4 тон)	*song*^{1}	*song*^{4} 'выпрямлять'

Некоторые формы побудительного наклонения омонимичны формам настоящего времени изъявительного наклонения (зафиксировано минимальное число):

xo^{24} 'разрезаю' – *xo*^{24} 'разрезай!'
kyhəp^{4} 'наполняю' – *kyhəp*^{4} 'наполняй!'

Другие формы побудительного наклонения омонимичны формам прошедшего времени изъявительного наклонения

ngy^{23} 'плакал' – *ngy*^{23} 'плачь'
nyø^{23} 'покупал' – *nyø*^{23} 'покупай!'

Определенные формы побудительного наклонения омонимичны формам будущего времени изъявительного наклонения:

qong^{1} 'буду прыгать' – *qong*^{1} 'прыгай!'
qøn^{2} 'приду' – *qøn*^{2} 'приходи!'

Императивные значения могут выражаться посредством сочетания форм повелительного наклонения с побудительными частицами *tha*^{2}, *xi*^{24}:

thy^{2} *xi:*^{2} *nang*^{2}*la kyip*^{1} *xo*^{24} *kha*^{2}*re*^{1} *re*^{23}*? kyhe*^{1} *rang*^{1} *ji* ***sung***^{4} ***tha***^{2}
'Ты **скажи**, из четырех времен года какой самый радостный?'
løn^{1}*po*^{1} *xi*^{24} *la "nyi*^{2}*ma*^{1} *sum*^{1} *ki nang*^{2}*thu* ***cø***^{1} ***xi***^{24}*" je*^{24} *ka:*^{1} *phəp*^{4}!
'Приказал министру: "В течение трех дней **разыщи**!"

Как показывает анализ материала, формы побудительного наклонения с выражением побуждения к какому-либо действию содержат информацию об эмоционально-оценочном отношении говорящего к событиям, фактам и явлениям окружающей действительности.

Побудительные частицы *thang*^{2}, *to*^{2}, *a*^{1}, *ang*^{1}, а также вспомогательные глаголы *ro*^{2}*qe*^{24}, *ro*^{2}*nan*^{1}, *ro*^{2}*kyhi*^{23} вносят смягченный оттенок побуждения для выражения вежливой просьбы, совета, приглашения:

qu^{1} *to*^{1}*sam*^{1} ***to:***^{1} ***ro***^{2}***nang***^{1}*!* '**Полейте**, пожалуйста!'
khong^{1}*la* ***ləp***^{3} ***ro***^{2}***kyi***^{23} 'Скажите ему, пожалуйста'
kyhe^{1} *rang*^{1} *nyi:*^{1} *xe*^{1}*ko*^{1} ***qi***^{24} ***a!*** 'А вы вдвоем **протрите** стекла!'
xu^{23} ***ro***^{2}***nang***^{1} '**Садитесь**, пожалуйста'

К речевым актам негативной реакции можно отнести акты запрещения, совмещающие значение запрещения и побуждения, при этом говорящий не разрешает или требует прекратить действие, уже начатое к моменту речи.

Побудительный речевой акт негативной реакции выражает отрицательное отношение к действию (вербальному или невербальному) собеседника и представляет собой информативное, оценочное или императивное высказывание.

Запрещение действия является одним из категорических оттенков побуждения, предостережения или опасения говорящего. Запре-

щение выражается посредством отрицательной частицы *ma*^{2} и **основы настоящего времени** изъявительного наклонения.

pha:^{1} ***ma***^{2} ***zho***^{2}! 'Не ходи туда!'
the^{2} ***ma***^{2} ***qe***^{23}! 'Не делай того!'
ti:^{2} ***ma***^{2} ***yong***^{2}! 'Не приходи сюда!'
kyhe^{1} *rang*^{1} ***ma***^{2} ***ta***^{1}! 'Не смотри!'

В данных конструкциях участвуют также частицы *a*^{1}, *kyu*^{2} вместе со связками *yo*^{23}, *re*^{23} и вспомогательным глаголом *ro*^{2}*nang*^{1}:

kyhe^{1} *rang*^{1} ***ma***^{2} ***ta***^{1} ***a***^{1}! 'Не смотри!'
kyhe^{1} *rang*^{1} ***ta***^{1} ***kyu***^{2} ***yo***^{2} ***ma***^{2} ***re***^{23}! 'Не смотри!'
kyhe^{1} *rang*^{1} ***ma***^{2} ***si***^{23} ***ro***^{2} ***nang***^{1} 'Не смотри!' (вежливая форма).

Темпоральное значение побудительное наклонение выражается только в контексте с другими его элементами. Побудительность может быть выражена волеизъявлением говорящего осуществить какое-либо действие в будущем:

tho^{2}*kong*^{1} *qu*^{1}*cø*^{24} *kyɛ*^{2}*pa:*^{1} *ngɛ:*^{2} *nang*^{2}*la* ***yong***^{2} ***ro***^{2} ***qe***^{23} ('сегодня вечером' + 'час' + 'восемь' + 'в' + 'мой' + 'дом' + 'в' + 'приходи' + *вспл. глаголы*) 'Приходи, пожалуйста, сегодня вечером в восемь часов ко мне домой'.

Темпоральное значение при выражение побудительности может быть связано с непосредственным исполнением волеизъявления в присутствии говорящего в настоящем времени.

xu^{23} ***ro***^{2} ***nang*** (*вспом. глаголы*) 'Садитесь, пожалуйста';

phø^{23} *ki nɛ:*^{1} *cy*^{1} *sɛ: po*^{1} *ji*^{23} ***xo***^{24} ***ro***^{2} ***nang*** ('Тибет' + *генетив* + 'ситуация' + 'подробно' + '**рассказывай**' + *вспом. глаголы*) 'Расскажите, пожалуйста, подробно о ситуации в Тибете'.

При побуждении к действию в обобщенно-фактическом плане формы побудительного наклонения предстают в отвлечении от реального времени, они могут мыслиться как вневременные, не ограниченные ни моментом настоящего, ни будущего:

xo^{2} *pa*^{1} *nga*^{1}*po*^{1} *lang*^{3} *nɛ*^{23} *thep*^{3} ***lo***^{24} ***tang*** ('утро' + 'рано' + 'вставай' + 'союз' + 'книга' + '**читай**' + *побуд. частица*) 'Вставай рано утром и читай книги'.

Lha^{1}*sa:*^{1} *phe*^{4} *tang, Jo*^{2} *wo*^{1} *rin*^{2} *po*^{1} *qe*^{1} ***jɛ:***^{2} ***ki re***^{23} ('В Лхасу' + 'поезжай' + *побуд. частица* + 'Цзо Ринпоче' + 'видеть' + 'частица' + *вспом. глагол*) 'Поезжай в Лхасу, увидишь Цзо Ринпоче (статую)'.

Лексические средства выражения темпоральности образуют открытую систему, к которой относятся разные группы слов, обозначающие темпоральные (особенно эмоционально окрашенные) показатели. Таким образом, мы видим, что для форм повелительного наклонения характерна определенная темпоральная структура, имеющая ту или иную временную или вневременную перспективу.

Лингвистическое исследование, посвященное побудительным речевым актам в тибетском языке, было проведено в единстве их лексико-грамматической структуры и прагматической направленности.

Удалось установить, что каждый тип побудительного речевого акта имеет особую коммуникативную цель, определенные интенции говорящего, событийное содержание и определенные лексические и грамматические средства выражения.

ЛИТЕРАТУРА

Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфонология в описании языков. – М., 1983.

Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. III. – М., 1999.

Нгуен Тует Минь. Аспекты функциональной морфологии. Функционально-семантическая категория побудительности в русском и вьетнамском языках. – М., 1999.

Нгуен Тует Минь. Аспекты функциональной морфологии. Функционально-семантическая категория побудительности в русском и вьетнамском языках. Автореф. ... докт. филол. наук. – М., 2000.

Парфионович Ю.М. Тибетский язык. – М., 1970.

Янко-Триницкая Н.А. Основа и флексия в русском глаголе // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М., 1971.

Basang Zhuoma. Batang zang yu dongci quzhe xingtaide xihua // Minzu yuwen. –1990. – № 5. – P. 76.

Goldstein M.C. Essentials of Modern Literary Tibetan. – Berkeley, Los Angeles, Oxford, 1991.

Hu Tan. Zang yude yusu bianyi he yuyin bianqian. Minzu yuwen. – 1989. – № 3. – P. 4.

Jäschke H.A. A short practical grammar of the Tibetan language with special reference to the spoken dialects. Lahoul, 1865. (Berlin, 1929; New York, 1954).

Miller R.A. Studies in spoken Tibetan. Phonemics. // JAOS, 1955, v. 75, pt. 1, pp. 46–51.

Qu Aitang. Zang yu dongci quzhe xingtaide jugou jiqi yanbian. Minzu yuwen. – 1985. – №1. – P. 1.
Roerich G.N. Tse-Trung Lopsang Puntshok, Text-book of colloquial Tibetan. Kalimpong, 1952.
Róna Tash. Some remarks on vowel system of the Tibetan // Tibetan and Buddist studies. Commemorating the 200-th anniversary of the birth of Alexander Csoma de Körös. – Budapest, 1984.

С.А. Комиссаров, г. Новосибирск

О ЯЗЫКЕ ДРЕВНИХ ЦЯНОВ

Под древними цянами мы подразумеваем группу родственных племен, в эпоху раннего металла (а возможно, и позднего неолита) населявших Ганьсу-Цинхайский район и вытесненных оттуда ханьцами. После чего цяны переселились на юг, в зону высокогорных плато и долин, где смешались с местными племенами и дали начало тибетскому этносу. Такая трактовка этнокультурного развития в регионе, принятая в отечественной литературе по истории Тибета[1], основывается, в первую очередь, на сведениях китайских династийных историй, где тибетцы фигурируют под этнонимом туфань (тубод). Например, в «Синь Тан шу» сказано: «Туфань изначально относились к западным цянам». О том же говорится в «Сун ши» («туфань изначально при династии Хань [жили] на землях западных цянов») и сочинении «И тун чжи», составленном при династии Мин («западные фань – это и есть туфань; они прежде относились к цянам»)[2].

Благодаря активному археологическому поиску в северо-западных районах Китая выявлен целый ряд культур эпохи бронзы – раннего железа, которые территориально и хронологически совпадают с пространственно-временными границами деятельности цянов китайских летописей. Поэтому большинство китайских археологов вполне обосновано считают такие культуры, как мацзяо, цицзя, сыба,

---

[1] *Кычанов Е.И., Савицкий Л.С.* Люди и боги Страны снегов: Очерки истории Тибета и его культуры. – М., 1975. – С. 21–23; *Цендина А.Д.* ...и страна зовется Тибетом. – М., 2002. – С. 47–50.

[2] См.: Хуан Фэньшэн. Цзанцзу ши люэ [Обзор истории тибетцев]. – Пекин, 1989. – С. 4.

каяо, синьдянь, номухун, сыва – цянскими или жунскими[1]. По ряду культурных признаков носители культур синьдянь и сыва тесно связаны с ранними чжоусцами[2]. Существовали между ними и брачные связи, поскольку прародительница народа чжоу принадлежала к роду Цзян, иероглифический знак которого считается инвариантом написания иероглифа цян[3]. По свидетельству Сыма Цяня, отряды цянов участвовали в походе У-вана против последнего иньского правителя Ди-синя и, тем самым, помогли установлению династии Чжоу, окончательно оформившей основные характеристики китайской цивилизации.

К сожалению, пока не удается столь же убедительно выделить по археологическим материалам линии контактов между цянскими культурами Ганьсу – Цинхая и раннетибетской культурой туфаней, поскольку как раз для памятников бронзового и раннего железного веков (и «дотуфаньского» периода в целом) на территории Тибета существует «хиатус»[4], который лишь в последнее время начинает понемногу заполняться и, соответственно, сокращаться[5]. Поэтому некоторые западные ученые (например, американец Х.И. Бэквит) гиперкритически воспринимают «цянскую теорию»[6].

---

[1] *Гай Шаньлинь*. Сычоу чжи лу цаоюань миньцзу вэньхуа [Культура степных народов на Шелковом пути]. – Урумчи, 1996. – С. 57, 58; *Шуй Тао*. Чжунго сибэй дицюй цинтун шидай каогу луньцзи [Сборник статей по археологии бронзового века Северо-западного района Китая]. – Пекин, 2001. – С. 113, 114; *Се Жуйцзюй*. Гань Цин дицюй шицянь каогу [Доисторическая археология района Ганьсу – Цинхая]. – Пекин, 2002. – С. 227–237.

[2] *Шуй Тао*. Чжунго сибэй дицюй.., с. 134–137.

[3] *Сыма Цянь*. Исторические записки («Ши цзи») / Пер. с кит. и коммент. Р.В.Вяткина и В.С.Таскина. – М., 1972. – Т. 1. – С. 179, 302.

[4] См.: Сицзан каогу даган [Основное содержание археологии Тибета] / Под ред. Хоу Шичжу. – [Лхаса], 1991; *Хо Вэй*. Археологические открытия и исследования в Тибете за последние 10 лет // Вэньу. – 2000. – № 3; Цзя Ян, Хо Вэй. Обозрение и обсуждение археологии Тибета в XX веке // Каогу. – 2001. – № 6.

[5] См.: *Комиссаров С.А*. К вопросу о цивилизации «шангшунгов» (по материалам раскопок китайских археологов в Западном Тибете) // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2002. – Т. 1. Археология. Этнология. – С. 28–33; Он же. Раннесредневековое погребение, найденное в Центральном Тибете // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, 2002 г. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 350–356.

[6] См.: *Цендина А.Д*. ...и страна зовется Тибетом. – С. 48, 49.

Определенные доказательства родства древних цянов и исторических тибетцев дают данные антропологии. Так, у двух черепов из погребения культуры цицзя были установлены признаки, сближающие их с современными восточными тибетцами[1]. Сравнительно недавно антропологический тип, определенный в свое время Дж. М. Морантом как «тип Б» (восточные и северо-восточные тибетцы), выявлен в погребениях культуры яньблак на территории Западного Синьцзяна, относящейся к самому началу раннего железного века[2].

В поисках дополнительных аргументов ученые КНР попытались на основании письменных памятников выделить звучание отдельных слов древнего цянского языка и напрямую сопоставить их с современной тибетской лексикой. Так, в китайских летописях чжоуского времени цянов часто называют жунам[3]. Термин *жун*, который также мог иметь варианты произношения *лун* и *юн*, был заимствован ханьцами из цянского языка, в котором он означал «горная долина, пригодная для земледелия» (что подтверждается и данными топонимики Ганьсу и Цинхая), а также обозначал племена «горцев», проживавших в этих местах. В современном тибетском словом *жун* (*ронг*) обозначают долины с теплым климатом, расположенные ниже уровня 3000 м, в которых развито земледели[4]; живущие там люди называются жунва. Например, тибетцы, обрабатывающие землю в бассейне р. Дадухэ, известны как *цзяжун*, а тибетское население южной части Сикана – как *чажун* или *чавалун*. Кроме того, первая часть имени цянского вождя Уи Юаньцзяня в летописи «Хань шу» переводится как «раб» (поскольку примерно в середине V в. до н. э. он потерпел поражение от царства Цинь и некоторое время находился там в плену

---

[1] Народы Восточной Азии. – М.– Л., 1965. – С. 72.

[2] *Хань Кансинь*. Исследование антропологического состава антропологических остатков из могильника Яньблак, Синьцзян // Каогу сюэбао. – 1990. – № 3; *Хэ Хуйцинь, Сюй Юнцин*. Исследование расовых групп на основе краниологических измерений останков древних людей из Упу (Убао), в округе Хами, Синьцзян // Жэньлэйсюэ сюэбао. – 2002. – № 2.

[3] *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. – М., 1978. – С. 176.

[4] Как указывал в своей лекции «Тибет – страна снегов» Ю.Н.Рерих, «ронг, или долины, образуют земледельческие районы Тибета». – *Рерих Ю.Н.* Тибет и Центральная Азия: статьи, лекции, переводы. – Самара, 1999. – С. 257.

на положении раба). Ему находится соответствие в современном тибетском слове *уяо*, которым обозначали население, несущее отработочные повинности. Имя другого выдающегося цянского вождя, внука Уи Юаньцзяня, примерно в 360-е гг. до н. э. переселившегося в район Ярлунга во главе племени фа (бо), звучит как Ан и переводится личным местоимением «я», что коррелирует по созвучию с современным тибетским словом *а* с тем же значением. Также считается очевидным соответствие племенного имени фа/бо-цянов и самоназвания тибетцев *бод*[1]. Параллели в таком важном для этноразличения разделе языка, как ономастика, по мнению некоторых китайских авторов, свидетельствуют в пользу генетических связей древнего цянского и современного тибетского языков и, соответственно, их носителей[2].

Насколько правомерны столь решительные выводы? Современный цянский язык, на котором говорят потомки одного из племен цянов, мигрировавшего в эпоху Чжаньго в верховья р. Миньцзян на территории современной провинции Сычуань[3], заметно отличается от тибетского; некоторые китайские филологи даже предлагают выделить его, вместе с языками цзяжун (джарунг) и пуми, в особую цянскую ветвь (чжи) в составе тибето-бирманской группы (цзу)[4]. В отечественном языкознании существует также мнение о том, что языки цян (рма), гьярунг (джарунг, кэру) и пуми (прими, сифань) не входят в какую-то определенную группу, или образуют собственную, состоящую из двух-трех близкородственных языков, в рамках тибето-бирманской ветви[5].

Более чем скромный материал, использованный для анализа, а также сам метод прямого сопоставления фонем (к тому же данных в

---

[1] *Чан Фэнсюань*. Тибетцы // Чжунго да байкэ цюаньшу: Миньцзу [Большая китайская энциклопедия: Этносы]. – Пекин; Шанхай, 1986. – С. 527.

[2] См.: *Хуан Фэньшэн*. Цзанцзу ши люэ. – С. 4.

[3] *Чжоу Сиань*. Народ цян // Чжунго да байкэ цюаньшу: Миньцзу. – С. 369 – 370. См. также: *Кычанов Е.И.* Сычуаньские цяны // Центральная Азия и Тибет. – Новосибирск, 1972. – С. 56–59.

[4] *Цюй Айтан*. Тибетская языковая ветвь // Чжунго да байкэ цюаньшу: Миньцзу. – С. 527. Предлагаемая китайским автором классификация несколько отличается от принятой в отечественной науке.

[5] См.: *Яхонтов С.Е.* Тибето-бирманские языки // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. – М., 2000. – С. 510.

иероглифической транскрипции) древнего и современного языков вызывает большие сомнения в достоверности полученных результатов. В то же время, указанный очень насыщенный событиями историко-культурный контекст, в котором осуществлялся интересующий нас этнолингвистический процесс, дает возможность актуализировать саму проблему древнего цянского языка и обсудить возможности для его дальнейшего изучения.

SUMMARY

In this article the problem of s. c. Ancient Qiang Language is put under discussion. It's suggested to be very essential for further investigation of the connection between Qiang tribes and historical Tibetans. The linguistic evidences would be added to the anthropological, archaeological and narrative ones.

Н.В. Королевич, г. Томск

К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ МОРФЕМ ТРАНСКРИБИРУЕМЫХ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

При рассмотрении проблемы транскрибирования иностранных слов в китайском языке необходимо обратиться к морфеме, являющейся минимальной значимой единицей языка. Морфемы современного китайского языка обладают двумя свойствами. Первое – это биполярность морфем, то есть их звуковой состав и смысловое наполнение. Второе – несамостоятельность морфем, то есть невозможность их непосредственного использования для построения фраз, кроме того, смысл, который несет в себе морфема, не всегда четко определен. Для определения понятия транскрибирования морфем иностранных слов необходимо основываться на так называемых «одном принципе» и «двух критериях», о которых говорят китайские исследователи. Принципом является то, что морфема – минимальная значимая единица языка. Критериями же считаются два основных свойства морфемы: «биполярность» и «несамостоятельность».

При транскрибировании иностранного слова и введении его в китайский язык необходимо осуществить изменения, связанные с

особенностями китайского языка. Эти изменения осуществляются в таких сферах языка, как фонологическая и интонационная системы, а также семантика и грамматика. Итак, принимая во внимание «один принцип» и «два критерия», обратимся к пяти видам транскрибирования иностранных слов в современном китайском языке.

1. Простое транскрибирование

Приведем несколько примеров.

Первая группа: 咖啡 кофе от англ. coffee; 沙发 диван, софа от англ. sofa; 图腾 тотем от англ. totem; 摩登 модерн от англ. modern; 雪茄 сигара от англ. cigar; 巴士 автобус от англ. bus; 扑克 покер от англ. poker; 巧克力 шоколад от англ. chokolate; 奥林匹克 олимпиада от англ. Olympic; 阿斯匹林 аспирин от нем. Aspirin.

Вторая группа: 加利福尼亚 Калифорния от англ. California; 阿姆斯特丹 Амстердам от англ. Amsterdam; 捷克斯洛伐克 Чехословакия от англ. Czechoslovakia; 布达佩斯 Будапешт от англ. Budapest; 列宁格勒 Ленинград от англ. Leningrad.

Простое транскрибирование – это вид транскрибирования простых слов, состоящих из одной морфемы, будь то слова с несколькими слогами или записывающиеся несколькими иероглифами. Необходимо отметить, что связь между словами и выбираемыми иероглифами довольно отдаленная (тесные семантические отношения отсутствуют).

В настоящее время не существует единого мнения относительно транскрибирования географических названий. Довольно часто транскрибирование географических названий причисляют к простому виду транскрибирования, например, 加利福尼亚 Калифорния от англ. California. Но существуют случаи, когда слова какого-либо иностранного языка несут в себе более чем одну морфему. Здесь следует говорить об особом виде простого транскрибирования. Например, название страны Чехословакия – 捷克斯洛伐克 состоит из названий двух национальностей – чехи – 捷克 и словаки – 斯洛伐克. Поэтому необходимо осознавать, что этот особый вид простого транскрибирования может распространяться и на составные слова, которые формируются более чем из одной морфемы.

2. Благозвучное транскрибирование

Примерами данного вида транскрибирования могут служить следующие слова: 芒果 манго от малайского mango; 苹果 яблоко от санскр. bimbara; 夜叉 – черт, дьявол, сатана от санскр. Yaksa; 绷带 бинт от англ. bandage; 幽默 юмор от англ. humour; 逻辑 логика от англ. logic; 乌托邦 утопия от англ. utopia; 维他命 витамин от англ. vitamin; 俱乐部 клуб от англ. club.

Этот вид транскрибирования совмещает в себе выбор подходящих звуков и иероглифов, которые находятся в семантической связи с исходным словом. Но данный способ все-таки больше стоит на границе между звуком и смыслом и не является чисто семантическим. Исходя из предпосылки сохранения фонетического сходства, применяется использование подходящих морфем китайского языка, чтобы в известной степени связать транскрибируемое слово с семантикой исходного иностранного слова. Смысл благозвучного транскрибирования заключается в том, что выбранные для транскрибирования иероглифы соединяются в одно целое по смыслу и демонстрируют связь между смыслом исходного слова и выбранным иероглифическим оформлением иностранного слова в китайском языке.

Слово, заимствованное из языка санскрит 夜叉 «черт» от санскр. Yaksa обозначает дьявола, сатану в буддизме. Использование первого иероглифа 夜, обозначающего ночь, указывает на темное время суток, когда дьяволы обнаруживают себя. Второй же иероглиф 叉 обозначает вилы, которыми черти ранят людей.

Каждый слог слова при данном виде транскрибирования обладает биполярностью и несамостоятельностью и является минимальной фонетико-семантической языковой единицей. Таким образом, при данном виде транскрибирования образуются сложные слова, в которых количество слогов совпадает с количеством морфем.

3. Иероглифико-семантическое транскрибирование

Иллюстрацией данного вида транскрибирования могут служить следующие слова: 槟榔 пальма катеху, арека от малайского pinang; 柠檬 лимон от англ. lemon; 骆驼 верблюд от древнего северо-татарского dada; 猩猩 орангутанг, горилла – древняя транскрипция с северо-татарского; 琉璃 глазурь – древняя транскрипция с языка санскрит.

При данном виде транскрибирования иероглифы формируются таким образом, чтобы в правой (или левой) части иероглифа присутствовал элемент, указывающий на связь с семантикой исходного слова. Несмотря на то, что транскрибируемые слова в своём произношении имеют некоторые отличия от исходных, тем не менее, именно иероглифы делают возможным вызвать в памяти какой-либо предмет в соответствии с названием, переведённым с другого языка. Такая особенность присуща китайскому языку, хотя она ещё не влияет на деление и объединение морфем, но указывает людям на некоторую связь со смыслом исходного иностранного слова.

Исследователь Сунь Цзишань утверждал, что данный вид транскрибирования равен простому транскрибированию, рассмотренному выше, в результате которого образуется простое слово, состоящее из одной морфемы, несмотря на то, что данные слова состоят из нескольких слогов и записываются несколькими иероглифами. Основываясь на этом данные два вида действительно можно считать тождественными.

4. Транскрибирование с добавлением семантического показателя

Например: 啤酒 пиво от англ. beer; 卡片 карточка от англ. card; 恰恰舞 ча-ча-ча от англ. cha-cha; 白兰地酒 коньяк от англ. brandy; 塔拿格拉雀 Танагра от лат. Tanagra; 沙皇 царь от англ. Tsar/csar; 卡车 грузовик от англ. car; 芭蕾舞 балет от англ. ballet; 吉普车 джип от англ. jeep; 沙丁鱼 сардина от англ. sardine; 保龄球 боулинг от англ. bowling; 高尔夫球 гольф от англ. golf; 酒吧 бар от англ. bar.

Данный вид транскрибирования обычно также лежит в основе простого или иероглифико-семантического транскрибирования, но отличается тем, что в данном случае повышается роль иероглифа, используемого для передачи смысла исходного заимствованного слова. Большая часть данных смысловых показателей выражает категорию значения, их также можно назвать классифицирующими компонентами. Очень малое количество таких смысловых показателей находится в начале слов (обычно они располагаются в конце) (например, элемент 酒 – вино (алкогольный напиток), из слова 酒吧 – бар). Их можно назвать показателями оттенка слова. В связи с этим образуются два вида транскрибирования с добавлением семантического пока-

зателя: «транскрибируемая часть + показатель класса (рода)» и «показатель оттенка + транскрибируемая часть».

Транскрибирование с добавлением семантического показателя образует структуру из одной транскрибируемой морфемы и морфемы, объясняющей принадлежность первой морфемы к какому-либо классу. Этот вид иностранных слов представлен сложными словами, образованными из двух морфем. Например, транскрибируемые элементы слов 啤酒 – пиво, 恰恰舞 – ча-ча-ча, 白兰地酒 – коньяк, а именно все элементы слова, за исключением последнего иероглифа, передают полный смысл исходных слов иностранного языка: beer, card, cha-cha, brandy. При данном виде транскрибирования не только передается смысл слова, но при помощи показателя класса, указывается к какой сфере относится это слово: является одним из видов алкогольных напитков (酒), одним из видов танца (舞) и др. Таким образом, последний элемент "классифицирует" первую часть, обладая к тому же определенной грамматической ролью и способностью конкретизации. Таким образом, в результате данного вида транскрибирования образуются составные слова, имеющие в своем составе две морфемы.

5. Фонетико-семантическое транскрибирование

Первая группа примеров: 冰淇淋 мороженное от англ. ice cream; 新西兰 Новая Зеландия от англ. New Zealand; 北爱尔兰 Северная Ирландия от англ. Northen Ireland; 新几内亚 Новая Гвинея от англ. New Guinea; 南斯拉夫 Югославия от славянск. Jugoslavia.

Ко второй группе относятся: 道林纸 глянцевая бумага от англ. dowling paper; 霓虹灯 неоновая лампа от англ. neon lamp; 桑纳浴 сауна от англ. sauna bath; 麦地那虫 мединский червь от англ. medina worm; 翠尔茜瓷 челсийский фарфор от англ. Chelsea china.

Этот вид транскрибирования объединяет звуковое и семантическое транскрибирование, то есть «передача смысла + передача звука», иллюстрацией чего является первая группа примеров, или же наоборот, «передача звука + передача смысла», что представляют примеры второй группы.

В словах, транскрибируемых данным образом, звуковая часть не отображает всей сущности вещей и предметов, поэтому необходимо использовать морфему китайского языка для полного объяснения смыслового наполнения данного объекта. Смысловые части слов, на-

пример, элемент 冰 – лед из слова 冰淇淋 – мороженное, элемент 北 – север из слова 北爱尔兰 – Северная Ирландия, элемент 南 – юг из слова 南斯阿拉夫– Югославия, элемент 新 – новый из слова 新几内亚 – Новая Гвинея. Данные части слов несомненно обладают биполярностью и несамостоятельностью, являются минимальными звуко-семантическими элементами языка, а значит, представляют из себя морфему. Звуковые части данных слов – 淇淋, 爱尔兰, 斯拉夫, 几内亚, 麦地那, 翠尔茜 – это простой вид транскрибирования. Таким образом, в результате данного вида транскрибирования образуются составные слова, имеющие в своем составе две морфемы.

Обобщим виды транскрибирования в следующей таблице:

Виды транскрибирования иностранных слов			Идентификация морфем	Тип слова	Примеры
Простое транскрибирование	Обычное	Слова, не относящиеся к географическим названиям	Одна морфема	Простое	沙发 диван, софа от англ. sofa; 咖啡 кофе от англ. coffee
		Одна часть географических названий	Одна морфема	Простое	加利福尼亚 Калифония от англ. California; 阿姆斯特丹 Амстердам от англ. Amsterdam
	Особое	Другая часть географических названий	Множество морфем	Составное	逻辑 логика от англ. logic; 乌托邦 утопия от англ. utopia
Благозвучное транскрибирование			Множество морфем	Составное	捷克斯洛伐克 Чехословакия от англ. Czechoslovakia
Иероглифико-семантическое транскрибирование			Одна морфема	Простое	槟榔 пальма катеху, арека от малайск. pinang; 猩猩 орангутанг, горилла – древняя транскрипция с северо-татарского
Транскрибирование с добавлением семантического показателя			Две морфемы	Составное	卡片 карточка от англ. card; 高尔夫球 гольф от англ. golf
Фонетико-семантическое транскрибирование			Две морфемы	Составное	冰淇淋 мороженное от англ. ice cream ; 翠几茜瓷 челсийский фарфор от англ. Chelsea china

ЛИТЕРАТУРА

李振中，«论音译外来词语素的认定» / 华文教学与研究 (暨南大学华文学院学报) 2001 年。

SUMMARY

There are five types of transcription of foreign words: simple, harmonious, character-semantical, transcription with an addition of semantical index and phonetical-semantical. According to identification of morphemes transcribed words can be identificated as simple or complex words.

И.В. Кочергин, г. Москва

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Когда мы говорим о переводе как виде профессиональной человеческой деятельности, перед нами встают три главных вопроса. Первый – «зачем надо переводить?». Ответ на него очевиден. Второй – «как надо переводить?». Ответить на него можно, лишь получив ответ на вопрос «что значит переводить»[1]. Вот этот последний вопрос и является предметом науки о переводе – теории перевода. Теория перевода исследует его в комплексе трех составляющих: лингвистической, деятельностной, т.е. психолингвистической, и общеобразовательной.

Для осуществления перевода необходимо выполнение ряда условий. Как минимум, это: а) владение иностранным языком; б) знание определенного объема иноязычной лексики (терминологии); в) умение пользоваться двуязычными словарями.

Однако выполнение только этих условий еще не позволяет говорить о лингвистической перекодировке с той или иной степенью эквивалентности как о профессиональном переводе. Прежде всего потому, что кроме владения иностранным языком весьма актуальным является владение родным языком и предметом речи (перевода).

---

[1] *Мирам Г.Э.* Профессия: переводчик. – М., 1999. – С. 44.

К тому же, иностранным и родным языками владеть необходимо по-особому, «по-переводчески», т.е. в сочетании с правилами и условиями перехода от единиц одного языка к единицам другого, когда наряду с исходным текстом, на его основе создается другой текст – текст перевода.

Таким образом, с точки зрения лингвистики, перевод в самом общем смысле есть межъязыковая трансформация, осуществляемая с использованием специальных приемов и способов в процессе речемыслительной деятельности особого рода, каковой является перевод. Но и этого еще недостаточно. Переводчик безусловно должен знать основные положения переводоведения, знать как переводили раньше те или иные языковые единицы, но в то же время искать новые соответствия и контекстные, окказиональные параллели. Следовательно, деятельность переводчика имеет исследовательский характер и сочетает в себе умелое использование знаний по теории перевода и творческий поиск новых путей решения данной конкретной задачи[1]. Творческий характер переводческой деятельности заключается в умении находить индивидуальные, единичные, не предусмотренные теорией соответствия. Такой «поиск» играет огромную роль в научно-техническом переводе, главным образом, по причине большого массива неустоявшейся терминологии.

По мнению В.Н. Комиссарова, «...специальная теория перевода изучает воздействие на процесс перевода языковых особенностей определенного функционального стиля в ПЯ и взаимодействия этих двух рядов языковых явлений.

В рамках каждого функционального стиля можно выделить некоторые языковые особенности, влияние которых на ход и результат процесса перевода весьма значительно. Так, в научно-техническом стиле – это лексико-грамматические особенности научно-технических текстов и, в первую очередь, ведущая роль терминологии и специальной лексики»[2]. Характерными особенностями научно-технического стиля являются также его информативность (содержательность), логичность (строгая последовательность, четкая связь

---

[1] Там же, с. 56.

[2] *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. – М., 1990. – С. 106–107.

между основной идеей и деталями), точность и объективность и вытекающие из этих особенностей ясность и понятность.

Научно-технический перевод является особым типом специального перевода. К его особенностям в области лексики относится использование научно-технической терминологии и так называемой специальной лексики. «Термины» – слова и словосочетания, обозначающие специфические объекты и понятия, которыми оперируют специалисты определенной области науки и техники. Термины должны обеспечивать четкое и точное указание на реальные объекты и явления, устанавливать однозначное понимание специалистами передаваемой информации[1].

Кроме терминов, взаимопониманию специалистов способствует широкое употребление ими так называемой специальной общетехнической лексики. Это – слова и словосочетания, не обладающие свойствами терминов идентифицировать понятия и объекты в определенной области, но употребляемые почти исключительно в данной сфере общения. Такая лексика обычно не фиксируется в терминологических словарях, ее значения не задаются научными определениями, поэтому ее перевод представляет определенные трудности, а необходимость соблюдения норм употребления специальной лексики при переводе на родной язык ставит перед переводчиком особые задачи.

Тексты научно-технического стиля имеют и ряд грамматических особенностей, характерных для того или иного конкретного языка. Несмотря на то, что какой-либо «научно-технической грамматики» не существует, ряд грамматических явлений отмечается в данном стиле чаще, чем в других, а некоторые явления, напротив, встречаются сравнительно редко.

Выявление в иноязычных текстах научно-технического стиля особых лингвистических свойств и сопоставление их с текстами на родном языке имеет решающее значение для выполнения сопоставительного логико-синтаксического анализа с целью выбора приемов и способов перевода и выработки стратегии и методики обучения этому виду перевода. В отношении китайского языка в нашей стране до настоящего времени серьезных системных исследований такого рода не

---

[1] *Комиссаров В.Н.* Теория перевода. – М., 1990. – С. 110.

проводилось. Материалы, которыми мы располагаем, представлены лишь общелингвистическими статьями китайских авторов относительно отдельных языковых явлений, выявленных, в том числе, и в текстах научно-технического стиля. Кроме того, в Китае, в отличие от России, имеются работы по методике обучения научно-техническому переводу и учебные пособия, базирующиеся на определенных результатах лингвистических исследований.

Выделим для начала те лингвистические явления, которые являются специфическими для китайского языка и представляют трудности для осуществления научно-технического перевода и обучения ему.

По мнению китайского лингвиста Хуан Вэйпина, главная трудность заключается в лексике[1]. Владение лексикой безусловно является важнейшим компонентом профессиональной подготовки переводчика, поскольку иногда непонимание значений одного-двух слов приводит к непониманию смысла фразы и предложения, и, как следствие, к его искажению.

Наиболее общим для китайской терминологии с терминами из других языков является то, что фактически далеко не все термины удовлетворяют требованию однозначности даже в пределах одной специальности, т.е. имеет место явление, называемое «неустоявшейся терминологией», следствием которого является наличие у одного термина нескольких словарных эквивалентов. В китайском языке такое явление весьма распространено, особенно среди односложных слов. Подобное можно наблюдать и в случае с многосложными терминами, хотя и в меньшем количестве. Мы не случайно подчеркиваем здесь, что речь идет о словарных значениях, поскольку для перевода с китайского языка характерно такое явление как использование в переводе реального или актуального термина вместо словарного по причине отсутствия нужного в данном контексте значения в словаре. Особенно характерно такое явление для так называемых «терминологических сочетаний», которые в словарях вообще не фиксируются, а при их переводе учитываются значения их слогов-компонентов. Эти сложности усугубляются отсутствием многих терминов, а тем более,

---

[1] 黄慰平。科技汉语的字词教学。// 面向世界的汉语教学。复旦大学出版社，1992年，298页。

терминологических сочетаний в существующих двуязычных словарях вообще. Справиться с такого рода переводческими трудностями может только переводчик, отчетливо представляющий себе, о чем идет речь и владеющий соответствующей терминологией на родном языке.

Другая особенность научно-технической терминологии китайского языка обусловлена отсутствием формальных признаков числа. Поэтому у переводчика, не владеющего в достаточной мере предметом перевода, часто возникают серьезные, порой неразрешимые затруднения (шестерня или шестерни, подшипник или подшипники и т.п.).

Еще одним, довольно распространенным, неприятным для переводчика явлением, особенно характерным для технической документации на какое-то оборудование на китайском языке, является использование профессиональных жаргонизмов (часто присущих только коллективу какого-то конкретного предприятия, где составлялась документация), ненормативных сокращений и даже ненормативных иероглифов.

Отдельного рассмотрения заслуживает также вопрос о происхождении китайской научно-технической терминологии, особенно терминов, заимствованных из других языков.

Тексты научно-технического стиля имеют также ряд грамматических особенностей, характерных для того или иного конкретного языка. Насколько важным является знание таких особенностей для успешного осуществления перевода и обучения ему? Формально-структурный анализ при переводе с китайского языка важен по многим причинам, в том числе и по причине полифункциональности лексических единиц, когда только анализ позиции слова в предложении может позволить отнести его к той или иной части речи.

Вопросы грамматических особенностей научно-технического стиля китайского языка, затрагивались в ряде работ китайских авторов. Многие из них обращаются к характеристике доминирующих типов предложения в текстах научно-технического стиля и высказывают при этом порой противоположные мнения. Одни полагают, что «Для научно-технического стиля китайского языка характерна значительная доля безличных, распространенных и сложных предложе-

ний».[1] Другие отмечают, что «в научно-технических текстах используется ограниченное число различных грамматических структур, причем структур не сложных, типа S – V, а при необходимости выражения сложного содержания могут использоваться сложные предложения 2-х, 3-х и более уровней предикации. В таких текстах редко встречаются предложения с инверсией и перестановками».[2] С другой стороны, те же авторы отмечают, что для того, чтобы сжато и просто изложить смысл, подлежащее, сказуемое и дополнение часто осложняются длинными определениями, обстоятельствами и дополнениями, которые дополняют или ограничивают смысл главных членов предложения по количеству, материалу, степени и принадлежности. Такие усложняющие группы В.Ф. Щичко называет «семантико-синтаксическими группами». [3] Теория семантико-синтаксических групп чрезвычайно важна для упомянутого выше лексико-грамматического анализа исходного текста с целью определения логических связей при переводе.

Наконец, необходимо сказать о способах перевода как конечной фазе этого вида деятельности применительно к научно-техническому переводу. Иначе эти способы называют «переводческими трансформациями».

В самом общем плане следует констатировать, что научно-технический перевод не допускает такого числа лексических трансформаций, как общий, и тем более, художественный перевод. Такие трансформации гораздо чаще встречаются на уровне синтаксиса.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать некоторые выводы.

1. Несмотря на очевидную актуальность, теория научно-технического перевода с китайского языка на русский и в научном, и в прикладном планах в России разработана чрезвычайно слабо, а методика обучения этому виду перевода, подкрепленная какими-либо учебными материалами, отсутствует вообще. Таким образом, на повестке дня российских исследователей и педагогов-китаистов стоит

---

[1] 郑玉。《科技汉语教程》中级课本的主要特点。//第三届国际汉语教学讨论会论文选,1990年, 697页。

[2] 实用俄汉科技翻译技巧", 科学出版社, 1988, 299页.

[3] *Щичко В.Ф.* Семантико-синтаксические группы в китайском языке // Мир китайского языка, 2001. – Т. 1. – С. 9–16.

серьезный крупномасштабный комплекс работ по сбору, лингвостатистической обработке массива исходного материала (научно-технических текстов на китайском языке) и сопоставлению полученных результатов с имеющимися данными об особенностях стиля в русском языке с целью разработки практических рекомендаций и комплекса учебно-справочной литературы.

2. Профессиональному научно-техническому переводу с китайского языка на русский необходимо обучать как особому виду переводческой деятельности, а обучение лингвистической стороне перевода должно быть неразрывно связано с постоянным приобретением и накоплением будущим переводчиком фоновых знаний из разных отраслей науки и техники, а также с формированием навыков владения научно-техническим стилем устной и письменной речи на русском языке.

SUMMARY

Scientific and technical translation from Chinese into Russian is a special kind of translation, which has a text of scientific style as its object. Such texts have special lexical nd grammatical features (also known as translator's difficulties). Accomplishment of professional translation requires: knowledge of scientific and technical terminology, skills of structural – formal analysis, methods of translation, subject of translation, skills of correctly formulating the meaning of the initial text by means of mother tongue while carrying out interlingual linguistic transformations.

А.П. Кошкин,
г. Комсомольск-на-Амуре

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЧАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ОБЩЕНИЮ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ

(НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ I КУРСА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Г. КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ)

Актуальность темы. В последние годы проблемы межкультурной, межнациональной коммуникации привлекают внимание ученых, исследователей, специалистов-практиков. И в этой связи большое

внимание уделяется вопросам оптимизации процесса обучения иностранным языкам, как в школах, так и в высших учебных заведениях. В процессе обучения иностранному языку возникающие проблемы связаны, главным образом, с формированием языковых и речевых навыков и творческих умений в различных видах речевой деятельности – чтении, говорении, аудировании и письме. В этой связи особое внимание должно быть уделено студентам первого курса, так как именно в это время закладываются основы владения иностранным языком. При обучении первокурсников имеются объективные трудности, обусловленные отсутствием необходимых навыков постоянной, серьезной, вдумчивой работы с учебным материалом. Применительно к преподаванию китайского языка в педагогических вузах России следует отметить, что проблема качества подготовки высококвалифицированных учителей китайского стоит очень остро. Во-первых, это вызвано тем, что методические вопросы преподавания этого иностранного языка в педагогических вузах были разработаны крайне слабо. Во-вторых, существующая до настоящего времени в российских вузах методика преподавания иностранного языка, не предоставляла студентам возможности самим хорошо овладеть китайским языком, и соответственно, не могла научить их методике его преподавания.

Некоторые особенности китайского языка. Будучи аморфным, китайский язык лишен словоизменения в том смысле, как это понимает грамматика европейских языков. Это означает в том числе и то, что в нем морфологические средства выражения категорий "время", " аспект", "лицо ", "падеж", "число" и т.д. строятся совершенно иначе. Информация о пространственно-временной организации действительности, отраженной в языке, передается совершенно по-иному. Здесь действуют совершенно иные механизмы кодирования и декодирования и действуют иные условия словообразования и т.д. Для русских студентов, изучающих китайский язык, сложность заключается не только в том, что традиционная грамматика не в силах объяснить вышесказанное, но и в том, что студенты все время пытаются найти аналогии в европейских языках, построить стройную и логичную схему построения слов, фраз, фразовых компонентов, предложе-

ний и т.д. в соответствии с более знакомой схемой родного или изучаемого западного языка, что приводит к трудностям и непониманию.

Методика преподавания. Как уже отмечалось выше, существовавшая до недавнего времени т. н. традиционная методика обучения китайскому языку направляла студентов на овладение системой языка, т.е. к созданию языковой компетенции, что давало возможность выпускать специалистов с неплохой лингвистической подготовкой. Такая методика, обладая определенными достоинствами, тем не менее, не могла создать у студентов практические навыки общения на китайском языке. Сейчас, когда изменился подход к преподаванию иностранных языков вообще и к преподаванию китайского языка в частности, главной задачей представляется выработка у студентов способности к коммуникативно-речевой деятельности. Однако, как справедливо отмечает Н.А. Демина (Методика преподавания практического китайского языка, М., 1997), это вовсе не означает, что вопрос овладения системой языка отпадает или решается сам собой. Коммуникативная ориентация просто по-новому ставит вопрос о взаимосвязи языковой и коммуникативно-речевой деятельности. Несомненно, обучение определенному лингвистическому коду и формирование соответствующих навыков и умений его употребления и является одной из центральных задач обучения иностранному языку. Однако, реальное общение не ограничивается лишь обменом информацией. Необходимо включать речевое общение и в другие виды деятельности, где речевое общение приведет к установлению межличностных контактов, пониманию собеседниками друг друга, к успеху в сотрудничестве. Обучение, основанное на коммуникативных подходах, подразумевает, что все аспекты языка (фонетика, грамматика, лексика и иероглифика) будут направлены на приобретение студентами комплекса навыков и умений использования китайского языка как средства общения и обеспечат успешное осуществление ими основных педагогических функций учителя иностранного языка. Именно коммуникативный метод позволяет достичь основной цели – научить студентов пользоваться китайским языком как средством общения. Необходимо совместить обучение языку и речевой деятельности таким образом, чтобы, во-первых, научить своих студентов, а во-вторых, показать им методические приемы обучения других лю-

дей. Поэтому одной из основных задач в плане подготовки студента педагогического вуза к его будущей деятельности как учителя китайского языка является не только его обучение умению общаться, но и обучение его способам и приемам общения со своими будущими учениками.

Особенность начального этапа обучения. Одной из особенностей обучения студентов первого курса китайскому языку является то, что учащиеся к первому занятию не имеют никаких сведений о китайском языке. В России сейчас крайне мало школ с преподаванием восточных языков, но даже и из этого небольшого количества школ лишь небольшое число выпускников идет в педагогические вузы. Именно поэтому представляется важным начинать общение со студентами первого курса на китайском языке сразу с первых занятий. На первом занятии, послушав хотя бы в течение нескольких минут речь учителя, студенты выстраивают для себя некий ассоциативный ряд, они пытаются провести сравнение слышимого с родным языком, пытаются оценить звуки и отдельные слова иностранного языка, который им только предстоит изучить. Студенты, еще не понимающие речь учителя, уже самостоятельно пытаются строить догадки о содержании его речи. Важной особенностью речевых занятий является необходимость уделения постоянного внимания фонетической компоненте речевой деятельности. При этом нужно обратить особое внимание на тоновую систему. Поскольку предполагается, что до первого занятия студенты не имеют базовых знаний по фонетике, языковому строю китайскому языку, то первые слова студенты произносят еще, не вполне осознанно понимая, почему нужно произносить именно так. Учащиеся пытаются лишь подражать звукам, произносимым учителем, его интонации. На самых первых порах и это дает хорошие результаты. В дальнейшем студенты, изучая и углубляя свои знания в области фонетики, грамматики, одновременно расширяют свой словарный запас, постоянно применяя его в общении с преподавателем, соучениками.

Речевые штампы. Лексика. Уже с первого занятия студенты начинают использовать определенные готовые речевые штампы, которые помогают им сразу же начать говорить. На первом в своей жизни уроке китайского языка учащиеся уже могут сказать несколько

простых фраз. В дальнейшем, разговорная часть занятий по китайскому языку (которая присутствует как на уроках фонетики, так и на уроках грамматики) только усиливается. Все время вводятся новые слова, подкрепляемые соответствующими фонетическими и грамматическими темами. При этом важно, особенно на начальном этапе обучения, уделять особое внимание подбору языкового материала. Это необходимо для того, чтобы накапливаемая студентами лексика становилась активно употребляемой, а не превращалась в пассивный запас. Используя систему вводных, все усложняющихся заданий, преподаватель пытается выработать у студентов некую систему умений с соответствующими навыками. Выработке такого рода умений способствуют активные, но построенные в непринужденной форме речевые упражнения, в которых преподаватель и студенты не только обмениваются отдельными репликами, но и строят речевые ситуации, диалоги. Овладение лексикой также идет по нарастающей. Уже к пятому занятию студенты имеют в своем активном запасе более 30 слов, на основании которых можно строить простые высказывания, отдельные предложения, простые диалоги. Как только студенты освоят грамматические особенности построения простых предложений и накопят определенный запас лексики, на занятиях проводятся свободные беседы, в которых закрепляется и отрабатывается навык непринужденного общения.

Общение преподавателя со студентами на языке. С первой встречи преподаватель призносит по-китайски такие довольно часто встречающиеся слова и выражения, как: «Кто сегодня дежурный?»; «Откройте – закройте тетради»; «Откройте –закройте учебники»; «Сотрите с доски»; «Можете идти на перемену»; «Кто не пришел на занятия?» и т.д. При объяснении материала учитель часто использует отдельные китайские термины для объяснения того или иного грамматического, фонетического, лексического или иероглифического материала. В дальнейшем все больше материала преподносится студентам на китайском языке, постоянно используются в речи уже знакомые студентам слова. При этом, с одной стороны, учитель тем самым приучает студентов к китайским словам и выражениям, с другой стороны, побуждает студентов к ответам на китайском языке.

Игры. Большое значение для выработки навыков говорения имеют ситуативные игры, в которых учащиеся принимают самое активное участие. Использование игры на занятиях позволяет формировать и развивать навыки и умения находить необходимую информацию, преобразовывать ее, вырабатывать на ее основе способы ее применения. Игра помогает обеспечить взаимное общение студентов и преподавателя. Она способна обеспечить не только индивидуальную, но и парную, групповую и коллективную форму работы на занятии. Главным же при этом является то, что она дает возможность успешно решать основную задачу – задачу обучения общению на китайском языке путем общения на китайском языке. Конечно, речевые игры со студентами первого курса не отличаются большой сложностью и обилием языковых ситуаций. При этом важным социально-психологическим воздействием игры на учащихся является то, что студенты преодолевают боязнь говорения на китайском языке, привыкают к различной произносительной манере и темпу речи.

Работа с текстами. При работе с текстами также используются все возможности для говорения. Преподаватель обсуждает с учащимися содержание текста. При этом на начальном этапе учитель сам пересказывает текст на китайском языке, а ученики лишь добавляют отдельные слова. Постепенно преподаватель подводит студентов к тому, что они вместе с учителем выделяют основную мысль текста и формулируют ее по-китайски. На более продвинутом этапе учащиеся самостоятельно пересказывают текст, беседуют по содержанию текста, активно используя новую лексику.

Лингафонный материал. Активно используется лингафонный материал, такой как приложение к учебнику Т.П. Задоенко и Хуан Шуин «Начальный курс китайского языка», к учебнику «Практический курс китайского языка» (А.Ф. Кондрашевский, М.В. Румянцева, М.Г. Фролова), «Начальный курс разговорного китайского языка» (Пекин, 2003), к различным другим учебникам, изданным в КНР.

Видеоматериал. В конце первого семестра первого курса студентам предлагается для просмотра и дальнейшего обсуждения хорошо знакомый российский художественный фильм на китайском языке. В данном случае специально подбирается такой фильм, так как знаний китайского языка студентам первого курса еще, конечно, не-

достаточно для понимания фильмов на китайском языке в полном объеме. При просмотре же знакомого фильма, содержание которого учащимся хорошо известно, студенты могут сосредоточиться на языковых аспектах (запоминание отдельных фраз, интуитивный перевод отдельных реплик, кратких диалогов и т.д.) вместо того, чтобы мучительно пытаться понять суть фильма. В процессе просмотра и по его завершении проходят краткие обсуждения.

Таким образом, закладываются первые основы для будущего свободного общения студентов, делаются первые шаги для решения основной задачи – подготовки специалистов, свободно владеющих иностранным языком, а также педагогическими методами обучения иностранному языку.

SUMMARY

The article highlights some peculiarities of teaching Chinese (speaking) at the beginners level of studying at Pedagogical University. A few methods of teaching are offered.

Next, it defines problems arising during the teaching process, which are connected with the development of the linguistic and communicative skills and creative abilities, i.e. reading, speaking, listening and writing.

Ways of their solution are proposed.

Ю.В. Кулинцев, г. Москва

КИТАЕВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА В ВОЕННОМ ИНСТИТУТЕ В 80-е ГОДЫ

В 80-е годы XX столетия над трудами по востоковедению в московском Военном институте иностранных языков (ныне Военный университет) работало большое количество ученых, в частности, В.Ф. Щичко, А.М. Ефремов, И.В. Кочергин, А.Н. Алексахин, А.М. Котов.

Крупнейший специалист в области теории перевода, лексикологии, древнекитайского языка и литературы Владимир Федорович Щичко в своей диссертации – «Сопоставительный анализ древнего и

современного китайского литературного языка» (1979) провел исследование на основе параллельного сравнения текстов философа Мэн Цзы на вэньяне и байхуа. Основной темой этой работы была эволюция функционального баланса между семантикой и синтаксисом при переходе от одного состояния языка к другому, в ходе чего был сделан ряд важных открытий.

По мнению автора, к проявлениям нормы в структуре китайского предложения относятся равные и кратные соответствия числа морфем в ряду нескольких предложений или их частей (семантико-синтаксических групп). Одной из норм построения предложения в современном китайском языке является параллельное употребление языковых элементов, выражающих экспрессивность значения.

В иерархии структур китайского языка прослеживается общая тенденция к симметричному расположению элементов, начиная с двуморфемного состава слова и кончая бинарным строением периода (блока предложений), состоящего из двух полупериодов или блоков групп. В древнем языке параллелизм выступал как одно из средств построения текстов. В современном языке он известен как структурно-семантиеский принцип строения чэнъюев.

В.Ф. Щичко считает, что фактически полисемантичное слово представляет собой лишь разновидность слова с обобщенным значением. Оно является второй ступенью в процессе исторического развития словарного значения от нечеткого, расплывчатого, неконкретного значения к более четкому и конкретному, которое уже может быть отмечено в словаре.

Статистические данные исследования В.Ф. Щичко показывают, что смысловая организация предложений в современном китайском языке для своего формального выражения требует большего числа лексических и синтаксических средств, чем в древнекитайском.

В результате усложнения морфемного состава слова китайского языка исчезло существовавшее ранее противопоставление общего и конкретного значений. Язык утратил одну из своих глубинных симметрий, определявших до тех пор его устойчивое существование. Изучение способов организации текста, не связанных с выполнением функциональной нагрузки, и существующих лишь согласно нормам

китайского языка должно привести к вскрытию глубинных симметрий, определяющих его функционирование.

Диссертация Алексея Михайловича Ефремова – «Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте» (1987) является первой отечественной диссертацией по лингвистике текста на китайском языковом материале, в ней рассматривается широкий круг вопросов: от проблем обеспечения формальной связности текста до универсального типологического критерия.

А.М. Ефремов впервые из отечественных ученых рассмотрел такие понятия, как топик и комментарий, и пришел к выводам, что китайское предложение характеризуется плотной включенностью в текст, в результате чего границы между предложением и текстом становятся весьма условными.

В китайском тексте наиболее сплоченными оказываются слог, синтагма и текст, а в русском тексте нарастание сплоченности происходит на одну ступень ниже, максимум сплоченности и, соответственно, максимум автосемантии демонстрируют слово и предложение. Для понимания строя языка наибольшее значение имеют единицы с сильными внутренними связями. В китайском языке такими единицами являются слог, синтагма и текст (сверхфразовое единство), представляющие собой сплоченные образования.

Главное своеобразие китайского текста в сравнении с русским текстом обусловлено разной степенью грамматикализации китайского и русского языка. Подобно тому, как китайское предложение характеризуется жестким порядком слов, так и текст (сверхфразовое единство) характеризуется четким следованием составляющих его предложений. В китайском тексте события описываются в той последовательности, в какой они разворачиваются в экстралингвистической реальности.

По мнению автора, широкое употребление в китайском тексте «коммуникаций событий» (предикативных структур) выступает как компенсация за отсутствие морфологических изменений.

Автор пришел к выводу, что носитель китайского языка в состоянии оперировать большими отрезками текста, чем носитель русского языка, а подчеркнутые логичность и хронологичность китайского текста и связанная этим высокая степень расчлененности

описания сопровождаются значительным увеличением глагольности речи (большим удельным весом глаголов).

А.М. Ефремов рассматривает малые слова (наречия и частицы) как специальные текстовые частицы, характеризующиеся глубокой ретроспективной связью и обеспечивающие надежное поддержание речевого конспекта, что касается русского языка, то это явление носит менее выраженный характер.

Итак, по мнению А.М. Ефремова, своеобразие китайского текста в сравнении с русским текстом во многом определяется большей степенью спаянности, подчеркнутой логичностью и хронологичностью, большей степенью расчлененности описания ситуации, более активной ролью подлежащего (топика) в коммуникативных процессах, большим удельным весом глаголов, большей ритмической упорядоченностью, специфическими текстообразующими функциями «малых слов». Автор считает, что полученные выводы справедливы и в отношении других языков, составляющих с китайским языком один языковой тип.

Нельзя не отметить и во многом приоритетный вклад института в разработку методики обучения китайскому языку, именно в Военном институте начала формироваться научно-педагогическая школа преподавания китайского языка и были выполнены первые диссертационные исследования В.В. Ткачука и И.В. Кочергина. Диссертация Игоря Васильевича Кочергина «Обучение неподготовленной монологической речи на китайском языке на базе комплексного применения ТСО на среднем этапе в языковом вузе» (1984) была представлена на защиту по двум специальностям. В ней был поставлен и решен ряд проблем как методики обучения, так и неразрывно связанных с этим лингвистических вопросов.

Автор исходил из того, что неподготовленная монологическая речь является распространенной формой речевой деятельности, в процессе которой коммуниканты обмениваются неподготовленными во времени монологическими высказываниями –репликами, выражающими реакцию на побуждение или побуждение к последующему высказыванию. Неподготовленное монологическое высказывание как объект обучения определяется в исследовании как ситуативное высказывание, относящееся к монологам-расуждениям и монологам по-

вествующего типа и выступающее в композиционно-речевых формах сообщения и рассуждения.

Полученные И.В. Кочергиным данные свидетельствуют о том, что в китайских неподготовленных монологических высказываниях абсолютно доминирующим является семантический тип межфразовой связности, реализуемый в эксплицитном лексическом повторе. Резкий контраст с русским языком составляют средства реализации связей логического типа. В китайском языке более 30 % связей этого типа реализуются интонационно.

В 1990 г. была защищена докторская диссертация специалиста по китайской фонетике и диалектологии Алексея Николаевича Алексахина «Фонологическая система китайского языка в сопоставительном аспекте», уникальная тем, что теоретические проблемы общей фонологии рассматривались в ней с точки зрения китайского языка.

А.Н. Алексахин в своей диссертации, рассмотрев три диалекта китайского языка: пекинский, шанхайский и мэйсяньский, – дал полное фонетико-фонологическое описание китайского языка. Автор представил теорию артикуляционно-акустического порождения согласных и гласных и их коартикуляции как основу для сравнения согласных и гласных русского языка и китайского языка. Он описал фонологическую структуру слова китайского языка и уделил особое внимание консонантизму и вокализму китайского языка. Автор смоделировал сонантную матрицу китайского языка путунхуа и впервые описал рефлексные гласные шва в позиции правого чета.

Автор считает, что речевая связность китайских согласных с гласными является не аномалией, а общей закономерностью. Очевидность такой связности в звуках речи китайского языка обусловливается большей проявленностью китайских гласных по сравнению со звуками речи русского языка.

Котов Аркадий Михайлович в докторской диссертации «Стилистика китайского языка в сопоставительном аспекте» (1988), описав стилистику китайского языка, предложил новые критерии для выделения стилей. А.М. Котов заменил обычную классификацию функциональных стилей китайского языка на подвиды, определяемые степенью кодифицированности речи, взаимодействием вэньяня и байхуа.

Эталонная модель стиля (совокупность стилистических категорий) распадается на два компонента: функционально-стилистический и экспрессивно-стилистический. Элементами первого является книжность и разговорность, второго – образность, оценочность, интенсивность и окказиональность.

Стили китайского языка: письменно-книжный, книжный, нейтральный и фамильярно-разговорный; система стилей китайского языка является сдвинутой на одну ступень в сторону книжной относительно аналогичной системы русского языка (книжный, нейтральный, фамильярно-разговорный, просторечный).

Отличает китайский язык от русского и отсутствие широкого пласта просторечных средств как повсеместно понимаемых и употребляемых нелитературных языковых явлений.

Таким образом, в Военном институте в 1980-е гг. произошли революционные изменения в области языковедческих исследований, что было вызвано насущной необходимостью изменения существующей парадигмы. Китаеведческая лингвистика вышла на качественно новый уровень, характеризующийся ориентацией на новейшие достижения и методы современной науки и расширением общеметодологического горизонта. Фундаментальные диссертационные исследования ученых, работавших в Военном институте, способствовали формированию собственной оригинальной школы коммуникативно-динамической лингвистики, традиции которой продолжаются до настоящего времени.

SUMMARY

The article is devoted to the development of Chinese linguistics in Military Institute of foreign languages, Moscow in 1980 – 1990. This period was characterized by the aiming to new achievements and methods of modern science, by the expansion of the methodological horizon and by the forming its own school of communication linguistics. The main feature of all science explorations made that time was close connection to the practical tasks of professional training of military interpreters.

Ю. Кунина, Москва-Квебек

К ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ «СЧЁТНЫЕ СЛОВА» И «КЛАССИФИКАТОРЫ» В РОССИЙСКОЙ КИТАИСТИКЕ

В современном языкознании под счётными словами понимают слова европейских языков типа «штука», «пара», которые функционально сближаются с классификаторами (нумеративами, числовыми детерминативами) языков Азии, Африки и Америки, служащими для оформления счётных конструкций «числительное + существительное».[1] В русскоязычной китаистике развитие названных понятий прослеживается уже в монографии 1952 г. А.А. Драгунова «Исследования по грамматике современного китайского языка», где говорится о словах – «единицах измерения», подразделяющихся на слова – «меры» и единицы «для подсчёта индивидуальных предметов».[2]

В монографии В.М. Солнцева «Введение в теорию изолирующих языков» «единицы измерения» приравниваются к словам – «мерам»[3], а счётные слова выделяются в отдельный разряд. «Счётные слова» (классификаторы или, по Шуцкому, – аффиксы единичности) – «это разряд единиц, лишь внешне сходный со словами – «мерами». В действительности – это служебные и полуслужебные единицы, выполняющие служебную функцию».[4] Тогда как единицы измерения (слова – «меры») – «полнознаменательные, лексически наполненные слова».[5] В монографии В.М.Солнцева освещается подход других русских исследователей, причисляющих счётные слова к единицам измерения «на основании... некоторого сходства употребления» и «представления о том, что существительные в формоизолирующих языках ... сами по себе не могут обозначать единичные предметы, а лишь передают, как считает И.И. Ревзин, идею о предмете "как средоточии определённой совокупности свойств"».[6] По мнению В.М. Солнцева,

---

[1] Лингвистический энциклопедический словарь. – М, 1990. – С. 227–228.

[2] *Драгунов А.А.* Исследования по грамматике современного китайского языка. – М., 1952. – С. 45.

[3] *Солнцев В.М.* Введение в теорию изолирующих языков. – М., 1995. – С. 261.

[4] Там же, с. 258.

[5] Там же, с. 264.

[6] *Ревзин И.И.* Два способа выражения идеи предметности и проблема удвоения // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы повторов. – М., 1980. – С. 210.

аналогичный взгляд на счётные слова в сино-тибетских языках высказывался в работах В.Д. Мазо [1] и А.А. Москалёва [2]. Вслед за А.А. Драгуновым данные авторы развивают «представление о том, что в силу отсутствия в формоизолирующих языках жёсткого противопоставления форм единственного и множественного числа существительные сами по себе не могут называть отдельные предметы», что и служит «наиболее общим оправданием (или объяснением) наличия в формоизолирующих языках как слов-«мер», так и счётных слов...».[3]

Ю.Я. Плам в очерке «Функционально-грамматическая характеристика классификаторов в системе грамматического строя изолирующих языков Китая и Юго-Восточной Азии» (опубликован в 1994 г.) рассматривает понятие подкласса «немедиативных, непосредственно исчисляемых существительных ... с функцией опосредования (медиатива)», куда входят такие «регулярно используемые в функции медиативов субподклассы имён, как существительные – единицы измерения типа «килограмм», «литр», кратные существительные типа «раз», разрядные существительные типа «вид», «сорт», «образец» и, наконец, классификаторы».[4] В функции медиативов могут выступать и медиативные[5] существительные: «имена, обозначающие дискретные предметы, которые по своей семантике могут быть использованы для обозначения меры штучных предметов или вещества (например, «три коробки спичек», «три ложки сахара»), родо-видовые слова типа «птица», «насекомое», «плод», «растение», а также «и любые другие медиативные существительные, обозначающие дискретные предметы, образуя конструкции с повторением существительного в тех случаях, когда за данным существительным не

---

[1] *Мазо В.Д.* Семантические и структурные характеристики счётных слов в современном бирманском языке // Разыскания по общему и китайскому языкознанию. – М., 1980.

[2] *Москалёв А.А.* Грамматика языка чжуан. – М., 1971.

[3] *Солнцев В.М.* Ibid. – С. 262.

[4] *Плам Ю.Я.* Функционально-грамматическая характеристика классификаторов в системе грамматического строя изолирующих языков Китая и Юго-Восточной Азии // Актуальные вопросы китайского языкознания. – М., 1994. – С. 111.

[5] Медиативный – опосредуемый. Немедиативный – неопосредуемый. Медиатив – опосредующий элемент. Медиативные существительные требуют/допускают постановку медиативов; немедиативные существительные воспрещают постановку медиативов. (*Плам Ю.Я.* Ibid. – С. 106–107).

закреплён определённый классификатор или он утрачен» (примеры из лаосского и шанского языков).[1]

В связи с рассмотрением понятия счётных слов неизбежно возникает вопрос об их характеристике с точки зрения полнозначности или служебности. А.А. Драгунов отмечает, что в словах-«мерах» преобладает счётное значение, а в «единицах для подсчёта индивидуальных предметов» преобладают грамматическое и классификационное значение, и эти единицы являются «полузнаменательными суффиксами». Ю.Я. Плам, точка зрения которого подробно приведена выше, говоря о синтаксической функции «опосредования», которая является «особой синтаксической функцией знаменательного слова в предложении»[2], «вынужден сближать счётные слова (классификаторы) с полнозначными словами»[3], указывая на «сохранение классификаторами определённой лексической наполненности (о чём свидетельствует их ограниченная сочетаемость с семантически ограниченными группами существительных)» и характеризуя классификаторы «как знаменательные слова, образующие один из субподклассов немедиативных, непосредственно исчисляемых существительных...».[4]

По В.М. Солнцеву, «счётные слова – это разряд единиц, лишь внешне сходный со словами-«мерами». В действительности, это служебные и полуслужебные единицы, выполняющие служебную функцию».[5] Приравнивая классификаторы к счётным словам, Солнцев пишет: «Классификаторы, или счётные слова, несомненно используются для выражения одного из аспектов числовой характеристики существительных, а именно выражения идеи штучности, или единичности.»[6]

---

[1] *Плам Ю.Я.* Ibid. – С. 110.

[2] Плам Ю.Я. Относительно особой синтаксической функции опосредования (на материале лаосского языка) // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. – М., 1971. – С. 147.

[3] *Солнцев В.М.* Ibid. – С. 260.

[4] *Плам Ю.Я.* Функционально... – С. 111.

[5] *Солнцев В.М.* Ibid. – С. 258.

[6] *Солнцев В.М.* Ibid. – С. 263. Здесь же указывается ряд терминов «для обозначения того, что именуют классификаторами: нумеративы, счётные слова, детерминативы, артикли, родовые слова и т.д.» (вслед за *Строгановым В.А.* К идентификации классификаторов вьетнамского языка. – М., 1974). Упомянем также «суффиксы-классификаторы» у Драгунова (Ibid, с. 45) и «счётные суффиксы» у А. Калимова (Счётные суффиксы в современном дунганском языке // Вопросы грамматики и истории восточных языков. – М., 1958).

Тань Аошуан в докторской диссертации «Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка)» рассматривает два типа счётных слов: для исчисляемых объектов и для неисчисляемых предметов (вместилища или ёмкости, в которых эти предметы обычно размещаются), таким образом отнюдь не отождествляя счётные слова с классификаторами. «Первый тип счётных слов представляет собой более или менее закрытый класс знаков, многие из которых в древнекитайском языке имели предметные значения. В современном китайском языке они выступают только как счётные слова, исключение составляют лишь такие слова, как, например, zhi «ветка», tiao «записка» (в переносном смысле), tou «голова». Второй тип счётных слов семантически прозрачнее. Такие слова имеются и в других языках.» [1] То же разграничение между двумя типами счётных слов проводится и в монографии Тань Аошуан.[2]

Как мы видим, можно наблюдать достаточное разнообразие в терминологии применительно к счётным словам и/или классификаторам китайского языка в работах российских исследователей за последние пять десятилетий, а также и определённые разногласия относительно категориальной природы этих слов, которые проявляются вплоть до настоящего времени.

Интересно отметить, что подобные разногласия относительно категориального статуса наблюдаются и в описаниях классификаторов тайских языков. Так, Ю.Л. Благонравова относит их к служебным словам.[3] Напротив, Л.Н. Морев в «Сопоставительной грамматике тайских языков» считает, что классификаторы «не являются грамматическими показателями, сохраняют самостоятельное лексическое значение и служат семантическими показателями». «Важнейшая функция классификаторов в тайских языках – относительная. Они отмечают связь следующего за ними слова с коррелирующим существительным. ... Классификатор в известной мере уподобляется анафориче-

---

[1] *Тань Аошуан.* Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка). Докторская диссертация. – М., 1995. – С. 347.

[2] *Тань Аошуан.* Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка. – М., 2002. – С. 637.

[3] *Благонравова Ю.Л.* Атрибутивные отношения в современном тайском языке. Кандидатская диссертация. – М., 1966.

скому местоимению, но при сохранении самостоятельного лексического значения.»[1]

SUMMARY

The present article claims to show the different terms that the sinologists in Russia, from 1952 up to 2002, employ to determinate the measure words and the noun classifiers in Chinese language. The numerous points of view on the grammatical status of these words, varying between their merely functional and their full-meaning definition, are also the subject of the article. The author gives no conclusion concerning the advantages of some terms either of some points of view, but states the diversity of the approaches as well as their contradictory character in several cases.

В.А. Курдюмов, г. Москва

ЧЕТЫРЕ ПОНИМАНИЯ ТОПИКА: КЛАССИЧЕСКАЯ И ПРЕДИКАЦИОННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Автору данного доклада часто приходится сталкиваться с тем, что при чтении лекций по общему языкознанию и теоретическим аспектам китайского языка студенты часто задают вопросы о топике и комментарии (T&K), их вопросы свидетельствуют о недостаточном понимании данных категорий, стремлении опереться на классические, «школьные» представления, которые мы вправе охарактеризовать как догматические.

Трудность понимания категорий T&K связана и с нарастающей многозначностью данных терминов: они употребляются, как минимум, уже в трех-четырех значениях. Мы хотели бы показать, что в русле предикационной концепции разные понимания не вступают в противоречие и могут быть сведены к одному, наиболее сущностному.

I. Понимание I – классическое, версия Ч. Ли – С. Томпсон, 1976–1982 гг.

Синтаксические версии топика и комментария обоснованы Ч. Ли и С. Томпсон. Именно эти авторы по меньшей мере в двух сочинени-

---

[1] *Морев Л.Н.* Сопоставительная грамматика тайских языков. – М.,1991. – С. 123–125.

ях обосновали завершенную концепцию, рассматривая Т&К как синтаксические категории уровня предложения-текста (ранее Т&К в тех или иных трактовках упоминали Хоккетт, Лайонз, Чжао Юаньжэнь).

那本画报 | 你看完了吗？
Этот журнал | ты прочел?
北方 | 冬天太冷，春天风很大。
Север (=на севере), | зима холодная, весна ветреная .
这件事 | 我现在脑子里一点印象也没有。
Это дело | у меня сейчас ни малейшего представления.

Основные признаки: как синтаксические категории (фактически, члены предложения или **основные** (принципиальные) **организующие части предложения** Т&К резко противопоставлены подлежащему и сказуемому (П&С), что заключается в следующем:

a) топик определен, т.е. всегда тематичен, в то время как подлежащее может быть и неопределенным, и даже «пустым».

Ли и Томпсон указывают на то, что именно вследствие тематичности топик ставится в начале предложения, однако, на наш взгляд, допустимы конструкции с топиком в конце (инверсия топика), в центре («островной топик»): As for John, he didn't read it, that book of yours.

b) Топик никак не должен сочетаться с подлежащим по грамматическим категориям (род, число, падеж), даже в тех языках, где согласование предусмотрено: можно сказать по-русски (разговорный, т.е. топиковый вариант) как

- ***Слесаря**, его ждали вчера, но он не пришел*, так и
- ***Слесарь**, его ждали вчера, но он не пришел.*
- ***Слесарь**, ... ждали вчера, – .не пришел.*

c) В отличие от подлежащего, глагол в составе комментария не определяет ролевой характер топика (топик по смыслу может быть «дополнением», «обстоятельством», целым комплексом, характер глагола не предопределяет его и не предопределяет, например, следование, субъекта и объекта, пассивный или активный строй предложения.

По мнению Г.П. Мельникова, синтаксическая форма Т&К является «канонически расчлененной», т.е. реальное соединение топика и

комментария происходит лишь в сознании воспринимающего коммуниканта (в случае с подлежащим – наоборот – сочлененная форма затем расчленяется в сознании)

Итак, **определение I: Топик и комментарий – синтаксические категории, основные части предложения, находящиеся в предикативной связи («характеризуемое – характеризующее»; связь утверждается актом говорения), но не требующие формальной сочетаемости и ведущие себя свободно относительно друг друга.**

II. Понимание II – текстовое, версия Ч. Ли – С.Томпсон, 1976–1982 гг., развивалось А.М. Ефремовым в 1980-е годы.

Топик – организатор текстового фрагмента, вытекает из 1-го понимания, поскольку топик в языках вТ всегда выходит за рамки предложения, в котором локализуется. Занимая позицию в предложении, топик управляет целым текстовым фрагментом.

Итак, **определение II: Топик – (предметная) тема образования текстового (сверхфразового) уровня, локализуемая в одном из предложений в синтаксическом виде. Комментарий к нему реализуется как в данном предложении, так и может реализовываться на протяжении всего единства (топик характеризуется всем текстом, который он контролирует).**

III. Понимание III – психолингвистическое, опять же на основе концепции Ли и Томпсон, в обобщенном виде представлено в книге Т.В. Ахутиной (начало 1990-х).

В отечественной психолингвистике в качестве единиц принято рассматривать операции. Вместе с тем не снимается проблема структурного подхода, т.е. изучения языковых (однородных, однораннговых) сущностей и интерпретации коммуникации (порождение + восприятие) как процесса структурных преобразований. При таком подходе необходимо ответить на вопрос «Что (какие структуры) есть на глубине (в сознании), и чем они отличаются от структур, которые «на поверхности»?».

Ряд отечественных психолингвистов (А.А.Леонтьев, Т.В.Ахутина), не придавая данному факту принципиального значения, указывают, что «на глубине» – т.е. в сознании при порождении – топиковые построения предшествуют «подлежащным».

Прежде чем сказать, говорящий рождает структуру, синтаксически организованную как Т&К, которую затем при необходимости преобразует в подлежащно-сказуемостное предложение.

Итак, **определение III: Топик – комментарий – наиболее естественная и первичная глубинная (ментальная, психолингвистическая) структура, организация которой подобна поверхностной Т&К (понимание I).**

IV. Понимание IV – Топик – комментарий как норма языка, как стандарт типичного порождения. Версия Ч. Ли – С. Томпсон 1976–1982 гг.

Имеется в виду преобладающий тип синтаксической стратегии, которую выберет обычный говорящий в обычной ситуации при порождении «немаркированного» (обычного) высказывания.

Как указывают Ли и Томпсон, перед говорящим – 4 варианта, и следовательно, существуют четыре типа языков, что указывает на возможное движение от одного типа к другому в диахронии: тип языков с «выдвижением топика, тип языков «ни вТ, ни вП», тип языков с «выдвижением подлежащего», тип языков «одновременно вТ и вП» .

Итак, **определение IV: Организация структур по типу Т&К является стандартом и критерием типологии языка, по которому определяются: тип языка (синхрония), предыстория и будущее (диахрония; будущее – как прогноз).**

Как очевидно, все перечисленные выше понимания исходят из классической синтаксической трактовки и, в общем, на нее опираются.

Следует сделать несколько обобщений:

Сами Ли и Томпсон, противопоставляя подлежащные структуры топиковым, признают, что подлежащее и сказуемое – лишь крайний случай грамматикализации топика (движения топика к включению в сферу согласования со сказуемым), кроме того, существует множество промежуточных форм: следовательно, Т&К – универсальный структурный стандарт синтаксических построений.

Структуры Т&К функционируют на любых уровнях глубины, при любом «движении к/от поверхности» (т.е. при порождении и восприятии): Т&К – универсальный структурный стандарт досинтаксических построений.

Упомянутая в начале т.н. «тематичность топика» суть проблема расхождения топиковой и подлежащной структуры при порождении, в случае, если норма языка требует именно П&С построения; понятие темы вторично по отношению к топику.

Главное свойство Т&К – не обособленность Т и К, а характер связи (предикативный: характеризация одного компонента другим, утверждаемая или предназначенная к утверждению).

Любые другие структуры не только подобны топиковым, но и генетически с ними связаны: предикативная связь есть универсальное свойство и структурная основа языка

Итоговое определение: топик и комментарий – универсальные языковые категории, функционирующие на любых уровнях и стадиях языка в синхронии и диахронии, совершающие кругооборот в процессе порождения и восприятия, постоянно переходящие в себе подобные или производные структуры. Т&К связаны предикативным отношением, само отношение является основой языка, будучи, видимо, врожденным (по крайней мере, обратного никто не доказал). Язык есть кругооборот Т&К-структур в синхронии и диахронии.

Более подробно о предикационной концепции языка см.: Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. – М.: Воен. ун-т, 1999. – 194 с., также интернет-портал Мир Языка http://yazyk.wallst.ru ; http://yazyk.da.ru

ЛИТЕРАТУРА

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М., 1989.

Ефремов А.М. Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте. Дисс. ... канд. филол.. наук. – М., 1987.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М., 1997.

Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – М., 1982. – С.193–235.

Мельников Г.П. Принципы и методы системной типологии языков. Дисс. ... доктора филол. наук. – М., 1990.

Chao Y.R. A Grammar of Spoken Chinese. – Berkeley, 1968.

Hockett C.F. A Course in Modern Linguistics.– N.Y., 1958.

Li Ch.N., Thompson S.A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. – Berkley, 1981.
Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. – Cambridge, 1968

SUMMARY

At least four interpretations for the *topic* and *comment* (T&K), categories introduced by Ch.N.Li and S.Thompson in 1976, are widely known: syntax ("classical"), textual, psycholinguistic, presenting a type of generative strategy. All of them reflect the situation just partially so we have to form a "final" one as the universal, according to *predicational conception of language* (http://yazyk.wallst.ru; http://yazyk.da.ru).

Topic and *comment* are universal language categories, which function on every language level and every its stage both in synchrony and in diachrony, they circulate during generation and reception of speech, continuously converting into similar or derivative structures. T&K are linked by the predicative relation, which is basic for language and, probably, innate. The language itself is the circulation of T&K-structures in synchrony and in diachrony.

Г.А. Лытова, г.Владивосток

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ВВОДНЫХ СЛОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Общеизвестно, что литература, как художественная, так и специальная, не только содержит вводные слова, но также характеризуется специфической частотностью употребления этих слов, которая может отличаться в зависимости от стиля текста. Поэтому мы считаем, что необходимо более подробно изучать и знакомить студентов с теми вводными словами, которые являются наиболее употребительными в языке.

Важно также исследовать место вводных слов в текстах разной жанрово-стилистической направленности, что позволит выявить роль вводных слов в построении текстов разного типа.

Вводные слова употребляются как в книжной, так и в разговорной речи. В различных стилях характер вводных слов не одинаков,

различно и их употребление. Распределение вводных слов по стилям зависит от их значения. Мы предприняли попытку дифференцировать вводные слова в китайском языке в соответствии с функционально-стилистическим значением, привносимым вводным словом в предложение. Таким образом, мы делим вводные слова на 7 групп:

1. Вводные слова с модальным значением, выражающие оценку говорящим степени реальности сообщаемого (уверенность, предположение, возможность, неуверенность и т.п.):

当然 dangran – конечно, 无疑 wuyi – несомненно,
大概 dagai – вероятно, 好像 haoxiang – кажется.

2. Вводные слова с эмоциональным значением, выражающие чувство говорящего в связи с сообщением (радость, сожаление, удивление и т.п.):

幸好 xinghao – к счастью, 幸亏 xingkui – на радость,
倒霉的是 daomei de shi – к досаде, 很可惜的是 hen kexi de shi – к сожалению.

3. Вводные слова, указывающие на связь мыслей, последовательность изложения:

就是说 jiu shi shuo – значит, 因而 yiner – следовательно,
最后 zuihou – наконец, 第一 di yi – во-первых.

4. Вводные слова, указывающие приемы и способы оформления высказываемых мыслей:

一句话 yijuhua – одним словом,
换句话说 huan juhua shuo – иначе говоря.

5. Вводные слова, указывающие на источник сообщаемого:

听说 tingshuo – говорят, 人家说 renjiashuo – сообщают,
按。。话来说 an.....hua lai shuo – по словам...,
按。。。。意见 an....yijian – по мнению...

6. Вводные слова, представляющие собой призыв к собеседнику или читателю с целью привлечь его внимание к сообщаемому, внушить определенное отношение к излагаемым фактам:

你看得出来 ni kan de chulai – видите ли
您知道把 nin zhidao ba – видишь(ли) ,
对不起 dui bu qi – извините.

7. Вводные слова, указывающие оценку меры того, о чем говорится:

至多 zhiduo – самое большее,

至少 zhishao – самое меньшее,

最多 zui duo – в крайнем случае и т.д.

Мы также предприняли попытку использовать метод компьютерного подсчета для проведения анализа употребления вводных слов в китайском языке. Для этого был использован роман Лао Шэ «Рикша» (135.000 знаков), а также газетный материал (12 статей – 121.000 знаков) из газеты 人民日报 Renmin ribao .

При работе использовалась следующая методика: в текстовый материал вводились вводные слова из различных функционально-семантических групп и путем автоматического поиска определялось наличие в них данных вводных слов.

В результате были получены следующие данные: в первом текстовом материале из 135.000 знаков выявлено 1076 вводных слова. По частотности употребления их можно распределить следующим образом.

可是	keshi	однако	– 314
那么	nama	таким образом	– 122
这样	zheyang	таким образом	– 101
而且	erqie	однако	– 77
有时候	you shihou	иногда	– 65
只好	zhihao	лучше уж	– 61
但是	danshi	однако	– 58
他觉得	ta juede	ему кажется	– 51
不过	bu guo	однако	– 46
一来	yi lai	во-первых	– 24
二来	erlai	во-вторых	– 24
从此以后	cong ci yihou	с этих пор	– 21
自从	zicong	с этого момента	– 19
况且	kuangqie	более того	– 17
当然	dangran	конечно	– 14
大概	dagai	вероятно	– 11
我怕	wo pa	боюсь	– 11

据说	ju shuo	таким образом	– 9
听说	tingshuo	говорят	– 7
奇怪的是	qiguai de shi	странно то, что…	– 4
至少	zhi shao	минимум	– 4
第一	di yi	во-первых	– 3
第二	di er	во-вторых	– 3
第三	di san	в-третьих	– 2
也许	yexu	возможно	– 2
不然	bu ran	однако	– 2
一句话	yi ju hua	одним словом	– 2
按…说	an ….shuo	по… мнению	– 1
其实	qishi	на самом деле	– 1

Проведя их анализ, мы пришли к выводу, что большинство из вышеуказанных 28 вводных слов относятся к первой группе вводных слов с модальным значением, выражающим оценку говорящим степени реальности сообщаемого – и причем, самые употребительные из них – 可是，那么，这样. 7 вводных слов относятся к третьей группе вводных слов, указывающих на связь мыслей, последовательность изложения. 4 вводных слова относятся к пятой группе вводных слов, указывающих на источник сообщаемого. Всего 2 вводных слова относятся ко второй группе вводных слов с эмоциональным значением, еще 2 – к седьмой группе, указывающих оценку меры того, о чем говорится. И, наконец, лишь одно вводное слово – из четвертой группы слов, указывающих на приемы и способы оформления высказываемых мыслей.

Таким образом, в первом текстовом материале использованы вводные слова всех функционально-семантических групп.

В текстовом материале № 2 из 121.000 знаков – 303 вводных слова. По частотности употребления их можно распределить следующим образом:

按照	anzhao	в соответствии	– 68
大家都知道	dàjiā dōu zhīdào	всем известно	– 34
二来	er lai	во-вторых	– 29
根据	genju	в соответствии	– 26
简单地说	jiandan de shuo	проще говоря	– 19
可以说	keyi shuo	можно сказать	– 17

老实说	laoshi shuo	по правде говоря	– 14
强调指出	qiangdiao zhi chu	хочется отметить	– 15
然而	raner	впрочем	– 13
事实证明	shishi zhengming	факты свидетельствуют	– 11
首先	shouxian	во-первых	– 11
我们认为	women renwei	мы полагаем	– 10
相反	xiangfan	напротив	– 7
严格地说	yange de shuo	строго говоря	– 7
也许	yexu	возможно	– 6
一般地说	yi ban de shuo	как правило	– 6
一句话	yi juhua	одним словом	– 5
一来	yi lai	во-первых	– 5

Из приведённых выше данных следует, что: большинство из вышеуказанных слов относится к четвертой группе слов, указывающих на приемы и способы оформления высказываемых мыслей. И из 18 примеров к этой группе относятся семь. 5 из них относятся к пятой группе вводных слов, указывающих на источник сообщения. К третьей группе слов, указывающих на связь мыслей, последовательность изложения, относятся 4 слова. И к первой группе вводных слов, выражающих оценку говорящим степени реальности сообщаемого, относится всего 2 слова. Таким образом, в данном текстовом материале не использованы вводные слова второй, шестой и седьмой групп.

Сопоставление полученных результатов показывает, что употребление вводных слов с точки зрения отнесенности их к определенной функционально-стилистической группе, а также в зависимости от стиля текста различно.

Так, в художественных текстах употребляются вводные слова всех функционально-стилистических групп. Особенно употребительны здесь вводные слова первой группы, с модальным значением, выражающим оценку говорящим степени реальности сообщаемого.

В газетно-публицистических текстах наиболее употребительны вводные слова четвертой функционально-семантической группы, указывающие на приемы и способы оформления высказываемых мыслей. Реже употребляются вводные слова второй группы, с эмоциональным значением, выражающие чувство говорящего в связи

с сообщаемым; шестой группы, представляющей собой призыв к собеседнику с целью привлечь внимание его внимание; и седьмой функционально-семантической группы, указывающие оценку меры того, о чем говорится.

Китайский лингвист Чжу Хуй, исследуя поведение вводных слов в произведениях Лао Шэ, говорит о том, что вводные слова в его произведениях встречаются довольно часто. Но особое внимание Чжу Хуй уделяет сочетанию вводных слов с другими элементами предложения и соответственно выделяет следующие схемы:

а) П + В.С.(вводное слово)

б) С + В.С.

в) Предлог + существ. + В.С.

г) Эпитет + В.С.+ ядро предложения

д) Ядро предложения + В.С. + дополнение

Например:

…老头子—一个大黑影似的—还在那儿站着呢。(относится к первой схеме)

Laotouzi—yi ge da heiying si de—hai zai nar zhan zhe ne.

Старик, как большая черная тень, все еще стоит там.

Вводные слова в предложении имеют широкие позиционные возможности. Они могут занимать позицию в начале предложения, в середине, а также в конце предложения. Из приведенных выше примеров, а также, анализируя имеющийся материал, мы видим, что в художественных текстах наиболее часто встречающаяся позиция вводных слов – в середине предложения. Что же касается газетно-публицистического стиля, то в данных текстах наиболее часто встречающаяся позиция вводных слов – в начале предложения:

近年来，我国教育投入总量特续增长。

Jin nian lai, wo guo jiaoyu touru zongliang te xu zengzhang.

В последние годы вклад государства в образовательную систему непрерывно растет.

据统计，仅去年 10 月到年底，北京市公安局就有 53 名警察因公负伤。

Ju tongji,jin qunian 10 yue dao nian di, Beijing shi gonganju jiu you 53 ming jingcha yin gong fu shang.

В соответствии со статистикой, начиная с октября прошлого года и до конца года, 53 пекинских полицейских получили травмы и увечья, выполняя служебные обязанности.

Таким образом, роль вводных слов, их тип, место, занимаемое в предложении (позиционные возможности), и частотность употребления имеет свои особенности в зависимости от характера (стиля) текста. Соответственно, перед нами стоит задача более подробного изучения данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.
朱慧 «骆驼祥子» 的句式分析// 铁道师院学报，1998，第 15 卷 第 3 期，73-76 页.
老舍 "骆驼祥子" 1994.
人民日报 Renmin ribao (январь 2004г.)

Лю Цзюань, г. Пекин

СОПОСТАВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Данная работа посвящена сопоставительному анализу фразеологизмов, включающих названия животных, в китайском и русском языках.

Животные играют важную роль в жизни человека. Поэтому неудивительно, что и в китайском, и в русском языках имеется немало фразеологизмов, включающих названия животных. В этих фразеологизмах значения слов и словосочетаний, обозначающих животных как таковых, а также внешний вид и повадки животных, метафорически переносятся на человека.

С помощью таких фразеологизмов говорящие и пишущие могут точно, лаконично и эмоционально выразить свои мысли. Однако вследствие различий менталитета, традиций и речевого узуса в сопоставляемых языках существует немало различных оттенков в использовании таких фразеологизмов.

В отличие от русского языка, в китайском языке метафорически переносятся на человека в основном только названия самых распространенных и общеизвестных животных. Если в русском языке даже такие слова, как *букашка* (*Какая-то ты букашка!*), *глист* (*Он тощий, как глист*), *гусыня* (*Какая ты гусыня*!), *жеребец* (*Какой жеребец!*), *жук* (*Вот жук, обманул все таки!*), *зубр* (*Он зубр в этой области*), *индюк* (*Индюк надутый*), *клоп* (*Эх ты, клоп вонючий!*), *кукушка* (*Она кукушка*), *ласточка* (*Ласточка моя!*), *лось* (*Вот лось, не догонишь!*), *морж* (*Ты морж?*), *слон* (*Вот слон!*), *стрекоза* (*Стрекоза моя!*), имеют метафорические значения, характеризующие людей, то в китайском языке во фразеологизмах используются в основном названия только таких животных, как бык, тигр, лошадь, собака, рыба, мышь и т.д. Большинство китайских фразеологизмов строится на названиях именно этих животных: 对牛弹琴、老牛破车、老牛舐犊、目无全牛；调虎离山、藏龙卧虎、虎口拔牙、龙腾虎跃、虎视眈眈、虎踞龙盘、骑虎难下、为虎作伥； 车水马龙、害群之马、汗马功劳、马到成功、一马当先、老马识途、走马观花、马不停蹄；狼心狗肺、狗急跳墙、狗血喷头、狗仗人势、狐群狗党、蜀犬吠日、丧家之犬、犬牙交错；竭泽而渔、浑水摸鱼、如鱼得水、水至清则无鱼、鱼贯而行、鱼目混珠、鲤鱼打挺；首鼠两端、鼠肚鸡肠、鼠目寸光、抱头鼠窜、贼眉鼠眼.

Вследствие того, что большинство китайских фразеологизмов носит ярко выраженный книжный характер, сама структура построения фразеологических оборотов с названиями животных в китайском языке сильно отличается от русских фразеологизмов такого типа. Они составлены из четырёх иероглифов, и во многих из них одновременно фигурируют названия двух животных. Например: 狼吞虎咽、狐假虎威、指鹿为马、蛛丝马迹、兔死狐悲、牛鬼蛇神、鼠肚鸡肠、牛头马面、照猫画虎、虎头蛇尾. Параллельное употребление названий двух животных придает значению таких фразеологизмов сопоставительный или усилительный оттенок, что способствует их большей выразительности и образности.

В русском языке слова, обозначающие части тела животных, редко используются во фразеологизмах. Можно привести лишь немного подобных примеров: *взять кого-л. за жабры, в зобу дыхание спёрло, подрезать крылья кому-л., дать на лапу, мохнатая лапа, своя*

шкура ближе к телу, сдирать шкуру живьем с кого-л., хоть шерсти клок. А для китайского языка использование таких слов во фразеологизмах, напротив, очень характерно: 小肚鸡肠、摇尾乞怜、摇头摆尾、鱼目混珠、羽毛未丰、张牙舞爪、千里鹅毛、青面獠牙、犬齿交错、首鼠两端、鼠肚鸡肠、鼠目寸光、贼眉鼠眼、蝇头小利、杀鸡取卵、以卵击石、狼心狗肺、金蝉脱壳、画蛇添足、虎背熊腰、如虎添翼、虎口拔牙、虎视眈眈、虎头虎脑、鸡毛蒜皮、虎头蛇尾、藏头露尾、吹毛求疵、蛛丝马迹、凤毛麟角、画龙点睛、马失前蹄、鹤发童颜.

Помимо различий в структуре, фразеологизмы с названиями животных в сопоставляемых языках часто различаются и в семантическом плане. Например, слово *собака* в русском языке не имеет отрицательного значения, поэтому не обладают отрицательными значениями и фразеологизмы, включающие это слово, ср. *вот где собака зарыта, как собак нерезаных, как собака устать, с собаками не сыскать, собаку съесть.* А в китайском языке слово 狗 'собака' имеет ярко выраженное отрицательное значение, поэтому обладают отрицательным значением и следующие фразеологизмы: 狼心狗肺、狗急跳墙、狗血喷头、狗仗人势、丧家之犬. Примером может служить также слово *тигр*, которое в русском языке почти не используется во фразеологизмах. А в китайском языке слово 虎 'тигр' ассоциируется с царем животных, поэтому такие фразеологизмы, как 虎头虎脑、龙腾虎跃、调虎离山、狐假虎威、虎背熊腰、虎踞龙盘、龙潭虎穴、骑虎难下、生龙活虎、谈虎色变、虎视眈眈 подчёркивают огромные размеры, смелость и непобедимость тигра, ужас, который он внушает окружающим.

Несмотря на отмеченные выше различия между русскими и китайскими фразеологизмами с названиями животных, они функционально сходны тем, что делают речь выразительной, живой и эмоциональной.

SUMMARY

This paper compares the structure and meaning of idioms based on animals' names in Chinese and Russian.

О.М. Мазо, г. Москва

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЙ ИНФИКС *-r-, ТИБЕТСКИЙ ПРЕФИКС r- И КАЧИНСКИЙ ПРЕФИКС lə-

В некоторых древнекитайских словах восстанавливается инфикс *-r-, чье значение Э. Пуллиблэнк определил как каузативное. Он привел следующие минимальные пары (реконструкция С.А.Старостина):

1. 至 *tits 'прибывать' – 致 *trits 'приносить'

2. 出 *thūt 'выходить' – 黜 *thrūt 'выгонять'

Восстанавливается этот инфикс и в следующей паре:

3. 行 *ghāŋ 'дорога' – 行 *grāŋ 'идти'.

В тибетском и качинском языках также есть -r-, который стоит после начальной согласной, однако минимальных пар, позволяющих нам определить этот -r- как инфикс, а не часть корня, нам найти не удалось. Однако мы обнаружили двенадцать соответствий древнекитайского (ДК) -r- и тибетского r-. Сино-тибетские (СТ) праформы приводятся по Этимологическому словарю сино-тибетских языков Пейроса-Старостина.

3а. СТ *nīk (r-) 'прятать, скрывать'

3б. .ДК 匿 *nrək 'скрывать'

3в. тиб brnogs 'прятать, скрывать'

4а. СТ *nrīw (-k) 'смешивать'

4б. ДК 糅 * nrus 'смешанный'

4в. тиб rńog 'мешать, баламутить'

4г. тиб ńog-pa 'грязный, взбаламученный'

5а. СТ *tīɬ (~ d-; r-) 'пыль'

5б. ДК 塵 *drən 'пыль'

5в. тиб rdul 'пыль'

6а. СТ *tōk 'сражаться, биться'

6б. ДК 啄 *trōk 'клевать'; 椓 *trōk 'бить'

6в. тиб rdug 'захватывать; сражаться против'; rdog 'бить'

7а. СТ *tōk (~ d-; r-) 'грязь'

7б. ДК 濁 *trōk 'грязный'

7в. тиб rtug 'экскременты, грязь'

8а. СТ *[t]ūŋ (r-) 'холм'

8б. ДК 冢 *troŋʔ 'вершина; большой'

8в. тиб rduŋ ‘небольшой холм’

9а. СТ *cēŋ (~ ʒh-) ‘засучивать, подбирать подол’

9б. ДК 綪 *ćrēŋ ‘закатывать, засучивать’

9в. тиб rceŋ ‘подбирать подол’

10а. СТ *sāt ‘убить’

10б. ДК 殺*srāt ‘убить’, 撮 *sāt ‘ударить сбоку’

10в. тиб gsod ‘убить’, rcod ‘сражаться, драться руками’

11а. СТ *ʒāj (r-) ‘песок’

11б. ДК 沙 *srāj ‘песок’

11в. тиб rʒa ‘глина’

12а. СТ *q^{w}ăŋH (r-) ‘отдаленный; протянуть’

12б. ДК 永 *wraŋʔ ‘отдаленный, долгий’

12в. тиб rgjaŋ ‘расстояние’

12г. тиб rgjoŋ ‘протянуть, распространить’

12д. тиб rkjoŋ ‘протянуться’

Префиксу r- в тибетском соответствует префикс lə- в качинском. П. Бенедикт приводит следующие соответствия: тиб. rku-ba’ воровать’ – кач. ləgu ‘воровать’; тиб. rkod-pa ‘выкопать’ – кач. ləkhot ‘вычерпать’; тиб. rmu-ba ‘туман’ – кач. ləmu ‘небо’; тиб. rga-ba ‘старый’ – кач. ləga ‘старый’. Кроме того, существуют следующие соответствия между ДК -r- и качинским lə-

13а. ləkhap^{2} ‘область ноги под коленом’ < СТ *g[ū]p

13б. 韐 *kə̄p, *krə̄p ‘кожаный фартук, закрывающий колени’

14а. ləphan^{2} ‘ладонь’ < СТ *PaH

14б. 把 *prā ‘горсть’

15а. ləɗan^{3} ‘вид серег’ < СТ *T(r)in (~-ɬ)

15б. 瑱 *trins, *thīns ‘вид яшмовой подвески’

16а. ləkap^{3} ‘щипцы, тиски; щипать’ < СТ *k(r)ēp

16б. 夾 *krēp ‘пинцет’, 梜 *kēp, *krēp ‘палочки для еды’

17а. ləthaʔ^{2} ‘верх’ < СТ *d(r)ə̄k

17б. 陟 *trək ‘подниматься’

Таким образом, можно считать, что древнекитайская, тибетская и качинская морфемы восходят к одной праформе, префиксу r-.

Л.Н. Морев, г. Москва

ГЛАГОЛЫ «ОБЛАДАНИЯ» В ТАЙСКИХ, КИТАЙСКОМ, КХМЕРСКОМ И ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКАХ

Указанные в заголовке языки принадлежат к языкам аналитического строя. Многие универсальные когнитивные категории, передаваемые во флективных языках грамматически значимыми формами слов, в этих языках выражаются посредством служебных или, чаще, в той или иной степени грамматикализованных слов. В настоящем докладе ставится цель сопоставить некоторые из таких морфем в названных языках и таким образом выявить общие и индивидуальные черты этих языков. Среди таких единиц заметное место занимают морфемы, передающие значение обладания в наиболее общем виде. К ним относятся *aw* 'брать' в тайских языках, *na* 'брать' в китайском, *lấy* 'брать' во вьетнамском и *jɔɔk* 'брать' в кхмерском языках. Вместо них могут употребляться синонимичные или близкие по значению слова. Но это в конечном счете не меняет сути дела.

Прежде всего следует отметить, что все вышеназванные морфемы регулярно употребляются в качестве лексически и грамматически самостоятельных глаголов со значением 'брать', 'держать'. В документальных свидетельствах на этот счет, полагаю, нет необходимости.

В описаниях указанных языков этим морфемам обычно приписываются также служебные или полуслужебные функции, и они характеризуются как показатели находящихся в препозиции к основному предикативному глаголу инструментального и объектного актантов, как в следующих предложениях:

Лао:	*laaw*^{2}	*aw*	*faj*^{2}*-saaj*^{1}	*sɔɔng*^{5}	*haa*^{1}	*thuk*^{3}	*hɛɛng*^{5}
	он	брать	фонарик	светить	искать	каждый	место
	'Он осветил фонариком каждый уголок'						
Кит.	*Haizi*	*na*	*gongjian*	*she*	*yuanhou*		
	ребенок	брать	лук	стрелять	обезьяна		
	'Ребенок убил обезьяну из лука'						
Вьет.	*anh*	*lấy*	*súng*	*bắn*	*rồi*	*máybay*	
	он	брать	ружье	стрелять	результ.	самолет	
	'Он сбил самолет из ружья'						

Кхм.	*koət*	*jɔɔk*	*kandiəw*	*kaa*	*srəəw*
	они	брать	серп	жать	рис

'Они жнут рис серпами'

Вышеприведенные предложения являют собой пример синтаксических структур с инструментальным актантом, выраженным именем с морфемой обладания. Ниже цитируются предложения с объектным актантом, включающим в свой состав такую же морфему.

Ю.Чжуан	*min*^{2}	*aw*^{1}	*sloong*^{1}*-sly*^{3}	*toot*^{8}	*nung*^{2}	*maa*^{2}
	он	брать	халат	бросать	опускаться	приходить

'Он сбросил с себя халат на пол'

Кит.	*ta*	*ba*	*yangla*	*chui*	*mie*
	он	брать	свеча	дуть	ликвидировать

'Он загасил свечу'

Вьет.	*nó*	*lấy*	*bản đồ*	*treo*	*lên*	*tường*
	он	брать	карта	вешать	подниматься	стена

'Он повесил карту на стену'

Кхм.	*koət*	*jɔɔk*	*chyy*	*daot*	*nyw*	*nyng*	*dej*
	он	брать	палка	втыкать	находиться	в	земля

'Он воткнул палку в землю'

Морфема со значением 'брать' в синтаксических конструкциях подобного рода разными исследователями интерпретируется поразному: как служебное слово (предлог), как глагол в функции предлога, как компонент полипредикативной конструкции и т.д. Лично мне последняя формулировка представляется более предпочтительной. Но, впрочем, в данном случае различие в дефинициях не имеет никакого значения. В любом случае содержание высказывания остается неизменным.

Далее позволю себе усомниться в том, что в данном случае мы имеем дело с двумя омонимичными маркерами: один – показатель инструментальной функции, а другой – объектной. Полагаю, что перед нами одна единая морфема, которая вводит в пропозицию одного из участников описываемой ситуации, представленной двумя последовательно связанными событиями: одним менее существенным с позиции коммуникативной значимости и другим более важным при вербализации сообщения.

Оценка актанта с морфемой обладания как инструмента или объекта действия, выраженного глаголом полной предикации, зависит от

соотношения смыслов сочетающихся слов, а не от каких-то формальных показателей. Скажем, 'серп' может быть как орудием осуществления действия, так и предметом, который 'точат', 'помещают' куда-нибудь и т.д. И наоборот, 'палка' может быть не предметом, который 'втыкают' куда-нибудь, а орудием. В формально-грамматическом плане различие между предложениями с инструментальным актантом и предложениями с препозиционным объектным актантом состоит в том, что во вторых объектный актант может быть перенесен в постпозицию к основному глаголу, то есть структура N' V'N'' V'', где V' морфема со значением 'брать', преобразуется в структуру N' V'' N'' или N' V' N'' V'' + анафорическое местоимение, дублирующее N''. Но способность к трансформации едва ли можно считать формально-грамматическим признаком данной структуры. Ведь своим существованием данная структура обязана правилам иконического расположения компонентов высказывания и закономерностям семантической сочетаемости лексических единиц, а не наоборот.

В отличие от синтаксических структур с объектным актантом, структуры с инструментальным актантом преобразований подобного рода не допускают. По меньшей мере это утверждение справедливо для китайского языка. В современном китайском языке позиция перед основным предикативным глаголом является единственно возможной для инструментального актанта. А в индокитайских языках нахождение инструментального актанта после основного глагола возможно и даже, наверное, более характерно, но в этом случае показателем функции будет уже не морфема обладания, а специализированный предлог. В этом, между прочим, заключается основное различие структур с инструментальным актантом в китайском и индокитайских языках. В остальном, если брать по большому счету, синтаксические структуры с морфемами обладания в указанных языках, можно сказать, аналогичны, и функции морфем со значением 'брать' идентичны. На этом сходство функций морфем обладания в указанных языках, кажется, и заканчивается. Ниже речь пойдет о частном, особенном в употреблении глаголов обладания в каждом из рассматриваемых языков.

В тайских языках морфема *aw*[2] 'брать' регулярно встречается в паре с глаголами различных лексических групп, начиная от глаголов,

называющих механические действия, до глаголов, обозначающих мыслительные акты и даже состояния. В качестве иллюстрации даются словосочетания из лаосского языка: *khaap*^{6} *aw*^{2} *ka*^{1}*-duuk*^{5} 'зажать в зубах кость' (*khaap*^{6} 'держать в зубах'); *kɔɔt*^{5} *aw*^{2} *luuk*^{6} 'обнять ребенка' (*kɔɔt*^{5} 'обнимать'); *thaj*^{5} *aw*^{2} *thii*^{6}*-din*^{2} 'выкупить землю' (*thaj*^{5} 'выкупать'); *ən*^{3} *aw*^{2} *mun*^{5} 'позвать приятеля' (*ən*^{3} 'звать'); *ngyk*^{3} *aw*^{2} *lyang*^{4} 'придумать историю' (*ngyk*^{3} 'думать'); *maj*^{6} *aw*^{2} *hyan*^{2} 'сжечь дом' (*maj*^{6} 'сжигать'); *jiap*^{5} *aw*^{2} *tiin*^{2} 'наступить на ногу' (*jiap* 'наступать ногой'); *naaw*^{1} *aw*^{2} 'почувствовать холод', 'стало холодно' (*naaw*^{1} 'холодный').

Как явствует из примеров, лексическое значение отдельного глагола и значение словосочетания в общем совпадают. Роль мофемы обладания не самоочевидна. В отличие от многих других морфем, сопровождающих предикативный глагол в лаосском предложении, морфема *aw*^{2} в данном окружении по существу остается неисследованной. Первое упоминание о словосочетаниях такого рода содержится в "Грамматике лаосского языка" Дж. Оспиталье (1937). По его мнению, роль морфемы *aw*^{2} в позиции после глагола состоит в подчеркивании, выделении действия, названного в предшествющем глаголе. Комментируя сочетание *syy*^{3} *aw*^{2} 'купить' (*syy*^{3} 'покупать'), он пишет, что элемент *aw*^{2} в данном случае "свидетельствует о вступлении кем-то во владение купленной вещью" (с. 194). Китайский лингвист Чжан Гунцзинь (1958), говоря о функциях морфемы *aw*^{2} в языке лы (один из тайских языков, распространенный в Юго-Западном Китае и в сопредельных странах), полагает, что указанная морфема в такой позиции является суффиксом, указывающим на "возможность овладения объектом" и свидетельствующим о "стремлении субъекта к овладению предметом" (с.71). Эти наблюдния, как мне представляется, довольно точно отражают действительное положение вещей. Но, если продолжить обобщения предшественников, то можно прийти к выводу, что морфема *aw*^{2} в данном случае привносит значение предельности или результата действия, а сочетания подобного рода можно назвать предельными или результативными. В них первый компонент называет действие, а второй модифицирует его в отношении конечного результата.

Рассматриваемые сочетания обычно реализуются в слитной форме, тем не менее их едва ли можно считать одним словом, а морфему *aw*^{2} рассматривать как суффикс. Сочетания такого рода, пусть редко, но все же допускают расчленение на части. Между компонентами сочетания могут появляться отрицательная частица и некоторые другие слова, что подтверждает отдельность морфемы *aw*^{2}. Хорошей иллюстрацией этого может служить предложение из стандартного тайского языка, государственного языка Таиланда.

joon^1	*hua*^{5} *joon*^{1}	*kɔɔj*^{3}	*tɔɔng*^{3}	*lyak*^{3}	*aw*^{1}	
подбрасывать	'орел' подбрасывать	'решка'	следует	выбирать	брать	
thaang^1 *nyng*^{2}	*khyy*^{1} *maj*^{3}	*aw*^{1}	*hua*^{5}	*kɔ*^{2}	*aw*^{1}	*kɔɔj*^{3}
вариант один	а именно не	брать	орел	то	брать	решка
ca^2 *lyak*^{3}	*maj*^{3} *aw*^{1}	*hua*^{5}	*ryy*^{5}	*maj*^{3}	*aw*^{1}	*kɔɔj*^{3} *maj*^{3} *daj*^{3}
Буд. выбирать не	брать	орел	или	не	брать	решка нельзя

'Играя в орлянку, следует выбирать что-нибудь одно, а именно, орла или решку, но нельзя не брать ни того, ни другого'.

Вышеназванные результативные сочетания пока зарегистрированы только в основной, или ядерной, группе тайских языков, выделенной в свое время Ли Фангуем. Что касается периферийных тайских языков, как языки группы кам-суй и гэ-янг, то данных по ним в моем распоряжении нет.

Аналогичные тайским результативные конструкции наблюдаются в кхмерском языке. В нем для выражения соответствующего значения используется морфема *jɔɔk* 'брать'. Например:

cap jɔɔk 'схватить' (*cap* 'хватать'); *prəmool jɔɔk* 'подобрать' (*prəmool* 'подбирать'); *crɛɛh rɛɛh jɔɔk* 'выбрать' (*crɛɛh rɛɛh* 'выбирать'); *teang jɔɔk* 'вырвыть' (*teang* 'тянуть'). Но парадигматический ряд глаголов, способных сочетаться с кхмерской морфемой обладания, кажется, короче, чем в тайских языках. По словам носителей кхмерского языка, в сочетаниях с морфемой *jɔɔk* используются прежде всего глаголы, обозначающие механические действия. К сожалению, из-за скудности информация не представляется возможным дать более подробное описание роли этой морфемы в кхмерском языке.

В заключение этого раздела снова вернемся к тайским языкам, чтобы отметить еще одно интересное употребление морфемы обладания *aw*, зафиксированное в лаосском и чжуанском языках.

Лао *haw^2 si^3 vaw^3 aw^2* (букв. я Буд. вр. говорить брать)
'Я буду говорить экспромтом' (т. е. без предварительной подготовки)

Лао *laaw^2 seep^5 aw^2* (букв. они играть (на чем-либо) брать)
'Они играли импровизируя' (т.е. без нот, без предварительной подготовки)

Чжуан *kow^1 bjai^1 aew^2* (букв. я идти пешком брать)
'Я пойду пешком' (а не поеду на чем-нибудь)

Морфема *aw^2* в таких случаях указывает на то, что данный способ осуществления действия выбран из нескольких других, альтернативных. Имеющихся примеров такого использования морфемы обладания в тайских языках недостаточно для каких-либо обобщений.

Во вьетнамском языке специализация использования морфемы обладания *lấy* шла по иному пути, чем в тайских языках. Имеющаяся в глаголе *lấy* 'брать' сема 'обладать', 'становиться своим' послужила основанием для выражения значения "для себя", "в собственных интересах", "самостоятельно", как в следующих предложениях:

anh nấu canh lấy (букв. он варить суп брать)
'Он варит суп для себя'

bé đã ăn lấy (букв. ребенок уже есть брать)
'Ребенок уже ест сам' (т.е. без чьей-либо помощи, самостоятельно)

По словам носителей вьетнамского языка, структура N V lấy характерна для разговорной речи. В литературном, книжном языке ей соответствует структура: N tự V, где морфема tự 'от', 'из' (из китайского *zi*) или контаминированная конструкция : N tự V lấy, например: *anh tự đi lấy* 'Он ходит сам' (т.е. без посторонней помощи).

Предложения с морфемой *lấy* в конце противополагаются однотипным предложениям с морфемой *cho* 'давать'. Сравни:

anh nấu canh lấy (букв. он варить суп брать)
'Он варит суп для себя'

mẹ pha sữa cho (con) (букв. мать готовить молоко давать (ребенок)
'Мать готовит молоко для ребенка'

В последнем примере дополнение *con* 'ребенок' взято в скобки. Это означает, что в определенной ситуации имя заинтересованного лица может отсутствовать, а морфема *cho* сохраняется в качестве

анафорической частицы, указывающей на то, что действие совершается в интересах кого-то другого. Очевидно, что морфемы *lấy* 'брать' и *cho* 'давать' во вьетнамском языке образуют синтаксическую категорию бенефактива. Первая из них указывает, что субъект является заинтересованным лицом, а вторая свидетельствует о том, что субъект не преследует личного интереса. Одновременно эта морфема служит напоминанием о существовании бенефицианта.

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать следующее: морфемы со значением 'брать' в перечисленных выше языках, помимо чисто денотативной функции, выполняют еще несколько дополнительных функций. Внешне разные, эти морфемы демонстрируют высокую степень сходства их роли в организации высказывания и выражении некоторых синтаксических категорий. Вместе с тем, каждой из этих морфем присущи и специфические свойства, проявляющиеся только в данном языке и не сводимые к общему знаменателю.

ПРИМЕЧАНИЕ

В высказываниях с инструментальным и объектным актантами вместо морфемы со значением 'брать' могут использоваться другие, близкие по значению слова. Так, в китайском языке инструментальный актант отмечается преимущественно морфемой *yung* 'использовать', а препозиционный объектный актант может маркироваться морфемами *ba*, *yi*, *jiang*.

ЛИТЕРАТУРА

Hospitalier J.J. Grammaire Laotien. – Paris, 1937.

Enfield N.J. Function of "Give" and "Take" in Lao Complex Predicate. (offprint). s.a., s.l.

Zhang Gongjin (1958) Zai yu han yu bijiao fensi zhong kan dai yu dongqi 'aw' de laiquan he yungfa (Происхождение и функции тайского глагола 'aw' с позиций китайского языка) // Zhunguo yu weng congshu shaoshu minzu yuwen lunji di yi ji. Zhongguo yuwen zazhi shebian zhonghua shujiu chuban.

Zhang Yuansheng (1993). Xiangdai zhuang han yu bijiao yufa (Сравнительная грамматика чжуанского и китайского языков) // Zhongyan minzu xueyuan chubanshe.

Быстров И.С. и др. Грамматика вьетнамского языка. – Л., 1975.

Панфилов В.С. Грамматический строй вьетнамского языка. – СПб., 1993.

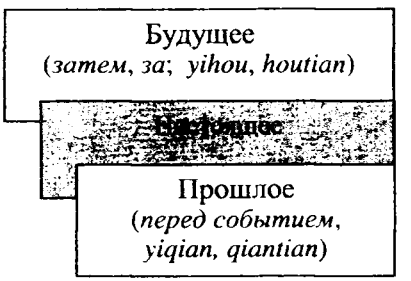
Ю.А. Назарова, г. Челябинск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ЗНАЧЕНИИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Человек осознает пространство раньше, чем время. Для родовых обществ именно пространственные характеристики, такие, как размер, помещенность, играют важнейшую роль в структурировании мира. Первоначально общество игнорирует время, «отменяет» его при помощи ритуалов, возрождающих мифическое – изначальное – время. Когда назревает необходимость упорядочения времени, по отношению к нему начинает использоваться сравнительно хорошо разработанная пространственная лексика.

Особенно часто временные координаты задаются при помощи предлогов, имеющих значение «внутри» (в том году, в этом месяце, в полночь; in October, in the past, in 1968; zai xingqiliu, zai (shijian) nei, li). Это связано с восприятием периода времени как некоторой формы, заполненной событиями.

Также общей для многих языков является следующая схема:

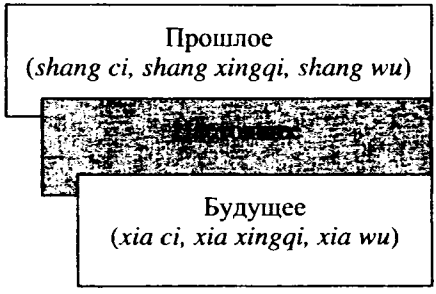


Видимо, структура, в которой прошлое находится *перед* настоящим, отражает такое осознание времени: человек находится на одном месте, время же движется. Л. Витгенштейн, моделируя в своих «языковых играх» процесс создания языка, описывает подобную ситуацию: «Куда уходит настоящее, когда оно становится прошлым и где находится прошлое? <...> Ясно, что этот вопрос может легко возникнуть, если мы поглощены случаями, в которых есть предметы, проплывающие мимо нас – коряги, проплывающие вниз по реке. <...> Когда мы используем эту ситуацию как образец всего того, что про-

исходит во времени, <...> мы говорим о течении событий, но мы также говорим о течении времени – реке, по которой путешествует коряга»[1]. В таком случае yiqian «перед» – это перед временем, по пути его движения.

Восприятие времени как движущейся субстанции подтверждается использованием по отношению к временным характеристикам глаголов движения, таких, как «идти», течь. Так в китайском языке в словосочетание qunian (прошедший год) используется глагол qu (уйти, уехать). Использование глагола, показывающего направление от говорящего, подтверждает движение времени, а не говорящего по оси координат.

В китайском существует еще одна схема пространственного восприятия времени, через оппозицию верх-низ:



Эта схема может считаться эквивалентной предыдущей, если мы учтем, что верх на китайских картинах означал направление к зрителю, а низ, соответственно – от зрителя. Однако данная схема служит не только подтверждением предыдущей, но и самостоятельной системой ориентации во времени. Так, очевидно, что в китайском языке имеется не только горизонтальная, но и вертикальная схема времени, причем в данном случае направление движения не выражено. Интересно, что в индоевропейских языках также есть черты вертикального восприятия времени – использование предлогов «на» (на той неделе), on (on Monday), однако данная схема выражена в менее развитом виде, чем в китайском языке. Видимо, в индоевропейских языках время

[1] *Витгенштейн Л.* Коричневая книга. – М., 1999. – С. 47.

осмысливалось как горизонтальное. Для китайского же языка важное значение имело и вертикальное членение.

Итак, в китайском языке сохранились следы «опространствливания» времени, отражающие как общие для развития всех языков закономерности, так и индивидуальные особенности китайского языка и культуры.

SUMMARY

The Chinese language like many other languages has signs of ancient process – understanding of the time with the help of words meaning the spatial characteristic (zai ... nei/li, yiqian, yihou, shang, xia). There are two pronounced spatial schemes of the time in the Chinese. The first is built on the understanding of the time like moving line. It moves from before to behind, from past to future. The second scheme is vertical: the past is located above the point of speaking, the future – behind this point. Using spatial vocabulary with a temporal meaning in Chinese in comparison with other languages has both general and specific traits.

Нгуен Ван Тхак, Вьетнам

КИТАИЗМЫ В «БОЛЬШОМ ВЬЕТНАМСКО-РУССКОМ СЛОВАРЕ»

«**Большой вьетнамско-русский словарь**» (БВРС) – один из важных проектов научного сотрудничества между **Российской академией наук** и **Вьетнамской академией общественных наук** (ранее Национальный центр общественных и гуманитарных наук СРВ), осуществляемый совместным коллективом русских и вьетнамских ученых Института языкознания РАН и Института языкознания СРВ.

За всю 300-летнюю историю вьетнамской лексикографии во Вьетнаме и за рубежом вышло в свет около 1000 словарей вьетнамского языка, в том числе словари толковые, терминологические, энциклопедические и большое количество двуязычных и многоязычных словарей (иноязычно-вьетнамских, вьетнамско-иноязычных). Но до настоящего времени еще не было подготовлено больших двуязычных словарей. Впервые во вьетнамской лексикографии создается большой

четырехтомный двуязычный словарь сотрудниками государственных ведущих научных организаций наших двух стран.

БВРС охватывает почти всю лексику основного словарного фонда современного литературного вьетнамского языка. Словарь характеризуется полнотой и глубиной описания лексики, в которой более 60% единиц являются заимствованными.

При разработке методики выделения и определения словарных единиц БВРС необходимо было решить ряд теоретических лексикографических и грамматических вопросов, таких как проблема разграничения слова и словосочетания, проблема классификации слов по частям речи, проблема описания и подачи омонимов, полисемантичных единиц, фразеологизмов, оборотов речи, иноязычных заимствований и т. д.

При разработке словарной статьи БВРС при всех заглавных единицах, заимствованных из европейского, американского и китайского языков, в БВРС даются этимологические пометы о языке-источнике. Заимствованные единицы даны в соответстующей графике. Кроме того, в необходимых случаях указано произношение данной иноязычной единицы.

Наиболее сложным явился выбор подачи и транскрипции заимствованных из языков Европы и Америки слов в корпусе БВРС. В БВРС отражены все встречающиеся на сегодняшний день во вьетнамском языке способы и варианты транскрипции заимствованных слов, например:

a-xê-ti-len, axêtilen, a xê ti len (ацетилен);
ba-la-lai-ka, balalaika, ba la lai ka (балалайка)

В БВРС был принят принцип написания, при котором слоги в словах разделяются дефисом.

Что касается китаизмов, то положение оказалось сложнее.

На протяжении нескольких тысячелетий вьетнамский язык развивался в тесном, многостороннем контакте с древнекитайским и современным китайским языком, в результате чего во вьетнамском языке образовалось два разных слоя китаизмов: ***ханьвьетские*** и ***древнеханьвьетские***. Приведем примеры подобных заимствованных лексических единиц в следующей таблице:

Древне-ханвьетские	Ханвьетские	Иероглифы	Значения
tim	***tâm***	心	сердце, центр
tìm	***tầm***	寻	искать
gươm	***kiếm***	剑	меч
gương	***kính***	镜	зеркало, стекло
buồng	***phòng***	房	комната
buông	***phóng***	放	освобождать, отпускать

Из таблицы видно, что между ханвьетскими и древнеханвьетскими лексическими единицами имеются определенные соответствия как в звучании, так и по смыслу.

Исходя из синхронного состояния вьетнамского языка древнеханвьетские элементы иногда считают чисто вьетнамскими словами. Однако, с точки зрения диахронии и особенно с точки зрения контактологии, эти два лексических слоя рассматриваются нами как однокоренные заимствования, находящиеся в фонетической и семантической диахронической взаимосвязи, и в БВРС отражено не только само наличие единиц этих двух слоев, но и отображены соответственные отношения между ними посредством особых помет.

Ханвьетские единицы подаются с пометой *кит.* перед соответствующим китайским иероглифом в конце словарной статьи, содержащей ханвьетское слово, например:

tâm *сущ.* сердце ... *кит.* 心
tầm *гл.* искать ... *кит.* 寻
kiếm *сущ.* меч ... *кит.* 剑
kính *сущ.* зеркало, стекло ... *кит.* 镜
phòng *сущ.* комната ... *кит.* 房
phòng *гл.* освобождать, отпускать ... *кит.* 放

А их однокоренные древнеханвьетские единицы подаются с пометой *ср.* перед соответствующими ханвьетскими единицами:

tim	*сущ.*	сердце ...	*ср.* ***tâm***
tìm	*гл.*	искать ...	*ср.* ***tầm***
gươm	*сущ.*	меч ...	*ср.* ***kiếm***
gương	*сущ.*	зеркало ...	*ср.* ***kính***
buồng	*сущ.*	комната ...	*ср.* ***phòng***
buông	*гл.*	пускать ...	*ср.* ***phòng***

Важно отметить, что во вьетнамском языке значительное количество односложных китайских элементов функционирует как морфемы. На основе этих морфем во вьетнамском языке было создано множество многоморфемных слов, которых нет в китайском языке, например такие, как:

tham luận	'выступление'
đối tác	'партнер'
tâm hồn	'душа' и т. д.

Эти единицы представляют собой новообразования в словообразовательном процессе вьетнамского языка. Это не заимствованные слова, поэтому в БВРС к ним не даны пометы об их китайском происхождении.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что не все словообразовательные элементы, заимствованные из китайского языка, и не все элементы в словах, заимствованных из китайского языка, стали словообразовательными элементами во вьетнамском языке. В реальности лишь некоторые из них участвуют в образовании новых вьетнамских слов, другие же остаются составными частями сложных единиц, вошедших во вьетнамский язык из китайского. Например, среди словообразовательных элементов китайского языка со значением '*человек*' только морфемы

-viên	员	'член'
-sĩ	士	'интеллигент'
-sinh	生	'ученик'

стали словообразовательными элементами и во вьетнамском языке. Другие морфемы с этим же значением такие, как:

-sư	师	'учитель'
-gia	家	'знаток, специалист'
-tủ	手	'мастер, игрок'
-nhân	人	'человек' и т. д.

оставаясь частью заимствованных слов, не участвуют в создании новых вьетнамских слов, – их нельзя считать словообразовательными элементами вьетнамского языка.

Ассимилированные словообразовательные элементы (*словообр. эл.*) вместе с соответствующими однокоренными знаменательными элементами образуют одну группу ***однокорневых, но разноуровневых омонимов***. В БВРС они даны за римскими цифрами в одной словарной статье после слова-омонима, как, например, в следующей словарной статье единиц ***hóa*** 化 и ***học*** 学:

hóa **I** *гл.* превратить, предотвратить ... **II** *словообр. эл.* ... -изация; ... *bình thường* ***hóa*** нормализация, *Việt* ***hóa*** вьетнамизация ...
кит. 化

học **I** *гл.* учиться **II** *словообр. эл.* ... -ика, -ведение, -логия ... *điều khiển* ***học*** *кибернетика, tin* ***học*** *информатика* ...
кит. 学

Это также помогает четко различать однокоренные и окказиональные, неоднокоренные омонимы в лексике вьетнамского языка.

Китайский язык длительное время играл роль языка-посредника в процессе заимствования слов из других языков во вьетнамский язык. Например, слово ***câu lạc bộ*** 'клуб' было заимствовано вьетнамским языком из китайского языка – 俱乐部, в ханвьетском произношении, а его прототипом является английское односложное слово ***club***. Русское двухсложное слово ***дурак*** (название карточной игры) было заимствовано китайским языком в форме трехсложного слова ***dulake*** 杜拉克, потом вошло во вьетнамский язык в ***звучании современного китайского языка*** (т. е. в произношенни путунхуа, а не ханвьетского). и стало ***tú lơ khơ***.

Во вьетнамском языке существует достаточно много таких ***косвенных заимствованных единиц***, которые получили отражение в БВРС следующим способом:

câu lạc bộ *сущ.* клуб ... *кит.* 俱乐部 < *англ.* club.
tú lơ khơ *сущ.* дурак ... *кит.* 杜拉克 < *рус.* дурак.

Отметим, что во вьетнамском языке идет процесс замены единиц – косвенных заимствований прямыми заимствованиями. Как правило, замена новыми или более понятными для носителей вьетнамского языка малодоступных или устаревших иноязычных единиц. В результате, некоторые заимствования, в том числе китаизмы, становятся неупотребительными, ненормативными, постепенно превращаясь в историзмы или архаизмы. Эти процесы замены одних заимствований другими отражены в БВРС следующим образом: после китайского иероглифа ставится новое вьетнамское слово или новая единица с пометой *ср.*

ái quốc *прил.* патриотический ... *кит.* 爱国 *ср.* ***yêu nước***;
thượng bán niên *сущ.* первое полугодие ... *кит.* 上半年 *ср.* ***nửa đầu năm***;
hạ bán niên *сущ.* второе полугодие... *кит.* 下半 *ср.* ***nửa cuối năm***;
sinh tố *сущ.* витамин... *кит.* 生素 *ср.* ***vi ta min***;
song tử diệp *сущ.* ... *кит.* 双子叶 *ср.* ***hai lá mầm*** и т. д.

В случае, когда заглавной единицей являются заимствованные единицы, значительно изменившие свое произношение или значение в связи с ассимиляцией вьетнамским языком, в словарных статьях также дается помета *ср.* перед приведенными в конце статьи китайскими иероглифами и первоначальным произношением этих слов, когда они впервые попали во вьетнамский язык. Первоначальное произношение указано с целью показать взаимосвязь заимствованных единиц с этимологическим источником. Например:

chánh *прил.* главный ... *ср.* ***chính*** 正;
phước *сущ.* счастье ... *ср.* ***phúc*** 福.

В БВРС, таким образом, находят свое отражение различные процессы, происходящие с китаизмами во вьетнамском языке.

А.В. Немтинова, г. Москва

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: ДИАЛЕКТНЫЕ ЗНАКИ

На протяжении всей истории существования филологической традиции в Китае внимание филологов привлекала прежде всего письменность. Со времен императора Шихуана (династия Цинь) она являлась объектом нормализации: все региональные и диалектные варианты иероглифов считались вне закона и упразднялись. Наиболее эффективным средством поддержки стандартного начертания иероглифов было традиционное образование и система государственных экзаменов в Китае. Тем не менее, в словарях разных эпох встречается значительное количество нестандартных иероглифов. Нестандартные, простонародные знаки использовались в частных документах, местных печатных изданиях, буддийской литературе и т.д.

Первые упоминания о нестандартных иероглифах мы можем найти уже в таких словарях, как «Эр я», «Фан янь», Шо вэнь цзе цзы». Так, например, в словаре «Эр я» (III–II вв. до н.э.) содержится большое количество диалектных знаков, которые использовались для записи необычных диалектных слов. По мнению Дж. Нормана, большинство подобных иероглифов относятся к категориям *xingsheng* – фоноидеограммы и *huiyi* – идеограммы. (Следует отметить, что фоноидеограммы – это вообще самые многочисленные знаки китайской письменности, если взять процентное соотношение в словарях, хотя и не самые частотные в текстах). Диалектные знаки образовывались с помощью добавления к известному иероглифу семантического или фонетического показателей (графем) [J.Norman 1988].

В настоящее время иероглифы по-прежнему представлены двумя основными разновидностями – нормативные и ненормативные знаки.

К нормативным иероглифам *чжэнцзы* относятся те, которые являются общеупотребительными на всей территории Китая, входят в словари современного китайского языка, компьютерные программы, используются в современных печатных изданиях. Существует нормативный список иероглифов, которые используются в континентальных изданиях на современном китайском языке, опубликованный в 1988 г. («Сяньдай ханьюй тунъюн цзыбяо»), он включает 7 000 знаков.

Ненормативные знаки можно разделить на две основные группы.

1) Случайно измененные иероглифы (*цоцзы, итицзы*). Изменения графической формы иероглифов первой группы происходят в результате описки, опечатки. Как правило, ошибочные написания иероглифов и разнописи не входят в словари нормативного китайского языка или указаны в скобках с соответствующими обозначениями (только в том случае, если они стали общеупотребительными). Они содержаться в специальных словарях и книгах, например, «Jianming nanzi zidian» (словарь трудных иероглифов). Иероглифы этой группы получили, в частности, широкое распространение в период, последовавший за «культурной революцией», и явились следствием общего падения уровня грамотности в КНР.

2) Намеренно измененные иероглифы, прежде всего дилектные (*фанъяньцзы*). Графическая форма иероглифов второй группы изменяется с помощью добавления или замены графических элементов для записи специфических диалектных слов. Диалектные иероглифы встречаются в разных районах Китая, но в первую очередь характерны для Гонконга (Сянгана) и Тайваня, где сложилась особая ситуация с употреблением нестандартных знаков. Так, например, в Гонконге в сентябре 1999 года консультативный комитет по китайскому языку и правительство Гонконга опубликовали список из 4702 иероглифов, в том числе диалектных, которые имеют хождение на территории Гонконга. На Тайване в последнее время все чаще говорят о письменном тайваньском языке (*тайюй*) и официальном использовании нестандартных диалектных иероглифов.

Некоторые диалектные иероглифы вошли в словари современного нормативного китайского языка – «Xiandai hanyu cidian», «Xinhua zidian», в которых они имеют соответствующие обозначение – 方 *фан*. Диалектными в этих словарях считаются следующие виды знаков.

1) Стандартные иероглифы, которые употребляется для записи не той слогоморфемы, которую они записывают в национальном языке.

2) Некогда стандартные иероглифы, которые зафиксированы в исторических памятниках и словарях, но в настоящее время вышли из употребления в национальном языке.

3) Нестандартные иероглифы, которые не употребляются в современном национальном языке и не зафиксированы в исторических памятниках.

4) Нестандартные иероглифы, которые отсутствуют в национальном языке, но зафиксированы в исторических памятниках как специально изобретенные, ненормативные знаки.

Словарь современного китайского языка «Yingyong hanyu cidian» (Пекин, 2000 г.) дополнительно содержит информацию о диалектах, в которых используются те иероглифы, которые помечены как «фан». Всего в этом словаре собрано около 10.000 иероглифов, из которых 130 знаков помечены как диалектные. Проведенный анализ материалов словаря показывает, что наибольшее количество диалектных иероглифов приходится на диалекты группы *гуаньхуа* (почти 50%), далее идут иероглифы группы У (около 25%) и только затем иероглифы групп Юэ (около 10%), Минь и *хакка* (около 10%).

SUMMARY

From ancient times, in addition to the standard stock of Chinese characters used to write text, there were also a number of non-standard or dialect ones. Such characters had been coined to write words peculiar to various dialects and used to record folk verse and different types of local literature.

Until the present time Chinese script is represented by standard and non-standard characters. The standard characters (zhengzi) are used to write modern standard language and have an official status. Non-standard characters can be subdivided into two groups: characters which had been modified by accident; characters which have been modified on purpose.

On the basis of the analysis of dialect characters contained in the *Yingyong hanyu cidian* (2000 Beijing), it could be seen that it includes 130 dialect characters. Among them, 50% are characters of the *Guanhua* dialects, 25% characters are characters of the *Wu* dialects, 10% are characters of the *Yue* (Cantonese) dialect group, and 10% are characters of the *Minnan* and *Kejia* dialects.

Т.Л. Николаева, г. Москва

ВРЕМЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОРЕЙСКИХ ГЛАСНЫХ И ПРОСОДИЯ СЛОВА

Проблема фонематичных долгот гласных в корейском языке имеет давнюю историю, но все еще остается одной из наименее изученных.

Рассматривая лингвистическую литературу по этой теме, нужно отметить большое внимание к ней в корейском языкознании. Среди работ корейских лингвистов следует назвать работы И Хён Бока, в которых, наряду с констатацией особой важности различения кратких и долгих гласных, обращается внимание на существующую среди молодого поколения корейцев тенденцию употребления кратких гласных вместо долгих. Эту тенденцию на экспериментальном материале подтверждает другой фонетист, Пак Джон Вун [1] показывает, что тенденция сглаживания фонематических различий в долготах гласных носит более глубокий характер, чем предполагалось ранее. Он указывает также на расхождения в существующих словарях по определению долготы гласных в одних и тех же словах.

В работах советских специалистов, занимавшихся корейским языком, данная проблема долгое время не обсуждалась. Например, Е.Д. Поливанов, А.А. Холодович, Л.Р. Зиндер отрицали существование долгих и кратких гласных в системе фонем корейского языка. В работах В.А. Хван Юндуна, Ю.Н. Мазура мы находим лишь некоторые замечания о различии корейских гласных по долготе.

Более подробно проблему рассмотрел Л.Р. Концевич [2]. Им отмечается, что длительность гласных является различительным признаком фонем корейского языка, и замена кратких гласных долгими приводит к затруднению понимания слов. Говорится также, что долгие гласные могут встречаться в словах как исконно корейского происхождения, так и в словах, заимствованных из китайского и западных языков. В статье затрагивается и вопрос происхождения долгих гласных.

Таким образом, на сегодняшний день проблема фонематических долгот в корейском языке остается неясной и требует более тщательного изучения. И, прежде всего, здесь следует выделить два аспекта

проблемы, а именно: аспект фонематической долготы–краткости гласных на сегментном уровне и функционально значимый аспект этих признаков на просодическом уровне корейского слова. Целью нашего обращения к данной теме является попытка получить экспериментальные данные по двум этим взаимосвязанным аспектам проблемы.

Для экспериментальной проверки фонематичности долгих и кратких гласных нами был проведен психолингвистический эксперимент, в ходе которого двум аудиторам-корейцам предлагалось распознать значение слов, различающихся по долготе гласной. Распознавали они слова, начитанные на плёнку дикторами сеульской произносительной нормы, мужчиной и женщиной в возрасте 30–35-и лет. Всего было начитано 53 пары слов ханмунной лексики – 16 пар односложных и 37 пар двусложных слов, одинаковых по сегментному составу, но различающихся по значению в зависимости от долготы гласной. Слова были взяты из примеров, приведенных в работах И Хён Бока [3], [4]. Аудиторами выступали мужчина и женщина в возрасте 30-35 лет, владеющие русским языком.

В первой части эксперимента слова аудиторам были представлены в коррелятивных парах, например:

долгие	**краткие**
па:м ‘каштан’	*пам* ‘ ночь’
мо:ым ‘гласный’	*моым* ‘собрание’

В результате аудирования, несмотря на отмеченную аудиторами трудность распознания значения слов вне контекста, значение большей части слов было распознано правильно. Так, например, из 16-и односложных пар одним аудитором были распознаны правильно 9, значение 3-х пар было опознано неправильно, а в 3-х парах было опознано значение одного слова. Другим аудитором правильно распознано 8 пар, значение 4-х пар опознано неправильно, и в 3-х парах опознано правильно значение одного слова. Остальные слова для аудиторов были непонятны, и их значение распознано не было. Из представленных 37-и пар двусложных слов первым аудитором распознано правильно 15 пар, у 8-и пар значение опознано неправильно, и в 14-и парах опознано значение одного слова. Вторым аудитором правильно опознано значение 16 пар, значение 7 пар опознано непра-

вильно, 9 слов из пар опознано правильно. Остальные слова оказались непонятными и не были распознаны.

Вторая часть эксперимента проводилась спустя некоторое время, и аудиторам предлагалось распознать значение 10 отдельных односложных слов (5 слов с долгим гласным и 5 слов с кратким гласным) и 12 двусложных слов (3 с долгим и 9 слов с кратким гласным), взятых вне пары. Слова для этой части были выбраны из слов, опознанных аудиторами и слов, опознать значение которых в парах для аудиторов оказалось сложным.

В итоге из односложных слов одним аудитором значение 8 слов было опознано верно – 5 слов с долгим гласным и 3 слова с кратким гласным, значение 2 слов, по одному из слов с долгим и кратким гласным, было опознано неправильно. Другим аудитором верно было опознано значение 6 слов – 4 слова с долгой гласной и 2 с краткой, значение 4 слов было опознано неправильно. Из представленных двусложных слов одним аудитором было правильно опознано 10 двусложных слов, не было опознано 1 слово. Другим аудитором 9 слов из двусложных было опознано правильно, 2 слова не опознаны. Следует отметить при этом, что несколько слов, значение которых в парах не было понято, было распознано верно в более сложном случае, когда слова были представлены отдельно, вне пары.

Таким образом, в процентном отношении распознавание значений аудиторами среднего возраста односложных слов составляет ~50% в парах и ~80% вне пар. В двусложных словах это ~58% слов в парах и ~81% слов вне пар. Этот результат в первом приближении подтверждает высказанную ранее некоторыми корейскими лингвистами гипотезу о размывании фонематической функции долгот гласных. Правда, результат получился парадоксальный: в коррелятивных парах аудиторы опознали меньше слов, чем в отдельном их предъявлении (вне пар). Предъявление в парах создало для аудиторов более сложную ситуацию, а именно ситуацию выбора. При отдельном же прослушивании единственной опорой аудитора были акустические характеристики слов, которые оказались более надежными.

Далее мы провели электроакустический анализ слов, чтобы попытаться выяснить какие физические характеристики помогли распо-

знать значения слов или, наоборот, почему слова не были опознаны. Особенно нас интересовали слова, значение которых опознали оба аудитора и слова, значение которых аудиторы опознать не смогли.

Для иллюстрации представляем акустические характеристики, полученные при помощи программы SFS 2.0, односложных слов *и:ль – «работа» и иль – «один»*. Значение слова определяется в зависимости от того, долгая или краткая гласная употреблена в слове. В верхней части рисунка приведена осциллограмма, в нижней – частота основного тона (Гц).

рис.1 и:ль – «работа» – *долгая гласная*

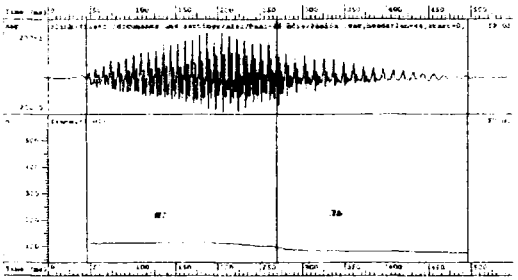
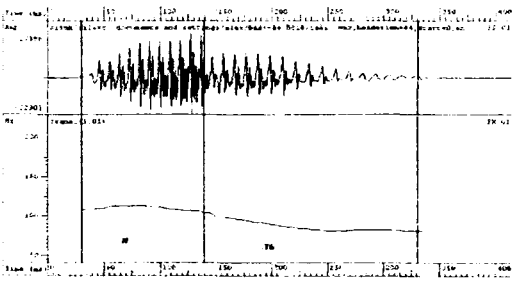


рис.2 иль – «один» – *краткая гласная*



На осциллограммах визуально хорошо видно время звучания гласного *и* в долгом и кратком варианте. Долгая гласная занимает временной отрезок примерно в полтора раза длиннее, чем краткая

гласная. Неудивительно, что аудиторы с легкостью опознали значение этих слов.

Другая пара осциллограмм односложных слов *ма:ль – «язык»*, *маль – «лошадь»*, также иллюстрирует случай правильного опознания значений слов с долгой и краткой гласной и первым и вторым аудиторами.

рис. 1. ма:ль – «язык» – *долгий гласный а:*

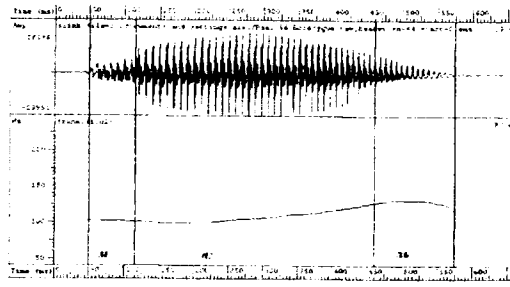
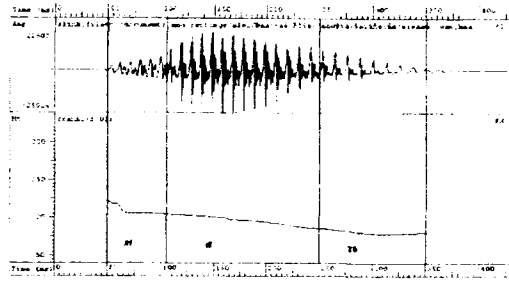


рис. 2. маль – «лошадь» – *краткий гласный а*



Нужно отметить, однако, что в данном случае слова были правильно опознаны, несмотря на примерно одинаковое время их звучания. Произошло это, видимо, потому, что другие акустические характеристики – частота основного тона, амплитуды – в краткой реализации гласного способствовали восприятию данного речевого сигнала в целом как более слабого.

Ниже приводятся осциллограммы слов, значение которых аудиторы опознать верно не смогли.

Рис.3 и 4 – осциллограммы односложных слов пŏ:ль – «пчела», пŏль – «наказание».

рис. 3. пŏ:ль – «пчела» – *долгая гласная ŏ*

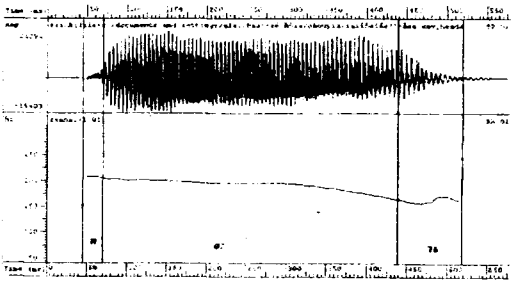
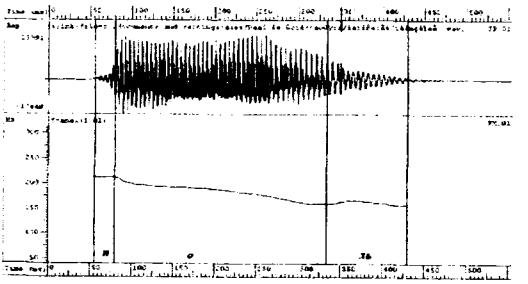


рис. 4. пŏль – «наказание» – *краткая гласная ŏ*



Осциллограммы явно различаются по длительности гласных, и можно было предположить, что значение слов будет легко опознано. Тем не менее, аудиторы не смогли их опознать. Видимо, роль сыграло то, что краткая гласная реализовалась по амплитудам достаточно сильно, и перед аудиторами слова предстали не в сильном (долгая гласная) и слабом (краткая гласная) варианте, а в сильном и сильном их воплощении, что и сбило аудиторов.

В эксперименте нами были использованы односложные слова и слова двусложные, в которых долгие гласные находятся в начальном слоге. Вполне возможно, что слова с долгими гласными в других позициях будут восприниматься по-другому. Это предстоит выяснить с помощью специальных экспериментов.

Помимо проблемы размывания фонематичности долгот гласных многими учеными ставится другая проблема – проблема зависимости позиции выделенного слога от количества его слогов и возможности перемещения выделенного слога при изменении словом своих количественных составляющих. Замечания об этом можно найти в работах Ю.Н. Мазура, В.А. Хван-Юндуна, Л.Р. Концевича. Например, по свидетельству Л.Р. Концевича долгая гласная *о* в односложном слове *то:л «камень»* более протяжен, чем в слове трехсложном *толдоӈ'и «осколок»*.

Для экспериментальной проверки этого положения нами были отобраны 16 слов исконно корейского происхождения (3 однослога, 3 трехслога и 9 двуслогов). Затем эти слова были начитаны диктором-корейцем в соответствии с сеульской произносительной нормой с присоединенными к ним грамматическими формами, которые увеличили количество слогов, на 1–2 слога. Далее аудитору, носителю языка, предлагалось прослушать запись и отметить выделенный, по его мнению, слог (слоги). В итоге слова были подразделены на две группы слов: первая группа – слова, в которых выделенный слог остается выделенным в той же позиции, несмотря на увеличение количества слогов и вторая группа – слова, в которых, по мнению аудитора, произошло перемещение выделенного слога. То есть выделенным стал последующий или следующий за ним слог. Так произошло в 5-и из 9-и двуслогов, во всех отобранных однослогах и в 2-х из 3-х трехслогах. Причем трехслог, в котором, по мнению аудитора, не произошло перемещение ударения, является составным: *ютнори – игра ют*.

Ответы были сопоставлены с данными, полученными при помощи программы SFS 2.0. Несмотря на то, что запись была проанализирована всего одним аудитором, можно говорить, что действительно при увеличении количества слогов происходит перемещение выделенного слога. В качестве иллюстрации приведем осциллограммы двусложного слова *кеми* – «*муравей*».

рис. 5. ***кеми*** *– выделен первый слог*

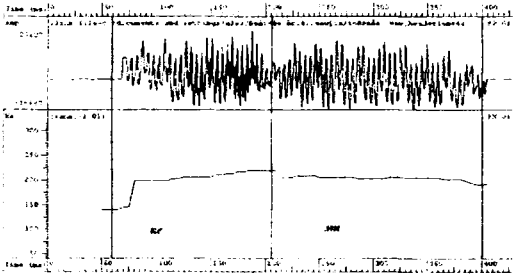
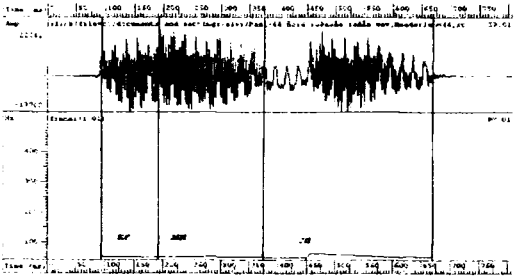


рис.6. ***кемига*** *– выделен последний слог*



В первом случае ***кеми*** – словарная форма слова «муравей». Аудитор признал выделенным первый слог. Во втором случае – ***кемига*** – к начальной форме прибавили окончание именительного падежа, увеличив тем самым количество слогов. В качестве выделенного слога аудитор отметил морфему падежного окончания. Полученные в результате осциллограммы свидетельствуют об изменении просодических характеристик слова: произошло заметное стяжение по времени звучания словарной формы, и на фоне этого стяжения последний слог был воспринят аудитором как выделенный.

Суммируя наши предварительные данные, можно констатировать подтверждение положения, высказанного многими лингвистами, и, в частности, Л.Р. Концевичем об изменении позиции выделенного слога при увеличении их количества.

Подводя итоги проведенных психолингвистических экспериментов, можно сделать следующие выводы. На материале односложных

и двусложных слов с одинаковым сегментным составом, значение которых различается в зависимости от долготы гласных, наблюдается размывание фонематичной функции долготы гласных, по крайней мере, у аудиторов среднего возраста (~30-35 лет), что подтверждается данными как психолингвистических экспериментов, так и электроакустического анализа. Естественно у представителей других возрастных групп фонематичность долгот может проявиться по-иному. Для получения полной картины необходимо провести этот же эксперимент уже с другими возрастными группами, особенно с лицами старшего поколения.

Касательно отмеченной многими лингвистами проблемы подвижности ударения мы можем подтвердить перемещение позиции выделенного слога при увеличении количества слогов. Конечно, необходимо провести этот же эксперимент с большим количеством аудиторов, и попытаться выяснить, какие физические характеристики обеспечивают выделенность слога в другой позиции.

Наши эксперименты, связанные с исследованием эволюции долготного признака, размывания его фонематичности, в конечном итоге преследуют цель выявления роли этого признака в просодическом устройстве слова. Противопоставление долгих и кратких гласных в традиции как бы предопределяло их расстановку по выделенности: долгий слог – более сильный, краткий – менее сильный. В дальнейших экспериментах предстоит выяснить, влияет ли и как влияет утрата фонематичности гласного на просодические характеристики слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Park Jeoung-Woon.* Variation of Vowel Length in Korean // Theoretical issuies in Korean Linguistics / Ed. Young-Key Kim-Renaud. – Philadelphia.
2. *Концевич Л.Р.* Природа фонематической длительности гласных-монофтонгов корейского языка // Корейский язык. – Л., 1978.
3. *Lee Hyong Bok.* Hankukoe Phyojunparym.1998.
4. *Lee Hyong Bok.* Hankuko Phyojunparymsajon. Parym. kangse. ridym. 2002.

SUMMARY

In this article the author observes the problem of phonematic lenght of vowels in Korean and its role in the word's prosody.

Т.Г. Погибенко, г. Москва

СВЯЗКА ТОЖДЕСТВА *кшш* В КХМЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматривается связка *кшш*, которая широко употребляется как в современном кхмерском языке (КЯ), так и в древне-кхмерском (ДКМ). Дается описание функций этой связки и делается вывод, что связка *кшш* выражает отношение тождества, которое может быть как субстанциональным, так и пропозициональным.

1. В КЯ выступают две связки *кшш* и *сіə*, а также их комбинация *кшш сіə*. Связка *кшш* ведет свое происхождение от дейктического местоимения со значением 'этот' 'здесь'. Употребление слова *кшш* в качестве дейктического местоимения еще сохраняется в ДКМ (*gi*). Связка *сіə* происходит от предиката с бытийным значением. В ДКМ *сіə* (*jā*) выступает и как предикативная связка, и как предикат со значениями 'быть, находиться', 'здоровый', в КЯ предикат *сіə* употребляется со значением 'здоровый'. В КЯ и в ДКМ эти две связки имели совершенно разные функции, которые никогда не пересекались, случаи употребления комбинации двух связок, как в КЯ, так и в ДКМ связаны с выражением двух разных функций.

Определение функций связки *сіə* в КЯ трудностей не вызывает. Она имеет две функции: она вводит: а) именное сказуемое, б) адвербиальные группы, чаще всего – с количественным значением, т.е. такие, которые характеризуют ситуацию с точки зрения ее повторяемости или интенсивности, такие как: *сіə сгаəп* 'многочисленный', *сіə лшк лəəу* 'часто', *сіə dрraap* 'постоянно'. В первой функции связка *сіə* может выступать в комбинации с другими элементами, как, например, *tàw сіə* 'становиться' (*tàw* 'идти').

Напротив, определение функции связки *кшш* в КЯ вызывает определенные трудности, если поставить задачу исчисления всех возможных случаев ее употребления. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что в кхмеристике еще не было предложено адекватного и исчерпывающего описания функций связки *кшш*. Исследователи обычно отмечают ее отдельные, при этом далеко не всегда основные или наиболее частотные, функции. Так, например, в Кхмерско-русском словаре она квалифицируется как «неглагольная выделительная связка», там приводятся примеры двух случаев ее

употребления: при перечислении и в так называемых «расщепленных» предложениях (cleft sentences): *kɯɯ kɔ̃ət haəy daɛl baan sɒsee sɒmbot nih* 'Это он написал письмо'. В словаре, изданном Буддийским институтом Камбоджи под руководством Его Преосвященства Чуон Ната, и по сей день остающимся самым авторитетным словарем кхмерского языка, отмечается употребление связки *kɯɯ* при перечислении и в предложениях со сдвинутой ремой, которые строятся не по типу расчлененных предложений, а имеют структуру, характерную для КЯ: *kaa nuh kɯɯ khɲom thvəə* 'Эту работу ↗ я ↘ сделал'. Заслуживает внимания то, как описывается основная функция этой связки: «Употребляется при разъяснении слов, сходных по значению и по содержанию», например: *sɒmraan kɯɯ deek* 'почивать – это спать'. Такая формулировка отражает основное функциональное назначение связки *kɯɯ*, которая в КЯ несет очень большую нагрузку в организации структуры текста.

В КЯ связка *kɯɯ* является связкой тождества, понимаемого не только как субстанциональное тождество, но намного шире: она ставит в соответствие два языковых выражения, описывающих одну и ту же внеязыковую сущность, будь то предмет, ситуация или фрагмент ситуации. Синтаксическая структура предложений тождества может быть различной, но для КЯ характерно то, что все они содержат связку *kɯɯ*. В (логико-)коммуникативной и (логико-)семантической структуре дискурса предложения тождества, содержащие связку *kɯɯ*, могут выполнять функции двух разных типов: функцию идентификации, в частном случае – установления тождества объекта самому себе, и функцию выражения непрямых (косвенных) смыслов, вытекающих из собственно предложений тождества. Второй тип функций лежит на пересечении стилистики, прагматики и семантики.

2. Предложения тождества: идентификация. В функции идентификации предложения тождества используются в двух случаях: поясняющей и уточняющей идентификации [Ср. Шмелев 2002: 187].

Поясняющая идентификация – номинация, являющаяся первым компонентом тождества, не несет достаточного количества информации, которая позволила бы адресату речи локализовать референт в релевантном денотативном пространстве. Номинация, выступающая

в качестве второго компонента утверждения тождества, устраняет неспособность адресата установить референцию.

(1) *kraoy pii cɛn dɒmnaə pii pnom pɛ̀n mɔ̀ok nə̀w maoŋ pram tɪəp plɯɯ kɛ̀e baan mɔ̀ok dɒl khaɛt batdɒmbɒŋ nə̀w prɒmaan cɪə maoŋ bɛy rɔsɪəl haəy baan bɒntɒɒ dɒmnaə cpuh mɔ̀ok kan srok kɒmnaət rɔbɒh kɛ̀e daəl cət nə̀w mɯn cŋaay pii cə̀əŋ pnum krɒpii ponmaan kɯɯ phuum kɒm piiŋ puəy*
'Выехав из Пномпеня в 5 часов как только рассвело, они приехали в Баттамбанг в три часа дня и продолжили свой путь в *родные места*, совсем неподалеку от горы Крапи – (*кшш*) *деревню Кампынгпуой*'. (Конг Пончхиен)

Наиболее распространенным случаем поясняющей идентификации является перечисление после обобщающей номинации. В этом случае отношением тождества связываются обобщающая номинация и совокупность номинаций, раскрывающих ее содержание. Например:

(2) *kɲom baan skɔ̆əl kruəsaa muəy daɛl nɛ̆ək phɒɒŋ tɛ̆əŋ laay kɛ̀e haw kruəsaa nih tɛ̆əŋ ɒh khnɪə buuratiinoo kɯɯ əwpuk kɒɒ buuratiinoo mday kɒɒ buuratiinoo koun kɒɒ buuratiinoo*
'Я знал одно семейство – *всех их* звали Буратино: (*кшш*) *отец Буратино, мать – Буратино, дети – тоже Буратино*' (Толстой)

Несубстанциональное тождество. Поясняющая идентификация производится не только по отношению к объектам, но и по отношению к абстрактным сущностям, ситуациям и фрагментам ситуаций. В этом случае номинация, являющаяся первым компонентом тождества не содержит достаточного количества информации для того, чтобы смысл сообщения был усвоен адресатом в полном объеме. Номинация, выступающая в качестве второго компонента утверждения тождества, устраняет неспособность адресата усвоить смысл в нужном объеме. Приведем пример:

(3) *siəwphə̀w phiəsət sɒmraay nih khɲom baan cap phdaəm sɒɒsee taŋ pii chnam 1960 mɔ̀ɔk kɯɯ kaal dael khɲom nə̀w thvə̀ə cɪə sastraacaa knoŋ anuʔvityɪəlay batdɒmbɒɒŋ nə̀w laəy*
'Книгу «Толкование пословиц» я начал писать *в 1960 году*, (*кшш*) *когда я еще преподавал в колледже*'. (Тав Хинг)

Данное предложение взято из предисловия к книге, где автор объясняет причину, по которой он приступил к ее написанию: в прак-

тике преподавания автор столкнулся с тем, что ученики часто с трудом понимают пословичные выражения своего родного языка. В данном случае номинация «*в 1960 году*» не содержит достаточного количества информации для того, чтобы смысл сообщения был понят адресатом в заданном объеме, поэтому она поясняется номинацией «*когда я еще преподавал в колледже*» через отношение тождества. Предложения тождества, сами по себе, взятые вне структуры дискурса, на первый взгляд, парадоксальны. Зачем, казалось бы, использовать неполную в смысловом отношении номинацию фрагмента ситуации и тут же ставить ей в соответствие другую, восполняющую ее смысл? Однако предложения тождества весьма распространены в естественных языках, потому что они выполняют важную функцию в организации структуры дискурса. Предложения тождества часто бывают более эффективным средством выражения смысла, как в предыдущем примере, где отношением тождества связываются год начала написания книги и характер профессиональной деятельности автора, приходящейся на этот период: «1960 – это год, когда я еще преподавал в колледже». В то время как вне отношения тождества вторая номинация становится придаточным предложением, сообщающим некоторую информацию об авторе, но не о причине написания книги.

Абсолютная не привязанность предложений тождества КЯ к какой-то определенной синтаксической структуре, т.е. то, что связка *кшш* является маркером логико-семантической связи частей высказывания, манифестируется еще тем, что на поверхностно-синтаксическом уровне компоненты предложения тождества допускают определенную асимметричность. Так, например, в предложениях тождества с поясняющим вторым компонентом первая, обобщающая, номинация может быть не представлена на поверхностно-синтаксическом уровне. Например:

(4) *baə sən cɪə kɒt traa tuk prɒhaəl baan mɪuəy sɪəwphàw pèŋ kɯɯ suə taŋ pii ruuŋ pii rɪəm pɪəm tɔnlèe mɛ̀əl tae chaarat cɪə nɛ̌ək praac khaaŋ phuum sah avey mɪuəy*

'[Чхарат отвечал односложно, потому что у него уже язык отсох отвечать, так как его друг приставал к нему с вопросами от самого Пномпеня.] Если *(все это)* записать, наверное вышла бы целая книга, (*кшш*) *так придирчиво выспрашивал он о пещерах, лесах по берегам рек и гаванях*'. (Конг Пончхиен)

Приведем пример, где на поверхностно-синтаксическом уровне не представлена вершина второй номинации:

(5) *cɒŋ kraoy nèy ɒtpə̀ə plɒn rɔbɔh krom nih kɯɯ plɒn nə̀w knoŋ rò̀oŋ caak taayaʔyɪən tii bey ..*
'Последнее дело этой банды – это (*kɯɯ*) ограбление на заводе Тайиен номер три' (букв. 'последнее дело этой банды *kɯɯ* грабить на заводе Тайиен'. (Росмей Кампучия)

Уточняющая идентификация – номинация, являющаяся первым компонентом тождества, несет достаточную информацию, позволяющую адресату локализовать референт в релевантном денотативном пространстве, однако эта локализация является не достаточно полной, поскольку в памяти адресата хранится еще одно «мысленное досье» данного объекта [Шмелев 2002: 187]. Без знания некоторого тождества адресат не способен произвести сопоставление «свойств, признаков, фактов и т.п., данных в непосредственном наблюдении или поступающих по каналам информации, со сведениями или впечатлениями, поступающими из прошлого опыта» [Арутюнова 1998: 11]. В этом случае номинация, выступающая в качестве второго компонента утверждения тождества, устраняет неспособность автора установить тождество объекта самому себе. Приведем примеры:

(6) *cɒp kɒntuy pɪək nih nɪəy croʊc ... kɒɒ ŋɪək mò̀ok suə daoy praɛ tɯk muk srɒh bɒmprɔɔŋ laəŋ viɲ yii aə nih kɯɯ pʔoʊn chaarat mɛɛn tèe chaarat cap pdaəm pɲĕə̀k smaaradey laəŋ viɲ haəy baɛ cɒm khɒm pinɯt muk nɪəy croʊc*
baat kɯɯ khɲom nɯŋ həy
'Как только он это сказал, Нией Чроуч ... обернулся и уже с другим, приятным выражением лица спросил: «Так *это* (*kɯɯ*) *Чхарат*, что ли?»
Чхарат, уже немного придя в себя, обернулся, чтобы рассмотреть лицо Чроча: «Да, *это* (*kɯɯ*) *я* самый.» (Конг Пончхиен)

(7) *krom cao plɒn daɛl poolih cap khluən baan nih kɯɯ cɪə krom cao dɒɒ thom muəy daɛl kɒnlɒɒŋ mò̀ok thlŏəp baan ok lok nə̀w srok ...*
'Банда грабителей, которую поймала полиция, – это (*kɯɯ cɪə*) большая банда, которая в последнее время бесчинствовала в районах ...' (Росмей Кампучия)

К уточняющей идентификации относится и таксономическая идентификация [Шмелев 2002: 189]. В КЯ при таксономической идентификации употребляются предложения тождества в тех случаях, когда смысл сообщения не может быть усвоен в полном объеме без установления принадлежности к таксономическому классу.

Поскольку уточняющая идентификация предполагает обращение к фонду знаний слушающего на момент говорения, постольку составляющим компонентом смысла утверждений тождества становится пресуппозиция говорящего о состоянии знаний слушающего. Что, в свою очередь, может порождать разного рода косвенные смыслы. Рассмотрим пример:

(8) *nàw knoŋ khsaɛ videeoo muəy baan pɔvrɒnaniə thaa phnɔm krɒpàə nih kɯɯ cɪə dɒmnaaŋ aoy saak sɒp aathɔn krɒpàə teevɛə?daa daɛl cɪə botra cɛŋcəm rɔbɔh ɲɪəŋ maaraathii taa kɒhkaɛw nàw knoŋ rɯəŋ ɲɪəŋ rɔmsaay sɒk mɛɛn rɯɯ*
prɒhaəl cɪə iicəŋ haəy prŭəh knɪə kaət mɯn tŏən daɛ
'В одном видеофильме говорилось, что гора Крапи – это (*kɯɯ cɪə*) тело божественного крокодила, приемного сына Маратхи, духа Кохкаев в легенде о девушке с распущенными волосами. Это правда?'
'Возможно так, я ведь тогда еще не родился.' (Конг Пончхиен)

Данное высказывание порождает смыслы, связанные с пресуппозицией ожиданий адресата речи и содержит скрытый императив – дать истинностную оценку данному утверждению тождества. Отсюда и характерный ответ адресата: (букв. 'возможно так, *потому что* я тогда не родился', что является аргументированным отказом давать истинностную оценку.

3. Предложения тождества: косвенные коммуникативные смыслы. Как было показано в работе Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1998], в языке предложения тождества могут использоваться для порождения косвенных коммуникативных смыслов. Например, утверждения типа A = / ≠ B, где A и B суть разные объекты, может выражать смысл «A обладает/не обладает свойствами B», а утверждения типа A ≠ A могут выражать смысл «A не обладает свойствами, которые ожидаются от A». В КЯ тождество тоже используется как средство непрямой номинации. Языковые «манипуляции» с тождеством как фигуры речи нельзя квалифицировать как чисто стилистический при-

ем и связывать только с языковой вариативностью и стилями речи. Они скорее находятся на пересечении стилистики, прагматики и собственно семантики, они служат предпосылкой успешности речевого акта и входят в систему номинативных средств языка, существенно восполняя инвентарь существующих средств там, где косвенное выражение смысла является более эффективным или единственно приемлемым. Языковые манипуляции с тождеством суть порождение парадоксального характера утверждений тождества. Ср. часто цитируемое высказывание Л. Витгенштейна: «Сказать о двух предметах, что они тождественны, бессмысленно, а сказать об одном предмете, что он тождественен самому себе, – значит ничего не сказать». Однако в естественных языках предложения тождества весьма распространены. Многообразие смыслов, порождаемых на базе предложений тождества, напрямую связано с нарушением свойств, предъявляемых к отношению тождества логикой – симметричности, объективности, фактуальности, кореферентности компонентов. Рассмотрим пример:

(9) *doucneh samaacik rŏət saphıə kaa ŋıə rəbəh khluən baan taɛ phıək 62 rəəy ponneh*
kuɯ cıə rɯəŋ tuəy kuə aoy aamah nah prŭəh puək kèe kuɯ cıə nĕək daɛl tɔtuəl prak khaɛ baan craən cıəŋ kèe bɒmphot
'Так что члены парламента выполнили свою работу только на 62 процента.'
'Это постыдный факт, потому что *они* – это (*kuɯ cıə*) *люди, которые получают самую большую зарплату.*' (Росмей Кампучия)

В данном примере нарушено отношение симметричности и кореферентности: здесь под отношение тождества подводятся две разные группы объектов, и нельзя поменять местами компоненты, связанные отношением тождества. Косвенный смысл, порождаемый данной манипуляцией с тождеством, – это оценка свойств, предъявляемых к группе объектов, обозначенных в первом компоненте предложения тождества, тем самым констатируется, что группа лиц «члены парламента» не соответствует предъявляемым к ним требованиям. То, что данная непрямая номинация является более эффективной для успешности речевого акта, очевидно.

4. Предложения тождества: сдвиг ремы. Именно благодаря частому употреблению связки *кшш* в предложениях со сдвигом ремы она часто квалифицируется как выделительная связка. Предложения данного типа описаны в работе [Падучева 1985]. Там, в частности, говорится, что предложения со сдвинутой ремой в русском языке получаются в результате линейно-акцентного преобразования следующего типа: *Иван ее любит* → *Любит ее* ↗ *Иван* ↘. Там же отмечается, что семантическая структура предложений со сдвинутой ремой – это предложение тождества (Тот, кто ее любит, – Иван.). Поэтому совершенно закономерно, что в КЯ в разных синтаксических типах предложений со сдвигом ремы выступает связка тождества *кшш*. Приведем пример, где сдвиг ремы происходит на субъектную ИГ:

(10) *kaa nuh кшш khɲom thvəə* 'Эту работу ↗ я ↘ сделал'.

Предложения со сдвигом ремы в КЯ могут также иметь синтаксическую структуру расщепленных предложений (cleft sentences), представленных во многих языках. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, в расщепленных предложениях «одно из именных выражений, входящих в отношение тождества, является атрибутивной дескрипцией, которая, получив функцию темы, фиксировала свою референцию» [Арутюнова 1998: 291]. В КЯ в расщепленных предложениях связка тождества *кшш* находится при именной группе, на которую происходит сдвиг ремы. Приведем пример:

(11) *haəy pèel daɛl krɒbey vɒət crouc кшш chaaraat nih aeŋ cıə nĕək cuəy krıə crouc dak rətɛh*
'И когда буйвол забодал Кроуча, это (*кшш*) Чхарат помог Чроучу залезть в повозку.' (букв. *кшш* Чхарат был человек, который помог.) (Конг Пончхиен)

В заключение отметим, что ресурс предложений тождества в КЯ обширен и многообразен. Здесь были отмечены далеко не все случаи их употребления. В КЯ языке частота употребления связки тождества *кшш* очень высокая. Так, например, на некоторых страницах романа Конг Пончхиена «Сатанинские цветы» она употребляется в каждом втором предложении.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.

Горгониев Ю.А. Кхмерско-русский словарь. – М., 1984.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М., 1985.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М., 2002.

Вачананукром кхмае [Толковый словарь кхмерского языка]. – Пномпень, 1952–1958.

Конг Пончхиен. Кесарэкул бесач. – Пномпень, 2000.

SUMMARY

The report deals with the copular *кшш* which is widely used in the Khmer and Old Khmer languages. No adequate definition of the function of the copular *кшш* has been proposed so far. The author analyses different uses of *кшш* in Khmer and comes to the conclusion that *кшш* is a copular of identity conceived as both substantional and propositional identity. The semantic structure of sentences containing the copular *кшш* is that of a logical identity notwithstanding their syntactic structure.

Н.К. Поздняков, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Исследование цветообозначений всегда было привилегированной областью лексической семантики. В большинстве языков цветообозначения, наряду с терминами родства, названиями частей тела и числительными, относятся к разряду наиболее компактных, замкнутых лексико-семантических групп, а это означает, что их удобно использовать для верификации самых разнообразных теорий и методов семантического анализа.

Среди многочисленных подходов к описанию цветонаименований выделяются как минимум три вполне независимых направления: культурологическое, психолингвистическое и собственно лингвистическое.

Культурологическое направление предполагает, прежде всего, изучение **символики** цвета в традиционной культуре. Это важно от-

метить, потому что подавляющее большинство работ по цветообозначениям в китайском языке (в том числе и в отечественной китаистике) посвящены именно символике цвета: в них рассматриваются соответствия между цветами, числами, сторонами света, природными явлениями, элементами пищи, животными и другими рядами классических пропорций китайской культурной традиции.

Психолингвистическое направление изучения цветообозначений включает, как правило, разнообразные эксперименты в области индивидуального восприятия слов, обозначающих цвет, и их последующее обобщение, позволяющее выделять устойчивые особенности восприятия в рамках половозрастных, социальных и этнических групп, а также в культуре в целом.

В рамках **лингвистического** направления исследования цветообозначений разнообразие теоретических подходов и методик описания особенно велико. Для большинства лингвистических работ в соответствующей области китаистики характерен контрастивный подход: сопоставляются цветообозначения в китайском и японском (немецком, английском и т. п. языках). Работ же, посвященных системному описанию наименований цвета в собственно китайском языке, практически нет, если не считать нескольких (достаточно полных) словарных списков цветонаименований, не претендующих на детальное описание их семантики. Не существует ни одного монографического исследования семантики цветонаименований в китайском языке не только в европейской китаистике, но и в КНР и на Тайване. Между тем, детальный анализ семантики китайских наименований цвета представляет несомненный интерес для теории описания цветообозначений уже потому, что «палитра» китайского языка исключительно богата: в отличие от сотен языков, в которых «языковой спектр» ограничен двумя-тремя «базовыми» цветами, в китайском языке их не менее трехсот.[1]

---

[1] В общий список цветообозначений мы не включаем составные слова, образованные путем соединения двух самостоятельных цветообозначений (например: 红紫 (hongzi) – «красно-фиолетовый»), так как список подобных цветообозначений является открытым и предполагает огромное количество комбинаций.

В докладе обсуждаются теоретические подходы к анализу семантики цветонаименований в китайском языке и предварительные результаты, полученные в ходе проведенного исследования.

Чем различается семантика десятков синонимов для обозначения белого или черного цвета? Зачем языку иметь 50 наименований для белого цвета, в то время как многие языки обходятся одним-двумя терминами? Как наиболее эффективно исследовать их глубинную семантику? – Эти вопросы, насколько мне известно, не только не исследованы, но и не ставились в китаистике. Между тем, именно они, возможно, являются ключевыми в исследовании цветонаименований в китайском языке.

По целому ряду обстоятельств, доминирующий до недавнего времени «физический» подход к изучению семантики цветонаименований (анализ соответствия семантики слов цветовому спектру, длине и относительной интенсивности волн) представляется наименее удачным для исследования обозначенных выше проблем. Анализ проводился в русле идей когнитивной семантики, сформулированных в последние десятилетия. Данные китайского языка, как и данные, полученные во многих других языках, подтверждают связь цветовых концептов, прежде всего, с определенным элементами человеческого опыта, такими как «день», «ночь», «солнце», «огонь», «растительность», «небо», «земля», «вода», «минералы» и др. Построение фразы связано с определенным «культурным сценарием», а выбор и употребление слова, в частности цветонаименования, – с активизацией определенного «референтного образца», определенного концепта, с которым соотнесено значение слова, например, «как небо» для русского слова *голубой* или «как ночь» для русского слова *черный*.

Критерии выбора таких образцов не выяснены, – в теоретических работах по когнитивистике высказываются самые разные мнения по этому вопросу. Но перспективность этого подхода к исследованию китайских цветонаименований представляется очевидной уже потому, что в семантике большинства из них действительно прозрачно проявляются такие референтные образцы.

Очевидно, что данные, имеющиеся даже в самых полных словарях китайского языка, недостаточны для исследования семантики цветонаименований. Общеязыковые словари не ориентированы на

выявление референтных образцов. Не дифференцируются в них и оттенки внутри синонимических рядов. И, наконец, в словарях, как правило, отсутствует информация о контекстных ограничениях, налагаемых на употребления того или иного цветообозначения. Так, например, опираясь на словарные данные, невозможно было бы установить, что большая группа цветообозначений связана исключительно с характеристикой внешности человека.

Наиболее перспективным в этом плане представляется системное исследование контекстных употреблений цветонаименования в литературных текстах. В качестве базы исследования был использован специально составленный и обработанный корпус текстов китайской художественной литературы XX в., включающий приблизительно 12 миллионов иероглифов. В корпус текстов были включены многочисленные художественные произведения 30-и наиболее известных китайских авторов XX в.

Анализ цветообозначений, встретившихся в этих текстах, дает нам достаточно полную информацию как о семантических особенностях цветообозначений, так и о контекстных ограничениях, налагаемых на их употребление. Так, например, согласно нашим материалам, слово 铁青 (tieqing) – «черный (темный) как железо» может обозначать только цвет лица разгневанного человека; слово 蜡黄 (lahuang) – «желтый как воск» обозначает только цвет кожи больного человека; слово 土色 (tuse) – «цвет земли, землистый» – цвет лица испуганного человека, а слово 米色 (mise) – «цвет риса, бежевый» – цвет одежды (ткани).

Анализ использования китайских цветообозначений в художественной литературе подтверждает общетеоретические положения лексической семантики последних десятилетий: глубинная семантика цветообозначений в значительной степени определяется устойчивым **референтным образцом**, или **прототипом,** который закреплен в коллективном языковом сознании говорящих. Такой референтный образец определяет, что **имеет в виду** (формулировка А. Вежбицкой) носитель языка, употребляя то или иное цветообозначение. Наш материал позволяет построить систему референтных образцов, или прототипов, проявляющихся в китайском языковом сознании. Так, например, референтным образцом слова 漆黑 (qihei), налагающим

определенные ограничения на его сочетаемость, является «черный лак», что определяет отличия в характере его использования по сравнению со словом 葱绿 (congluu), референтным образцом которого является «зеленый лук». Употребление некоторых китайских цветообозначений позволяет предположить, что за ними может быть закреплено несколько референтных образцов. Так, слово 烟色 (yanse) имеет в качестве прототипов: а) «дым»; б) «копоть».

Данные, полученные при анализе цветообозначений в текстах современной китайской художественной литературы, позволяют выявить интересный общий семантический признак, характеризующий китайские цветообозначения в целом: в употреблении большинства из них проявляется модальный, оценочный компонент значения – цветообозначения бывают «хорошие» и «плохие», то есть прямо связаны с позитивным или негативным отношением говорящего к характеризуемому предмету или явлению. Возможно, что выбор того или иного цветообозначения из ряда синонимичных слов и является одним из основных литературных приемов для проявления авторского отношения к предмету. Так, например, слова: 皙白 (xibai) – «белый, белокожий» (о теле), 黧黑 (lihei) – «черный, загорелый» (о коже), 铁青 (tieqing) – «черный (темный) как железо» – (о лице) придают словосочетанию значение отрицательной оценки, а слова: 碧 (bi) – «бирюзовый» (о воде), 樱色 (yingse) – «вишнёвый» (о губах), 桃花色 (taohuase) – «как цветы персика» (о щеках, облаках) – имеют положительную модальность.

Важно, что оценочные компоненты значения цветонаименований не сводятся к бинарному противопоставлению «хороший» – «плохой»: собранные материалы позволяют заключить, что эти «модальные» компоненты значений чрезвычайно разноплановы и имеют сложную иерархию. Так, например, в группе слов со значением «белый» позитивный оценочный компонент у слова 粉白 (fenbai) «белый» (о коже) включает сему «благородный»; у слова 皓 (hao) – «белый» (о зубах) – сему «красивый»; у слова 鹤 (he) «седой как журавль» (о волосах) – сему «пожилой» (одним из референтных образцов является здесь старец, убеленный сединами, что и формирует значение положительной оценки в контексте традиционного уважения китайцев к старческим сединам); у слова 洁白 (jiebai) «белый,

чистый» (например, о душе) – сему «незапятнанный», «добродетельный» и т. д.

Примеры конкретных употреблений цветообозначений в художественных текстах позволяют сделать общий вывод и об их важной стилистической роли: в китайской литературе цветообозначения, по-видимому, относятся к ключевым элементам индивидуального авторского стиля.

Анализ современных художественных текстов позволяет судить о некоторых дополнительных характеристиках, например о частоте употребления тех или иных цветообозначений, а также высказать предположения об изменениях в употреблении цветообозначений в китайском языке XX столетия: более половины представленных в словарях слов, обозначающих цвет, ни разу не встретились в большом корпусе современных китайских романов, рассказов и стихотворений, что, по крайней мере, свидетельствует об их крайне низкой частоте употребления в современном языке, где они, возможно, должны быть отнесены к числу устаревших.

И, наконец, именно контекст употребления цветонаименований является основой для уточнения их лексикографического описания: выявляются их новые значения и оттенки значений, не включенные в словари, уточняется последовательность подачи значений в словарной статье, определяется специфика их сочетаемости с другими словами. Эти данные могут быть включены в лексикографические источники. Они имеют очевидное прикладное значение, поскольку при переводе могут играть ключевую роль в выборе того или иного цветообозначения из ряда синонимов.

Выявление оценочных компонентов значений, определение референтных образцов, семантических особенностей цветообозначений и контекстных ограничений, связанных с их употреблением, являются важными элементами реконструкции китайской языковой картины мира.

Л.А. Покатилова, г. Томск

ЯЗЫК И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В современном мире, где большое значение приобрела межкультурная коммуникация, важно помнить о том, что культура каждого народа имеет свои особенности, которые влияют на восприятие окружающего мира его представителями. Каждый язык создает свою языковую картину мира, отражает свое видение мира через призму национальной психологии. Национальная психология – это психология людей, принадлежащих к одной национальности. Национальная психология охватывает чувства народа, представление о ценностях, понимание морали, эстетическую психологию народа, религиозные убеждения, образ мыслей, национальный характер и т.д. Национальная психология акцентирует внимание на особенностях психологии народа в целом, а не каждого его представителя в отдельности. В данной статье под «национальной психологией» подразумевается «психология народа государства», то есть имеются в виду универсальные психологические особенности, относящиеся к народу каждой национальности КНР.

Язык порождается обществом. Поэтому каждый уровень системы знаков языка, включая фонетику, грамматику, семантику, тесно связан с определенной общественной культурой, с общественным сознанием и, конечно же, с национальной психологией. Поясним это утверждение с помощью конкретных примеров.

В 1998 году при выборе названия для обозначения официально введенной в употребление единой европейской валюты представители государств-членов Евросоюза столкнулись с определенными трудностями. Новая валюта имела аббревиатуру «ECU», созвучную с французским словом «щит» – символом надежности и защищенности. Президент Франции предложил оставить это название, но выяснилось, что у него было очень мало сторонников среди представителей других государств. Возражали немцы, так как в немецком языке слово «экю» похоже на слово «корова», к тому же «экю» символизирует обесценивание, так как во время кризиса европейской валюты с 1992

по 1993 г. экю по отношению к немецкой марке обесценился на 40%, вдобавок «экю» является названием старой французской валюты. Премьер-министр Великобритании предложил название «дукат» или «флорин», но голландцы были против, так как написание слова «флорин» было точно такое же, как на щите голландцев. Французы также не согласились с таким названием. После этого премьер-министр Испании Гонсалес предложил название «евро» и всем понравилась эта идея, так как название «евро» состоит из начальных букв слова Европа, т.е. оно не вызывает ассоциации с определенной европейской страной, но включает в себя идею единства Европы. Однако возражали греки, так как по-гречески «евро» звучит как «моча», и, в конце концов, представители государств остановились на том, что не стали печатать на банкнотах «евро» греческими буквами.

Почему выбор названия для евро проходил с такими трудностями? Причиной является тесная связь между языком и национальной психологией. Слова с одинаковым звучанием обладают различным смыслом для людей с различным культурным фоном.

Китайский язык представляется нам особенно интересным для изучения с точки зрения связи с национальной психологией. Китайский язык – тональный язык, в нем особенно много омонимов и слов со сходным звучанием. Совпадение или сходство звучания слов способствует возникновению звуковых ассоциаций, в связи с чем могут возникать определенные неудобства, легко появляются ошибочные толкования, особенно в процессе межкультурной коммуникации. Например, один иностранный друг подарил китайскому учителю будильник. Хотя друг вкладывал в подарок хороший смысл, но китайский учитель никогда не пользовался этим будильником. Почему же? Потому что выражения 送闹钟 – «дарить будильник» или 送钟 – «дарить часы» могут непреднамеренно вызвать у человека ассоциацию с 送终 – «дарить смерть», т.е. 送葬 – «хоронить». Почему возникают такие звуковые ассоциации? Потому что фонетика китайского языка тесно связана с психологией китайского народа. Другой пример: в роду одного художника одногодки получили имена Жо Цин 若勤, Жо Чэн 若诚 , Жо Цун 若聪, Жо Ши 若识 и Жо Чжи 若智. Ни у одного из них не возникало проблем, связанных с их именами, кроме Жо Чжи, чье имя легко вызывало у людей ассоциацию со слабоумием. «Жо

Чжи» 若智 может быть истолковано как «с виду имеющий разум в изобилии» или «умный человек», а 弱智 (имеющее одинаковое чтение с 若智) означает «слабоумный». Эти два слова имеют противоположный смысл. Имя Жо Чжи 若智 появилось в 30-х гг. XX века, когда еще не существовало слова 弱智 «слабоумный». Позже, с появлением этого слова, имя Жо Чжи стало неизбежно вызывать такого рода ассоциации. Не вызывает сомнения то, что ассоциации по звуковым совпадениям или сходствам действительно широко распространены в китайском языке.

Ассоциации по фонетическому сходству и национальная психология также тесно связаны с историей и культурой каждого народа. Во время династии Сун существовали следующие народные напевы: «打破筒，泼了菜，便是人间好世界» – «сломай трубу, полей овощи, и люди станут жить мирно». Здесь "筒" и "菜" по звучанию похожи на 童 и 蔡, т.е. на имена 童贯 Тун Гуаня и 蔡京 Цай Цзина – чиновников, принесших много зла государству и народу. Смысл песни в том, что "打倒了童贯和蔡京，老百姓就能过上好日子" (свергнув Тун Гуаня и Цай Цзина, простой народ стал жить хорошо). Императора династии Мин Цзя Цзина 嘉靖 люди называли "家净" в смысле "败家子", что можно перевести как «расточитель семейного добра» или «сын-транжир». Императора 崇祯 Чун Чжэна называли 重征 – «много собирающий налоги», имея в виду, что он душил налогами и поборами простой народ. В 40-е гг. XX века в провинции Шаньси существовала народная песня со следующими словами: "打破盐钵子，捣烂酱罐子，百姓才有好日子。" – «разбить солонку, раздолбить бочонок из-под соевой пасты, и только тогда простой народ будет жить хорошо». Здесь 盐 – «соль» и 酱 – «соевая паста» по звучанию напоминают 阎 и 蒋, т.е. имена 阎锡山 Янь Сишаня и 蒋介石 Чан Кайши. Смысл песни в том, что «только свергнув Янь Сишаня и Чан Кайши, народ будет жить хорошо». В середине 70-х гг. XX века на площади Тяньаньмынь прозвучало стихотворение «向总理请示» (обращение к премьер-министру): "黄浦江上有座桥， 江桥腐朽已动摇。江桥摇，眼看要垮掉， 请指示， 是拆还是烧？"

Его можно перевести следующим образом:

У дельты реки Хуанпу стоит мост,
Мост сгнил и шатается,

Мост колеблется, вот-вот обвалится.
Пожалуйста, наставьте нас – сломать его или сжечь?

Здесь словосочетание «江桥摇» примечательно тем, что входящие в него слова созвучны с некоторыми составляющими имён 江青、张春桥 и 姚文元. Очевидно, что эта фраза вызывает ассоциации, тесно связанные с определенными периодами китайской истории и историческими личностями. Не зная китайской истории и культуры, трудно понять смысл стихотворения.

Кроме того, в китайском языке существуют особенно уважаемые, «счастливые» сочетания звуков, что также имеет отношение к связи между языком и национальной психологией. В китайском районе Внутренняя Монголия есть дикорастущее растение 发菜 фацай. Так как оно по форме напоминает волосы на голове человека, оно так и называется 头发菜 «волосяное растение». Так как 发菜 «фацай» по звучанию сходно с 发财 – «разбогатеть», это заставляет китайцев, желающих разбогатеть, питать особое пристрастие к этому растению. Особенно же его любят в провинции Гуандун. Там один цзинь фацая стоит несколько сотен юаней. В провинции Ганьсу и Внутренней Монголии некоторые крестьяне, чтобы разбогатеть, в больших количествах выкапывают фацай. Так как фацай растет у корней кормовых трав, то чтобы собрать один пучок фацая, нужно вырвать один пучок кормовой травы, что серьезно навредило кормовым полям Дамо во Внутренней Монголии, превратив их в пустыни. Кроме того, в городе Гуйян провинции Гуйчжоу в народе выражение 拾柴 – «собирать дрова» фонетически ассоциировалось с выражением 拾财 – «собирать деньги», что привело к тому, что многие люди отламывали ветки деревьев, в результате это также повлекло за собой ухудшение состояния окружающей среды.

Почему происходят такого рода явления? Дело в том, что существует связь между языком и национальной психологией. Омонимия приводит к фонетическим ассоциациям, а затем к ассоциациям значений. Отсюда и происходит культ «счастливых звукосочетаний», тем самым, приводя к подобным происшествиям. На самом деле, по мнению специалистов, фацай вовсе не имеет питательных или целебных свойств. Причиной этого феномена в большей степени является по-

клонение «счастливым» звукосочетаниям. Этот феномен отражает свойственную китайскому народу психологию надежды на счастье.

К почитанию «счастливых» звукосочетаний также можно отнести поклонение «счастливым» числам, которое проявляется в восприятии китайцами номеров машин, домов, телефонов, мобильных телефонов, этажей и т.д. Например, управление телефонной связью города Чунцин продало за 50000 юаней номер сотового телефона 901168, т.к. на Чунцинском диалекте «168» звучит также как «быть всегда богатым». В Шанхае номер машины «20518» был продан на аукционе за 320000 юаней так как «518» на шанхайском диалекте звучит, как «я разбогатею» или «я буду богатым или продвинусь по служебной лестнице». Кроме того, некоторые учреждения выбирают номер телефона по звуковому сходству. Например, номер телефона шанхайского такси «2580000», что на шанхайском диалекте означает «дайте мне заполучить денежную сумму с четырьмя нулями». А номер шанхайского филиала компании Митсубиси, занимающегося продажей лифтов, «4303030», что звучит как «Митсубиси, Митсубиси, Митсубиси», что стало рекламой этой фирмы. Такого рода явления также основаны на связи между языком и национальной психологией.

Сами по себе цифры вовсе не имеют значения дороговизны или дешевизны, высоты или низости. Только потому, что их названия на путунхуа или диалектах китайского языка по звучанию идентичны или близки с некоторыми словами, они получили определенную ценность. Например «8» означает «разбогатеть», «9» – «долгий», «5» – «я, мой», «1» – «нужно, должен». Эти числа в соответствии с психологией суеверий или почитания стали обозначать удачу и богатство. Звучание числа «8» сходно с «разбогатеть», «9» сходно со словом «долгий», т.е. «долгие годы жизни, постоянный бизнес». Толкование этих чисел внушает людям надежду на развитие бизнеса, богатую жизнь, долгий брак, что тесно связано с психологией стремления к вечному богатству. Конечно, соответствие цифры 5 и «я», 1 и «нужно» сформировалось в разговорном языке. Сами по себе эти цифры не содержат значения счастливого предзнаменования, исполнения желания или богатства. Еще один пример: так как числа в китайском языке связаны фонетическим сходством с определенными словами, то они приобретают значения символов. «0» означает «你», «1» – «要», «2» –

«爱、啊», «3» – «想、相、生», «4» – «死、使», «5» – «我、无、往», «6» – «念、了、啦», «7» – «亲、其、气», «8» – «法、发、不、别、辈», «9» – «就、久、走». Молодежь использует эти символические цифры для построения определенных фраз, связанных с выражением чувств. Например, «345» означает «непрестанно думать друг о друге» 相思苦, «246437» означает «любовь так волшебна» 爱是如此神奇. Хотя это всего лишь игра чисел, но она основана на связи между звучанием числа и звучанием других слов в китайском языке.

В китайском языке связь фонетики и национальной психологии имеет богатую культурную традицию. От императоров древности до современных крестьян – все в той или иной степени подвержены фонетическим предрассудкам. Семьи древних китайских императоров использовали число «9» как основную формирующую единицу в строительстве. Например, число ступеней, колонн в галереях, этажей в Храме Неба 天坛 в Пекине и других дворцах равно либо кратно 9, что означает «на веки вечные»天长地久 («9» по-китайски звучит так же, как и "вечный"), т.е. тоже используется звуковое сходство. Например, построенная во времена династии Мин стена, окружающая Пекин, имеет 9 ворот, а число построек в Императорском Запретном Городе равно 9999, в башне Тяньаньмынь 9 колонн, на воротах императорского дворца гвозди забиты в девять рядов вдоль и поперёк, на званом обеде в императорской семье было 99 блюд и т.д.

Лучше называть эти явления не поклонением или суевериями, а особой культурой, формировавшейся долгое время и ставшей неотъемлемой частью жизни каждого китайца. Эта культура имеет массовый характер, имеет отношение к каждой сфере повседневной жизни общества. Если простой человек отправляется в дальнюю поездку, женится, кроет крышу дома, устанавливает телефон, выбирает номер сотового и даже едет куда-то на машине, в любом случае он обращает внимание на то, что сулит выбранный день, номер телефона, номер машины. Например, некоторые фирмы, занимающиеся продажей сотовых телефонов, устанавливая цену, учитывают связь между звучанием номера и национальной психологией. Цена на номера, содержащие «1», «8», «9» и другие счастливые числа, высокая, так как на них фирма может заработать, а номера с «несчастливым» числом «4» приносят убыток, т.к. «4» по звучанию похоже на «смерть», поэтому

клиенты не хотят покупать номера с этой цифрой, и фирме ничего не остается, как терпеть убытки. Другой пример: один человек не согласился устанавливать телефон, в номере которого были цифры «1414», потому что это сочетание созвучно с «должен умереть, должен умереть», что является плохим предзнаменованием. При совершении поездок также происходят подобные события. Некоторые китайцы не соглашаются сесть в такси, увидев, что в номере машины есть цифра «4», а увидев номер машины с цифрой «8», обязательно садятся. Конечно, вовсе не факт, что существует связь между номером машины и автокатастрофами и прочими несчастьями, но по давней культурной традиции, люди в душе связывают удачу и «счастливые» числа. Эта связь между числами и национальной психологией не может полностью исчезнуть. Она имеет значение в реальной жизни. Примером тому служит то, что при выборе номера телефона люди платят за «счастливые» номера.

Суммируя изложенное выше, можно сделать вывод, что язык тесно связан с национальной психологией. И фонетика, и семантика в разной степени преломляют спектр национальной психологии. Эта взаимосвязь имеет важную практическую ценность и при общении на том же культурном фоне, и в ходе межкультурной коммуникации. Поэтому необходимо обращать должное внимание на связь языка и национальной психологии, шаг за шагом детально исследовать ее.

ЛИТЕРАТУРА

陈汝东，《民族心理视角下的语言及其运用》/暨南大学华文学院学报，暨南大学华文学院，2001 年。

SUMMARY

National psychology is a psychology of people belonging to one nationality. It does not only influence on the building of the system of the language and its development but at the same time it influences on its function. This article analyses the connection between national psychology and language, studies the relation of national psychology with phonetics and semantics and analyses how these connections influence on the language and even on the real life of people.

Б.В. Поспелов, г. Москва

СЛОГОВЫЕ ТОНЫ И ФОРМАНТНАЯ СТРУКТУРА ВЬЕТНАМСКИХ ГЛАСНЫХ

Изучение фонетики вьетнамского языка в России началось сравнительно недавно и представляет интерес как малоизученная область. В начале оно строилось преимущественно на артикуляторном уровне [Гордина, Быстров 1984]. Первой научной работой, которая исследовала акустическую структуру тонов и самих гласных, можно считать диссертацию Нгуена Хая Зыонга [1963]. В данной и последующих работах даётся достаточно полная характеристика тональной системы, но в исследовании свойств гласных звуков упущен, как нам представляется, один немаловажный аспект: зависимость качества гласного от тона, в котором он реализован.

Необходимо отметить, что этот аспект вьетнамской фонетической системы всё же упоминается в работах некоторых исследователей, но одни считают, что присутствие конкретного тона не влияет на качество гласного звука, а другие придерживаются противоположного мнения. Таким образом, отсутствие единого, чёткого, научно и экспериментально обоснованного решения этой проблемы оставляет вопрос открытым.

Всё вышесказанное и определяет цель настоящей работы – ответ на вопросы:

1. Влияет ли тональная характеристика, представленная совокупностью слоговых тонов, на качество гласных?

2. Если влияет, то прослеживается ли в этом влиянии определённая закономерность?

При планировании данного исследования предполагалось использование методов и средств экспериментальной фонетики. Вначале необходимо было определиться: что подразумевать под "качеством" гласного звука? Можно, например, под этим термином подразумевать его артикуляцию. Однако, учитывая, что слуховой аппарат воспринимает именно акустические свойства звука, под "качеством" гласного логичнее понимать его формантную структуру, поскольку она, в основном, определяет тембр и лингвистический статус самой фонемы.

Известно, что акустическими параметрами форманты являются её частота, амплитуда и ширина, причём для решения поставленных вопросов частота является наиболее важной характеристикой [Попелов 2000]. Сама методика исследования состояла в следующем:

1. отбор речевого материала;
2. запись отобранных гласных вьетнамского языка для каждого из 6-ти стандартных тонов;
3. обработка полученной записи компьютерной программой PRAAT, позволяющей получать текущие и средние значения формантных частот для каждого гласного звука;
4. выбор в формантной структуре каждой реализации трёх первых формант, причём частота каждой форманты определялась как среднее арифметическое текущих значений по вокалическому сегменту;
5. т.о., для каждого звука и каждого тона имелось 6 значений формантной частоты по каждой из 3-х формант, т.е. 18 отсчётов.

В качестве материала для записи были отобраны три гласных звука вьетнамского языка: / i /, / a /, / u / как наиболее контрастные, находящиеся в вершинах так называемого "фонетического треугольника". При этом оказывались учтёнными звуки всех возможных рядов по артикуляционному признаку: / i / – самый закрытый гласный переднего ряда; / a / - самый открытый звук среднего ряда; / u / – самый закрытый звук заднего ряда, являющийся, к тому же, наиболее глубоким и максимально огубленным гласным. Таким образом, для анализа и обобщения в целом были использованы 18*3=54 реализации формантных частот. Соответствующие цифровые данные представлены в виде таблиц.

В частности, в таблице 1, состоящей из трёх частей (верхней, средней и нижней), представлены частоты трёх формант – F1, F2, F3 (Гц) по каждому тону, соответствующие им линейные отклонения – L1, L2, L3 (%), средние значения формантных частот и отклонений – Ср., средние частоты формантной структуры Фс для каждого тона и соответствующие им линейные отклонения Ло, а также средняя частота и линейное отклонение по парадигме тонов у каждого звука.

Таблица 1.

	F1(Гц)	L1(%)	F2(Гц)	L2(%)	F3(Гц)	L3(%)	Фс(Гц)	Ло(%)
i 1	486	8,6	2574	4,4	3259	0,06	2106	2,4
i	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
i 6	465	4,5	2639	1,9	3139	3,9	2081	3,1
Ср.	444	8,7	2688	2	3261	1,9	2130	2,4
a 1	1061	7,2	1923	15	3197	2,2	2060	7
a	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
a 6	863	14,1	1502	8,8	2900	7,8	1755	9,1
Ср.	985	7,7	1634	8	3128	3,6	1916	6
u 1	548	18,2	1253	11,8	3209	3,3	1670	5,1
u	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....	.....
u 6	486	6,2	1211	8,8	3072	1	1589	3,9
Ср.	448	11,8	1105	9,2	3103	2,4	1551	4,7

Каждая часть таблицы относится к определённому звуку. Верхняя часть – к звуку / i /, средняя часть – к звуку / a /, нижняя часть – к звуку / u /. В первом столбце каждой части указаны номера стандартных слоговых тонов вьетнамского языка. Во втором столбце – значения частоты первой форманты F1(Гц) для каждого тона. В третьем столбце – значения относительного линейного отклонения формантной частоты от среднего по парадигме тонов, указанного в последней строке второго столбца:

$$L1=(F1-Fcp)/Fcp*100\%$$

В четвёртом столбце представлены значения второй формантной частоты F2(Гц) для каждого тона и среднее значение по 6-ти тонам. В пятом столбце указаны значения относительного линейного отклонения L2 (%) частоты второй форманты и среднее значение – Iср по всем тонам. В шестом и седьмом столбцах размещены значения частоты третьей форманты F3(Гц) по каждому тону и относительного линейного отклонения L3(%) и их средние значения по всем тонам.

В восьмом столбце для каждого тона представлено значение частоты формантной структуры Фс звука в целом, определяемое усреднением по всем формантам, а в последней строке – среднее её значение по всем тонам для соответствующего звука. Наконец, в девятом

столбце для каждого тона указано значение относительного линейного отклонения Ло частоты формантной структуры от среднего значения, размещённого в последней строке столбца.

Таким образом, если данные первых 6-ти строк определяют влияние отдельных конкретных тонов на формантную частоту звука, частоту его формантной структуры в целом и соответствующие линейные отклонения, то данные последней 7-ой строки определяют воздействие тональности в общем на частоту отдельных формант, формантной структуры звука и величину соответствующих линейных отклонений. Степень влияния конкретного тона и тональности в целом на частоту формант и формантной структуры определяется величиной относительного линейного отклонения L.

Анализ данных таблицы 1 позволяет сделать определённые выводы.

Звук / I /. Максимальное влияние на частоту первой форманты оказывает нисходяще-восходящий тон (5), на частоту второй форманты – ровный тон (1), а на частоту третьей форманты – восходящий тон (2). Степень влияния тональности в целом снижается с увеличением порядкового номера форманты. В наибольшей степени на частоту формантной структуры воздействует восходящий тон.

Звук / A /. Максимальное влияние на частоту первой форманты оказывает тяжёлый тон (6), на частоту второй форманты – ровный тон и на частоту третьей форманты – по-прежнему тяжёлый тон. Степень влияния тональности в целом снижается с увеличением порядкового номера форманты. В наибольшей степени на частоту формантной структуры влияет тяжёлый тон.

Звук / U /. Наибольшее воздействие на частоту первой, второй и третьей форманты оказывает восходящий тон (2). Степень влияния тональности в целом снижается с ростом порядкового номера форманты. Более всего на частоту формантной структуры воздействует тот же самый восходящий тон.

Таким образом, нельзя сделать вывод, что на все форманты каждого гласного однозначно влияет какой-либо определённый тон или тоны. В целом влияние тонов и тональности на разные форманты и формантную структуру у различных гласных индивидуально. Например, под воздействием тональности частота первой форманты макси-

мально изменяется у звука / u /, частота второй форманты – у того же гласного, а частота третьей форманты – у звука / a /. В наибольшей степени тональность изменяет среднюю частоту формантной структуры гласного / a /. Более всего тональность изменяет частоту первой форманты, затем – второй и, наконец – третьей. Эта закономерность наблюдается для всех трёх гласных.

В таблице 2 содержатся показатели влияния общезвуковой тональности на частоту трёх формант и формантной структуры в среднем для всех рассмотренных гласных. Выше отмечалось, что таким показателем является относительное линейное отклонение L.

Таблица 2.

	L1(%)	L2(%)	L3(%)	Фс(%)
Ср.	9,2	6,4	2,6	4,4

Таким образом, максимальное влияние общезвуковая тональность оказывает на частоту первой форманты, а с увеличением порядкового номера форманты это влияние ослабевает, что совпадает с закономерностью, обнаруженной для отдельных гласных звуков.

Показатель среднего относительного линейного отклонения частоты формантной структуры по всем звукам является наиболее важным, так как именно он позволяет в целом оценить влияние тональной характеристики на качество гласных. Из таблицы 2 следует, что это влияние, в общем, невелико и составляет 4,4% от частоты общезвуковой структуры, равной 1865 Гц, т.е. всего 82 Гц.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. частота каждой из трёх формант у наиболее контрастных вьетнамских гласных меняется под воздействием слоговых тонов тем или иным образом;
2. это влияние неодинаково для всех рассмотренных гласных при одной очевидной закономерности, а именно – с увеличением порядкового номера форманты влияние звуковой и среднезвуковой тональности на формантную структуру ослабевает;
3. в целом влияние тональной характеристики на формантную структуру вьетнамских гласных невелико и не меняет качества

фонемы так, что в любом тоне гласный звук однозначно опознаётся.

ЛИТЕРАТУРА

Гордина М.В., Быстров Н.С. Фонетический строй вьетнамского языка. – М., 1984.

Нгуен Хай Зыонг. Система тонов и спектры гласных вьетнамского языка. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. – М., 1963.

Поспелов Б.В. Гласные звуки в инструментальных и слуховых измерениях. – М., 2000.

SUMMARY

This message inform about investigation of influence standard tones on quality of Vietnam vowels. Produced measurements formant frequency of three isolated vowels realized in six syllable tones. Essential conclusion is absence certain validity and dependence of formant structure from kind of standard tone.

Т.А. Пруцких, г. Иркутск

СТРУКТУРНО-ФОНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ (ЛСГ) ОБОЗНАЧЕНИЙ ОКРУГЛОГО В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Благодаря усилиям многих исследователей сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений существование определенных отношений, связей между звуком и значением в языках. Теория фонетического символизма, по выражению К. Нирона, «одна из тех, которые пленяют ум». Еще Платон («Кратил») высказал идеи об ассоциациях между отдельными звуками и качествами вещей. По мнению Платона, в речи есть звуки быстрые, тонкие, громадные, округлые и т.д. И есть предметы быстрые, тонкие, громадные, округлые и т.д. Во многих словах можно определять и дифференцировать непроизвольную связь между звучанием и выражаемым значением, что в современной лингвистике получило подтверждение путем многочисленных экспери-

ментов в разных языках. С расширением исследований по звукоизобразительности (ЗИ) языка выявляются все новые и новые факты, опровергающие теорию произвольности и немотивированности знака. Обоснование в монографии С.В. Воронина важнейших положений «фоносемантики – дисциплины, имеющей своим предметом звукоизобразительную систему языка, изучаемую с позиций пространственных и временных» [1: 4] – является ярким тому подтверждением. Фоносемантика рождается и утверждает себя на стыке фонетики (по плану выражения), семантики (по плану содержания) и лексикологии (по совокупности этих планов). «Следует подчеркнуть, – пишет С.В. Воронин, – что звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью «между звуком и значением», но и все те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже на первый взгляд полностью утраченной, но в которых с помощью этимологического анализа эта связь выявляется. Следовательно, ЗИ-слово – это слово, звукоизобразительное в своей основе, по своему происхождению» [1: 22].

В идеале слово представляет собой единство значения и звучания. Это значит, что в языке нет слов, которые имели бы значение, но не имели бы звучания и наоборот. Оговоримся, что мы признаем наличие гештальтов, определяемых как нечто внутреннее, существующее в психической области индивида, репрезентирующее то, что имеется в действительности, но не обозначенное словом. (А.В. Кравченко).

В современной семасиологии различают три вида мотивированности слова: семантическую, морфологическую и фонетическую (С. Ульман, 1962, с.85). Ссылаясь на подробное разъяснение семантической и морфологической мотивированности слова в работе В.В. Левицкого «Семантика и фонетика», остановимся подробнее на фонетической мотивированности (ФМ) слова. «Под ФМ слова обычно подразумевается наличие определенных соответствий между символическими значениями входящих в состав наименования звуков и лексическим значением этого наименования (слова). Причем, данное соответствие может быть как положительным, в том случае, когда

символическое значение в составе звучания слова соответствует его лексическому значению, так и отрицательным, когда символические значения звуков в составе звучания слова противоречат его лексическому значению. Нулевой мотивированностью будет такая, когда отношения между звучанием и значением слова «нейтральны» [3: 46]. Следующим встает вопрос об оценке символических значений звуков данного языка. Приоритет практического осуществления измерения ФМ слова или группы слов принадлежит А.П. Журавлеву, который считает, что «фонетическая мотивированность явно существует и вместе со смысловой и морфологической мотивированностью обеспечивает тесную взаимосвязь между содержанием и формой слова» [2: 45]. Наличие в языке множества слов с отрицательной ФМ является, по мнению А.П. Журавлева, и мы с ним в этом согласны, показателем развития языка. «В языке на любом этапе его развития, наряду со словами, значение и звучание которых находится в гармонии, непременно обнаруживаются и такие слова, у которых эта гармония нарушена. ...Если вдруг окажется, что таких «дисгармоничных» слов нет, то это будет означать, что ни содержание, ни форма в языке не развиваются» [2: 59]. А это далеко не так.

Несомненно, что для фоносемантики интересными с точки зрения исследования являются слова с положительной ФМ, а китайский язык, являющийся по Ф. де Соссюру «ультралексическим» языком, представляет собой целинный материал для фоносемантических исследований.

В литературе неоднократно отмечалась приоритетная роль лабиальных фонем в названии округлых, шарообразных, выпуклых, выпяченных предметов в самых разных языках. Лабиальные используются для обозначения предметов округлых, шарообразных и т.д. благодаря таким характеристикам их артикуляции, как округление либо выпячивание губ и увеличение объема ротового резонатора. С.В. Воронин в своей монографии «Основы фоносемантики» излагает результаты анализа обозначений округлого в английском языке, делая вывод, что «лабиальные в английских обозначениях округлого несомненно играют роль звукосимволических элементов. Такая картина характерна не только для английского. Проведенный в работе подсчет еще по семи языкам различных языковых семей показывает, что превышение

вероятного ожидания лабиальных в обозначениях округлого таково: в русском – 1,40, в чувашском – 1,88, в венгерском – 1,58, в монгольском – 1,60, в индонезийском – 1,55, в хауса – 1,41, в суахили – 1,52.» [1: 102], в английском – 2,5.

В своей статье мы представляем результаты исследований словарных дефиниций китайского языка (КЯ), обозначающих округлые предметы. Представляется интересным в ходе систематического рассмотрения материала КЯ выяснить, действительно ли округлость фоносемантически связана с лабиальностью (и наоборот), и если да, то в какой степени.

Слоговый характер языка, отличительные особенности его структуры накладывают определенный отпечаток на принципы выделения минимальных фонетических единиц КЯ. В КЯ такой единицей, которая может иметь то или иное значение, т.е. функционировать в качестве слова или морфемы (минимально значимый элемент языка), является не отдельный звук (фонема), а тонированный слог, который обычно принято называть силлабемой или слогофонемой. Дальнейшее членение китайского слога на более мелкие фонологически значимые единицы происходит на основании совершенно иных критериев, нежели при рассмотрении аналогичного вопроса в других языках. Традиционно китайский слог делится на инициаль (начальный согласный) и финаль (остальная часть слога), далее из финали можно выделить дополнительные единицы – медиаль и субфиналь. Субфиналь, в свою очередь, может подразделяться на централь и терминаль. Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

Слог

Инициаль Финаль

Медиаль Субфиналь

Централь Терминаль

Например, рассмотрим китайский слог полного состава *shuang* и неполного *lou*:

Shuang *lou*

Sh *uang* *l* *ou*

u *ang* *ou*

a *ng* *o* *u*

Лабиализация в КЯ связана с присоединением к субфинали медиали /u/, в записи буквами китайского фонетического алфавита финали, осложненные медиалью /u/ – **лабиальные финали** – принимают следующий вид: **wai (-uai), wan (-uan), wang (-uang), wei (-ui), wen (-un), weng (-ong)**. В скобках указано обозначение финалей при наличии инициали. Лабиальными могут быть и гласные, и согласные звуки; к лабиальным согласным в КЯ относятся **b, p, m**, они отличаются от всех других согласных тем, что за ними не может следовать сложная финаль, содержащая губную медиаль /u/. Гласный **o** является лабиализованным вариантом фонемы **e**, поэтому к лабиальным мы также относим финали, входящие в основной ряд финалей КЯ: **ao, ou** и, конечно, собственно **u**.

Структурно-фонетический анализ лексико-семантической группы (ЛСГ) обозначений округлого в КЯ – всего **142** непроизводных односложных (одно морфемных) образования, отобранных не на основании звукового состава, а исходя из их семантики – дал следующий результат: лабиальные финали встречаются в 69% (98) от общего числа исследованных слов, лабиальные согласные – всего в 10% (14); слов, состоящих только из лабиальных в исследуемой группе обнаружилось 12% (17) от общего числа. Можно сделать вывод, что наибольшую звукоизобразительную роль в обозначении округлого в КЯ играют финали, т.е. гласные или их сочетания. Следует сказать, что еще 7% (10) от общего числа составили слова с лабиально-палатальными финалями – финалями, осложненными медиалью /y/. Для того, чтобы определить частоту появления лабиальных в китайских словах в целом, из словаря на основе таблицы случайных чисел была сделана выборка, по численности равная выборке слов, обозначающих округлое. Эту выборку назовем фоном. Фон был обработан на наличие лабиальных. Оказалось, что в китайских словах, обозначающих округлое, наблюдается превышение вероятного ожидания лабиальных в 2 раза. Такое значительное превышение нельзя назвать случайным, – его, без сомнения, следует связать с выполнением лабиальными звукосимволической функции указания на округлость денотата. Разумеется, частота появления различных лабиальных не одинакова. Мы провели подсчет частоты появления лабиальных финалей в выборке (ЛСГ обозначений округлого) по сравнению с вероятным

ожиданием (т.е. частотой его появления в фоне). Слова с финалью – **ao**, например, 泡 pao^4 – пузырь; 包 bao^1 – сверток, узел, тюк; обертывать; 绕 rao^4 – мотать, обвивать; вокруг, кругом – в отобранной нами ЛСГ составили почти 16% (22) и превысили вероятное ожидание в 2 раза. Слова с финалью **–u,** например, 珠 zhu^1 – жемчуг; 鼓 gu^3 – барабан; 弧 hu^2 – дуга – составили 11% (16), интересным стал тот факт, что слова с данной финалью в случайно подобранном фоне встретились тоже 16 раз, и это единственный случай, когда вероятностное ожидание полностью подтвердилось. Можно предположить, что финаль **-u** является весьма продуктивной в КЯ и развитие языка проявилось на данном примере в полной мере – лабиальный **-u** в КЯ вышел далеко за пределы обозначения только лишь округлых предметов, более того, мы встречаем его в обозначениях предметов вытянутых и даже острых, например, 路 lu^4 – дорога; 竹 zhu^2 – бамбук; 裤 ku^4 – брюки; 锄 chu^2 – мотыга; 斧 fu^3 – топор, тесак; 锯 ju^4 – пила. Слова с финалями **-uan** (15) и **-ong** (14) составили примерно по 10% от общего числа, например, 卵 luan^3 – яйцо; 环 huan^2 – кольцо; 湾 wan^1 – изгиб, извилина; 桶 tong^3 – ведро, бочка; 虹 hong^2 – радуга; 葱 cong^1 – лук (овощ); превышение вероятного ожидания составило 7,5 и 4,7 раза соответственно, причем превышение в 7,5 раза является наибольшим из всех зафиксированных. Слова с финалью **-ou** (13), например, 头 tou^2 – голова; 周 zhou^1 – круг, оборот; 扣 kou^4 – пуговица – составили чуть больше 9%, и превысили вероятное ожидание в 2,2 раза. 7% составили слова с финалью **-uo** (10), например, 锅 guo^1 – котел, кастрюля; 镯 zhuo^2 – браслет; 舵 duo^4 – руль, а превышение вероятного ожидания составило 2,5 раза. Обратим внимание на интересный пример с финалью **-ui**: в исследованной нами ЛСГ нашлось лишь одно слово с данной финалью – 嘴 zui^3 – рот, тогда как в фоне она встретилась трижды.

Следует сказать, что мы не рассматривали двусложные слова такие, как 宇宙 yu^{3}zhou^4 – вселенная, космос; 螺旋 luo^{2}xuan^2 – винт, спираль; 循环 xun^{2}huan^2 – циркуляция, круговорот, круговое движение, а также фонетические заимствования типа 波巴布樹 bo^{1}ba^{1}bu^{4}shu^4 – баобаб; 果尔夫 guo^{3}er^{3}fu^1 – гольф. Исходя из полученных результатов исследований, мы с большей уверенностью можем предположить, что слово 桌子 zhuo^{1}zi, ввиду наличия лабиальной

финали **-uo**, будет обозначать именно круглый стол, а слово 糕 gao[1] – круглый торт.

По тоновым характеристикам слова в исследуемой ЛСГ распределились следующим образом: слова с этимологическим 1-м тоном составили 21% (30) от общего числа, со 2-м тоном – 30% (42), с 3-м тоном – 26% (37), с 4-м тоном – 23% (33). Частотность слов со 2-м тоном нельзя назвать преобладающей, поэтому на данном этапе исследования мы делаем вывод, что тоны, которые в целом в КЯ играют в различении смысла слов такую же роль, что и звуки, не проявили каких-то особых закономерностей в обозначении округлого.

Спектр фоносемантических возможностей КЯ очень обширен и пока мало исследован, мы непременно собираемся продолжить заниматься этой работой. Также перспективным представляется экспериментальное изучение зкукосимволизма в КЯ с целью подтверждения связи универсального и специфического в языке и выявления определенных ЗС принципов и правил с учетом действия фонетических и морфологических законов КЯ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. – Л., 1982.
2. *Журавлев А.П.* Звук и смысл. – М., 1981.
3. *Левицкий В.В.* Семантика и фонетика. – Черновцы, 1973.
4. *Спешнев Н.А.* Фонетика китайского языка. – Л., 1980.
5. Китайско-русский словарь. – Пекин, 1992.
6. Русско-китайский словарь. – М., 1990.
7. 现代汉语词典 – 商务印书馆, 1994 年, 北京.

Л.Ш. Рахимбекова, г. Москва

О ТРАНСПОНИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ УДВОЕНИЯ В ПУТУНХУА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВТОРОВ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

Удвоение в общенациональном китайском языке путунхуа широко используется в словопроизводстве, вместе с тем необходимо отметить, что для китайского языка в значительной мере специфичен и процесс транспозиции. Под процессом транспозиции подразумевают-

ся те случаи применения удвоения, когда оно образует языковые единицы, по синтаксическим свойствам существенно отличающиеся от исходных. Для китайского языка, как известно, характерно отсутствие четких рамок для каждой части речи, превалирование синтаксических критериев над морфологическими в выделении частей речи. При удвоении часто возникает такое различие в существенных синтаксических признаках, когда у исходного и удвоенного образований денотат фактически один и тот же, но обе единицы различаются как принадлежащие к разным классам или подклассам. Например, слово с качественным значением в исходной форме может употребляться как прилагательное в приименной позиции, а в удвоенной форме – только как наречие в приглагольной позиции: 明月 *ming yue (яркая луна)* – 明明知道 *mingming zhidao (четко знать);* 暗号 *anhao (тайный сигнал)* – 暗暗告诉 *anan gaosu (сообщить по секрету).*

При рассмотрении повторов-прилагательных в ракурсе транспонирующей функции возникает еще один вопрос: поскольку, согласно статистическим данным, функция обстоятельства (т.е. определения к глагольному сказуемому) является основной для удвоенных прилагательных, не означает ли удвоение прилагательного переход этого слова в другую часть речи – наречие? Именно такую позицию в своих трудах высказывал Ван Ли: "Удвоенное прилагательное следует считать наречием"[1]. В китайском языке слова любой морфологии чисто синтаксически могут быть превращены в наречия, и с этой точки зрения в данном случае можно говорить о конверсии. Вместе с тем существуют основания для отнесения повторов с качественным значением прежде всего к классу прилагательных.

Удвоение знаменательной основы и часто удвоение именно качественной основы является распространенным способом образования наречий в ряде языков Восточной и Юго-Восточной Азии. Наречия с удвоенной основой в китайском языке путунхуа можно разделить на три группы: 1) наречия, этимологически восходящие к другим частям речи; 2) ономатопоэтические слова; 3) лексические варианты односложных наречий. В отношении третьей группы не может быть сомнений – эти повторы, безусловно, являются наречиями,

---

[1] *Ван Ли.* Zhongguo xiandai yufa, shangce (Грамматика современного китайского языка, том 1). – Пекин, 1954. – С. 280.

так как образованы удвоением односложного наречия: 恰恰 *qiaqia* (*как раз, кстати*), 悄悄 *qiaoqiao* (*потихоньку, втихомолку*), 渐渐 *jianjian* (*постепенно*), 略略 *lüelüe* (*слегка, чуть-чуть*), 刚刚 *ganggang* (*вот-вот, только-только*). Именно потому, что эти слова являются наречиями, они не могут выступать в функции определения или в функции сказуемого, характерных для класса прилагательных в китайском языке. Что же касается наречий первой группы, то следует отметить, что из огромного числа повторов в функции обстоятельства, образованных удвоением качественной основы, лишь для небольшого числа функция обстоятельства, основная для наречия в китайском языке, является единственно возможной. Это такие наречия, как 明明 *mingming* (*ясно, четко*), 暗暗 *anan* (*тайно, скрытно, втихомолку*) и некоторые другие. Для этих повторов-прилагательных приводимое выше высказывание профессора Ван Ли в полной мере верно. Именно здесь явственно проявляется транспонирующая функция качественных повторов. Большинство же повторов с качественным значением (好好 *haohao – хороший, хорошо;* 高高 *gaogao – высокий, высоко;* 轻轻 *qingqing – легонько, легкий;* 大大 *dada – значительно, большой;* 远远 *yuanyuan – далеко, далекий;* 恭恭敬敬 *gonggongjingjing – почтительно, почтительный;* 暖暖和和 *nuannuanhuohuo – тепло, теплый* и др.) могут выступать как в функции определения к глаголу, так и в функции определения к имени, кроме того, часто могут выступать и в функции сказуемого (我们都还好好的 *Women dou hai haohaode – У нас все хорошо)*, т.е. в функциях, несвойственных наречию в китайском языке. Таким образом, поскольку эти повторы употребляются во всех основных синтаксических функциях, свойственных прилагательному в китайском языке, их следует считать повторами-прилагательными.

Наконец, есть повторы, образованные от качественной основы, которые могут выступать в функции обстоятельства, но не могут выступать в функции определения. Например, нельзя сказать 慢慢的人 *manmande ren* в значении *медлительный человек* или же 狠狠的人 *henhende ren* в значении *жестокий человек*. Тем не менее и эти слова-повторы следует относить скорее к прилагательным, так как они также часто выступают в функции постпозитивного обстоятельства сте-

пени (走得慢慢的 *zoude manmande – ходит медленно-медленно*), что невозможно для наречия в китайском языке.

Аналогично обстоит дело и с ономатопоэтическими повторами в путунхуа. Хотя такие повторы часто употребляются в функции обстоятельства, но они не являются звукоподражательными наречиями, так как также могут выступать в функции сказуемого, в функции постпозитивного обстоятельства степени, некоторые модели ономатопей могут выступать и в функции определения.

Транспонирующая функция удвоения в китайском языке в конечном итоге прослеживается на примере всех повторов-прилагательных, которые в целом настолько разительно отличаются по своим синтаксическим свойствам от прилагательных исходной (неудвоенной) формы, что есть все основания выделять их в особый функциональный подкласс прилагательных.

SUMMARY

The paper considers the transposing function of reduplication in Mandarin Chinese by the example of reduplicated adjectives. The process of transposition involves the usage of reduplication, which forms the units of language, greatly different from initial units by their syntactical functions. Reduplicated adjectives differ sharply from non-reduplicated ones by its syntactical functions and should be referred to a separate functional subclass of adjectives.

М.В. Румянцева, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ «ЛЭ» ВНУТРИ ТРЁХСЛОЖНОГО ГЛАГОЛА (ПЕРЕД ДВУСЛОЖНЫМ МОДИФИКАТОРОМ)

В лингвистической литературе обычно анализируется употребление «лэ» либо в конце предложения (так называемое «фразовое» «лэ»), либо непосредственно после глагола перед дополнением (в этой позиции «лэ» чаще называют суффиксом). Об употреблении «лэ» в составе сложного глагола с модификатором, если и упоминается, то вскользь [Учебник: 97]. По крайней мере, анализ конструкции

«х л э х х » до сих пор не проводился на широком материале. Поставив перед собой задачу более подробного изучения синтаксического окружения модели «глагол+лэ+двусложный модификатор», мы собрали некоторый материал (более трехсот примеров) из учебных пособий, издаваемых в КНР, литературных произведений, в частности, мультипликационного варианта «Путешествия на запад», и журнальных статей.

Вот некоторые наблюдения, которыми нам хотелось бы поделиться:

1. Справа от рассматриваемого глагольного комплекса невозможно никакое дополнение, кроме дополнения цели, выраженного глагольной конструкцией (такое дополнение также мало продуктивно).

2. Из тринадцати сложных модификаторов, обычно выделяемых в современном китайском языке (-цзиньлай, -цзиньцюй, -чулай, -чуцюй, -шанлай, -шанцюй, -сялай, -сяцюй, -хуэйлай, -хуэйцюй, -голай, -гоцюй, -цилай) в данном комплексе наиболее часто встречается -цилай (более трети всех примеров). На втором месте -чулай (одна восьмая примеров), а затем следует -сялай (одна девятая). Заметим, что -цилай, -чулай и -сялай, причём именно в такой последовательности, то есть в порядке убывания, являются вообще самыми употребляемыми сложными модификаторами в современном китайском языке [Антонян: 66]. Самым непродуктивным для нашей модели является -хуэйцюй, что также не противоречит общей картине употребления модификаторов. Средние по частоте употребления – -чуцюй, -гоцюй, -сяцюй и -голай также являются «средними» по продуктивности в рассматриваемой модели. Можно высказать предположение о более или менее пропорциональной продуктивности двусложных модификаторов в данной конструкции и в позиции после глаголов (без «лэ») в целом.

Однако обращает на себя внимание особое предпочтение, отдаваемое модификатору -цилай как показателю начала непроизвольного действия или (реже) как модификатору движения. Нередко обе функции -цилай присутствуют одновременно, например, “тяолэцилай” (“подпрыгнуть вверх” и(ли) “запрыгать”).

3. Глагольная основа в данной модели имеет следующие особенности: во-первых, она обычно является односложной и редко двусложной, во-вторых, среди односложных глаголов явно преобладают глаголы со значением движения и выражения эмоций ("сяо" "смеяться", "ку" "плакать"), в-третьих, среди однослогов и даже двуслогов можно выделить группу аттрибутивных ("до" "много", "да" "большой", "яньсу" "суровый" и т.д.) Аттрибутивные компоненты обычно сочетаются с -цилай или с -сялай "задержаться (остаться) в каком-то состоянии") , они составляют не более 5% примеров. Двуслоги в данной модели относятся к копулятивному типу или имеют замутнённую внутреннюю структуру.

Итак, движение (телодвижение) или эмоциональная реакция – наиболее распространённое значение глагольных основ, тяготеющих к односложности. Если это "речь", то чаще эмоционально окрашенная, например, "возопить", "вскрикнуть", "застонать". Напрашивается предположение о продуктивности для этой модели значения спонтанности или непроизвольности действия. Заметим, что возможно и (целе)направленное действие, но, по преимуществу стремительное и динамичное или же носящее неожиданный характер для одного из участников ситуации, а также для наблюдателя, его описывающего.

4. Среди односложных наречий, употребляющихся слева от рассматриваемого комплекса, резко преобладает "цзю" "и тогда", "тотчас, сразу" (вместе со своим аналогом в письменной речи "бянь" почти 20% примеров), затем следует "ю" "опять, к тому же", "доу" "все", "е" "также" или "даже" и "цюэ" "тем не менее". Такие наречия, как "цай" "и только тогда", "сянь" "сначала", в целом нетипичны для данной модели. Из двусложных наречий выделяются слова со значением "тут же", "внезапно", "быстро" или "поспешно" и "невольно". То есть продуктивно значение быстроты, внезапности или же указание на непреднамеренный, вынужденный, необусловленный характер ситуации.

5. Среди предложных конструкций, употребляющихся слева от данной модели, видное место занимает конструкция с предлогом "ба" (почти шестая часть всех примеров), что трудно было предположить, исходя из семантико-валентностных свойств самых продуктивных глаголов (движения или выражения эмоций). Заметим, что мы встре-

чаемся здесь с таким случаем, когда предложения с “ба” не могут быть “безболезненно” трансформированы в беспредложные с постпозицией дополнения. Глаголы, сочетающиеся здесь с “ба”, в своей иероглифической записи чаще всего имеют детерминатив “рука” и называют конкретные действия, связанные с движением рук(и), например, “ла” “тянуть”, “фу” “поддерживать”, “чжуа” “хватать” и т.д. Любопытно, что не менее половины примеров составляют такие предложения, где вводимый с помощью “ба” объект (каузируемый) является одушевлённым.

Из других предложных конструкций относительно продуктивными являются конструкции с”цун” “из, от”, с предлогом “цзай” “(находиться) в” и”гэнь” “вместе с”. Предлог “бэй” (показатель пассива) чаще употребляется перед глагольным комплексом непосредственно, без указания на субъект. Для рассматриваемой модели нетипично употребление предлогов со значением направления типа “чао”, “ван” или “дао”, мало продуктивны выделительные и сравнительные конструкции. Отсутствуют предлоги, вводящие адресат (“гэй”) или цель (“вэй”). То есть, помимо “ба”, для модели с “инфиксированным” “лэ” более характерны предлоги, вводящие место, где произошло действие, или источник (исходную точку) движения, а также предлоги, вводящие других участников действия, но никак не указывающие на его направление или цель. Состав предлогов не противоречит нашему предположению о предпочтении спонтанности или стремительности. Однако действие может носить вполне контролируемый характер для одного из его участников, например, каузатора в конструкции с”ба”. Как следует из многих примеров, значение нежелательности и(ли) неожиданности направляемое казатором действие часто имеет для одушевлённого объекта (каузируемого), а также для рассказчика (автора повествования), наблюдающего происходящее со стороны (зрителя №1) и стремящегося воссоздать происходящее для читателя (зрителя № 2).

6. Обстоятельство образа действия, в частности, оформленное служебным словом “дэ”, нередко встречается перед интересующим нас глагольным комплексом и имеет следующие особенности: во-первых, оно бывает выражено двусложными или многосложными единицами, обозначающими эмоции, во-вторых, двуслогами со зна-

чением “стремительно” или “потихоньку”, “постепенно”, характеризующими динамику действия, в-третьих, двуслогами со вторым компонентом “шэн” “звук”, указывающими на интенсивность звучания (речи, смеха, плача и т.п.), а также звукоподражаниями. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие обстоятельства со значением “тщательный, старательный”, обычно столь характерного для препозитивной конструкции с “дэ” [Румянцева: 161]. Мы видим, что для данной модели нехарактерно указание на волевую установку субъекта, зато вполне распространено описание эмоционального фона или динамики действия. Допустимо указание не только на стремительность, но и на постепенность и даже неспешность действия, но в последнем случае оно обычно осуществляется против воли (субъекта).

Перед рассматриваемым комплексом могут также находиться глаголы или прилагательные, оформленные глагольным “дэ”, указывающие на причину действия. По отношению к ним глагольный комплекс с модификатором выступает как дополнение степени. Однако таких примеров немного.

7. Среди редких случаев употребления модальных глаголов в данной модели можно встретить «хуэй», «нэн», «нэнгоу» со значением объективной возможности, а также «юаньи» с отрицанием «бу» «не готов, не согласен (на)». Модальные глаголы обычно сочетаются здесь с предложной конструкцией (с «ба»). Соответствующая возможность или желание (нежелание) осуществления действия (изменения) связана с особенностями объекта (каузируемого).

8. Субъект действия в рассматриваемой конструкции обычно не может быть обозначен местоимением второго лица и сравнительно редко обозначается местоимением первого лица. Для сложного глагола с «инфиксированным» «лэ» характерна позиция сказуемого в предложениях, носящих описательный характер и ориентированных на субъект в третьем лице.

На наш взгляд, описываемая ситуация отличается не только динамизмом, но и даже театрализованностью. Можно говорить о её эмоциональном фоне, но при этом надо помнить, что эмоции могут принадлежать не только и не столько субъекту действия, но и наблюдателю, зрителю (переживающему ситуацию со стороны), не совпадающему с субъектом. Субъект часто совершает спонтанные, непред-

намеренные действия (движения) или непосредственно выражает свои эмоции. Однако действие может также носить преднамеренный и вполне контролируемый (субъектом) характер, но в то же время быть неожиданным, загадочным или слишком быстрым для другого участника ситуации (каузируемого) или же для наблюдателя, в частности, автора литературного произведения (статьи) – зрителя № 1. Или же таковым (загадочным, непредсказуемым и т.п.) автор или рассказчик (действующее лицо) хочет представить это действие читателю (собеседнику) – зрителю № 2. Последний должен быть озадачен, смущён, удивлён или заинтригован. При субъекте действия, обозначенном местоимением первого лица, зритель № 1 совпадает с субъектом, поскольку человек может совершать вынужденные или удивляющие себя самого действия, а затем рассказывать о них собеседнику, в частности, читателю.

В нашей модели, кроме внезапности и (ли) непроизвольности, может иметь место и момент усиления – удивления «представьте себе и такое». В этом случае не исключена и запланированность или неспешность осуществления действия. («Во хай чоу кун ба чжэ со наньвандэ цаоу хуалэсялай» «Я даже нашёл время зарисовать (на память) этот незабывасмый шалаш» [Цзичу: 128].

В целом ситуация, в которой уместно употребление описываемой конструкции, носит эмоционально окрашенный, динамичный характер. Она направлена на то, чтобы держать читателя или собеседника в напряжении и напоминает концовку главы из китайского романа: «если читатель хочет знать, что было дальше, пусть прочитает следующую главу».

«Инфикс» «лэ» выполняет функции «оператора переключения состояния» [Тань: 390], восклицательного знака и выделительно-усилительную. Ритмически четырёхсложный комплекс с «лэ» также приобретает более экспрессивный характер. Рассматриваемая модель хороша для описания захватывающих сцен(ок) со сменой ярких декораций.

ЛИТЕРАТУРА

Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. – М., 2003.

Румянцева М.В. Синтаксические свойства двуслогов различной структуры в современном китайском языке. Дисс. ...канд. филол. н., – М., 1988.

Тань Аошуан Проблемы скрытой грамматики // Языки славянской культуры. – М., 2002.
Учебник практического китайского языка / Ред. Тань Аошуан. – М., 1992. – Ч. 5.
«Дунфан цзиши»(7-8). Цзянсу вэньи чубаньшэ, 1987.
«Лаоань»(Фань Сяоцин). Бэйцзин шиюэ вэньи чубаньшэ,1992.
«Сиюцзи» гушицзи (Сунь Цзинсю) Чжунго гуанбо дяньши чубаньшэ. – Пекин, 1985.
Цзичу ханьюй кэбэнь (ч.3) Бэйцзин юйянь сюэюань. – Пекин, 1987.
Чуцзи ханьюй кэбэнь(ч.3) Бэйцзин юйянь сюэюань, 1988.
Чжунго сяньдай цзопинь сюаньбянь (1-2) Вайвэнь чубаньшэ. – Пекин, 1982.
Чжунцзи ханьюй цзяочэн (ч.2) Бэйцзин юйянь сюэюань, 1996.

И.В. Самарина, г. Москва

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЯЗЫКЕ ХРЕ

Народ хре – аустроазиаты, проживающие в горных районах юга Центрального Вьетнама. Хре являются одним из крупных этносов Вьетнама: по переписи 1989 г., их насчитывалось 94259 чел., в том числе в пров. Куангнгай[1] – 86375 чел. Язык практически не изучен. По предварительным данным язык хре относится к северным языкам бахнарической подгруппы[2] (восточные мон-кхмерские языки). Генетически он наиболее близок к языку седанг, который описан достаточно полно.

Язык хре относится к так называемым «полуторасиллабическим» языкам: особенностью фонологической системы является наличие двух типов слогов – слабых (или пресиллабов) и сильных. Базовая фонологическая единица языка хре состоит либо из одного сильного слога, либо из последовательности «пресиллаб + сильный слог» и имеет следующую структуру:

---

[1] Материалы по языку хре (базовая лексика объемом 1500 слов) были собраны автором в 2001 г. в г. Хошимин (Вьетнам); информант – Динь Тхи Хоай Ми (Đinh Thị Hoài Mỹ), 20 лет, студентка подготовительного ф-та университета (г. Хошимин), место рождения и проживания – община Бави (Ba Vì) уезда Бато (Ba Tơ) пров. (Quảng Ngãi).

[2] Бахнарические языки делятся на северные, западные и южные.

$$\pm [\pm C + V] + [C \pm C \pm M + V \pm T]^{P},$$

где C – консонантная позиция; T – терминаль; V – вокаль; M – медиаль; ^{P} – просодическая характеристика; + – обязательность; ± – факультативность; [...] — границы слога. В языке преобладают моносиллабы. Слова с пресиллабами составляют 10%. Супрасегментная характеристика релевантна только для сильного слога. Как и в большинстве других мон-кхмерских языков, фонологически значимым просодическим признаком являются фонационные различия. Различаются слоги с нейтральной и придыхательной (breathy) фонацией. Тонов в языке нет. Контурные различия при произнесении слогов имеют фонетическую значимость и обусловлены влиянием тонового вьетнамского языка.

Особенностью системы инициалей сильных слогов является наличие глухих, полузвонких и звонких смычных в рядах билабиальных, лабиодентальных, ретрофлексных, палатальных и заднеязычных. Из придыхательных представлены только t^h и k^h.

Существует ряд проблем, которые еще не нашли своего решения: проблема сегментного или супрасегментного статуса конечных *ʔ* и *h*, фонологичность противопоставления гласных по долготе–краткости, корреляция признака придыхательной фонации и полузвонких инициалей сильного слога и др.

В качестве инициали пресиллабов наиболее часто выступают *k*, *r*, *p*, *t*, *m* (расположены в порядке убывания частотности). Гласная пресиллаба обычно произносится как краткий *ə*, при четком произнесении реализуется как ***a***. Встречаются чередования инициалей пресиллаба: *kanŭh* ~ *tanŭh* 'зола', *rama:* ~ *lama:* 'мазь'. Наблюдаются образования инициальных кластеров в результате выпадения гласной пресиллаба, при этом глухая инициаль пресиллаба трансформируется в полузвонкий: *kala* ~ *gla* 'бамбук'. В ряде случаев лексические единицы зафиксированы как с пресиллабом, так и без пресиллаба: *ŋa:i̯* 'деревня' ~ *maŋa:i̯* 'человек', *nĭʔ* ~ *tanĭʔ* 'внизу', иногда это сопровождается изменениями в значении: *nəŋ* 'шея' ~ *ranəŋ* 'горло', *ʈom* 'дырка, отверстие' ~ *taʈom* 'внутри'. Встречается номинализирующая инфиксация: *pĕŋ* 'стрелять' ~ *panĭŋ* 'лук'.

С.А. Са̀нжимитыпова,
г. Санкт-Петербург

КОНСТРУКЦИИ С ОБОБЩАЮЩИМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

В публицистическом стиле современного китайского языка (СКЯ) можно отметить такие стилистические особенности как использование элементов вэньяня, в особенности чэньюев и выражений, построенных по нормам вэньяня, типа 必经之路 – «путь, который обязательно нужно пройти »,了如指掌 – «быть видным как на ладони»; употребление газетных штампов типа 发挥…作用 «играть… роль», 对…作出… 贡献 «внести вклад в …». В общественно-политических текстах также встречается огромное число неологизмов и иностранных заимствований, к примеру 因特网 – «интернет», 多媒体 – «мультимедиа» и др.

Самая характерная особенность газетных текстов – употребление конструкций с обобщающими словами. Обобщающие слова – «это такие существительные, которые употребляются в самых неопределенных общих значениях и служат своеобразными заменителями слов, имеющих значение точное» [Былинский 1996]. Так как такие слова не имеют конкретного лексического значения, они почти никогда не употребляются без определений. Такие определения могут быть следующих типов: «тождественные», т.е. раскрывающие содержание обобщающего существительного в данном контексте; оценочные; притяжательные, модальные и др. В определенных синтаксических условиях, например, когда такие существительные обобщают конкретную ситуацию, они могут быть опущены, как избыточные, без всякого ущерба для содержания. Однако, предложения с обобщающими словами, даже когда эти слова с точки зрения теории информации являются избыточными, лучше воспринимаются читателями, чем предложения без таких слов. К числу обобщающих слов относятся такие: 问题 – проблема, 任务 – задача, 方式 – способ, 方针 – курс, 势头 – тенденция, 目标 – цель, 情况 – обстоятельства, 现象 – явление и т.п. В большинстве случаев они встречаются в докладах на политические темы, в отчетных сообщениях, приветствиях и

поздравлениях. Все приведенные примеры были выбраны из журнала «Ляован», из доклада Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК, «Жэньминь Жибао» 19.11.02 и из нового устава партии, опубликованного в газете «Гуанминь Жибао» 18.11.02.

Обобщающие слова выполняют 3 основные функции:

1) собственно обобщающую;

2) заместительную;

3) выступают как абстрактные, неконкретные существительные.

1. Обобщающие существительные, когда они имеют «тождественное» определение, разъясняющее его смысл в определенном контексте, могут считаться тавтологическими, «избыточными», но в стилистическом отношении эта «избыточность» оправдана, так как усиливает пропагандистскую направленность текста, служит средством воздействия на читателя. Следовательно, собственно обобщающая функция в этом случае связана с экстралингвистическим фактором. Например:

积极创造就业机会，避免高失业问题。 – Активно создавать условия для трудоустройства, избегать проблем высокой безработицы.

В этом предложении определение к слову 问题 раскрывает содержание «проблемы»: «проблема» состоит в высокой безработице.

在农村，劳动力剩余问题一直非常突出。– В деревнях проблема избытка рабочей силы возникает особенно остро.

Сочетание 劳动力剩余 является определением «тождества» и раскрывает содержание слова 问题: «проблема» состоит в «избытке рабочей силы».

Определения, которые условно называются «тождественными», с точки зрения формальной логики не являются «тождественными», логически здесь отношения включения. Доказательством этому является следующее:

а) одно и то же существительное может обобщать несколько ситуаций или явлений.

目前社会保障经济支柱还来源于地方财政，保障资金如何多元化，保障范围如何逐步扩大等老问题并没有根本解决。– В настоящее время экономическая опора социальных гарантий происходит из местного бюджета, не были разрешены и другие старые проблемы:

как сделать разнообразными гарантийные фонды; как постепенно расширить сферы гарантий.

б) Бывают случаи, когда обобщающее слово оформляется сочетанием 之一 «один из...».

据有关部门调查,社会保障是今年中国老百姓所关注的十大热点问题之一。–Согласно исследованиям соответствующих отделов, социальные гарантии – это один из десяти «острых» вопросов, представляющих интерес для народа.

При обобщающем существительном часто встречаются оценочные определения, они могут занимать разные позиции в предложении:

а) в первой части предложения находится обобщающее слово со своим «тождественным» определением, а во второй оценивается то событие, которое обобщает это существительное.

"一国两制"方针是正确的。 – Курс «одно государство – две системы» – верный.

б) Обобщающее слово находится в первой части предложения, во второй оно дублируется и оформляется «оценочным» определением.

就业问题，一直是老百姓高度关注的问题。– Вопросы трудоустройства – это вопросы, представляющие огромный интерес для народа.

в) обобщающее слово с оценочным определением находится во второй части предложения, то есть переносится из первой части во вторую. Такой тип среди всех указанных выше самый распространенный.

千方百计增加农民收入，是党和政府经济工作的首要任务。 – Увеличение доходов крестьян любыми способами – основная задача экономической работы партии и правительства.

2. При выполнении заместительной функции обобщающее существительное выступает как слово-заместитель, которое, замещая некоторую ситуацию, осуществляет анафорическую связь с предшествующим текстом или выступает как предваряющее заместительное слово. В художественном тексте при анафорической связи замещается имя, название некоторого субъекта, а в публицистическом тексте обобщающее слово замещает некую ситуацию. При этом определения

чаще всего выражаются указательными местоимениями в сочетании с числительными.

树砍光了，有些村出现了山体滑坡等现象。针对这种情况，我们提“腿耕还林”，加大环境保护。– Поскольку леса были полностью вырублены, в некоторых деревнях возникло такое явление, как «лысые» склоны и др. Столкнувшись с такой ситуацией, мы выдвинули лозунг «убрать пашни, вернуть леса», усилили охрану окружающей среды.

Во втором предложении сочетанием 这种情况 – «такая ситуация» замещается содержание предшествующего предложения.

Рассмотрим употребление обобщающего слова, когда оно в своей заместительной функции выступает как предваряющее заместительное слово, при этом после него идет разъяснение определенной ситуации, проблемы. Здесь возможны следующие случаи:

а) когда перед обобщающим словом нет никаких определений:

问题在于不同的竞争方式。 – Проблема заключается в том, что в конкуренции существуют различные способы.

б) обобщающее слово оформлено определениями с числительными и счетными словами, такие определения могут быть развернутыми:

一个非常现实的问题是：竞争必将扩大差别。 – Чрезвычайно важная проблема – это то, что конкуренция обязательно будет увеличивать различия.

3. В своей третьей функции, когда обобщающие слова выступают просто как абстрактные существительные, такие слова не выполняют ни функции замещения, ни функции обобщения. В этом случае их употребление способствует усилению политического воздействия на читателя, предложения с такими словами становятся как бы своего рода лозунгами, воззваниями; поэтому в предложении они могут идти друг за другом. При этом обобщающие слова также оформляются различными определениями, чаще всего притяжательными, модальными или характеризующими.

党的各级组织的报刊和其他的宣传工具，必须讯传党的路线、方针、政策 和 决议。 – Партийные печатные органы всех уровней и другие средства пропаганды должны пропагандировать линию, курс, политику и решения партии.

我们在实施新世纪第一个五年计划中要解决的难点、焦点、重点问题就更加 明确。 – Те сложные, важные, основные вопросы, требующие разрешения в первую пятилетку нового столетия, которые мы претворяем в жизнь, стали еще более ясными.

目前，基层工作特别是农村工作的一些深层次问题日益复杂。 – В настоящее время первоначальная работа, особенно некоторые глубинные вопросы по работе в сельской местности, с каждым днем усложняется.

Статистический анализ, для которого была подсчитана частота употребления каждого из 20 обобщающих слов, выбранных из текста доклада Цзян Цзэминя, опубликованного в «Гуанминь Жибао » за 18.11.2002 определил 10 самых распространенных обобщающих слов в этом тексте. Самыми частотными оказались слова: 制度 – строй, 体质 – система, 事业 – дело, 政策 – политическая линия, 工作 – работа, 方针 – курс, 体系 – система, 目标 – цель, 任务 – задача, каждое с частотностью выше 20. Остальные обобщающие слова, такие как: 机制 – механизм, 原则 – принцип, 路线 – линия, 方式 – способ, 道路 – путь, 局面 – положение, 领域 – область, 方面 – аспект, 形势 – обстановка, 趋势 – тенденция, – имеют частотность 8 и выше. Все эти обобщающие существительные встретились в тексте доклада приблизительно 450 раз.

ЛИТЕРАТУРА

Былинский К.И. Язык газеты. Избранные работы. – М., 1996.
«Ляован». – 2000. – №11.
«Жэньминь Жибао» (19.11.02)
«Гуанминь Жибао» (18.11.02)

SUMMARY

This article is devoted to the description of generalizing nouns and their functions in the publicistic texts of contemporary Chinese language. Universal nouns display three major functions:

1. universal itself;
2. substituting;
3. they display as abstract nouns the contexts of which are not performed.

The first function is usually connected with extralinguistic factors as far as universal nouns usually have equal attribute that explains its meaning and that is considered tautological from the perspective of the meaning.

Generalizing word as a substitute displays replacing connection with the previous text, substituting a certain situation, or performs as a previous substituting word.

In its third function these words perform as abstract nouns with none-determined meaning in the sentences of political slogans and speeches.

Generalizing words are mostly used in the speeches of political actors, and reports.

А.Л. Семенас, г. Москва

О ТЕНДЕНЦИЯХ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс словообразования в китайской лексике идет постоянно, новые слова «растут как молодой бамбук после дождя». Неудивительно, что китайские ученые характеризуют ситуацию с появлением новых слов как «постоянный взрыв», причем он происходит в различных сферах общественной жизни, естественных и общественных науках, образовании, быту и т.д. Новые слова и выражения обычно называют неологизмами. Имеются в виду слова и устойчивые словосочетания – новые по форме и значению. Характерный их признак – сохранение чувства новизны. По разным подсчетам ежегодно появляется 700-800 новых слов, т.е. за последние двадцать пять лет появилось примерно 20 тысяч новых слов, однако их, по-видимому, все-таки меньше, поскольку часть новых слов – это старые слова, получившие новое значение. Китайские словари новых слов и выражений включают обычно от 4700 до 10000 словарных статей.

Новые слова и выражения имеют три основных источника:

– развитие общества

– развитие человеческого познания

– развитие самого языка.

Связь процесса словообразования в китайской лексике с общественными изменениями самая прямая. До 1949 г. многие новые слова отражали реалии тогдашней городской и деревенской жизни, воору-

женного противостояния между КПК и ГМД; после образования Китайской Народной Республики на передний план выдвинулись вопросы экономического и политического строительства, что не могло не найти своего отражения в языке. Появление в последние двадцать пять лет новых слов, выражений, значений связано с бурными изменениями в китайском обществе, невиданным до сих пор уровнем открытости страны в отношениях с внешним миром, ее вовлечением в процесс глобализации, а также развитием науки и техники. В последние годы возникли новые слова для обозначения таких явлений и предметов, которых раньше не было в общественной жизни, повседневном быту, как, например, 艾滋病 aizibing СПИД, 冰柜 binggui холодильник, холодильный шкаф; 单放机 danfangji однокассетник; 迪斯科 disike диско;电磁炉 dianzilu микроволновая печь (СВЧ) и др.

Вместе с тем процесс словообразования нельзя представлять упрощенно только как процесс обозначения вновь возникающих общественных явлений, не в последнюю очередь он связан с расширением представлений об окружающем нас мире. Можно привести такой пример. Номинация терракотовых воинов и лошадей (兵马俑 bingmayong) Цинь Шихуана стала возможной только после их обнаружения. Многочисленные примеры свидетельствуют, что вначале возникает какое-либо явление, только затем оно получает номинацию. Процесс номинации – постепенный процесс.

Кроме обновления объективной реальности и расширения познавательных возможностей еще одним фактором, обуславливающим появление новых слов, является сам процесс изменения и развития языка. Для обозначения одного и того же явления могут быть использованы различные языковые средства. Существуют различия между устным и письменным языком, путунхуа (общераспространенной лексикой) и диалектами, между диалектами, вэньянем и современным китайским языком. В результате их взаимодействия также могут возникать новые слова.

Например, выражение 炒鱿鱼 chaoyouyu «поджаривать кальмары» (они сворачиваются при их поджаривании на сковороде). Этот образ ассоциируется со сворачиванием постельных принадлежностей уволенным рабочим (подробно см.: Семенас А.Л. Лексика китайского языка. 2000. С. 277). Это выражение диалектного характера раньше

было широко распространено в провинции Гуандун и в Гонконге. С приходом политики реформ и открытости началось его распространение по всему Китаю. Оно воспринимается как новое веяние, более шутливое, чем «выгнать», более культурное, чем «собирай свои монатки и проваливай».

Слово 新潮 xinchao «новая тенденция», «новое веяние» имеет более широкий смысл, чем слово 时髦 shimao модный. Постепенно оно претерпело видоизменение, превратившись в слово 潮 chao. Молодые женщины для обозначения оригинальной одежды стали говорить «穿得真潮艾!» «одета действительно оригинально!». Из разговорной речи это слово вошло в путунхуа. Так, в одной из передач Центрального телевидения еще в 1989 г. ведущий программы при характеристике новых изделий употребил слово «很潮» henchao.

Кроме того, многие уже существующие слова приобрели новое значение, утратив старое. Например, слово 强人 qiangren раньше, при династиях Сун-Юань, обозначало «грабитель» (такое значение дается и в «Китайско-русском словаре» под ред. Б.Г.Мудрова. М., 1980. Изд. Русский язык, далее КРС), теперь же оно означает несгибаемого, энергичного, способного человека.

Новые слова могут возникать в следующих ситуациях: 1) в связи с потребностями обозначения новых явлений;

2) в связи с заменой старых наименований новыми, что может быть вызвано потребностями моды на новые слова взамен старых, истершихся выражений;

3) в связи с явлением взаимодополнительности, когда они сосуществуют со старыми наименованиями, дифференцируясь по стилям, ситуациям употребления. Подобные синонимы получают право на существование, так как они обогащают лексику; например, 摄影机 sheyingji и 照算机 zhaoxiangji фотоаппарат. Здесь действует принцип взаимодополнительности, взаимодополнения. Точно также ситуацию взаимодополнения образовали слова 电脑 diannao и 电子计算机 dianzisuanji , одно без другого обойтись не может: в официальных ситуациях, научной сфере употребляется 电子计算机, в речевом общении 电脑. Только для парикмахерской имеются 4 названия: 1) 发廊 falang , 2) 发屋 fawu , 3) 理发店 lifadian, 4) 美发厅 meifating . Первые две – «частные небольшие салоны», последние две – «парикмахерские го-

сударственной или коллективной собственности». Разные ситуации употребления и разные стилевые обороты, разные стили у прилагательных с обозначением малой величины: 迷你 mini мини;微型 weixing микро; 袖珍 xiuzhen карманный. Синонимы бывают полные и неполные; иногда новые слова – полные синонимы могут восприниматься как избыточные, но языковая ситуация свидетельствует об обратном. Размежевание синонимов происходит по стилистическим признакам, оттенкам значения, употреблению в разных контекстах, сферах и т.п. Например, 迷你 mini чаще употребляется в торговой области, а в более серьезных сферах, например, науке, употребляется 微型 weixing . В некоторых случаях происходит следующее: новые слова-синонимы остаются, а старые выходят из употребления.

4) Многообразие словообразовательных способов позволяет удовлетворять требованиям создания новых наименований. С развитием общества, экономики, науки и техники появляется большое количество новых предметов, новых явлений, которые требуют своего наименования. Однако для передачи нового значения необязательно создавать новый звуковой комплекс. Язык – достаточно экономное средство общения, он использует минимальное количество материала для передачи максимума информации, в том числе используется уже имеющаяся форма (звуковая оболочка) для передачи нового значения у уже имеющегося в языке слова. Распространены случаи, когда сохраняется форма старого слова, однако у него появляется новое значение, например, 婆婆 popo (свекровь) теперь часто употребляется в значении «руководящая организация на предприятии». Можно привести и другие примеры появления новых значений у старых, существовавших ранее слов:

大陆 dalu – «материк, континент, суша» (КРС, с. 292), новое значение – материковая часть Китая, материковый, континентальный Китай.

起飞 qifei – «взлететь, взлет; вылет» (КРС, с. 346), новое значение «начинать стремительное развитие».

对话 duihua – «диалог» (КРС, с. 201), новое значение «взаимный обмен мнениями, установление взаимопонимания между руководителями и массами».

5) воскрешение старых слов – это также один из способов рождения новых слов. Например, 股票 gupiao акция, 拍卖 paimai продажа с аукциона, 债券 zhaiquan вексель.

Не все новые слова и выражения устойчивы, значительная часть из них, пройдя проверку временем, остается жить в современном китайском языке; другие, пережив период расцвета, увядают; наконец, третья часть неологизмов подобна сорнякам, которые после прополки уничтожаются. Подобный процесс есть объективная закономерность развития языка, всегда есть слова, которые не остаются в нем, но они остаются в газетах, книгах, материалах периода их существования. Включение этих лексических единиц в словарь необходимо для изучения истории современного китайского общества.

В современном китайском языке можно также наблюдать следующие тенденции.

Во-первых, в нем появилось много иностранных заимствований, преимущественно из английского языка. Заимствования могут быть четырех типов:

фонетические; в данном случае имеет место образование новых слов по принципу передачи звучания, например 卢布 lubu рубль, 模特儿 moter модель;

семантические, например, 生活质量 shenghuo zhiliang качество жизни;

полусемантические, полуфонетические, например 电话卡 dianhuaka телефонная карточка;

гибридного типа, где присутствуют элементы обоих языков. Здесь звучание и значение передаются в переводе, например 吉普车 jipuche джип.

При этом одним из способов заимствования иностранного слова является его китаизация.

Возьмем, например, 艾滋病 aizibing СПИД. Поскольку в Китае раньше не было подобной болезни, поэтому было решено заимствовать ее обозначение из английского языка. Первоначально английское название болезни acquired character immunity defect summing-upreport переводилось как 获得性免疫缺陷综合症 huodexing mianyi quexian zonghe zheng.

Однако это название было слишком длинным, оно не укладывалось в рамки китайского языка. В конце концов нашли более удачный выход – взяли сокращенное название болезни по-английски AIDS и, добавив слово «болезнь», китаизировали его. Так появилось слово 艾滋病 aizibing или 爱滋病 aizibing. Но осталось именно слово 艾滋病 aizibing, поскольку слово 爱滋病 aizibing могло вызвать недопонимание. Смысл слова 艾滋病 aizibing понятен, оно удобно в употреблении и в результате приобрело право гражданства.

Во-вторых, много новых слов и выражений пришло в современный китайский язык из Сянгана (Гонконга), а также Тайваня. По разным подсчетам их не менее одной тысячи. Это можно объяснить, по-видимому, тем, что оба эти региона значительно раньше, чем материковый Китай, установили контакты с внешним миром, другими странами.

В-третьих, появились заимствования из диалектов, местных говоров (方言), в язык вошли также просторечия (土语), вульгарные выражения, жаргонные слова (俗话词语). Эти слова и выражения первоначально существовали в диалектном районе, каком-то коллективе и не входили в состав путунхуа. Наибольшее количество диалектизмов пришло в современную китайскую лексику из гуандунского диалекта. Провинция Гуандун является одним из передовых регионов Китая в проведении политики реформ и открытости, в ней бурно развивается экономика, что, в свою очередь, способствует развитию культуры. Поэтому большой массив здешних диалектизмов входит в путунхуа в качестве неологизмов. Их особенность состоит в том, что они обладают ясным смыслом, образны, легко воспринимаемы и богаты по содержанию. Можно привести следующие примеры:

炒鱿鱼 chaoyouyu – уволить («поджарить кальмара»);

炒更 chaogeng – «подрабатывать», «использовать свободное время для второй работы»;

砍大山 kandashan – «праздная, бесконечная болтовня»;

加塞 jiasai – влезть (в очередь);

倒爷 daoye – «спекулянт».

В-четвертых, одним из общих законов развития любого языка есть сокращение. Подобный процесс имеет место и в китайском языке, где большое количество новых слов – это сложносокращенные

слова (ССС). Например, уже упоминавшийся нами переход от 新潮 к 潮 есть сокращение ранее употреблявшегося слова. ССС появляются в рекламе, названиях торговых предприятий, вывесках и т.п., они встречаются буквально на каждом шагу. Появление сложносочиненных слов зачастую связано с общественными движениями, поэтому их знание позволяет уяснить тенденции развития современного китайского общества. Однако процесс сокращения слов и выражений связан не только с развитием общества, он обусловлен также развитием самого языка.

Сложносокращенные слова присутствуют в любой структуре новых лексических образований, при этом наибольшее их число приходится на двуслоги.

Можно обнаружить следующие способы сокращения:

а) сокращение первичных лексем 彩电 caidian (от 彩色电视 caise dianshi) цветной телевизор,

б) сокращение с числительными 两户 lianghu два двора (специализированные крестьянские дворы и базовые крестьянские дворы).

Можно привести и другие примеры: 挖潜 (挖掘潜力) waqian (wajue qianli) вскрывать резервы, выявлять возможности,节能 (节约能源) jieneng (jieyue nengyuan) экономить (электро)энергию, 家电 (家用电器) jiadeng (jiayong dianqi) бытовые электроприборы, 能耗 (能量消耗) nenghao (nengliang xiaohao) потребление энергии, 扶贫 (扶助贫困) fupin (fuzhu pinkun) помогать бедным, 参赛 (参加比赛) cansai (canjia bisai) участвовать в соревновании, 五讲四美 (讲文明, 讲礼貌, 讲卫生, 讲道德, 讲秩序和心灵美, 语言美, 行为美, 环境美) wu jiang si mei (jiang wenming, jiang limao, jiang weisheng, jiang daode, jiang zhixu he xinling mei, yuyan mei, xingwei mei, huanjing mei) быть культурным, быть вежливым, соблюдать гигиену, соблюдать дисциплину, блюсти нормы нравственности, обладать красивой душой, красиво говорить, совершать красивые поступки, заботиться о природе. Пожалуй, наибольшей продуктивностью отличается модель – 三 +X, например 三大件 san da jian три большие вещи и т.д. (При этом X может обозначать как одушевленные, так и неодушевленные предметы). ССС могут отличаться значительно от полных наименований. Прежде всего это касается ССС с числительным. Например, выражение 五讲, 四美, 热爱

«говорить о пяти ценностях», «четыре красоты», «три горячие любви», может сокращаться до 五, 四, 三 wu, si, san «пять, четыре, три».

С точки зрения образования сложносокращенные слова можно разделить на четыре вида:

первый – сокращенные названия 简称词 jianchengci. Подобные слова создаются путем сокращения длинных существительных оборотов речи, названий; например – 短程导弹- 短导 duancheng daodan – duandao ракета небольшой дальности; 五月一日, 国际劳动节 wuyue yiri, guoji laodongjie – Международный праздник трудящихся 1 Мая; 中国共产党第十三次全国代表大会 – 中共十三大, 十三大 zhongguo gongchandang di shisan ci quan guo daibiao dahui – zhonggong shisan da, shisan da – Тринадцатый Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая.

второй – аббревиатура 略语词 lueyuci. Подобные слова создаются путем сокращения глагольных форм или прилагательных оборотов речи. Например, 支援边疆 – 支边 zhiyuan bianjiang – zhibian – помогать пограничным районам; 严厉打击犯罪活动 – 严打 yali daji fanzui huodong – yada – решительно бороться с преступной деятельностью; искоренить, ликвидировать коррупцию.

третий – составные названия; 合称词 hechengci.

Подобные слова образуются путем сокращения двух или более терминов, названий. Например, 中医, 西医 – 中西医 zhongyi, xiyi – zhongxi yi – китайская и европейская медицина; 工人, 青年, 妇女 – 工青妇 gongren, qingnian, funü – gongqingfu (обычно обозначает профсоюз, комсомол, союз женщин); 老解放区, 少数民族地区, 边远地区, 穷困地区 – 老, 少, 边, 穷 lao jiefang qu, shaoshu minzu diqu, bianyuan diqu, qiongkun diqu – lao, shao, bian, qiong старые освобожденные районы, районы национальных меньшинств, пограничные районы и бедные районы;

четвертый – обобщающие выражения (根无缩词语 langwu suo ciyu). Подобные выражения – это сокращенные обороты речи, образованные с помощью чисел, цифр для обозначения одинаковых, сходных частей нескольких выражений. Например, «为人民共和国服务» wei renmin gongheguo fuwu служить народу, «纪念白求恩» jinian bai qiu en помнить Бетьюна, «愚公移山» Yugong yi shan Юйгун передвинул горы, «反对自由主义» fandui ziyouzhuyi против субъективиз-

ма, «纠正党内的错误思想» jiuzheng dang nei de cuowu sixiang искоренить неправильные идеи в партии, «老五篇» lao wu pian пять старых статей Мао Цзэдуна.

В данном случае обобщаемые с помощью цифр части единого выражения «пять старых статей» совпадают не по названию, а по принадлежности одному человеку – Мао Цзэдуну;

专业户 zhuanyehu, 重点户 zhongdianhu, 经济联合体 jingji lianheti, 两户一体 liang hu yi ti два двора – один комплекс;

工厂自动化革命 gongchang zidonghua geming (Factory Automation),

办公室自动化革命 bangongshi zidonghua geming (Office Automation),

住宅自动化革命 zhuzhai zidonghua geming (House automation)

三A革命 san A geming Три революции в автоматизации.

Следует заметить, что в прошлом китайские лингвисты не обращали большого внимания на сложносокращенные слова, их, как правило, не включали в словари, положение стало меняться только в последнее время. Это обусловлено объективными условиями: употребление сложносокращенных слов получило в китайском языке широкое распространение, многие из них стали употребляться даже чаще, чем их первоначальные формы. Некоторые сложносокращенные слова уже превратились в обычные слова, и их уже не воспринимают как сокращенные формы новых наименований, например, 公关 gongguan – общественные отношения, 武警 wujing – вооруженная полиция, 教代会 jiaodaihui – собрание преподавателей.

Во многих случаях даже китайцы не знают источник того или иного ССС.

Однако подобный вид сложносочиненных слов имеет глубокую традицию в китайском языке. Достаточно вспомнить 三`五常 sangongwuchang обр. основы морали поведения, 四书五经 si shu wu jing четыре книги, пять канонов.

SUMMARY

The process of the word-building in modern Chinese lexicon goes constantly. The new words and expressions have three main sources: the

development of the society, the development of the human cognition, the development of the language itself.

The new words can appear in the following situation:

1) in case of need of indication of the new phenomenas;

2) in case of replacement of the old names by the new one , that can be caused thereof in need of the mode on new words in lieu to old, scrubby (grattty) expressions;

3) in case of the phenomena of the intersupplimentment (mutual supplimentment) (interaddition/ mutual addition), when they exist with old names, differentiating on style, situation of the use;

4) there are widespread events, when form of the old word is saved, however the it appears in a new importance;

5) the reviving of the old words – also one of the ways for the birth of the new words.

It is possible to observe the following trends in modern chinese language: firstly in the language appeared much foreign borrowings, mainly from english; secondly, much new words and expressions came to chinese language from Hongkong, as well as Taiwan; in the third place, in the language appeares borrowing from idiom, local dialect, in language entered also vernaculars, vulgar expressions, slang words; fourthly, a large amount of the new words – compound word. It is possible to find out the following reductions: a) reduction primary schemes; b) reduction with numeral.

Compound word can be divided into four types: the first – shortened word; the second – an abbreviation; the third – a component names; the fourth – generalising expressions.

О.В. Семенова, г. Москва

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ КАК СРЕДСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

В настоящее время социальный заказ общества по отношению к иноязычному образованию, являясь исходным пунктом в определении стратегической цели обучения, диктует нам необходимость развития у учащихся способности понимать представителей иной культуры и адекватно реагировать на проявления специфики их речевого и неречевого поведения, обусловленной культурными традициями и принятыми в ином социуме ценностными ориентациями. При этом

содержание социального заказа по отношению к обучению китайскому языку (КЯ) помимо требования «качественного практического владения КЯ», обогатилось насущной потребностью развития у учащихся способности к межкультурной коммуникации (МК).

В «практической плоскости» преподаватели МГЛУ вплотную сталкиваются с данными вопросами в процессе построения курсов т.н. профессионально-ориентированных дисциплин. В частности, курса «Практикум по профессиональной коммуникации» по специальности «Культурология». При этом особенностью данного курса является то, что развитие способности к МК (в своем «прикладном» понимании) является, с одной стороны, целью обучения, а с другой стороны, МК является еще и до некоторой степени объектом изучения в рамках данного курса.

Направленность процесса обучения на развитие у учащихся способности к МК предполагает моделирование межкультурного пространства, что связано с определением сфер МК, промежуточных целей и пониманием основных особенностей принципов отбора учебных материалов.

В качестве сфер моделируемой МК предположительно можно наметить такие сферы, как профессиональные контакты, международные обмены, учеба за границей, путешествия [1: 128]. В качестве промежуточной цели – формирование адекватного уровня коммуникативной, лингвистической и культурной компетенции. При построении целей обучения конкретному предмету мы учитываем необходимость ориентировать систему обучения КЯ на личность ученика и на формирование у него черт вторичной языковой личности в условиях обучения в отрыве от страны изучаемого языка [2: 56].

Что касается принципов отбора учебных материалов (здесь и далее речь пойдет о текстовых материалах), то, по всей вероятности, на начальных и средних этапах обучения близким к идеальному было бы использование материалов, представляющих собой учебные тексты, написанные носителями КЯ, в особенности при условии чередования монологических и диалогических текстов (подобно учебному пособию “Speaking Chinese about China”). При этом, как всегда в подобных случаях, мы сталкиваемся с необходимостью адаптации текстов в конкретном образовательном контексте [3: 91–92].

Однако, одной из самых желанных целей сегодняшней практики обучения иностранному языку (ИЯ) студентов различных специальностей в профессиональном контексте все же является замена учебных текстов на аутентичные. Тем не менее, это осложнено проблемой адекватного восприятия учащимися подобных текстов, связанного с т.н. «культурологическими помехами» МК [1: 132–133]. Использование средств культурной адаптации текстов позволяет найти пути решения данной проблемы [3: 94–96]. В данном случае, на наш взгляд, при использовании китайских аутентичных текстов весьма важны такие адаптационные дидактические средства в форме приемов и заданий, которые будут связаны с выявлением связи текста с контекстом ситуации его прочтения и с индивидуальным опытом самого читателя (дотекстовые задания), т.н. послетекстовые задания, которые основаны на рефлексии по поводу прочитанного и позволяют организовать контроль понимания (например, вопросы, которые могут возвращать учащихся к тексту, а также резюме); кроме этого, необходимо использование приемов и заданий, направленных на выявление лингвостилистических особенностей данных текстов.

Следуя целям обучения, поставленным в рамках данных курсов, целесообразно, по возможности, производить отбор текстов различных функциональных стилей.

Разумным представляется использование опыта автора учебного пособия «Практика англоязычной межкультурной коммуникации» В.В. Кабакчи, который полагает, что необходимо «заполнить пробел в традиционном обучении английскому языку» и сосредоточить «внимание на английском языке межкультурного общения», при этом ставится задача «научить использовать английский язык в приложении к иноязычным культурам», а «в центре внимания находится англоязычное описание русской культуры» [4: 5]. Можно с уверенностью сказать, что выборочная экстраполяция данного подхода на преподавание КЯ может быть вполне перспективной в силу устранения некоторых «культурологических помех» (см. выше). В частности, учитывая то, что содержание текстов будет связано с описанием российской действительности (описание на китайском языке т.н. «культурных тем»: географии, истории, литературы и искусства, религии и быта россиян), в них предполагается отсутствие описания объектов,

не имеющих аналогов в родной культуре коммуниканта. В отношении собственно лингвистического компонента обучения КЯ, в подобных текстах удобно будет отслеживать особенности словообразовательных моделей, связанные с ксенонимами [4: 419]. При условии выбора адекватных материалов данной направленности, написанных носителями КЯ (учебные тексты, либо собственно аутентичные тексты), можно также создать для учащихся дополнительный стимул к анализу культурных стереотипов китайцев.

Что же касается общеметодических подходов при отборе всех видов учебных материалов для данного курса, на наш взгляд, следует отдавать предпочтение еще и тем материалам, которые бы способствовали реализации такой цели обучения ИЯ, как совершенствование владения родным языком (через перевод, адекватное употребление слов при переводе на родной язык, изучение сравнительной стилистики и семантики) [5: 134].

В заключение хочется отметить, что все более активное участие Китая не только в региональных, но и в общемировых интеграционных процессах делает все более актуальным ориентирование учебного процесса на развитие у студентов-китаистов способности к МК.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтович О.А.* Критерии успешности межкультурного общения и пути их оптимизации // Методы современной коммуникации. – М., 2003. – Вып.1.
2. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранным языкам. – М., 2000.
3. *Поляков О.Г.* Английский язык для специальных целей: теория и практика. – М., 2003.
4. *Кабакчи В.В.* Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб., 2004.
5. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. – М., 2003.
6. *Демина Н.А.* Методика преподавания практического китайского языка. – М., 1997.
7. *Демина Н.А.* К вопросу создания учебных пособий по китайскому языку // Материалы III международной конференции по преподаванию китайского языка. – М., 2003.
8. "Speaking Chinese about China" – Beijing, 1987.

9. *Гальскова Н.Д.* Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам // Преподавание и изучение иностранных языков: традиции и новации. – М., 2002.
10. *Яковлева Л.Н.* Проблема современного учебника как средства моделирования межкультурного пространства // Преподавание и изучение иностранных языков: традиции и новации. – М., 2002.
11. *Семенова О.В.* Проблемы выбора и применения учебных пособий для начального уровня обучения китайскому языку в контексте выбора модели обучения // Вестник МГЛУ. – М., 2004.

SUMMARY

The paper is dedicated to the problem of selecting materials for using Chinese in the intercultural communication studies. The problem is set up within the context of teaching Chinese for the specific purposes (culture studies).

А.Я. Соколовский, г. Владивосток

СПОСОБ ТРАНСКРИБИРОВАНИЯ «ФАНЬ ЦЕ» И «ФАН ТХИЕТ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО ЧУТЬЯ КИТАЙЦЕВ И ВЬЕТНАМЦЕВ (ПЕРИОД ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)

Известно, что китайский язык в период колониальной зависимости Вьетнама от северного соседа (I–X вв. н.э.) оказывал огромное влияние на все сферы общественной жизни и, в первую очередь, на вьетнамский язык. Знание живого разговорного китайского языка и письменности было необходимым условием для поступления на государственную службу. В то же время большинство населения продолжало говорить по-вьетнамски, и официальная государственная информация доходила до народных масс только через посредство перевода (в устной форме).

С завоеванием независимости в начале X в. во Вьетнаме продолжает существовать и развиваться двуязычие: литературный и официальный китайский язык вэньянь, господствующий в государственной и школьной системах, и, в определенной мере, в религиозной практике, а также разговорный вьетнамский язык, широко используемый в живом общении.

В условиях данного двуязычия во Вьетнаме зарождалась потребность в собственном вьетнамском письме, которая наиболее остро проявилась с обретением вьетнамцами независимости и началом государственного строительства. Поскольку вьетнамский язык типологически схож с китайским языком, то создание такой письменности на основе уже знакомых вьетнамцам иероглифов оказалось естественным и достаточно успешным процессом. Новая письменность во Вьетнаме получила название «тьы ном», то есть «южные (вьетнамские) иероглифы».

В то же время во Вьетнаме зарождается сознание необходимости единства языка и письма как непременное условие государственного и культурного суверенитета, что отразилось в общественной и филологической деятельности вьетнамских ученых. В частности, в это время появляется острая необходимость транскрибирования вьетнамских иероглифов. Поскольку китайский язык типологически схож с вьетнамским, то не было ничего проще, как использовать для транскрибирования иероглифов его систему «фаньце», которая во Вьетнаме получила название «фан тхиет», или «фиен тхиет», что означает «разрезай и переворачивай».

Согласно этому способу транскрибирования произношение незнакомого иероглифа записывалось с помощью двух других, знакомых иероглифов.

Этот способ был изобретен в Китае еще во II в. и был особенно распространен в III в. Этот метод был также заимствован и вьетнамской лингвистической наукой:

X: AB,

где X – искомое произношение иероглифа,

A – первый иероглиф, от чтения которого (мысленно) отсекается начальный согласный (инициаль),

B – второй иероглиф, от которого берется чтение второй части (гласной) (финали).

Наиболее убедительными аргументами двучленности вьетнамской силлабемы (слога) служат факты звуковой редупликации при образовании полуповторных слов и факты секретной речи. Полуповторные слова и разнообразные формы секретной речи часто упот-

ребляются как во вьетнамском, так и в китайском языке. Правда, абсолютное большинство полуповторных слов, встречающихся в современном китайском литературном языке, сохранились из древне- и средневекового китайского языка. Но, тем не менее, многие из них остаются употребительными и оцениваются носителями языка именно как полуповторные слова и в настоящее время.

Мы уже говорили о том, что для китайского и вьетнамского языков было бы неоправданно выделять из полуповторных слов какие-нибудь морфемы, звуковые оболочки которых меньше, чем фонологический слог, силлабема. Однако, факты звуковой редупликации в образовании слов и подобных им конструкций все же убедительно свидетельствуют о функциональной двучленности китайской и вьетнамской силлабем. Так, например, от вьетнамской морфосиллабемы *khenh* (хромой) образуется полуповторное слово *khapkhenh*, в котором имеет место замена различных финалей (*-ap* и *-enh*) при сохранении одной и той же инициали (*kh-*), и тем самым эти звуковые части силлабемы доказывают свою отделимость друг от друга при образовании звуковых оболочек слов. В китайском слове *longtong* (непорядочно) чередуются различные инициали (l- и t-) при сохранении одной и той же финали *–ong*, что свидетельствует об отдельности рассматриваемых звуковых единиц в составе данных силлабем.

Возможность отделения инициали от финали в составе китайской и вьетнамской силлабемы так же отражается в разных формах секретной речи. Для искажения звуковой оболочки слов и морфем в секретной речи говорящий рассекает морфосиллабемы на отдельные звуковые части – инициали и финали, и, вместе с тем, преобразовывает языковые знаки, переставляя инициали относительно финалей или, наоборот, – финали относительно инициалей. Так, например, китайская морфосиллабема *feng* (ветер) в пекинской секретной речи преобразована в бисиллабический комплекс *fai-geng* следующим образом:

$$feng = f\text{-}(ai) + (g)\text{-}eng \rightarrow fai\text{-}geng$$

Вьетнамское предложение *Anh di dau ve day?* (Откуда ты вернулся?) в секретной речи может быть превращено в последовательность таких силлабем, как *An dan dan van dan?*, где инициали силлабем в первичном предложении по-прежнему остаются в секретном «пред-

ложении», все их финали же отделяются от инициалей (в том числе и «нулевой» в силлабеме *Anh*), и одинаково подменяются финалью *-an*.

Хорошим аргументом в пользу двучленности вьетнамской силлабемы может служить явление, называемое «нойлай» (*noilai*), в котором имеет место двучленное деление силлабем, и на этой основе существует перестройка звуковых оболочек слов. Так, слово *ninh than* (придворный льстец), состоящее из двух силлабем, при перестройке его звуковой оболочки по способу «нойлай» будет превращено в другой бисиллабичный комплекс *nan thinh*. При этом заметно, что силлабемы в первичной звукоформе данного слова рассекаются на отдельные инициали (*n-*, *th-*) и финали (*-inh*, *-an*), которые меняются своими местами при образовании новой звукоформы слова:

ninh than = n-inh th-an → nan thinh.

По свидетельству Ван Ли, в средневековом Китае существовал способ перестройки звуковых оболочек слов, так называемый «шуан фаньюй», который был основан на том же принципе рассечения силлабем, что и «нойлай» во Вьетнаме. Подобное явление, однако, не встречается в современном китайском языке.

Любопытно, что и в современной вьетнамской речи используется этот же принцип. Так, например, существует такой каламбур:

villa

vi-la = va-li

Этот каламбур построен по тому же принципу «разрезай и переворачивай» для шуточного перевода: вилла - это чемодан (с деньгами).

Двучленность вьетнамских и китайских силлабем в какой-то мере находит свое отражение также в поэзии и в разных речениях, созданных по принципу аллитерации. Создавая речения, подобные

— *Tet tiec tung tien tieu,*
tinh toan toan tim tay tu te.
— *Xuan sang hong xo so,*
say sua sam san xu xai,

говорящие на вьетнамском языке, по-видимому, сознательно отождествляют все инициали у силлабем в каждой фразе в качестве аллитерирующей единицы: t- [t] – для первой фразы и x- = s-[s] – для второй фразы по ханойскому произношению. Это значит, что в каждой приведенной фразе одна и та же инициаль сочетается с различными финалями, образуя различные силлабемы.

Таким образом, есть все основания для того, чтобы сегментировать вьетнамскую силлабему на два отдельных структурных блока: инициаль и финаль. Эти единицы не существуют самостоятельно вне силлабем, но они повторяются в разных силлабемах, участвуя в их строительстве, поэтому они и вычленяются так называемым языковым чутьем (языковым мышлением) носителя языка как реальные фонетические и фонологические единицы в составе силлабем. Но это отнюдь не означает, что эти структурные элементы вьетнамских силлабем, легко выделяемые языковым сознанием вьетнамцев, являются пределом фонологической сегментации вьетнамского слога.

Как показали исследования, в том числе и вьетнамских авторов, эта членимость является иерархической и доходит до отдельных фонем.

О.Ц. Соктоева, г. Чита

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНИКА В ШКОЛАХ С ПРЕПОДАВАНИЕМ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ПОСОБИЙ ДЛЯ 5-8 КЛАССОВ)

Преподавание китайского языка в средней школе № 4 г. Читы имеет почти 40-летнюю историю. Школа имеет многолетний опыт преподавания китайского языка, у её истоков стояли К.В. Тын и Г.С. Подобед. Формирование учебно-материальной базы для обучения китайскому языку в этой школе всегда было достаточным. В первую очередь благодаря учебникам К.В. Тын для начальных классов, учебным пособиям по китайскому языку для 5 класса Н.И. Литвиненко, 6 класса Л.Н. Зингер, Чжао Ню-Лань, для 8 класса средней школы с преподаванием ряда предметов на китайском языке

Н.А. Дёминой, К.В. Тын, а также пособию по разговорной практике китайского языка для учащихся 8–10 классов средней школы О.М. Лин Лин. На базе школы не раз проводились всесоюзные семинары по методике преподавания китайского языка в специализированных школах (с сер. 70-х гг. до 1983 г.).

В наши дни, после некоторого перерыва, вызванного изменениями, происходившими в нашей стране за последние годы, стала появляться справочно-учебная литература по китайскому языку нового поколения. Однако, ситуация со школьным учебником по-прежнему остаётся достаточно серьёзной. Делается попытка на региональном уровне обеспечить себя учебно-методической литературой, прежде всего, используя и обобщая свой собственный опыт преподавания китайского языка в средних школах.

В нынешних условиях школа, например, может выбирать собственный вариант учебного плана, вводить дополнительные образовательные услуги, профильное обучение в старших классах, педагогу дано право разрабатывать авторские программы и курсы, школе – строить собственную воспитательную систему. У образовательных учреждений появилась новая функция – поисково-исследовательская. Если школа не найдёт своего места в социальной нише, если она не станет притягательным для определённого контингента учащихся местом, то не выдержит конкуренции.

Так, в 2000 г. школа № 4 получила статус многопрофильной языковой гимназии. В настоящее время гимназия использует многие инновационные технологии. Реализация системы выбора обучающихся требует в первую очередь подготовки учащихся к осознанному выбору профиля обучения в основной школе.

В данной гимназии имеются языковые направления, благодаря чему учащиеся имеют возможность повысить качество своего образования, обеспечив при этом преемственность между общим и профессиональным образованием.

В связи с этим, за последние несколько лет на базе многопрофильной языковой гимназии № 4 был спроектирован ряд учебно-методических пособий по китайскому языку для начального и среднего этапа обучения (5–8 классы). Учебно-методические пособия для 5-х и 6-х классов включают опыт работы учителей О.Ц. Соктоевой и

О.Д. Девяткиной в режиме эксперимента на протяжении нескольких лет. Эти учебные материалы являются продолжением учебников К.В. Тын для 1–4 классов.

Целью создания этих пособий явилось предоставление учащимся и учителям недостающих материалов, которые могут быть использованы в качестве как основных, так и альтернативных учебных материалов, поскольку авторы придерживались новой программы для гимназии. Ведь появилась реальная возможность выбора изучаемых программ, новых вариантов, нового содержания и средств обучения и воспитания.

На наш взгляд, основа преподавания китайского языка на современном этапе должна базироваться, прежде всего, на новой интерпретации философских, психологических и педагогических условий развития творчества и умений педагогов. Происходит серьёзное изменение целей образования – не качество знаний как таковое и тем более не объём усвоенных знаний и умений, а развитие личности, реализация человеческих возможностей, подготовка к сложностям жизни становятся ведущей целью образования.

Наша образовательная система всё ещё сориентирована на знания, умения и навыки как конечную цель, как результат. Уровень знаний служит основным критерием при выпуске из школы, при поступлении в вуз и другие учебные заведения. Тогда как современные цели обучения охватывают не только развитие интеллекта, но и развитие эмоций, воли, формирование потребностей, интересов, становление идеалов, черт характера. *Всё обучение должно быть ориентировано на развитие личности и на индивидуальности растущего человека, реализацию заложенных в нём возможностей.*

Итак, в последнее десятилетие, когда задачи развития личной жизни стали приоритетными, любое исследование в образовании должно иметь психолого-педагогический характер. Очень важны психологические исследования, в которых ведётся поиск наиболее эффективных для конкретной ситуации механизмов психического развития учащихся, развития их творческого потенциала, условий самореализации.

Теперь вернёмся к осознанному выбору детьми и их родителями изучения китайского языка в языковой гимназии. Принятие детьми

китайской культуры и языка, понимания Китая, его настоящего и будущего невозможно без понимания прошлого китайской культуры и её ядра – философского знания. Рост могущества современного Китая, непрерывное увеличение темпов развития экономики, всестороннее сотрудничество с другими странами, – всё это делает актуальными обсуждения философских проблем китайской культуры и её традиций, мировой роли китайской цивилизации в будущем. Общеизвестно, сколь важна китайская философская мысль для понимания не сходного с западной философией представления об окружающем нас мире и месте человека в нём. Значит, наряду с изучением самого языка, преподавание китайского языка преследует общеобразовательные и воспитательные цели. Практическая задача обучения состоит в том, чтобы научить учиться говорить по-китайски на бытовые и общественно-политические темы, читать со словарём газеты и журналы, которые издаются в Китае. Необходимо также учитывать возрастные и психологические особенности детей. Поэтому, составляя учебное пособие для разных групп учащихся, нужно учитывать содержание и структуру учебного материала, включающего дополнительные сведения лингвострановедческого характера. Овладение китайским языком невозможно без знания китайской культуры, истории и действительности. Поэтому в учебные пособия по языку целесообразно включать темы лингвострановедческого характера, основной целью которых является ознакомление обучаемых с особенностями материальной и духовной культуры Китая, с системой традиционных норм и национальной психологией народа. Содержание учебных материалов нового поколения посредством определённого набора тем и ситуаций должно знакомить обучаемых с культурой и образом жизни китайского народа.

SUMMARY

Article is devoted to the pedagogical conditions of compiling textbooks for the schools with the intensive study of the Chinese language (students books for 5-8 forms)

Н.В. Солнцева, г. Москва

ТРАНСПОЗИЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

Во вьетнамском языке, как и в любом изолирующем языке Восточной и Юго-Восточной Азии, имеется достаточно большое количество категорий и единиц, относительно природы которых до сих пор не существует единого мнения ни среди вьетнамских ученых, ни среди вьетнамистов-языковедов в нашей стране.

К числу таких категорий принадлежат части речи. После исследований Ле Ван Ли, который в 1948 г. выделил части речи на основании собственно синтаксических критериев, большинство вьетнамских ученых выделяют следующие части речи: существительные, глаголы, прилагательные, числительные, наречия, местоимения (личные, указательные, вопросительные), предлоги, союзы, междометия, частицы. При выделении частей речи во вьетнамском языке Ле Ван Ли практически использовал те же синтаксические критерии, которые использовал и А.А. Драгунов в процедуре выделения частей речи в китайском языке в 1952 г.

Оба автора тем самым решили вопрос о наличии частей речи в изолирующих языках вне зависимости от того, признавалось или нет существование в этих языках формообразовательной (словоизменительной) морфологии. Как известно, в индоевропеистике главным условием признания существования частей речи считалось именно наличие словоизменения и словоизменительных категорий, формы которых участвовали в выражении синтаксических отношений между словами.

Необходимо отметить, что в те времена индоевропейские ученые не брали в расчет наличие таких словоизменительных категорий, как категорию вида и категорию времени (которые А.М. Пешковский относил к разряду несинтаксических категорий, поскольку они не участвовали в выражении синтаксических отношений).

При решении вопроса о частях речи многие исследователи изолирующих языков также не учитывали этих категорий, которые в изолирующих языках представлены весьма широко. Это – категории вида, времени, залога, глагола [Солнцева, Солнцев 1979].

О наличии частей речи, как показывают данные вьетнамского языка, достаточно убедительно свидетельствуют разнообразные

транспозиционные механизмы, которые позволяют производить слово новой части речи от слова другой части речи. Сама необходимость в подобного рода транспозиционных механизмах есть очевидное свидетельство наличия частей речи в языке.

Во вьетнамском языке существуют и субстантиваторы, и вербализаторы, и адъективизаторы и адвербиализаторы. В их роли выступают различные средства, а транспозиционные механизмы действуют в этом языке достаточно продуктивно и широко. Важно иметь в виду, что эти транспозиционные средства представлены в основном словообразовательными элементами и классификаторами.

К их числу относятся различные разряды служебных элементов: 1) собственно субстантиваторы *việc* (*этим.* «дело»); *sự* (*этим.* «дело» – заимствование из китайского языка); *cuộc*; 2) классификаторы, выступающие в функции субстантиваторов; 3) адвербиализаторы *buổi* (*этим.* «отрезок времени»), *ban* (*этим.* «время (суток)»); 4) показатель множественного числа, выступающий в роли субстантиватора *những*.

Следует отметить, что элемент *buổi* выступает в роли адвербиализатора при именах, и в то же время *buổi* может также употребляться в качестве субстантиватора глагола.

Приведем примеры. 1) *việc buôn bán* 'торговля' (букв. *субст.* + торговать); 2) *sự phát triển* 'развитие' (букв. *субст.* + развивать); 3) *cuộc vui* 'развлечение' (букв. *субст.* + радость); 4) *buổi sáng* 'утром' (букв. *адверб.* + утро); *ban ngày* 'днем' (букв. *адверб.* + день); 5) *những cố gắng* 'старания' (букв. *показ. мн. ч.* + стараться); 6) *buổi họp* 'собрание' (букв. *субст.* + собираться) и 7) *cuộc họp* 'собрание' (букв. *субст.* + собираться); 8) *có ích* 'полезный' (букв. *адверб.* + польза); 9) *cơ giới hóa* 'механизировать' (букв. механизм + *вербал.*)

ЛИТЕРАТУРА

Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. – М. – Л., 1952.

Lê Văn Lý. Le parler Viêtnamien. – P., 1948 (2-nd ed. 1960. Saigon).

Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка. Проблемы морфологии. Курс лекций. – М., 1979.

Ю.А. Сорокин, г. Москва

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ АНАЛОГИИ СТИХОВ АЙ ЦИНА
(ИЗ АРХИВА ПЕРЕВОДЧИКА)

ПРЫЖОК В ВОДУ

Влечет с десятиметровой вышки
чистая голубизна
легок меж трамплином и водой
рисунок по кривой
белоснежным восхищенным воздухом
в ответ вскипает светлосиняя весна.

СОБИРАЮ РАКОВИНЫ

Одаривать
море не мешкает

наклонюсь за солнечными бликами
за радостью близкой
отмели доверчивы
на волнах – легкая усмешка.

КАКТУСЫ

Тебе по душе тюльпаны
мне же – кактусы

чья родина – пустыня
чья родина – жаркие страны

в них от песка и ветра
невиданное упорство

им засуха – не помеха
цветут – коли срок исполнился

на подоконнике живут сызмала
томясь по океанам и морям.

ПЛАНЕТА ВЕНЕРА

В твоих владениях
перемежается и тьма и свет
уходит ночь
день шествует вослед

уже ушли созвездья на покой
лишь ты недвижна как всегда
ждешь – солнце встанет высоко

ждешь – наипервейшего огня
бросаешься в лучистые ряды
и невдомек где исчезаешь ты.

СОН

Проснешься
и волен гадать
куда во сне
возвращался вспять

может быть в детство с веткой цветущей и на палке-лошадке верхом
может быть к другу вернувшемуся из чужедальних краев

пружинит матрац – а тяжко лежать на нем
хоть и рисовая под боком полова – весело от нее

скупыми временами – сполна одарен
щедрыми временами обобран до нитки

не напрасно тревога давит
живу словно нищий.

ФИНАЛ

Дождавшись когда все живущее возьмет терпенье измором
отринет верховенство тьмы и зимних холодов
я снова пущусь в путь с маленького острова на южном море
стоя около паруса первого корабля плывущего на север
взяв в дорогу тепло ласточек цветы и веселье

чудесный белооблачный песнезвон
золотому солнечному свету
бегущему за землей доглядевшей предутренний сон.

ВОЛЬНАЯ ГИМНАСТИКА

Раскрываются цветочные гроздья
музыка узорчата
ритм стремителен
в биениях мелодии
стройной нестесненной
вширь расходящейся
заманчивость движений
затягивает в край колдовства.

НА ГИМНАСТИЧЕСКОМ БРЕВНЕ

Девушка тоненькая как прутик
на краю прямого ровного бруса –
развернувшийся рисунок бесстрашия
скупость изящества
и лада
мгновенность почерка движений
вдохновенное искусство
ожившая скульптура
маленькая ночная серенада.

В ЛОДКЕ НА ЖЕМЧУЖНОЙ РЕКЕ

Пристани одна за другой
жемчужные огни полыхают в короне жар птицы

на берегах жар фонарей
словно фонтана струя
искрометно мчится

ночная гавань бронзовожелтой земли
ослепительней вымысла золотится.

У СЛИЯНИЯ РЕК СТОЯЛ РОДНОЙ ГОРОД

И кажется караван верблюдов проходит городом
к людскому гомону – наслоенье звона колокольцев
как встарь шумит торговая улица
повозки – потоками драконами – лодки

увы пышные дворцы
полегли развалинами
от встреч и разлук тысячелетних радостей и печалей
не осталось и шрама легкого

люди живут равнодушней и добрей
без упования на память на земле своей.

ПУСТЫНЯ ГОБИ И ИЗУМРУДНЫЙ КРАЙ

Пустыня это вздох которому нет предела
просторы засухи
смерть земли
безнадежная линия горизонта

а Изумрудный Край -------
Изумрудный Край это острова песчаных морей
крик жизни
восклицательные знаки зелени
помыслы о воде .....

в Изумрудном Краю
синие озера
омывающиеся белые облака
зеленым зеленая трава
скачущие горные бараны
щедро цветущие кустарники
трели трясогузки .....

Изумрудный Край это легкая улыбка великодушия
Изумрудный Край это надежда и вера.

Переводческие версии Юрия Сорокина

RESUMÉ

Un des poètes remarquables contemporains, dont l'expérience a largement influencé le développement de la poésie chinoise. La Russie connaît plusieurs versions de ses vers qui l'ont classé d'un poète de renom. Cependant, traduite en russe, son oeuvre se fait difficilement trouver complète, puisqu'il peut y arriver, que les meilleurs travaux sont restés hors attentions des traducteurs. La qualité des versions s'apparaît comme point toujours discutable, ce qui vient de la théorie de la traduction-même, ne donnant qu'un sens très vague du terme de qualité. Les variantes ici-proposées se diffèrent peut-être d'un seul trait: les vers d'Ai Tsine traduits sont présentés ligne à ligne. Cette méthode se prétend d' être la plus productive bien qu'elle ne soit toujours pas dominante chez les traducteurs.

М.В. Софронов, г. Москва

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ЕДИНИЦЫ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Китайская речь строится по законам ритма, согласно которым речевые такты в высказывании формируются из двух, трех, четырех односложных слов или многосложных слов, состоящих из соответствующего числа слогов [Касевич 1999: 22–24; Чжао Лошэн 1986: 4–6]. Эти законы распространяются и на многосложные лингвистические единицы, поэтому ритмические правила являются одной из важных основ их формирования. Многосложные единицы китайского языка обладают просодией, внутренней грамматической структурой и значением. Согласно ритмическим правилам, они обладают также количественной характеристикой, которую можно условно назвать односложностью, двусложностью, трехсложностью, четырехсложностью. От количественной характеристики зависит прежде всего их просодия, но также и некоторые грамматические особенности. По своей семантике многосложные количественные единицы китайского языка являются лексическими единицами. По внутренней структуре они относятся как к лексике, так и к фразеологии. В речи они выступают отдельно или в составе высказывания. В практической лексикографии они бывают единицами описания в словарях китайского языка.

Элементарной количественной единицей китайского языка является слоговая морфема. Многосложные количественные единицы образуются сочетанием как отдельных слоговых морфем, так и многосложных компонентов. Все они обладают собственной семантикой, синтаксической структурой, просодией. Минимальной многосложной количественной единицей китайского языка является двуслог со структурой 1+1. Основным предметом первых исследований количественных единиц была эта наиболее распространенная многосложная единица китайского языка. Е.Д.Поливанов в своем исследовании количественной структуры лингвистических единиц китайского языка называл ее двусложной инкорпорацией [Поливанов 1930: 7–11]. А.А.Драгунов называл ее биномом [Драгунов 1962: 44–49]. В современных работах по морфологии китайского языка двусложные лексические единицы рассматриваются как часть общей системы количественных единиц. При одновременном рассмотрении количественных единиц разного состава единообразные названия для них оказываются удобней в обращении. Поэтому в настоящее время для минимальной многосложной единицы китайского языка более предпочтительным представляется название двуслог.

Количественной единицей следующего уровня является трехслог, образованный сложением трех отдельных морфем по модели 1+1+1 или сложением слоговой морфемы с двусложным компонентом по модели 1+2 или 2+1. За ним следует четырехслог со структурой 1+1+1+1, образованной сложением четырех отдельных морфем, со структурой 2+2, состоящей из двух двусложных компонентов, со структурами 1+3 и 3+1, состоящими из сочетания слоговой морфемы с трехсложным компонентом. Возможны также пяти-, шести-, семисложные единицы с разными сочетаниями двуслогов и трехслогов. Независимо от слогового состава количественная единица китайского языка представляет собой просодическое, семантическое, синтаксическое единство. Просодические свойства являются общими для единиц определенного количественного состава. Они выражаются в беспаузности произношения, в общих моделях комбинаторного варьирования слоговых тонов, в единстве акцентных схем для количественных единиц одинакового слогового состава независимо от их внутренней синтаксической и семантической структуры.

По поводу возможного числа слогов в количественных единицах китайские лингвисты считают, что точка их насыщения достигнута в четырехслоге [Чжан Чжигун, Тянь Сяолинь 1980: 463–464]. Дальнейшее увеличение числа слогов приводит к их просодической перегрузке и требует цезуры между компонентами. Таким образом, по общему мнению основными количественными единицами китайского языка являются двуслоги, трехслоги, четырехслоги. Лексические единицы китайского языка чаще всего бывают двуслогами и трехслогами. Фразеологические единицы обычно бывают четырехсложными. Пословицы и поговорки, которые выступают в речи как фразеологические единицы, часто состоят из пяти, шести, семи слогов. В принципе, они построены по просодическим правилам поэтических строк. В связной речи они разделены цезурой на более простые речевые такты.

В составе двуслога происходит реализация значений, а также грамматических и просодических свойств составляющих морфем. В соответствии с ними многосложные единицы обладают собственным лексическим и грамматическим значением. По своим синтаксическим свойствам они могут быть как неделимыми словами, так и словосочетаниями, легко распадающимися на составные части [Драгунов 1962: 44–49]. Именно это имел в виду А.А.Драгунов, когда говорил, что качественные единицы китайского языка – слова и словосочетания – базируются на количественных единицах: двуслогах, трехслогах, четырехслогах [Драгунов 1962: 50]. Слово "базироваться" здесь следует понимать в том смысле, что слова и словосочетания китайского языка существуют лишь в форме количественных единиц и обладают их просодическими свойствами, которые зависят только от числа слогов. За последние десятилетия проведены детальные исследования синтаксической структуры, семантики, просодии количественных единиц. Актуальной задачей исследования количественных единиц является определение эффективности критерия неделимости слов и разделения словосочетаний.

Семантика количественных единиц

Односложное слово китайского языка, состоящее из одной знаменательной морфемы, обладает знаковой функцией: оно нечто обо-

значает. Количественные единицы, состоящие из двух и более знаменательных слоговых морфем, определенным образом описывают свои референты. Это описание, в целом, проводится средствами семантики составляющих его морфем. В этом отношении китайский не отличается от других языков. Как уже было сказано выше, по своим синтаксическим свойствам количественные единицы могут быть как неделимыми словами, так и словосочетаниями, легко распадающимися на составные части. Проблема слова в китайском языке в теоретическом плане усложнена не в меньшей степени, чем эта проблема в европейских языках. В практическом плане она решается следующим образом. В грамматике современного китайского языка слоговая морфема по традиции называется цзы. Многосложные лексические единицы называются цы. В китайском языкознании этот термин обычно употребляется как соответствие европейскому термину «слово». В практике китайской лексикологии и лексикографии название цы относится ко всем количественным единицам: двусложным, трехсложным, четырехсложным, которые обладают некоторой независимой референцией. По формальным морфологическим признакам многосложные лексические единицы цы могут состоять как из двух или большего числа знаменательных морфем, так и из сочетания знаменательной морфемы со служебной или полуслужебной словообразовательной морфемой. В этом отношении они также похожи на слова других языков. Сходство обнаруживается также и в референтных свойствах: служебные и знаменательные морфемы, входящие в состав китайской лингвистической единицы цы, описывают ее референт с подробностями или без подробностей.

Многосложные единицы китайского языка, представляют собой просодическую и семантическую реальность, которая полностью осознается как рядовыми носителями китайского языка, так и учеными лингвистами. В просодическом отношении ближайшей аналогией китайским многосложным количественным единицам цы в европейских языках, являются фонетические слова, которые могут состоять из двух и более лексических единиц. В морфологическом отношении аналогичными явлениями в европейских языках являются сложные слова, состоящие из двух или большего числа знаменательных морфем, или словосочетания типа «железная дорога», где единый рефе-

рент описан двумя отдельными словами с раздельным грамматическим оформлением. Однако от своих европейских аналогов китайские количественные единицы отличаются четкой слоговой характеристикой. Наиболее существенным отличием китайских количественных единиц от слов европейских языков является развитая система семантического взаимодействия слоговых морфем в их составе.

Семантическое взаимодействие слоговых морфем в составе количественных единиц китайского языка, в целом, направлено на описание референта. Однако при этом попутно решается и другая задача, которая не является существенной для словообразования европейских языков. Эта задача состоит в том, чтобы количественная единица не только описывала свой референт, но также и соответствовала ритмическим правилам образования количественных единиц. Пути решения этих задач особенно явственны в двуслогах. В большинстве двуслогов описание референта проводится средствами семантики обеих составляющих морфем. Их значение бывает равно сумме значений их морфем. Поэтому с точки зрения их семантики такие двуслоги аддитивны. Однако в части двуслогов одна слоговая морфема является главной, а другая второстепенной, которая принимает лишь косвенное участие или совсем не принимает участия в описании референта. Роль такой второстепенной морфемы по существу формальна: в составе двуслога она реализуется как слог, но не как значимая единица речи. Однако благодаря ее присутствию основная слоговая морфема приобретает ритмическую форму двуслога. Ввиду того, что ее значение не принимает участие в описании референта, двуслоги, в составе которых имеются такие морфемы, по характеру семантического описания неаддитивны. Семантика количественных единиц последующих уровней – трехслогов и четырехслогов – обычно бывает аддитивной.

Существуют три способа образования неаддитивных двуслогов. В двуслогах с сочинительной структурой, которые состоят из двух синонимичных морфем, значение двуслога образуется повторением одного и того же смысла. Поэтому его значение оказывается равным значению любой из этих морфем. В двуслогах с подчинительной структурой неаддитивные значения создаются с помощью семантического плеоназма, т. е. повторения семантического компонента в од-

ной из его морфем. В двуслогах хуанцзинь «золото» (букв. «желтое золото»), байинь «серебро» (букв. «белое серебро»), цинцао «трава» (букв. «зеленая трава») и т. п. признак хуан «желтый», бай «белый», цин «зеленый» совпадают с семантическими компонентами «желтизна» «белизна», «зелень», присутствующих в сигнификациях морфем цзинь «золото», инь «серебро», цао «трава».В перечисленных двуслогах определение, выраженное прилагательным, указывает реальный признак предмета. Он может быть также и условным: лаоху «тигр» (букв. «старый тигр»), мацяо «воробей» (букв. «конский воробей»), сяньхао «журавль» (букв. «мудрый журавль»), сицяо «сорока» (букв. «веселая сорока») и т. п. Определения, выраженные прилагательными при названиях животных являются их постоянными эпитетами в соответствии с их свойствами по традиционному бестиарию. Очевидно, что цель этого вида семантического плеоназма также состоит в том, чтобы реализовать в речи некоторый смысл в соответствующей ритмической форме. В двуслогах-гипонимах, состоящих из родового термина и видового определения, которое может быть выражено как именем, так и прилагательным, определение, выраженное прилагательным, также может быть как реальным, так и условным. В байху «песец» (букв. «белая лисица»), хуандоу «соевые бобы» (букв. «желтые бобы»), хэйян «осокорь» (букв. «черный тополь») определение указывает реальное видовое отличие референта. Однако оно может указывать условное видовое отличие: сяо май «пшеница» (букв. «малый злак»), дамай «ячмень» (букв. «большой злак»), которое реально не имеет отношения к размеру самого злака.

В двуслогах глагольного управления повторение семантических компонентов управляющей глагольной морфемы и управляемой именной образуется с помощью так называемого «пустого объекта»: шо хуа «говорить слова», чи фань «есть еду», чан гэ «петь песни» и т. п.

Синтактика количественных единиц

Слова, состоящие из нескольких морфем, представлены во всех языках мира. Содержание отношений между морфемами внутри слова различно в разных языках. Для большинства языков эти отношения позиционны: основа представляет собой семантический центр слова, ей предшествует префикс, а суффикс и окончание следуют за

ней. Наиболее важное отличие китайского словообразования от словообразования в европейских языках состоит в содержании связи между морфемами многосложных лексических единиц.

В китайском языке отношения между морфемами в количественных единицах строятся на грамматических основаниях. В китайском синтаксисе представлены три способа установления отношений между лексическими единицами: порядок самих лексических единиц, служебные морфемы, просодия высказывания в целом или просодия его частей. Основным правилом китайского синтаксиса является порядок лексических единиц, согласно которому субъект высказывания находится на первом месте, его предикат – на втором, объект действия следует за глаголом. Служебные морфемы и просодические средства языка позволяют создавать в высказывании иной порядок лексических единиц, ориентированный на его коммуникативное задание. Этот порядок может в различной степени отличаться от основного. Синтаксические отношения субъекта и предиката могут быть установлены всеми указанными выше способами. Синтаксические отношения глагольного управления, признака и принадлежности устанавливаются как порядком лексических единиц, так и служебными морфемами.

В качестве компонентов многосложных лексических единиц могут выступать как отдельные знаменательные морфемы, так и многосложные количественные единицы. Чаще всего в качестве компонентов выступают двуслоги. Значительно реже в этой роли выступают трехслоги. В многосложных лексических единицах китайского языка отношения между компонентами по своему содержанию являются аналогами синтаксических отношений в высказывании. Соответственно в многосложных лексических единицах основной дихотомией синтаксических отношений между морфемами или более сложными компонентами являются отношения сочинения и подчинения. Средством формирования этих отношений является порядок слоговых морфем или многосложных компонентов по правилам китайского синтаксиса.

Принимая во внимание аналогию синтаксических связей слов в высказывании синтаксическим связям между слоговыми морфемами в многосложных лексических единицах, последние можно назвать

малым синтаксисом. Просодические и акцентные средства большого и малого синтаксиса во многом сходны. Однако для выражения синтаксических отношений между компонентами количественных единиц малый синтаксис китайского языка пользуется более скромными грамматическими средствами. В отличие от большого синтаксиса служебные морфемы в малом синтаксисе не используются. Интонация как средство изменения порядка морфем также не используется. Единственным способом образования этих отношений здесь является сам порядок морфем или, соответственно, порядок многосложных компонентов. Соответственно в количественных единицах-словах возможны словообразовательные служебные морфемы, но формообразовательные невозможны. В составе количественных единиц-словосочетаний возможны формообразовательные служебные морфемы.

Как уже упоминалось выше, основным критерием, по которому количественные единицы-слова отличаются от количественных единиц-словосочетаний, является неделимость слова и способность словосочетания к разделению. Их грамматическое оформление находится в прямой зависимости от этих признаков. Грамматическое оформление количественных единиц-слов относится к ним в целом, а грамматическое оформление словосочетаний может относиться к одному из его компонентов. В качестве разделяющих единиц могут выступать как знаменательные, так и служебные морфемы, а также многосложные компоненты. Способность количественных единиц к разделению знаменательными или служебными морфемами зависит от синтаксических и прагматических факторов. Синтаксический фактор – это содержание синтаксических отношений между компонентами количественных единиц. От содержания синтаксических связей зависит выбор разделяющих служебных и знаменательных морфем. Разрыв последовательности морфем и их раздельное грамматическое оформление чаще всего допускают количественные единицы глагольного управления. Количественные единицы с другими видами синтаксических связей, как правило, разрыва не допускают.

Однако в действительности все не так просто. Исследования синтаксических свойств количественных единиц показывают, что количественные единицы любого типа при определенных условиях до-

пускают разрыв или раздельное оформление, либо то̀ и другое одновременно. Поэтому для практического использования критерия делимости требуется четкое представление о том, какие именно разрывы и какое именно раздельное оформление количественных единиц бывают возможны. Следовательно, когда говорится о неделимых словах и способных к разделению словосочетаниях, в действительности имеются в виду три обстоятельства: класс слов, способных к разделению, способ разделения и пределы разделения.

Прагматический фактор имеет прямое отношение к области использования количественных единиц. По прочности синтаксических связей среди количественных единиц китайского языка выделяются, условно говоря, термины, которые неделимы и грамматически оформляются только целиком. Среди них имеются как международные научные и общественно-политические термины, так и собственно китайские лексические единицы. Среди последних следует особо выделить двусложные единицы, состоящие из морфем, не имеющих собственного значения. Термины и упомянутые двусложные единицы могут обладать любой синтаксической структурой, но, в принципе, не допускают ни разрыва, ни раздельного грамматического оформления. По синтаксическим свойствам они представляют собой точное соответствие многосложным словам европейских языков. Таким образом, с учетом области использования существует три класса количественных единиц китайского языка, которые различаются по степени устойчивости: количественные единицы-термины (в указанном выше объеме), которые, в принципе, не допускают ни разделения, ни раздельного грамматического оформления, количественные единицы-слова, которые допускают разделение и раздельное грамматическое оформление в определенных условиях и в определенных пределах, количественные единицы-словосочетания, которые допускают любое разделение знаменательными или служебными морфемами и раздельное грамматическое оформление.

Прагматика количественных единиц

Формальное различие между количественными единицами-словами и количественными единицами-словосочетаниями выражено в способах их грамматического оформления и в синтаксических воз-

можностях их компонентов. Неделимость слов предполагает их цельное грамматическое оформление, делимость словосочетаний предполагает их раздельное оформление. Соответственно, многосложные термины оформляются целиком. Многосложные словосочетания обычно имеют раздельное грамматическое оформление, при котором соответствующая служебная морфема относится не ко всему словосочетанию, а только к одному из его компонентов. Синтаксические возможности компонентов выражаются в способности хотя бы одного из них сочетаться с новой знаменательной морфемой. Основные факты, относящиеся к прагматике многосложных слов, состоят в следующем. Морфемы, входящие в их состав, в принципе, допускают раздельное сочетание со знаменательными или служебными морфемами. При этом грамматическое оформление и способы разделения различны в словах разного количественного состава и с разными синтаксическими отношениями между их компонентами. Чаще остальных разделению бывают подвержены двуслоги.

Способы разделения зависят от синтаксической связи между морфемами двуслогов и их грамматического значения. Двусложные слова с сочинительной синтаксической связью допускают разделение знаменательными морфемами. Грамматически разделение проводится как сочетание каждой морфемы двуслога с определением или с управляющим глаголом по отдельности. Соответственно, в разделении принимают участие две разделяющие морфемы определенной семантики и с одинаковым грамматическим значением, т.е. обе разделяющие морфемы должны быть именами или предикативами. Результатом разделения является четырехсложная фразеологическая единица. Собственно, разделение двусложных слов является распространенным приемом образования четырехсложных фразеологических единиц. Морфология таких единиц нуждается в специальном исследовании. Здесь можно привести лишь несколько примеров. Именные морфемы, образующие двуслог, раздельно сочетаются с определениями. Эти определения могут быть именными: цянби «стена» – тунцян теби («медная стена, железная преграда») – «непреодолимое препятствие» или качественными: цигуай «странный» – цисин гуайчжуан («странный вид, курьезный облик») «необычный». Именные морфемы двуслога раздельно сочетаются также с управ-

ляющими глаголами. При этом обе морфемы могут сочетаться с одним и тем же глаголом: шоуцзяо «конечности» – дун шоу дун цзяо («пустить в ход руки, пустить в ход ноги») – «драться», – или с двумя синонимами: тяньди «мир» – хуаньтянь сиди («радоваться небу, радоваться земле») – «радость на весь мир».

Разделение двуслогов представляется достаточно формальным грамматическим приемом, потому что оно оказывается возможным и в таких двуслогах, где одна из морфем имеет служебное значение: хуадо «цветы» – ча хуа цзай до «сажать цветы». Вне двуслога морфема до – счетное слово для цветов – никогда не выступает в качестве объекта при глаголе. Двуслог с определительной связью яньлэй «слезы» (букв. «слезы глаз») при разделении управляющими глаголами тан янь мо лэй приобретает значение «заливаться слезами» (букв. «заливать водой глаза, утирать слезы»). В обоих случаях сочетания цзай до и тан янь бессмысленны, поскольку описывают невозможное состояние объекта [Чжао Лошэн 1986: 8]. Значительно реже встречаются, но также могут быть разделены знаменательными морфемами, двуслоги глагольного управления: баосяо «отчитаться о расходах» – шибао шисяо «полностью отчитаться о расходах».

Раздельное оформление и расширение управляемого компонента словосочетания изменяют синтаксический статус количественной единицы. При раздельном оформлении многосложные единицы разговорного языка становятся речевыми тактами высказывания или целыми высказываниями, которые могут состоять из нескольких речевых тактов. При синтаксическом расширении без служебных морфем образуются количественные единицы старших уровней. Как уже указывалось, термины любой синтаксической структуры не допускают ни раздельного оформления, ни расширения компонентов. Однако для достижения определенного стилистического эффекта они также могут быть разделены: хуацзи «комедия» – хуа тянься чжи да цзи «большое посмешище на всю страну». В сущности, здесь разделение неделимого двуслога использовано для создания комического эффекта. В результате такого разделения получилась пятисложная количественная единица, которая в речи сама по себе образует речевой такт.

В количественных единицах с подчинительной связью чаще всего встречается раздельное грамматическое оформление, при котором

они бывают разделены служебными или одновременно служебными и знаменательными морфемами. В атрибутивных количественных единицах определение, выраженное как существительным, так и прилагательным, может быть оформлено определительным суффиксом -дэ. Согласно приведенным выше синтаксическим критериям, грамматическое оформление определения в составе атрибутивной количественной единицы суффиксом -дэ следует рассматривать как его раздельное оформление. Этого достаточно для того, чтобы отнести ее к словосочетаниям. Однако возможность такого оформления зависит от ее состава. Известно, что двусложные атрибутивные единицы с именным определением весьма редко прибегают к грамматическому оформлению определения суффиксом -дэ. Янмао «овечья шерсть» является регулярным неделимым двуслогом, а яндэ мао «овечья шерсть» можно встретить очень редко, соответственно, двуслог бусе «матерчатые туфли» встречается регулярно, а будэ се «матерчатые туфли» – еще реже, чем яндэмао [Люй Шусян 1963: 117].

В двусложных атрибутивных количественных единицах с определением-прилагательным суффикс -дэ встречается еще реже, чем в количественных единицах с определением – существительным. Как и в перечисленных выше случаях, возможны гао шань «высокая гора», жэ шуй «горячая вода», чжун бин «тяжелая болезнь» и т. п. Соответствующие словосочетания с определительным суффиксом -дэ типа гаодэ шань, жэдэ шуй и т.п. грамматически правильны, но образуются лишь тогда, когда требуется логическое выделение определения. То же самое относится и к атрибутивным двуслогам с именным определением.

В трехсложных атрибутивных единицах определение с суффиксом -дэ вообще не встречается. Таким образом, при строгом приложении критерия неделимости оказывается, что двусложные атрибутивные количественные единицы должны быть отнесены к словосочетаниям, а трехсложные – к словам. Вероятно, поэтому в китайском языкознании те и другие относятся к категории цы. Четырехсложные количественные единицы с определением-двусложным существительным без суффикса -дэ часто выступают в речи как неделимые четырехслоги – цы: боли дэнчжао «стеклянный абажур», суляо седи «пластмассовая подошва», цзинцзи цзичу «экономическая

основа», цихоу тяоцзянь «климатические условия», цзянькан цинкуан «состояние здоровья». Однако наряду с ними возможны соответствующие речевые такты с определительным суффиксом -дэ: болидэ дэчжао «стеклянный абажур» и т. д. Примечательно, что в четырехсложных терминах, которые представляют собой атрибутивную количественную единицу со структурой 2+2, двусложное определение не бывает оформлено суффиксом -дэ: цзюэдуй гаоду «абсолютная высота», гаодэн цзяоюй «высшее образование», путун хуасюэ «общая химия» [Люй Шусян 1963: 18]. Вообще, раздельное оформление определения в атрибутивной единице любого количественного состава суффиксом -дэ создает синонимичное словосочетание с логическим выделением определения. В речи такое словосочетание обычно выступает как отдельный речевой такт.

Для многосложных словосочетаний с синтаксической связью глагольного управления характерно раздельное грамматическое оформление. Соответственно, глагол в таких словосочетаниях может быть оформлен любым видо-временным суффиксом: чила фань «поел», хэла шуй «попил», дала дяньхуа «позвонил по телефону». Управляемый компонент таких словосочетаний допускает расширение определением любой величины. Так трехслог глагольного управления дэнхоу синь «ждать письма» может быть расширен до двух речевых тактов: дэнхоу Бэйцзин лайдэ синь «ждать письма из Пекина» [Люй Шусян 1963: 22]. Другим видом раздельного грамматического оформления многосложных глаголов являются морфемы -дэ и -бу, которые в сложных глаголах вставляются между глагольной основой и ее модификатором и вносят в них значение возможности или невозможности действия.

О формальном характере раздельного оформления словосочетаний глагольного управления свидетельствует заметная тенденция в современной устной форме национального языка трактовать как двуслоги с глагольно-объектной связью любые неделимые предикативы и двусложные существительные, способные выступать в грамматическом значении глагола. Так, дуйсян «объект», который в разговорном языке имеет значение «предмет любви», с помощью сочетания морфемы дуй «парный» с модификатором шан, обозначающим начало действия, превращается в глагольную форму дуйшан сян «полюбил»;

гань мао «простуда» – ганьла мао «простудился»; сицзао «мыться» – сила цзао «помылся» и т.п.

Таким образом, неделимость многосложных количественных единиц не означает их абсолютной неделимости. Соответственно неделимость слов и делимость словосочетаний является не абсолютным, а статистическим критерием различения этих лингвистических единиц. Поэтому в задачу описания свойств многосложных лингвистических единиц китайского языка входит указание условий, смысла и результатов разделения составляющих морфем знаменательными или служебными морфемами.

ЛИТЕРАТУРА

Драгунов А.А. Грамматическая система современного китайского языка. – Л., 1964.

Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. – М.–Л., 1930.

Касевич В.Б., Венцов А.В., Спешнев Н.А. О ритмической структуре китайского текста // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования КНР 27–28 октября 1999 г. – СПб., 1999.

Люй Шусян. Сяньдай ханьюй дань шуан иньцзе вэньти чутань (Предварительное исследование однослогов и двуслогов в современном китайском языке) // Чжунго юйвэнь. – 1963. – № 1.

Чжан Чжигун. Ханьюй юйхуй чжун даньиньцзе юйсу хэ доиньцзе цы ды сянху гуаньси (Взаимоотношение односложных и многосложных морфем в китайской лекике). Юйянь вэньцзы сюэшу луньвэнь цзи. Ван Ли сяньшэн сюэшу ходун уши чжоунянь. – Шанхай, 1980.

Чжао Лошэн. Ханьюй цзелюй (Ритм китайского языка). Юйянь яньцзю цзикань. – Пров. Цзянсу, 1986.

С.А. Старостин, г. Москва

КИТАЙСКО-АЛТАЙСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

В древнекитайском языке обнаруживается существенный пласт слов, имеющих алтайские параллели. Ср.:

Др.-кит.	ПА	Кор.	Яп.	Тюрк.	Монг.	ТМ
爪 crū? 'коготь'	*čɨ̆uru (~ -a) 'скрести, коготь'	*čūr 'напильник'		*dir-ŋa- 'скрести, коготь'		*ǯurū- 'скрести'
李rhə? 'слива'	*eri 'слива, плод'	*irim 'вид ягоды'	*itapi 'японская фига'	*erük 'слива, абрикос'	*üril 'слива'	
兔 thā(k)s 'кролик, заяц'	*t'ogsu 'заяц'	*thoski 'заяц'			*togsi- 'убегать вприпрыжку'	*tuksa- 'убегать; заяц'
姑 kā 'тетка по отцу, теща'	*ěk'a 'старшая сестра, мать'	*kjə- 'женщина'	*kaka 'мать'	*eke 'старшая сестра'	*eke 'мать'	*eKe 'женщина; старшая сестра'
芥 krēts 'горчица' [LZ]	*kabro(-č'V) 'вид закваски'	*kor-'ači 'винный грибок'	*kara- 'горький', *karasi 'горчица'	*Kor- 'закваска; горький'	*kowr 'яд'	
客 khrāk 'гость'	*kara(-k'V) (~ k'-) 'противник, враг'		*kata-ki 'враг'	*Kar- 'противоположный', *Karak 'грабитель, бандит'	*kar- 'иностранный, чужой'	
盆 bhən 'лохань'	*pojnV (~ p'-) 'сосуд; лодка'	*pai 'лодка'	*puna-i 'лодка, сосуд'		*haji- 'судно'	
軌 kru? 'концы колесной оси'	*kjuru '(колесная) повозка'		*kuruma 'повозка'		*kür-dün 'колесо'	
凍 'замерзать' tōŋ(s) [ПЧж]	*tuŋa 'холод, мороз'		tumeta- 'холодный'	*doŋ 'холод, замерзать'	*daγara- 'замерзать'	*doŋota 'холод, мороз, замерзать'
祖 *cā? 'покойный дед, предок'	*ačV 'старший родственник, предок'	*ača- 'тетя, дядя'		*ačaj / *ečej 'старший родственник'		
貢 kōŋ-s (< *kōm-s?) 'дар, подношение'	*k'omu 'жертвоприношение, почитание'	*kōma 'почитание'	*kuma 'приношение богам'	*Kom- 'наследство'		
梅 mə 'абрикос, слива'	*jumu 'вид плода или ягоды'		*umai 'слива'	OT imiti 'боярышник'		*uma-kta 'шиповник, кизил'

Др.-кит.	ПА	Кор.	Яп.	Тюрк.	Монг.	ТМ
粒 rəp 'злаки, зерно (как пища)'	*arp'a 'ячмень, просо'		*apa 'просо'	*arpa 'ячмень'	*arbaj 'ячмень'	Man. arfa 'ячмень'
麥 mrək 'пшеница, ячмень'	*mjurgu 'пшеница, ячмень'	*mirh 'пшеница'	*munki 'пшеница, ячмень'			*murgi 'ячмень'
惑 wək 'обманывать, ошибаться'	*uk'e 'глупый'		OJ wokwo 'глупый'		*(h)üki 'глупый'	Man. uxu-ken 'глупый'
棣 lhəj-s 'дикая слива'	*ojle (~ -i) 'маленький плод'	*oijəs 'слива'			*ölir 'дикое яблоко'	*ulīn-(kta) 'дикое яблоко'
琴 ghəm 'семиструнный музыкальный инструмент'	*kuma 'вид музыкального инструмента'	*kəminko 'корейская семиструнная арфа'		*Komur 'музыкальный инструмент'		*kumu-n 'музыка'
罟 trəkʷ-s 'корзина для ловли рыбы'	*t'obru(-k'V) 'сеть'	*tarači 'корзина'	*tur- 'рыбная ловля'	*tor 'сеть'	*towr 'сеть'	*turku- 'попадать (в ловушку, сеть)'
農 nūŋ 'сельское хозяйство; крестьянин'	*njaŋu / *ŋjaŋu 'поле'	*non 'рисовое поле'	*nua 'поле'	*(i)aŋir 'жнивье'	*nuntug 'пастбище'	*ŋuŋi / *ŋoŋi 'место охоты'
過 kʷāj-s 'проходить, миновать'	*kēju id		*kuaja-	чув. kaj- 'уходить'		*kēj-
賓 pin 'посетитель, гость'	*p'jŭŋi 'чужой'		*pina 'провинция, варвары'	*öŋi 'другой'		*puŋte 'чужой, другой'
劍 kam-s 'меч'	*k'ema 'острый, острое орудие'		*kama 'серп'			*xemer 'острый'
敵 dhēk 'враг, вражда'	*dagi 'враг'	*tōi 'варвар'	*(d)iku-sa 'война, воин'	*jagi 'враг, война'	*dajin 'война'	*dagu-r 'друг'
稷 cək 'разновидность проса'	*ǯiugi 'просо'	*čoh 'просо'		*jügür- 'просо'		*ǯija- / *ǯije- (~-g-) 'просо'
縣 gʷēn-s 'район' [ПЧж]	*kjune 'народ, страна'		*kuni 'страна'	*Kün 'народ'	*küyün 'человек'	*kün- 'клановое название'
穀 k(l)ōk 'втулка, ступица колеса'	*kolbek'V 'втулка, ступица колеса'		*kəsiki 'втулка, ступица колеса'	*Kol-luk 'втулка стрелы'	*kolkibči 'втулка, ступица'	Evk. kul-bukā 'втулка, ступица'
鵲 shiak 'сорока'	*sako-sako id.		*kasasaki	*sagisgan	*siyaǯigaj	*saksa(ki)
麒麟 g(h)ə-r(h)ən 'единорог' [cf. also 麋 krun 'вид оленя']	*guri(-nV) 'олень, дичь'	*korani 'олень, лось'			*görüye- 'антилопа, дикий зверь'	*guma- 'горностай; белка' (?)

Др.-кит.	ПА	Кор.	Яп.	Тюрк.	Монг.	ТМ
芣苢 bhə-lə? 'подорожник'	*bi̯ola 'вид травы'	*puro 'салат, Lactuca'	*bara(m)pi 'папоротник'	*bal̥gin 'viburnum'	*bal- 'heracleum, angelica'	*boloka 'spiraea'
旆 b(h)āt-s 'вымпел'	*pada 'флаг, знамя'		*pata	*bAd-rak	*bad-	
犬 ŋ(h)ān-s 'дикая собака'	*ŋ̊ndo 'собака'		*inu	*it / *it		*ŋinda-
笓 kra? 'круглая корзина'	*k'ure 'корзина'	*kori	*kua	*Küri-		*xurid- 'сосуд для ягод'
葚 d(h)əm? 'тутовая ягода'	*čamu (~ ti̯-) 'вид дерева, тут'		*tum(u)i 'тутовая ягода'		*dom 'липа'	*ǯamu 'шиповник'
綅 kūn? 'веревка, шнур'	*k'i̯uni	*kinh 'веревка, кисточка'	*kinu 'шелк, ткань'	*köjŋe-lek 'рубашка'	*kejeŋ 'край ткани'	
椒 ghʷat 'удила' [Хань]	*kadu 'уздечка'	*kur'əi	*kutuwa		*kada-	*kadala / *kadara
獮 snhar? 'осенняя охота'	*sonu 'собачья охота'	*sanhaig 'охота'	*suna-tər- 'ловить рыбу' (< *'охотиться')	*sonar 'собачья охота'		*suna 'собачья упряжка'
馘 kʷrāk 'отрезанные уши врагов'	*k'ŭjlu(-k'V) 'ухо'	*kui 'ухо'	*ki-k- 'слышать'	*Kul-kak 'ухо'	*kulki 'ушная сера; среднее ухо'	*xūl- 'слышаться'
劓 ŋ(h)rets 'отрезать нос'	*ŋ̊akča 'нос'	*nač̌h 'лицо'			*nagčar-kai 'переносица'	*ŋiaksa 'нос'
刎 m(h)ən? 'перерезать глотку' (ПЧж)	*mojno 'шея'	*mjə-k	*nəmpV	*bõjn	*mundaγa 'холка (лошади)'	*mon-ga-n
襟 krəm 'вид платья, нахлестка платья'	*kuro(mV)	*korom 'шнурок для одежды, тесьма'	*kərəmə 'платье, одежда'	*Kur 'пояс'	*kormaj 'подол, юбка'	*kurumV 'вид верхней одежды'

Отличительная особенность этих лексем в древнекитайском – отсутствие сино-тибетских параллелей. Поэтому представляется весьма вероятным, что здесь мы имеем дело с ранними заимствованиями в древнекитайском из некоторого алтаеязычного источника, при этом проникшими в китайский язык весьма рано (не позднее рубежа 1–2-го тысячелетий до н. э.). Обращает на себя внимание как специфический культурный характер большинства приведенных слов,

так и интересная их дистрибуция внутри алтайского: все они представлены либо в корейском, либо в японском языках, либо в обеих этих ветвях одновременно. Поэтому вряд ли здесь идет речь о заимствовании из протоалтайского, а скорее из поздней диалектной группы, образовавшейся после распада корейско-японского единства (ориентировочно в 3-м тысячелетии до н. э.). По-видимому, мы имеем дело с заимствованиями из языков «северных варваров», вытеснявшихся ханьцами с Северо-Востока Китая и ушедшими затем в Корею и далее в Японию. Описываемые контакты представляются крайне важными для определения путей миграций как сино-тибетских, так и алтайских народов.

Н.Г. Таран, г. Томск

АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИО-РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ С ЛЕКСИКОЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В последнее время ученые проявляют все больший интерес к лексике современного китайского языка: издается много нормативных словарей, печатаются статьи на эту тему. И если говорить об источниках нормативной лексики современного китайского языка (СКЯ), то можно сказать, что диалектизмы отражают связь между словарным составом и местностью, вэньянь отражает взаимоотношения между лексикой и историей, а недавно китайскими учеными был выделен еще один пласт лексики. В своих трудах профессор Гонконгского Линнаньского Университета Тянь Сяолинь ввела понятие «социо-региональная лексика». Она назвала социо-региональной лексикой слова, которые отражают политические, экономические и культурные реалии определенного региона. Таким образом, социо-региональная лексика подчеркивает связь между лексикой и определенным обществом.

Так как люди, говорящие на СКЯ, живут в разных частях мира, нормативная лексика СКЯ и социо-региональная лексика имеют скрытую неразрывную связь. Если социо-региональная лексика ис-

пользуется в разных регионах, как же она появляется? Может ли социо-региональная лексика одного района перекликаться с другой, используемой в другом районе? Как найти источник происхождения каждого слова социо-региональной лексики? Существует много вопросов, которые требуют тщательного изучения.

В Гонконгском Политехническом Университете на факультете китайского языка в период с 1991 по 1997 год составили «Сборник варьирования китайского языка непосредственно в Китае, на Тайване и в Гонконге», который включает в себя 6100000 знаков, 60000 словарных статей. Языковой материал охватил период с 1990 по 1992 годы. Профессор Тянь Сяолинь обратила в этом сборнике внимание на статью Чэнь Жуйдуань и Тан Чжисян «Определение состава и количества социо-региональной лексики 90-х годов». В названном сборнике лексику делят на слова, которые употребляются повсеместно, в двух из этих регионов, и слова, которые употребляются только в одном регионе. Это необходимо для того, чтобы найти общие принципы формирования лексики СКЯ и выяснить «территориальные различия» этих трех регионов в плане лексики. Согласно результатам их исследования, наиболее распространенными оказались слова, повсеместно используемые. Этот вывод указывает на единство лексики китайского языка. Какое же количество социо-региональной лексики одного района может быть лексикой, используемой повсеместно? Представляется важным провести тщательный анализ относительно границ использования социо-региональной лексики. Рассмотрим несколько примеров. В Гонконге появилось слово 强积金 (MPF), перевод которого составил для нас трудность. Однако в Гонконге каждый человек понимает это слово. Причиной появления этого слова является вышедший в декабре 2000 г. закон о соблюдении обязательств работодателя и вольнонаемных рабочих. В случае несоблюдения требований закона любая из сторон выплачивает штраф или отправляется в тюрьму. Это слово давно используется в Гонконге. Что же касается употребления этого слова на материке и на Тайване, то там законодательства о пенсионном страховании рабочих совершенно иные. Если нет подобного явления в обществе, то нет соответственно и слова, его называющего. Следовательно, 强积金 – это слово, используемое только в Гонконге.

Приведем еще один пример. «Товарищами» 同志 называли и называют гомосексуалистов на Тайване. Очень скоро и в Гонконге это слово стало широко применяться как в печати, так и в литературных произведениях. Но на материке на протяжении долгого времени слово «товарищ» используется как обращение к людям в официальной обстановке. Поэтому для слова «товарищ» значение гомосексуалист здесь исключено. Таким образом, получается, что люди, живущие в разных местах, при употреблении одного и того же слова вкладывают в него разный смысл. Слово «товарищ» в значении «гомосексуалист» до недавнего времени использовалось только в Гонконге и на Тайване, однако сейчас молодёжь на материке также стала использовать слово «товарищ» для обозначения гомосексуалистов.

Рассмотрим еще один пример. На материке используется выражение 《希望工程》 – «программа будущего», которое обозначает пожертвования на образование в бедных районах. Это делается для того, чтобы там открывались школы, чтобы неграмотных детей возвращали с улиц на школьную скамью, ведь дети – это будущее страны, надежда нации. И вот благодаря тому, что некоторые жители Гонконга, Тайваня и Макао заботятся о благополучии страны, великодушно делают пожертвования, в частности, в рамках «программы будущего», это словосочетание из разряда слов, употребляющихся в одном регионе, перешло в разряд повсеместно употребляемой лексики. Чтобы определить пределы использования любого слова или выражения социо-региональной лексики, необходимо проанализировать составляющие этого слова и условия его употребления. Только после этого можно делать выводы.

По причине большой территории Китая на материке и огромного количества населения некоторые ученые не склонны считать лексику, используемую на материке, социо-региональной лексикой, а только лишь ту, что используется на Тайване и в Гонконге. Тянь Сяолинь считает, что по сути дела на территории материка употребляется немало слов социо-региональной лексики, которые без сомнения отражают местный колорит общества. Они очень редко или вообще не встречаются в других регионах, то есть это стандартные выражения социо-региональной лексики, которые четко отличаются от диалектизмов. Приведем несколько примеров:

上岗 – устроиться на работу; 下岗 – уволиться с работы, сейчас больше в значении потерять работу (вынужденно, поневоле, из-за банкротства или закрытия предприятия, по сокращению кадров, ср. с российским «бессрочный отпуск»); 红头文件 – официальные документы с логотипом какого-то учреждения; 跨世纪的接班人– дети, которые родились в 90-х гг. XX века; 第三代领导集体 – третье поколение руководителей (после Мао Цзедуна, Дэн Сяопина), т.е. нынешнее правительство и т.д. Эти выражения не используются на Тайване, в Гонконге, Макао, а также других местах, где живут китайцы. Необходимо понимать смысл вышеприведенных примеров, что весьма нелегко.

Хотя площадь Гонконгского особого административного района небольшая, а население не превышает 7000000 человек, но в Китае он занимает особое место. Вследствие того, что Гонконг – это рыночное общество, оно кажется здесь особенно оживленным и полным энергии. Такой образ жизни общества неизбежно будет влиять на язык людей, живущих на данной территории. В Гонконге говорят на кантонском диалекте и путунхуа, но первый преобладает. Диалектизмы очень активны, поэтому много слов кантонского диалекта вошли в нормативную лексику (путунхуа). Языковую политику Гонконга можно обозначить как «использующую две письменности и три языка», так как английский язык по-прежнему является государственным языком. На английском языке ведется обучение в университетах и в части средних школ, также он является языком, используемым в сфере торговли и политики. Этим объясняется распространение заимствованных слов в языке. Следовательно, Гонконг – это ценная база, где изобретаются и апробируются заимствования.

В последнее время, по мере того как появляются новые вещи и явления, появляется и новая социо-региональная лексика. Примером служит рассмотренное ранее слово 强积金, употребляемое в Гонконге. Приведем еще несколько примеров социо-региональной лексики Гонконга:

毅进计划 – «план повышения успеха» – администрация школ вводит дополнительные занятия для повышения успеваемости 11-классников, которые как предполагается, иначе не смогут сдать экзамены;

展翅计划 – «план “раскрыть крылья”» – правительство разработало план по обучению профессии молодежи в возрасте от 15 до 19 лет, оставившей школу;

语文基准 – «критерий грамотности» – администрация школ проверяет уровень знания английского языка и путунхуа среди учителей средней школы;

狂野派对 – «сумасшедшая вечеринка» <от англ. party>, ещё называется 粗口派对 – «вечеринка для тех, кто нецензурно выражается». Обычно это происходит, когда несколько молодых людей собираются, чтобы бурно повеселиться. Некоторые приносят наркотики, распространяют или употребляют их.

Для некоторых общественных явлений, относительно которых существуют разные позиции, разные точки зрения, также могут применяться разные слова для их обозначения. Также это может происходить с социо-региональной лексикой. Рассмотрим фразему «一楼一凤» – «феникс в тереме», которая обозначает девушек, работающих на так называемых «улицах красных фонарей». Имеются в виду девушки, которые работают в публичных домах, служащие саун, служба эскорта в ночных клубах. Они называют дело, которым занимаются, «сексуальным промыслом» (性工业). Но вот газета «Тайянбао» опубликовала 11 августа 2000 г. сообщение с неясным заголовком «Нанкинский сервис чувств» (南京情感服务). В этом сообщении под «сервисом чувств» подразумеваются следующие виды услуг: эскорт для совместных развлечений, совместные походы по магазинам, проведение бесед; принесение извинений вместо кого-либо, доставка цветов, встреча на вокзале. А в действительности за этими объявлениями скрываются другие вещи, которые нельзя опубликовывать в газетах. Стало быть, по привычке употребляемое слово «сексуальный промысел» в разных районах может называться по-разному.

Проанализировав примеры социо-региональной лексики Гонконга, мы обнаружили, что в Гонконге активно используется лексика, отражающая общественную формацию. Таким образом, существует скрытая связь между общественным развитием, социо-региональной и нормативной лексикой. По мере того, как человек меняет свою точку зрения относительно каких-либо явлений, меняется и отношение к используемой лексике, описывающей эти явления. Некоторые слова

социо-региональной лексики Гонконга с трудом проникают в современную лексику нормативного китайского языка. Но есть слова, которые очень быстро заимствуются китайцами на материке, например: 白领 – белый воротничок (работник офиса, биржи ит.п.), 蓝领 – синий воротничок (простой рабочий), 白马王子 – принц на белом коне, 上班一族 – служащий, живущий только на зарплату, 追星族 – фанаты, 炒鱿鱼 – уволить и т.д. Есть еще несколько слов, которые могут перейти на материк в ближайшем будущем: 垃圾虫 – мусорщик, 打工皇帝 – наемный работник с амбициями.

После того, как Китай вошел во Всемирную Торговую Организацию, страна становится ещё более открытой всему миру, поднялся уровень жизни. После возвращения Гонконга и Макао в лоно Китая контакты, между всеми регионами Китая, включая и Тайвань, стали более тесными. В связи с этим появилась потребность в специальной лексике для проведения переговоров в таких областях, как политика, экономика, культура и т.д. Сейчас сильна тенденция обмена социорегиональной лексикой между регионами. Примером может послужить используемая до недавнего времени на Тайване фразема «小三通», которую приняли на материке и стали трактовать как «三通» (通商、通航、通邮) – открытие торговли, транспортного сообщения, почтовой связи.

ЛИТЕРАТУРА

田小琳，«社区词语中文词规范之研究» / 世界汉语教学 (世界汉语教学学会会刊)，北京语言文化大学出版社，2002.

Воропаев Н.Н. Фразеологизмы дискурса официального доклада на современном китайском языке // Китайское языкознание. Изолирующие языки: Материалы X международной конференции – М., 2000.

SUMMARY

Socio-regional vocabulary is a vocabulary that is used on the territory of a definite region and it reflects its political, economical and cultural peculiarities. Social zones are regions with different social structures, for example, China on the mainland, Taiwan, Hongkong, Macao and other regions outside China where Chinese live. There are special words and set expressions in common vocabulary that are used only in a definite region. There are some examples of the socio-regional vocabulary of Hongkong in

this article. These examples prove that socio-regional, dialectical vocabulary, wenyan (ancient Chinese language), borrowings are the sources of the modern Chinese language vocabulary supplement. They can be also included into the standard vocabulary.

А.Ю. Титова, г. Москва

КИТАЙСКАЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЖИЗНИ ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ

С давних времён люди пытались проникнуть в тайну функционирования и организации языка. В китайской лингвистической традиции всегда уделялось достаточное внимание элементам графического уровня, так как каждый знак иероглифического письма возникал не случайно и имел свою собственную историю. В отечественной лингвистике изучению графической стороны китайских иероглифов посвятили свои труды С.М. Георгиевский, В.П. Васильев, В. Колоколов, А.М. Карапетьянц, А.Ф. Кондрашевский, В.Ф. Резаненко, О.М. Готлиб и другие исследователи.

Наряду с археологическими исследованиями и анализом литературных памятников иероглифическая письменность китайцев может служить материалом для ознакомления с некоторыми сторонами исторически развивающейся внутренней жизни древнего Китая. Такие особенности (стойкость, вневременной характер и глубокое культурно-историческое наполнение) данной системы письма могут быть объяснены следующими факторами:

1. широкими хронологическими рамками: иньские гадательные надписи появились около 34-х веков назад [Софронов 1996: 62];

2. широкими территориальными рамками: китайская иероглифическая письменность – это основной вид письма в Китае и Японии, она отчасти сохранилась в Корее; по её образцу создавались системы письма многих древних народов [Стратанович 1965: 125–127];

3. связью с живописью: общие особенности, закономерности развития, возможное происхождение из одного источника орнаментов, рисунков первобытного искусства и пиктографических знаков [Карапетьянц 1972: 445–447] способствует тому, что письменность

оперирует не отдельными знаками, а целыми текстами с полноценным культурным содержанием;

4. независимостью графического представления иероглифа от его произношения [Софронов 1996: 49–50];

5. неограниченными возможностями графического представления: теория шести категорий китайских иероглифов (пиктографическая, указательная, идеографическая, фонетическая, видоизменённая, заимствованная [Лян Дунхань 1989]) доказывает тот факт, что в системе китайского письма воплощён огромный диапазон функционирования письма, отражены почти все этапы развития письма вообще, от древнейших времён до наших дней.

Задачей данного исследования является определение тех сфер жизни древних китайцев, информацию о которых китайская иероглифическая письменность может предоставить современному исследователю. Но иероглифы непосредственно не могут дать полную картину исторической обусловленности семантики знаков, поэтому главная задача настоящей работы – это разработка метода, с помощью которого из графического представления китайского иероглифа можно вычленить информацию о культуре и историческом прошлом китайского народа и демонстрацию работы установленного метода (разбор одного примера, а именно, – иероглифа 蚀 – shi^2 – *астр.* 'затмение').

I. ТИПЫ ИНФОРМАЦИИ, КОТОРУЮ МОГУТ НЕСТИ КИТАЙСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ[1].

А. Ритуальная сфера.

– указание на виды обрядов, например: 盟 – meng^2 – 'союз, лига, уния, клятвенный договор' = 日 – ri^4 – 'солнце' + 月 – yue^4 – 'луна' + 皿 – min^3 – 'посуда (тарелки и т.д.)'. С.М. Георгиевский отмечает, что в древности при *клятвенных договорах* приносились жертвы духам *солнца* и *луны*, причём лица, дававшие клятву, обмазывали свои губы кровью, налитой в *блюдо*.

– указания на виды культов, например: Б. Карлгрен доказал, что иероглиф 祖 – zu^3, который сегодня имеет значение 'предки, предшественники; родоначальник, основатель', писался без более позднего

[1] Примеры в пунктах А-1, А-3, В, Г, Д взяты из [Георгиевский 1888], в других пунктах источник указан дополнительно.

ключа и в своём примитивном виде *являл собой фаллический символ*, что свидетельствует о том, что у истоков поклонения предкам лежит *фаллический культ* [Фицджеральд 1998: 44–45].

– указания на определённые социальные и культурные взаимоотношения, например: 王 – wang^2 – 'король, царь; ван (верховный правитель)' = 一 – yi^1 – 'один; единица; первый' + 土 – tu^3 – 'земля'. Указание на отношение к вану (императору) как к властителю, который правит *один* над *землёй*.

Б. Обычаи и стереотипные способы поведения древних китайцев.

Например, присутствие элемента 耳 – er^2 – 'ухо' в слове 耻 – chi^3 – 'стыдиться; стыд; позорить; позор', – Ю Шуньцю объясняет таким образом: этот знак отражает древний обычай отрезания *ушей* у виновного, преступника в качестве наказания за *обиду* или *оскорбление* [Yau Shun-chiu 1993: 223–224].

В. Социальная сфера, отражающая иерархию китайского общества, отношения между людьми, закономерности поведения и деятельности разных социальных групп.

Например: 甫 – fu^3 – 'начало, первый; великий, возвышенный, именитый' =用 – 'использовать, применять; пользоваться' + 父 – fu^4 – '1. отец 2. старший родственник'. Этот знак свидетельствует о прерогативах отца семейства: *великим* и *именитым* считается человек, *пользующийся* правами *отца*.

Г. Материально-бытовая культура, особенности уклада повседневной жизни.

Например: 牒 – die^2 – 'официальный документ, сообщение; табличка для письма; семейные записи' содержит элемент 片 – pian^4 // pian^2 – 'дощечка; щепка'. Данный иероглиф свидетельствует о том, что материалом, на котором древние китайцы *письменно* излагали свои мысли, являлись *древесные дощечки и планки* (в древности существовали так называемые деревянные грамоты – цзяньду [Софронов 1996: 75]).

Д. Исторические факты.

С.М. Георгиевский приводит такой пример: 背 – bei^4 – 'спина; со спины, сзади' содержит элементы 月 – 'мясо (то есть часть тела)' + 北 – bei^3 – 'север'. Древние китайцы при своём движении на юг назы-

вали спиной ту сторону тела, которая была обращена на север, то есть этот знак подтверждает теорию о поступательном движении древних китайцев из местностей северного Китая на юг.

Е. Представления об окружающем мире.

Например: точка посередине стилизованной формы древнего знака-пиктографа со значением 'солнце', скорее всего, обозначала пятна на солнце, которые древние китайцы понимали либо как взаимодействие силы инь (тёмная точка, пятно) и силы ян (всё остальное светлое пространство) [Резаненко: 1985 118–119], либо как фигуру треногого ворона, живущего на солнце [Георгиевский 1892: 27].

Кажется правомерным утверждать, что знания о представлениях и мировоззрении человека древнего Китая более успешно передаются средствами идеографической и фонетической категорий, так как знаки именно этих двух категорий обладают функцией контаминации идей и характеризуются большими возможностями передавать абстрактные понятия, идеи, образы и формы. А иероглифам изобразительной и указательной категорий в большей степени свойственно отражать элементы материально-бытовой культуры древнекитайского народа, так как особенности пищи, одежды, жилища (материальных объектов) легче всего передать, описывая их внешний вид.

II. ОПИСАНИЕ МЕТОДА АНАЛИЗА ЗНАКОВ КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

В настоящей работе предложен метод практического мнемонического анализа.

1-й этап: представление иероглифа в виде сочетания простейших элементов: элемент 1 + … + элемент n (нужно заметить, что в большинстве случаев n не превышает 3; самый распространённый вид – n = 2).

2-й этап: определение значений а) самого иероглифа и б) его составных простейших элементов как словарных единиц.

3-й этап: выдвижение гипотез относительно отношений внутри иероглифа (отношения между простейшими элементами, на которые мы разложили иероглиф на 1-м этапе).

4-й этап: анализ значения каждого простейшего элемента на основе исследования внеязыковых фактов (истории, материальной

культуры, обычаев и воззрений древних китайцев), выяснения символического значения выделенных компонентов, сравнения анализируемого знака с другими знаками, содержащими аналогичные элементы (элементы контрастивного (сравнительного) метода исследования).

5-й этап: подтверждение одной из гипотез, выдвинутых на 3-м этапе. Конечный вывод о значении иероглифа, основанный на информации, полученной на предыдущих этапах.

Материалами такого анализа служат произведения китайского фольклора и мифологии, а также корпус иероглифических знаков, содержащих элементы, аналогичные выделенным на 1-м этапе.

III. ДЕМОНСТРАЦИЯ РАБОТЫ ОПИСАННОГО МЕТОДА АНАЛИЗА.

1-й этап: 蚀 = 食 + 虫.

2-й этап: а) 蚀 – shi^2 – *астр.* затмение; ущерб, убытки; поедать; пожирать. б) 食 – shi^2 – 'пища, еда, съестное; корм; есть, питаться; кормиться; питание; *астр.* затмение' + 虫 – chong^2 – 'насекомое; пресмыкающиеся; черви; гады'.

3-й этап: в тезисах, ограниченных по объёму, нет возможности обозначить даже основные отношения между компонентами иероглифа, поэтому отметим здесь лишь общую гипотезу: иероглиф 蚀 – shi^2 представляет явление, при котором существо, обозначенное 虫 – chong^2, является субъектом действия, обозначенного 食 – shi^2, либо какое-то другое (не названное в данном знаке) существо - субъект действия 食 – shi^2, в таком случае 虫 – chong^2 становится объектом действия 食 – shi^2.

4-й этап: в настоящей работе анализ иероглифа 蚀 – shi^2 будет осуществлён на основании выделения символического значения его компонента 虫 – chong^2. За основное значение элемента 食 – shi^2 мы берём его словарное значение, обозначенное выше. Такое допущение мы считаем правомерным, так как, во-первых, значение элемента 食 – shi^2 не содержит в себе многозначности (даже его графика восходит к изображению чаши с едой), а детерминатив 虫 – chong^2, наоборот, представляется неоднозначным (обозначает разные виды животных); во-вторых, в китайском языке уже имеется иероглифический знак со значением *астр.* 'затмение' – это сам детерминатив 食 shi^2, то есть

добавление компонента 虫 – chong^2 было актом с глубоким семантическим наполнением.

1) В настоящей работе нами была выдвинута гипотеза о том, что элемент 虫 – chong^2 в иероглифе 饣虫 – shi^2 обозначает дракона. Данная гипотеза основана на следующем рассуждении: детерминатив 虫 – chong^2 имеет значение 'пресмыкающиеся' и часто обозначает змей. В китайской же традиции отождествление змеи и дракона обыкновенно, что подтверждается многими фактами (уже в самых ранних письменных источниках дракон изображён как пресмыкающееся: обладает чешуйчатой кожей и рогами, впадает в спячку, откладывает яйца [Терентьев-Катанский 1997: 119–123]; лексический материал свидетельствует, что дракон извивается, свивается (в кольца), подобно змее; большáя доля иероглифов с ключом 虫 – chong^2 обозначает не змею, а различные виды драконов [БКРС[1]]).

2) Таким образом, определение символической функции компонента 虫 – chong^2 сводится к определению символического значения образа дракона. Эта стадия подразделяется на три этапа:

– *выделение характерных для дракона свойств, признаков и функций* (на материале сказок и мифологических сказаний: [Глаза дракона 1959], [Юань Кэ 1987], [Георгиевский 1892]).

1. Дракон – мифическое животное, первоначально связанное с культом водной стихии, поэтому дракон обладает водяной природой: он предстаёт как житель водной стихии, создатель рек и потоков, часто является причиной наводнения, проливных дождей, гроз.

2. Как божество водной стихии, дракон часто связывается с дождевыми облаками и наделяется воздушной природой: он умеет летать, управляет облаками и дождём, радуга – чисто небесное явление – также представляется в виде двуглавого дракона.

3. Дракон обладает огненной природой: он хранит огонь во рту, иногда является в образе огненного шара, его действия сопровождаются вспышками молний.

4. Звуки, издаваемые драконом, уподобляются звукам труб, барабана или раскатам грома, к тому же он создаёт музыку ветров.

---

[1] Большой китайско-русский словарь / Ред.-сост. И.М. Ошанин. – М., 1983.

– Определение связи между образом дракона и другими мифологическими образами.

1. Для китайской культуры характерно сосуществование противоположных начал. Так образ дракона сосуществует с образом феникса: это сосуществование, например, проявляется в художественной сфере (оба образа являются постоянными мотивами декора древних культовых сооружений и культовой утвари [Юань Кэ 1987]), а также в сфере семантики (иероглифы 'дракон' и 'феникс' входят во многие фразеологизмы параллельной конструкции в качестве соотносящихся компонентов – семантических пар [БКРС]). Дракон (как носитель водной стихии) противопоставлен фениксу – символу тепла, света, солнца.

2. В китайской культуре нами было обнаружено множество мифологических образов, по внешнему виду, признакам и свойствам связанных с драконом. Следовательно, наше предположение о важности выделения именно этих признаков и свойств для определения символического значения слова 'дракон' оказывается, скорее всего, верным. Приведём по одному примеру. Драконоголовый дух Цзимэн живёт в пучине (водяная природа) [Юань Кэ 1987: 284]; сказочная летучая змея тэншэ способна вызывать облака и туман (воздушная природа) [БКРС]; большая чёрная змея держит во рту жемчужину, светящуюся во тьме (огонь в пасти дракона) [Юань Кэ 1987: 171]; голос змеи чаншэ напоминает удары колотушки (громоподобный голос дракона) [Юань Кэ 1987: 312].

– Сравнение образа дракона в китайской традиции с аналогичным образом в западной культуре.

В славянской культуре нами был найден образ змея, почти эквивалентный образу дракона. Например, змей живёт у водоёмов, хранит воду (водяная природа), изрыгает пламя и летает на огненных крыльях (воздушная и огненная природа), поднимает свист и шип (ср. с голосом дракона). Оба персонажа сражаются с богатырём – богом-громовником, живут в горных пещерах, обладают чудесной способностью превращений, имеют по нескольку голов [Афанасьев 1994], [Русские народные сказки 1985].

Таким образом, символическое значение образа дракона в китайской культуре предполагает связь дракона с облаками (воздушная

природа; многоголовость объясняется причудливыми формами облаков), приносящими живительную влагу (водяная природа), без которой невозможно вырастить урожай, а также – с тучами, эту влагу задерживающими, причиняющими наводнения (борьба бога-громовника с драконом ради освобождения плодотворных вод дождей), скрывающими небесные светила (хранение огня в пасти; противостояние образу феникса – символу солнца, тепла и света). Молния – неразлучная спутница тёмной тучи, поэтому понятие о небесном драконе расширяется: дракон – это и символ громовой тучи, мечущей молнии в разные стороны (огненная природа) и в любую минуту готовой разразиться оглушительным грохотом (голос дракона подобный шуму грома).

5-й этап: таким образом, получаем, что затмение (蚀 – shi^2) – это такое явление, когда существо, обозначаемое 虫 – chong^2 (то есть дракон, а при символическом переносе – туча), съедает (食 – shi^2), пожирает (покрывает, закрывает собой) солнце или луну. И действительно, представление затмения процессом поедания небесных светил мифическим животным (в частности драконом), является почти универсальным: оно широко распространено не только в Китае, но в Индии, Африке, Северной Америке, у многих европейских народов.

Результаты исследования информационного наполнения китайской письменности имеют и практическое применение: данные, полученные методом мнемонического анализа, могут расширить рамки словарного представления иероглифов, к тому же они полезны и в методическом плане (путём образования ассоциативных связей между начертанием знака и его значением учащимся прививаются навыки осмысленного восприятия иероглифики, облегчается запоминание иероглифов).

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1994.

Большой китайско-русский словарь / Ред.-сост. И.М. Ошанин. – М., 1983.

Георгиевский С.М. Анализ иероглифической письменности, как отражающей в себе историю жизни древнего китайского народа. – СПб., 1888.

Георгиевский С.М. Мифические воззрения и мифы китайцев. – СПб., 1892.

Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая / Ред. В.Ф. Феоктистов. – М., 1959.

Карапетьянц А.М. Изобразительное искусство и письмо в архаических культурах (Китай до сер. I тыс. до н.э.) // Ранние формы искусства. – М., 1972.

Лян Дунхань. Структура китайской письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае. – М., 1989. – Вып. 22.

Резаненко В.Ф. Семантическая структура иероглифической письменности /базовые структурные элементы/. Учебное пособие. – Киев, 1985.

Русские народные сказки / Сост., вступ. ст. и прим. В.П. Аникина. – М., 1985.

Софронов М.В. Введение в китайский язык. – М., 1996.

Стратанович Г.Г. Письменность народов Восточной Азии // Народы Восточной Азии. – М.– Л., 1965.

Терентьев-Катанский А.П. Китайская легенда о драконе // Страны и народы Востока. Вып. XI. Страны и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии. – М., 1997.

Фицджеральд С.П. Китай. Краткая история культуры / Пер. с англ. Р.В. Котенко; Науч. ред. Е.А. Торчинов. – СПб., 1998.

Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – М., 1987.

Yau Shun-chiu (You Shunzhao). Linguistics for the Chinese Writing System // Essays on the Chinese Language by Contemporary Chinese Scholars. – Paris, 1993.

SUMMARY

The article describes the role of the Chinese graphic system in scientific research into the history of China. The study shows that the system of the Chinese characters can give us a lot of information about the ancient Chinese people. The author works out a new type of semantic (mnemonic) analysis. The object of this analysis is one character – shi^2, which means 'eclipse (of the sun, the moon)'. This character consists of two parts: shi^2 – 'to eat' + chong^2 – 'insect, worm'. But the original meaning of the last semantic component was 'snake'. Our investigation demonstrates that there are some parallels between snakes and dragons. So the author arrives at the following conclusion: the ancients believed that a total eclipse could happen if a large creature (a dragon, which is a symbol of thick black cloud) had eaten it.

В.А. Хабибулин, г. Владивосток

ГРАММАТИЧЕСКОЕ И АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Исследования по типологии классов значимых элементов показывают, что выделение морфем и классификация слов по частям речи связаны с типологической характеристикой языка. Во флективных языках, примером которых являются латинский, русский язык, лингвисты могут соотносить выделенные ими классы слов до того, как они соотносят морфемы; в изолирующих языках, примером которых является китайский, вьетнамский, лингвисты могут соотносить выделенные ими морфемы до того, как они соотносят классы слов; в агглютинативных языках, примером которых является турецкий, они могут соотносить классы слов и морфемы одновременно.

Основываясь на общности структуры различных языков, в языках с трудновыделяемыми морфемами, представленных русским языком, классификация слов осуществляется очень легко, и наоборот, в языках с легковыделяемыми морфемами, представленных китайским языком, классификация слов затруднена. В синхроническом плане это обусловливает описание грамматической системы того или иного языка через формоизменение или порядок значимых элементов.

Проблемы сегментации морфем и классификации слов связаны в типологическом описании через порядок значимых элементов. В языках, в которых значимые элементы не имеют формальных признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи, грамматические отношения между значимыми элементами определяются, как правило, порядком их следования. В языках, в которых значимые элементы имеют формальные признаки, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи, грамматические отношения между значимыми элементами определяются, как правило, их формоизменением.

Это обусловливает существование грамматического членения предложения, грамматического порядка, который определяет функцию значимого элемента в предложении, и актуального членения предложения, актуального порядка, который определяет пространственное положение значимого элемента в предложении.

Сопоставительно-типологическое исследование порядка значимых элементов в китайском, английском и русском языках показывает, что изменение порядка слов в предложении в соответствии с коммуникативной задачей не изменяет синтаксические связи между словами в предложении. Для выражения синтаксических связей между словами в предложении в условиях измененного порядка слов применяются либо грамматические формы, либо такие просодические средства, как пауза и интонация.

Инверсия выступает в двух формах: частичной и полной. Частичная инверсия заключается в изменении положения вспомогательного глагола, например, при выражении вопроса в английском языке, при этом грамматический порядок членов предложения, указывающий на синтаксические связи между словами, не изменяется. При полной инверсии изменяется грамматический порядок членов предложения.

Инверсия выступает в двух функциях: синтаксической и эмотивной. При синтаксической инверсии, обусловленной выражением объективного отношения к действительности речевого общения, изменяется грамматический порядок членов предложения, и при этом образуется другое предложение, отличающееся по цели высказывания. При эмотивной инверсии, обусловленной выражением субъективного отношения к действительности речевого общения, грамматический порядок членов предложения тоже изменяется, но это не ведет к образованию нового вида предложения по цели высказывания.

Грамматическое членение универсально реализуется через основной грамматический порядок главных членов предложения и его синтаксическую альтернативу, для исследуемых языков от последовательности «подлежащее – сказуемое» в повествовательном предложении к последовательности «сказуемое – подлежащее» в предложении наличия. Актуальное членение реализуется через актуализацию-инверсию грамматического порядка второстепенных членов предложения.

Установление критерия функции инверсии в такой форме обусловлено тем, что вопросительное, восклицательное, побудительное предложение отличается от повествовательного показателем вопроса, восклицания, побуждения.

Эмотивная инверсия обусловливается актуальной коммуникативной задачей сообщения и реализуется в соответствии с грамматическими особенностями языка и факторами культуры, в которой осуществляется функционирование и развитие языка.

Сопоставительно-типологическое исследование порядка значимых элементов в китайском, английском и русском языках показывает, что в грамматическом исследовании языка имеет место импликативная зависимость: при описании грамматической системы языка с трудновыделяемыми морфемами, представленными русским языком, через формоизменение слов возможно описание грамматической системы языка и через порядок значимых элементов как средство грамматической техники (языка с легковыделяемыми морфемами, представленными китайским языком).

Факты современных китайского, английского и русского языков показывают, что порядок значимых элементов в языке универсально связан с морфологией, т.е., порядком значимых элементов в слове; с синтаксисом, т.е. порядком значимых элементов в предложении, позволяющим говорящему передать какую-то информацию в грамматически правильной форме; с логикой – актуальным членением – т.е. вариантами грамматического порядка значимых элементов в предложении, обусловленными желанием говорящего выразить свое отношение к передаваемой информации; со стилистикой, т.е. оформлением порядка значимых элементов в предложении морфологическими и логическими средствами, обусловленными желанием говорящего выразить передаваемую информацию в авторском или общепринятом стиле; с просодией, т.е. оформлением порядка значимых элементов в предложении просодическими средствами, обусловленными грамматикой, логикой или экспрессивным выделением определенной части высказывания.

Порядок значимых элементов является универсальным средством грамматической техники, и через него можно независимо от генеалогии адекватно объяснять грамматические явления в разных языках, идя от функционального порядка значимых элементов к членам предложения, а от них к частям речи.

В языках, в которых значимые элементы не имеют формальных признаков, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи, грамматические отношения между значимыми элемента-

ми определяются, как правило, порядком их следования, и существует тенденция к соответствию грамматических конструкций и реальных ситуаций, которые они описывают. В языках, в которых значимые элементы имеют формальные признаки, по которым их можно было бы отнести к той или иной части речи, грамматические отношения между значимыми элементами определяются, как правило, их формоизменением, и порядок значимых элементов рассматривается в терминах актуального членения предложения. Таким образом, грамматический порядок значимых элементов связан с проблемой частей речи, существенной в лингвистическом описании.

Став предметом сопоставительно-типологического исследования, порядок значимых элементов является одним из общих признаков, который может служить ключом к грамматике, грамматическому описанию языков, поскольку грамматические явления объяснимы через порядок значимых элементов как средство грамматической техники.

SUMMARY

The comparative-typological study of meaning elements order in Chinese, English and Russian languages indicates that, the words order change in the sentence according to the communicative task does not change the syntactic relations between the words in the sentence: the grammatical segmentation is realized through the grammatical order of the principal parts of the sentence, the actual segmentation is realized through the actualization-inversion of the grammatical order of the secondary parts of the sentence.

А.А. Хаматова, г. Владивосток

ОМОНИМИЯ ДВУСЛОЖНЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Являясь языковой универсалией, омонимия имеет свои особенности в языках различного типа. Китайский язык является одним из самых омонимичных языков в мире, что объективно связано с фонетической организацией слога и характером полисиллабизма в современном китайском языке.

В 70-х годах прошлого столетия автором данного доклада был проведен анализ явления омонимии на материале китайско-японского словаря Кураиси объемом в 37 тысяч слов, в котором было выявлено 3442 лексических омонима, в том числе 2174 двусложных омонима, образующих 1045 омогрупп.

Лексика китайского языка является наиболее подвижной частью языка, и за тридцать лет в ней, естественно, произошли изменения. Одной из тенденций последних десятилетий в лексике китайского языка является усложнение структуры китайского слова. Нам представляется интересным проанализировать влияние этой тенденции на характер омонимии. Количественный и качественный анализ этого явления проводился на материале «Словаря двусложных омонимов китайского языка» – 汉语双音节同音词词典 Hànyǔ shuāngyīnjié tóngyīncí cídiǎn, изданного в 1999 году в Шэньяне.

Под омонимами автор доклада понимает слова, имеющие одинаковое звучание (включая тон), но различное значение независимо от иероглифического написания. Именно такие двусложные лексические единицы собраны в анализируемом словаре, хотя определение омонимов в предисловии к словарю не включает уточнение в отношении тонов и иероглифического изображения.

В словаре двусложных омонимов собрано почти на 200 лексических единиц больше количества двусложных омонимов, выявленных в словаре Кураиси – 2363 слова. Составляют они 1072 омогруппы, что больше на 27 омогрупп словаря Кураиси. Однако это может объясняться субъективными факторами. Гораздо важнее, с нашей точки зрения, что изменился количественный и качественный характер омогрупп двусложных омонимов в сопоставляемых словарях.

Как известно, минимальное количество слов в омогруппе – два. Абсолютное большинство омогрупп анализируемого словаря – это омогруппы, включающие два слова. В словаре 896 омогрупп, состоящих их двух двусложных омонимов. Например:

1) 标志 – biāozhì – показывать, знаменовать;
   标致 – biāozhì – прелестный, красивый.
2) 上午 – shàngwǔ – до полудня, первая половина дня;
   尚武 – shàngwǔ – склонность к военному делу.

Максимальное число слов в омогруппе у двусложных омонимов, согласно словарю Кураиси, четыре, и таких групп было всего десять. В обследуемом словаре омонимов омогрупп, включающих по четыре омонима, значительно больше – их 23, но главное максимальное число слов в омогруппе у двуслогов в этом словаре не четыре, а шесть, таких омогрупп немного, их всего четыре, имеется также 7 омогрупп по 5 омонимов.

1) 功利 – gōnglì – польза и выгода;
功力 – gōnglì – сила, мощь;
恭立 – gōnglì – стоять в почтенной позе;
躬历 – gōnglì – лично испытать, пережить самому;
公历 – gōnglì – григорианский календарь;
公立 – gōnglì – общественный, коммунальный, публичный.
2) 异义 – yìyì – иное значение, неодинаковый смысл;
异议 – yìyì – возражение, протест;
熠熠 – yìyì – светлый, яркий;
意义 – yìyì – значение, смысл;
意译 – yìyì – вольный перевод;
翼翼 – yìyì – заботливый, верный, усердный.

Ниже приводится одна из омогрупп, включающая пять двусложных омонимов:

示例 – shìlì – пример, образец;
事例 – shìlì – пример, прецедент;
市立 – shìlì – городской;
侍立 – shìlì – стоять чинно (навытяжку);
视力 – shìlì – зрение, сила зрения.

В два с лишним раза увеличилось число омонимов, состоящих из трех и четырех омонимов (по сравнению с числом таких групп в словаре Кураиси). Приведем примеры таких групп.

1) 初试 – chūshì – первичный экзамен;
出示 – chūshì – предъявить, представить;
出世 – chūshì – уйти от мирской суеты;
出事 – chūshì – случиться, произойти.
2) 土气 – tǔqì – отсталый, примитивный;
吐气 – tǔqì – вздыхать;
吐气 – tǔqì – придыхание, экспирация.

Таким образом, сопоставление двусложных омонимов словаря Курайси и специального словаря двусложных омонимов дает возможность сделать вывод о том, что в современном китайском языке с ростом двусложной лексики возрастает и количество двусложных омонимов. Меняется и характер омогрупп у двусложных омонимов, появились омогруппы, включающие пять и даже шесть омонимичных двуслогов. Естественно, чем больше слов в омогруппе, тем больше вероятность "столкновения" омонимов и возникновения возможности непонимания смысла, или смыслового конфликта.

Сопоставление данных двух словарей относительно распространенности омонимов среди частей речи показывает, что существенных изменений в этом отношении за последние годы не произошло. Наибольшее число омонимов относится к существительным – почти половина всех двусложных омонимов анализируемого словаря, в два раза меньше двусложных омонимов-глаголов, затем по степени убывания идут прилагательные, наречия, местоимения, счетные слова, числительные, союзы, предлоги, междометия. В большинстве омогрупп слова принадлежат к разным частям речи. Только в 368 группах слова относятся к одной и той же части речи. Наибольшее число из них составляют омогруппы, в которых омонимы являются существительными – 289 групп, в 54 группах омонимы относятся к глаголам, в 23 группах – к прилагательным, в двух – к наречиям. Приведем примеры омогрупп, в которых омонимы относятся к одной части речи:

1) 工业 – gōngyè – промышленность – существительное;
   功业 – gōngyè – заслуга – существительное;
2) 复核 – fùhé – проверять, сличать – глагол;
   复合 – fùhé – комбинировать – глагол;
3) 苍黄 – cānghuáng – буровато-желтый – прилагательное;
   仓皇 – cānghuáng – растерянный – прилагательное;
4) 工价 – gōngjià – стоимость работы – существительное;
   工架 – gōngjià – манера игры (артиста) – существительное;
   公价 – gōngjià – государственная цена – существительное;
   公假 – gōngjià – выходные дни, отпуск – существительное.

Омогруппы, в состав которых входят слова, принадлежащие к различным частям речи более многообразны, но некоторые из них достаточно многочисленны: глагол – существительное – 232 омо-

группы; прилагательное – существительное – 75, глагол – прилагательное – 56 омогрупп. Например:

1) 闹事 – nǎoshì – скандалить, дебошировать – глагол;
   闹市 – nǎoshì – оживленная часть города – существительное;
2) 浓艳 – nóngyàn – сочный, густой и яркий (о красках, цвете) – прилагательное;
   农谚 – nóngyàn – крестьянские пословицы, пословицы о земледелии – существительное;
3) 危及 – wēijí – наносить ущерб – глагол;
   危急 – wēijí – критический, угрожающий – прилагательное;
4) 声色 – shēngsè – интонация и выражение лица – существительное;
   声色 – shēngsè – музыка и женщина – существительное;
   生色 – shēngsè – оживить, обогатить – глагол;
   生涩 – shēngsè – тяжелый (например, слог) – прилагательное.

Большинство представленных в анализируемом словаре омонимов графически дифференцируются.

Таким образом, омонимия двусложных слов в современном китайском языке продолжает расти, меняются и некоторые качественные характеристики двусложных омонимов и омогрупп. Что касается частеречной отнесенности омонимов и их графической дифференциации, то эти показатели остаются, в основном, стабильными на протяжении последних десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

Хаматова А.А. Омонимия в современном китайском языке. – Владивосток, 1981.

汉语双音节同音词词典，沈阳，1999. Словарь двусложных омонимов китайского языка. – Шэньян, 1999.

SUMMARY

The article presents a quantitative and qualitative analysis of modern Chinese two-syllable homonyms.

А.С. Хорошкина, г. Москва

КИТАЙСКИЕ «ПУСТЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ»: К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДНОСТИ

Термин «пустое дополнение» связан со следующим явлением в современном (литературном) китайском языке: некоторые переходные глаголы могут присоединять одиночное дополнение с самой общей, «нейтральной" для данного глагола семантикой. Это дополнение состоит, как правило, из одной морфемы, не имеет никакого оформления (классификатора, определения и т.п.) и не референтно. Сочетание, образованное глаголом и таким дополнением, имеет значение "деятельности вообще", рассматриваемого как процесс (или свойство, умение); воздействие на объект исключается из сферы внимания говорящего.

Примеры: chi-fan "есть" (букв. 'есть-рис'); xie-zi "писать" (букв. 'писать-иероглифы'); pao-bu "бегать" (букв. 'бежать-шаги').

Такое дополнение в китаистике обычно называется "пустым дополнением" (см., например, [Драгунов: 119], где приведено определение семантики и формальных свойств конструкции).

1) Xiao Wang bu zai, ta pao-bu qu le.
   Сяо Ван NEG присутствовать, он бежать-шаги идти PRF
   "Сяо Вана нет (на месте), он пошел бегать".

При переходе от обычной переходной конструкции к конструкции с пустым дополнением происходит такое перераспределение коммуникативных рангов, при котором объект ситуации оказывается вне рассмотрения, то есть, можно сказать, имеет место актантная деривация с понижением объекта. Преобразования такого типа встречаются в разных языках и могут кодироваться разными средствами: ср. пары русских примеров:

2) собака укусила мальчика
2а) собака кусается
3) мальчик читает книгу
3а) мальчик много читает

В предложениях 2а) и 3а) рассматриваются действия как таковые, не имеет значения, какой конкретный объект подвергается этому дей-

ствию (кусается=кусает всех; читает=читает все, что можно читать). При этом глагол в 3а) представлен той же лексемой, что и его "переходная" пара, т.е. не имеет специального показателя; глагол в 2а) в качестве показателя понижения объекта имеет возвратный суффикс. Эта категория не имеет общепринятого удачного названия в типологии; наиболее принят термин "(объектный) имперсонал" (см. [Плунгян: 217]). Как видно из русских примеров, он может выражаться грамматически, лексически и т.п.

Рассмотрим эту категорию (поверхностно выражаемую наличием у глагола пустого дополнения) в китайском языке. К какому типу ее можно отнести? Этот вопрос решается по-разному в различных работах. Например, Тань Аошуан называет механизм присоединения пустого дополнения «инкорпорацией привычного участника ситуации», т.е. причисляет его к словообразовательным (см. [Тань Аошуан: 81]). Яхонтов считает конструкцию «глагол+пустое дополнение» переходной конструкцией, где дополнение выражено «лексемой-наиболее общим названием любого объекта глагола» (см. [Яхонтов: 39]). Китайская традиция относит такие конструкции к классу «слитно-раздельных слов», т.е. таких, элементы которых не обладают ни полной независимостью, ни полной слитностью (см. [Хаматова: 137–150]).

Почему нельзя считать пустое дополнение самостоятельной лексической единицей?

Как было уже сказано выше, пустое дополнение не принимает никаких зависимых членов. Если к такому дополнению прибавить классификатор, числительное или любое другое определение, то конструкция меняет смысл. Ср.:

4) Xiao Wang yijing chi fan le
Сяо Ван уже есть-рис PRF
"Сяо Ван уже поел" (эта фраза абсолютно допустима если он ел, например, лапшу).

4а) Xiao Wang yijing chi le yi wan fan
Сяо Ван уже есть один PRF CL рис
"Сяо Ван уже съел миску риса" (здесь уже речь не может идти о лапше).

К пустому дополнению неприменима трансформация в т.н. *ba*-конструкцию: дополнение, вынесенное в препозицию с *ba*, также сразу приобретает лексическое значение:

5) Xiao Wang kan shu.
Сяо Ван читать-книги.
"Сяо Ван читает" (не имеет значения, что именно).

5a) Xiao Wang ba shu kan-wan-le.
Сяо Ван BA книга читать-закончить-PRF.
"Сяо Ван дочитал книгу" (определенную).

Все это говорит о том, что самостоятельным элементом предложения пустое дополнение считать нельзя.

С другой стороны, гипотезу о том, что сочетание глагола с пустым дополнением является единой лексемой, тоже можно опровергнуть языковыми свидетельствами.

Так, (по крайней мере, для некоторых таких пар) между глаголом и пустым дополнением может вставляться модификатор (напр., показатель аспекта):

6) Ni chi-le-fan mei you?
ты есть-PRF-рис NEG AUX?
"Ты ел (или нет)?" (неважно, что именно)

Кроме того, глагол может в пределах той же предикации встретиться и без пустого дополнения. Например, если к глаголу требуется присоединить модификатор, он редуплицируется без пустого дополнения:

7) Xiao Wang chi-fan chi-bao le.
Сяо Ван есть-рис есть-сытый-PRF.
"Сяо Ван наелся рисом".

Таким образом, нельзя сказать, что глагол и пустое дополнение абсолютно неотделимы друг от друга; следовательно, сочетание глагола и пустого дополнения не является единым словом; присоединение к глаголу пустого дополнения нельзя считать словообразовательным механизмом.

Наконец, мы можем рассмотреть возможность объявления пустых дополнений грамматическими показателями. Из всех приведен-

ных примеров видно, что они обладают таким важным для грамматических элементов свойством, как "универсальность" семантики. Значение, которое сообщается глаголу пустым дополнением, довольно общее, максимально отвлеченное от конкретной лексемы.

Еще одним свойством, характерным для грамматического показателя, является его обязательность. Пустые дополнения можно, с некоторым приближением, считать обязательными в том смысле, что в определенных позициях (например, в абсолютном финале) глагол, не оформленный никакими другими показателями, обязан быть оформлен пустым дополнением.

Тем не менее, категорию, которую мы рассматриваем, нельзя назвать собственно грамматической. Это связано с тем, что грамматическая категория должна иметь регулярное выражение (т.е. у нее должно быть небольшое количество формальных носителей с очень широкой сочетаемостью). Пустые дополнения, как уже было сказано, лексически обусловлены: глагол имеет собственный коррелят-существительное, способное выступать при нем в роли пустого дополнения.

Суммируя сказанное выше, можно сделать вывод, что рассматриваемую категорию сложно однозначно отнести к какому-либо из типов. Это может означать, что конструкция с пустым дополнением находится в промежуточной стадии и в какой-то момент перейдет в новое качество: либо такие дополнения сохранят свое знаменательное значение и (частично) сольются с оформляемым глаголом, образовав новые словарные единицы, либо, наоборот, окончательно "десемантизируются" и превратятся в грамматические аффиксы (тогда можно ожидать, что останется употребительным только небольшой их список). В последнем случае можно будет говорить о грамматикализации категории переходности в китайском языке.

ЛИТЕРАТУРА

Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. – М.– Л., 1952.

Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. – М., 2000.

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. – М., 2002.

Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. – М., 2003.
Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. – Л., 1957.

Ху Шисюн, г. Чунцин, Китай

XIZI И XICI: МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИИ РЕЧИ (СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Две образующиеся на основе разделения языковых единиц стилистические фигуры Xizi (析字, Разделение иероглифа) и Xici (析词, Разделение слова), как экспрессивно-эмоциональные средства речи, широко употребляются в китайском языке: и в литературе, и в бытовой речи. Они свидетельствуют об оригинальности структуры китайских иероглифов в выражении мысли, в речевом этикете, и считаются в китайских языковедческих кругах фигурами исконно китайскими. Например, В «Xiuci tongjian» (Стилистической энциклопедии) указывается: «Стилистические фигуры Xizi, Xici... и др. существуют только в китайском языке» (修辞通鉴, с.348). «Hanyu yufa xiuci cidian» (Словарь грамматики и стилистики китайского языка) отмечает, что Xizi и Xici – «самобытно китайские» стилистические приемы (汉语语法修辞词典, с.447). И в «Zhongguo da baikequanshu» (Большая китайская энциклопедия) также указывается: «Стилистические фигуры Xizi или Chaizi (拆字 Разбивание иероглифа) образованы лишь благодаря специфике китайских иероглифов» (中, с.433). Настоящая работа посвящена анализу типов Xizi и Xici, механизма их разделения, сферы применения, коммуникативной функции и т.д. Одновременно производится их сопоставление с соответствующими фигурами речи в русском языке в вышеупомянутых аспектах по признакам языка и речи.

1. Фигура Xizi (析字格)

1.1. Xizi в китайском языке

Стилистическая фигура Xizi употребляется в китайском языке с давних времен. Однако не кто иной, как Чэнь Вандао, основоположник стилистики современного китайского языка, впервые зачислил Xizi в ряды стилистических фигур и сделал подробное ее описание. В монографии «Xiucixue fafan» (Инструкция по стилистике) он пишет:

«Иероглиф имеет три стороны: графическую, звуковую и семантическую. Разделить употребленный иероглиф по этим признакам, найдя его сходство или связанность с другими иероглифами в любой из этих трех сторон и заменяя его последними иероглифами, называется фигурой Xizi... Основных способов ее образования всего три: а) форморазделяющий, б) омонимический, в) семантический» (陈望道, с.145–146). Например,

– форморазделяющий случай:

1) 凡鸟偏从末世来，都知爱慕此生才；一从二令三人木，哭向金陵事更哀。（曹雪芹《红楼梦》）

Иероглифы 凡 (fan, простая), 鸟 (niao, птица) – результат от графического разделения иероглифа 鳳 (feng, феникс), имея в виду, что речь идет об экономке 王熙鳳 (Wang Xifeng, название человека); 二 (er, потом), 令 (ling, приказ) – от иероглифа 冷 (leng, равнодушие); 人 (ren, человек), 木 (mu, дерево) – от иероглифа 休 (xiu, развод), подразумевая, что отношение Цзя Лянь к жене Ван Сифун переходит от покорности к равнодушию, далее, к разводу.

– омонимический случай:

2) 丰年好大“雪”，珍珠如土金如铁。（曹雪芹《红楼梦》）

雪 (xue, снег) по звучанию омонимичен с 薛 (Xue, фамилия), означающий местную родовитую фамилию.

– семантический случай:

3) 霁月难逢，彩云易散。心比天高，身为下贱。（曹雪芹《红楼梦》）

Речь идет о судьбе девочки-прислуги 晴雯 (Qing-wen, имя), 霁月 (ji yue, луна, взошедшая после дождя на ясное небо», семантически подразумевает 晴 (qing, ясность); 彩云 (cai yun, цветное облако) синонимичны с иероглифом 雯 (wen, цветное облако) – совокупностью обоих выражений стихи подразумевают имя девочки-прислуги 晴雯。

Из вышеизложенных способов самый популярный и широко встречающийся – способ форморазделяющий. И в Китае немало словарей определяют фигуру Xizi лишь как «графическое разделение иероглифа», например, определение в компетентной энциклопедии «Цыхай» (Море слов): «Стилистический прием, использующий спо-

собы разделения, добавления или заимствования графической формы иероглифа, а наиболее популярный способ – разделение графической формы иероглифа» (辞海, с.1275). Поэтому в данной небольшой работе наш анализ будет останавливаться лишь на примерах, образованных на основе разделения графической формы иероглифа.

1.1. Xizi в русском языке

В русской литературе мы заметили языковое явление, похожее на китайскую Xizi. Рассмотрим следующий пример:

4) Возьми начало – и в крокет играй.
Найди антоним слова «рай».
В конце союз поставишь,
И будет то, что ты читаешь. («Абажур»)
Мы знаем, что это загадка. Ключ ее – «шарада».

Сопоставляя эту загадку с примером 1), заметим, что используемый ими способ одинаков – разделение иероглифа/слова (общность у иероглифа и слова тут заключается в том, что оба являются основной единицей языка, самостоятельно употребляемой в речи). В примере 4) слово *шарада* графически разделено на *шар*, *ад* и *а*; а в примере 1) иероглиф 鳳 графически разделен на 凡鸟 и т.д. Разделение иероглифа/слова в обоих примерах– временный прием речи, цель их одинакова: претензия на скрываемый иероглиф/слово. Поэтому мы принимаем пример 4) за Xizi в русском языке, несмотря на то, что у него есть свой русский термин: шарада.

1.2.Сопоставление Xizi в русском и китайском языках

1.3.1. О механизме разделения

При общем принципе «форморазделения» русская шарада (Xizi) разделяет слово слева направо на слоги так, чтобы каждый из них имел лексическое значение самостоятельного слова, и путем их перифрастического описания заставляет читателя/слушателя разгадать эти слоги-слова. Собрав правильно разгаданные слоги вместе, получаем подразумеваемое, т.е. исходное для разделения слово.

В китайском языке иероглиф разделяется на элементы по одному и тому же принципу: чтобы каждый элемент служил отдельным иероглифом, лишь направление формального разделения не ограничивается «слева направо», добавляя к нему и «сверху вниз», «снаружи

вовнутрь». При этом разделение осуществляется по разным ступеням: фонетико-идеографическому, графическому и т.п.

1.3.2. О сферах применения

Русское слово «шарада» заимствовано из французского языка (франц. charade). В «Большой советской энциклопедии» пишется, что это разновидность загадки в фольклоре почти неизвестна, в письменной литературе (с осознанием зримого членения слова) была популярна в салонной культуре XVII–XVIII вв. (в форме стихотворений и инсценировок) (БСЭ, Т.29, с.289). Пример 4) является также загадкой. Вот другой пример:

5) Три буквы облаками реют,
Две видны на лице мужском.
А целое порой белеет
«В тумане моря голубом ».
(ключ: парус – пар + ус).

В шарады играли известные писатели и поэты Пушкин, Гоголь, Тургенев, Блок и многие др. Шарада была любима и в дореволюционных гимназиях. Но вскоре она выпала из разряда «высоких» развлечений, занятий знаменитостей светского общества, показывающих большую эрудицию ее игроков, и сохранилась лишь как детская забава. Сегодня в шарады играют все реже. Однако они все же существуют в форме стихотворений и украшают страницы многих газет, журналов и занимательных книг.

В Китае, благодаря оригинальной структуре иероглифа, очень удобной для разделения, к которому прилагаются и дополнительные способы «прибавления», «сокращения», «заимствования» и т.п., Xizi стала популярным стилистическим приемом речи. По мнению Чэнь Вандао, умелое применение фигуры Xizi как стилистического приема в практическом общении прослеживается на протяжении 2500 лет, вплоть до эпохи «Чуньцзю» (770–476 гг. до н.э.)(陈望道, с.158–159). За длительный период своего существования Xizi широко употреблялась в разнообразных жанрах устной и письменной речи: в исторических повестях и народных сказках, в художественной прозе и частной переписке, в публицистике и поэзии. Сферы ее применения намного шире, чем в русском языке.

С точки зрения функционального стиля, обе русские шарады и китайская Xizi не употребляются в литературе научно-технического и делового стилей, характеризующихся «смысловой точностью», «некоторой сухостью и строгостью» изложения [Кожина 1983:165], «особой официальностью выражения и безэмоциональностью» [Кожина 1983:181]. Их экспрессивность заключается в прибавлении к речи доли забавы, поэтому они чаще встречается в живом бытовом разговоре и художественной литературе.

1.3.3. О функции в речи

Как разновидность загадки, составление и отгадка которой требует большой эрудиции и богатого воображения, шарада выполняет, главным образом функцию игры, забавы. При разделении слова шарада не обращает внимания на его семантическое строение: префикс, корень, суффикс, окончание и т.п. Поэтому ее разделение оказывается без логической основы, без семантического соответствия, не предоставляет когнитивную информацию. Поэтому в России шарада не включена в число стилистических приемов.

В китайском языке встречается и Xizi-загадка:

6) 黄鹤楼，鲁班修，灵芝草，被人偷，骑龙跨虎由自去，八仙飘海各自休。

Иероглиф 黄 разделяется на четыре части. В тексте появляются три части: 艹 (草 cao, трава), 由 (you, пусть) и 八 (ba, восемь). Ключ, который скрыт и его необходимо отгадать 一(yi, один). Однако механизмом отгадки здесь служит, в отличие от примера 5), не сложение, а вычитание.

В этом случае она выполняет также функцию игры, забавы.

Xizi в китайском языке богата своими разновидностями. Ее скрытое, эвфемистическое выражение смыслов отвечает популярным принципам китайской нации в ее языковом этикете: скромности, вежливости, табу и т.п. В особых случаях с помощью Xizi общественные организации создают свой язык – жаргон – для того, чтобы скрыть от посторонних содержание своей речи. Например, в дореволюционном Китае члены общества «洪» (Хун, название), чтобы посторонние не поняли их разговора, в частности, использовали 三八廿一 (san ba ershi yi, три умножается на восемь будет двадцать один), когда в речи упо-

минали название их организации (洪 разделен на четыре части: 三八廿一 (刘中富, с.50).

2. Фигура Xici (析词格)

2.1. Xici в китайском языке

Xici означает «временное разделение многосложного слова в речи» (汉语语法修辞词典, с.417). Например:

7) 他虽然借父亲的光，有一个贫农成分，但他本人当初既不“贫”也不“农”，而是从小走南闯北，闯荡江湖...(张天民《创业》)

贫农 (pinnong, Бедняк (крестьянин) временно разделен на 贫 (pin, бедный) и （务）农 (nong, заниматься земледелием)

2.2. Xici в русском языке

В русском языке встречается языковое явление, очень похожее на китайскую Xici:

8) Область рифм моя *стихия*,
И легко пишу *стихи я* (*Д. Минаев*)

В тексте *стихия* разделено на две части: *стихи* и *я* – такой же прием выражения в примере 7): морфологически разбивает одно слово на два (может и на три и больше), затем заставляет их раздельно сочетаться с другими словами в образовании новых сегментов речи. Притом производные от разделения слова использованы в своих, неодинаковых с их исходным словом, значениях. Мы определяем это как Xici в русском языке, однако тут оно носит другое название: составные каламбурные рифмы, или проще – каламбур [Гвоздев 1955:70; Щербина 1958:47–48], несмотря на то, что между исходным и его производными словами в сущности нет никакой семантической связи, и все они однозначны. «Каламбурность», если она есть, лишь в том, что их последовательное употребление или равномерное синтаксическое место в структуре текста создает впечатление, будто повторяется одно и то же слово. Такое явление каламбурно лишь в звучании, а не в семантике. А двузначность – необходимый элемент для китайского каламбура [Ху Шисюн:307].

2.3. Сопоставление Xici в русском и китайском языках

2.3.1. О механизме разделения

«Составные каламбурные рифмы» (Xici) разделяют одно слово слева направо на несколько, затем заставляют производные слова по

последовательности, одинаковой с их порядком в структуре исходного слова, войти в речь, между ними не может быть вставлено никакое слово. А в китайском языке, как раз наоборот, между производными словами всегда вставлены другие иероглифы. Тем более, производные слова использованы в качестве слов или иероглифов – в разных случаях существуют разные возможности.

2.3.2. О сферах применения

«Составные каламбурные рифмы» (Xici) в русском языке широко встречаются в стихотворчестве. Русский язык относится к числу аналитических языков, его слова отличаются морфологическим изменением, фонетическим оглушением, озвончанием и т.д. Синтаксис разрешает более свободный порядок слов, в результате чего в речи появились разнообразные случаи, тождественные или сходные по звучанию/графемам – это предоставляет поэту большие возможности в выборе языкового материала для составления рифмы, для создания омонимического и паронимического эффекта. С помощью «составных каламбурных рифм» (Xici) Пушкин, Маяковский, Брюсов, Минаев и многие др. написали большое количество интересных стихов.

Слова в китайском языке членятся на односложные и многосложные, Xici использует лишь последние. В современном китайском языке господствуют слова многосложные, их компоненты в большинстве случаев служили или сейчас могут служить самостоятельными словами – что обеспечивает большие возможности их разделенного употребления. Ввиду того, что многосложные слова образованы обычно по значению их составных компонентов, их разделенное употребление более или менее связано со значением этих компонентов.

Подобно Xizi, сферы применения Xici в китайском языке шире, чем в русском. Она широко встречается в устной и письменной речи, в последнем случае главным образом в художественных и публицистических произведениях.

И в обоих языках Xici/составные каламбурные рифмы не употребляются в научной и деловой речи, характеризующейся строгой логичностью и лексической точностью.

2.3.3. О функции в речи

В составных каламбурных рифмах в русском языке между исходным словом и его производными словами обычно нет семантиче-

ской связи, например, в примере 8) между словом *стихия* и производными от него словами *стихи* и *я* нет никакой семантической связи. Однако их созвучность и равномерное нахождение в ритмической структуре стихотворения придает тексту большую музыкальность. Эстетическая функция тут очевидна.

Можно найти случай, когда при разделении исходное и производные слова семантически связаны:

9) Яропеков. Вы ошиблись, тут деньги. *Злато, злато*! Сколько через тебя *зла-то*! (*А. Островский*)

Злато разделено на *зла* (род.пад.) и *то*, семантическая связь создается на основе ассоциативного значения у слова *злато* (золото). Такой прием мы определяем как Xici, как и каламбур, фактически в нем совмещены и тот и другой приемы. В этом случае он обладает семантико-стилистической экспрессивностью, выполняет функцию юмора и сатиры. К сожалению, подобных примеров не много, и мы не готовы отнести его к числу основных типов русской Xici.

Коммуникативной функции Xici в китайском языке больше, чем в русском: юмор, ирония, насмешка, сатира, бичевание, издевательство, от одобрения до критики или наоборот, от критики до одобрению. Бесконечное количество примеров в литературе и бытовой речи обнаруживают ее богатую эстетическую функцию и коммуникативную тактику. Пример 7) в настоящей работе – случай юмористический.

Исходными словами в китайской Xici нередко служат идиомы:

10) 彼此“忘其所以”，不能“心照”，而又不能“不宣”，从此口舌也就多起来了。（鲁迅《隐士》）(心照不宣)

Идиома 心照不宣 (xinzhaobuxuan, понять друг друга без слов) разделена на 心照 (xin zhao, понять друг друга) и 不宣 (bu xuan, не молвить).

По сравнению с вариантом, не применяющим Xici, такая речь более интересная, более экспрессивная, более острая, и производит на читателей/слушателей более глубокое впечатление.

3. Заключение

Мы не ставили перед собой цель анализировать все типы Xizi и Xici. В русском языке встречаются и др. речевые явления, образованные при помощи разделения слова, например: анаграмма, наборщик,

логогриф и т.д. Их можно рассматривать как разновидности Xizi. В настоящей статье проанализированы лишь самые популярные типы.

Стилистические фигуры существуют во всех языках и несут определенные культурные и языковые характеристики их носителя – нации. Например, иероглиф в китайском языке разделяется в разные стороны, а в русском языке слово – лишь слева направо. Употребительность и важность одной и той же фигуры в разных языках и разных культурах неравноценна. Например, в европейских языках более употребительна метафора, а в китайском – антитеза. Влияние фигуры проявляется не только в языке, но и в духовной и материальной культуре нации.

В заключение заметим, что не только Xizi и Xici, но и многие другие фигуры, традиционно принятые китаистами за «самобытно китайские» или «образованные лишь благодаря специфике китайских иероглифов», встречаются и в русском языке, например, 对偶 (Duiou, антитеза), 回文 (Huiwen, палиндром), 顶真 (Dingzhen, анадиплозис).

Из современных исследований следует, что фигура представляет собой не просто прием речи, но и прием мысли, проявляющийся в разнообразных теоретических системах естественных и общественных наук, в культурном строительстве общества. Благодаря общности механизма человеческого мышления, общности стилистических фигур в разных языках намного больше, чем мы считали. К сожалению, сопоставительное исследование в области стилистики – очень слабое звено в лингвистике. Изданных работ сравнительно мало. Впрочем, на связь между фигурой и мышлением обратили внимание только в последние десятилетия, так что в этой области предстоит еще большая работа. Несомненно она обещает и большие перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

陈望道. 修辞学发凡, 上海: 上海教育出版社,1984. Chen Wangdao. «Xiucixue fafan»(Инструкция по стилистике). – Shanghai,1984.

辞海.辞海编辑委员会编,上海辞书出版社, 1988. Cihai (Море слов), Cihai bianji weiyuanhui bian, Ahanghai cishu chubamshe, 1988.

汉语语法修辞词典.张涤华 胡裕树 张斌 林祥楣主编,合肥:安徽教育出版社, 1988. «Hanyu yufa xiuci cidian» (Словарь грамматики и стилистики китайского языка). Zhang Dihua, Hu Yushu, Zhang Bing, Lin Xiangmei zhubian, Hefei, 1988.

黄民裕. 辞格汇编.长沙:湖南出版社, 1991. Huang Minyu: «Cige huibian» (Сборник стилистических фигур). Changsha, 1991.
刘中富.汉字字形特点与秘密语造词.汉字文化. 2003, (1) : 49–51. Liu Zhongfu. Hanzi zixing tedian yu mimiyu zaoci (О свяхи между графическими чертами иероглифа и словообразованием жаргона) // Hanzi wenhua. – 2003. –№1. – P. 49–51.
修辞通鉴.成伟均 唐仲扬 向宏业 主编, 北京:中国青年出版社, 1991. «Xiuci tongjian» (Стилистическая энциклопедия). Cheng Weijun, Tang Zhongyang, Xiang Hongye zhubian. Beijing, 1991.
中-中国大百科全书 语言 文字.中国大百科全书出版社编辑部编, 北京:中国大百科全书出版社, 1988. «Zhongguo da baikequanshu. Yuyan. Wenzi» (Большая китайская энциклопедия. Язык. Письменность). Zhong guo da baikequanshu chubanshe bianjibu bian. Beijing, 1988.
БСЭ–Большая советская энциклопедия / Гл. ред. А.М.Прохоров. – М., 1978. – Т. 29.
Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М., 1955. – С. 70–71.
Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1983.
Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред .А.А.Сурков. – М., 1975. – Т. 8.
Ху Шисюн. Каламбур: форма и семантика. Китайское языкознание. – М., 2002.
Щербина А.А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). – Киев, 1958.

SUMMARY

This paper is intended to cope with the rhetoric phenomenon of "Word disassembling" in Russian and Chinese, to analyze the differences and similarities of its disassembling approaches, applicable occasions, communicative functions, etc., in both Chinese and Russian, with the attempt to uncover the common ground in the process of human thinking and its effects upon linguistic ways of expressing among various nations.

А.Н. Хохлов, г. Москва

КИТАИСТЫ С. А. И В. С. КОЛОКОЛОВЫ: ОТЕЦ И СЫН (К ПРОБЛЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ)

В истории российского китаеведения можно найти немало примеров, когда эстафету изучения какой-либо страны Востока от отца принимал сын, успешно продолжавший начатое его родителем дело. Гораздо реже в силу исторических условий подобная семейная традиция передавалась по материнской линии, причем такие случаи наиболее характерны для периода новейшей истории, особенно для второй половины XX в., когда в ходе эмансипации и борьбы за свои права женщины европейских стран и США смогли играть более активную роль в обществе.

Краткие биографические сведения о Сергее Александровиче Колоколове (1868–1921), отце известного многим ветеранам-китаистам Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979), можно найти в рукописных материалах личного архива археолога Николая Ивановича Веселовского (1858–1918), преподававшего в течение многих лет историю Востока в С.-Петербургском университете и серьезно интересовавшегося историей востоковедения в России[1]. В его материалах (как черновых, так и опубликованных) по истории Факультета восточных языков С.-Петербургского университета имеются такие данные:

Колоколов Сергей Александрович – сын потомственного дворянина, родился 10 января 1868 г. в С.-Петербурге. Среднее образование он получил в 6-й и 1-й гимназиях, затем учился на Факультете восточных языков С.-Петербургского университета[2]. По окончании университетского курса его взяли на флот. После 16-месячного плавания по Черному, Средиземному морям и Атлантическому океану, Сергей Александрович подал в отставку. 4 ноября 1893 г. его приняли на службу в МИД, а 11 февраля 1895 г. назначили драгоманом консульства в Кульдже в провинции Синьцзян. 6 июня 1901 г. он становится секретарем консульства в Кашгаре (в той же провинции). В том же 1901 г. его направляют чиновником VI класса в Порт-Артур на дипломатическую работу при Главном начальнике Квантунской об-

ласти (последняя была образована в южной части Ляодунского полуострова, которую Россия получила от Цинского Китая в долговременную аренду – на 25 лет).

В 1903 г. С. А. Колоколова направили в распоряжение царского наместника на Дальнем Востоке генерал-адъютанта вице-адмирала Е. И. Алексеева. С началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. его 5 марта 1904 г. назначили консулом в Кашгар, где он прослужил пять лет. 4 сентября 1909 г. он стал генеральным консулом в Фучжоу, главном городе приморской провинции Фуцзянь, а с 1 января 1910 г. – генеральным консулом в Мукдене, главном административном центре Маньчжурии (она тогда официально называлась по-китайски: «Дун-сань-шэн»)[3].

Из ведомственной переписки о службе С. А. Колоколова в Маньчжурии до Русско-японской войны приведем лишь несколько архивных документов, характеризующих круг профессиональных занятий российского дипломата. Интересным, на наш взгляд, представляется следующее письмо министра иностранных дел России на имя царского наместника Е. И. Алексеева от 6 июля 1901 г.: «Секретною телеграммою от 25 минувшего июня имел честь уведомить Ваше Прев-во о временном командировании в Порт-Артур коллежского асессора Колоколова, назначаемого агентом вверенного мне ведомства в Маньчжурии с резиденциею в Мукдене. Г-ну Колоколову поручено исполнять обязанности чиновника по дипломатической части в Квантуне на время отсутствия надворного советника Коростовца в Порт-Артуре»[4] (см. также прим. 5).

Свидетельством важной роли С. А. Колоколова в период, предшествовавший русско-японской войне, отчасти может служить неожиданная отсрочка разрешенного ему руководством МИД отъезда в С.-Петербург на короткий срок для лечения сына (у него врачи нашли серьезное заболевание глаз). О важной причине задержания С. А. Колоколова в Маньчжурии позволяет судить его секретная телеграмма из Мукдена в Петербург от 19 января 1903 г. В ней он сообщал в МИД: «Вчера совершенно неожиданно прибыл ко мне д.с.с. Безобразов, который настойчиво просил меня остаться в Мукдене для выяснения ему дела [лесной] концессии на [реке] Ялу и оказания содействия и всяческой помощи в этом деле. Сопровождающий

В. Безобразова Эльтеков передал мне просьбу адмирала Алексеева об оказании всяческой помощи в этом деле... Прошу указаний, т. к., согласно распоряжению г-на министра [относительно кратковременного отпуска], сдача дел секретарю [князю Мещерскому] мною заканчивается». В этой связи любопытна помета, оставленная Николаем II на данной телеграмме: «На это (т. е. на разрешение уехать в отпуск. – *А. Х.*) нечего обращать внимание»[6].

Из документов, касающихся деятельности С. А. Колоколова в начальный период Русско-японской войны, особенно интересны сведения о подготовке им перевода на китайский язык текста обращения Е. И. Алексеева к населению Маньчжурии, содержавшего призыв к местным жителям соблюдать нейтралитет в связи с навязанной Японией войной. Чтобы лучше представить обстоятельства, побудившие царского наместника на Дальнем Востоке обратиться к помощи С. А. Колоколова в подготовке китайского текста его обращения к населению Маньчжурии, достаточно ознакомиться с срочным письмом заведующего делами Дипломатической Канцелярии наместника Г. А. Плансона, который 30 января 1904 г. сообщал из Порт-Артура в Мукден С. А. Колоколову следующее: «По приказанию наместника посылаю Вам текст объявления, которое необходимо *безотлагательно перевести на китайский язык и напечатать в возможно большем количестве экземпляров* для распространения среди [местного] населения. Здесь китайцы (в том числе переводчики. – *А. Х.*) разбежались, [поэтому] нет возможности сделать это. Наместник придает большое значение возможной спешности этого дела»[7].

С указанным поручением С. А. Колоколов успешно справился, причем в весьма короткий срок. Уже 5 февраля 1904 г. он сообщал в Петербург о выполнении поручения Е. И. Алексеева и высылке в МИД одного экземпляра китайского перевода упомянутого объявления (с приложением полученного им русского текста). Чтобы полнее представить актуальное значение данного документа – о поддержании нейтралитета Китаем в этой войне – достаточно обратиться к нижеследующему тексту его основных положений:

«По Высочайшему Его Императорского Величества Государя Императора повелению я, наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке, объявляю всем войскам, чиновникам, купече-

ским обществам и жителям Трех восточных провинций [Дун-саньшэн] о нижеследующем:

1. Японцы вероломно напали на русскую эскадру, несмотря на то, что мирные переговоры [между Россией и Японией] продолжались. Поэтому имп. Российское правительство в видах охраны интересов вынуждено вступить в борьбу с Японией, дабы помешать ее вторжению на китайскую территорию и оттуда на русскую.

2. Интересы китайского правительства тесно связаны в этом деле с русскими, и оно по справедливости должно бы соединить свои силы с русскими, чтобы отразить общего врага. Но уважая самостоятельность решения Почтенного государства [Китая] и принимая к сведению его заявление о желании соблюдать нейтралитет, я требую, чтобы всем властям Маньчжурии было приказано не препятствовать русским войскам, а, напротив, оказывать содействие при покупке продовольствия и фуража, при расквартировании войск и доставлении им всего необходимого.

3. Всем мирным жителям Трех восточных провинций предлагаю спокойно оставаться на своих местах и заниматься делами, земледелием, торговлей, ремеслами и т. п. Русские войска не только не причинят вам никакой обиды, но, напротив, будут защищать и охранять вас, если их встретите с доверием и доброжелательством.

4. Охрана КВЖД, всех телеграфных и телефонных линий мною возлагается всецело на вас и вверяется вам, мирным жителям городов и селений, вблизи которых и через которые они проходят. Начальники городов и старшины селений должны принять всевозможные меры к сохранению железной дороги, телеграфных и телефонных линий в целости, за что заслужат общую благодарность. В случае же умышленного повреждения кем-либо названных линий отвечать за это будут не только злоумышленники, но и начальники и жители ближайших местностей, допустившие совершение подобного злодеяния.

5. Величайшее зло Трех восточных провинций составляют разбойники – хунхузы. Русские войска готовы бороться с ними, дабы защитить вас, мирные жители, от их нападений. Но вы в свою очередь должны оказать в этом [деле] полное содействие, указывать места, где они скрываются и всеми способами помогать их розыску и уничтожению, не боясь их мести. Кто же будет укрывать у себя разбойников или скрывать их следы, тот будет подвергнут такой же участи, как сами разбойники.

6. Объявляя обо всем этом властям и населению, я надеюсь, что войска наши встретят с их стороны сочувствие и доброжелательство. Но, если надежда эта будет обманута и китайские чиновники и [местные жители] выкажут к русским войскам враждебные чувства, то русское правительство будет беспощадно карать и уничтожать всех тех, кто окажется на стороне его врагов, и примет меры к тому, чтобы оградить свои интересы собственными средствами, какие признает соответствующими»[8].

На обращение Е. А. Алексеева, появившееся в китайском переводе[9], не замедлили прореагировать местные китайские власти, причем весьма своеобразно, о чем позволяет судить, например, публикация в газете «Харбинский вестник». В статье В. Теплова под названием «Нейтралитет Китая» в газете «Русские ведомости» от 29 апреля 1904 г. позиция китайской администрации излагалась следующим образом: «В настоящее время Россия и Япония нарушили между собой хорошие отношения, а наше государство должно соблюдать нейтралитет. Вследствие сего запрещено делать разные глупости и производить повреждения на ж.д. и телеграфной линии. Кто не исполнит этого, тот подлежит строжайшему наказанию». Сославшись на «Харбинский вестник», газета «Русские ведомости» процитировала следующее заявление местного цзянцзюня Са [Сабао]: «Восточная маньчжурская ж.д. (т. е. КВЖД. – *А. Х.*) полезна и очень удобна для торговли, почему и надо охранять её, что давно уже известно».

Опуская подробности службы С. А. Колоколова в других районах Китая, отметим лишь, что его последние годы на дипломатическом поприще в Китае прошли в Мукдене, где он с 1910 г. выполнял обязанности российского генерального консула. После драматических событий в октябре 1917 г. в Петрограде, а затем длительной Гражданской войны в России позиции продолжавшей функционировать старой системы российской дипломатической службы в Китае заметно ослабли. Это особенно явно проявилось в Маньчжурии после ареста в Гирине атамана Калмыкова, пытавшегося найти убежище в местном российском консульстве, которым тогда управлял К. А. Братцев. Воспользовавшись этим прецедентом и начавшимися переговорами с представителями Дальне-Восточной Республики, президент Китайской Республики Сюй Ши-чан в сентябре 1920 г. издал указ о непризнании полномочий бывшего царского посланника (И. А. Кудашева) и необходимости закрытия всех дипломатических представительств бывшей царской России[10].

Нервное напряжение россиян, в том числе бывших сотрудников дипломатического корпуса[11], на почве растущей политической нестабильности в том или ином районе Китая, пограничном с владениями бывшей царской России, часто сопровождалось тяжелыми последст-

виями, порой заканчивавшимися трагически. Вот что писал Иван Бобровников 17/4 октября 1921 г. из Мукдена в Пекин управляющему делами Российской дипломатической миссии В. В. Граве: «Сергей Александрович Колоколов скончался 17/4 октября в половине третьего дня от аневризма сердца в местном японском железнодорожном госпитале, где находился на излечении с 3 октября (20 сентября). Похороны предполагаются в среду, 19/6 текущего октября»[12].

Так закончил свой жизненный путь один из замечательных китаистов-дипломатов, оставивший по себе добрую память среди своих учителей и коллег. В этой связи можно привести хотя бы одно высказывание специалиста по международному праву Ф. Ф. Мартенса, преподававшего в С.-Петербургском университете. В письме к российскому консулу в Кашгаре Н. Ф. Петровскому, известному исследователю Центральной Азии, состоявшему в переписке с С. Ф. Ольденбургом, Мартенс 23 декабря 1895 г. так рекомендовал С. А. Колоколова: «Раньше чем кончить настоящее письмо, *позвольте мне отрекомендовать Вам с лучшей стороны С. А. Колоколова*, назначенного исправляющим должность секретаря Вашего Генерального консульства. Это – молодой человек, заслуживающий поощрения и полного доверия, по словам лиц, весьма близко его знающих»[13].

В плане оценки дипломатической деятельности С. А. Колоколова в период его вторичного (со времени русско-японской войны) пребывания в Кашгаре симптоматичной представляется реакция руководства МИД на жалобу, поступившую в октябре 1908 г. от МВД по поводу того, что коллежский советник «своими неумелыми действиями в значительной степени ухудшил положение русских в крае и подорвал престиж русской власти в глазах туземцев». Не вдаваясь в существо необоснованной жалобы за неимением времени, Г. А. Плансон черными чернилами написал на документе, поступившем из МВД: «*Оставить без внимания*. Это, очевидно, плод недоразумения или какого-то личного недоброжелательства, и во всяком случае *не может иметь ни малейшего влияния на заслуженную, безукоризненную репутацию С. А. Колоколова, стоящую неизмеримо выше всяких подозрений*»[14].

Эстафету серьезного изучения Китая, чем заметно отличался от некоторых своих сослуживцев С. А. Колоколов, принял его сын –

Всеволод Сергеевич Колоколов (1896–1979), составитель «Краткого китайско-русского словаря», выдержавшего два издания[15], автор учебника китайского разговорного языка[16]. Он родился 16/28 февраля 1896 г. в г. Кашгаре, и поскольку его отец считал, что дети должны знать язык народа той страны, в которой они живут, он стал посещать китайскую школу. Это позволило будущему китаисту овладеть китайским языком как родным, причем в объеме традиционного школьного курса. В период службы отца в г. Фучжоу (пров. Фуцзянь) он посещал занятия в американском колледже. После переезда с семьей в Петербург в 1913 г. ему довелось заниматься в Александровском лицее, благодаря чему значительно расширился круг изучаемых им иностранных языков, особенно западноевропейских. Вслед за Февральской революцией в России лицей был закрыт, поэтому для продолжения учебы молодой Колоколов поступил в школу прапорщиков (с ускоренным курсом обучения) при Павловском пехотном училище в Петрограде. По окончании курса его в сентябре 1917 г. направили в г. Тверь, где был расквартирован 196-й пехотный полк. Когда этот полк, принимавший участие в защите Зимнего дворца, расформировали, молодому прапорщику пришлось уехать в деревню, на родину жены, в Кашинский уезд. Здесь его избрали секретарем волостного совета и при первой же мобилизации в Красную армию в 1918 г. он добровольно вступил в ее ряды.

В 1920 г. В. С. Колоколов поступает на Восточное отделение Военной академии в Москве и через два года становится преподавателем в этом учебном заведении. Несколько позже начинается его преподавательская деятельность в Коммунистическом университете трудящихся Китая и Университете им. Сунь Ят-сена, причем параллельно с педагогической работой он занимается и научной. Об этом свидетельствует опубликованная им в 1924 г. книга «Китай. Страна, население, история», написанная при участии И. Мамаева.

В 1935 г. за активную и плодотворную научно-педагогическую деятельность Всеволоду Сергеевичу было присуждено звание профессора, без защиты диссертации. В 1937 г. он возглавляет кафедру китайского языка, сначала на Восточном отделении Военной академии, а в 1939–1942 гг. – в Высшей спецшколе РККА.

В период Великой Отечественной войны В. С. Колоколов добровольцем уходит на фронт и, овладев специальностью шофера, под бомбежкой и артобстрелом со стороны противника занимается доставкой на передовую боеприпасов и продовольствия. С передислокацией советских войск (после разгрома гитлеровской Германии) на Дальний Восток его направляют туда в распоряжение командования этих войск, вместе с которыми он принимает участие в разгроме японских милитаристов и освобождении близкой ему по воспоминаниям молодости Маньчжурии[17].

После войны В. С. Колоколов с увольнением в запас в 1947 г. возвращается к педагогической деятельности. Работая в различных учебных заведениях Москвы, в том числе в МГУ, он в 1950 г. становится сотрудником Института востоковедения АН СССР. Переезд в 1955 г. в Ленинград, где он активно включается в научно-исследовательскую работу Ленинградского отделения ИВ АН СССР, дает ему возможность плодотворно заниматься переводами оригинальных сочинений по истории древней и средневековой истории Китая – вплоть до выхода на пенсию в 1970 г.

Скончался Всеволод Сергеевич 18 февраля 1979 г. в Ленинграде, оставив после себя и учеников-китаистов и серьезные научные труды в области востоковедения. Из научных публикаций последних лет его жизни особенно ценны работы, написанные им в Ленинграде. Среди них книга под названием «Китайская классика в тангутском переводе (Лун юй, Мэн цзы, Сяо цзин), подготовленная вместе с Е. И. Кычановым и опубликованная в 1966 г.[18] Для исследователей истории философии Китая он подготовил перевод «Мэнцзы», вышедший в свет после его кончины в 1999 г. благодаря усилиям его коллег-ленинградцев. Среди них нельзя не упомянуть Льва Николаевича Меньшикова, написавщего предисловие к этой книге с использованием материалов личного архива Всеволода Сергеевича Колоколова[19]. Переводы на русский язык китайских исторических, в том числе философски значимых трудов, снискали ему славу не только тонкого знатока, но и замечательного исследователя классического наследия Китая.

Следуя в научных изысканиях лучшим традициям отечественного востоковедения, В. С. Колоколов своими трудами внес серьезный

вклад в развитие китаистики, ставшей из занятия энтузиастов-одиночек сферой исследований многих россиян, интересующихся историей и культурой Китая. О существенном вкладе этого ученого только в изучение китайской филологии можно вполне судить даже по его «Краткому китайско-русскому словарю», в основу которого легла графическая система расположения китайских иероглифов, предложенная в 50-х гг. XIX в. выдающимся русским востоковедом Василием Павловичем Васильевым (1818–1900)[20]. С точки зрения важной роли преемственности традиций в отечественной синологии интересной, на наш взгляд, представляется оценка, которую дал В. С. Колоколову японист Николай Михайлович Попов-Татива. В письме от 22 марта 1925 г. он сообщал видному китаеведу В. М. Алексееву:

> «Теперь еще два слова о В. С. Колоколове. Я очень ценю его работу здесь [в Москве]. Колоколов – самоучка, идущий по стопам [Василия Павловича] Васильева. Он только что был у меня... Можно сказать, что сейчас графическая система [его] словаря доведена до последней точки. Если [О. О.] Розенберг[21] рассматривал черты иероглифов как элементы своеобразной азбуки, то система, разработанная слушателем Горевым и доведенная до совершенства Колоколовым, приводит эти элементы к системе цифр, к десятичной системе.
>
> Впоследствии здесь могут быть предложены варианты, но самое существенное уже установлено, и никаких трудностей при пользовании его словарем более существовать не могут. Но если В. С. Колоколов проделал колоссальную работу в области методологии [происхождения] иероглифа и методики преподавания иероглифической письменности, то, с другой стороны, мне кажется, [что] у него [пока] еще нет стройного мировоззрения как синолога. Нужно надеяться, что и это придет [к нему] со временем. Во всяком случае его достижения как самоучки мне кажутся значительными.»[22]

Жизнь и творческий путь В. С. Колоколова – яркий пример самоотверженного служения отечеству и науке. Его подвиг характерен для многих китаистов его времени. Для большинства из них интерес к Китаю и его культуре (традиционной и современной) стал главным стержнем их творческой деятельности, направленной на лучшее взаимопонимание и тесное сотрудничество между народами России и Китая. Путь В. С. Колоколова к вершинам научного творчества не был усыпан розами. Об этом всегда должны помнить молодые люди,

ступившие на стезю самостоятельного научного поиска в той или иной области китаеведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее о Н. И. Веселовском см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997, с. 241–249.

[2] Чтобы лучше представить характер общей и языковой подготовки на Факультете восточных языков С.-Петербургского университета, достаточно обратиться к отчету о состоянии этого университета за 1891–1892 академическом году, составленному и зачитанному известным китаеведом-историком Сергеем Михайловичем Георгиевским. В нем, в частности, говорилось: «Студенты Николай [Вячеславович] Богоявленский и Сергей [Александрович] Колоколов, необязательно (т. е. факультативно. – *А. Х.*) изучавшие под руководством преподавателя [японца] Иосибуми Куроно японский язык с осени 1888 г. до лета 1892 г. и окончившие в истекшем году курс в университете, занимались в течение весеннего семестра 1892 г. чтением японских договоров, заключенных между Россией и Японией и знакомились с краткой историей японской литературы» (с. 34–35).

[3] Основываясь на сведениях, полученных от самого Сергея Александровича, а также С. В. Жуковского, Н. И. Веселовский в конце своей справки о С. А. Колоколове, выпускнике СПб. университета, указывал следующие публикации последнего в «Сборнике консульских донесений», издаваемых МИД России: 1) Экономический обзор Кашгарии (1906 г.); 2) Денежное обращение в Кашгарском районе (1906 г.); 3) Русская торговля в Кашгарии (1908 г.). См.: РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, ед. хр. 630, л. 57.

[4] АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1901–1916, д. 1875, л. 2.

Иван Яковлевич Коростовец (1862–1933) – известный дипломат, автор ряда статей и книг о Китае, с 1908 по 1911 гг. являлся посланником в Пекине.

[5] АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1901–1916, д. 1875, л. 4.

[6] Там же, л. 20.

[7] АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, 1904–1905, д. 543.

[8] АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, 1904–1905, д. 543, л. 8.

При переводе данного документа С. А. Колоколову пришлось столкнуться с неординарной ситуацией из-за отсутствия в Китае толкования термина «нейтралитет», принятого в практике международных отношений России и западных стран. Неслучайно в донесении русского дипломата от 10 февраля 1904 г. в I Департамент МИД упоминается об отправке им в Петербург «перечня главнейших положений о нейтралитете», который был послан из Пекина наместником столичной провинции Чжили Юань Ши-каем цзянцзюню (военному губернатору) провинции Шэнцзин Маньчжурии. Как видно из русского перевода, этот «перечень», определяя «права нейтральных государств», состоял из семи пунктов. Подробнее см.: АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, 1904–1905, д. 543, л. 24; л. 25–26 («Обязанности нейтральных государств»); л. 27–28 («Права нейтральных государств»).

[9] При сравнении текста обращения Е. И. Алексеева с его китайским переводом нетрудно обнаружить некоторые отличия последнего от подлинника. Так, например, слово «вероломно» передано пространной фразой «тая в сердце злые замыслы». Ср.: АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, 1904–1905, д. 543, л. 20.

[10] 17 октября 1920 г. выходившая в Харбине газета «Вперед» в этой связи опубликовала следующее разъяснение китайского правительства:

1) мандат президента от 23 сентября с отказом в признании [князя] Кудашева допускает только временный перерыв дипломатических отношений с Россией;

2) мандат не упраздняет русско-китайских договоров, а также вытекающих из них русских прав;

3) китайское правительство временно принимает на себя охрану русских граждан и их интересов до признания Китаем Всероссийского правительства;

4) русские концессии охраняются комиссарами иностранных дел, причем принципы самоуправления, а также избрание должностных лиц [на них] остаются за русскими;

5) русский закон в китайских судах сохраняется при участии в судах русских консультантов.

[11] АВПРИ, ф. Посольство в Токио, оп. 529, д. 646, л. 117.

[12] АВПРИ, ф. 324, оп. 894, д. 49, ч. 2, л. 82.

[13] РГАДА, ф. 1385, оп. 1, ед. хр. 466, л. 181.

[14] АВПРИ, ф. Китайский стол, оп. 491, 1901–1916, д. 1875, л. 39; 41.

[15] Колоколов В. С. Краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий военные термины. М., Изд. СЭ, 1935 (Переиздан в 1946–1947 гг.).

[16] Колоколов В. С. Учебник китайского разговорного языка. – М.–Л., 1935.

[17] Памяти Всеволода Сергеевича Колоколова (1896–1979). // Проблемы Дальнего Востока. 1979, № 2, с. 207.

[18] Китайская классика в тангутском переводе (Лун юй, Мэн цзы, Сяо цзин). Факсимиле текстов / Предисл., словарь и указатели В. С. Колоколова и Е. И. Кычанова. М.: Наука, 1966 (Памятники письменности Востока, 48).

[19] Мэн-цзы / Перевод с китайского В. С. Колоколова. – М., Институт востоковедения РАН, 1999 (Памятники культуры Востока, 12).

[20] Подробнее см.: Хохлов А. Н. Востоковед В. П. Васильев и его графическая система расположения иероглифов // Китайское языкознание. Изолирующие языки. X Международная конференция. Материалы. Москва, 20–21 июня 2000 г. – М., 2000, с. 189–202.

[21] Подробнее об Оттоне Оттоновиче Розенберге (1888–1919) см.: История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1997, с. 350–351; с. 428–430.

[22] СПб. филиал Архива Российской Академии Наук, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 646, л. 4 (маш., подпись – автограф).

Е.А. Цешинская, г. Рыбинск

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗНАКА «*ХУ*» ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СОСУДОВ РАЗЛИЧНОЙ ФОРМЫ И НАЗНАЧЕНИЯ

Язык служит наглядным воплощением одной из принципиальных особенностей китайского мышления, а именно: отсутствия четкого разграничения между частью и целым, сущностью и декором, принципом и явлением. Столь же общеизвестно, что полисемантизм иероглифических текстов с трудом может найти себе однозначное соответствие в языках фонетических. Один и тот же иероглиф можно интерпретировать на разных уровнях – от конкретного, бытового до отвлеченного, философского. При трансформации иероглифических текстов в тексты иной лингвистической культуры, прежде всего, невозможно абсолютно адекватно их передать. Правда, в научных или иных нехудожественных текстах, как правило, имеется в виду лишь один из аспектов значения. Но и тут есть исключения. С точки зрения многих европейских и отечественных исследователей, китайская керамическая терминология не отличается строгостью и точностью. С одной стороны, сходные по форме сосуды называются по-разному, с другой – совершенно не похожие друг на друга объединяются одним и тем же названием. Так, например, говоря и о сосудах для винаи о сосудах для чая, китайцы употребляют один и тот же знак – *ху*.

Как известно, иероглиф *ху* 壶 передается в русском переводе с помощью слов «чайник (для вина или чая), кувшин, сосуд для вина, фляга, флакон»[1]. Столь широкий диапазон значений может создать определенные затруднения при переводе и, как следствие, вызвать разного рода неточности. Только знание вещественного материала помогает выбрать то значение данного иероглифа, которое наиболее точно соответствует оригиналу, позволяет избежать досадных ошибок в трактовке иероглифического текста. Это обстоятельство и побудило автора, на практике столкнувшегося с данной проблемой в процессе работы с коллекцией китайской керамики XVIII – первой трети XX в. из собрания Рыбинского музея, привести несколько наиболее характерных примеров использования знака *ху* для обозначения определенного типа сосудов различной формы и назначения, бытовавших в Китае со времени дописьменных культур неолита вплоть до

второй половины XX в. Разумеется, данная работа ни в коем случае не претендует на роль этимологического или терминологического исследования, в ней лишь затронут и обозначен вопрос выбора смыслового значения иероглифа, наиболее полно соответствующего контексту.

Итак, обратимся к схеме. Здесь даны изображения керамических сосудов различных неолитических культур конца III – начала II тысячелетия до н. э.: сосуд *ху* культуры Яншао из раскопок в Баньпо близ Сиани, пров. Шэньси [1]; сосуды *ху* культуры Цинляньган из раскопок в уезде Хуайань, пров. Цзянсу на трассе Великого канала [6-9], в Лянчжу близ Ханчжоу, пров. Чжэцзян [2-3] и в Юйдуне близ Цишуяня в южной части пров. Цзянсу [10-12]; а также сосуды *ху* культуры Давэнькоу из раскопок в Баотоу, уезд Нинъян пров. Шаньдун [4-5].

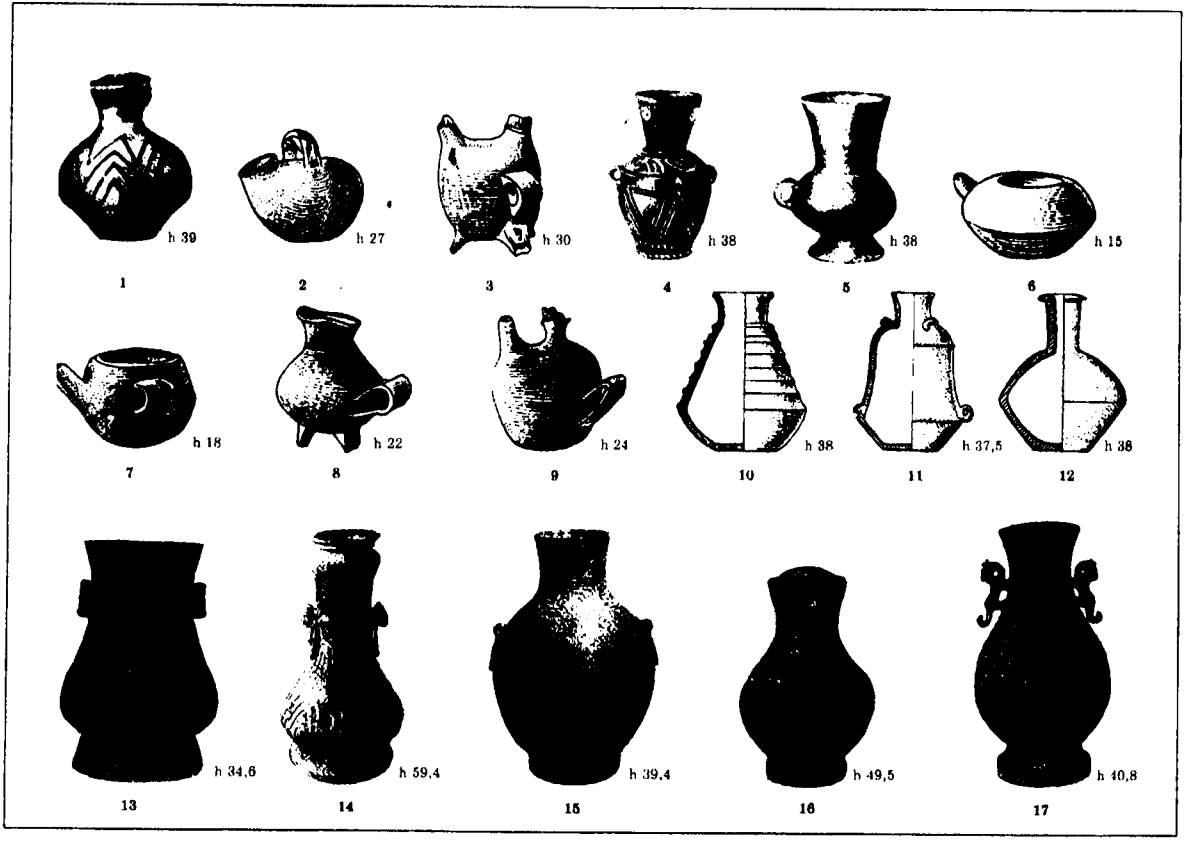
Одним из основных принципов для классификации сосудов неолитических дописьменных культур китайские археологи считают их назначение и подразделяют (за исключением ритуальных) на три большие группы: 1) столовую посуду, 2) хозяйственную, предназначенную для хранения запасов пищи, 3) кухонную, служащую для приготовления пищи[2]. При этом для определения тех или иных типов сосудов китайские исследователи пользуются традиционными названиями современной национальной посуды. Так все небольшие хозяйственные сосуды для хранения пищи, по форме приближающиеся к тыкве-горлянке 葫 (*хулу*),[3] они именуют сосудами ху[4]. При описании форм этих сосудов, прежде всего учитываются такие признаки, как профиль и размеры составных частей сосуда (тулова, дна, шейки, венчика, ножки), а также наличием дополнительных деталей: ручек, ушек, носиков.

Культура династий Инь (Шан) и Чжоу заслуженно считается краеугольным камнем китайской цивилизации. Именно тогда сложились основные государственные институты и нравственные ценности, определилось лицо китайской империи и китайской культуры. В частности, древняя бронза на многие века стала своеобразным символом «незапамятной древности», эталоном безупречного вкуса и непререкаемым образцом для мастеров прикладного искусства. Сосуды *ху* продолжали существовать и эволюционировали в течение многих веков. На схеме приведены бронзовые сосуды *ху*, использовавшиеся для хранения жертвенного вина[5]. В качестве примеров отобраны наиболее известные из них: сосуд из раскопок в Аньяне, датируемый

1766–1122 гг. до н.э. [13]; сосуд из собрания Музея провинции Шэньси (Сиань), датируемый концом IX в. до н.э. [14]; сосуд из собрания Мемориального музея М. Х. де Янга в Сан-Франциско, датируемый V-IV вв. до н. э. [15] и сосуд эпохи Чжаньго (403–221 гг. до н.э.) из музея Гугун в Пекине [17]. А под цифрой [16] помещен сосуд эпохи Хань (II–I вв. до н.э.) из т. н. протофарфора *юаньши цы*, найденный во время раскопок в провинции Хэнань. В изданиях на русском языке, посвященных культуре и искусству Китая, все эти сосуды обозначаются как «сосуды *ху*» или «кувшины *ху*».

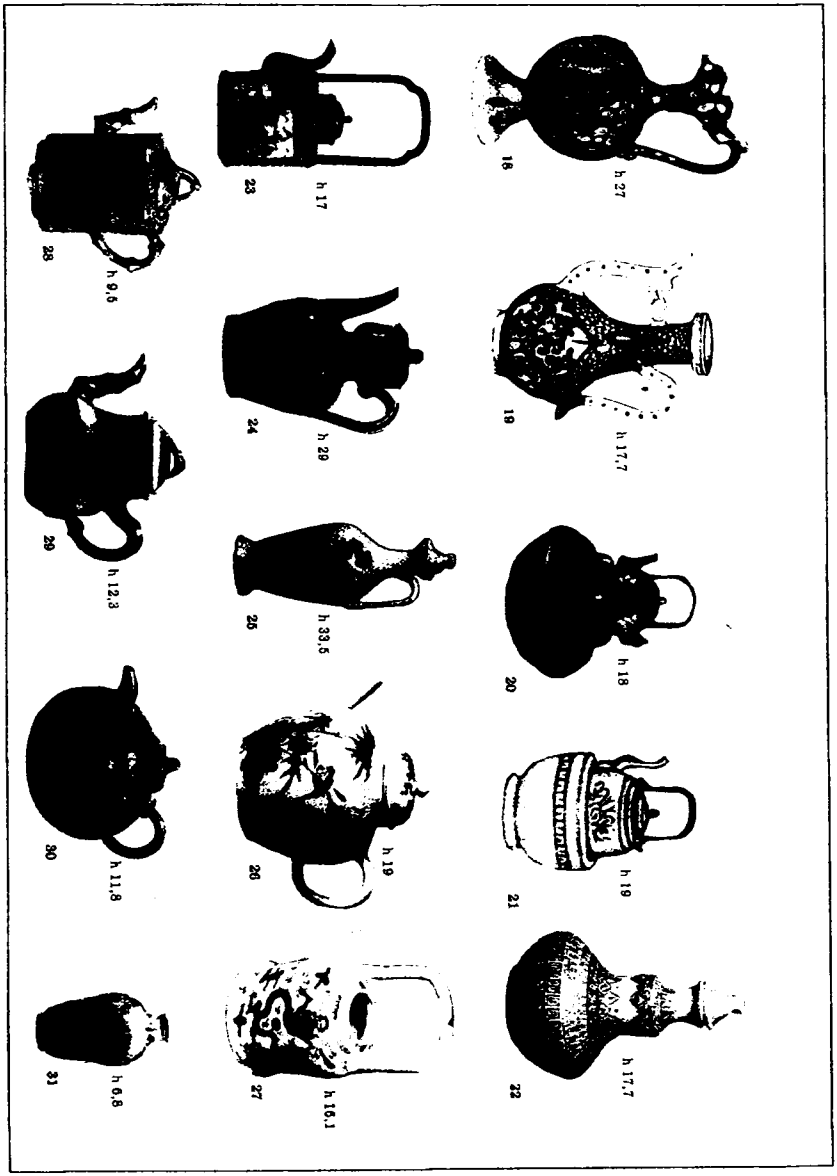
Далее на схеме представлен керамический глазурованный сосуд *ху* эпохи Тан (VIII–X вв.) из собрания Британского музея в Лондоне [18]. По форме он чрезвычайно близок западноазиатским кувшинам и, в свою очередь, послужил очевидным прототипом для многих современных сосудов того же назначения. Под цифрой [19] помещен фарфоровый кувшин для вина с росписью *цинхуа*, эры Канси (1662–1722), из собрания Эрмитажа. Фарфоровый сосуд с росписью *цинхуа* эпохи поздняя Мин (XVI в.), внесенный в схему под цифрой [22], также предназначен для хранения вина. Однако довольно трудно найти адекватный русский термин, точно передающий и назначение сосуда, и своеобразие его формы. Это не кувшин (нет характерного носика, ручки, но есть пробка), и не чайник (слишком высокое и узкое горло, нет ручки, носик не характерной для чайника формы). Подобный сосуд по-русски можно назвать «бутылью», «бутылочкой»[6], но тогда по-китайски он назывался бы не 壶 *ху*, а 瓶 *пин*. Следовательно, при переводе для обозначения сосуда подобной формы из русских терминов правильнее выбрать слово «фляга».

Общеизвестно преклонение китайцев перед традицией и древностью, бережное сохранение ими национальных искусств и ремесел. Винный кувшин, помещенный на схеме под цифрой [24], изготовлен одним из лучших мастеров Цзиндэчжэньского фарфорового завода Мэй Цзянь-ин`ом в 1954 г. Но форма кувшина восходит к керамике эпохи Тан, а декор воспроизводит прославленные цветные глазури, использовавшиеся цзиндэчжэньскими мастерами в середине XVIII в. и известные в Европе под названием «sang-de-boeuf». Еще один пример «следования древности» представляет собой винный фарфоровый кувшин с крышкой, декорированный росписью «цветы хризантемы» [25]. Он изготовлен в наши дни на о. Тайвань.


h 39
1
h 27
2
h 30
3
h 38
4
h 38
5
h 15
6
h 18
7
h 22
8
h 24
9
h 38
10
h 37,5
11
h 38
12
h 34,6
13
h 59,4
14
h 39,4
15
h 49,5
16
h 40,8
17

До сих пор речь шла исключительно о сосудах, так или иначе связанных с культурой вина. Но уже начиная с IV–V вв. в среде образованных китайцев и художественной богемы культ чая[7] значительно потеснил культ вина. В эпоху Тан появился знаменитый *Ча цзин* («Чайный канон») Лу Юя (?–804), и увлечение дегустацией чая стало просто безудержным, начались всякого рода изыскания в этой области. Однако специальной посуды для заваривания чая в тот период еще не было. Как известно, первоначально чай отваривали в котелке или кастрюле наподобие лекарственных трав, а позже – в чашке. К слову, именно такой способ заваривания порошка чайного листа крутым кипятком прямо в чашке сохранился в японской чайной церемонии, которая возникла в VII–XII вв., унаследовав раннюю китайскую традицию. И только в эпоху Мин, точнее в XIV в., на китайском чайном столе появляется хорошо известный нам чайник. Что же касается возможных прототипов сосуда для заваривания чая, то наиболее убедительной представляется версия, согласно которой в качестве первых чайников для заваривания чая были использованы винные чайники. Общеизвестно, что определенные сорта вин в Китае традиционно пьют подогретыми и подают на стол в чайниках. Изображение чайника обычно служило вывеской трактиров.

Первые чайники для чая были преимущественно бронзовыми, медными либо серебряными. На самой ранней стадии можно наблюдать копирование определенных форм винных чайников, что в значительной степени определяется функциональной близостью этих сосудов. Сосуды, помещенные на схеме под цифрами [20-21, 23], любым, и китайцем и европейцем, будут идентифицированы именно как «чайники». Здесь только требуется уточнить, что на наших прорисовках с китайских свитков эпохи Юань изображены позднесунские винные чайники начала XIII в. и бронзовый чайник [23] эры Цяньлун (1735–1796), исполненный в технике расписных эмалей. Тот, что помещен под цифрой [20], – бронзовый, снабженный специальной жаровней, а под цифрой [21] – фарфоровый со специальной грелкой. Эти два чайника имеют сферическое либо уплощенно-сферическое тулово, и все три – высокую дугообразную ручку.


18
h 27
19
h 17,7
20
h 18
21
h 19
22
h 17,7
23
h 17
24
h 29
25
h 33,5
26
h 19
27
h 16,1
28
h 9,6
29
h 12,3
30
h 11,8
31
h 6,8

Далее на схеме помещены фарфоровые чайники для чая эры Канси (1662–1722) и Юнчжэн (1723–1735), первый из собрания музея Гугун (Пекин) [26], второй из собрания Рыбинского музея [27]. Первый декорирован росписью «*у цай*» в стиле *хуа-няо*, а второй – росписью *цинхуа* «дракон о четырех когтях, играющий жемчужиной». Формой тулова и, в особенности, характерной высокой дугообразной ручкой второй чайник сильно напоминает винные чайники более раннего времени см. [21, 23].

В эпоху Мин, в XVI–XVII вв., произошли определенные изменения в китайском чайном ритуале, что, естественно, повлекло за собой изменение форм и размеров сосудов для заваривания чая – чайников. Именно в это время миниатюрные фарфоровые и керамические чайники начинают доминировать среди прочих и становятся, если так можно выразиться, центром чайного стола. Фарфоровые и керамические чайники, наряду с чжоуской бронзой, тушечницами, древними резными печатями, свитками каллиграфии и живописи, становятся предметом страстного коллекционирования. На конец XV–XVI вв. приходится наивысший расцвет производства чайников в Исине (пров. Цзянсу), одном из самых крупных и прославленных керамических центров Китая. Исинские чайники конца XVIII–начала XX вв. из Восточноазиатского собрания Берлинского музея [28] и Рыбинского музея [29-30] вылеплены исинскими мастерами вручную из т.н. «пурпурной» глины и декорированы традиционными символико-благопожелательными растительными мотивами. Их облик, с одной стороны, указывает на завершение формирования «образа чайника», каким его привыкли знать европейцы, а с другой стороны, свидетельствует о бесконечности процесса формообразования и поистине безграничной фантазии китайских керамистов.

Завершает схему сосуд, который, казалось бы, не имеет ничего общего со всеми вышеперечисленными и даже не предназначен для хранения жидкостей [31]. Это китайский вариант европейской табакерки. Присутствие же этого сосуда в данной схеме объясняется наличием знака *ху* в качестве одного из компонентов в его названии – 鼻胭壶 *бияньху* – «флакон [для] нюхательного табака». Этот стеклянный флакон уплощенной формы из собрания нашего музея изготовлен в Пекине в начале XX в. и декорирован двумя миниатюрными

пейзажными композициями (по одной с каждой стороны), исполненными в технике «роспись изнутри».

Завершая этот своеобразный обзор, следует подчеркнуть, что данная схема лишь в самых общих чертах визуализирует многообразие китайских сосудов, обозначаемых знаком «ху», несмотря на различие их форм, размеров и назначений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Китайско-русский словарь / под ред. И.М. Ошанина. – М., 1959, №524; Краткий китайско-русский словарь / Сост. В.С. Колоколов. – М., 1935, №341.
2. В монографии Т.И. Кашиной, по существу, с исчерпывающей полнотой рассмотрены вопросы типологии сосудов, восстановлен сложный процесс эволюции форм и методов ее изготовления.
3. Древнейшим прообразом всех этих сосудов, как считают исследователи, была тыква-горлянка *хулу*, с незапамятных времен используемая в Китае в качестве сосуда для хранения жидкостей. Очень древние мифологические корни связывают ее с понятием первозданного Хаоса. У даосов есть понятие «Неба-чайника» (своеобразная мистическая формула, в которой чайник уподобляется «всеобъятно-пустотной Утробе мира»). Китайский фольклор изобилует легендами о «тыквенных старцах», т.е. о небожителях, обитавших в тыкве-горлянке. В этих легендах узкое горлышко тыквы уподоблено отверстию пещеры в Божественной горе и служит входом в «блаженную страну небожителей»». Кроме того, необычная форма бутылочной тыквы, как бы составленной из двух вкладывающихся друг в друга сфер, была символом «недвойственной природы реального мира», символом универсума, двухслойного пространства «мира в мире», т.е. мира в целом и мира особого, или по-китайски, «тыквенных небес» (*ху-тянь*).
4. С. Кучера подчеркивает: «Мы используем термин «чайник» в качестве эквивалента иероглифа *ху* чисто условно, в силу его словарного значения (см. Китайско-русский словарь под ред. И.М. Ошанина – М., 1959; №524). Следует, однако, оговориться, что *ху* не имеют ничего общего ни с завариванием чая, который скорее всего был неизвестен неолитическому человеку, ни с современными чайниками, как китайскими, так и европейскими. Своей формой, разной в различных культурах, они больше всего напоминают вазы или кувшины». (см. С. Кучера. Китайская археология. – М., 1977. – С.25, 166).
5. Что касается строго научных фактов, то широкое хождение вин, производимых из зерновых культур, зафиксировано уже в эпоху династии Инь (Шан), т.е. в XVI–XI вв. до н.э. О чем свидетельствуют многочисленные гадательные надписи на бычьих лопатках и панцирях черепах, а также инскрипции на бронзовых сосудах.
6. Наиболее близким аналогом подобных китайских сосудов для вина являются японские токкури. Чаще всего термин «*токкури*» переводится на русский язык как «бутылочка для сакэ».
7. Опираясь на этимологические исследования китайских ученых, посвященные различным написаниям знака 茶 *ча*, а также на исторические источники, можно

сделать вывод о том, что китайцы открыли лекарственные свойства чая в эпоху Хань, т.е. между III в. до н.э. и III в. н.э., а начало его употребления в качестве повседневного напитка можно датировать концом II–началом III в. н.э. Наиболее ранние достоверные сведения о чаепитии мы находим в *Саньго чжи* («Истории Трех царств») Чэнь Шоу (233-297).

ЛИТЕРАТУРА

Арапова Т.Б. Китайский фарфор XIV – первой трети XVIII в. в собрании Эрмитажа [Каталог]. – Л., 1977.

Арапова Т.Б. Китайские расписные эмали в собрании Эрмитажа. [Каталог]. – М., 1988.

Арапова Т.Б. Китайские флаконы для нюхательного табака. [Каталог]. – СПб., 1993.

Искусство Китая. [Альбом] / Авт.-сост. Н.А. Виноградова. – М., 1988.

Кашина Т.И. Керамика культуры Яншао. – Новосибирск, 1977.

Китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. – М., 1959.

Краткий китайско-русский словарь / Сост. В.С. Колоколов. – М., 1935.

Кучера С. Китайская археология. 1965-1974. Палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. – М., 1977.

Фарфор и керамика Китая и Японии XVIII – первой трети XX века в собрании Рыбинского музея-заповедника: Каталог/ Авт.-сост. Е.А.Цешинская. – Рыбинск, 2000.

Dexel Th. Die Formen chinesischer Keramik. – Tübingen, 1955.

Yang Enlin. Chinese Porcelain Decoration in the 17th and 18th Century. – Leipzig, 1987.

Willets W. Chinese Art. V. 1. – London, 1958.

Willets W. Das Buch der Chinesischen Kunst. – Leipzig, 1970.

SUMMARY

The main idea of this article is to give some examples of use hieroglyph "hu" as equivalent of the name some vessels various forms and purpose. The article is devoted to the problem of correlation forms and its names.

Цзинь Тао, г. Владивосток

АСИММЕТРИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ 来 И 去 В ПРОСТРАНСТВЕННОМ КОНСТРУИРОВАНИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Известно, что пространству в восприятии человека свойственна симметричность. Симметрия в языковой интерпретации существует в парных понятиях для обозначения местоположения и направления движения – «верх 上 – низ 下», «лево 左 – право 右», «вперед 前 – назад 后», «внутри 里 – снаружи 外». Так же симметрия наблюдается в самих обозначениях движения – «входить 进 – выходить 出», «сходить 上 – восходить 下» и т.д. В китайском языке помимо этих элементов, ещё существует два элемента – 来, 去, которые характеризуют движение с точки зрения приближения или удаления от некой исходной позиции (ИП), выбранной говорящим. Казалось бы, что здесь мы также имеем дело с симметричными понятиями – «приближение – удаление», и мы можем ожидать возможность их замены друг другом. Однако на практике мы сталкиваемся с тем, что такая замена возможна не во всех типах высказываний, передающих информацию о движении в пространстве. Думается, что анализ асимметрии в использовании этих элементов поможет нам глубже взглянуть и на их семантику в частности, и на принципы пространственного конструирования высказываний в целом.

В современном китайском языке в основном можно выделить четыре способа конструирования высказываний, передающих информацию о движении в пространстве, где темой высказывания является:

1) субъект движения;
2) объект движения;
3) само пространство;
4) временной отрезок.

В первых двух случаях говорящий может быть действующим лицом или же выступать в качестве наблюдателя; в третьем и четвёртом случаях говорящий является только наблюдателем.

Замена двух элементов невозможна, когда исходная позиция в высказывании эксплицитна, т.е. сам говорящий присутствует в пространстве высказывания либо в качестве действующего лица, либо в

качестве ориентира движения: 我来这儿看看。我刚才上楼去了。来，快把伤员抬到安全的地方去。他们朝我走来。一群男孩子迎面跑来。你到了就给我写封信来。你上哪儿去了？ В этих случаях нет альтернативного варианта другой исходной позиции. Для нас гораздо интереснее ситуации, когда говорящий интерпретирует движение как наблюдатель.

Существует мнение, что говорящий может принимать за исходную а) позицию действующего лица или одного из действующих лиц; б) позицию описываемого предмета; в) позицию пространства высказывания; г) позицию вне пространства высказывания. Считаем, что включение 来 и 去 показывает включение говорящим самого себя в интерпретируемое пространство и при их использовании уже не приходится говорить о позиции извне. Исследуя возможность построить правильное симметричное высказывание (описывается та же самая ситуация, но с точки зрения другой исходной позиции, технически это выражается возможностью заменой 来 на 去 или 去 на 来), мы можем определить, от каких условий зависит «решение» говорящего.

Рассмотрим каждый тип высказывания по порядку.

1) 舰队朝海岛驶去。- 舰队朝海岛驶来。

护士端过来一杯水。- 护士端过去一杯水。

乘务员给旅客递过几本杂志去。- 乘务员给旅客递过几本杂志来。

Очевидно, при симметрии для говорящего и начальный пункт движения (НП), и конечный пункт движения (КП) должен быть приемлем как некое пространство, где он мог бы мысленно находиться.

Асимметрия наблюдается чаще всего тогда, когда КП, реже НП не чётко представлен как некое место, где говорящий мог бы себя поместить:

夕阳从地平线上渐渐沉下去了。
鸟群向西南飞去。
积水已经下去了一半。
他钓上来一条鲤鱼。
他朝沙法上坐下去。

Когда в высказывании существует внутреннее пространственное соотношение между несколькими участниками (лица, лица и предме-

ты), говорящий также «теряет» свободу выбора, иначе ситуация была бы другой или неадекватно воспринятой:

他刚把车拉进院来，放好，曹先生又出来了。

她还想说什么，却不料那个给她苹果的军官也跟过来了。

В этих примерах участников связывает одно пространство, и оно становится местом, куда мысленно помещается говорящий. При выборе другого места за исходную позицию движение участников получило бы разные ориентиры, и их однозначное восприятие было бы невозможным.

2) Когда темой высказывания выступает объект, который под воздействием лица претерпел перемещение в пространстве, в реме необходим элемент, передающий информацию о результативности. Здесь сообщается конкретное место, где оказался объект после действия. В этом отношении семантика 来 самодостаточна, поскольку КП в любом случае ясен. Здесь в семантике 来 содержится результативность – появление в известном для говорящего месте. А 去 сам по себе не может указать на конкретный КП, и в его семантике «удаление» не приобретает полностью симметричное по отношению к 来 «появление» значение результативности «исчезновение», для которого в современном китайском языке пользуется другой результативный элемент 走:

包裹拿来了。– ? 包裹拿去了。– 包裹拿走了。

Следует отметить, что мы не говорим о полном отсутствии результативности в 去 «удаление». Когда действие ожидается, и говорящий не намерен конкретизировать КП, в 去 реализуется значение результативности, связанное только с определённым моментом:

这些书你都拿去吧！

В высказываниях этого типа часто используются другие элементы – глаголы 上, 下, 进, 出, 回, 过, 到 и существительные, сообщающие о КП. Чем больше таких элементов содержится в реме, тем вероятнее симметричное употребление 来 и 去. Асимметрия при этом снова указывает на то, что невозможно представить говорящего на месте КП или сопоставить говорящего по масштабу с пространством высказывания:

东西搬进来了。– 东西搬进去了。
东西都放到架子上去了。 – ? 东西都放到架子上来了。
贷物运到工厂去了。 – 贷物运到工厂来了。
贷物运到南方去了。 – ? 贷物运到南方来了。

3) Если пространство в высказываниях первого и второго типа носит открытый характер – действие «создаёт» и «расширяет» пространственный взор, – то в высказываниях третьего типа пространство является замкнутым. Можно различить три варианта этого замкнутого пространства:

а) КП – 家里来客人了。隔壁房间住进来两位留学生。

б) поле зрения между НП и ИП – 树上掉下来一个苹果。 胡同里跑出来一群小孩儿。 窗户眼里塞进一个字条来。 前面走来一群学生。

в) НП – 对面山上下去了几个人。

Мы видим, что здесь случаи использования 来 являются подавляющими. Причина асимметрии, на наш взгляд, заключается в ослаблении самой идеи описания передвижения в пространстве. Говорящий как бы сразу фокусирует взор на определённую территорию и сообщает не столько о том, какое перемещение происходит на этой территории, сколько о том, какие предметы появляются в её пределах. Дальнейшая интерпретация скорее будет связана с этими новыми предметами.

4) Симметрия использования 来 и 去 наблюдается в высказываниях четвёртого типа. Мы видим, что здесь в пространственном отношении описание перемещения по сравнению с другими типами высказываний является упрощенным. Детали не рассматриваются, и перемещение воспринимается как цельное событие, которое привязано к определенному моменту времени. Таким образом, внутренние компоненты перемещения не влияют на возможность КП в момент порождения высказывания.

昨天来了三个人。- 昨天去了三个人。
刚出去了一个学生。- 刚出来了一个学生。
今天要去一辆车运行李。- 今天要来一辆车运行李。

Итак, разный тип высказывания содержит в себе разную целевую установку интерпретации передвижения или перемещения. Ко-

гда перемещение воспринимается говорящим как таковое, т.е. процесс, сопряженный с пространственными параметрами, причина асимметрии использования 来 и 去 кроется в соотношении внутренних пространственных компонентов. Когда перемещение рассматривается с точки зрения результата, мы сталкиваемся с неполной симметричной структурой в семантике этих элементов. Когда пространство высказывания совпадает с неким полем зрения, более привычным оказывается сообщение о новом появлении в нем, нежели об исчезновении предметов в неизвестном направлении. Когда перемещение воспринимается как событие, возможная позиция говорящего становится независимой от происходящего, чем и обеспечивается возможность симметричного использования 来 и 去.

ЛИТЕРАТУРА

Lu Shuxiang. Xiandai hanyu babaici. – Beijing, 1999.

Hanyu dongci yongfa cidian. – Beijing, 1999.

Liu Yuehua и др. Quxing dongci tongshi. – Beijing, 1998.

Jiayu. "Lai/qu" zuo quxiang buyushi dongci binyude weizhi // Shijie hanyu jiaoxue. – 1998. – №1.

Цзинь Тао. Когнитивный анализ глагольных форм описания перемещения в современном китайском языке // Китайское языкознание. Изолирующие языки. – М., 2000.

SUMMARY

Phenomenon of asymmetry in the use of *lai* and *qu* components that characterize the movement from the point of approaching to or removing from the initial position is being considered in this article. Analysis shows that the possibility to take one or other initial position depends on the purposive direction of saying. Correlation of the internal components of the given space also influences the probability of taking one or other initial position.

Р.Г. Шапиро, г. Москва

ТОНАЛЬНЫЕ САНДХИ И ЭРИЗАЦИЯ В СЫЧУАНЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Сычуаньский диалект китайского языка, отдельным особенностям которого посвящена эта статья, относится к юго-западной подгруппе мандаринских диалектов, иначе называемых диалектами гуаньхуа. Сычуаньский диалект распространен главным образом на территории провинции Сычуань и представлен многими говорами (в [Сычуань 1960] описано 150 диалектных пунктов). Рассмотрим некоторые черты сычуаньской фонетики на примере лучше всего известных говоров Чэнду и Чунцина – крупных региональных центров[1].

Тональные сандхи

Под термином «тональные сандхи» мы подразумеваем изменения, которым в китайском языке подвергаются тоны слогов, следующих друг за другом без паузы в потоке речи. Одним из наиболее часто приводимых примеров тонального сандхи является так называемая диссимиляция восходящего тона в пекинском говоре (он относится к северным гуаньхуа и лежит в основе литературной фонетической нормы). Она состоит в том, что в сочетании двух или трех слогов восходящего тона все слоги, кроме последнего, меняют свой исконный тон 213 на 35[2]:

海港 xai 213 + kaŋ 213 > xai 35 kaŋ 213 'морской порт'

选举法 çyan 213 + tçy 213 + fa 213 > çyan 35 + tçy 35 + fa 213 'закон о выборах'

В сычуаньском диалекте, насколько нам известно, отсутствуют явления, аналогичные диссимиляции восходящего тона в пекинском говоре. Однако [Чэнду 1998] свидетельствует о том, что в говоре Чэнду уходящий тон в потоке речи в позиции не перед паузой реализуется не как 213, а как 13, ср.:

---

[1] Подробнее с диалектным членением китайского языка можно ознакомиться, например, по работам [Астрахан 1985], [Юань Цзяхуа 1965], [Chao Yuenren 1976], [Malmqvist 1961]. Сведения по фонетике литературного языка содержатся в работах [Спешнев 1980], [Касевич 1974].

[2] Тоны описываются в пятичленной равномерной высотной шкале, где 1 означает самую низкую, а 5 – самую высокую точку.

那 na 213 ‘тот’

那阵 na 13 tsen 213 ‘тогда (букв. тот момент)’

二 ər 213 ‘два’

二天 ər 13 t’ian 55 ‘потом (букв. второй день)’

外 uai 213 ‘внешний’

外先 uai 13 çian 55 ‘снаружи (букв. вне-перед)’

Интересно, что в сокращенном варианте исчезает начальная, опускающаяся, а не конечная, поднимающаяся часть, как это происходит с восходящим тоном в пекинском говоре. В полном варианте пекинский восходящий тон имеет вид 213, то есть совпадает с полным чэндуским уходящим тоном, а в сокращенном варианте он реализуется как 21, ср.:

老 lau 213 ‘старый’

老头儿 lau 21 tour 35 ‘старик (букв. старая голова)’

哪 na 213 ‘какой’

哪怕 na 21 p’a 51 ‘даже если (букв. какая боязнь)’

买 mai 213 ‘покупать’

买卖 mai 21 mai 51 ‘торговля (букв. покупать-продавать)’

Возможно, это связано с различиями в общих тональных парадигмах этих говоров, ср. таблицу:

Тон	Пекин	Чэнду
верхний ровный	55	55
нижний ровный	35	21
восходящий	21(3)	42
уходящий	51	(2)13

Как видим, в чэндуской системе сокращенная реализация уходящего тона как 21 привела бы к смешению уходящего и нижнего ровного тона. С другой стороны, в пекинской системе сокращенная реализация восходящего тона как 13 привела бы к смешению восходящего и нижнего ровного тона. В последнем случае сходство контуров важнее, чем высотное различие. Об этом свидетельствует уже упомянутая пекинская диссимиляция третьего тона, при которой, собственно, все слоги восходящего тона, кроме последнего, утрачивают начальную нисходящую часть по чэндуской модели и при этом начинают восприниматься как слоги нижнего ровного тона, ср.:

美满 mei (2)13 man 213 > mei 35 man 213 ‘счастливый’ =
没满 mei 35 man 213 ‘еще не исполнилось (о возрасте)’;
指导 tşı (2)13 tau 213 > tşi 35 tau 213 ‘инструктировать’ =
执导 tşı 35 tau 213 ‘заниматься режиссурой’

Обратимся теперь к такой особенности сычуаньского диалекта, как лёгкий / нейтральный тон. Мы попробуем осветить эту проблему хотя бы в общих чертах на основании адресованных сычуаньцам рекомендаций по овладению тонами путунхуа, содержащихся в работе [Путунхуа 1997] (чунцинский говор) и [Чэнду 1998] (чэндуский говор).

Термины «легкий тон» и «нейтральный тон» используются по отношению к путунхуа как синонимы, однако при описании сычуаньского диалекта между ними, с нашей точки зрения, целесообразно провести границу.

Дело в том, что нейтрализация тона в путунхуа всегда сопровождается его «лёгким произношением», то есть слог произносится очень кратко, «точечно», не имеет собственного мелодического контура, высота «точки» при этом зависит от тона предыдущего слога (после уходящего тона ее можно обозначить как 4, после остальных тонов – как 3). В чунцинском говоре аналогичное явление тоже имеет место, ср.:

雨	停	了。	‘Дождь перестал.’
y 42	t’in 21	nau 3	
дождь	остановиться	фразовая частица	

开	车	的	‘водитель’
k’ai 55	ts’e 55	ni 3	
вести	машина	определительная частица	

过	日	子	‘жить’
ko 213	zı 2	tsı 4	
проводить	день	суффикс	

Мы видим, что в чунцинском говоре некоторые служебные элементы, как и в путунхуа, произносятся атонально, «легко». Однако со знаменательными морфемами дело обстоит по-иному. Во многих двусложных словах чунцинского говора тон второго слога нейтрален, однако этот слог, в отличие от путунхуа, произносится не короче, а

дольше первого. Впрочем, в путунхуа можно найти сходное явление – это возможность произношения первым тоном, вне зависимости от этимологического, второго слога в составе двусложной редупликации (причем второй слог обязательно эризуется), а также второго и третьего редуплицированных слогов в составе трехслога, ср.:

好好儿 xau 21 xaur 55 'хорошенько'

长长儿 tş'aŋ 35 tş'aŋr 35 'длинный-длинный'

绿油油 ly 51 iou 55 iou 55 'блестяще-зеленый' (绿 ly 51 'зеленый', 油 iou 35 'масло')

闹嚷嚷 nau 51 ẓaŋ 55 ẓaŋ 55 'очень шумный' (闹 nau 51 'шуметь', 嚷 ẓaŋ 213 'кричать')

火辣辣 xuo 21 la 55 la 55 'жгуче острый' (火 xuo 213 'огонь', 辣 la 51 'перец')

Однако, в отличие от чунцинского говора, в путунхуа, во-первых, сфера этого явления ограничена редупликациями в прилагательных, во-вторых, реализация нейтрального тона не зависит от тона предшествующего слога, а в-третьих, нейтрализация возможна далеко не всегда, ср.:

短短 tuan 21 tuan 213 'короткий-короткий' ,

黑沉沉 xei 55 tş'en 35 tş'en 35 'густо-черный (обычно о небе)' (黑 xei 55 'черный', 沉 tş'en 35 'тяжелый')

Реализация чунцинского нейтрального тона зависит и от тона предшествующего слога, и от структуры слова.

Рассмотрим сначала двусложные редупликации.

1. Если первый слог произносится верхним ровным тоном, второй слог имеет тон 44. Кроме того, в редупликациях второй слог эризуется, за исключением терминов родства (ср. сходное явление при редупликации односложных прилагательных в путунхуа):

包包儿 pau 55 pər 44 'свёрток'

沟沟儿 kou 55 kər 44 'канава'

摊摊儿 t'an 55 t'ər 44 'лоток'

妈妈 ma 55 ma 44 'мама'

2. Если первый слог произносится нижним ровным тоном, второй слог имеет тон 55:

坛坛儿 t'an 21 t'ər 55 'клумба'
篮篮儿 nan 21 nər 55 'корзина'
笼笼儿 noŋ 21 nuər 55 'клетка'
婆婆儿 p'o 21 p'ər 55 'бабушка со стороны отца'

3. Если первый слог произносится восходящим тоном, второй слог имеет тон 22:

坎坎儿 k'an 42 k'ər 22 'бугор в поле'
板板儿 pan 42 pər 22 'доска'
粉粉儿 fən 42 fər 22 'лапша из крахмала'
姐姐 tçie 42 tçie 22 'старшая сестра'

4. Если первый слог произносится уходящим тоном, второй слог имеет тон 44:

柜柜儿 kuei 13 kuər 44 'шкаф'
柱柱儿 tsu 13 tsuər 44 'столб'
缝缝儿 foŋ 13 fuər 44 'щель'
弟弟儿 ti 13 tiər 44 'младший брат'

Рассмотрим теперь двусложные слова, не являющиеся редупликациями. Здесь в целом наблюдаются те же модели нейтрализации тона второго слога, что и в редупликациях. Единственное исключение составляют слова, первый слог которых произносится нижним ровным тоном (см. ниже).

1. Если первый слог двусложного разноморфемного слова произносится верхним ровным тоном, второй слог имеет тон 44:

笋箕 sau 55 tçi 44 'бамбуковая плетенка для промывки риса'
新鲜 çin 55 çian 44 'свежий'
姑娘 ku 55 niaŋ 44 'девушка'
烟囱 ian 55 ts'oŋ 44 'дымовая труба'

2. Если первый слог двусложного разноморфемного слова произносится нижним ровным тоном, второй слог имеет тон 33:

石头 sɪ 21 tou 33 'камень'
喉咙 hou 21 noŋ 33 'горло'
脚盆 tçiau 21 p'ən 33 'таз для мытья ног'
茶叶 ts'a 21 ie 33 'чайный лист'

3. Если первый слог произносится восходящим тоном, второй слог имеет тон 22:

喜欢 çi 42 xuan 22 'нравиться'
海椒 xai 42 tçiau 22 'перец'
马蜂 ma 42 foŋ 22 'оса'
耳朵 ər 42 tuo 22 'ухо'

4. Если первый слог произносится уходящим тоном, второй слог имеет тон 44:

外公 uai 13 koŋ 44 'дедушка со стороны матери'
蛋糕 tan 13 kau 44 'пирожное'
旋风 çyan 13 foŋ 44 'вихрь'
菜刀 ts'ai 13 tau 44 'кухонный нож'

Приведем также несколько примеров двусложных слов чунцинского диалекта, где второй слог произносится полным этимологическим тоном.

1. Верхний ровный тон + нижний ровный тон:
青年 tç'in 55 nian 21 'молодежь'
亲戚 tç'in 55 tç'i 21 'родственник'

2. Нижний ровный тон + восходящий тон:
河水 xo 21 suei 42 'речная вода'
黑板 xei 21 pan 42 'доска (для писания мелом)'

3. Восходящий тон + нижний ровный тон:
早晨 tsau 42 c'en 21 'раннее утро'
打雷 ta 42 nuei 21 'гремит гром'

4. Уходящий тон + нижний ровный тон:
豆腐 tou 13 fu 42 'соевый творог'
树林 su 13 nin 21 'роща'

Сохраняет знаменательная морфема этимологический тон или он нейтрализуется – это определяется в чунцинском говоре, как и в путунхуа, лексически.

Судя по материалам [Путунхуа 1997], в трехсложных и четырехсложных словах чунцинского говора легкого и нейтрального тонов не наблюдается. Такая ситуация кажется не вполне вероятной с типологической точки зрения (в путунхуа и чэндуском диалекте, о котором

см. ниже, нейтральный тон встречается в трехслогах и четырехслогах); по нашему мнению, этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании с привлечением дополнительного материала.

В [Чэнду 1998] описывается система нейтрализации тона в диалекте Чэнду. В целом она сходна с чунцинской, основные отличия заключаются в следующем.

1. Тон слога в разноморфемном многослоге может нейтрализоваться только в том случае, когда он этимологически совпадает с тоном предшествующего слога (в редупликациях это правило соблюдается автоматически).

2. В некоторых редупликациях второй слог может сохранять исконный тон, ср.:

婆婆 p'o 21 p'o 21 или p'o 21 p'o 55 'бабушка со стороны отца'
爷爷 ie 21 ie 21 или ie 21 ie 55 'дедушка со стороны отца'

3. Нейтральный тон не встречается в редуплицированных прилагательных и счетных словах (редупликация в глаголах остается под вопросом), ср.:

周周正正 tsou 55 tsou 55 tsen 213 tsen 213 'правильный'
年年 ṇiɛn 21 ṇiɛn 21 'каждый год'

4. Лёгкий тон в чэндуском диалекте не зафиксирован, в служебных морфемах отмечается «средний» тон, то есть этимологический тон морфемы не изменяет контур, но произносится короче и тише.

Нам неизвестны материалы касательно нейтрального и лёгкого тонов в других сычуаньских говорах, однако, думается, в них естественно ожидать сходной картины.

Эризация в сычуаньском диалекте

Обратимся теперь к такому фонетическому явлению сычуаньского диалекта, как эризация (или ретрофлексизация) финалей. Эризация наблюдается во многих северных диалектах китайского языка, в частности в пекинском. Суть ее состоит в том, что к морфеме присоединяется суффикс, восходящий к слову 儿 (兒) *ńe > Пекин ər 35, Чунцин ər 21 'ребенок, сын'[1]. Этот суффикс не образует отдельного

[1] В отдельных китайских диалектах аналогичный суффикс имеет другое происхождение. Об этом см., например, [Чжан Шучжэн 1999].

слога, но видоизменяет сегментный состав того слога, к которому прибавляется. Таким образом, если первая часть статьи была посвящена тональным сандхи, вторая будет посвящена сегментным.

Чаще всего суффикс употребляется с существительными и имеет уменьшительно-разговорную окраску (ср. пекинское 鸟 niau 213 'птица', 鸟儿 niaur 213 'птичка'), он также может образовывать существительное с новым значением (信 çin 51 'письмо', 信儿 çiər 51 'весть'), образовывать существительное от прилагательного (黄 xuaŋ 35 'жёлтый', 黄儿 xuaŋr 35 'желток'), образовывать существительное от глагола (堆 tuei 55 'нагромождать', 堆儿 tuər 55 'куча'), сопровождать редупликацию прилагательного (好好儿 xau 21 xaur 55 'хорошенько'), существуют и более редкие случаи употребления. Как видим, в путунхуа эризации могут подвергаться как однослоги, так и многослоги, относящиеся к разным частям речи.

Дадим очерк эризации в чунцинском и чэндуском говорах на основе [Путунхуа 1997] (пособия по путунхуа для сычуаньцев), [Чэнду 1998], а также наших собственных наблюдений во время пребывания в Сычуани. Материалы по эризации в других говорах нам неизвестны, однако тот факт, что эризация в достаточно сильно различающихся чунцинском и чэндуском говорах подчиняется одним и тем же закономерностям, позволяет до обнаружения дополнительных данных предположить, что эти закономерности свойственны сычуаньскому диалекту в целом.

В сычуаньском диалекте следует различать два рода эризации. Эризация первого рода (в дальнейшем для краткости будем называть ее просто «эризацией») фонетически близка к пекинской: финаль исходного слога редуцируется, а в конце ее прибавляется -r. В отличие от пекинского диалекта (см. выше), в сычуаньском диалекте эризация обусловлена, главным образом, количеством слогов в слове. Двусложные и многосложные существительные (включая имена собственные, эризация которых крайне нетипична для пекинского диалекта) могут свободно эризоваться. Эризация обязательна для существительных-редупликаций, кроме терминов родства, где она невозможна. Существует небольшая группа односложных существительных и счетных слов, которые могут эризоваться, например:

灯儿 tər 55 ‘лампа’
碗儿 uər 42 ‘пиала’
兵儿 piər 55 ‘пешка’
双儿 suər 55 ‘близнецы’
(一)根儿(火柴) kər 55 *сч. сл.* (‘одна спичка’)
(一)节儿(甘蔗) tçiər 21 *сч. сл.* (‘одно коленце сахарного тростника’)
(一)段儿(料子) tuər 213 *сч. сл.* (‘один отрез материи’)

В основном же однослоги не эризуются. Как видим, эризация в сычуаньском диалекте может затрагивать существительные и, изредка, счетные слова.

Эризация первого рода не влияет на лексико-грамматические свойства слова, она лишь придает речи разговорную, непринужденную окраску. К исключениям следует отнести, быть может, лишь обязательную эризацию при редупликациях, когда значение слова иногда отличается от значения исходной одиночной морфемы (ср. 眼 ian 42 ‘глаз’, 眼眼儿 ian 42 iər /22/ ‘дырочка’); однако в этом случае эризация, очевидно, играет лишь вспомогательную роль, дополняя саму редупликацию.

Отличие от пекинской системы заключается также в правилах изменения сегментного состава финали. Сформулируем эти правила.

1. Финали с основным гласным ı, a, e (ə), не имеющие медиали, заменяются финалью ər (ɚ). Если в исходной финали имелась терминаль (-i, -u, -n, -ŋ), она отпадает. Ср[1].:

子子儿 tsı 42 tsər 22 ‘семечко’
帕帕儿 p’a 13 p’ər 44 ‘платок’
格格儿 ke 21 kər 55 ‘полка’
带带儿 tai 13 tər 44 ‘лента’
杯杯儿 pei 55 pər 44‘чашка’
扫扫儿 sau 13 sər 44 ‘веник’
沟沟儿 kəu 55 kər 44 ‘канава’
竿竿儿 kan 55 kər 44 ‘шест’

[1] Для удобства мы в основном приводим в пример редупликации, первый слог которых показывает исходную форму морфемы, а второй – ее эризованный вариант; однако в конце каждого пункта приводятся и разноморфемные слова, а в скобках после них – исходная форма эризованной морфемы.

根根儿 ken 55 kər 44 ‘корень’
汤汤儿 t’aŋ 55 t’ər 44 ‘отвар, суп’
荷包儿 xo 21 pər 55 (< pau + er) ‘кошелек, карман’

2. Финали с медиалью или основным гласным i заменяются на финаль iər; терминаль, если она была, отпадает. Ср.:

皮皮儿 p’i 21 p’iər 55 ‘кожа’
虾虾儿 çia 55 çiər 44 ‘креветка’
节节儿 tçie 21 tçiər 55 ‘коленце (бамбука и т. д.)’
叫叫儿 tçiau 13 tçiər 44 ‘горн’
球球儿 tç’iəu 21 tç’iər 55 ‘шар’
链链儿 nian 21 niər 55 ‘цепь’
铃铃儿 nin 21 niər 55 ‘звонок, колокольчик’
梁梁儿 niaŋ 21 niər 55 ‘вершина горы’
雀雀儿 tç’io 21 tç’iər 55 ‘птица’
背心儿 pei 13 çiər 55 (< çin + er) ‘майка’

3. Финали с медиалью -u- или с основным гласным u, o заменяются финалью ər после губных инициалей, финалью uər после остальных; терминаль, если она была, отпадает. Ср.:

盒盒儿 xo 21 xuər 55‘коробка’
铺铺儿 p’u 13 p’ər 44 ‘циновка’
花花儿 xua 55 xuər 44 ‘цветок’
乖乖儿 kuai 55 kuər 44 ‘малыш’
柜柜儿 kui 13 kuər 44 ‘шкаф’
管管儿 kuan 42 kuər 22 ‘трубка’
滚滚儿 kuen 42 kuər 22 ‘клуб (пыли и т. д.)’
洞洞儿 toŋ 42 tuər 22 ‘дыра’
棚棚儿 p’oŋ 21 p’ər 55 ‘сарай’
桩桩儿 tsuaŋ 55 tsuər 44 ‘колышек’
媳妇儿 çi 21 fər 132 (< fu + er) ‘невестка’

4. Финали с медиалью или основным гласным y заменяются финалью yər; терминаль, если она была, отпадает. Ср.:

须须儿 çy 55 çyər 44 ‘усы’
缺缺儿 tç’ye 21 tç’yər 55 ‘недостаток’
院院儿 yan 13 yər 44 ‘двор’
裙裙儿 tç’yen 21 tç’yər 55 ‘юбка’

筒裙儿 t'oŋ 21 tç'yər 21 (< tçyen + ər) 'юбка прямого кроя'.

Рассмотрим теперь эризацию второго рода. Эта эризация, в отличие от первой, имеет уменьшительно-ласкательное значение. Отличается она и фонетической реализацией: суффикс произносится как отдельный слог le/l̥/ne/n̥ (чаще встречается латеральная реализация), нижним ровным или нейтральным (/44/) тоном. Приведем примеры эризации второго рода:

哥儿 ko 55 le /44/ 'старший братец'

妹儿 mei 13 le /44/ 'младшая сестрица'

花儿 xua 55 le /44/ 'цветочек' (ср. 花花儿 xua 55 xuər /44/ 'цветок')

雀儿 tç'io 21 le /44/ 'птичка'

猴儿 xəu 21 le /44/ 'обезьянка'

帽儿 mau 13 le /44/ 'шляпка'

锅儿 kuo 55 le /44/ 'котелок' (посуда)

刀儿 tau 55 le /44/ 'ножик'

Во всех известных нам примерах эризации второго рода подвергаются односложные существительные. Таким образом, выбор эризации первого или второго рода зависит в сычуаньском диалекте как от семантических (есть ли уменьшительно-ласкательное значение), так и от ритмических (однослог или многослог) факторов.

Если с фонетической точки зрения эризацию первого рода можно назвать редуцированной, то эризацию второго рода – нередуцированной. Суффикс утрачивает начальный элемент ə (таким образом избегается зияние), но компенсирует его конечным гласным элементом или слоговым характером инициали. В результате этих преобразований терминаль исходного слога (-r) становится инициалью и в связи с этим изменяет свою артикуляцию, так как ретрофлексная инициаль в сычуаньском диалекте отсутствует. Очевидно, раньше возникла латеральная реализация le как артикуляторно более близкая к исходной ретрофлексной. Позднее, в результате непротивопоставленности в сычуаньском диалекте n и l, возник вариант ne. Что же касается вариантов со слоговыми сонантами, то они, судя по всему, возникли вследствие вторичной редукции; помимо фонетико-типологической правдоподобности такого объяснения следует при-

нять во внимание данные работы [Путунхуа 1997], где эти варианты относятся к речи молодежи.

Отметим напоследок, что в сычуаньском диалекте, как и в путунхуа, есть слова, где морфема 儿 не является суффиксом и употребляется в своем исконном значении 'ребёнок, сын'. В этих словах морфема произносится ər 21. Ср.:

女儿 ny 42 ər 21 'дочь (*букв.* ребёнок женского пола)'
大儿 ta 13 ər 21 'старший сын'
猪儿 tsu 55 ər 21 'поросенок' (ср. 猪儿 tsu 55 le /44/ 'свинка')
鹅儿 o 21 ər 21 'гусенок'

ЛИТЕРАТУРА

Астрахан Е.Б., Завьялова О.И., Софронов М.В. Диалекты и национальный язык в Китае. – М., 1985.

Касевич В.Б., Спешнев Н.А. Фонетика и фонология эризации в китайском языке // Востоковедение / Отв. ред. И.Н. Винников, А.А. Долинина, Ю.М. Осипов. Вып. 1. – Л., 1974.

Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. – Л, 1980.

Юань Цзяхуа. Диалекты китайского языка. – М., 1965.

普通话水平测试教程 / 聂敏熙主编. Пособие для подготовки к экзамену по путунхуа / Под ред. Не-Миньси. – Чэнду, 1997.

四川方言音系//四川大学学报. Фонетическая система диалектов Сычуани // Ученые записки Сычуаньского университета. – Чэнду, 1960.

张树铮. 方言历史探索. *Чжан Шучжэн.* Исследования по истории диалектов. Хух-Хото, 1999.

成都方言词典 / 李荣主编. Словарь говора Чэнду / Под ред. Ли Жуна. – Цзянсу, 1998.

Chao Yuenren. Languages and dialects in China // Aspects of Chinese sociolinguistics. – Stanford, 1976.

Malmqvist G. Studies in Western Mandarin phonology // Bulletin of the Museum of Far Eastern antiquities. – Stockholm, 1961. – Vol. 33.

Н.И. Шевцова, г. Владивосток

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТРУКЦИИ С ОБЩИМ ЧЛЕНОМ В РЕЧИ КИТАЙСКИХ ДЕТЕЙ

Изучение детской речи конкретного языка интересно в плане нескольких аспектов: 1) онтогенеза самого языка, 2) перехода от частного исследования конкретных языков к исследованию овладения языком вообще и от частной проблемы языкового развития к проблеме когнитивного развития в целом, 3) методики преподавания языка.

Исследователи, занимающиеся данными проблемами, отмечают, что будут обнаружены сходные процессы развития на материале языков различных типов. Психология когнитивного развития обещает дать со временем универсальную теорию развития мышления.

Данная статья посвящена предложению jianyuju, в котором дополнение к первому глаголу-сказуемому одновременно является подлежащим по отношению ко второму глаголу, следующему за ним. Исследователи данного типа предложения в качестве первого глагола выделяют: 1) абсолютные каузативные глаголы (使, 叫, 请, 让), которые не принимают глагольных суффиксов; 2) стандартные глаголы (逼, 令, 帮助, 禁, 托, 办, 派, 号召, 催, 动员), принимающие глагольные суффиксы; 3) глагол 有.

Конкретным объектом описания является конструкция с каузативными глаголами 叫, 让, так как предложения именно с этими глаголами в первую очередь зафиксированы китайскими исследователями в речи китайских детей.

По данным одних исследователей (Чжоу Гогуан) эта конструкция появляется в речи детей в полтора года, Хэ Цюхэ, Лю Вэнь и Гоу Жуйлун относят ее появление к двум годам, группа исследователей во главе с Чжу Маньчжу – к двум с половиной годам. Думается, что наиболее достоверными являются данные Хэ Цюхэ, Лю Вэня и Гоу Жуйлуна, так как их исследование носило строго целенаправленный характер, связанный с изучением конкретного языкового явления и особенностей его становления в детской речи.

Эти исследователи отмечают, что, появившись в два года, конструкция проходит несколько этапов своего развития: начальный – от двух до двух с половиной лет и ключевой этап – от двух с половиной

до трех лет. Исходной (базовой) структурой, на основе которой формируется конструкция с общим членом, является глагольно-объектная (V + O). Использование детьми в рамках последней конкретного каузативного глагола приводит к появлению и дальнейшему развитию конструкции с общим членом, которой изначально соответствует схема V (каузативный) + O. Следующий этап развития и становления конструкции предстает в виде структурной схемы V1 (кауз.) + O + V2 .

Говоря о развитии конструкции с общим членом в речи китайских детей, важно отметить следующую особенность: данная конструкция не может появиться без осознания детьми семантики побудительного глагола. Вместе с тем, вышеуказанная последовательность структур отражает определенную закономерность в развитии языка вообще, «когда новые формы служат для выполнения старых функций, а новые функции сначала выражаются старыми формами». Применительно к конструкции jianyuju это проявляется в том, что перед тем как овладеть новой формой, представленной последовательностью V1(кауз.) + O + V2 , ее функцию дети передают формой Vкауз. + O. Причем употребление последней формы прослеживается в рассматриваемые возрастные периоды параллельно с полной классической формой конструкции V1кауз. + O + V2.

Для каждого возрастного этапа характерны свои структурные особенности конструкции.

Так, в двухлетнем возрасте V2 как правило не имеет в постпозиции имени (jiao nainai ba – заставил бабушку тянуть, jiao ayi lai – заставил тетю подойти) и представляет собой односложный глагол. Количество предложений с конструкцией в целом невелико.

В два с половиной года по мере усложнения структуры увеличивается протяженность высказывания. Это проявляется в постановке постпозитивных членов к V2 (V1-O-V2-O). Причем, постпозитивный член может быть выражен как одним именем, так и более сложной структурой: jiao da gou guolai ba luobo – велел собаке подойти и (чтобы) тащить репку. В данном примере V2 и стоящее в постпозиции к нему сочетание ba luobo представляют конструкцию сопряженных действий. V2 в составе конструкции этого возрастного периода начинает оформляться модификаторами, а имена – принимать опре-

деления: jiao xiao jiejie guolai – велел сестренке подойти, jiao da gou guolai – велел большой собаке подойти.

Период два с половиной года – это время, когда количество предложений с общим членом заметно возрастает по сравнению с двумя годами, но, как отмечают китайские лингвисты, для этого периода характерна высокая степень повторяемости этих предложений в подобных ситуациях. На базе этого повторения детьми предпринимается попытка высказать более сложную мысль, что и отражается в усложнении структуры предложения.

Конструкция jianyuju в возрасте трех лет существенно отличается от конструкции предыдущих возрастных периодов: 1) кроме каузативного глагола jiao появляется глагол rang (rang ta lai – заставил его прийти), 2) возрастает количество структур с прямым дополнением (в широком смысле) к V2 (iao nainai jiao xiao jiejie lai ba luobo – бабушка заставила сестренку подойти и (чтобы) тянуть репку), 3) появляется отрицательная форма конструкции (lao nainai bu rang lao yeye ba luobo – бабушка не разрешила дедушке тащить репку), 4) заметно возрастает количество предложений с грамматическим субъектом действия к первому глаголу-сказуемому (ta bu rang ta ba luobo – она не разрешила ему тащить репку).

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что 1) конструкция с общим членом, опираясь на данные разных китайских исследователей, уже встречается в возрасте от полутора до двух с половиной лет, но массовый характер ее появления, по-видимому, относится к двум годам; 2) основой появления данной конструкции является базовая глагольно-объектная; 3) конструкция с общим членом начинает формироваться, когда в качестве первого глагола сознательно употребляется каузативный jiao «велеть, заставлять», который преобладает в детских высказываниях в возрасте двух и двух с половиной лет; 4) иные каузативные глаголы, например rang, появляются в возрастной группе трех лет; 5) V2 в составе предложения с общим членом обнаруживает свою количественно-структурную эволюцию: от односложного глагола без постглагольных именных членов в двухлетнем возрасте к двусложным, которые начинают принимать зависимые именные члены в возрасте двух с половиной лет. Иногда постглагольная группа может представлять собой более сложную

структуру (последовательность глаголов, действия которых сопряжены); 6) в качестве вторых глаголов употребляются глаголы конкретного действия ba «тянуть», перемещения в пространстве zuo «садиться», движения guolai «подходить» и другие; 7) отрицание к конструкции появляется в три года; 8) с прагматической точки зрения в ситуации, когда V2 отсутствует, но его действие подразумевается, усвоенная ранее форма V–O с глаголом jiao (при ответах на вопрос) может заменять так называемую полную форму V1–O–V2. Этот случай относится к частным, когда старая форма (более простая) передает функцию новой более сложной формы. Параллельное употребление двух форм – старой и новой наблюдается довольно долго: в два, в два с половиной и в три года; 9) предложение с общим членом полной грамматической структуры с подлежащим – грамматическим субъектом действия к первому глаголу появляется в три года; 10) в целом, по мнению китайских лингвистов, в три года завершается этап овладения этой конструкцией.

ЛИТЕРАТУРА

Слобин Д.И. Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. – М., 1984. – С.143–207.

Гоу Жуйлун, Хэ Цюхэ, Лю Вэнь. 2-3 суй эртун цзяньюйцзюй фачжань ди шиянь яньцзю // Ханьюй сюэси. – 1992. – № 4. – С.22–28.

Чжоу Гогуан. Эртун ханьюй чжун ди ляньвэй цзегоу хэ сянгуань ди цзюйфа вэньти// Чжунго юйвэнь. – 1998. – №3. – С.181–188.

SUMMARY

This article introduces the stages of development of the construction with several verbs, and JIAO as the first verb (first of all) in JIANYU JIEGOU, and peculiarities of this construction on every stage.

Ж.В. Шмарова, г. Чита

СЛОЖНЫЕ СЛОВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА, ОБРАЗОВАННЫЕ СОЕДИНЕНИЕМ АНТОНИМИЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ

В работах китайских лингвистов встречаются два термина для обозначения сложных слов, образованных соединением антонимичных компонентов: Хэ Чжунцзе использует термин 对衬词 duìchèncí (对衬 «взаимно дополнять»), китайские ученые Маньи и Чжан Дэсинь – 正反词 zhèngfǎncí (正反 «тезис – антитезис»). Последний термин используют и при определении такого особенно характерного для древнего китайского языка явления, когда у одного слова имеется два противоположных значения. Так, Маньи и Чжан Дэсинь приводят следующие часто встречающиеся в древнем языке слова:

臭 chòu 1) вонючий; 2) душистый, ароматный;

贷 dài 1) давать взаймы; 2) брать взаймы;

乱 luàn 1) приходить в беспорядок; 2) ввергать в хаос, приводить в беспорядок;

颇 pō 1) очень; 2) немного, несколько;

仆 pú 1) слуга, лакей; 2) чиновник в эпоху Чжоу;

售 shòu 1) покупать; 2) продавать.

Это явление в действительности не является достоинством языка, оно нарушает определенность значения слова. В процессе общественного развития некоторые знаки могут изменяться в написании (например, добавление черты 扌 к иероглифу 受 shòu «получать» привело к образованию слова-антонима 授 shòu «давать, вручать»), у других одно из значений может постепенно выветриться и исчезнуть. Из приведенных выше слов в современном китайском языке только 贷 совмещает оба противоположных значения, остальные сохранили по одному значению: 臭 («вонючий»), 乱 («хаос»), 颇 («очень»), 仆 («слуга»), 售 («продавать»). Подобное явление, характерное для однослога древнего китайского языка, объясняется функциональной и семантической емкостью моносиллаба.

Наличие двух противоположных значений можно наблюдать и у однослога современного китайского языка. Так, например, глагольная лексема 败 bài имеет значения: 1) проиграть, 2) нанести поражение,

разбить; 借 jiè: 1) брать взаймы, занимать; 2) давать взаймы, одалживать.

Для достижения однозначного понимания слова важную роль, как известно, играет контекст, так как, не будучи раз и навсегда определенным, значение языкового знака (слова) выводится непосредственно в ходе интерпретации. Так, в ближайший контекст языкового знака могут входить предлоги, например, 借给 jiègěi «одалживать кому-л.», или другой синонимичный или близкий по значению языковой знак, в соединении с которым возможно образование более сложной языковой единицы: 借用 jièyòng «занимать у кого-л.», 失败 shībài «потерпеть поражение», 打败 dǎbài «нанести поражение».

Что касается образования сложного слова лексемами с противоположным значением, то это является весьма распространенным явлением для китайского языка. Жэнь Сюэлян выделяет такие слова в один из подтипов сочинительной модели сложения 反义词素并列 fǎnyì císù bìngliè («соединение морфем с противоположным значением»).

Китайские ученые Маньи и Чжан Дэсинь, обращая внимание на семантические отношения между компонентами слова и словом в целом, предлагают следующую классификацию таких слов.

1. Значения первичных лексем являются релевантными для выражения значения слова в целом. Например:

出没 chūmò действовать, появляться (например, о банде); водиться (о диких животных) (появляться + исчезать);

教学 jiàoxué преподавание (обучать + учить);

呼吸 hūxī дышать, дыхание (выдыхать + вдыхать);

取舍 qǔshě остановить свой выбор на чем-либо (брать + бросить, отказаться то чего-л.);

赏罚 shǎngfá поощрения и наказания (награждать + наказывать);

作息 zuòxī труд и отдых (делать + отдыхать).

2. Значение только одной лексемы релевантно для выражения значения слова, вторая играет дополнительную роль. Таких слов в китайском языке немного.

Следует отметить, что во всех нижеприведенных примерах первая лексема является носителем лексического значения слова. Это подтверждает некогда высказанную автором мысль о большей смы-

словой значимости первого компонента в составе сложного слова (в процессе морфемной контракции четырехсложной языковой единицы чаще всего опускаются вторые компоненты каждого слова). На наш взгляд, вторая лексема с семантической точки зрения также значима, если связывать какое-либо явление (действие) с ему противоположным. Например:

忘记 wàngjì забыть (забыть, не помнить);

睡觉 shuìjiào спать (спать, не бодрствовать);

窗户 chuānghu окно (окно, не дверь);

国家 guójiā государство (страна, не дом, не семья);

厚薄 hòubó толщина (играет роль более значимый признак для обозначения данного параметра: hòu «толстый», bó «тонкий, незначительный»).

3. У слова – два значения. Первое складывается из суммы значений компонентов, второе соответствует значению только одной из морфем. Таких слов немного. Например:

妻子 1) qīzǐ. жена и дети (жена + дети);
2) qīzi жена, замужняя женщина;

甘苦 1) gānkǔ горе и радость (сладкий + горький);
2) gānkǔ плюсы и минусы (часто выступает в значении «переживания, муки»);

兄弟 1) xiōngdì братья (старший брат + младший брат);
2) xiōngdi младший брат;

褒贬 1) bāobiǎn давать оценку (восхвалять + принижать, умалять); 2) bāobian осуждать, критиковать.

Интересным в последних двух примерах является то, что значимой является морфема, которая утратила свой этимологический тон. Думается, что это не распространенное явление в китайском языке, так как утрата тона обычно свидетельствует о десемантизации компонента. Китайские ученые Маньи и Чжан Дэсинь не отмечают различия в тоновой характеристике и говорят о двух значениях одного слова, однако, в некоторых словарях современного китайского языка это – не одно слово, а два омонима (кроме 甘苦), что вполне справедливо, так как изменение тона может привести к образованию нового слова.

4. Образование нового переносного значения в результате соединения двух противоположных по значению лексем. Новое значение чаще всего образуется в результате метафорического переноса. Например:

骨肉 gǔròu кровное родство (кость + мясо);

手足 shǒuzú братья (рука + нога).

В этих примерах значения лексем в полной мере использованы при образовании нового значения. Однако есть небольшая по численности группа немотивированных слов, вопрос этимологии которых требует специального лингвистического исследования. Например:

死活 sǐhuó в разговорной речи в значении: «как бы то ни было, в любом случае» (смерть +жизнь);

鱼肉 yúròu угнетать, тиранить» (рыба + мясо).

5. Одно слово – много значений. Оба антонимичных значения или одно из них участвуют в образовании новых значений. Хотя таких слов немного, но они бывают очень продуктивны. Например:

好歹 hǎodài 1) добро и зло; 2) беда, несчастье; 3) так или иначе, во всяком случае; 4) кое-как, всеми правдами и неправдами;

左右 zuǒyòu 1) левая и правая сторона; 2) контролировать, управлять; 3) приблизительно, около; 4) все равно; 5) свита.

Структурная организация большинства слов предполагает, что сначала следует лексема с «положительным оттенком» значения (то есть лексема, понятие о которой в общественном сознании воспринимается как более благоприятное), потом – с «отрицательным» (то есть лексема, понятие о которой в общественном сознании воспринимается как нежелательное). Есть небольшая группа, у которых порядок слов обратный. Например:

迟早 chízǎo рано или поздно (поздно + рано);

粗细 cūxì толщина (толстый + тонкий);

反正 fǎnzhèng так или иначе (обратный + прямой).

Перестановка компонентов слова ведет к образованию нового значения. Например:

沉浮 chén fú расцвет и упадок, подъем и падение;

浮沉 fú chén безвольно поддаваться влиянию обстановки.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о богатых возможностях семантических взаимоотношений между языковыми знаками, обозначающими антагонистические понятия. На наш взгляд, это возможно благодаря тому, что антонимы входят, как правило, в одну понятийную ассоциацию (или одно семантическое поле), поэтому в семантическом плане возможны отношения суммирования, переосмысления, поглощения и другие.

Идея соединения двух противоположностей восходит своими корнями к древней мифологии и философии Китая. Так, общеизвестный миф о возникновении Вселенной повествует о том, что в глубокой древности мир представлял собой мрачный, бесформенный хаос. Из этого мрака постепенно выделились два великих духа Инь и Ян, которые начали упорядочивать мир. Поэтому через особенности современного китайского языка можно понять характер философии древнего Китая, который наложил свой отпечаток на психологию, культуру народа.

ЛИТЕРАТУРА

He Zhongjie. "Duichenci" – fuheci de yizhong goucheng fangshi («Слова с противоположными по значению компонентами» как одна из форм образования сложного слова) // Yuwen xuexi. – 1954. № 5. – С. 61–64.

Manyi, Zhang Dexin. Tan hanyude "zhengfanci" (к вопросу о словах, компоненты которых имеют антонимичные значения) // Zhang Dexin zhu/ Zhongwai yuyan wenhua – Beijing, 1996. – С. 119–125.

Ren Xueliang. Hanyu zaocifa (Словообразование китайского языка). – Beijing, 1981.

Xiandai hanyu cidian (Словарь современного китайского языка). – Beijing, 1996.

SUMMARY

In Chinese there is a group of compound words, the components of which have contradictory meanings or within one word two contradictory meanings coexist. The article is devoted to the semantic interrelation between the morphemes of these words. The author introduces and analyzes the point of view of the Chinese scientists on this linguistic phenomenon. The concrete examples indicate the ability of contradictory meanings to have rich semantic relations, because the morphemes with contradictory meanings belong to one semantic field. The components of the larger

group of words influence greatly the semantic meanings of the whole word while the components of some other words do not explain the meanings of the compound word at all as the total of them is metaphorically changed.

Е.И. Шутова, г. Москва

ВЫДВИЖЕНИЕ ТОПИКА – СТРУКТУРНО–СИНТАКСИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА? КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

0.1. Предметом рассмотрения в нашей работе является концепция американских ученых Ч.Н. Ли и С.А. Томпсон, согласно которой «языки могут различаться своими стратегиями построения предложения в зависимости от того, что выдвигается на первый план – топик или подлежащее» [Ли, Томпсон: 194]. Приписывая альтернативе «подлежащее или топик» типологическую значимость, авторы относят китайский язык к категории языков с выдвижением топика (topic prominent).

В основании концепции лежит определенное понимание авторами различий между грамматическими отношениями «подлежащее – сказуемое», с одной стороны, и «топик – комментарий», с другой. При этом топик идентифицируется отрицательно – на основании отсутствия у соответствующей именной составляющей грамматических свойств, присущих подлежащему.

Так, а) подлежащее связано обязательными сочетаемостными отношениями с глаголом-сказуемым, предопределяясь значением глагола и выступая в роли одного из аргументов глагола – агенса или пациенса. Топик, напротив, не должен обязательно входить в сочетаемостные отношения с глаголом, «он не должен обязательно быть аргументом предикатной составляющей предложения» (с.197).

б) факт существования обязательных сочетаемостных отношений между подлежащим и глаголом-сказуемым предустанавливает существование в языке грамматических процессов типа рефлексивизации, пассивизации, построение глагольных цепочек и др., в которых подлежащее играет ведущую роль. Топик же, будучи синтаксически независимым от остальной части предложения, не играет никакой роли в реализации этих процессов.

Что касается эмпирических оснований типологической характеристики КЯ как языка с выдвижением топика, то они в основном сводятся к анализу двух типов синтаксических конструкций: 1) типа *Ta tou teng* (букв. Он голова болит) 'У него болит голова', известной в литературе под названием конструкции с «двойным подлежащим» или предложений с «тематическим подлежащим»; 2) типа *Nei ben shu yijing chuban le* 'Эта книга уже издана', называемой авторами «псевдопассивной» конструкцией (с.222).

В докладе, прочитанном на VI Всероссийской китаеведческой конференции, Н.В. Солнцева полемизирует с Ли, Томпсон, приводя факты китайского языка, не согласуемые с их воззрениями [Солнцева, 1992]. Во многом соглашаясь с доводами Н.В. Солнцевой, мы, тем не менее, не считаем проблему исчерпанной.

В нашей работе избран подход к рассматриваемой проблеме с позиций определенного понимания синтаксиса и его категорий, обосновываемого в [Шутова 1984; Шутова 1984а].

0.2. Назначение синтаксиса как определенного компонента языковой системы состоит в формальной организации предложения (основного синтаксического объекта) и передаваемой им речи-мысли.

Формирование предложения складывается из двух формальных приемов – 1) **структурного** (деление целого на части или составляющие и объединение частей в целое) и 2) **неструктурного** (указание на а) цель высказывания – разграничение коммуникативных типов предложения, б) указание на информативный центр или центры предложения посредством фразового или логического ударения, использования тех или иных усилительных частиц).

Различение структурного и неструктурного приемов формальной организации предложения не адекватно тому, что в литературе принято называть грамматическим и актуальным (неграмматическим) членением предложения. Оба приема представляют собой грамматический (синтаксический) факт.

Основополагающей категорией структурного синтаксиса является категория синтаксической связи, образуемая двумя типами содержательных синтаксических признаков – 1) **семантико-реляционными** (типа субъект, объект, место и т.п.), отражающими в своём содержании связи реальной действительности, 2) **функцио-**

нально-коммуникативными, представляющими те или иные семантико-реляционные отношения в определенной функциональной перспективе.

Синтаксическая связь получает воплощение в **синтагме** – структурно-смысловом целом, отражающем в своём строении характер упорядоченности исходных элементов построения предложения на линии речевой цепи. Синтагма, взятая в оптимальном (необходимом и достаточном) наборе исходных элементов – базисная структурная ячейка, элементарная и всеобщая единица структурной организации предложения.

Основополагающей дифференциацией структурного синтаксиса является оппозиция категорий «подчинительность – предикативность», имеющая своим основанием определенные различия в способе представления в языке тех или иных семантико-реляционных отношений, то есть различий в функционально-коммуникативном аспекте содержания категории синтаксической связи.

Подчинительные отношения предстают как отношения «главный компонент – зависимый компонент», определяясь потребностью уточнения одного элемента построения предложения другим элементом.

Предикативные отношения выступают как отношения «субъект – предикат», детерминируемые категорией объективной модальности (модальности утверждения), представляющей те или иные семантико-реляционные отношения как факт (реальной или ирреальной) действительности, как утверждение чего-то о чем-то; предикативные отношения – это отношения предмета и **утверждаемого** относительно него признака. Указывая на предмет, относительно которого делается утверждение, синтаксический субъект включает тем самым в своё содержание представление о **теме**, исходном пункте высказывания.

Отмеченные выше особенности категории синтаксической связи, основополагающее деление категории на два основных структурных типа – подчинение и предикацию – детерминированы спецификой функциональных задач, стоящих перед синтаксисом как компонентом языковой системы. Отсюда их универсальность, свойственность языку вообще, различным языкам. Что касается внутреннего деления на виды категорий предикативной и подчинительной связей, то оно имеет конкретно-языковой характер, определяясь различиями в характере

формального устройства соответствующих синтагм и отвечающих им различий в реляционной семантике. Категории членов предложения – главные и второстепенные, обобщают и систематизируют по функции те разнообразные синтаксические отношения, которые складываются между компонентами синтагм в определенном языке.

Итак, категория синтаксической связи как основа структурной организации предложения представляет собой симбиоз содержательных признаков семантико-реляционного и функционально–коммуникативного порядка. Основополагающее деление категории синтаксической связи на два основных структурных типа – предикацию и подчинение – на основании содержательных признаков функционально-коммуникативного порядка предустанавливает универсально-языковую, инвариантную, значимость последних в качестве ингредиентов содержания синтаксических структур и формируемых на их основе членов предложения. Семантико-реляционный аспект содержания типовых синтаксических структур (соответственно членов предложения) – сфера языковой специфики.

Существенно следующее. Семантико-реляционный и функционально–коммуникативный типы синтаксических значений не имеют самодовлеющей синтаксической значимости, составляя две необходимые стороны единого значения различных синтаксических построений. Ни тот, ни другой из отмеченных типов значений не получает в предложении автономного структурного сегмента в качестве своего носителя, также как нет в предложении сегментов, которые выступали бы носителем значений одного плана и исключали значения другого. Указывая на способ представления (цель, направление) тех или иных семантико-реляционных отношений, значения функционально–коммуникативного типа существуют лишь на основе последних; в свою очередь, структурно-синтаксический статус тех или иных семантико-реляционных отношений зависит от того, в сопряжении с какого рода функционально–коммуникативным содержанием (предикативным или подчинительным) они выступают.

Анализ соотношения между двумя планами синтаксических значений – функционально – коммуникативным и семантико-реляционным – базовая проблема синтаксиса.

0.3. Вернемся к гипотезе Ли и Томпсон, утверждающей стратегию выдвижения топика в качестве структурно-синтаксической доминанты КЯ, оценивая адекватность этой гипотезы с позиции изложенного выше понимания синтаксиса и его категорий. Важно в этой связи дать ответ на следующий круг основных вопросов.

В какой мере правомерна постановка вопроса о противопоставленности категорий топика (темы) и категории подлежащего. Является ли это противопоставление фактом объективной языковой реальности. Может ли противопоставление стратегий выдвижения подлежащего или выдвижения топика явиться основанием типологической характеристики языка. Возможно ли существование того или иного структурного сегмента предложения вне сочетаемостных отношений между составляющими сегмента (согласно Ли, Томпсон топик не должен обязательно входить в сочетаемостные отношения с глаголом).

Представляется, что ответ на эти вопросы не может быть утвердительным.

Во-первых. Подлежащее и тема (топик) – это не противопоставленные друг другу, а взаимосвязанные категории – в силу специфики отношения «субъект – предикат», на основе которого складываются отношения подлежащего и сказуемого. Взаимосвязь категорий подлежащего и темы (топика) отмечают и сами авторы анализируемой гипотезы, а также многие другие учёные.

Далее. Восходя к отношению «субъект – предикат» как к отношению функционально-коммуникативного порядка, детерминируемого спецификой функциональных задач, стоящих перед синтаксисом как компонентом языковой системы, отношения между подлежащим и сказуемым характеризуются определенной совокупностью универсальных языковых признаков, коррелятивных существу содержания предикативных отношений.

Этими признаками являются: 1) состав исходных элементов, необходимый и достаточный для формирования предложения как целостной, информативно законченной единицы; 2) интонационная членимость целого на части (подлежащее и сказуемое) – наличие или возможность предикативной паузы между частями целого; 3) определенный порядок следования частей – позиция подлежащего

перед сказуемым; 4) субстантивный способ выражения подлежащего и признаковый – сказуемого.

Рассматриваемые со стороны универсального языкового содержания и отвечающей ему совокупности формальных признаков предикативные (подлежащее – сказуемое) отношения могут явиться структурной основой реального предложения лишь будучи дополненными формально-синтаксическими признаками конкретного языка, указывающими на характер семантико-реляционной основы предикации.

Традиционная трактовка синтаксического значения категории подлежащего неоправданно ограничивает это значение семантико-реляционной категорией агенса, или производителя действия, по существу рассматривая эту категорию вне связи с функционально-коммуникативным аспектом предикативного отношения. Между тем, универсальные формальные признаки предикации (состав исходных элементов, членимость на компоненты, препозиция субъекта) сами по себе не несут прямых указаний на характер реляционной семантики соответствующих предикативных структур, в принципе допуская её вариативность.

Так, факты русского языка свидетельствуют о том, что универсальным формальным признакам предикации отвечают не только построения с именительным падежом в функции синтаксического субъекта (подлежащего), но и построения с косвенными падежами существительного. Русские синтагмы *Я | хочу – Мне | хочется*; *Солдат убит – Солдата убили*; *Квартира убрана – Квартиру убрали – В квартире убрано* с точки зрения формально-синтаксических требований, предъявляемых к предикативным структурам, абсолютно равноценны. То же самое можно утверждать и в отношении таких пар китайских синтагм, как *Ta | jiangde hen mingbai* 'Он говорит очень понятно' – *Bao=shang | jiangde hen mingbai* 'В газете сказано ясно'; *Nuer | hen leng* 'Девушке холодно' – *Wuzi=li | hen leng* 'В комнате холодно', в структуре которых подлежащее в одном случае выступает в прямой форме имени и в сочетании с послелогом – в другом.

Категория подлежащего, выделяемая на универсально-языковом уровне как предмет, тема утверждения, на конкретно-языковом уров-

не реализуется на базе определенной совокупности типов реляционной семантики.

В русском языке специфика соотношения функционально-коммуникативного и семантико-реляционного аспектов в структуре содержания подлежащего характеризуется **зависимостью** формы подлежащего от типа семантико-реляционного отношения, в котором получает свое воплощение функционально-коммуникативный, т.е. тематический, аспект его содержания.

Так, характерная для РЯ систематизация класса предикативных структур базируется на противопоставлении номинативных (подлежащее выступает в форме именительного падежа, формально координированного с глаголом-сказуемым) и аноминативных (подлежащее выступает в форме косвенного падежа, формально не координированного с глаголом-сказуемым) структур, чему в содержательном плане соответствует противопоставление подлежащих агенсного и деагенсного типов. Ср. с этой точки зрения следующие пары примеров: *Отец| уважает* и *Отца| уважают*; *Я| думаю* и *Мне| думается*; *Этот дом| холодный* и *В этом доме| холодно.*

Аноминативное (деагенсное) подлежащее, выражаясь различными косвенными падежами, демонстрирует различные виды семантико-реляционного аспекта содержания подлежащего. Ср. *На улице| сыро. В комнате| не курят. В парке |приятно отдыхать. У меня есть| деньги. У него |хорошее настроение.*

В отличие от русского языка в КЯ соотношение функционально-коммуникативного и семантико-реляционного аспектов в структуре содержания подлежащего характеризуются **независимостью** формы подлежащего от типа семантико-реляционного отношения, входящего в структуру его значения.

Формально-синтаксическая нерасчлененность китайского подлежащего сопряжена с широким объемом типов реляционной семантики как составляющих его синтаксического содержания.

Наблюдаются: подлежащее – производитель действия; подлежащее – носитель признака а) качественного, б) количественного, в) непроизвольного состояния, при любом из возможных для прилагательного или глагола правых окружений; подлежащее – носитель пассивного состояния, наступающего в предмете в результате воздей-

ствия на него как на объект; подлежащее – посессор – собственно посессивное, количественно-посессивное, пространственно-посессивное; подлежащее объекта и ряд других случаев.

Каждый из семантических подтипов подлежащего характеризуется теми или иными особенностями в характере сочетаемостных отношений со сказуемым. Остановимся несколько подробнее на конструкциях, которым Ли и Томпсон приписывают отношения топика и комментария, а не отношения подлежащего и сказуемого – в силу отсутствия с их точки зрения в составе этих конструкций сочетаемостных отношений между именем и глаголом.

Конструкция с подлежащим – носителем пассивного состояния

Подлежащее данного семантического типа в КЯ соотносится со сказуемым на основе переходных глаголов, исключающих в правом окружении имя объекта и предполагающих правое окружение со значением результативного состояния, направленного на подлежащее; возможно употребление в составе сказуемого показателя пассива *bei* (*Tade hua| (bei) daduanle* 'Его слова были прерваны').

Конструкция с подлежащим – посессором

В этом случае подлежащее связано с глаголом не непосредственно, а через посессивную связь между предметами, обозначаемыми подлежащим и именем в составе сказуемого, с которым глагол связан непосредственно. Например, *Ta | tou teng* (букв. 'Он голова болит') 'У него болит голова'; *Haizi | sile fuqin* (букв. 'Мальчик |умер отец') 'У мальчика умер отец'.

Как можно видеть из данного выше анализа, аргументы Ч. Н. Ли и С.А. Томпсон в обосновании тезиса о выдвижении топика, а не подлежащего, в качестве структурно-синтаксической доминанты КЯ, не могут считаться достаточно убедительными как с теоретической, так и с эмпирической точек зрения.

Вместе с тем, нельзя не отметить присущего концепции Ли, Томпсон рационального начала, заключающегося во включении в сферу грамматического рассмотрения явления функционально-коммуникативного порядка, каким является понятие топика (темы), традиционно относимого к «актуальному членению», в противоположность грамматическому.

Однако неоправданным является присущее воззрениям Ли, Томпсон противопоставление топика (темы) и подлежащего. Типологически значима не стратегия противопоставления топика и подлежащего, а **типология подлежащего**, характер присущего подлежащему соотношения между функционально-коммуникативным – тематическим – и семантико-реляционным аспектами его содержания в их связи с формой подлежащего. Независимость формы китайского подлежащего от типа семантико-реляционного отношения, входящего в структуру его значения, свидетельствуют о том, что грамматическое значение подлежащего в КЯ составляет значение темы (топика), основанное на широком объеме формально не дифференцированных типов реляционной семантики. В этом ещё один след отмеченного выше рационального начала, присущего анализируемому в нашей работе научному представлению.

ЛИТЕРАТУРА

Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. XI.

Солнцева Н.В. Относительно понятия «топик» в китайском языке // Актуальные вопросы китайского языкознания. Материалы VI Всероссийской конференции. – М., 1992.

Шутова Е.И. Вопросы теории синтаксиса. На основе сопоставления китайского и русского языков. – М., 1984.

Шутова Е.И. Коммуникативный аспект предложения как синтаксический факт // Грамматические и актуальные членения предложения. – М., 1984а.

А.А. Щукин, г. Владивосток

К ВОПРОСУ О КОРРЕЛЯЦИИ МЕЖДУ «БЭЙЦЗИНХУА» И «ПУТУНХУА»

«Бэйцзинхуа» (*букв.* «пекинский говор (диалект)», далее БЦХ) – речь китайцев г. Пекина и пригородных уездов. Ядром этого языкового ареала, естественно, является столица – Пекин (площадь >16800 кв. км, пригороды составляют примерно треть его площади (граница на востоке доходит до уезда Тунсянь, на западе – до Мэньтоугоу, на

юге – до Фэнтая, на севере – до Хуайжоу); население с пригородами – 11,5 млн). Таким образом, ареал распространения БЦХ географически довольно компактен. Фонетическая система, характерная для пекинского говора, лежит в основе произносительной нормы «путунхуа» (далее ПТХ) – нормативного литературного языка китайской нации.

Пекин на протяжении своей истории (в анналах зафиксирован как г. Цзи в 1-м тыс. до н.э., в 1421 г. стал называться Пекин) периодически испытывал влияние миграционных процессов в Северном Китае. Считается, что, по крайней мере, начиная с династий Суй и Тан он являлся одним из самых активных районов контактов ханьцев с другими народами. Тогдашние ханьцы и иноземцы в течение длительного времени проживали совместно в условиях довольно значительных пространственных миграций населения. При отсутствии достоверных данных о времени формирования говора Пекина можно предполагать, что он формировался в условиях открытой языковой среды под постоянным воздействием как местных китайских (в основном, северных), так и иноязычных «лингвистических компонентов» (М.В.Софронов), переваривая и интегрируя их в нынешний БЦХ.

Современный БЦХ постепенно формировался в последние 300 лет в условиях серьезных структурных различий городского и пригородного населения Пекина. «Пригородные» пекинцы говорили на 土生土长的 tusheng-tuzhangde («местном») пекинском диалекте, который представлял сплав с различными ханьскими диалектами после династии Юань. Говор городских 八旗人 baqiren («бацижэньцев») – маньчжуров, обосновавшихся в Пекине, – это ханьский диалект, пришедший из Дунбэя. Источник его – 幽燕方言 youyan fangyan – юяньский-хэбэйский говор, ядром которого являлся пекинский диалект эпохи Ляо и Цзинь, имеющий прямые связи с языком нацменьшинств Дунбэя. Географическая близость происхождения обоих говоров породила их лингвистическое сходство при сохранении некоторых различий, обусловленных разностью ареалов функционирования и языками контакта. Однако с эпохи Ляо до эпохи Мин вследствие войн, плена и миграции население постоянно миксировалось при сохранении тесных языковых контактов между двумя диа-

лектами, что позволило избежать значительных отклонений между ними. К эпохе Цин оба говора через постоянный и длительный обмен интегрировались в Пекине в единый диалект, сформировав современный БЦХ. Благодаря тому, что в структуре языка пекинцев и пригородов в эпоху Цин не произошло значительных изменений, процесс слияния происходил довольно равномерно. Так, к началу XX в. произносительная норма пекинских маньчжуров и пригородных ханьцев еще сохраняла явные различия. Например, лексическая «эризация» у маньчжуров не была такой выраженной, как у ханьцев: если 兔儿爷 (заяц-игрушка) у маньчжуров следовало произносить как tu er ye, то у ханьцев – как tur ye). По мере урбанизации население Пекина и пригородов постоянно смешивалось. И как следствие – нивелирование фонетических различий к нашему времени. С языка «продвинутых» молодых пекинцев уже не слетит слово, произношение которого позволит идентифицировать его носителя как «пригородного» или городского жителя.

Среди диалектов ханьского языка наиболее прямо, тесно связаны БЦХ и ПТХ. ПТХ, как известно, не только имеет нормой пекинское произношение, ядром его базового диалекта «бэйфанхуа» (или «северного говора») также является БЦХ. ПТХ как нормативный литературный язык китайской нации в плане общеупотребительной лексики, словарного состава, фонетических и синтаксических моделей достаточно формализован, грамматикализован; такая «формализация» наиболее наглядно проявляется в письменном языке. БЦХ же лишь один из диалектов ханьского языка с сильным «местечковым» привкусом без жесткой нормативной базы и достаточно свободный в плане артикуляции, словоупотребления и синтаксиса. Но, будучи письменно фиксированным, должен соответствовать письменному стандарту, опирающемуся на ПТХ.

Отмечалось, что важной особенность ПТХ является наличие стандарта (нормы). Соответствует ли язык стандарту (нормативу), по сути, определяется привычкой (традицией). Норма, в свою очередь, не есть нечто застывшее, она непрерывно меняется вслед за языком. При различии личного опыта и языкового фона (контекста) могут

быть различные мнения о том, считать ли данное языковое явление привычным, распространенным, т.е. нормой, или нет. Например: выражения типа 好冷 haoleng («очень холодно»), (姑娘)好漂亮 (guniang) hao piaoliang («прехорошенькая» девушка) стали общеупотребительными в ПТХ, но считать ли нормой ПТХ употребление 好 hao в таких конструкциях как 好高兴 hao gaoxing («очень (об)радоваться») , 我好进来吗 («удобно ли (мне) зайти?». Считать ли лексику, часто звучащую в новостных программах, типа 收入不菲 shouru bufei («доход немалый») и т.д., или зазывные рекламки из магазинно-ресторанного лексикона типа 本店有售 ben dian you shou («продается в этом магазине»), 生猛海鲜 («живые и хищные морепродукты») по-прежнему диалектными или нет? Выражения типа 打的（面的） da di (miandi) («взять такси (автофургон)» уже вошли в разряд наиболее употребительной пекинцами лексики, причем слог 的 di стал произноситься под первым тоном, которого он никогда не имел ранее. Но вошло ли такое употребление (и чтение) в «путунхуа»? Подобных вопросов много, и люди разных социальных слоев и диалектов отвечают на них по-разному. Очевидно одно, что в настоящее время достичь единства взглядов не представляется возможным.

Хотя ПТХ и является общенациональным, над (гипер) диалектным языком, но базируясь на диалектах, он получает возможности для своего обогащения и развития. Различия между ПТХ и диалектами очевидны, но необходимо очертить четкие границы между ними.

Появление термина «гуаньхуа» в эпоху Мин свидетельствует, что разговорный БЦХ в этот период уже приобрел статус произносительной нормы. И с учетом расцвета в это время литературы на «байхуа», постепенного возрастания влияния устного языка (УЯ) на письменный (ПЯ), БЦХ также стал доминировать и в ПЯ. Развитие литературы на «байхуа» наглядно свидетельствует о такой тенденции, как непрерывное избавление от элементов вэньяня и тогдашней диалектной лексики северных районов, «смыканию» с БЦХ. Появление «Сна в красном тереме» Цао Сюэциня символизировало вхождение БЦХ в ПЯ, что явилось прорывом в применении УЯ в письменности. После «Движения 4 мая» БЦХ стал чаще появляться на страницах литературных произведений. Выдающийся вклад в популяризацию БЦХ в Китае и даже за рубежом и его применение в ПЯ несомненно внес

Лао Ше. БЦХ стал наиболее часто используемым в ПЯ диалектом, что, в свою очередь, способствовало его распространению среди носителей разных диалектов и подготовило благодатную почву для заимствования ПТХ его некоторой лексики и специфических лингвистических характеристик.

После заимствования ПТХ некоторой лексики из БЦХ она, как правило, по-прежнему сохраняла присущий ей изначальный разговорный «привкус». Например:

БЦХ		ПТХ
我跟你	–	我和你
挺高兴	–	很高兴
总共 15 块 7 毛	–	一共 15 元 7 角
让人给揍了	–	被人打了
咱们一块儿去	–	我们一起去

Выражения в левой части – письменная фиксация устной речи (и/или спонтанных разговоров) на БЦХ – в записи или их восприятии на слух понятны многим и уже вошли в общеупотребительный обиход. Если кто-либо не желает их употреблять, то это ни в малейшей мере не может повлиять на вхождение подобных выражений в ПТХ.

В ПЯ часто появляется и ряд других выражений и слов из БЦХ, которые понятны всем, но главная функция которых состоит в реализации специфического «местечкового» привкуса. Например: 甭 beng 不用）«нельзя, не надо», 旮旯儿 galar 角落 «угол, закоулок», 今儿个 jinrge （今天） «сегодня», 瞅见 choujian （看见） «увидеть», 糊弄 hunong（欺骗）«обманывать» и т.д. Эту лексику можно рассматривать как «пограничную» между БЦХ и ПТХ, часть ее со временем может быть усвоена ПТХ. Такие выражения как (孩子这么闹), 你甭想清静 «ребенок такой шумный), о покое и не помышляю» уже не совсем совпадают со стилистической окраской выражения 你不用想清静 («тебе не следует думать о покое»; если 墙旮旯 произнести как 墙角落, то получится более литературно («культурно»). Что касается 今儿个 и 瞅见, то, по меньшей мере, сегодня не видится возможности их «усвоения» ПТХ. В БЦХ также присутствует большое количество выражений, редко встречаемых в ПЯ. Так выражение “书，报，杂志

等等" «книги, газеты, журналы и т.д.» в БЦХ можно произнести как "书，报，杂志伍的", выражение "在北京住" «жить в Пекине» – как "挨（跟）北京住", "什么时候去" «когда пойдем?» – как "多咱去", "我根本就不认识它" как "我地起跟儿就不认识他". Подобные выражения несут явный привкус БЦХ, и тем очевиднее не могут сейчас войти в ПТХ.

Выше отмечалось, что произносительной нормой (фонетической базой) ПТХ является пекинское произношение. Что касается фонетической системы, то отнюдь не любые фонетические (просодические) характеристики БЦХ стали фонетической нормой для ПТХ. Самая очевидная дефиниция между ПТХ и БЦХ – эризация финали и слоги в легком тоне. БЦХ особенно богат такой эризованной и легкотоновой лексикой, ставшей «визитной карточкой» этого диалекта. В ПТХ также наблюдается эризация и слоги в легком тоне, да и произношение базируется на пекинском, но эти явления выражены намного менее заметно. Кроме того, при письменной фиксации этих явлений нет строгих правил (стандарта). Такие слова, как 小孩儿 xiaohair，一点儿 yidianr，花儿 huar，玩儿 wanr, а также 冰棍儿 binggunr，馅儿饼 xianrbing, и т.д. при говорении на ПТХ также требуют эризации, но при их записи фиксация 儿 er совершенно произвольна вплоть до ее опущения. Что касается лексики, в которой второй слог следует читать легким тоном, такой как 太阳 taiyang, 先生 xiansheng, 喜欢 xihuan, 干净 ganjing, 知道 zhidao и т.д., то письменно он фактически никак не проявляется. Такие фонетические явления создают населению диалектных ареалов определенные трудности при изучении ПТХ.

Далее, часть такой эризованной и легкотоновой лексики БЦХ в ПТХ может читаться двояко. Из примеров на эризацию: （有）事儿 (you) shir，（树）根儿 (shu) genr，（左）边儿 (zuo) bianr，（进）门儿 (jin) menr，（一百）分儿 (yibai) fenr，на легкий тон: 春天 chongtian，办理 banli，出路 chulu，界限 jiexian，批评 piping. Необходимость эризации или легкого тона для подобной лексики в ПТХ определяется языковой ситуацией: в официальных случаях обычно этого избегают, а в произвольных бытовых разговорах (свободной беседе) их довольно много. Кроме того, такие фонетические приемы нехарактерны для речи людей высокого социального статуса или уровня образования (культуры). Такие варианты чтения могут маркировать (от-

ражать) явный разговорный стиль, и, по крайней мере, в настоящее время еще нельзя считать, что такая лексика отторгнута ПТХ. Скорее, она относится к пограничной сфере пересечения ПТХ и БЦХ.

Часть лексики, которую нельзя эризовать или читать под легким тоном в ПТХ, в БЦХ может быть эризована или указанным образом тонирована. Примеры а) на эризацию: 时候儿 shihour, 记性儿 jixingr, 花样儿 huayangr, 东西儿 dongxir, （冒） 烟儿 (mao) yanr; б) на легкий тон: 自然 ziran, 艺术 yishu, 时间 shijian, 规模 guimo, 高明 gaoming. Такие чтения, отражающие выраженный «местный» пекинский говор, не используются в официальной (нормативной) речи или людьми высокого положения и культуры. Фактически, БЦХ содержит также довольно много эризованной и/или легкотонированной диалектной лексики, не воспринятой ПТХ. Примеры на эризацию: 今儿 jinr （今天） сегодня, 天儿 tianr（天气） погода, 末了儿 moler （最后） наконец, 老爷儿 laoyer （太阳） солнце, 立马儿 limar（立刻） сразу; на легкий тон: 赶罗 ganluo （催促 cuicu） торопить, понуждать, 二乎 erhu （畏缩） weisuo съеживаться от страха, 待见 daijian （喜爱）, 真着 zhenzhe （清楚）, 捏咕 niegu （捏） и т.д. Такая лексика, наиболее наглядно отражающая местный «колорит» БЦХ, не может войти в ПТХ по той причине, что в ПТХ нет проблемы эризации и произнесения легким тоном.

Будучи всего лишь диалектом ханьского (китайского) языка и не имея строгой (грамматической) нормы, БЦХ содержит в себе внутренние разночтения, являющиеся одной из движущих сил его развития. Постепенное формирование современного БЦХ на основе различий городского и пригородного языка эпохи Цин – очевидное этому доказательство. Современный БЦХ из-за сложности переплетения различных социальных и языковых признаков приобрел определенную вариативность в плане лексики и фонетики. Эти различия, обусловленные отнесенностью к разным социальным группам, культурным уровням, зависят также от района проживания, возраста, профессии, пола и маркируются в БЦХ своими особенностями лексического и синтаксического плана. Вплоть до наличия явных различий в фонетике. Как же должен относится к таким фонетическим различиям ПТХ, имеющий основой произносительную норму БЦХ?

Некоторые из этих фонетических разночтений относятся к различиям чтения лексики (например, “在 zai (4-й тон) 北京住” можно прочесть как “在 zai (3-й тон) 北京住”, “把 ba(3-й тон) 自行车丢了” – как “把 bai (3-й тон) 自行车丢了”, “折腾 teng” – как “折腾 deng”, “耕 geng 地” – как “耕 jing 地”, “学 xue 鸡叫” как “学 xiao 鸡叫”. Такие фонетические разночтения типичны для БЦХ. В ПТХ же при наличии нормативных чтений такой вопрос не стоит.

Также сложен для БЦХ и вопрос о наличии разночтений инициалей, финалей и тонов (слога). Одни из разночтений незначительны, например при произнесении “l” некоторые кончик языка прижимают к деснам (альвеолам), другие – приподнимают его к твердому небу; некоторые, произнося финаль с “iong”, на “i” округляют губы, выговаривая как “u”, а некоторые губы не округляют. Внимание на таких мелких различиях обычно не акцентируется, что позволяет (им) мирно существовать и в ПТХ.

Другие фонетические разночтения более существенны, поскольку затронута смыслоразличительная функция. Например, некоторые артикулируют “w” с участием только губ, другие – губ и зубов, произнося как “v” или “v”-образный звук, например, 新闻 “xinwen” («новости») читают как “xinven”, 袜子 “wazi” («носки») – как “vazi”; （刀） 把儿 “(dao) bar” «ручка (ножа)» – как （花） 瓣儿 “(hua) banr” «лепесток (цветка)»; одинаково звучат у них “yer” из “(shu) yer” («лист (дерева)») и “yir “ из “(wan) yir” («игрушка»), （这） 儿 “zher” («здесь») и （一） 阵儿 “zhenr” («момент, время»), у других они произносятся по-разному. Некоторые даже такие слова, как “jingr” из “(yan) jingr” («очки») и “jin(g)r” из “(you) jin(g)r” («(есть) интерес»), “pingr” из “(hua) pingr” («ваза») и “pir” из “(fen) pir” («желатин») произносят одинаково.

Репрезентативная статистика последних лет показывает: сейчас “w” произносят как “v” уже более 50% пекинцев, а из молодых образованных людей – около 70%. Также достаточно очевидно проявляется тенденция к эризации окончаний: “an” как “anr” произносят уже более 90%, “yer” как “yir” – около 70%, “er” как “enr” – около 60%, “ingr” как “inr”, “ir” – более 10% населения. Тем не менее, учитывая

всю сложность и непредсказуемость фонетических изменений, нельзя лишь на основании выборочной статистики заявлять, что указанная тенденция является необратимой. И, хотя сейчас 70% пекинской молодежи произносят "w" как "v", в настоящее время еще нельзя сказать, что это общая тенденция артикуляции "w" в БЦХ поскольку отражает лишь особенность молодежного говорения. Что касается эризации финали, то эта тенденция в последние годы устойчива.

Указанные фонетические отклонения в БЦХ также должны иметь место и в ПТХ. И не только потому, что трудно идентифицировать саму тенденцию, но, что более важно, сам ПТХ находится в состоянии постоянной эволюции. Он, как общегосударственный язык, несомненно, должен иметь жесткую кодификацию, но норма отнюдь не означает языковую догму, неизменность. Можно сказать, что появление отклонения – неизбежный результат развития языка. Поэтому фонетические отклонения в БЦХ, возможно, послужат стимулом для фонетических изменений в артикуляционной базе ПТХ.

ПТХ, имеющий несравненно более обширный по сравнению с БЦХ ареал распространения, должен нести в себе и гораздо больше возможностей языковых дериваций в широком смысле, поскольку говорящие на нем носители различных диалектов, представители разных социальных, возрастных, культурных, половых и пр. групп постоянно привносят в ПТХ свои языковые особенности. Даже в бытовых разговорах и официальных речах людей, употребляющих ПТХ, обнаруживаются заметные вариации в фонетике, лексике и синтаксисе. Часть таких различий, формирующих языковую многовариантность ПТХ, происходит и из БЦХ.

SUMMARY

In this report some questions of language correlation (such as phenomena of erization and pronounce under light tone) between modern Peking dialect "beijinghua" and regular Chinese language "putonghua" is stated.

У Юньцзи, г. Мельбурн
Yunji Wu, Melbourne

THE DEVELOPMENT OF THE SUFFIX 子 [TSA] IN THE HUNAN WAXIANG DIALECTS

In the Guzhang Waxiang dialect spoken in western Hunan, the suffix 子 [tsa] can be used as both a Nominalizer and a diminutive.

A Nominalizer is a pure none marker with no additional lexical meaning associated with it. There is no change in meaning if the [tsa] is omitted in the following words:

灯草子 [taŋ^{55}ts^{h}au^{25} tsa] 'rush'

豆豉糍子 [da^{33} sɪ^{25} dʑi^{41}tsa] 'a cake-like food made from fermented soya beans'

藻面盆子 [tsau^{25} miɛ^{33}bai^{13} tsa] 'a basin for washing the face'

A diminutive, on the contrary, is not a pure noun marker. It is associated with the meaning "small". There are distinctions between words without [tsa] and words with [tsa] as can be seen in the following examples:

鸡 [ka^{55}] 'chicken' // 鸡子 [ka^{55} tsa] 'baby chicken'

女 [ɲiəɯ^{25}] 'daughter //' 女子 [ɲiəɯ^{35} tsa^{55}] 'girl'

子 [tsa^{25}] 'son' //子子 [tsa^{35}tsa] 'boy'

瓮 [au^{33}] 'water vat'//瓮子 [au^{33}tsa] 'small water vat'

柑 [koŋ^{55}] 'shaddock' // 柑子 [koŋ^{55}tsa] 'orange'

This paper will mainly use the data I collected during my fieldwork from 1998 – 2003 to examine the distribution of Nominalizer [tsa] and diminutive [tsa] in the Waxiang lexicon, and will re-construct the path of the development of the word [tsa ^{25}] 'son' from a full word to a suffix.

REFERENCES

Baron, S. Chain shifts in Chinese Historical Phonology: Problems of Motivation and Functionality // Cahiers de Linguistique Asie Orientale. – P., 1983. – Vol.XII, №1. – P. 41–63.

Chao, Yuen Ren. A grammar of spoken Chinese. – Berkeley, 1968.

Lin Liantong. Fujian Yongchu fangyan de '仔' wei. [The suffix '仔' in the Fujian Yongchun dialect] // Zhongguo Yuwen. – 1988. – №2. – P. 121–127.

Ohta, Tatsuo. Zhonghuoyu lishi wenfa. [A historical description on Chinese grammar] / Transl. by Jiang Shaoyu, Xu Changhua. – Beijing, 1987.
Wangli. Hanyu Shigao. [A draft history of Chinese grammar]. – Beijing, 1958.
Xiong Zhenghui. Nanchang fangyan de ziwei. [The suffix zi in the Nabchang dialect] // Fangyan. – 1979. – №3. – P. 201–206.
Xiao Liming. 'Cong Guo Pu Zhu kan mingci 'Zi' wei de changsheng' [From Guo Pu's footnotes (for Erya and Fangyan) see the time of appearance of the suffix Zi] // Zhongguo yuwen. – №4. – P. 314.
Yang Wei. Yuanling Xianghua yanjiu [Research on the Xianghua spoken in Yuanling]. – Chagsha, 1999.
Zhou Xianyi. Daozhou diqu Zai zi de yongfa. [Usages of Zai in the Hunan Daozhou] // Yuyan yanjiu. – 1988. – №1. – P. 135–142.

И Хунчуань, Ухань
易洪川

汉字字形特点再探

文字的特点就是以形体表示语音和语义，以形体差异表示语音、语义差异。俄文、英文一类拼音文字是如此，汉字这样的意音文字也是如此，甚至有充分理由推断，无论哪一种文字----过去已经存在过的或者将来可能创制出来的----都是如此。这样看来，在讨论汉字字形与其它文字字形主要是拼音文字字形形体特征的时候，仅仅说汉字重视以字形区别语音、语义是不够的，因为每一种文字都必须借助字形来区别语音、语义，应该进一步明确指出汉字字形有别于其他文字字形的具体所在，指出它的特点。

本文认为汉字字形有以下四个特点。

一、个体呈方块

汉字也叫方块字，因为它具有四方形特点。其方块特征既表现在个体汉字字形整体上，又表现在个体汉字字形的构成部件上。

个体汉字字形整体：

1、 方框直接构字：

"口、囗、回、田、围"类（四方形）

"由、申、曲、电、甲"类（主体外部轮廓为四方形）

"井、甘、月、且、丹"类（主体内部存在四方形）

2、有缺损的虚拟方块构字：

“同、网、山、医、司”类（缺损一边）

“勾、历、亚、刀、可”类（缺损两边）

“天、丁、上、丛、下”类（缺损三边）

个体汉字字形的构成部件：

1、“吕、品、昌、晶、唱”类（构成成分全部是方框）

2、“和、扣、呢、呀、吗”类（形干部分是方框）

汉字有框有角，是汉字能给人以方块感的原因，描写汉字字形，应该充分反映出框、角形笔段组合在构字中的重要作用。

二、构字最小单位是直线

构成汉字的最小单位是笔段，笔段指汉字中大致平直的一截线段。

汉字的基本笔段只有四种：

横：一、二、三

竖：丨、刂、川（后两笔）

撇：丿、彡

捺：人、八（均为第二笔）

《汉语大字典》收载的近六万汉字中，除了从阿拉伯数字“0”演变来的汉字“〇”，现代汉字没有英语里的“a、b、c、d”、俄语里的“e、Φ”中出现的弧形线段。

三、笔段用量大

宋体汉字利用大量平直的线段构字。

《汉语大字典》（四川辞书出版社、湖北辞书出版社）所收的 5 万字中，笔段最多的字是由 4 个繁体“龍”字按“田”字格局构成的 80 段字，共 64 画。

《现代汉语通用字表》（语文出版社）所收的 7000 个通用字中，笔段最多的是“𪓐”字，共 42 段，36 画。

3500 个常用字中，笔段最多的是“矗”字，共 27 段，24 画。2500 个狭义常用字中，笔段最多的是“罐”字，共 26 段，23 画。

笔段数的增减，使汉字能够构成不同的字形，例如“一、二、三、日、曰、目”等字的不同主要就体现在笔段数的增减；笔段总数还能在一定程度上决定字的结构方式，例如有 10 个以上笔段的字通常是合体字，笔段较多的独体字常常有多个交点等。

四、笔段关系多样化，交点多

汉字个体符号线段之间常有多种关系，例如撇捺之间存在的：

1 相离关系：八

2 相连关系：人

3 相交关系：乂

笔段之间的相交关系是汉字字形中最富特点也是最发达的一种关系，字中出现的交点是它的表征。相交关系多见，与汉字要用大量的笔段造字，交点在字形构造中变化丰富并且能够收缩字身的作用相关。

不同笔形的笔段都可以构成相交关系。

1 一个笔段与另一个笔段两两之间的相交关系：

横段、竖段相交的如“寸”，

横段、撇段相交的如“大”，

横段、捺（点）段相交的如“弋”，

竖段、撇段相交的如“身”，

竖段、捺（点）段相交的如“孑”；

撇段、捺段相交的如“乂”。

2、 同一个笔段可以有不同交点数量的相交关系。

一个笔段与两个笔段相交的如“廿、手”，

一个笔段与三个笔段相交的如“带、丰”，

一个笔段与四个笔段相交的如“彧、舞”。

多个笔段与多个笔段相交的如两横与两竖相交的“寒”；三横与两竖相交的“曹”。7000 个通用汉字里，字中有交点的约 5350 个，没有交点的字只占两成多一点。

交点比较多的字例如“耩”有 11 个交点，“鞲”有 13 个交点。笔段、笔画多却没有交点的汉字也有，例如“鬟”有 27 段，23 画，却没有交点，字身比较臃肿。

在“井、开、亓”这一组字中，作为造字素材的笔段，其类型、数量完全相同，字的形体差别主要表现在交点数的多少上。“土、干、工、上”，这一组字，作为造字素材的笔段其类型、数量也完全相同，字的形体差别表现在交点的位置上。观察汉字字形构造中的交点，我们可以发现，处于一个汉字外沿的交点，对汉字字形的基本轮廓有较大影响；处于汉字内部的交点，则反映出基本轮廓相近而内质不同的字的差别。

此外，必须补充说明的是，汉字字形内的间隔有提示隐性层次作用，整字字形字降格为部件时有标记。

大部分汉字单字内，还存在小于字界但隔开了各个构字部件的间隔。例如“好兵器”三个字中，“好”被间隔分为左右两部分，“兵”被间隔分为上下两部分，“器”麻烦一点，有较深厚汉字基础知识的人，会认为是

“犬”穿插在去掉“工”的“器”中间；有一定汉字字形基础知识的人，会认为是被间隔分为上中下三个部分，而上下又被间隔分为左右两部分；没有这些知识的人，通常会认为是被间隔分为五个部分。

间隔造成的空白也被称作隔离沟，隔离沟的长短常常是汉字字形组合层次的标记。相对较长的隔离沟能够但不总能分出较高的层级，例如“蓓”字中，“艹”与“倍”之间的隔离沟最长，这里是第一层组合，“亻”与“音”之间的隔离沟较短，层级也就较低。传统的汉字字形分析就是据第一层组合分析出形旁、声旁。笔者知道把汉字与词（word）进行比较有许多不便之处，下面的比较只是想说明两者的一点差异：构成汉字时，笔段好像是一伙一伙结伴再走到一起来，有不同的间隔；而字母构成词（word），是从四面八方各自走到一起来，没有不同的间隔。

间隔有时还能使被隔开的部分变形，给通常所谓“成字部件”作上从字降格为部件的标记。例如“土、车、舟、身”等，作为单字即没有被间隔时，“土、车”的末笔是横不是提，“舟”的横、“身”的撇尾端与他笔相交。但是，它们作为部件间隔在字的左方或左下方后，其中末笔变为提，尾端不再与他笔相交，提段和连笔就是它们作为部件的标记。

间隔对字形稳定性有一定的负面影响。

字形分析的终极目标当然是方便学习并且最终掌握字形：包括熟练写出一定量的汉字，准确认出较大量的汉字，快速检出需要查找的一切汉字。这些都与合符汉字字形实际的字形分析密切相关。希望以上的分析，能够对上述各个方面工作的进展起到一点作用。

参考文献要目

王立军等著 汉字应用通则 春风文艺出版社 1999
张炘中著 汉字识别技术 清华大学出版社 广西科技出版社 1992

Ма Тяньюй, г. Томск

谈对外汉语教学语音教材的编写

引言–对外汉语语音教学的现状

语音教学不仅在对外汉语教学中，而且在所有外语教学中都是一个难题。这个难题一般反映在教学目标和认知学习的认识上。造成这种状况的原因是多方面的，根本原因是教师和学生对语音学习目的的认识问题。学生学

习汉语之初就对汉语语音抱有畏难心理，如：认为学习汉语的首要条件是应毕业于音乐院校，学习汉语能表达就不容易了，想要达到语音标准、规范，如同神话。对外汉语教师中，也有人认为学生能听懂、能表达就行了。还有的教师本身发音就不甚标准，更谈不上校正学生的发音了。总之，一开始，无论教师还是学生对语音教学多少有些不重视。而在教材编写上，通常把语素教学安排在教学之初,并作为非侧重点，通常用几课的教学内容概括，可能因为后面有了长期的语流教学（听力、泛读课）的原故。还有一个原因致使长期来在语音教学中缺少专门的语音教材，且以学生不想学为理由不让语音多教。这就要求教材的编写者应抓住要害、敢于创新，且有一定的语音学和音韵学的知识。

一、语音教学的目的和手段

语音教学的目的是编写语音教材的指导思想。要谈这个问题，首先让我们来看看中国汉族人对外国人发音的理解度和接受度。目前，汉族人对外国人不规范的发音不仅能接受，而且还是带着某种欣赏的态度接受的。这也是大多数学汉语的学生甚至个别教师认为规范发音是多余的原因。实际上，就声调在汉语中占的有对立区别词语的作用来说，对外国人的不规范汉语的理解力和接受力完全是两个概念。本来，可接受度的水平应高于理解度，但这种对洋腔洋调的认同却影响了可理解度。而我们外语教学的目的就是可理解度、可接受度以及完美发音。要达到这个目的离不开一定的教学手段，而教学的手段中教材的选择和发音课授课时段的选择是一个关键问题。

俄罗斯汉语教学中通常将实用发音课作为汉语本科专业二年级第一学期的必修课，可以说时段的选择是非常适时的。以本人的经验，根据语言的输入输出这个显著特点，汉语初级阶段的教学中在学生掌握了基本的发音规律后并没有泛泛地做大量的发音练习，而是用一个较长阶段聆听并辨识真实的言语样本，只要求学生习惯语速。这样做效果较好，从二年级起我们采用了本人编写的《汉语实用发音教材》。

二、教材在语音教学中的作用

1、1 使教学内容系统化、规范化。教材包含对教学内容和教学进程的整体规划。教材的完善程度也往往标志着一门课程的成熟程度。《汉语实用发音教材》共分十二课，其中声母部分占三课，根据俄国学生发音的难点又细分为：

一、送气音与不送气音的分辨

二、舌尖前音与舌尖后音的区别

三、“d”和“j”的分辨（一、三为教学重点）；

韵母四课，细分为：

四、单韵母

五、复韵母

六、前后鼻韵母

七、宽、窄复合的对比（六、七为教学重点）；

八至十课分别为声调、变调、轻声和儿化，均为教学重点；十二课朗读材料，做测验或考试材料。

与其他各项语言技能相比，语音能力的培养无疑相对枯燥。教材就要求在规范语音的总体目标指导下，对各个相关因素系统安排、合理规划，使课堂教学有充分依据。

1、2 提供多层次、多种类的训练项目。语音教学的最终目的是规范发音，但在教学过程要通过各种练习才能达到这一目的。教材的重要功能就是依据教学总体设计，配置充分、有效的练习，使学生的发音规范化。没有教材规划的发音课带有随意性，即学生错在哪里，就纠正哪里，眉毛胡子一把抓。而教材编排的练习有整体规划，在设计上有充分的依据，训练目的明确、难度合理、形式多样，对可能出现的问题有预测性，在教学中有不可替代的作用。教材除理论部分外，共分四大练习，分别是：词语练习–单词、词组练习（以《舌尖前音与舌尖后音的区别》一课为例）分为单音节练习（z-zh, c-ch, s-sh)练习和双音节练习(z-z, zh-zh, z-zh, zh-z 等等)；朗读句子–句子也是根据舌尖前、后音的区别编排的，

如：– 草丛 藏 虫

草丛里藏着一只虫子;

绕口令，如：十四是十四，

四十是四十，

不要把十四说成是 sishi,

也不要把四十说成是 shisi;

诗歌阅读和欣赏。诗歌部分的编写本人认为对汉语学习受益无穷。外国学生在读段落文章时常常在分词、断句时出错，而诗歌练习因为受朗诵的要求在单句重音、逻辑重音、韵律等方面有所侧重，大量的诗词朗诵练习使学生在朗读文章时能够做正确的停顿。

总之，语音教材在教学中具有十分重要的作用。在教材的编写过程中，如针对课型特点、教学目的来设计总体框架，规划教学内容、安排训练步骤，就可以使教学内容系统、规范，训练更加科学、有效。

三、教材在课堂教学中的应用 –教材的多功能性。

在编写了教材以后，教材的使用则是一个更值得深入研究的问题。一本语音教材虽可以使我们的语音教学具体化、规范化，但也会使之枯燥化。变枯燥为生动的过程直接取决于教学方法。以《实用发音教材》为例，如果把它作为单纯的正音教材来用，那么无论师生都会觉得乏味，而语音教学的过程不只是听录音、跟读那么简单。从上一节，我们知道这本教材除理论部分外，分为四大练习。全书除练习四有俄语译文外，均用汉语编写。笔者这样做也是有一定教学目的的。

1、1 教材的理论部分可作为翻译材料来用，让学生自己在家预习、查字典并译成俄语，这也是为什么理论部分篇幅短小的原因，因为基本的发音要领在 Т.П.Задоенко 和 Хуан Шуин《 Основы китайского языка》的课本里都涉及到过，学生在一年级时都已经掌握。翻译理论部分的过程可以使学生可以初步掌握翻译技巧。

1、2 教材共有四个练习，练习一的篇幅较大，其中篇幅最大的《声调》一课就占 12 页，如果让学生朗读 12 页的内容恐怕可以说是一种惩罚。练习一是根据发音、辨音规律编写的，因此在使用时不仅可做朗读材料，而且可作为辨音、听写、检查练习。每个音节后根据声调不同，附有常用汉字，可要求学生在课后做个人词汇本，将常用单词和词组译成俄语并装订成册。这是因为汉语教学有一个重要特点，就是它跟识字教学是紧密结合的。在语音测试中我们发现学生说话时语音面貌要好于朗读。这是学习者在识字过程中没有建立良好的音、形、义联结。而我们发音课对识字的要求，据此看就不是多余的了，这样做，正可以把音、形、义联结，这也是对外汉语语音教学的一个重要任务。

1、3 练习二是朗读句子练习，句子是根据发音的容错规律编写的。和单词练习比起来句子练习显得很重要，通过测试我们发现学生读单词时的语音面貌要远远好于读句子。这是受语感、单词量和辨音的影响。要求学生自己查字典找出读法，译成俄语。学生在能够熟练的朗读后，要求教师打乱句子顺序，录音后给学生进行听辨练习。

1、4 练习三是绕口令练习，除采用了中国传统的绕口令外，编者还根据俄国学生发音的偏误编写了一部分。在语言学的领域中，我们都知道绕口令有正音的作用，熟读和背诵绕口令可以使语音尽量趋于完美。

1、5 练习四是诗歌部分。练习中古诗词的比重比较大，古诗词在逻辑重音、韵律方面是很完美的。通过学习除可以帮助学生掌握逻辑重音和分词断句的规律，还可以初步了解中国文化。教学要求同练习三，对教师的要求是在教学时，要讲成诗背景，介绍作者生平、单词意义等等。

小结

为课堂教学提供选择的余地、拓展空间是教材实用、有效的保证。如果教学内容合理充分、有层次，不但不会限制课堂教学内容，反而可以开阔教学思路，丰富教学方法，使课堂教学获得更大的自由。

教材是课堂教学的蓝图，是关系到教学成败的关键因素。教材编写是语音教学走向成熟的进程中，艰难而有创造性的工作。在教学中总会不断发现问题，促使我们总结经验、积极思考；在教材编写中我们也不断探索解决问题的途径，使对外汉语教学语音教材不断丰富、更新，在教学中发挥应有的作用。

主要参考文献

《对外汉语教学语音测试研究》，毛世桢、叶军，中国社会科学出版社，2002年8月。

《汉语语言学和对外汉语教学论》，李开，中国社会科学出版社，2002年8月。

SUMMARY

The paper studies problems and principles of compiling of a textbook on Chinese phonetics for Russian students.

Мицуаки Эндо, Токио
远藤 光晓

从当代年龄差异中观察声调调值变化

当代的同一方言地点所存在的年龄差异反映正在进行中的语言变化。本文根据一些具体的例子举出声调调值方面的变化方向性。

1. 汉语荔波话的例子

第一个例子是贵州省荔波县的汉语西南官话方言(以下的论述根据远藤(近刊))。我们2003年9月份前往当地调查了各年龄层的13位发音合作人的情况。声调方面的情况如下:

调类	中古来源	例字
阴平	全清和次清平声	诗衣妈开
阳平	次浊、全浊平声和入声	时移麻才;石一麦七
上声	全清、次清和次浊上声	使椅马口
去声	去声和全浊上声	是意骂怕

	84	80	71	65	56	47	45	40a	40b	40c	34	31	25	22	16a	16b	8a	8b
阴平	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33
阳平	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52	52
上声	45	55,45	55	55,45	45	45	45	45	45	55,45	45	45	45	45	45	45	35	35
去声	113	113	113	113,213,313	113,213,313	21,213	21,212,213	11,212	21,113	21	21,11,213	21,11,213	21	21,11,213	21	21	11	11

表中第一行是发音合作人的年龄,如果同一年龄有两位以上合作人就再加上 a,b,c 来加以区别。声调调值用五度制来表示,如果有自由变体的话,就用","来隔开并举。

由上表可见,阴平和阳平没有差异,分别都是 33 调和 52 调。但上声有差异,大致上是高升调,但发音人 71 只有 55 调,发音人 80,65,40c 有时 55 调,有时念 45 调。发音人 8b,8c 的上升幅度比较大,所以记成 35,实际上其他发音人的高升调也有时接近 35。由此可以归纳出:

音变方向性(1) 55>45>35。

去声的差异最明显:最老的发音人(84,80,71)只有低升调 113,发音人 65,56 就有时念低升调 113,有时念低降升调 213 或 313。中年人以下就除了 40b 以外没有念低升调的,或者念低降升调 213,212 等,或者念低降调 21,或者念低平调 11。再年轻一点,就只念低降调 21(如发音人 40c,25,16a,16b)。儿童都念低平调 11。由此可以归纳出:

音变方向性(2) 113>213>212>21>11。

这些变化以后的音值并不接近于北京话(上声 21 或 214,去声 51)或贵阳话(据贵州省 1998: 阴平 55,阳平 21,上声 42,去声 13),因此不是受到标准语或者地方上有威信的方言的影响而产生的,而是荔波话独自发展的结果。

这两种音变方向的音值过渡过程可以这样解释:发高平调时,一开始由最高点出发是比较困难的,要是由较低的音高开始再过渡到最高点就能更易于发音,因此由 55 变成 45。下一代如果把这个高微升调的上升特征认为是这个声调的固有特征的话,就会用更明显的高升调 35 来模仿,这样就会有 55>45>35 的变化。另外,发低升调 113 时,一开始就由最低点出发是比较困难的,要是由接近发声时的中性音高 3 的音高出发再过渡到最低点就能更易于

发音,因此由 113 变成 213 或 313。不过,这样的调型就不再是单纯的升调,如果下一代认为前面的下降部分的特征更重要的话,就会变成 212 或 21。21 的下降不太明显,所以再下一代用单纯的低平调模仿的话就会变成 11。

另外,再从声调征性的观点来看看荔波话声调的变化过程:

	平	升	降
高	55		52
低	33	113	

发音人 84.71 的系统

→

	平	升	降
高		45	52
低	33	113	

发音人 80 的系统

→

	平	升	降
高		45	52
低	33	113,213	

发音人 56 的系统

→

	平	升	降
高		45	52
低	33		21

发音人 40c,25、16a,16b 的系统

→

	平	升	降
高	33	35	52
低	11		

发音人 8a、8b 的系统

由上可知,有空档的时候就有可能变成毗邻征性的调型里。另外,这样看起来,调型变化的动机在于避免同一种调型(平,升,降)中有高低的对立。但平调的高低取消了,就导致升调的新的高低对立;升调的高低对立取消了,又产生降调的高低对立;降调的高低对立取消了,又重新产生平调的高低对立:就这样,一个矛盾解决了,就会导致新的矛盾,事物永远在转变之中。声调构成紧凑的很小的系统,一个调的一点微小的变化就会导致一连串调整。汉语方言当中,声调调值的变异最大的原因应该就在这里。

2. 汉语集宁话的例子

据王 2003,内蒙的汉语集宁话也有声调方面的年龄差异,大致如下:

	老派		新派
平	31	>	41
上	52	>	54
去	132	>	24
入	32	>	54

3. 水语荔波话的例子

据曾 2003,贵州荔波的水语有如下的年龄差异:

	老年人		中年人		年轻人
第 1 调	13	>	212	>	212 / 21
第 2 调	31		31		31
第 3 调	33		33		33
第 4 调	52		53		53
第 5 调	35		34		35
第 6 调	55		44		55

第 7 调(长)	55	>	45	45
第 8 调(短)	55		55	55
第 9 调(长)	52	>	53	53
第 10 调(短)	52	>	53	53

当地汉语方言的去声也产生了类似于水语第 1 调的演变。

4. 结语

这些例子是活的语言当中能观察到的历时变化。如果再积累经验的话，我们有希望从中归纳出声调调值变化的方向性机制。

文献

王宇枫 2003.《集宁方言声调格局的变异》，南开大学学术讨论交流会论文。

远藤光晓(近刊)《从年龄差异归纳音变方向性－以汉语荔波话为例－》。

曾晓渝 2003.《水语共时音系的变化》，汉语东亚语言研究会第 5 届例会论文，于日本青山学院大学。

Фань Цзецин, г. Нанкин

范洁清，南京

反向词潜性与显性的转化

语言中表示相反或相对方向的反义词，可统称为反向词(沈家煊: 1999, 154)。由于语言体系的不同，它们所呈现的形式是不对称的。在汉语中它们主要涉及方位词、趋向动词和动词。如，

方位词：上－下、左－右、东－西、南－北、上面－下面

趋向动词：上－下、上来－下来

动词：上－下等。

在俄语中它们涉及方位名词、形容词、副词以及前置词。如，

方位名词：восток – запад, юг – север

形容词：правый – левый、южный – северный

副词：вверх – вниз、наверху – внизу

前置词：над – под 等。

显性与潜性是客观世界所具有的特性，它们之间是既对立、又可转化的关系。人类生活所依存的物理世界、文化世界、心理世界都具有这种属性。老子《道德经》说：“故有无相生，难易相成，长短相形，高下相倾，

音声相和，前后相随”。人类从自己认知的经验出发，一般可以理解事物从有到无的现象。但一些人对“无中生有”却持怀疑态度。其实他们并未真正理解老子所说的“无”，认为“无”乃没有。同时忽略了老子提出的“相生”二字所包含的哲学内涵。“有”和“无”可谓是一体同源，相互关联，相互作用。根据现代模糊学理论，“有”、“无”之间并没有确定的界限。

我们在感知周围显性物理现象存在的同时，更会被那些无法感知的，具有神秘色彩的潜性现象所吸引，谁也不能否定，目前无法感知的事物却是客观存在的事实。在人的交际活动中，解码者经常可以根据编码者思想的显性流露，即从他们的神态、举止中判断出编码者的意图。编码者的潜意识也会不自觉地映射到他们的潜台词上。《三国演义》中的杨修正是从口令“鸡肋”中，悟出了生性多疑的曹操的心思，而遭杀身之祸的。可见，潜性的文化、心理现象对语言的运用也有一定的制约作用。

语言是符号的系统，也是文化的系统，它属意识形态的范畴。王希杰教授首先在语言学界提出了语言世界具有显与潜的对称性理论，将语言世界分为显性与潜性的语言世界。他认为：“语言（A）＝显语言（AX）＋潜语言（AQ）”（王希杰：1996，219）。这一具有解释性的理论扩大了语言学的研究视野，为语言学研究提供了新的角度和可供描写的新的语言现象。于根元先生在《论王希杰的语言研究》中谈到：“到了 80 年代后期，（王希杰）提出了语言有显的一面，同时还有隐的一面，这两方面密切相联又相互转化，加起来才是完整的语言。这就看到了以前一般人不很注意到的几乎占语言一半的新阵地，视野一下子打开了，对语言的认识也就比较全面了。我想，研究王希杰对语言学的贡献，这是一个重要的切入口或者说是突破口”（何伟棠：2000，296）。

潜性语言的显性化或显性语言的潜性化已被大量语言事实所证明。只要交际活动需要，同时具备语言现象对转的条件，它们是有可能转化的。当然，语言现象发生转化，不仅受语言规律的制约，而且受社会文化、政治环境、传统习俗、价值趋向以及客观世界的真实性等语言外因素的影响。中国改革开放以来，许多潜性化的词语再次显性化。反向词配组下海的显性化就是一个例证。同样，苏联解体后，社会生活发生了巨大变化，并投射至语言领域。俄语中的称谓语发生了很大变化。товарищ（同志）一词随即走出历史舞台，成为历史词汇，即显词潜性化。取代它的是再次显性化的潜词господин（先生）。甚至出现 товарищ-господин 共用的现象。

例. Как живете, господа-товарищи?（АиФ,1993,19）

这说明在社会的转型期间，显性语言和潜性语言也处于一个中间过渡带。同时，这一语言事实也进一步验证了潜性语言显性化和显性语言潜性化理论所具有的科学性和普遍意义。

• 在语言发展的长河中，对称一般是相对的、暂时的。某种对称关系的形成即意味着不对称关系的开始。不对称性是语言发展的动因，人们在追求对称的过程中促进了语言的发展，而语言的发展又会产生新的偏离现象。不对称现象可以说是语言生命的所在。语言的象似性原则要求形式与意义应为一一对应的关系。但语言的标记模式决定了语言对称现象的相对性，即通常所说的对称之中包含着不对称。在词汇无标记项和有标记项的对称体系中，无标记项的组配形式多于有标记项的组配形式，这就造成语言词汇层面的偏离现象。据统计与“上”配组的词语大大超出与“下”配组的词语。这是符合标记理论的。此外，语言的对称与偏离现象和语言的发展演变密切相关，它们是一对互为因果的关系。一方面，语言作为动态的开放体系，形式与内容也处于不断的变化之中，而它们的变化是不对称的。其不对称性主要分为两大类别：“形变滞后”和“意义滞留”。我们可以用这两条规律来解释形式与内容的诸多不对称现象。另一方面，形式与意义之间的不对称又促进了语言的发展演变。在语言词汇层面，语言节约化的原则要求语言使用者不断赋予旧形式新内容，即开发潜性的语言材料。随着这些潜性语言形式与内容的开发和利用，不可避免地会造成显性语言世界已经存在的对称现象的偏离或不对称现象的重构，形成新的对称与不对称形式。所以，潜性语言材料的显性化是引发潜性对称与偏离现象向显性对称与偏离现象转化的基础。

宏观的语言世界是由显性和潜性的语言共同组成的。语言世界总体上是对称的。显与潜是构成完整语言体系的两个互为关联，相互对称的组成部分。既然语言世界是由显语言和潜语言共同组成的，那么潜性语言世界也存在着潜性的对称与偏离现象。在此意义上，我们可以认为反向词的偏离也存在着显和潜两个不同范畴的偏离模式。反向词的显性偏离是指语言体系中已经存在的，被语言使用者接受的偏离模式。但潜性的偏离现象有别于显性的偏离，我们认为它的涵盖面更广，它同时涉及显性和潜性两个语言世界。一方面，潜性偏离是指还没有相应语言符号的偏离，即它们在显性语言世界中尚未形成。或者说这些偏离模式虽然目前还没有进入语言体系，但随着语言的发展演变有可能转化为显性的语言现象；另一方面，它又包括那些潜藏在显性语言形式之下深层面的，易被忽视的语义偏离现象。我们在研究反向词显性偏离的同时，也应重视潜性偏离的研究。因为反向词的潜性偏离也是反向词体系中的一个重要方面，忽视它的存在，我们对反向词偏离的研究和阐述必然是片面的。

在语言词汇系统中，语言符号与语义内容总体上是对应的。如表方位概念的方位词一般以两两相对的形式表示对立的方位关系，与它们组配构成的配组很多也是对称的。但对于某些配组，在具有形式与内容对称的同时，也伴随着形式与内容的偏离关系，即存在潜性的不对称。俄语中 правая ру-

ка（右手）— левая рука（左手）在此意义上是对称。但“правая рука” 也可表示得力助手，在这一意义上它没有相应的对称形式，但任何一个受东正教文化影响的俄国人都能设想出与其对应的潜性对称形式及潜性语义内容。

嘴上—嘴下在形式上是对称的。但功能主义的语言观认为语义才是语言研究的核心。在分析语言词汇系统的对称与不对称性时，应同时关注载体形式和深层的语义内涵。从认知的角度出发，语言方位系统中视点和论域是判别方位的关键。由于视点和论域的不同，人们对方位的判别也是不一致的。由此就形成了诸多表方位概念反向词语义的多义性以及形式与内容的偏离关系。如，

嘴上有口红。

嘴上有颗痣。

嘴上无毛，办事不牢。

嘴上不说，心里不乐意。

这些句中的视点和论域是不对称的，从而导致“嘴上”的语义延伸，形成多义。其多义性及形式与语义的交错构成了“嘴上”、“嘴下”形与义潜性的不对称。由此可见，在表层形式的对称之下往往隐藏着各种深层面的语义偏离现象。这种偏离现象就可以理解为潜性的偏离。因为它容易被忽视，在它们对称的载体形式遮掩下，人们往往将其看作是对称的配组。语言工作者应以语义和语用功能作为研究的重点，这样才能透过表层的对称，揭示深层语义内容的不对称性。

反向词的显性偏离在其产生、演变的进程中逐渐形成规律，相对稳定地存在于语言体系之中。而目前还没有进入显性语言体系的反向词的潜性偏离，则相对较不稳定，它们处于待变的状态之下，只要遭遇适合其变化的因素，随时有可能发生质的变化，转变成有具体语言符号的语言现象。值得注意的是，促使反向词潜性偏离转变的因素是复杂多样的。语言内、语言外因素交错影响着不同范畴偏离形式的转变。有时反向词的偏离在性质上的转变是受语言规律的制约，由语言自身的调节功能控制在语言变化的规律之中。但也有可能受到物理世界、文化世界、心理世界的影响而偏离出语言规律的范畴之外，产生新的偏离模式，或者突破偏离而演变成新的对称模式。而显性的对称也存在着对应的潜性偏离，并有可能发生对转。语言工作者应当具有敏锐的眼光，科学地预测、分析偏离与对称对转的因素，把握对转的时机。

上课—下课在某个语义层面是一对对称的显性反向词配组，指开始或结束讲课或听课。现在现代汉语中“下课”的语义发生了裂变，派生出新义：解除职务、解聘。这一语义已成为显性语义并进入汉语词汇体系之中。我们可以认为，“下课”的新语义在进入显性语言世界之前，已存在于潜性

的语言世界之中，并与指开始或结束讲课或听课的“上课”和“下课”构成了潜性偏离。其新语义的出现是潜性语义的显性化。目前，“下课”在其新语义上还没有对称的语言表现形式，即形成了显性的偏离。但我们不妨也可以把“上课”作为“下课”在表解除职务、解聘这个语义上的潜性的对称形式。如果在语言的发展演变过程中出现适合其语义发生裂变的因素，它也有可能派生出上任、担任某职务的语义。果真如此，它们之间的偏离也将随之打破。当然，语言的演变有其自身的规律，我们只能依据对称性原则演绎其对称与偏离对转的轨迹，而不是预测其具体语义的产生。

在当今的信息化的时代，网络已经进入人们的生活，上网也成为人们极平常又频繁的行为活动。反向词配组上网一词也应运而生，并且随之出现与之配组的众多积极短语。如，

上网卡 上网费 无线上网 上网浏览 上网查询

上网冲浪 上网手机 上网下载 上网交易 上网聊天

也许人们在经历了上网带来的喜悦之后，又不得不回到网络之外的现实世界，所以与“上网”相对立的潜性反向词配组“下网”进入了显性的语言世界。

例 1. 省联通公司展台推出的无线上网技术让人眼前一亮。（扬子晚报 2002.05.10）

例 2. 在网上，他戴着面具投入他失而复得的青春激情，下网后，摘掉面具，又回到他平静的机关生活……（扬子晚报 2001.06.20）

从以上的反向词配组中我们可以发现，与“上网”构成的配组是极其丰富的。而与“下网”的配组几乎为零。但并不能否认“下网查询”此类配组存在的合理性，只是目前还只是潜性的语言材料。所以在这类短语中偏离是显性的，对称则是潜性的。

上文已经谈到，“上”、“下”是一组构词能力极强的词语。“上”的构词能力远大于“下”的构词能力，所以现代汉语中与“上”构成的新词语层出不穷，大大多出与“下”的配组。如，

上门服务 上门维修 上门送货 上门清洗

网上购物 网上聊天 网上交流 网上求爱

网上恋爱 网上卖淫 网上贩毒 网上曝光

床上戏 床上镜头

反向词“下”的语义决定了现代汉语中“下”与“门”不能配组表示离开某处，所以“上门”没有对称的形式。受逻辑意义和语言体系规律的制约，这一偏离模式几乎没有发生转变的可能。同样，受文化、心理因素以及社会因素的影响，与“下”构成的配组：下乡、文化下乡、技术下乡、医疗

下乡、上下乡，在相当长的社会发展阶段也不可能打破它的偏离，形成显性的对称。

床上—床下是一对对称的短语，但“床下”同时是具有词汇性的复合词。借助修辞的借代手法使其语义具像在性爱上，从而使“床上”的这一潜性语义显性化。“床下”无论在语言内或语言外都不存在适合其演变的因素。因此，在此意义上，这对配组的对称模式已被打破，形成显性的语义偏离。但“网上”的潜性对称形式“网下”，因为存在非常适合其转变的因素已经显性化。曾几何时，“网下盗窃”这样的词语可能会让国人感到迷茫，因为我们习惯把“网上”看作是没有对称形式的反向词配组，认为反向词配组“网下”就如同无标记项的配组一样，无须特别指明。实际上“网下”是存在于潜性语言世界的潜性的反向词配组，它与“网上”是潜性的对称形式。现在为了区别于虚拟的网上世界，我们把人类生存的现实世界称为网下世界，它也自然进入了显性语言中，成为显性的反向词配组，并与“网上”构成了对称的形式。

例 3. 网下我有自己注定的名字；网上我有自己喜欢的名字。（扬子晚报 2002.07.03）

此外，反向词配组“下线”新语义的开发，也是其潜性和显性这一关系发生对转而形成的。汉语中“上线”本来指达到某分数线。在此意义上，它并没有对应的对称形式，即存在显性的偏离。自因特网出现后，“上线”具有了进入网络的语义，并成为使用频率极高的词汇。为了表达退出网络这一相反的概念，便开发了其潜性的对称形式“下线”，使其能够以具体的语言形式表达新的语义内容。自然上线—下线在此意义上也成为一对对称的显性反向词配组。语言是客观世界的反映,它与社会的发展是密切相联的。随着工业化生产规模的扩大，流水线作业成为生产的主流。在此背景下，“下线”又由联想类推的方式形成新义 — 从生产线上下来，生产出。目前，在此意义上“下线”没有绝对的对称形式，即存在着显性的偏离。

例 4. 明年高考加密，各校不再统计上线率。（扬子晚报 2001.06.22）

例 5. 这本来是很寻常的事，不寻常的是第三天的晚上，我正迷迷糊糊准备下线，最后一次刷新论坛—又是《阿毛回来啊》，又是“想毛毛的妈妈”，又是空无一字的灌水帖！（《读者》2002.20）

例 6. 第 100 万台西门子滚筒洗衣机昨天在无锡下线，西门子总经理潘海泊和无锡市副市长贡培兴共同为这台洗衣机祝贺。（扬子晚报 2003.03.13）

由此可见，对称与偏离，显与潜都是相对和互转的，同时它们又是动态的、开放的。由此形成的显性或潜性的反向词的偏离现象也是多层次、立体的、交错的。它们具有一定程度上的不稳定性。随着社会和语言的发展演

变，它们在语义显性化或潜性化的过程中，不断打破既成的对称体系，形成新的偏离，或者再次形成新的对称模式。

语言研究的科学性要求对不同性质的语言对象采取不同的研究方法。显性偏离与潜性偏离是具有不同性质的语言现象，所以对它们的研究方法也应有所不同。显性的对称与偏离以及属语义不对称而载体形式对称的潜性偏离都建构在显性语言材料上，本文主要用归纳和对比的方法，把收集的语料进行研究分类，找出其中的规律。可以说，归纳对比的方法是语言研究的基础，也是语言描写不可缺的方法之一。但对尚未进入语言体系的潜性偏离的研究，对比描写的方法有其一定的局限性。因为它所面对的是潜性的语言材料，很难用归纳法对其进行分类。而在归纳法的基础上，以科学理论为指导，运用演绎法构拟其演变的轨迹，是符合语言研究科学性的原则的。

主要参考书目

沈家煊，《不对称和标记论》，江西教育出版社，1999年；
王希杰，《修辞学通论》，南京大学出版社，1996年；
何伟棠，《王希杰修辞学论集》，广东高等教育出版社，2000年。

SUMMARY

Symmetry – a regular pattern in the objective world, is relative in linguistic world. This article induces different types of existent asymmetry in orientation antonyms, taking the system of existence and potential, symmetry and asymmetry as theoretical direction. On this basis, article moderately develops the space for potential asymmetry in orientation antonyms and forecasts the track of development and evolution between existent and potential orientation antonyms.

Цзэн Сянси, г. Ухань
曾祥喜

当代汉语词语变异的几个重要表征

改革开放推动中国以前所未有的速度向现代化迈进，社会各个层面都发生了急剧而深刻的变化，中国社会进入了全面转型时期。随着中国社会的转型及现代化趋势，汉语词语也表现出符合时代特色的特点。

一、简缩词语的大量出现和广泛应用

现代社会是一个追求效益的社会，以最少或最小的投入获得最大的产出成为现代人的共识。简缩词语反映了当代社会经济效益原则。从客观现实看，这和我国生活节奏加快、人们迫切需要提高信息传递的速度和质量有关。

从语言内部发展规律上看，简缩词语符合“语言经济”原则。简缩词语大量产生与语言的经济机制有关。

二、大量词根或词语呈现词缀化现象

现代社会是一个集约化的社会，大规模的批量生产成为现代社会的特征。在汉语语词上，同样具有这种倾向，即词语词缀化现象日渐明显。汉语词语词缀化是指某些作为词根的语素语义发生一定程度的虚化，正逐步具备较多词缀的功能，同时，汉语语汇体系中以这种类词缀派生而成的词越来越多。目前，许多原先作为具有实在意义的语素或词语义发生了一定程度的虚化，并构成大量新词，如“大~”、“超~”、“软~”、“高~”、“~风”、“~热”、“~户”、“~族”、“~感”、“~难”、“~券”、“~肉”、“~酒”、“~消费”、“~商品”、“~市场”、“~现象”、“~文化”、“~工程”、“~意识”、“~效应”、“~经济”、“~资源”等等。

三、字母词逐渐融入汉语系统

现代社会是一个国际化的社会，全球化、国际化成为当代社会的必然趋势。汉语词语中许多的外来成分体现出汉语的开放性与包容性，也表现出汉语作为一种生命力旺盛的语言应有的活力。随着世界范围的现代化浪潮，世界化趋向日益明显，世界范围内的生产社会化、商品化表现打破了国与国的界限，在不断扩张的现代生产力强大的作用下，国际市场形成并迅速发展。国际经济一体化使新词语中外来形式日益增多，这主要表现在两个方面：

普通词语中字母词大量增加。如：“CEO（首席执行官） WTO（世界贸易组织） QCM（全面质量管理） ISO（国际质量认证体系） CIS（企业识别系统） EMS（全球特快专递） POP广告 VCD DVD MTV DJ E-mail NBA SOS儿童村 UFO SIM卡”等。

外来形式的字母商标成为我国商界一道独特的风景线。我国国产商品商标从 90 年代开始也逐渐国际化，国产商品商标命名由过去汉语拼音拼写商标名称的传统形式改为采用外来字母词语。有的音译中文商标名称，语音相近而意义不相关联，多为创造的新词语。有的是意译中文商标名称，语义相关而语音无关，多利用英语固有词语。还有的音译兼意译中文商标名称，既注重语音上相近，也注重意义上的关联。其中一类是利用英语固有词语，另一类是创造新复合词。

四、词义表面化倾向

现代社会是一个快节奏、简单化的社会，现阶段有相当数量的新词语能“望文生义”，表义直接了当，体现出词义表面化倾向。在快节奏的社会生活中，人们往往使用最简单的 1＋1＝1＋1 的办法来创造使用新词语，即词素义＋词素义＝词语义。

现代科技的发展，许多专门用语（专门术语、行业词语）社会化，其中相当一部分是通过词义表面化实现的。一方面，由于语言系统本身的不足和日益发展的语言交际需要的矛盾，专门用语通过借用，实现词义泛化，另一方面，随着知识经济时代的到来，知识地位随之提高，科技用语越来越多地进入生活领域，专门术语、行业词语词义从专业化层走向社会化层，有相当数量的新义能够从词面义推演出来。

外来词语“意化”也表现出词义表面化倾向。现阶段，在吸收外来词语时更加重视汉语语素的表意作用，通过汉语语素意义，来表达外来词语的意义，突出表现在：

选用音意兼备的汉语语素（或说汉字）翻译外来词语。

外来音节语素化也加剧了词义表面化。近年来，吸收外来词另一个突出现象就是音节语素化，将无意义的音节意化为有意义的音节。

广告中成语活用仿用启用词面义也体现出词义表面化。当前广告中活用仿用成语，以其词面义来表达广告诉求，它们与广告的定位、商品的特征、广告受众心理等结合起来，堪称当代广告语言的一大特色。广告中的成语有的虽不改变成语俗语各组成部分，但已不再使用其整体意义，而直接启用成语俗语某些语素的语素义。也有一些广告中的成语改变了部分语素，通过谐音、反义的手法仿用成语，仿用部分成为广告的诉求点，仿用部分使用语素义。

Чжан Цзюньсян, гНанкин
张俊翔，南京

汉俄语报纸语言研究浅析

报纸自数百年前诞生发展至今，已经成为普及面最广、影响力最大的大众传播媒体之一。随着新闻传播学、语言学以及其它人文、社会和自然学科在 20 世纪的迅猛发展，世界各国学者对报纸的研究逐渐呈现出多角度、多层次、多侧面、全方位的特点。经过长期的潜心钻研，中国和苏联（俄罗斯）学者在汉俄语报纸语言问题的研究领域取得了丰硕的成果。本报告拟就汉俄语报纸语言研究的传统、角度、方法和发展趋势做简略的比较性概述，希望对汉俄语报纸语言的对比研究的开展有所裨益。

首先需要指出，本文所依据的主要是中国学者对汉语报纸以及苏联（俄罗斯）学者对俄语报纸进行研究的成果。由于作者自身科研能力的欠缺，加之受到时间、精力等诸多因素的限制，本文未能从更广泛的视角来考察汉俄语报纸语言研究的问题，我们期待这一不足能够在今后的研究中得以弥补。

1. 汉俄语报纸语言研究的传统

学者们一般把 19 世纪鸦片战争前后各国传教士在中国创办的一批中外文报刊视为中国近代新闻事业的开端，而把戊戌变法时期维新派报刊政论先锋们的实践和理论探索视为开创近代中国报纸语言研究先河之举。谭嗣同所著的《报章文体说》一文和梁启超的白话政论作品是推动报纸由文言向白话转变的催化剂。“五四”运动、国内革命战争和解放战争时期，中国的报纸语言研究处于不自觉的零散状态，它与不同政治时局下新闻创作的规范问题密切相关。新中国成立以后，中国共产党和政府把报纸和杂志等印刷媒体视为重要的宣传阵地，报纸语言的研究旨在更好地为政治宣传服务，探讨报纸语言问题的出发点大多停留在如何使报纸更好地起到宣传喉舌的作用这一指导原则上。主张报纸“用词要准确生动、语句要简洁形象、语体要为人民大众所接受”的空泛呼声在很大程度上代替了具体的考量。从学科归属上看，这一时期报纸语言的研究从属于新闻传播学的基础学科——新闻写作学的范畴，提高报纸记者的写作技巧是其直接目的。20 世纪 70 年代末期以来，改革开放政策的实行和市场经济体制的推广为中国的大众传媒提供了千载难逢的历史性机遇，中国报业步入了发展的快车道，报纸语言研究也逐渐突破了新闻写作学的藩篱，语言学理论的全面介入使其理论视点更加丰富，涉及范围更加广泛，具体方法更加多样，涌现出了一批专题学术论文、科研著作和硕、博士论文。孙世恺、蓝鸿文、李元授、白丁、段业辉等人大力倡导建立语言学的分支学科“新闻语言学”，把报纸等大众传媒的语言作为专门对象做系统研究。

苏联时期，当局非常重视报纸在舆论宣传中的作用。在苏共和苏联政府关于新闻出版事业发展的多项纲要中都有专门的段落或章节论及报纸语言，它们通常把报纸语言表述的可接受性与宣传效果的好坏直接挂起钩来。很长时期之内，苏共和苏联政府的要求和指示是苏联报纸语言研究领域的指向标，“如何使报纸语言更有效地作用于人民群众”——这是当时众多苏联学者关心的焦点，这一时期苏联的报纸语言研究带有很强的政治导向性。

与汉语报纸语言研究长期从属于新闻写作学不同，苏联（俄罗斯）的报纸语言研究具有很强的语言学传统：一方面，从 20 世纪 20 年代开始，以 Г. О. Винокур、К. И. Былинский、Д. Э. Розенталь、В. Г. Костомаров、В. А. Алексеев, И. В. Толстой, Г. Я. Солганик 等人为代表的语言学家就致力于探

究报纸语言在俄罗斯标准语以及大众传媒体系中的地位、报纸语言的特点和功能等一系列理论问题；另一方面，大量研究者以语言学理论为指导，以报纸作为语料，对语言层次和语言单位这个现代语言学的基本问题进行深入探讨。同时，学者们强调研究成果在教学和新闻实践中的运用。莫斯科大学新闻系俄语修辞学教研室多年来就一直主张报纸语言的理论研究和新闻专业教学的并重，该校语文系的大众传媒语言中心在把国内外语言学领域的最新科研成果运用到报纸语言研究当中的同时，强调报纸语言对培养报纸从业人员文字修养和大众语言素养的重要作用。«Журналистика и культура русской речи» 等杂志和各种以大众传媒语言为主题的学术研讨会为研究俄语报纸语言的学者和工作在报业第一线的记者编辑提供了沟通和交流的机会。

2. 汉俄语报纸语言研究的角度和方法

1/ 利用报纸语料印证语言发展的进程

在探究现代汉俄语的动态规律时，各种报纸往往是重要的语料来源，这是因为：作为提供社会信息的一个主要渠道，报纸已经融入到了现代人的工作、学习和生活当中。人们日常阅读报纸的过程也同时是接受作为信息载体存在的报纸语言的过程，人们的言语系统也因此受到报纸语言潜移默化的影响。同时，报纸是现实生活中生动鲜活的语言现象忠实的记录者，它涵盖生活中使用的各种言语形式，体现时代特征，反映社会风貌。此外，报纸的印刷品特质使其便于存放和查阅，它也因此成为语言研究较为理想的介质。应该指出，从这个角度出发所进行的探讨重点并不涉及报纸语言自身的特点及其内部的语体修辞差异等问题。因此，从严格意义上说它并非属于报纸语言的专门性研究。

词汇是最活跃的语言要素，新词以及词的新用法总是集中地在报纸等媒体上与受众见面，而过时的、陈旧的词语及其用法在很大程度上也是因为逐渐被上述媒介淘汰而退出大众使用的积极词汇行列。因此，报纸词汇的使用情况历来都是学者们集中观察的对象。近年来汉语语言学界的一个热点研究课题便是汉语报纸的流行词语，中国新闻技术协会、中文信息协会、北京语言文化大学等单位的研究人员每年都利用计算机技术，对中国数家主流报纸一年的语料进行统计分析，并评出年度中国报纸流行词语。北京语言大学张普教授主持的中国教育部科学技术研究重点项目《报刊词汇动态词表研究》则对汉语词汇学和汉语辞书的编纂具有重要的现实意义。再如，俄罗斯转型时期涌现出了大量新词，对它们的研究依靠的往往是报纸等大众传媒的语言材料。除了词汇之外，报纸语言的词法、句法等现象也是研究语言发展规律的重要语料。Н. Ю. Шведова 在 1966 年出版的《Активные процессы в современном русском синтаксисе》一书便把报纸材料作为说明俄语句法系统发展趋势的依据。

2/ 对报纸语言总体状况的历时和共时研究

在归纳报纸语言的基本特点时，中国和苏联（俄罗斯）学者都注重从历时角度出发，结合各个时期的社会背景，揭示报纸语言发展的整体规律。例如，段业辉以唐朝开元年间至鸦片战争前后、鸦片战争至辛亥革命、五四运动时期、现代战争时期、中华人民共和国成立至文化大革命结束、改革开放时期为时间界限，纵向分析了汉语报纸语言在不同历史阶段所呈现出来的主要特点（段业辉：1999，3-12）。Г. Я. Солганик 则按照十月革命前、十月革命后至 20 年代末、30 年代至 80 年代初、1985 年至 1991 年、90 年代至今的顺序对 20 世纪俄语报纸语言的规律做了详尽论述（Солганик：2002，39-53）。

共时考察是汉俄语报纸语言研究的主流方法，这种方法的侧重点之一便是对某一时期报纸语言的特点和功能进行总体分析和把握。大多数中国和苏联（俄罗斯）报纸语言研究者认为，当代汉俄语报纸语言具有通用具体、通俗易懂、简洁客观、富于形象性、情感性和评价性等特点，以及传递信息、宣传教育、影响感染读者等功能（蓝鸿文、马向伍：1989；郭熙：1991；李元授、白丁：2001；段业辉：1999；Винокур：1929；Костомаров：1971；Розенталь, Солганик：1977；Язык：1980）。

3/ 从修辞学角度考察报纸语言

修辞学是“研究在交际活动中如何提高语言表达效果的规律规则的科学”（王希杰：1996，32）。如果电视、广播等传媒是综合运用语言、图像、声响等手段来完成交际活动，那么就报纸而言，语言表达的效果则直接决定了“记者——报纸信息——读者”这条交际活动链运作的效果。因此，修辞研究是考察报纸语言不可或缺的重要途径。研究者从这一角度出发探讨的主要问题包括：

第一：报纸语言的规范问题

要使人数众多、构成复杂的读者能够普遍接受报纸所传达的信息，其语言就应该符合标准语的基本规范；同时，如上所述，报纸中的许多语言现象都是当代语言动态发展的直接体现。因此，修辞学讨论的报纸语言规范问题就是一方面要遵守既成规范，另一方面又要充分利用语言系统的机制发展创新的问题，或者说就是寻求报纸语言在相对的规范与绝对的发展之间保持平衡的理想状态问题，这一问题属于实践修辞学的研究范畴，其核心是研究报纸词汇、语法和语义的同义表达方式，澄清分歧和混乱的语言现象。李元授、白丁在《新闻语言学》一书中详细讨论了汉语报纸语言中词汇、语法规范化的标准、原则和内容；苏联学者从 20 世纪 20 年代开始就很重视报纸语言的规范问题：Я. Шафир 在《Газета и деревня》中讨论了报纸用语与普通读者特别是农村读者日常用语之间的差异，М. Гус, Ю. Зарорянский 和 Н.

Каганович 所著的《Язык газеты》着重分析报纸句法结构的规范性。К. И. Былинский 的《Практическая стилистика языка газеты》以及 Д. Э. Розенталь 的《Практическая стилистика русского языка》等都是俄语报纸语言规范性研究的重要成果。近年来，随着汉俄语报纸涌现出大量俗语、行话、外来词、古词、新词、口语句式和文字游戏，学者们对报纸规范性的研究侧重于研讨上述语言现象在报纸中运用的尺度等问题。

第二：报纸语言的功能语体问题

由于交际环境、交际目的和交际对象的不同，在人类语言实践中形成了一系列功能变体，简称语体。20 世纪修辞学发展的重要标志便是对文学艺术、科学技术、报刊政论等语体的深入分析。对报纸语言功能语体的考察存在不同的视角，其中最普遍也最有效的便是从言语修辞的角度对报纸体裁进行分类描述。报纸体裁系统是在报纸新闻实践过程中受多种因素的综合影响而形成的体系，语言因素在其中占有举足轻重的地位。报纸语言研究者以这一体裁系统为基础，结合功能修辞学和篇章语言学的有关概念，推出“报刊政论语体——报纸言语体裁——语篇”的三层垂直结构。他们或者自下而上，从具体语篇出发，归纳各语言单位在不同言语体裁中运用的特点和功能，进而为揭示报刊政论语体的总体特征提供依据（孔衍杞、郑旷：1992；罗远林：1994；Солганик：1970）；或者自上而下，把归纳出的现有言语体裁的特点放到具体语篇中去验证，并结合言语体裁的动态发展对其作相应的补充和更新（Публицистика：2000；Стилистика：1981）。

按照言语体裁分析报纸语言，一方面可以细化标准语规范在不同言语体裁中表现出的异同点，把对报纸语言规范性问题的讨论进行得更加具体，更加有针对性；另一方面又能结合报纸语言发展的趋势，研究报纸语言“民主化”进程对报纸言语体裁系统的影响，为探讨报纸语言个性化、“作者形象”的突显等问题创造条件。

4/ 报纸语言的跨学科研究

当代各门学科的发展表现出了较强的综合化特征。处于新闻传播学和语言学边沿的报纸语言研究也侧重于对研究对象进行跨学科的全方位考察。它与从属于新闻传播学的新闻采访、新闻写作、新闻编辑、公共关系等事务性科目结合，为报纸从业人员提供语言运用的理论指导（桑义磷：1999；Лащук：2003）；同时，随着语言学与相关学科的交叉发展，出现了众多的语言学分支学科，例如语篇理论、社会语言学、心理语言学、数理语言学、计算语言学等等，汉俄语报纸语言的研究也大量涉足上述领域，例如：

第一：广泛运用语篇理论阐释报纸语言现象

20 世纪 60、70 年代，语言学领域出现了从描述各个语言层次到分析语篇组织的转向。吸收了结构语言学、功能语言学、语用学、信息学以及行为

科学等学科研究成果的语篇理论得到快速发展。苏联（俄罗斯）学者也开始运用语篇理论来研究报纸语篇的组成单位、衔接手段、主题表达方式、情态性、言语结构等问题（Майданова：1987；Коньков：1995）；以俄语报纸语篇为题的副博士、博士论文数量众多，内容覆盖面广，其中，А. И. Мамалыга 的《Закономерности системно-структурной организации публицистического текста》、М. Р. Проскуряков 的《Концептуальная структура текста: лексико-фразеологическая и композиционно-стилистическая экспликация》和 Э. В. Чепкина 的《Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000)》等博士论文对于语篇理论的发展和报纸语言的研究具有重要意义。目前，俄罗斯学者对俄语报纸语篇的研究正在向纵深方向发展。在中国语言学界，语篇长期以来局限在文章学的研究范围，独立的语言性语篇研究起步较晚。近年来，随着国外现代语言学理论的引进，不少研究者对报纸语篇产生了浓厚兴趣，研究成果不断问世。但就整体而言，汉语报纸语篇的研究还处于开始阶段，目前关注较多的只是报纸语篇的段落与意义表达之间的关系，段落的衔接手段，整个语篇的语言布局等基本问题（段业辉：1999），研究方法还有待改进，研究内容也有待深入。除了上面提到的报纸语篇的生成问题之外，对其的理解和接受也是语篇理论关注的焦点。学者们从认知的角度考察对报纸语篇的理解和接受，采用的方法包括实验、模型、推理等等，成果颇丰（鲁忠义、彭聃龄：2003）。

第三：报纸语言研究的社会语言学视角

正如 Г. Я. Солганик 教授指出的那样，语言学研究在 20 世纪完成了由微观（研究语言内部构造体系）向宏观（探寻作为整体结构的语言与社会、文化、物质生活、精神生活等的相互关系）的转变（Солганик：2000，31）。社会语言学正是在这一转变过程中形成的新兴科目。作为一种特殊的言语交际形式，报纸是语言在社会交往中行使其功能的重要领域之一。因此，报纸语言问题成为社会语言学的研究对象绝非偶然。70-80 年代，苏联学者 С. П. Трескова、И. П. Лысакова 的《Язык газеты: социолингвистический аспект》等数部著作奠定了从社会语言学的角度研究俄语报纸的基础，1984 年苏联科学院语言所出版的《Язык и массовая коммуникация: социолингвистическое исследование》一书较为全面的展示了该时期运用社会语言学理论研究报纸语言的成果。20 世纪 90 年代以来，社会语言学更多地关注社会文化与语言的互动关系，出现了 С. И. Сметанина 的博士论文《Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века)》等一批著述。在中国，社会语言学的蓬勃发展始于 20 世纪 80 年代中期，社会语言学的领域、对象和方法刚刚确立，社会语言学与新闻语言（包括报纸语言）研究的关系尚未完全明确，例如，陆

俭明在为段业辉《新闻语言学》一书所作的序中认为新闻语言学从属于社会语言学的范畴，此种划分是否得当，我们认为值得商榷。

3. 汉俄语报纸语言研究的发展趋势

1/ 在多媒体环境下对汉俄语报纸和其它媒体的语言进行对比研究

在中俄学者以往的著述中，对报纸语言与期刊、广播和电视等其它传统大众媒体语言之间的异同点已经有所涉猎（Язык：1984，60-77），但着笔还不多，论述也不够透彻，不同传媒的语言共性和个性有待进一步揭示。目前，随着互联网络在全世界范围内的迅猛发展，大众获取信息的途径趋向多元化，报纸、期刊、广播和电视等媒体之间的界限在网络平台上逐渐消失，新闻传播的一体化进程大大加快。与此相适应，各种传媒在语言运用上出现了不同程度的融合。因此，无论是研究汉语报纸语言还是俄语报纸语言，都不应该固守传统的单向研究模式，而需要把它置放在多媒体环境下加以考察。对各媒体的语言进行定量和定性的比较将有助于把多媒体环境下的大众传媒语言研究展成为跨学科的独立科研方向。

为了迎合广大读者不断变化的阅读习惯，众多汉俄语报纸纷纷推出其网络版，根据不完全统计，在中国已经有近 400 份报纸拥有网络版。由于语言载体和受众群特性的差异，印刷版与网络版报纸在语言使用上差异显著，这也应该引起报纸语言研究者们的足够注意。

2/ 新闻传播的全球化促进汉俄语报纸语言的对比研究

在当今所谓的全球化浪潮中各国媒体的交流日益频繁，沟通速度大大加快。美联社、路透社、新华社、塔斯社等全球主要通讯社提供的新闻被不同语言的各种媒体随时采用和播发。在这样的条件之下，各国报纸在材料来源、编辑方式、语言模式等方面都出现了一定程度的趋同化。В.В.Виноградов 早在上世纪 60 年代初就指出，包括报纸在内的不同语种媒体在语言风格上存在近似之处（Виноградов：1961，5），然而，截至到目前，对于汉俄语报纸语言的共通性问题尚未有专门著述出现。同时，由于语言使用者文化背景、民族习惯、思维方式和生活环境等方面的差异，汉俄报纸在语言表达方式、文章结构安排及文体风格上都各有其独特性（姚里军：2002）。对于形成上述差异的理论根源的探索，以及对于差异具体体现的分析均值得着墨。

主要参考书目

段业辉，《新闻语言学》，江苏教育出版社，1999 年；
孔衍杞、郑旷等著，《新闻修辞》，长征出版社，1992 年；
郭熙，《试论新闻语言的基本特征》，（《南京大学学报》）1991 年第 4 期；
蓝鸿文、马向伍编著，《新闻语言分析》，中国物资出版社，1989 年；

罗远林，《新闻修辞研究》，辽宁师范大学出版社，1994年；
李元授、白丁，《新闻语言学》，新华出版社，2001年；
鲁忠义、彭聃龄，《语篇理解研究》，北京语言大学出版社，2003年；
桑义磷，《新闻报道学》，杭州大学出版社，1999年；
王希杰，《修辞学通论》，南京大学出版社，1996年；
姚里军，《中西新闻写作比较》，中国广播电视出版社，2002年；
Виноградов В. В., «Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры», «Вопросы языкознания», 1961, №4;
Винокур Г. О., «Культура языка». – М., 1929;
Коньков В. И., «Речевая структура газетного текста». – Спб., 1995;
Костомаров В. Г., «Русский язык на газетной полосе» (Некоторые особенности языка современной газетной публицистики). – М., 1971;
Лащук О. Р., «Принципы и приемы редактирования материалов информационных агентств», Автореф. дис. ...канд. филолог. наук. – М., 2003;
Майданова Л. М., «Структура и композиция газетного текста: Структура выразительного письма». – Красноярск, 1987;
«Публицистика и информация в современном обществе», под ред. Г. Я. Солганика, М., 2000;
Розенталь Д. Э., Солганик Г. Я., «Изучение языка и стиля средств массовой информации и пропаганды (Итоги, задачи, проблемы)», «Вестник Московского университета». Сер. 10, Журналистика, 1977, №5;
Солганик, Г. Я., «Стиль репортажа». – М., 1970;
Солганик Г. Я., «О закономерностях развития языка газеты в XX веке», «Вестник Московского университета», Сер. 10, Журналистика, 2002, №2;
Солганик Г. Я., «О новых аспектах изучения языка СМИ», «Вестник Московского университета», Сер. 10, Журналистика, 2002, №3;
«Стилистика газетных жанров», под ред. Д. Э. Розенталя. – М., 1981;
«Язык и массовая коммуникация: социолингвистическое исследование», под ред. Э. Г. Туманяна и др. – М., 1984;
«Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды», под ред. Д. Э. Розенталя, М., 1980.

SUMMARY

This report is devoted to a comparative analysis of the language research of Chinese and Russian newspaper. It reviews some traditions in studying the language aspect of Chinese and Russian newspaper, and describes its general methods. It also tries to point out some tendencies of the language research of Chinese and Russian newspaper in the context of the multimedia and Internet development.

У Тепин, Пекин
伍铁平

表示 *orange*（橙、柑）类的词的词源和地理分布
（对舒马赫文的答复和补充）

论文提要

本文考察了世界上 40 多种语言中表示“柑橘”类水果的词的词源和地理分布，发现这类词可分为三大系列：（1）同 mandarin（橘子）和 Aflelsine（橙子）有词源关连的一系列词归根究底都同中国有关，反映了这类水果产于中国，向世界传播的历史；（2）同 orange（柑橙类）有词源联系的词归根究底都溯源于梵文，反映了印度是这种水果的产地；（3）巴尔干半岛及其附近的不少语言都用 portakal 及其同源词表示“柑橙类”水果（这是典型的“语言联盟”现象），可能源于葡萄牙国名。本考察表明，语言词汇的地理分布同亲属语言在世界上的分布一样，并非杂乱无章，而是有一定的规律的有序现象；在同一系列的词中，不同语言的词往往仅前缀或后缀或（和）词尾略有不同而已。这种现象对学习和讲授多种语言的人提供了极大的方便。

（一）

承蒙舒马赫博士好意，写了一文纪年我的生日并在文末提到拙文《语言词汇的地理分布》。该文中文原文刊《中国社会科学》1984年第6期，探讨了世界主要语言中表示“书”、“纸”、“糖”、“同志”（“同伙”）、“货物”等概念的词的词源并附有地图，说明这些词在世界分布的情况。该文的英译文刊该刊的英文版 1984 年第 6 期。舒马赫文中提到的 LOSP 专号第 1 期刊登了该文英译文的部分内容（探讨了“书”、“纸”、“糖”）。《山东外语教学》1988年第1-2期连载了拙文《从外语词汇看我国对世界文化的贡献》（上、下），探讨了外语中表达“中国”的词（其中谈到拉丁语的 sericum[丝]同 Sēres[塞里斯国，即中国，即产丝之国]的词源联系），表示“丝”、“瓷”（器）、“菽”等词的词源并附有地图，说明这些词在世界分布的情况。该刊（上）刚好谈到多种语言中表示柑桔的词的历史和词源。现将该文的有关部分（约 500 字）扩充成约 5,000 字的文章，个别地方引用了该文（个别脚注略）。

我国是柑橘的老家，有 4,000 多年的栽种历史。据《尚书·禹贡》记载，在夏禹时代，便有人种橘、柚、枳。《说文解字》已收“橘”、“橙”、“柚”等词。日语的???（蜜柑，即橘子）、???（柑橘）、???（柚子）、朝鲜语的 mil kam（蜜柑），越南语的 cam（柑、橙）都借自汉语。公元 16、17 世纪柑橘才传入欧美，这在英、法、德、俄、乌、保语中都有

反映。英语的 mandarin 本指“满清官吏”，Mandarin 指“中国官话”，因为西方人接触的中国最早的官吏是满清人和当时北京的官话。袁家骅教授认为 mandarin 可能同“满人”有词源联系。由于满清皇朝的龙袍是黄色的，由此 mandarin(e)引申指黄色的“柑橘”。Mandarin(e)在《英华大辞典》中注为“中国柑橘（树）”在《远东英汉大词典》注为“橘”；该词典对 mandarin orange 的释义也是“橘”；该词典对 orange 的释义是“橘柑”、“橙”，但对 orangeade 的释义却是“橘子水”。《英华大辞典》对 orange 的释义是“橘”“香橙”“橙”“柑橘类”；对 the king of orange 的释义是“柑”，对 the loose skinned orange 的释义是“橘”，对 the mandarin(e)[或 tangerine] orange 的释义是“中国柑橘”。美国著名汉学家 J.DeFrancis（自取中文名“德范克”）主编的《汉英辞典》（汉语大词典出版社，1998）对“橙子”的释义仅注 orange 一词。H.C.Wyld 编的《The Universal Dictionary of the English Language》（1956）对 mandarin（欧洲人对中国文武官员的称名、中国官话）的释源是“来自葡萄牙语 mandarin（满清官吏，中国官话）〈马来语〈印地语 mantri〈梵语 mantrin（顾问）”；对 mandarin(e)（柑橘）的释源是“从中国官员黄袍的颜色得名……，北非也种植”，因此“柑橘”在英语中也称作 tangerine（Tangerine 指“丹吉尔人”——伍注）。在葡萄牙语中“柑（,）橘”（括弧内的逗号表示既可合称“柑橘”，也可单称“柑”“橘”，下同）也称作 tangerina。

法语和德语的 mandarin（德语 m 要大写）指“满清官员”，mandarine（德语 m 大写）指“柑（,）橘”、“柑橘”。俄语、乌克兰语、保加利亚语的 мандарин，白俄罗斯语的 мандарын（柑、橘）的词源同上。

波兰语的 mandaryn 指“满清官员”，但是表示“柑橘”时要加后缀-ka，即构成 mandarynka；

表示“柑橘”的词捷克语也是 mandarinka，但斯洛伐克语和塞尔维亚-克罗地亚语却是 mandarina。

俄语、乌克兰语的 апельсин，白俄罗斯语的 апельсін 义均“橙子”。莫斯科大学出版社 1963 年出版的 H.M.尚斯基主编的《俄语词源词典》第 1 卷指出：俄语的 апельсин 最早以 апелсин 的形式出现于《彼得大帝的信札和文件》（1702–1703 年间）中；1806 年出版的《俄罗斯科学院词典》已指出该词借自荷兰语。德国著名的语言学家 Max Vasmer 编的《俄语词源词典》（海德堡，1950–1958）对该俄语词作了如下的探源：“апельсин 借自荷兰语 appelsien（荷兰语的 sinaasappel[其理据也是“中国的苹果”]也表示“橙子”）。该词同现代高地德语的 Apfelsine，低地德语的 appelsine，现代高地德语的 Chinaapfel, Sineser Apfel（构词理据都是‘中国[的]苹果’——伍注）都是法语词组 pomme de Sine（‘橙子’，字面翻译是‘中国的苹

果[1]）的义译词。橙子是葡萄牙人 1548 年从中国引进的。”上列各词（组）中的 Sine（中国）也见于 Sinologie（汉学），Sinolog(e)（汉学家）（西方许多语言中均有此词）。G.Wahrig 主编的《德语词典》（1972）对 Sin-的探源是：“来自希腊语 Thinai<印地语 Cina<秦”。

上引词中的 апель-, appel, Apfel 都是英语 apple（苹果）的同源词（素）。哈萨克语、乌兹别克语、维吾尔语都借入了俄语词 апельсин（“橙子”；但 апельсинный сок 中却指“橙子汁”；通常，俄语中用 мандарин 表示“橘子”）。维吾尔语、哈萨克语也借入了 мандарин, mandarin（橘子）。

芬兰语表示“橘子”的词是 mandariini；表示“橙子”的词 appelsiini 显然借自荷兰语，因为芬兰语中表示“中国”的词是 Kiina。芬兰语中还有一个词 oranssi 也表示“橙子”。瑞典语的 appelsin，丹麦语的 Appelsin 也是借自荷兰语，都是从“中国的苹果”得义。法语的 chinois（糖渍金橘）来自 chinois（中国的）。英语的 cumquat（金橘）借自粤方言。

从以上所述可以看出，多种外语中，表示“柑（,）橘、橙”的词都同表示“中国（的苹果）”有关，从这些词的词源，可以大致追溯出这些水果从中国经过荷兰人之手传至欧洲（或经过北非）的线路。

“橙子”的拉丁学名是“citrus sinensis”。Citrus 是属名，义为“柑橘”，加上形容词 sinensis（中国的）表示种名，即橙子。从这个学名也可以看出橙子产于中国。

王力在其《同源字典》（商务印书馆，1982）第 623 页指出：“〈广韵〉‘柑，木名，似橘’……字体作‘甘’……‘在南称甘，度北则橙’……《博物志》：‘橘柑类甚多，柑、橙、枳皆是’。”由此可见，橘、柑、橙、枳是中国很早就有的果实。

多种外语中来自汉语的表示柑橘属水果的词[2]在世界分布之广可与多种外语中表示“茶”“丝”“瓷”“菽”等的词（多来自汉语）在世界的分布（见上引《山东外语教学》拙文）媲美。

柏拉图说过：“对词的了解，导致对事物的了解”（见法国多种拉露斯法语词典扉页）。研究如何通过词（语言）追溯远古事物（广义）的科学叫做“语言古生物学”（见索绪尔《普通语言学教程》中译本第 131 页，商务印书馆，1986 年）。本文所涉及的是通过词了解词所标示的事物近代在世界范围内的传播情况。研究这一问题的学科迄今还没有一个恰当的名称。当然，可以将它纳入“比较词源学”的研究领域，但是没有反映出词的地理分布；将它纳入“语言词汇的地理分布研究”或“地理语言学”，又没有反映出它对词源的探索。研究这一课题需要有坐冷板凳的精神，要查几十种语言的词典（包括其词源词典，如果有的话）。如果能研究几十个到几百个词

的词源并绘制这些词在世界范围内的传播地图，对世界文化史的研究必将是一大贡献。就我所见到的文献而言，似乎还没有人做过这项有意义的工作。C.D.Buck 编的《主要印欧语精选同义词（实际上指表示同一概念的词，且多为同源词——伍）词典——为概念史研究撰稿》（芝加哥大学出版社，1988）可说是上述大工程的有限的组成部分。

（二）

从上面的叙述可以看出，柑橘属的多种水果在汉语和外语中用什么词表示，往往存在严重的模糊性，即界限不是很分明的。香港中国语文学会会长姚德怀先生为此在港刊《词库建设通讯》第3期（1994年3月号）发表了一篇有意义的文章《橙、柑、橘、枳》。文章一开头就谈到："会员之间闲聊，曾多次谈及橙、柑、橘的异同，但是每次总是没有结论……今年春节前，又有会员提起这个问题，（我）于是下定决心，查一查工具书，这里先把资料整理如下表（表略）"。从表中可以看出，同属 Citrus Sinensis（中国柑橘）的水果有橙、柑、橘子，orange；同属 Citrus reticulata（交叉形的柑橘属）也有柑、橘，mandarin, tangerine。在拉丁语中 citrus 表示：1）柑橘（属）树；2）枸橼（《现代汉语词典》注明即"枳"）；3）柠檬；4）citrus 后加 grandis（大的）则表示"柚子"（在汉语有的方言中称"文旦"）。该表中印了一句古话："橘逾淮而北为枳"，跟王力《同源字典》中上印的"在南称甘"（即柑），度北则'橙'迥异。《现代汉语词典》对"柑橘"的释义是："果树的一类，指柑、橘、柚、橙等"；对"橘柑"的释义是"〈方〉橘子"。这些问题涉及植物学、词对客观现实的切分（segmentation）或"范畴划分"（categorization）的问题，也涉及词义的模糊性等问题，它同英语的 rose，俄语的 роза 既表示"蔷薇"，又表示"玫瑰"、"月季"；英语的 plum 既表示"李子"、"梅子"，还表示"葡萄干"同属一类性质的问题，研究这些问题已超出本文的范围。

（三）

从本文可以看出，表示柑橘类水果的词有两大来源：（1）与 orange 有词源联系的词归根究底来源于印度；（2）与 mandarin, Apfel-sine 有词源联系的词中，Apfel, apple（苹果）词源不明（见上引 Wyld 编的英语词典）或可能来自意大利的地名（见 C.T.Onions 主编的《牛津英语同源词典》，1982），其他词（素）归根究底都同中国有关。从这里我们可以看出东方古老的两大国家对世界文明的贡献。

表示柑橘类的词还有第三系列的同源词：土耳其语的 portakal，希腊语的 portokali[3]，罗马尼亚语的 portacala，阿尔巴尼亚语的 portakale，保加利亚语的 портокал。罗马尼亚、土耳其的部分领土和阿尔巴尼亚、保加利亚、希

腊都位于巴尔干半岛，语言词汇相互影响和借用。阿富汗与乌兹别克虽然与巴尔干半岛非毗连，但相距不远，所以阿富汗语 potukal，乌兹别克语 purtahol（义均“柑橘类”）也同属该系列。由于我在北京找不到上述语言的词源词典，所以无法断定这些同源词的借入源头和线路。巴尔干半岛上的诸语言由于相互影响，不仅拥有类似上述例子所显示的相同的词汇，语音和语法上也有一系列共同的特点。这种现象叫“语言联盟”（Sprachblund）最典型的例子就是巴尔干语言联盟。

（四）

从本文还可以看出，任何语言在构词时都要借助本语言或外语[4]中的已有的词或词素[5]，从心理学角度分析，就是都要借助于词在音义两方面的联想。因此，在我国（含香港）有个别语言学界的外行人说，只有汉语汉字的构成中才充满联想，并以此作为汉语汉字的所谓优越性的一条根据，贬低其他语言和文字，这是何等幼稚可笑。

注释：

1。法语中表示“土豆”的词组是 pomme de terre（字面翻译是“地里的苹果”），表示“西红柿”的词组是 pomme d'amour（字面翻译是“爱情的苹果”），表示“松果”的词组是 pomme de pin（字面翻译是“松树的苹果”）。意大利语中表示“苹果”的词也是 pomo，表示“西红柿”的词 pomodoro 或 pomidoro（来自 pomo[或 pomi] d'oro。oro 的意义是“黄金”“金黄色”，字面意义是“金黄色的苹果”，即从西红柿的颜色得名)。俄语的 помидор（西红柿）借自意大利语的 pomidoro。德语 Pommes frites [pomfri]（油炸土豆条）来自法语：pomme(s)是 pomme de terre 之略语，frit 在法语中义为“炸的”，单说 frites 在法语俗语中也表示“油炸土豆条”。德语中的 Pomeranze（酸橙）来自意大利语 pomorancia，后者由 pomo（苹果）和 arancia（橙子，见注 2）构成。从上述比较中我们可以看出比喻的民族特征和比喻中词义的模糊性质。关于这个问题详见拙著《模糊语言学》，上海外语教育出版社 1999 年初版，2002 年第 3 次印制。

2。另有一系列表示柑橘属水果的词归根究底来自波斯语 naranj（〈梵语 narangas[橙]〉。该波斯语词被借入古法语，变成 arange（）现代法语和英语的 orange）。orange 借入过程中 n 的脱落与 a 变为 o 是因为受法语词 or（黄金）的影响，从黄金的黄色得名（流俗词源）。但在西班牙语中仍为 naranja，在中古意大利语也是 narancia（）现代意大利语 arancia）（见上引 H.C.Wyld 编的词典 orange 条）。匈牙利语中表示“橙子”的词是 narancs，narancsfa。捷克语表示“橙子”的词是 pomeranč，斯洛伐克语表示“橙子”的词是 pomaranč，也许都是意大利语的 pomo（苹果）同古法语 arange 混合

的结果；塞尔维亚-克罗地亚语、斯洛文尼亚语表示“橙子”的词分别是 pomorandza（或 narandža），pomaranča，俄语表示“酸橙”的词是 померанец，三词的词源词素构成同上引捷克语和斯洛伐克语。葡萄牙语中表示“橙子”的词是 laranja，词首的 n 被词中的 n 异化为 l。印地语、印度斯坦语、马来语、阿拉伯语表示“橙子”的词也分别是 narangi, narinji, naranj（未减少排印的困难，将天城体字母和阿拉伯字母转写为拉丁字母）。日语、朝鲜语（韩语）也借入了 orange，分别作？？？，oliən tsi（为减少排印困难，将谚文改写为国际音标）。

3。希腊语用 portokali 表示“柑子”，用 mandarini 表示“橘子”。（为减少排印困难，希腊字母转写为拉丁字母。）希腊语 Portogalia 义为“葡萄牙”，英语和斯洛文尼亚等语言也是用 Portugal 表示葡萄牙。也许上述第三系列同源词由这个国名得名（我未找到书证）。

4。包括人造的世界语。如该语言中表示“橙子”的词是 oranĝo，表示“橘子”、“柑子”的词是 mandarino 或 oranĝo。从这个例子可以进一步看出在有些外语中“橙”、“橘”界限的模糊性质。

5。表示“柑橙”类的水果多半从其味道、颜色、形状或其比喻、产地命名，大半有一定的理据。

Му Шихуа, г. Пекин

论纳西语拷贝型量词的语法化

木仕华

中国社会科学院民族学与人类学研究所

在藏缅语族诸语言中，量词作为独具语法特征的一类语法成分，主要用以“表明中心名词明显的或规定的特征”（Allan 1977）。对量词的界定通常有广狭两说。广义的量词（generalized quantitiers）包括数词、数量词，以及被数词或数量词所修饰或限定的名词和名词短语。狭义的量词仅指具有指称作用或分类作用的具体名词和动态动词。本文所指的量词为后者即 Classifier。与壮侗语和汉语等量词发达的语言相比，藏缅语属量词不发达的类型。藏缅语的量词一般认为都是后起的，且个体量词较多。因此，有的学者认为，原始汉藏语大约也是没有量词的。藏缅语族的藏语支、羌语支、景颇语支的许多语言，至今量词都不怎么发达。故原始藏缅语是没有量词的（孙宏开，1992）。表明藏缅语的量词并非固有的语法范畴，量词的产生和发展是历史演变的结果。而在历史演变过程中，量词最初源于名词和动词。具有指称意义的实词之所以能表达量词的语法功能，则是因为实词经历了从实词演化为具有抽象语法意义的语法化过程。实词转化为量词的语法化现象已引起语言学家的注意。藏缅语内部各语言中的量词的结构类型在共时平面上呈多元化的特征，这在一定程度上为我们寻绎藏缅语量词的历时发展提供了很好的证据。本文以语法化理论为研究框架，对纳西语拷贝型量词的语法化过程作研究，探讨量词的本质及存在的原因及发展轨迹和趋势。以期有助于人们对藏缅语量词的产生和发展的阶段特征的认识。

一、拷贝型名量词的语法化

语法化理论利用旧途径表达新功能的原则，即用实词的概念来解释、描述更为抽象的语法概念。因此，Heine(1991)认为，由源概念进入语法概念的过程可通过几个基本范畴描述，这些范畴依照各自的隐喻（metaphor）抽象程度，呈单向性链状排列：人>物>动作>空间>时间>性质。这种从人到性质的线性排列可以解释左侧的范畴，可以抽象化、概念化其右侧的范畴。具体到量词而言，即由具体意义的词汇到量词的语义迁移过程，使源自实词的语词，如名词语法化为量词后，比名词的本义更抽象，名词的部分语义虚化(bleaching)或弱化（weakening），实现语法功能上的更新和语义的增加，最终发展成为具有完全语法意义的量词。而量词的语法化是一个渐进的历史过程，在此过程中引起语义、语用、形态、句法诸方面的调整或更新。

包括纳西语在内的诸多藏缅语中都不同程度地保留了拷贝型量词结构为我们讨论具体意义的词汇到量词的语义演变和语法化提供了例如：

纳西语：ndʐy^{31} ɲi^{33} ndʐy^{31} 两座山　　dʐi^{31} ɲi^{31} dʐi^{31} 两幢房
山　两　山　　房　两　房
khə^{33} ɲi^{33} khə^{3} 两条河　　mbɯ^{31}ɲi^{33}mbɯ^{31} 两朵花
河　两　河　　花　二　花
phiə^{55} lu^{55} phiə^{33} 四片叶子　ʂər^{33}dɯ^{33}ʂər^{33} 一件事
叶　四　叶　　事　一　事

独龙语：
ŭl^{55} ti^{55} ŭl^{55} 一只手　　mĕʔ^{55} ti^{55} mĕʔ^{55} 一只眼
手　一　手　　眼　一　眼

载瓦语：

jum^{31} lɑ̃^{31} jum^{31} 一户人家 vap^{31} i^{55} vap^{31} 二个房间
家 一 家 房间二 房间

傈僳语： khu^{33} thi^{33} khu^{44} 一个洞 fu^{44} sa^{31} fu^{44} 三个蛋 ko^{44} ɲi^{31} ko^{44} 两座山
洞 一 洞 蛋 三 蛋 山 二 功

阿依语： ɲi^{55} thi^{55} ɲi^{55} 一只眼 phan^{55} thi^{55} phan^{55} 一条腿
眼 一 眼 腿 一 腿

基诺语： tso^{42} thi^{44} tso^{42} 一座房子
房 一 房

藏缅语中的怒语、哈尼语、拉祜语、阿昌语等语言中也不同程度地有上述拷贝型量词，限于篇幅，不一一列举。

殷墟甲骨文卜辞中也有类似藏缅语的反响型量词。如：

羌百羌（《殷契粹编》P190）

玉十玉 同上

人十有六人 同上 一

西周金文中亦有类似的例子。如：

孚人万三千八十一人，……孚牛三百五十五牛，羊卅八羊。

在汉藏语系的侗台语族的泰语、老挝语、临高话、傣语中亦有此种现象，例子从略。在这些数量结构中，名词重复出现在数词的左右，形成，$N_1+N_{量}+N_2$ 的结构形式。因为后一个名词"拷贝"或在语音形式上"回应"前一个名词，所以有的学者称之为"反响型量词"（echo-classifier）（桥本万太郎 1985）。也有的学者认为，这种现象可以码化为"名$_1$数名$_2$"。名$_2$的作用是表示名$_1$所表示事物的计量单位，已具有量词的性质。从发生学的角度考察，名$_2$与名$_1$同形，是拷贝名$_1$而成的，故把名$_2$称为"拷贝型量词"（李宇明 2000）。也有的学者称之为"反身量词"（李永燧 1990）。J.A. Matisoff 则称之为"自动型类别词（量词）"(auto-classifier)(Matisoff,1973:89)。后一个名$_2$的性质是名词还是量词仍有争议。我们以为从语法化的过程来看，将名$_2$视为名词或量词都是两可的。从语法化的事实看，语言演变是在人们日常的语言使用中发生的，是由语用和认知因素引起的。演变都是"A>A/B>B"的方式的渐变过程。语法系统是不稳定的，处在不断的变化和形成之中（沈家煊，2001）。[①]一种语法功能的表达在许多语言中往往可以采取多种语法形式，由于语法形式是一个渐变的连续体，新旧形式并存于共时平面中，表示同一语法功能的多种语法形式并存也就十分合理。反响（拷贝）型量词中的名$_2$兼有名词的实义和量词的性质，恰恰是语法化过程中不足语法化(under-grammaticalization)的典型案例。数词后的名$_2$尽关还不完全是真正意义上的量词，但已经具备了量词的若干性质和特征。语义抽象化已出现端倪，已初步丧失了名词的具体特征，在名$_2$的句法位置上，名$_2$不可能再容许用其它修饰限定成分的修饰、限定。与此相反，同形的名$_1$则仍可以被其它成分如形容词所修饰。如：

mbɑ^{31} ndɯ^{33} mbɑ^{31} 一朵花→mbɑ^{31} ɕy^{31} dɯ^{33} mba^{31} 一朵红花
花 一 花 花 红 一 花
▲ ▲

但不可以是*mbɑ^{31} dɯ^{33} mbɑ^{31} ɕy^{31}
花 一 花 红。
▲ ▲

由此可知，名$_2$在量词的句法位置上，已失去了它作为名词时所具有的句法的自由性。

① 参见沈家煊先生为《语法化学说》（Grammaticalization）一书所写的"导读"，外语教学与研究出版社、剑桥大学出版社，2001 年，第 F26-35 页。

故对名$_2$的性质的认识，不能简单地认为是数词前面名$_1$的重复。桥本万太郎（1977）也指出N_1+Num+N_2中的N_2不应该被认为是名词而是量词。它只能处在数词之后的句法位置上，成为较固定的语法功能词，从而促成了N_1(名$_1$)+Num+N_2（名$_2$）的语法形式的诞生。从名$_1$到名$_2$的语法化过程中，名词的语义几乎没有损失，但名$_2$的语法功能出现了更新。其结果导致了N_1+Num+N_2的形式中名$_1$和名$_2$在语音和形式上依旧同一，语法功能角色已发生迁移，这是语法化的深层意义。同形而不同功能的语词共现在同一结构中，新的结构迟早要将他们取代。这种不适宜的形式，以其特殊的形式特征，蕴含着变化的动机。正如 Hawkins 指出："不适宜性构成变化中的无所不在的动机。"（Hawkins 1990:101）

具有拷贝型量词的藏缅语中，反响型（拷贝）量词的分布也是有限度的，并非所有的名词都具有反响（拷贝）的可能。由名词到量词，是一个语法化（Grammaticalization）的过程，拷贝型量词的出现是这一语法化过程的第一步，也标志着名量词词类开始建立，而名$_2$演变为通用量词，则是这一语法化过程的完成，并标志着名量词词类的成熟（李宇明，2000）。藏缅语的共时平面中拷贝型结构与其它量词结构是并存的，有时在一个句子中同时出现数种量词结构形式。如：

to^{33} ndɯ^{33} phe^{55} nɯ^{33} ndzo^{31} ndɯ^{33} ndzo^{31} tso^{55}

木板 一 块 （助） 桥 一 桥 建

用一块板子建一座桥。

ndze^{31} ndɯ^{33} ndze^{31} lo^{31} ndzy^{31} ly^{33} ua^{55} ly^{33} khɯ^{55}

碟 一 碟 里 花 椒 五（颗）（后一音节） 放

一碟（菜）里放五颗花椒。

从上述的例子中我们可以注意到纳西语中几种量词性结构并存的事实。具体为：

①名词+数词+量词（N+Num+CL）型

②名词$_1$+数词+名词$_2$(N_1+Num+N_2) 型

故桥本万太郎曾指出，[①]从根本上支持我们的语言地理类型理论的事实是：结构上符合上面所描写的类别词发生和发展范例的语言现象，原封不动存在于南方（这也是理所当然的事）！其典型例子，在位于云南高原长江最上游形成N形的地带，以丽江为中心的纳西语中可以看得到。

纳西语与其他藏缅语一样，名词短语派生为下列模式：

NP→N(（DEM）（NVM）（CL）

这个 CL，实际上是名词中心词的同形反复，跟我们在甲骨文里见到的"羌百羌"一模一样：

khɯ^{31}（线）

khɯ^{31}（线）tʂhɿ^{33}（这）khɯ^{31}（线）"这根线"

khɯ^{31}（线）dɯ^{33}（一）khɯ^{31}（线）"一根线"

khɯ^{31}（线）tʂhɿ^{33}（这）ni^{33}（二）khɯ^{31}（线）"这两根线"

这简直就是太古或上古汉语类别词（量词）短语的构成法。由此可以看出，藏缅语族的限定词构成法，在亚洲大陆各语言类型的区域性推移和历史性演变这一展望中的重要地位。不仅这方面与甲骨文类别词（量词）结构一致，纳西语的词几乎全都是单音节的。一旦由复音节的借用词或词组充当类别词短语的中心词时，和甲骨文情况一样，其中的一个词干就象"回声"一样重复出现。如：

这棵柳树，

zər^{3}（柳）dzər^{31}（树） tʂhɿ^{33}（这）dzər^{31}（树）

但是也发展着一般的类别词（量词）：如果指动物，不管是人还是鱼或虫等包括一切

[①] 桥本万太郎先生在《语言地理类型学》一书第 101 页至第 103 页中所引用的纳西语例子中有几处明显的错误，引入本文时笔者按纳西语的实际作了更正或删减，特此说明。

动物，都-me^{33}作为类别词（量词）形式：

la^{33}(虎) tʂhʅ^{33} （这）me^{33}（CL）“这只虎”

ko^{33}（雁）tʂhʅ^{33}（这）me^{33}（CL）“这只雁”

mba^{33}（蜂）tʂhʅ^{33}（这）me^{33}（CL）“这只密蜂”

ɲi^{33}（鱼）tʂhʅ^{33}（这）me^{33}（CL）“这条鱼”

总而言之，纳西语是一种有趣的语言。我们从中看到了汉语历史类别词的“纵”的演变和在亚洲大陆从南到北“横”的推移的标本（桥本万太郎 1985：101-103）。

N_1+Num+N_2 的拷贝，拷贝有“全拷贝”和“半拷贝”两种方式，半拷贝又有“后半拷贝”和“前半拷贝”之分。全拷贝是将名 $_1$ 完全复制的方式，其结果是名 $_2$ 与名 $_2$ 完全同形，上面的例子采取的都是全拷贝方式。（李宇明，2000）。杨焕典（1983）指出，在纳西语中全拷贝和半拷贝两种方式并存，意思一样，因此认为半拷贝是全拷贝的省略。如：

全拷贝型：ku^{33} ly^{33} dɯ^{33} ku^{33} ly^{33} 一个头

头 一 头

也可作后半拷贝型：ku^{33} ly^{33} dɯ^{33} ly^{33} 一个（颗）头

头 一 个（颗）

全拷贝型：kho^{33} lo^{33} dɯ^{33} kho^{33} lo^{33} 一个洞

洞 一 洞

也可以作前半拷贝型：kho^{33} lo^{33} dɯ^{33} kho^{33} 一个洞

洞 一 洞

省略音节拷贝型：mbɑ^{55} mbɑ^{33} dɯ^{33} mbɑ^{31} 一朵花

花 一 花

phe^{55} phe^{33} dɯ^{33} phe^{55} 一片（补丁）

布片 一 片

to^{33} to^{33} dɯ^{33} phe^{55} 一块板子

板子 一 块

纳西语的量词结构中，除了上述的拷贝结构与量词结构并存，且在一个句子中两种结构并存的现象较普遍外。同一个中心名词可以出现在不同的结构中。表明纳西语量词充分语法化的趋势及指称和分类功能的日趋精细、准确。

如：

khɯ^{31}	dɯ^{31}	khɯ^{31}	一条线=	khɯ^{31}	dɯ^{33}	mbɑ^{31}	一条线
线	一	线		线	一	线	
dzər^{31}	dɯ^{33}	dzər^{31}	一棵树=	dzər^{31}	dɯ^{33}	dzər^{33}	一棵树
树	一	树		树	一	棵	
lɯ^{31}	dɯ^{33}	lɯ^{31}	一艘船=	lɯ^{31}	dɯ^{33}	lɯ^{31}	一艘船
船	一	船		船	一	艘	
ʂər^{33}	dɯ^{33}	ʂər^{3}	一件事=	ʂər	dɯ^{33}	dʐu^{33}	一件事
事	一	事		事	一	件	
tshɯ^{55}	dɯ^{33}	phu^{55}	一只羊=	tshɯ^{55}	dɯ^{33}	me^{33}	一只羊
山羊	一	只		山羊	一	只	

二、拷贝型动量词的语法化

一般说来，纳西语的名量词大抵来自名词。此外，纳西语的名量词中有一类是从动词语法化而来的，因此，将这一类型并入拷贝型动量词一起讨论。这类量词尚处于不足语法化阶段，故我们仍可以看出其动词的性质和特征，但此时它已丧失了句法上的自由性。如：

tʂɿ^{33} dɯ^{33} dzɿ^{55} 一锄土
土 一 挖

tʂɿ^{33} dɯ^{33} dɯ^{33} dzɿ^{55} dzɿ^{55} 挖一锄土
土 一 挖 挖

ʂɿ^{33} dɯ^{33} dɑ^{55} 一坨肉
肉 一 砍

ʂɿ^{33} dɯ^{33} dɑ^{55} dɑ^{55} 砍一坨肉
肉 一 砍 砍

tʂhuɑ^{33} dɯ^{33} dzə̠^{31} 一把米
米 一 抓

tʂhuɑ^{33} dɯ^{33} dzə̠^{31} dzə̠^{31} 抓一把米
米 一 抓 抓

sɔr^{33} dɯ^{33} to^{31} to^{33} 一捆柴
柴 一 抱

sɔr^{33} dɯ^{33} to^{31} to^{33} to^{31} to^{33} 抱一捆柴
柴 一 抱 抱

很显然充当名量词的动词的原义和量词的量化特征同时并存于动词不达意此时我们仍可推知它源于动词；但当动词语法化后，作为名量词出现在“名词+数词+量词+动词”的结构中时，动词的性质发生变化，它虽仍有动词的形式，但已经语法化成为名量词，它受到数词和中心名词的共同制约，不再具有动词的性质和功能，仅仅作为源于动词的残余形式出现于量词结构中，已经成为专用量词。因此，出现于“名词+数词+量词+动词”结构中修饰名词中心语，并充当动词宾语的源于动词的量词，不能简单地视为是动词的重复或重叠。句法环境的制约使此时的它只有量词的性质和特征，已经丧失了动词的性质和功能，动词的语义已部分虚化和抽象化，不再具有支配宾语的功能，也即失去了句法的自由性，句法中的位置已趋于固定，只能居于数词之后共同修饰中心名词。动词语法化的过程中，动词语义的虚化不是很突出，关键是动词的功能角色已经变化，这堪称动词不足语法化现象中的特殊现象，表明语义的虚化、弱化与动词性质和功能的语法化并非同步进行；语义虚化和语法功能转换在语法化进程中的不一致性当是促成语法化程度高低不一的制约因素和动因之一。

纳西语中源于动词的量词较少。故纳西语中动量词的语法化程度略逊于名量词的语法化。这当与动词和名词性质的差异相关。通过语法化，促成名词和动词在新的句法位置上语法功能的变异，变成一个半实半虚词，以表达计算、分类的功能为主要功能。如：

dɯ^{33} tshɿ^{33} tshɿ^{33} 踢一脚 dɯ^{33} tshuɑ^{55} tshɑ^{55} 咬一口
一 踢 踢 一 咬 咬

dɯ^{33} xɯ^{55} xɯ^{55} 抡一棒 dɯ^{33} tɕɔr^{55}tɕɔr^{55} 抠一下
一 抡 抡 一 抠 抠

dɯ^{33} ty^{33} ty^{33} 打一下 dɯ^{33} tɕhi^{55}tɕh^{55} 吸一口
一 打 打 一 吸 吸

dɯ^{33} dzə̠^{31} dzə̠^{31} 抓一把 dɯ^{33} ta^{31} ta^{31} 拉一把
一 抓 抓 一 拉 拉

此时动词、动量词。在“数词+动量词+动词”的结构中，彼此的功能和性质尚未出现质的区分。故动词和动量词不仅在形式上同一，在语义上也兼通，只是居于中间位置的“动量词”虽是动词的重复（拷贝），但已处在量词的位置上，他的语法化程度比反响（拷贝）型名量词要低。

纳西语动量词中因此有了拷贝型动量词和专职动量词并存的格局。如：

dɯ^{33} la^{55} la^{55} 打一下
一 打 打

dɯ^{33} zɿ^{31} la^{55} 打一下（次）
一 次（下）打

dɯ^{33} xu^{55} xu^{33} 摇一次
一 摇 摇

dɯ^{33} zɿ^{31} xu^{55} xu^{33} 摇一次
一 次 摇 摇

khɯ^{33} ɑi^{33} lv^{31} lv^{31} 抬两次脚
脚 两 抬 抬

khɯ^{33} ɑi^{33} zɿ^{31} lv^{31} 抬两次脚
脚 两 次 抬

可知动量词的来源与动词的语法化相关，但在具体发展中，随着动量词系统的日益丰富，专用个体量词的出现，出现了类似上述 zɿ^{31} 这样的使用频率高的量词，逐步发展为专用量词。专用和泛用是纳西量词发展中并存的两种趋势。两种类型并存于纳西语量词结构的共时格局中，一方面表明，量词的产生和发展是一个渐进的过程，从无到有，从专用到泛用，或泛用与专用并存是语言表达的需要使然。纳西语中专用个体量词的日益发达，使个体量词的分工日趋细密，量词的量化功能和分类功能得到加强。与此同时，在具体的语用环境中，由于语言表达的需要也促成了量词的泛用现象，也就是说有的量词，不只是某一类名词的专用量词，而是可以同时充当许多类名词的量词，因而出现某些量词的泛用现象，因此，有的语言学家把这类可以与许多名词通用的量词，由于其泛用程度较高，故而称为“通用量词”。通用量词和具体名词的个体量词之间的关系是互相补充的关系，而不是互相取代。纳西语量词发展的趋向当是个体量词的日趋发达和通用量词的泛用并存，而不是其中的一类一统天下。

三、结语

纳西语量词的语法化是一个渐进的演进过程。从具体意义的实词到量词的语义演变和语法功能更新、强化的过程，基本上遵循了 Heine 等（1991）提出的语法化理论框架，即从实词的语义迁移到语义虚化，最终实现完全的语法意义。从上述回响（拷贝）结构与量词结构并存到中心词的拷贝成分逐步为量词取代，出现真正意义的量词结构。可知纳西语量词结构源于“拷贝型量词结构”，单音节实词实现完全语法化后，最终成为具体量词，而源于双音节实词的量词，在“拷贝结构”中，有的取用后一音节作为量词，有取用前一音节为量词，逐步分离而成。而语法化则是促成他们语义迁移和语法功能变化的主要动因。量词产生和发展与纳西语的语言类型特征相关。语言类型学的研究表明，单复数标记和量词之间无以形成共存的格局。量词系统发达的语言，其单复数标记的功能和形式较少，反之，单复数标记丰富的语言，其量词就不突出。其至在具体发展中往往会出现互相取代的趋势。从语言类型学的角度考察的结果显示，一种语言不同时兼有复数标记和量词系统。石毓智和李讷对汉语量词系统和复数标的关系作出形式上的解释：一种语言如果不使用量词，就有可能存在复数标记，尽管不是必须的。如果一个语言的名词计数一定要用量词，其复数标记就不会出现在名词位置，只能出现在定词位置（石毓智、李讷 2001：328）。藏缅语内部的比较研究表明，原始藏缅语是没有专门量词系统的语言。从纳西语拷贝型量词结构中量词的语法化现象，也可以证明纳西语的原始阶段是没有量词的。戴庆厦先生认为：藏缅语量词发达的语言，个体

量词都得到比较充分的发展，不仅类别量词、泛指量词丰富，使用频率高，而且专用量词的数量也多，三者组成一个完整的体系。而量词不发达的语言，专用量词很少，没有得到充分的发展，要么不用量词，要么使用类别量词和泛指量词。……这两类不同的语言，个体量词发展的途径也有所不同，大约与语言特点本身以及产生个体量词的时间早晚等因素有关（戴庆厦，1998）。从包括纳西语在内的藏缅语个体量词由少到多，日趋缜密、抽象的发展进程看，藏缅语个体量词的产生、存在、发展的首要原因是为了突显中心名词的个体特征而出现的个体标记，强调中心名词的重要性，与此同时也达到对中心名词的量化和分类的功能。如果从信息结构角度看，起到增加中心名词的信息量，个化中心名词所指的作用。

纳西语量词系统虽具有开放性的特点，在近现代从汉语中借入了许多与度量衡有关的单位量词和时量词，但这异本能否认纳西语量词是固有的语法形式，从产生到发展都与纳西语实词词类中名词、形容词、动词在具体句法环境中的语法化相关。借入的量词成分是后起的。

[参考文献]

戴庆厦（1998）《藏缅语个体量词研究》，载《藏缅语族语言研究》（二），云南民族出版社。

[法]贝罗贝（1998）《上古、中古汉语量词的历史发展》，《语言学论丛》第二十一辑，商务印书馆。

李宇明（2000）《拷贝型量词及其在汉藏语系量词发展中的地位》，《中国语文》第1期。

李批然（1992）《哈尼语量词研究》，《民族语文》第5期。

李永燧（1988）《藏缅语名词的数量形式》，《民族语文》第3期。

李永燧（1990）《哈尼语名、量、动词的同源现象研究》，《民族语文》第3期。

梁　敏（1983）《壮侗语族量词的产生与发展》，《民族语文》第3期。

刘世儒（1965）《魏晋南北朝量词研究》，中华书局。

[日]桥本万太郎著，余志鸿译（1985）《语言地理类型学》，北京大学出版社。

孙宏开（1988）《藏缅语量词用法比较——兼论量词发展的阶段层次》，《中国语言学报》第三期，商务印书馆。

杨焕典（1983）《纳西语中的数量词》，《民族语文》第4期。

Allan keith (1977) .*Classifiers*. Language 53: 284-310.

Chao, Y.R.(1968) *A Grammar of spoken Chinese*. Berkeley & Los Angeles: university of California Press.

Hashimoto, M. (1977) The Genealogy the Role of Classifier in Sino-Tibetan. *Computational Aanlysis on African and Asian Languages* 7, 69-78.

Matisoff, J.A. (1973). *The Grammar of Lahu*. Berkeley: University of California Press.

Givón, T.(1979) *On Understanding Grammar*. New York: Academic Press, 1979.

Hawkins, A.J.(1990) Seeking motives for change. In W. Croft, K. Denning, ands. Kemmer (eds) *Studies in Typology and Diochrony*. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins. 95-128.

Traugott. Elizabeth closs. And Heine, B. (eds)(1991). *Approaches to Grammaticalization*. Typological Studies in Language 19 Amsterdam: Benjamins. 2vols.

Hopper, Paul. and Traugott, Elizabeth colss1993*Grammaticalization*.Cambridge University press

МОНОГРАФИИ
участников конференции, опубликованные в 2000 – 2004 гг.

Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. – М., «Муравей», 2003. – 270 с.

Объектом монографического исследования являются результативные конструкции (РК) в китайском языке.

Предметом рассмотрения является, в частности, феномен грамматикализации ряда вторых компонентов РК, а именно, выработки у них аспектуальных значений. Особое внимание в работе уделяется изучению языковых механизмов, обусловливающих трансформацию лексических значений в грамматические. Специальному рассмотрению подвергается взаимосвязь грамматикализации и синтаксического переразложения. Исследуется также явление лексикализации РК (превращение их в устойчивые воспроизводимые единицы) и связанное с этим процессом изменение их грамматических свойств.

Бобрышева И.Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку иностранцев (на примере Китая). – М.: Компания Спутник +, 2001. – 113 с.

В работе представлены результаты экспериментального исследования специфики национальных лингвометодических традиций Китая: определяется своеобразие учебной деятельности китайских учащихся; эксплицируется национальная технология обучения иностранным языкам и учебно-педагогическое взаимодействие. Кроме того, разрабатывается перечень методических рекомендаций по учету обозначенных традиций в практике преподавания русского языка данному этнотипу учащихся.

E-mail: mirosw@yandex.ru

Бобрышева И.Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому/иностранному языку. М.: Флинта, Наука, 2004. – 242 с.

В работе представлены результаты двенадцатилетнего экспериментального исследования специфики учебно-познавательной деятельности студентов Дальневосточного региона и Европы в овладении ими иностранными языками. Выявлены культурно-

типологические стили, разработан комплексный перечень методических рекомендаций по их учету в практике преподавания русского языка как иностранного, а также новый подход к анализу и коррекции методического аппарата, использующегося в методике обучения РКИ.

E-mail: mirosw@yandex.ru

Воропаев Н.Н. 82 научно-популярных текста-миниатюры на занятиях по китайскому языку. – Томск: Изд-во ТПУ, 2003. – 226 с.

Пособие содержит 82 аутентичных текста-миниатюры на современном китайском языке по научно-познавательной тематике. Критериями отбора текстов явились их небольшой объём (100 – 200 иероглифов), занимательность, простота изложения, высокая повторяемость языковых единиц и языковых явлений из текста в текст, высокая степень окказиональности лексики.

В пособии предложен материал для творческого использования в работе по развитию связной речи учащихся.

Предназначено для студентов 1–2 курсов вузов и учащихся средних школ с преподаванием китайского языка.

С аудиоприложением.

Заказать можно по адресу: 634028 г. Томск, ул. Аркадия Иванова, д. 8, к.704. Воропаев Н.Н., а также по e-mail: airen@mail2000.ru.

Готлиб О.М. Практическая грамматика современного китайского языка. 2-е изд., испр. и доп. –М., «Муравей», 2002. – 304 с.

Предлагаемое пособие освещает основные особенности грамматического строя современного китайского языка. Подробно рассматриваются части речи, члены предложения и виды предложений. В приложениях приводятся таблицы сочетаемости существительных и классификаторов, редупликации прилагательных, сочетаемости глаголов с приглагольными аффиксами. Каждый раздел учебного пособия сопровождается системой упражнений.

Грамматика рассчитана на широкий круг читателей, в том числе научных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также лиц, изучающих китайский язык самостоятельно.

Готлиб О.М. Коммерческое письмо. Русско-китайские соответствия. Учебное пособие по переводу. – М., «Муравей», 2003. – 176 с.

Пособие предназначено для формирования умений и навыков перевода различного вида коммерческих писем как разновидности делового письма. Пособие может использоваться для проведения заня-

тий со студентами-китаеведами по переводу и письменной практике. Пособие может служить справочным материалом для переводчиков и лиц, изучающих китайский язык самостоятельно.

Готлиб О.М. Лингвострановедение Китая (учебное пособие). -- М., «Муравей», 2004.

Зограф И.Т. Классическое конфуцианство. Том второй. Мэн-цзы, Сюнь-цзы. Переводы, статьи, комментарии И.Т.Зограф. – СПб., «Нева», – М., «Олма-пресс», 2000. – 12 а.л.

Во второй том сборника «Классическое конфуцианство» вошли основополагающие труды двух наиболее выдающихся учеников и последователей Конфуция – Мэн-цзы и Сюнь-цзы. В двух текстах, названных по именам их создателей соответственно «Мэн-цзы» и «Сюнь-цзы», учение «мудреца из Лу» творчески развивается, осмысливается и обретает свою конечную форму.

Зограф И.Т. О сознании. Из философского наследия Чжу Си (предисловие, вступительная статья, перевод с китайского, комментарий к переводу, грамматический очерк). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 20 а.л. Совм. с А.С.Мартыновым.

Философское наследие Чжу Си, представляющее собой большей частью беседы и переписку учителя со своими учениками и коллегами, сохранилось главным образом в виде составленных уже после его кончины тематических сводов, одним из которых является составленный по указанию императора Кан-си от 1713 г. свод из 66 томов (цзюаней). Вниманию читателя предлагается перевод 44–й цзюани, целиком посвященной сознанию в его чжусианском интеллектуально-психологическом понимании и роли сознания в процессе самосовершенствования личности. Издание включает также вступительную статью, комментарий к переводу и грамматический очерк.

Каплун М.И. Тоны и тоноритмика слова языка йоруба. – М., Изд-во «Гуманитарий», 2000. – 204 с.

Кондрашевский А.Ф., Румянцева М.В., Фролова М.Г. Практический учебный китайско-русский словарь. Под ред. А.Ф.Кондрашевского. – М., «Муравей», 2003. – 564 с.

Словарь содержит более 4500 гнездовых иероглифов и более 20000 словарных статей. Основу словаря составила общеупотребительная лексика современного китайского языка. Словник расширен за счет введения ряда новых слов и словосочетаний, отражающих реалии жизни современного Китая.

Для приводимых в словаре лексических единиц даны нормативная транскрипция, перевод, примеры лексической сочетаемости. Издание снабжено двумя поисковыми системами: алфавитной и графической.

Кочергин И.В. Очерки методики обучения китайскому языку. – М., «Муравей», 2000. – 152 с. (Научное издание, ISBN 5-89737-086-9).

В настоящее время готовится новое издание – дополненное. Планируемый выпуск – сентябрь 2004 г.

Кочергин И.В. Хрестоматия для чтения на китайском языке. – М., «Муравей», 2001. – 420 с. (Учебное пособие, ISBN 5-89737-068-0).

В настоящее время готовится новое издание – исправленное и дополненное. Планируемый выпуск – лето 2004 г.

Кочергин И.В., Хуан Лилян. Сборник тренировочных упражнений, контрольных заданий и тестов по базовому курсу китайского языка. – М., «Муравей», 2002. – 206 с. (Учебное пособие, ISBN 5-89737-139-3).

Издание представляет собой первый и пока единственный в практике обучения китайскому языку в России сборник дополнительных учебных материалов, предназначенных для формирования, закрепления и проверки качества навыков и умений по различным аспектам китайского языка и речи в объеме базового курса (2 года обучения).

В настоящее время готовится новое издание – исправленное и дополненное. Планируемый выпуск – май-июнь 2004 г.

Ма Тяньюй. Учебник практической фонетики китайского языка. – Томск: Изд-во ТПУ, 2003. – 100 с.

Данный учебник предназначен для студентов второго курса российских вузов, которые изучают китайский язык как основную специальность. Учебник состоит из двенадцати уроков и рассчитан на третий семестр обучения. Упражнения продуманы таким образом, что на их материале можно отработать и скорректировать практические навыки по всем аспектам фонетической системы китайского языка.

С аудиоприложением.

Заказать можно по адресу: 634028 г. Томск, ул. Аркадия Иванова, д. 8, к. 704, Ма Тяньюй, или по e-mail: aleir88@sohu.com, mogui@mail2000.ru

Мир китайского языка. Научно-методический сборник. **Под ред. Кочергина И.В.** №№ 1/2001, 2/2001, 1/2002, 1/2003, 1/2004. – М., «Муравей».

Можно приобрести у редактора.

Семенас А.Л. Лексика китайского языка. – М., «Муравей», 2000. – 320 с.

В учебнике рассматриваются особенности китайской лексики, методы ее исследования, описываются словообразовательные типы и характер словообразовательных процессов, фразеологизмы, синонимы, антонимы, полисемия, омонимы, иностранные заимствования, способы создания новых слов, а также основные тенденции развития современной китайской лексики. Издание содержит лексический материал, еще не вошедший в словари и учебные пособия, изданные в России и в Китае.

Учебник предназначен для студентов-китаистов старших курсов и преподавателей китайского языка как иностранного.

Хаматова А.А. Словообразование современного китайского языка. – М., «Муравей», 2003. – 224 с.

Рассматриваются морфемная и словообразовательная структура слов в китайском языке. Описываются способы словообразования, словообразовательные модели и типы, даются понятия словообразовательной теории китайского языка. Все рассматриваемые теоретические положения иллюстрируются обширным фактическим материалом.

Для студентов востоковедных факультетов и научных работников.

Цешинская Е.А. Народная картина старого Китая (няньхуа) в собрании Рыбинского музея-заповедника: Каталог. Авт.-сост. Е.А. Цешинская. – Рыбинск, РГИАХМЗ, 2000. – 68 с., 11 цв. илл.

Настоящий каталог составлен в процессе научной систематизации собрания дальневосточного изобразительного и прикладного искусства. Он является первым и пока единственным изданием, посвященным музейной коллекции китайских народных картин. В каталоге представлены няньхуа, созданные в печатнях Янлюцина (пров. Хэбэй)

в конце XIX – начале XX в.. Вступительная статья знакомит с основными этапами истории традиционного китайского лубка, его символикой и техникой исполнения. Каждый лубок, включенный в каталог, снабжен подробным комментарием. Большинство лубков публикуется впервые. В конце каталога помещены примечания, глоссарий и краткая библиография.

Цешинская Е.А. Фарфор и керамика Китая и Японии XVIII – первой трети XX века в собрании Рыбинского музея-заповедника: Каталог. Авт.-сост. Е.А. Цешинская. Рыбинск, РГИАХМЗ, 2000. – 96 с., 53 цв. илл.

Настоящий каталог также является первым и пока единственным изданием, посвященным коллекции дальневосточной керамики из собрания музея и также создан в процессе научной обработки собрания. Каталог состоит из двух самостоятельных частей: первая посвящена коллекции фарфора и керамики Китая XVIII – первой трети XX в., а вторая – коллекции керамики и фарфора Японии середины XIX – начала XX в. Каталогу предпослана краткая вступительная статья, знакомящая с историей собрания. Каждой части предшествуют краткие очерки по истории и технологии фарфоро-керамических производств Китая и Японии. После каждой из частей каталога помещены примечания. Завершают каталог глоссарий, хронологические таблицы и краткая библиография.

Оба эти издания выпущены силами музейного издательского центра. Их можно заказать в дирекции Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (РГИАХМЗ) по адресу: 152901 г. Рыбинск, Ярославской области, ул. Волжская Набережная, д. 2; телефон: (0855) 52-01-90.

Щукин А.А. Справочник по новокитайскому сленгу. – М., «Муравей», 2003. – 119 с.

Справочник содержит более 700 слов и выражений городского сленга современного Китая, отобранных с учетом распространенности и степени новизны лексики.

Предназначен для студентов, преподавателей и переводчиков китайского языка, всех интересующихся современным китайским языком.

Язык рук. Материалы Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Выпуск 4. Гл. ред. В.М.Солнцев, Хоанг Туэ. Отв. ред.

Н.В.Солнцева, Нгуен Ван Лой. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 606 с.

Выпуск посвящен описанию изолирующего языка рук, относящегося к вьетмыонгской группе австроазиатских языков. Исследование основано на полевых материалах Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции, работавшей во Вьетнаме в 1986 г. Книга содержит лингвистический очерк, представляющий собой целостное описание по всем уровням языка, а также полевые материалы (тематический словарь, диагностические грамматические анкеты). Описание позволяет уточнить лингвистическую карту данного региона и внести некоторые коррективы в теорию общего языкознания.

Ранее были опубликованы три выпуска «Материалов»: Язык лаха. – М., 1986; Язык мыонг. – М., 1987; Язык ксингмул. – М., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
Андреев В.Е. К вопросу о новых аффиксальных элементах в современном китайском языке 5
Андреева В.А. Система отсылочных помет Большого вьетнамско-русского словаря (БВРС) 11
Антонян К.В. Единицы текста и единицы словаря в современном китайском языке 18
Баженов Г.А. Символика тигра в паремиологическом фонде Тайваня 27
Баженов Г.А. К вопросу о понятийных полях в китайской фразеологии (китайский «ум»: врождённый или приобретённый?) 33
Белецкая А.А. Этнолингвистическая классификация народов Вьетнама 38
Бобрышева И.Е. Этноспецифика учебно-познавательной деятельности иностранных студентов: Дальний Восток и Европа 42
Боровский В.В. Принципы создания развернутой синтаксической модели при обучении китайскому языку 47
Ветров П.П. Классификация идиом современного китайского языка («путунхуа») на основании выделения семантических полей 51
Воропаев Н.Н. О некоторых проблемах передачи китайских имён собственных в русском тексте 61
Геращенко О.В. Способы создания комического эффекта в китайском языке, вызывающие трудности при переводе на русский язык 69
Го Синь-и «Рука» в русской фразеологии и китайские параллели 77
Головачева Л.И. Иероглиф и слово 83
Готлиб О.М. Китайские морфограммы 91
Долотин К.И. К проблеме поиска кода центрального управления речью (на материале русского, китайского, японского зыков). 98
Жолобова Е.С. Неологизмы в китайском языке нового периода и сложности их перевода 103

Журавлева Я.А. Чэнъюй и части речи в китайском языке 107
Завьялова О.И. Региональные формы китайского языка и лингвистическое законодательство 114
Завьялова Т.Г. О семантике слова «стратагема» в китайском языке 119
Загибалов Т.Е. Система автоматического реферирования текстов на китайском языке CLAAS 126
Зограф И.Т. Межуровневые связи и языковая интерференция . . 132
Имазов М.Х., Ли Инь. К вопросу о типологическом сдвиге изолирующих языков (на примере дунганского языка) 138
Каплун М.И. Взаимоотношение «тон-интонация» при реализации вопроса в языке йоруба 142
Касевич В.Б., Ким И.И. Фонетика и грамматика: типологические аспекты (на материале китайского и бирманского языков) 146

Кожа К. Инициальные аббревиатуры в современном китайском языке 151
Комарова И.Н. Побудительное наклонение в тибетском языке 159
Комиссаров С.А. О языке древних цянов 167
Королевич Н.В. К вопросу идентификации морфем транскрибируемых иностранных слов в современном китайском языке 171
Кочергин И.В. Некоторые проблемы теории и практики научно-технического перевода с китайского языка на русский 177
Кошкин А.П. Некоторые методические особенности начального обучения общению на китайском языке в педагогическом вузе 183
Кулинцев Ю.В. Китаеведческая лингвистика в военном институте в 80-е годы 189
Кунина Ю. К истории понятий «счётные слова» и «классификаторы» в российской китаистике 195
Курдюмов В.А. Четыре понимания топика: классическая и предикационная интерпретация 199
Лытова Г.А. Некоторые особенности употребления вводных слов китайского языка в художественных и публицистических текстах 204
Лю Цзюань. Сопоставление фразеологизмов с названиями животных в китайском и русском языках 210

Мазо О.М. Древнекитайский инфикс *-r-, тибетский префикс r- и качинский префикс lə- 213
Морев Л.Н. Глаголы «обладания» в тайских, китайском, кхмерском и вьетнамском языках 215
Назарова Ю.А. Использование пространственной лексики в значении темпоральной на примере китайского языка 222
Нгуен Ван Тхак Китаизмы в «Большом вьетнамско-русском словаре» 224
Немтинова А.В. Нестандартные формы иероглифической письменности: диалектные знаки 230
Николаева Т.Л. Временные характеристики корейских гласных и просодия слова 233
Погибенко Т.Г. Связка тождества *kuш* в кхмерском языке 242
Поздняков Н. К. Перспективы исследования цветообозначений в китайском языке 250
Покатилова Л.А. Язык и его функционирование с точки зрения национальной психологии (на примере китайского языка) 256
Поспелов Б.В. Слоговые тоны и формантная структура вьетнамских гласных 263
Пруцких Т.А. Структурно-фонетический анализ лексико-семантической группы (ЛСГ) обозначений округлого в китайском языке 268
Рахимбекова Л.Ш. О транспонирующей функции удвоения в путунхуа (на материале повторов-прилагательных) 274
Румянцева М.В. Особенности употребления «лэ» внутри трёхсложного глагола (перед двусложным модификатором) 277
Самарина И.В. Предварительные замечания о языке хре 283
Санжимитыпова С.А. Конструкции с обобщающими существительными в современном китайском языке (на материале публицистических текстов) 285
Семенас А.Л. О тенденциях словообразования в современном китайском языке 290
Семенова О.В. Некоторые проблемы выбора учебных материалов как средства моделирования межкультурного пространства (на материале китайского языка) 299
Соколовский А.Я. Способ транскрибирования «фань це» и «фан тхиет» как отражение языкового чутья китайцев и вьетнамцев (период древности и средневековья) 303

Соктоева О.Ц. Педагогические условия построения учебника в школах с преподаванием китайского языка (на примере учебно-методических пособий для 5-8 классов) 307
Солнцева Н.В. Транспозиционные средства во вьетнамском языке 311

Сорокин Ю.А. Русскоязычные аналогии стихов Ай Цина (из архива переводчика) 313
Софронов М.В. Количественные и качественные единицы современного китайского языка 317
Старостин С.А. Китайско-алтайские языковые контакты 331
Таран Н.Г. Анализ принципов взаимодействия социо-региональной лексики с лексикой китайского языка 334
Титова А.Ю. Китайская иероглифическая письменность как отражение жизни древних китайцев 340
Хабибулин В.А. Грамматическое и актуальное членение предложения (на материале китайского, английского и русского языков) 349
Хаматова А.А. Омонимия двусложных слов современного китайского языка 352
Хорошкина А.С. Китайские «пустые дополнения»: к проблеме переходности 357
Ху Шисюн Xizi и xici: механизм образования и функции речи (сопоставительное исследование) 361
Хохлов А.Н. Китаисты С. А. и В. С. Колоколовы: отец и сын (К проблеме преемственности традиций в отечественном востоковедении) 371
Цешинская Е.А. К вопросу об использовании знака «*ху*» для обозначения сосудов различной формы и назначения 382
Цзинь Тао. Асимметрия использования 来 и 去 в пространственном конструировании высказываний 391
Шапиро Р.Г. Тональные сандхи и эризация в сычуаньском диалекте китайского языка 396
Шевцова Н.И. Становление конструкции с общим членом в речи китайских детей 408
Шмарова Ж.В. Сложные слова китайского языка, образованные соединением антонимичных компонентов 412
Шутова Е.И. Выдвижение топика – структурно-синтаксическая доминанта китайского языка? Критический анализ 417

Щукин А.А. К вопросу о корреляции между «бэйцзинхуа» и «путунхуа» 425
Wu Yunji. The development of the suffix 子 [tsa] in the Hunan Waxiang dialects 434
易洪川 汉字字形特点再探 435
Ма Тяньюй (*Ma Tianyu*). 谈对外汉语教学语音教材的编写 438
远藤 光晓 从当代年龄差异中观察声调调值变化 442
范洁清 反向词潜性与显性的转化 445
曾祥喜 当代汉语词语变异的几个重要表征 451
张俊翔 汉俄语报纸语言研究浅析 453
伍铁平 表示 *orange*（橙、柑）类的词的词源和地理分布（对舒马赫文的答复和补充） 461
木仕华 论纳西语拷贝型量词的语法化 467
Монографии участников конференции, опубликованные в 2000 – 2004 гг. 474

«ХУАДИАНЬ-ИТОН РУССКО-КИТАЙСКИЙ МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД»

Система «Хуадиань-Итон русско-китайский машинный перевод» разработана совместно корпорацией «Хуадиань» при Академии наук КНР и Институтом русского языка Пекинского университета иностранных языков. Это первая в Китае система, обеспечивающая машинный перевод текста с русского языка на китайский.

Основные характеристики системы:

1) поддерживает такие браузеры, как Internet Explorer, Netscape; позволяет работать с файлами Word, PowerPoint, Excel, PDF и другими; обеспечивает перевод во время редактирования, предоставляет возможность открытия веб-страницы, перевода письма в электронной почте;
2) обеспечивает перевод языковых единиц разного уровня: слов, словосочетаний, предложений, абзацев и текста в целом; предоставляет возможность не только выборочного, но и текущего перевода; предлагает опцию как быстрого перевода, так и точного перевода в соответствии с выбором пользователя;
3) располагает русско-китайским словарем, включающим около 120 тысяч слов и более 10 тысяч словосочетаний; китайско-русским словарем, включающим 210 тысяч слов; словарем русских сокращений, включающим более 10 тысяч единиц;
4) предоставляет возможность занесения новых слов в пользовательский словарь;
5) сохраняет среду и стиль исходного файла, открытого в браузере и программе; позволяет отображать входной и выходной тексты в соответствующих окнах и располагать данные окна по горизонтали и по вертикали, а также одно поверх другого;
6) обеспечивает стандартное произношение как русского, так и китайского языка с помощью международной техники TTS.

Желающие получить дополнительную информацию, а также купить или заказать систему могут обратиться в Институт русского языка Пекинского университета иностранных языков по телефону 86-10-6891-6846 (6291) и по следующему электронному адресу: bweyx@mail.ru.

Издательская группа «МУРАВЕЙ»

Ведущий в РФ издатель учебной, словарной, страноведческой и справочной литературы для изучающих языки, историю, экономику и культуру стран Азии и Африки.

В наших издательских программах литература для изучающих китайский, японский, корейский, хинди, монгольский, персидский, турецкий, арабский и другие языки стран Азии, Африки и Европы.

Отличительной чертой нашего подхода в обеспечении литературой учебного процесса является стремление к созданию новых учебников, пособий, словарей и справочников, соответствующих современным реалиям и базирующихся на новейших научно-методических разработках.

В подготовке наших изданий принимают участие ведущие специалисты ИСАА при МГУ, МГИМО, МГЛУ, РГГУ, РУДН, Военного университета, Института востоковедения, Института Дальнего Востока, Института языкознания РАН и других научных и учебных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, ряда городов РФ.

По вопросам сотрудничества просим обращаться
по т/ф: (095) 101-36-29, 402-97-17
E-mail: info@muravei.ru
Адрес для корреспонденции 127106 г. Москва, а/я 12
Сайт издательства в Интернете www.muravei.ru

К сведению лиц, имеющих законченное высшее филологическое образование, и лиц, имеющих диплом кандидата филологических наук:

Институт языкознания Российской Академии наук

проводит прием

в аспирантуру (очную и заочную)
и докторантуру (очную)

по следующим специальностям в рамках научной отрасли «Филологические науки»:

10.02.02	**языки народов Российской Федерации**
10.02.04	**германские языки**
10.02.05	**романские языки**
10.02.19	**теория языка** (включает общее языкознание, социолингвистику, психолингвистику);
10.02.20	**сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание**
10.02.21	**прикладная и математическая лингвистика**
10.02.22	**языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки и аборигенов Америки и Австралии.**

Обучение в аспирантуре и докторантуре осуществляется за счет средств федерального бюджета и на договорной (платной) основе.

Зав. аспирантурой и докторантурой
к.ф.н. Ирина Сергеевна Рябова

Тел. 290-37-49, 290-35-85; факс (095) 290-05-28

Научное издание

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ
ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

XII Международная конференция
Материалы. Москва, 22–23 июня 2004 г.

Утверждено к печати
Ученым советом Института языкознания РАН

Компьютерная верстка: Е. А. Шеркова

Формат 70×100/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсет №1.
Усл. печ л. 30.5 Уч.-изд л. 20.5 Тираж 600 экз.

Подготовлено в издательстве
«Советский писатель»